РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 5 и 6.

МАЙ и ІЮНЬ 1899 г.

Журналъ «Русская Школа» за 1896 и 1897 гг. одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 28-го мая 1899 года. С.-Петербургъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О высочайшихъ отмѣткахъ на всеподданнѣйшей запискѣ губернатора о первомъ обозрѣніи Екатеринославской губерніи.

Управляющій дѣлами Комитета Министровъ увѣдомилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, что во внесенной, по Высочайшему повелѣнію, въ сей комитетъ всеподданнѣйшей запискѣ о первомъ обозрѣніи Екатеринославской губерніи послѣдовали слѣдующія Высочайшія Его Императорскаго Величества отмѣтки: 1) свидѣтельство губернатора, что успѣхи преподаванія русскаго языка среди нѣмецкаго населенія губерніи производятъ отрадное впечатлѣніе, Его Величеству благоугодно было собственноручно отчеркнуть, и 2) по объясненію, что отсутствіе въ предѣлахъ губерніи Учительской семинаріи лишаетъ возможности имѣть достаточное количество лицъ изъ мѣстныхъ жителей, пригодныхъ для занятія учительскихъ должностей: «*совершенно вѣрно*».

Комитетъ Министровъ, въ засѣданіи 8-го декабря 1898 г., выслушавъ означенный отчетъ, между прочимъ, положилъ: 1) о Высочайшей Его Императорскаго Величества отмѣткѣ, объ отсутствіи въ предѣлахъ Екатеринославской губ. учительской семинаріи, поставить Министерство Народнаго Просвѣщенія въ извѣстность и 2) объ объясненіи, обратившемъ на себя Высочайшее Его Императорскаго Величества вниманіе объ успѣхахъ преподаванія русскаго языка среди нѣмецкаго населенія губерніи, увѣдомить сіе Министерство (Циркуляръ по Одесскому учебному округу 1899 г., № 2).

По вопросу о порядкѣ назначенія въ должности учительницъ приходскихъ училищъ (17-го марта 1899 г., № 6.658).

Высочайше утвержденнымъ 23-го декабря 1896 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта учительницамъ приходскихъ училищъ, учрежденныхъ на основаніи устава 8-го декабря 1828 г., предоставлены права на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій, равныя съ учителями тѣхъ-же училищъ.

Въ виду послѣдовавшаго такимъ образомъ распространенія пенсіонныхъ правъ приходскихъ учителей на учительницъ приходскихъ училищъ, нѣкоторыми окружными начальствами возбужденъ вопросъ, не долженъ-ли быть, вслѣдствіе вышеизложеннаго, распространенъ на сихъ учительницъ и порядокъ опредѣленія въ службу, по коему лица, происходящія изъ податныхъ сословій, утверждаются въ должностяхъ и службѣ по учебной части попечителями учебныхъ округовъ, по предварительномъ исключеніи ихъ изъ податного состоянія.

Обсудивъ означенный вопросъ, Министерство находитъ, что не имѣется законныхъ основаній къ распространенію на учительницъ приходскихъ училищъ порядка опредѣленія въ службу, установленнаго для учителей сихъ училищъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Высочайше утвержденное 23-го декабря 1896 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта признало за учительницами приходскихъ училищъ не права государственной службы вообще, а лишь права на пенсію изъ особаго капитала приходскихъ учителей, а посему измѣнило ихъ юридическое положеніе единственно въ этомъ отношеніи. Установленное-же для приходскихъ учителей, происходящихъ изъ податныхъ сословій, изъятіе изъ общаго порядка назначенія учителей этихъ училищъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ ихъ чинопроизводственнымъ правамъ, воспользоваться которыми не можетъ лицо, числящееся въ податномъ сословіи.

По симъ основаніямъ, назначеніе въ должности учительницъ приходскихъ училищъ и нынѣ должно производиться въ томъ-же порядкѣ, какъ оно происходило до сихъ поръ (Цирк. по Кіевскому учебн. окр. 1899 г., № 4).

По вопросу о назначеніи молодымъ людямъ профессорскихъ стипендій и о командированіи ихъ за границу (15-го марта 1899 г., № 6.371).

Отъ 21-го мая 1884 г., за № 7.187, Министерствомъ предложено было начальствамъ учебныхъ округовъ представлять ходатайства о назначеніи молодымъ людямъ профессорскихъ стипендій или о командированіи ихъ за границу къ 15-му октября каждаго года. Между тѣмъ опытъ послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ входятъ съ таковыми ходатайствами въ Министерство значительно позднѣе указаннаго срока, не представляя при этомъ необходимыхъ данныхъ о рекомендуемыхъ лицахъ, чѣмъ лишаютъ Министерство возможности не только составлять правильное сужденіе о сравнительныхъ достоинствахъ этихъ лицъ, но и производить надлежащій выборъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ соотвѣтствующія ходатайства поступаютъ въ Министерство по распредѣленіи кредита, ассигнуемаго на приготовленіе профессоровъ.

Въ виду изложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство принять зависящія отъ васъ мѣры къ точному соблюденію вышепроизведеннаго циркулярнаго предложенія, за № 7.187, относительно срока представленій со всѣми данными, требуемыми этимъ циркуляромъ, и съ указаніемъ происхожденія и вѣроисповѣданія предложенныхъ въ стипендіаты Министерства кандидатовъ (ib.).

Разъясненіе вопроса: слѣдуетъ-ли при производствѣ сокращеннаго испытанія на званіе учителя начальнаго училища требовать отъ экзаменующихся знанія методики русскаго языка, чистописанія и ариѳметики (12-го января 1899 г., № 709).

Одно учебно-окружное начальство просило Департаментъ Народнаго Просвѣщенія о разъясненіи вопроса: слѣдуетъ-ли при производствѣ сокращеннаго испытанія на званіе учителя начальнаго училища—по правиламъ 20-го марта 1896 года—требовать отъ экзаменующихся знанія методики русскаго языка, чистописанія и ариѳметики. При разсмотрѣніи сего дѣла Департаментъ принялъ во вниманіе нижеслѣдующее:

Согласно ст. 3 означенныхъ правилъ, спеціальныя испытанія на званія учителя и учительницы начальнаго училища бываютъ полныя и сокращенныя, а по ст. 6 тѣхъ правилъ основаніемъ для производства сихъ испытаній вообще, слѣдовательно и полныхъ и сокращенныхъ, служатъ особыя программы, составленныя на основаніи программъ, утвержденныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20-го марта 1896 г. Пунктомъ-же 5-мъ послѣднихъ по русскому языку отъ экзаменующихся требуется знакомство съ первоначальными пріемами обученія грамотѣ и съ одной изъ наиболѣе употребительныхъ и одобренныхъ азбукъ; по чистописанію, между прочимъ, знакомство съ пріемами обученія письму по одному изъ руководствъ, одобренныхъ для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ (напр., Гербачу), а также по ариѳметикѣ (п. 3 программы) знакомство съ пріемами обученія ариѳметикѣ въ начальныхъ училищахъ по одному изъ существующихъ методическихъ руководствъ.

Посему указанныя знанія должны быть требуемы отъ экзаменующихся по приведеннымъ правиламъ какъ при полномъ, такъ и сокращенномъ испытаніи (ib.).

Объявленіе отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Для разсмотрѣнія возникшаго въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія вопроса объ употребляемыхъ нынѣ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ учебникахъ физики, при названномъ Комитетѣ была образована, съ разрѣшенія бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія графа И. Д. Делянова, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора физики въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, изъ товарища предсѣдателя—ординарнаго профессора физики въ томъ-же университетѣ И. И. Боргмана, и членовъ: ординарнаго профессора того-же предмета въ названномъ университетѣ и члена Ученаго Комитета О. Д. Хвольсона, профессора физики въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая I Н. А. Гезехуса и преподавателей физики: въ V С.-Петербургской гимназіи—П. М. Новикова и въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго общества—Н. А. Трифонова.

Означенная коммиссія, разсмотрѣвъ учебники физики, употребляемые нынѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Про-

свѣщенія, нашла, что содержащійся въ этихъ учебникахъ матеріалъ, вслѣдствіе чрезмѣрно большого объема своего, выходящаго за предѣлы учебныхъ программъ названныхъ учебныхъ заведеній, и вслѣдствіе недовольно сжатаго и яснаго изложенія, не можетъ быть достаточно твердо усвоенъ учениками въ назначенное на прохожденіе физики въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ число уроковъ. Въ виду сего, коммиссія пришла къ заключенію, что учебники физики, употребляемые нынѣ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, подлежатъ, прежде всего, значительному сокращенію. Такъ, напримѣръ, въ нихъ, по мнѣнію коммиссіи, могутъ быть упущены нижеслѣдующіе вопросы, встрѣчающіеся въ двухъ учебникахъ физики, принадлежащихъ къ наиболѣе распространеннымъ.

Ноніусъ. Катетометръ. Сферометръ. Растяженіе, сгибаніе, всестороннее сжатіе, сдвигъ и крученіе. Законы тренія и жесткость веревокъ. Центръ тяжести треугольника и пирамиды. Десятичные вѣсы. Вѣсы Робервала. Піезометръ. Виды равновѣсія плавающихъ тѣлъ (метацентръ). Опредѣленіе удѣльнаго вѣса дерева. Поверхностное натяженіе въ жидкостяхъ. Движеніе жидкостей. Барометръ Краевича. Подробности объ устройствѣ гидравлическаго пресса и воздушныхъ насосовъ. Формула барометрическаго опредѣленія высотъ горъ. Мѣхи. Пожарная труба. Отступленіе отъ закона Маріотта. Опредѣленіе плотности газовъ. Героновъ шаръ и фонтанъ. Маріоттовъ сосудъ. Пульверизаторъ. Раствореніе и движеніе газовъ. Кинетическая теорія газовъ. Подробности о приготовленіи термометровъ. Формула уравнительнаго маятника и компенсація въ карманныхъ часахъ. Приборы Руа и Рамсдена. Поправка барометра на температуру. Абсолютная температура. Сравнимость термометровъ. Приборъ Реньо и приборъ Рудберга для опредѣленія коэффиціента расширенія газовъ. Формула, выражающая законы Маріотта и Гей-Люссака. Приборъ Депре. Опытъ Берже для опредѣленія теплопроводности ртути и приборъ Кундта для сравненія теплопроводности жидкостей. Приборъ и формула для опредѣленія удѣльной теплоты газовъ. Гигрометръ Соссюра. Законъ Дюлонга и Пти. Удѣльный вѣсъ паровъ. Критическая температура. Приборы, служащіе для оживленія газовъ. Опредѣленіе скорости звука въ чугунѣ. Хладніевы фигуры. Сирена Коньяръ де-Латура. Комбинаціонные тона. Теорія Гельмгольца о роли Кортіева органа. Физіологическое объясненіе консонанса и диссонанса. Фотометръ Бунзена. Формула увеличенія въ сферическихъ зеркалахъ. Опредѣленіе показателя преломленія посредствомъ наименьшаго отклоненія. Опредѣленіе формулы положенія оптическаго центра. Ахроматизмъ. Химическіе лучи. Флуоресценція. Камера-обскура для срисовыванія видовъ. Солнечный микроскопъ. Законы дѣйствія магнитныхъ силъ (единица магнетизма). Способы намагничиванія. Законъ Кулона и крутильные вѣсы. Выводъ свойствъ магнита изъ его частичнаго строенія. Распредѣленіе магнетизма. Напряженіе земного магнетизма. Магнитныя карты. Законъ Кулона для электричества и единица количества электричества. Подробности объ электрическомъ потенціалѣ. Электрофорная машина. Электричество прикосновенія и законы Вольты. Электроскопъ Фехнера. Элементы Грене, Лекланше, Бунзена и Грове. Мультипликаторъ и астатическая стрѣлка. Коммутаторъ. Реохордъ Поггендорфа. Мостикъ Уитстона. Наивыгоднѣйшее смѣшанное соединеніе гальваническихъ элементовъ. Явленіе Пельтье. Соединеніе двухъ телеграфныхъ станцій и одновременное телеграфированіе въ двухъ направленіяхъ. Выводъ формулы центробѣжной силы. Гармони-

ческое движеніе. Уравненіе количествъ движенія. Подробное описаніе примѣненія маятниковъ въ часахъ и уравнительный маятникъ. Оборотный маятникъ. Выводъ формулъ, относящихся къ удару упругихъ шаровъ. Условіе чувствительности вѣсовъ. Полиспастъ. Зубчатыя колеса. Повѣрка законовъ паденія на наклонной плоскости. Безконечный ремень. Клинъ. Формула винта.

Кромѣ того, коммиссія нашла, что въ этихъ-же двухъ учебникахъ физики многіе вопросы изложены слишкомъ подробно. Сюда относятся: Волосность. Влажность. Паровая машина. Колебаніе струнъ. Духовые инструменты. Музыкальные, тона и гаммы. Электролизъ. Электродвигатели. Явленія электродинамическія. Индукція токовъ. Отраженіе, преломленіе и разложеніе свѣта. Лучистая теплота. Оптическіе приборы. Теорія свѣта.

Приведеннымъ въ этомъ спискѣ указаніямъ отнюдь не слѣдуетъ приписывать обязательнаго характера; они, по мнѣнію коммиссіи, должны служить лишь въ видѣ примѣра, разъясняя, что ею вообще считается болѣе или менѣе излишнимъ въ нынѣ существующихъ учебникахъ физики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія считала необходимымъ установить нижеслѣдующія требованія, которымъ, по ея мнѣнію, долженъ удовлетворять нормальный учебникъ физики:

1) Онъ долженъ заключать въ себѣ, приблизительно, не болѣе 26 печатныхъ листовъ, включая въ это число рисунки и задачи.

2) Содержаніе и изложеніе учебника должны соотвѣтствовать научнымъ требованіямъ: въ учебникѣ должны содержаться, насколько позволяетъ его элементарность, главнѣйшіе установившіеся выводы науки.

3) Учебникъ долженъ быть написанъ легкимъ, яснымъ и правильнымъ языкомъ, безъ излишнихъ иностранныхъ словъ.

4) Всѣ опредѣленія должны быть изложены кратко по содержанію и возможно сжато по формѣ. Вообще лишнія повторенія и многословіе въ учебникѣ нежелательны.

5) Изложеніе физическихъ законовъ, управляющихъ явленіями природы, должно быть опредѣленно и строго, подобно формулировкѣ теоремъ геометріи.

6) Желательно, чтобы къ каждому отдѣлу учебника были приложены соотвѣтствующія задачи, при чемъ, для выясненія способовъ рѣшенія, къ нѣкоторымъ основнымъ задачамъ должны быть присоединены рѣшенія съ объясненіемъ, а къ остальнымъ только отвѣты.

7) Относительно чертежей желательно, чтобы, кромѣ схематическихъ чертежей сложныхъ приборовъ, были помѣщены, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ приборовъ, и рисунки несхематическіе, болѣе близкіе къ дѣйствительности.

8) При описаніи приборовъ необходимо обращать вниманіе только на главныя части ихъ и устранять подробности, затрудняющія образованіе правильнаго представленія о приборѣ.

9) Желательно, чтобы въ учебникѣ не помѣщались нестрогія доказательства формулъ. Если нельзя дать возможно строгаго доказательства, лучше приводить формулу совсѣмъ безъ доказательствъ.

10) Желательно, чтобы опредѣленія разныхъ физическихъ понятій и формулировки законовъ были напечатаны особымъ шрифтомъ, но ни этотъ шрифтъ, ни шрифтъ, которымъ будутъ напечатаны прочія части текста, не должны быть мелки.

Ученый Комитетъ, соглашаясь съ заключеніями коммиссіи и признавая цѣлесообразнымъ руководствоваться этими требованіями при опредѣленіи пригодности учебниковъ физики, которые имѣютъ быть представляемы на его разсмотрѣніе и одобреніе, объявляетъ о вышеизложенномъ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, для свѣдѣнія и руководства составителей упомянутыхъ учебниковъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., апрѣль).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книги: «*Г. Я. Юревичъ*. Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Ч. I. Юрьевъ. 1894. Стр. IV+279. Цѣна 80 коп.—Часть II. Стр. 279. Цѣна 80 коп.»—допустить какъ руководство при прохожденіи алгебры (Повторяется въ виду неправильно напечатаннаго имени автора въ февральской книжкѣ).

— Книгу: «*Л. Манженъ*. Элементарная ботаника. Переводъ съ 3-го французскаго изданія *Н. И. Мамонтова*, подъ редакціей *А. Н. Петунникова*, съ 2-мя хромолитографическими таблицами, 444 политипажами и 2-мя картами распредѣленія растеній. М. 1899. Стр. XIV+392+VIII. Цѣна 2 р. 50 коп.» — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возраста) библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Нар. Просв. (Повторяется въ виду неправильно напечатаннаго въ мартовской книжкѣ опредѣленія Ученаго Комитета).

— Книжку: «Глаголы въ нѣмецкомъ языкѣ; ихъ образованіе, классификація и особенности спряженія. Составилъ *А. Говоровъ*, проф. Казанской духовной академіи. Казань. 1899. Стр. II+67. Цѣна 40 к.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книжку: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Говардъ. Его жизнь и общественно-филантропическая дѣятельность. Біографическій очеркъ *Г. Б. Сліозберга*. Съ портретомъ Говарда, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. Спб. 1891. Стр. 71. Цѣна 25 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ и допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ уч. заведеній.

— Книгу: «Теорія поэзіи. *П. Житецкаго*. Кіевъ. 1898. Стр. II+292. Цѣна 1 р.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Очерки изъ исторіи поэзіи (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). *П. Житецкаго*. Кіевъ. 1898. Стр. 5+273. Цѣна 1 руб.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книжку: «Памятная книжка православнаго христіанина о Святой Библіи (объ ея богодухновенности, о происхожденіи, содержаніи входящихъ

---

*) Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., апрѣль.

въ составъ ея книгъ и достодолжномъ къ ней отношеніи) законоучителя И. лицея въ память Цес. Николая свящ. *Іоанна Соловьева*. Второе доп. и испр. изданіе. М. 1898. Стр. 63. Цѣна 30 коп.» — одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв., мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Національная героиня Франціи (Жанна д'Аркъ). Біографическій очеркъ *Ив. Ив. Иванова*. Съ двѣнадцатью рисунками. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1898. Стр. 108. Цѣна 30 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ и допустить въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ учительскія библіотеки начал. нар. школъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «*А. Манцони*. Обрученные (Promessi sposi). Романъ. Переводъ съ итальянскаго *Е. Некрасовой*. Спб. 1899. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 546. Цѣна 1 р. 25 коп.» — одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія и допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ того-же Министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: «Энциклопедическій словарь, издаваемый акціонернымъ обществомъ «Издательское Дѣло», бывш. «Брокгаузъ и Ефронъ», начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевскаго* и заслуженнаго проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго* (вышло 50 полутомовъ; цѣна каждаго полутома 3 руб. въ переплетѣ и 2 руб. 70 коп. безъ переплета)» — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книжку: «Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся, съ 10-ю таблицами рисунковъ и 44-мя отдѣльными политипажами въ текстѣ. Составилъ д-ръ *К. Бокъ*, бывшій профессоръ патологической анатоміи въ Лейпцигѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей *І. Паульсона*. Одиннадцатое изданіе, исправленное. Спб. 1898. Стр. VII+216. Цѣна 40 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки средне-учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки народныхъ школъ и въ безплатныя читальни.

— Книжку: «Книга для экскурсій. Руководство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ, растеній и вообще къ постановкѣ коллекцій трехъ царствъ природы. Составилъ *Николай Сорокинъ* по Карлу Глазелю. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе пятое, дополненное. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. М. 1899. Стр. VI+144. Цѣна 40 коп.»— одобрить для учительскихъ библіотекъ тѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ преподается естествознаніе.

— Изданные «*Иваномъ Поддубнымъ* два портрета А. С. Пушкина (цѣна каждаго портрета 30 коп., для учебныхъ заведеній—согласно заявленію издателя—15 коп.)»—допустить въ ученическія библіотеки гимназій, реальныхъ училищъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*В. Шимкевичъ*, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Популярные біологическіе очерки. Съ 56-ю рисунками въ текстѣ,

4-мя портретами. Спб. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». 1898. Стр. IV+204. Цѣна 1 р. 25 к.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Опредѣленія Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Брошюрки, подъ общимъ заглавіемъ: «Народы Россіи», подъ редакціей *Н. Харузина*, изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ: 1) «№ 757 (а на заглавномъ листѣ 749). Якуты. *К. Сергѣева*. М. 1898. Стр. 40. Цѣна 3 коп.»;—2) «№ 755. Вотяки. *В. Х.* М. 1898. Стр. 48. Цѣна 5 коп.»; — 3) «№ 759 (а на заглавномъ листѣ 758). Разсказы о кавказскомъ племени осетинахъ. *Н. Жданова*. М. 1898. Стр. 64. Цѣна 6 коп.»;—4) «№ 756 (а на заглавномъ листѣ 749). Остяки. *Д. Турскаго*. М. 1898. Стр. 56. Цѣна 6 коп.»—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ихъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія Ученаго Комитета.

— Книжки, составленныя *А. П. Валуевой (Мунтъ)*, подъ общимъ заглавіемъ: «Разсказы о великихъ и хорошихъ людяхъ», изданія К. И. Тихомирова: 1) «Не отъ міра сего (Изъ жизни Елисаветы Кульманъ). (1808—1825). Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 56. Цѣна 10 к.»;—2) «Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ (аббатъ Л'Эпе, Самуилъ Гейнике и Валентинъ Гей). М. 1898. Стр. 46. Цѣна 10 коп.»; — 3) «Христофоръ Колумбъ. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 109. Цѣна 25 коп.»; — 4) «Авраамъ Линкольнъ. Изданіе 4-е. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 20 коп.»—допустить первую въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни, третью — въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведевій, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую-же и четвертую—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжки, изданныя М. В. Клюкинымъ: 1) «*В. М. Сысоевъ*. Мотыльки. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1898. Стр. 106. Цѣна 45 коп.»;—2) «*Н. И. Позняковъ*. Блесточки. Воспоминанія и разсказы для дѣтей. Съ рисунками Литвиненка и другихъ. М. 1899. Стр. 70. Цѣна 40 коп.»—допустить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, для таковыхъ-же младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданія, составленныя *А. Карасевымъ*: 1) «Методика пѣнія. Часть 1-я. Руководство къ постановкѣ и преподаванію хорового пѣнія въ народныхъ, церковно-приходскихъ школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе 3-е, значительно переработанное и дополненное. Пенза. 1897. Стр. IV+143. Цѣна 1 руб.»;—2) «Тоже. Часть 2-я. Руководство для теоретическаго изученія хорового пѣнія съ учащимися средняго и старшаго возраста—для организаціи пѣвческихъ хоровъ, въ связи съ изуче-

ніемъ началъ гармоніи и регентскаго дѣла. Приспособлено и къ самообученію. 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное, изданіе. Пенза. 1897. Стр. 211. Цѣна 1 руб. 40 к., и Добавленіе. Стр. 212—258. Цѣна 20 к.»;—3) «Уроки пѣнія. Часть 1-я. Пособіе для обученія пѣнію въ народныхъ, церковно-приходскихъ школахъ и первыхъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Изданіе 11-е, дополненное. М. Стр. 33. Цѣна 20 к.»— «Тоже. Изданіе 12-е, дополненное. М. Стр. 44. Цѣна 30 коп.»;—4) «Тоже. Часть 2-я. Пособіе для учащихся старшаго возраста и для церковныхъ пѣвческихъ хоровъ. Вновь переработанное и значительно дополненное изданіе. М. Стр. 57. Цѣна 60 коп.»;—5) «Музыкальная хрестоматія. Добавленіе къ «Методикѣ» и «Урокамъ пѣнія». Часть 1-я. Приготовительный курсъ. Сборникъ упражненій и свѣтскихъ напѣвовъ. Изданіе 2-е, дополненное. М. Стр. 55. Цѣна 40 коп.»;—6) «Тоже. Часть 2-я. Сборникъ музыкальныхъ произведеній для мужскихъ, женскихъ и смѣшанныхъ хоровъ. 2-е изданіе. Стр. 87. Цѣна 60 коп.»; — 7) «Подвижныя ноты (5 листовъ). Изданіе 8-е»; — 8) «Объясненіе къ подвижнымъ нотамъ и начальныя занятія по пѣнію въ школѣ для учащихъ. Изданіе 3-е, исправленное. Пенза. 1897. Стр. 12. Цѣна 10 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, съ условіемъ исправленія въ части 1-й «Уроки пѣнія» и въ части 1-й «Музыкальная хрестоматія», при слѣдующемъ ихъ изданіи, указанныхъ недосмотровъ.

— Книгу: «*И. Потапенко*. Счастье поневолѣ. Изданія Д. Ефимова и М. Клюкина. М. Стр. 420. Цѣна 2 руб.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію.

Опредѣленіями Отдѣленія Ученаго Комитета по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру: *Д. Озеркова*, подъ заглавіемъ: «Общедоступная пиротехнія (Руководство для изготовленія и спуска фейерверковъ), съ 36-ю рисунками. Спб. 1897. 160 стр. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Природа и Люди», книга 7-я, за май 1897 г.»—допустить въ библіотеки промышленныхъ училищъ.

— Книгу: *М. А. Нетыкса*: «Краткое руководство слесарнаго дѣла. Москва. 1897. Изданіе К. И. Тихомирова, 220 стр., съ 255-ю политипажами въ текстѣ. Цѣна 60 коп.» — одобрить для ученическихъ библіотекъ ремесленныхъ училищъ всѣхъ типовъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: *Е. И. Орлова*, подъ заглавіемъ: «Катихизисъ химическихъ производствъ. Справочная книга для сѣрниковъ, заводскихъ химиковъ и студентовъ-практикантовъ. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1898. 122 стр. Цѣна 30 коп.»—одобрить, какъ учебное пособіе, для воспитанниковъ среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищъ по химико-технической спеціальности.

— Книгу: *Рябкова*, подъ заглавіемъ: «Курсъ геометрическаго черченія. Для реальныхъ, техническихъ, ремесленныхъ и другихъ училищъ, съ атласомъ къ нему, изъ 35 таблицъ. Одесса. 1898. 102 стр. Ц. 1 р. 50 к.»—допустить въ библіотеки ремесленныхъ и низшихъ техническихъ училищъ, какъ пособіе для преподавателей.

— «Журналъ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, съ приложеніемъ къ нему «Общедоступной технической энциклопедіи за 1897 и 1898 гг.», издаваемый инженеръ-технологомъ *Н. А. Песоцкимъ*. Общедоступный еженедѣльный журналъ съ безплатнымъ приложеніемъ 12-ти выпусковъ «Общедоступной технической энциклопедіи». Спб. 1897. Подписная цѣна на годъ 7 руб. съ доставкою» — одобрить этотъ журналъ за означенные выше года для библіотекъ среднихъ и низшихъ промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу: *А. А. Иконниковой*, подъ заглавіемъ: «Подробное руководство къ практическому изученію производства искусственныхъ цвѣтовъ и листьевъ изъ матеріи. Съ 475-ю рисунками. Спб. 1898. 208 стр. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— «Программы обученія рукодѣлію въ сельскихъ начальныхъ, городскихъ одноклассныхъ училищахъ съ трехгодовымъ курсомъ, въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, выработанныя особой коммиссіей, разсмотрѣнныя и утвержденныя 4-го января 1896 г. VI секціей II съѣзда по техническому и профессіональному образованію, и объяснительная записка къ программамъ, составленная предсѣдательницей IV секціи по женскому профессіональному образованію *М. К. Каблуковой*. Москва. 1897. 47 стр. Цѣна 15 коп.»—рекомендовать для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Очерки современнаго состоянія начальнаго народнаго образован в внѣ-европейскихъ странахъ.

(Окончаніе).

II. Азія.

Японія, Китай и другія самостоятельныя государства.—Французскія, британскія и нидерландскія колоніи.

Среди всѣхъ государствъ самой большой части свѣта относительно народнаго образованія первое и выдающееся сравнительно съ остальными мѣсто занимаетъ Японская имперія.

Исторію народнаго образованія въ Японіи можно раздѣлить на двѣ эпохи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга по своему направленію. Первая обнимаетъ огромный періодъ до 1854 г. и характеризуется полной обособленностью Японіи отъ Европы и ея вліянія. Начало распространенія первыхъ элементовъ образованія относится къ IV-му вѣку нашей эры, когда у японцевъ появляется письменность; письмена были взяты однимъ ученымъ изъ Китая, хотя знакамъ были приданы другія значенія, а впослѣдствіи прибавились еще и новые знаки.

Періодъ отъ 600-го до 1200-го г. былъ блестящимъ періодомъ распространенія образованія среди японскаго народа; затѣмъ, подъ вліяніемъ продолжительныхъ войнъ, наступилъ полный застой въ жизни школы, который окончился лишь со вступленіемъ на престолъ династіи Шіогуновъ (Shiogouns). Въ это время вновь возникли заботы о просвѣщеніи народа, появилось много начальныхъ школъ, государственныхъ и частныхъ, и въ результатѣ къ половинѣ XIX-го столѣтія 70% всего народонаселенія умѣли, по крайней мѣрѣ, читать. Но общій уровень образованія былъ крайне невысокъ, такъ какъ преподаваніе въ школахъ ограничивалось лишь чтеніемъ, письмомъ и элементарнымъ счетомъ; о наукахъ, преподаваемыхъ въ европейскихъ школахъ, японцы не имѣли никакого понятія.

Такъ продолжалось до половины XIX-го столѣтія, когда Японія

выступила на путь европейской цивилизаци, вступивъ въ сношенія съ культурными странами Европы и другихъ частей свѣта. Съ этого времени и въ сферѣ народнаго образованія началась новая эпоха народнаго просвѣщенія, понимаемаго уже въ европейскомъ смыслѣ. Особенно сильно проявилась эта перемѣна послѣ революціи 1867—68 г. Японское правительство съ энергіей принялось за реформу народнаго образованія, съ жадностью перенимая у цивилизованныхъ народовъ все, казавшееся ему подходящимъ. У англичанъ оно заимствуетъ организацію школьныхъ совѣтовъ, у сѣверо-американцевъ—типъ смѣшанной школы, у французовъ—систему учительскихъ семинарій, у нѣмцевъ—типъ университетовъ и т. п. Вообще, можно сказать, что усилія, сдѣланныя японцами въ различныхъ областяхъ культуры за послѣднія 35 лѣтъ, поражаютъ какъ силою и быстротою движенія, такъ и добытыми результатами. Это по-истинѣ одна изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ страницъ въ исторіи человѣческой культуры, указывающая на безпредѣльность той силы, какая заключается въ энергіи правительства, дѣйствующаго единодушно съ общественными стремленіями передовыхъ людей націи. Въ промежутокъ отъ 1868 до 1890 г. былъ изданъ цѣлый рядъ школьныхъ законовъ, клонящихся къ развитію школы во всѣхъ отношеніяхъ. Законъ 1868 г. создаетъ въ Кіото департаментъ высшаго народнаго образованія, которое въ 1871 г. замѣняется министерствомъ народнаго просвѣщенія, вѣдающимъ образованіемъ на всѣхъ его ступеняхъ. Въ 1872 г. императорскій указъ раздѣляетъ всю Японію на школьные округа и устанавливаетъ обязательное посѣщеніе школы всѣми дѣтьми въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ, а затѣмъ и до 14-ти лѣтъ. Интересны слова императора, приведенныя въ указѣ въ объясненіе этого закона: «всякія знанія, начиная съ самыхъ необходимыхъ для повседневной жизни и кончая высшими, нужными для чиновника, доктора, коммерсанта, пріобрѣтаются только при помощи обученія. Поэтому необходимо создать школы и распространить образованіе такъ широко, чтобы въ самой маленькой деревушкѣ не было ни одного человѣка, не получившаго необходимаго образованія». Послѣдующія законодательства касаются созданія семинарій для подготовки учительскаго персонала, финансоваго положенія и другихъ сторонъ школьной жизни. Всѣ эти мѣры правительства не замедлили обнаружить хорошія послѣдствія, и вскорѣ появилось много новыхъ школъ въ европейскомъ смыслѣ. Но, конечно, развиваясь очень быстро, реформируясь кореннымъ образомъ, народное образованіе въ Японіи не могло сразу придти въ устойчивое и прочное состояніе. Изъ обнародованныхъ законовъ многіе противорѣчатъ одинъ другому, и нерѣдко послѣдующій уничтожаетъ

то, что пытался было создать предъидущій. Тѣмъ не менѣе это не должно внушать недовѣрія къ прогрессивной дѣятельности японскаго правительства; напротивъ, это вполнѣ естественное явленіе, если принять во вниманіе сопутствующія обстоятельства, а именно: поразительную быстроту дѣйствія, протесты со стороны консерваторовъ и страха простого народа передъ всѣмъ чужеземнымъ. Во всякомъ случаѣ, каковы-бы ни были колебанія, основываясь на томъ, что уже несомнѣнно добыто, можно смѣло сказать, что Японія твердо выступила на путь европейской цивилизаціи и уже не сойдетъ съ него.

Посмотримъ теперь, какова въ общихъ чертахъ современная организація начальнаго народнаго образованія въ Японіи. Во главѣ всего управленія школьнымъ дѣломъ находится министерство народнаго просвѣщенія, которое разрабатываетъ школьные новые законы, назначаетъ инспекторовъ и другихъ администраторовъ, издаетъ образцовыя руководства, собираетъ статистическія данныя и т. п. Разъ въ годъ министръ представляетъ подробный отчетъ императору. Мѣстный надзоръ поручается въ нѣкоторыхъ департаментахъ особымъ правительственнымъ инспекторамъ, въ другихъ—преподавателямъ учительскихъ семинарій. Кромѣ того, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ имѣется мѣстный администраторъ, стоящій во главѣ школьнаго комитета, назначаемаго на 4 года изъ мѣстныхъ жителей и учителей школъ; комитетъ вѣдаетъ всю хозяйственную сторону школы и наблюдаетъ за правильнымъ выполненіемъ закона объ обязательномъ ея посѣщеніи.

Обученіе въ начальной школѣ обязательно для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ. За посѣщеніе школы взимается съ каждаго учащагося опредѣленная плата деньгами, натурой или трудомъ. Впрочемъ, законъ 1890 г. предписываетъ всѣмъ общинамъ освобождать дѣтей бѣдныхъ отъ платы, или по крайней мѣрѣ облегчать имъ эту плату, а въ настоящее время есть уже и совершенно безплатныя школы. По типу своему общественныя японскія школы раздѣляются на дѣтскіе сады, народныя начальныя и народныя высшія школы.

Обязательное учрежденіе и посѣщеніе школъ относится лишь ко второму типу, первый-же и третій-же предоставляются свободному рѣшенію мѣстныхъ жителей. Дѣтскіе сады наичаще встрѣчаются въ городахъ, гдѣ посѣщаются дѣтьми рабочаго сословія, въ возрастѣ отъ 3 до 6 лѣтъ. Учебный періодъ нач. народной школы обнимаетъ 8 лѣтъ, не менѣе 32 недѣль въ учебномъ году, по 3—6 учебныхъ часовъ въ день. По воскресеньямъ и субботамъ послѣ полудня занятій въ школѣ нѣтъ. Для начальныхъ общественныхъ школъ министерство дало программу лишь въ общихъ чертахъ, подроб-

ности варьируются въ каждой провинціи, хотя все-таки для всѣхъ школъ одной какой-либо провинціи существуетъ однородная программа, утвержденная главнымъ администраторомъ этой провинціи. Главные предметы обученія въ начальной народной школѣ слѣдующіе: японская и китайская грамота, ариѳметика, упражненіе въ письменномъ изложеніи и гимнастика, а если возможно—географія и исторія Японіи, рисованіе, пѣніе и ручной трудъ, для дѣвушекъ—шитье. Къ программѣ высшей народной школы, кромѣ упомянутыхъ предметовъ, еще прибавляются: болѣе подробное изученіе японскаго языка, всеобщая географія и исторія, общія понятія изъ естественной исторіи, геометрія, иностранные языки, элементарныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству и торговлѣ, а также ручной трудъ. Школьный законъ особенно настаиваетъ на необходимости нравственнаго воспитательнаго воздѣйствія школы на дѣтей.

Что касается школьныхъ помѣщеній, то въ городахъ они построены по европейскому образцу, въ селахъ-же представляютъ типъ японскихъ сельскихъ домовъ. Законъ требуетъ, чтобы во всякомъ школьномъ помѣщеніи былъ непремѣнно залъ для гимнастики.

Народные учителя и учительницы подготовляются въ учительскихъ семинаріяхъ, организованныхъ по образцу французскихъ. Первая такая школа была учреждена въ Токіо въ 1872 г., а съ 1876 г. онѣ стали учреждаться во всѣхъ учебныхъ округахъ. Кромѣ обыкновенныхъ учительскихъ семинарій, поставляющихъ учительскій персоналъ въ начальныя народныя школы, есть еще двѣ высшія, въ которыхъ приготовляются учителя и учительницы для высшихъ народныхъ школъ. Наконецъ, въ Токіо есть педагогическій институтъ, подготовляющій преподавателей для учительскихъ семинарій. Для поступленія въ обыкновенныя учительскія семинаріи требуется возрастъ не менѣе 17-ти лѣтъ. Курсъ 4-хъ-лѣтній, послѣ чего учащіеся сдаютъ экзаменъ, къ которому допускаются и лица со стороны. Въ программу учительскихъ семинарій входятъ слѣдующіе предметы: этика, педагогика, языки японскій, китайскій и англійскій, ариѳметика, геометрія и алгебра, географія, исторія, естественныя науки, физика, химія, счетоводство, сельское хозяйство, домоводство, ручной трудъ, чистописаніе, рисованіе, музыка и гимнастика. Получившіе дипломъ обязаны прослужить не менѣе 10 лѣтъ. Но дипломированныхъ учителей и учительницъ еще не хватаетъ для общественныхъ школъ, поэтому они занимаютъ въ школахъ мѣста лишь старшихъ учителей, и на ряду съ ними преподаютъ помощники и помощницы, которые подвергаются опредѣленному экзамену въ присутствіи мѣстной школьной коммиссіи. Учительскій персоналъ въ народныя школы назначается начальникомъ округа изъ трехъ канди-

датовъ на каждое вакантное мѣсто, предложенныхъ мѣстнымъ школьнымъ комитетомъ. Пятнадцать лѣтъ службы обезпечиваютъ за учащими въ народныхъ школахъ минимальный размѣръ пенсіи, которая затѣмъ усиливается до 60-ти-лѣтняго возраста пропорціонально числу лѣтъ службы. Размѣръ жалованья неодинаковъ въ различныхъ провинціяхъ и опредѣляется правителемъ данной провинціи по соглашенію съ мѣстными властями.

Кромѣ вышеуказанныхъ типовъ общественныхъ школъ, есть еще въ Японіи частныя начальныя школы, которыя хотя и содержатся на частныя средства, тѣмъ не менѣе подлежатъ общему инспекторскому надзору. Наконецъ, на ряду со всѣми этими школами существуетъ еще много другихъ, не входящихъ въ общую систему народнаго образованія. Большинство изъ нихъ хотя и начальныя, но спеціальнаго характера. Есть такія, въ которыхъ обучаютъ только писать, другія—только ариѳметикѣ, третьи—спеціально ремеслу и т. п. Имѣется также много школъ, предназначенныхъ для изученія какого-либо иностраннаго языка; первое мѣсто среди нихъ, по быстро возрастающей численности, занимаютъ англійскія школы, второе нѣмецкія, а затѣмъ французскія и китайскія.

Всѣ расходы по содержанію школъ отнесены съ 1890 года на мѣстные источники доходовъ; государство отводитъ лишь землю подъ школу, а именно 1.653 кв. метровъ подъ каждую. Въ 1892 г. бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія достигалъ 10.802.961 іенъ (20½ мил. рублей), что составляетъ 0,27 іены (52 коп.) на каждаго жителя.

Обратимся теперь къ статистическимъ даннымъ, которыя г. Левассеръ заимствуетъ изъ ежегодныхъ отчетовъ японскаго министра народнаго просвѣщенія. Послѣднія данныя, относящіяся къ 1892 г., даютъ слѣдующія показанія: дѣтскихъ садовъ 177 съ 12.011 дѣтьми обоего пола; начальныхъ школъ 23.627, въ нихъ 59.796 учащихъ и 3.165.401 учащихся. Изъ всего числа начальныхъ школъ только 735 частныхъ, остальныя—правительственныя и общественныя; изъ всего числа учащихъ только 3.401 учительница; наконецъ, изъ всего количества учащихся только 967.963 дѣвочекъ. Такимъ образомъ, и среди учащихъ, и среди учащихся огромный перевѣсъ на сторонѣ мужского пола. Но сравнительная статистика показываетъ, что въ обоихъ случаяхъ процентное отношеніе измѣняется въ пользу женщинъ. Принимая во вниманіе приведенныя данныя, а также пространство и число жителей Японіи, получимъ нижеслѣдующіе показатели состоянія народнаго просвѣщенія въ этой странѣ: 1 начальная школа приходится на 17,5 кв. кил. и на 1.723 жителей (плотность нас.=108 человѣкъ на 1 кв. кил.) и 7,8 учащихся въ общественныхъ началь-

ныхъ школахъ на каждые 100 человѣкъ народонаселенія. Нормальныхъ школъ, помимо трехъ высшихъ, было въ 1892 г. 47 съ 4.468 слушателями и 889 слушательницами.

Сравнительная статистика народнаго образованія въ Японіи подтверждаетъ вышеприведенное мнѣніе относительно несовершенной устойчивости школьнаго дѣла въ этой странѣ. Въ этой области, какъ и въ законодательной, замѣтна еще большая неустойчивость. Совершенно очевидно, что законодатели и администраторы дѣйствуютъ еще неувѣренно, изыскивая пути и провѣряя себя опытомъ практики. Такъ, напр., въ промежутокъ времени отъ 1878 до 1892 г. только число дѣтскихъ садовъ прогрессируетъ все время безъ колебанія (отъ 7 до 77), всѣ-же остальныя данныя обнаруживаютъ колебанія то впередъ, то назадъ. Число учит. семинарій въ 1878 г. было 101; до 1887 года оно идетъ понижаясь, а затѣмъ опять повышается до 47; число школъ и число учащихъ точно также измѣняется—то повышаясь, то понижаясь. Но, несмотря на всѣ эти колебанія, въ общемъ несомнѣнно сильное прогрессивное движеніе, о чемъ не трудно судить по слѣдующимъ даннымъ. Во-первыхъ, общее число учащихся дѣтей за это время все-таки возросло, приблизительно, на 40%, затѣмъ, среднее число учащихся дѣтей, правильно посѣщающихъ школу, съ 65,2% въ 1887 г. возросло до 74,4% въ 1892 г.; наконецъ, изъ всего числа рекрутовъ неграмотныхъ было: въ 1891 г.—26,6%, въ 1892 г.—24%, а въ 1893 г. всего 15,5%.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ благотворительномъ обществѣ, которое играло и играетъ не малую роль въ распространеніи просвѣщенія среди японцевъ. Оно основано въ 1876 г. и носитъ названіе: «Общество народнаго просвѣщенія». Оно имѣетъ свои отдѣленія во всѣхъ округахъ, распространяя повсюду свою просвѣтительную дѣятельность. Въ настоящее время Общество насчитываетъ около 4.000 членовъ, имѣетъ прекрасную библіотеку и свой ежемѣсячный печатный органъ. Въ программу его дѣятельности входитъ, между прочимъ, изданіе образцовыхъ руководствъ, присужденіе медалей авторамъ лучшихъ учебниковъ, устройство педагогическихъ выставокъ и т. п.

Относительно народнаго образованія въ другой азіатской имперіи, именно Китаѣ, сказать что-либо опредѣленное очень трудно, потому что тамъ не ведется никакой школьной статистики. Извѣстно, что правильно организованныхъ школъ въ Китаѣ очень мало, а обыкновенно въ храмахъ учителя обучаютъ мальчиковъ китайской грамотѣ и главнымъ правиламъ китайской мудрости. Эти учителя живутъ лишь на ту плату, которую они взимаютъ съ учениковъ за ученіе.

Дѣвочки почти не посѣщаютъ этихъ школъ, но громадное большинство мальчиковъ въ продолженіе многихъ лѣтъ посѣщаютъ школы этихъ учителей при храмахъ. Все обученіе основано на заучиваніи наизусть отрывковъ изъ сочиненій китайскихъ мудрецовъ. Умѣнье читать и писать, а также знаніе этихъ отрывковъ — непремѣнное условіе для того, чтобы можно было попасть въ ряды администраціи или получить чинъ. Для полученія чиновъ установленъ въ Китаѣ рядъ опредѣленныхъ экзаменовъ.

Въ Персіи, Аравіи и другихъ мусульманскихъ государствахъ западной Азіи школьной статистики также не имѣется. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что нач. школъ во всѣхъ этихъ государствахъ много и большинство дѣтей посѣщаетъ эти школы. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ все обученіе въ нихъ ограничивается чтеніемъ и заучиваніемъ наизусть отрывковъ корана; даже письму обучаютъ лишь въ немногихъ школахъ. Такія школы, основанныя лишь на упражненіи памяти, мало развиваютъ умъ, и потому плохо обезпечиваютъ прогрессъ умственнаго развитія націи.

Теперь обратимся къ азіатскимъ колоніямъ европейцевъ. Изъ французскихъ колоній относительно народнаго образованія въ лучшемъ положеніи находятся 5 французскихъ городовъ на Индостанѣ: Пондишери, Карикалъ, Чандернагоръ, Янаонъ и Маге, которые собственно и составляютъ французскую Индію. Все народное образованіе этихъ городовъ находится въ вѣдѣніи особой коммиссіи по народному образованію, созданной въ 1843 г. и переформированной въ 1873 г.; ближайшій-же надзоръ за начальными школами въ каждомъ городѣ поручается правительственному инспектору народныхъ училищъ. Школы начальныя предназначены одинаково для дѣтей европейцевъ и туземцевъ. Послѣднія статистическія данныя относятся къ 1892 г. и даютъ слѣдующее: начальныхъ школъ, общественныхъ и частныхъ, 317, учащихъ въ нихъ — 533, а учащихся дѣтей—13.203. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе эти данныя, а также пространство (510 кв. кил.) и число жителей (30.500) французскихъ колоній, то получится 1 школа на 1,6 кв. кил., 1 шк. на 962 чел. и 4,3%—выразятъ отношеніе числа учащихся въ начальныхъ школахъ ко всему населенію.

Въ индо-китайскихъ колоніяхъ французской республики положеніе народнаго образованія много хуже, особенно, если принимать во вниманіе не одно европейское, но и туземное населеніе. Здѣсь сравнительно лучше поставлено дѣло въ Кохинхинѣ. Французы уже нашли тамъ туземныя школы съ преподаваніемъ на китайскомъ языкѣ, но

*

въ настоящее время китайскій языкъ почти уничтоженъ въ школѣ и замѣненъ французскимъ или аннамскимъ и французскимъ. Кромѣ названныхъ языковъ, въ начальныхъ школахъ преподается еще нач. ариѳметика и краткія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. Среди учителей большинство туземцы, меньшинство—французы. Бюджетъ народнаго образованія достигъ за послѣднее время 1.125.900 р., что составляетъ около 60 к. на каждаго жителя Кохинхины. Большое вниманіе обращаетъ французское правительство на школьныя помѣщенія, для чего затрачивается не мало средствъ. Послѣднія статистическія свѣдѣнія относятся, къ сожалѣнію, къ 1889 году, когда было 547 начальныхъ школъ и 20.592 учащихся въ нихъ, что составитъ (55.620 кв. мил. и 188.000 жит. въ 1897 г.) 1 школу на 101,7 кв. кил., 1 школу на 3.437 жит. и 1,1% учащихся въ начальныхъ школахъ на каждые 100 чел. народонаселенія. По всей вѣроятности, въ настоящее время отношенія эти лучше, на что даетъ право надѣяться вышеуказанный бюджетъ народнаго просвѣщенія.

Другая французская провинція—Камбоджа (104.700 кв. кил. и 815.000 ж. въ 1897 г.), по даннымъ г. Лавассера, обнаруживаетъ очень печальное состояніе народнаго образованія, а именно въ 1892—1893 гг. она насчитывала всего 11 начальныхъ школъ, а въ нихъ 17 учащихъ и 551 учащихся. Надо полагать, что въ школахъ обучаются лишь дѣти европейцевъ, такъ какъ число учащихся составляло въ 1892—1893 г. всего лишь 0,07% всего населенія.

Въ Аннамѣ и Тонкинѣ протекторатъ Франціи оказалъ еще до сихъ поръ очень незначительное вліяніе на народное образованіе. Въ Аннамѣ все еще господствуетъ китайская школа съ изученіемъ китайскаго алфавита и основныхъ правилъ китайской мудрости. Французско-аннамскихъ школъ очень немного, а собственно французскихъ почти не существуетъ. Въ Тонкинѣ дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. Тамъ на ряду съ китайской школой существуетъ, и довольно прочно уже утвердилась, французско-аннамская, т.-е. школа съ преподаваніемъ на аннамскомъ языкѣ съ латинскимъ алфавитомъ. Есть и французскія начальныя школы, устроенныя по образцу европейскихъ. Онѣ безплатныя и открыты одинаково для европейцевъ и туземцевъ. Программа та-же, что и въ Кохинхинѣ. Въ 1892—1893 г. такихъ французскихъ школъ было 21 съ 59 учащими и 1.147 учащимися. Въ 1896 г. появляются уже вечерніе курсы для взрослыхъ, организованные въ двухъ тонкинскихъ городахъ однимъ благотворительнымъ обществомъ. Чтобы привлечь хорошія педагогическія силы во французскія народныя школы въ Тонкинѣ, правительство назначило очень большое жалованье учителямъ и учительницамъ французской національности, а именно отъ 4.000 до 6.000 фр. въ

годъ старшимъ и 3.500 фр. помощникамъ, а сверхъ того, даровое помѣщеніе для старшихъ и 400 фр. въ годъ квартирныхъ для младшихъ учителей и учительницъ. Но, несмотря на высокое жалованье, въ 1896 г. изъ всего числа преподающихъ во французскихъ школахъ въ Тонкинѣ — лицъ французской національности было всего 22, остальные туземцы, получающіе въ нач. французскихъ школахъ по 416 фр. въ годъ.

Въ британскихъ колоніяхъ положеніе народнаго образованія нѣсколько лучше. Въ британской Индіи (2.500 тыс. кв. кил. и 225.000 тыс. жителей въ 1897 г.), еще до завоеванія англичанами, существовали маленькія народныя школы, въ которыхъ дѣтей обучали грамотѣ и счету. Англійское правительство только съ 1848 г. направило свои заботы на начальное образованіе, и въ 1892 г. положеніе его, по статистическимъ даннымъ, было таково: 91.936 общественныхъ начальныхъ школъ для мальчиковъ съ 2.571.384 учениками и 5.243—для дѣвочекъ съ 270.205 ученицами; кромѣ того, въ томъ-же году дѣйствовали еще 39.084 частныя школы съ 513.600 учащихся дѣтей. Такимъ образомъ, въ 1892 г. всѣхъ начальныхъ школъ въ британской Индіи было 136.263 съ 3.355.189 учащихся дѣтей, что составитъ, приблизительно, 1 школу на 18 кв. кил. и на 1.651 чел. жителей. Относительно процентнаго отношенія числа учащихся въ нач. школахъ находимъ въ отчетѣ г. Гарриса данныя, указывающія, что оно колеблется отъ 3,03% для Бенгаліи до 1,06% для Мизора.

Въ нидерландскихъ колоніяхъ (1.581.560 кв. кил. и 32.400 тыс. жителей въ 1897 г.) также существуютъ начальныя школы какъ для европейцевъ, такъ и для туземцевъ. Въ 1891 г. статистика насчитывала въ нидерландской Индіи 164 начальныхъ школъ для европейцевъ съ 15.260 учащимися и 1.024 правительственныхъ школъ для туземцевъ съ 112.011 учащихся дѣтей. Кромѣ того, въ томъ-же году на Явѣ и др. функціонировали еще 305 спеціально католическихъ школъ съ 5.624 учащимися и 18.285 магометанскихъ школъ съ 281.119 учащихся дѣтей. Такимъ образомъ, получится 19.718 школъ съ 414.014 учащимися, т.-е. 1 школа на 80 кв. кил., 1 школа на 1.642 человѣка и 1,3 учащихся на 100 жителей.

Относительно Сибири г. Левассеръ приводитъ статистическія данныя, относящіяся къ 1887 г. и насчитывающія въ то время 1.446 нач. школъ и 49.118 учащихся въ нихъ дѣтей; это составитъ 1 школу на 8.710 кв. кил., 1 школу на 3.976 жителей и 0,85 уча-

щихся на каждые 100 чел. народонаселенія (12.595.000 кв. кил. и 5.750 тыс. жителей въ 1897 г.).

III. Африка.

Капская земля, земля Наталь и другія колоніи англичанъ. Египетъ, Алжиръ, Тунисъ, Мадагаскаръ и другія колоніи французовъ. Эритрея.

Въ Африкѣ сколько-нибудь организованная система народнаго образованія встрѣчается лишь въ тѣхъ странахъ, которыя въ той или иной степени находятся въ зависимости отъ европейцевъ.

Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ колоніямъ англичанъ въ южной Африкѣ, и главнымъ образомъ Капской землѣ. Начало народнаго образованія въ этой странѣ относится еще къ 17-му вѣку, когда оно находилось во власти голландцевъ. Существуютъ данныя, указывающія, что еще въ 1677 г. голландское правительство законодательнымъ путемъ заявило о необходимости создать школы какъ для европейцевъ, такъ и для туземцевъ, а въ 1687 г. назначило субсидію и тѣмъ, и другимъ, съ цѣлью подвинуть впередъ это дѣло. Очень интересенъ законъ 1714 г., регламентирующій жалованье учителей пропорціонально добытымъ въ школѣ результатамъ, а именно: $^1/_4$ рихсдалера за каждаго ученика, знающаго алфавитъ, $^1/_2$—за умѣющаго читать по складамъ, 1 рд. за умѣющаго читать и считать и т. д. Конечно, всѣ эти попытки правительства не остались безъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе до конца 18-го вѣка народное образованіе въ Капской землѣ находилось въ довольно печальномъ состояніи. Англичане, завладѣвъ Капской землей, еще усиленнѣе стали заботиться о просвѣщеніи народа. Въ 1805 г. правительство организовало особую коммиссію для наблюденія за школами и назначило субсидію послѣднимъ. Первая англійская начальная школа появилась въ 1807 г., а въ 1812 г. коммиссія народнаго образованія рѣшила открыть школы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ была церковь. Въ то-же время жалованье народнымъ учителямъ было опредѣлено въ 400 рихсдалеровъ, при готовой квартирѣ, и съ прибавкой платы за ученіе, взимаемой съ каждаго ученика. Съ 1839 г. рядомъ съ платной школой появляется безплатная—для привлеченія туземцевъ. Очень большое прогрессивное вліяніе на начальное образованіе имѣлъ законъ 1865 г., установившій государственную субсидію всѣмъ начальнымъ школамъ, при условіи подчиненія правительственному надзору. Изъ послѣдующихъ законодательствъ наиболѣе важенъ законъ 1887 г.—относительно пенсіи народнымъ учителямъ, что несомнѣнно повліяло на улучшеніе педагогическаго персонала. Эти и

цѣлый рядъ другихъ школьныхъ законовъ привели начальное образованіе въ Капской землѣ къ современной организаціи, которая обрисовывается слѣдующимъ образомъ. Главное управленіе школами находится въ рукахъ особаго субъинтенданта и правительственныхъ инспекторовъ. Послѣдніе слѣдятъ за преподаваніемъ, экзаменуютъ учениковъ и наблюдаютъ за правильнымъ исполненіемъ требованій, обусловливающихъ государственную субсидію. Каждый мѣсяцъ они обязаны представлять отчеты субъинтенданту. Школы могутъ открываться по почину мѣстныхъ муниципальныхъ властей, частныхъ обществъ и даже частныхъ лицъ, если послѣднія гарантируютъ необходимыя издержки, а именно помѣщеніе и половину жалованья учителямъ; остальные расходы беретъ на себя правительство, при условіи подчиненія школы правительственному надзору. Правительство субсидируетъ также и интернаты, которые устраиваются при школахъ въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ. Народныя школы распадаются на три категоріи, въ зависимости отъ программы и взимаемой платы за ученіе. Въ школахъ третьей и второй категоріи учебная программа ограничивается преподаваніемъ англійскаго и голландскаго языковъ, ариѳметики, географіи, исторіи и шитья для дѣвочекъ. Школа первой категоріи, кромѣ указанныхъ предметовъ, включаетъ въ программу еще математику, физику, музыку, рисованіе, латинскій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ необязательный предметъ, греческій. Большое мѣсто во всѣхъ школахъ отведено предметнымъ урокамъ, а въ школахъ для дѣвочекъ—шитью и кройкѣ. Преподаваніе ведется на англійскомъ или голландскомъ языкѣ, смотря по преобладающему составу населенія въ данной мѣстности. Число учебныхъ часовъ не менѣе 5-ти въ день, кромѣ субботы. Помимо указанныхъ трехъ категорій общественныхъ школъ, есть еще много другихъ: частныхъ, фермерскихъ, миссіонерскихъ и школъ, предназначенныхъ спеціально для туземцевъ. Всѣ онѣ по своей организаціи подходятъ къ третьей категоріи, т.-е. къ самымъ элементарнымъ школамъ. Наконецъ, въ тѣ мѣстности, гдѣ еще нѣтъ никакихъ школъ, правительство посылаетъ учителей, которые устраиваютъ передвижныя школки грамоты. Всѣ школы могутъ быть отдѣльными для дѣтей каждаго пола или смѣшаннаго типа. Расходы по содержанію школъ покрываются государственной субсидіей, общественными или частными средствами и платой за ученіе. Миссіонерскія и спеціальныя для туземцевъ школы безплатны. Государственная субсидія составляетъ, приблизительно, половину всѣхъ расходовъ, даже больше. Такъ, въ 1894 г. государство затратило на школы 176.189 ф. ст., а всѣ остальныя статьи доходовъ составили всего 137.116 ф. ст. Всего, такимъ образомъ,

было затрачено на народное образованіе въ 1894 г. 313.305 ф. ст. (около 3 мил. рублей). Туземцы охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ общественныя начальныя школы, за исключеніемъ каффровъ и бушменовъ, которые до сихъ поръ еще плохо поддаются просвѣтительному вліянію европейцевъ. Изъ всего числа дѣтей, учащихся въ школахъ, субсидируемыхъ государствомъ, только 39% составляли европейцы, а 61%—туземныя національности. Наиболѣе полное обслѣдованіе начальнаго народнаго образованія было произведено въ 1891 г. и дало слѣдующія показанія. Всѣхъ начальныхъ школъ, субсидируемыхъ правительствомъ, было 1.605; число учащихъ въ нихъ—2.789, а число учащихся дѣтей обоего пола—104.056. Если принять во вниманіе рѣшительно всѣ школы, даже семейныя, то всѣхъ учащихся дѣтей въ 1891 г. было 127.880. Относительно степени грамотности оказалось, что на 100 европейцевъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ грамотныхъ было 92%, а отъ 20 до 35 л.—96%. Если-же принять во вниманіе все европейское населеніе всѣхъ возрастовъ, то процентное отношеніе грамотныхъ будетъ 67,9% для обоихъ половъ, а отдѣльно—67,5% для мужчинъ и 68,4% для женщинъ. Гораздо ниже процентное отношеніе грамотныхъ ко всему населенію, европейскому и туземному вмѣстѣ, а именно: собственно въ Капской землѣ 30,4% для обоихъ половъ и отдѣльно—29,7% для мужчинъ и 31,1% для женщинъ; а въ земляхъ, присоединенныхъ лишь въ 1875 г. и населенныхъ почти исключительно туземцами, всего 5% грамотныхъ. На 100 туземцевъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ умѣли читать и писать—1,9 фанго, 6,3 готтентота и 5,9 каффровъ. Интересно, что въ Капской землѣ, какъ показываютъ вышеприведенныя цифры, перевѣсъ грамотныхъ на сторонѣ женскаго пола; только каффры и бушмены представляютъ исключеніе. Всѣ приведенные факты обрисовываютъ вполнѣ удовлетворительное состояніе начальнаго образованія въ Капской землѣ, особенно, если принять во вниманіе сравнительную статистику, которую г. Левассеръ заимствуетъ изъ послѣдняго правительственнаго отчета за 1895 г. Напримѣръ, въ промежутокъ времени отъ 1889 по 1895 г. число школъ, субсидируемыхъ государствомъ, возросло съ 1.447 до 2.309, т.-е. всего за 6 лѣтъ увеличилось почти на 60%.

Въ другой южно-африканской колоніи англичанъ, въ землѣ Наталь, статистика 1892 г. насчитываетъ 226 начальныхъ школъ (15 правительственныхъ, 113—фермерскихъ, 74—для туземцевъ черной расы, 24—для дѣтей индійцевъ) съ 24.594 учащихся дѣтей; кромѣ того, въ частныхъ школахъ обучалось въ томъ-же году 2.200 дѣтей. Изъ европейцевъ лишь очень незначительное число дѣтей школьнаго возраста не посѣщаютъ школы. Правительственная субсидія за 1892 г. составляла 39.000 ф. ст. (около 390.000 р.).

Наконецъ, въ третьей южно-африканской провинціи — Базутоландсъ (Basautoland), по статистическимъ даннымъ 1892 г., было 133 начальныхъ школы съ 7.192 учащимися, при государственной субсидіи въ 3.708 ф. ст. (около 37.000 р.).

Всѣ колоніи англичанъ въ южной Африкѣ обнимаютъ 2.500 тысячъ кв. кил., при 4.000 тыс. населенія; въ 1897 г., если сосчитать всѣ указанныя статистикой школы въ этихъ колоніяхъ, то получится для 1892—1894 гг. 2.668 шк., что составитъ 1 школу на 937 кв. кил. и 1 школу на 1.498 жителей; всѣхъ учащихся, по указанной статистикѣ, будетъ 161.741, что составитъ 4,04% всего населенія, включая и самыя некультурныя націи, невыгодно вліяющія на это отношеніе. Для Капской земли г. Гаррисъ показываетъ 6,11% учащихся въ начальныхъ школахъ въ 1893 г. Всѣ бюджеты поименованныхъ колоній составляютъ 356.013 ф. ст. (около 3½ мил. р.), что даетъ 85 коп. расходовъ на каждаго жителя. Относительно этихъ показателей состоянія народнаго образованія въ южно-африканскихъ колоніяхъ англичанъ можно сказать съ увѣренностью, что они ниже дѣйствительныхъ, потому что въ число школъ вошли лишь субсидируемыя правительствомъ, а въ сумму бюджетовъ для послѣднихъ двухъ провинцій—лишь государственныя субсидіи, не считая остальныхъ затратъ на образованіе.

Относительно другихъ англійскихъ колоній въ Африкѣ находимъ у г. Левассера слѣдующія данныя:

На островѣ *св. Елены* въ 1891 г. было 11 школъ съ 822 учащихся дѣтей; на островѣ *св. Маврикія* въ 1892 г. 168 начальныхъ школъ съ 16.457 учащимися; въ *Сіерро-Леоне* въ 1892 г. 85 низшихъ и 6 высшихъ народныхъ школъ съ 10.500 уч., въ Гамбіи— 12 школъ и 861 учащихся.

Въ Египтѣ издавна существуютъ элементарныя народныя школы, и число ихъ, какъ показываетъ школьная статистика, возрастаетъ. Въ 1875 г. ихъ было 4.232, а въ 1887 г. уже 6.639, т.-е. за 12 лѣтъ число школъ увеличилось, приблизительно, на 57%. Въ томъже 1887 г. статистика насчитывала 7.244 народныхъ учителей и около 200.000 учащихся дѣтей. Уровень образованія учителей весьма не высокъ и обученіе въ школахъ почти ограничивается чтеніемъ и заучиваніемъ наизусть корана, да и то лишь мальчиками. Жалованья опредѣленнаго учителямъ не полагается, а все вознагражденіе ограничивается платой, взимаемой съ каждаго ученика. При пространствѣ Египта въ 994.300 кв. кил. и 7.750 тыс. народонаселенія, вышеуказанныя данныя даютъ 1 школу на 148 кв. кил. и 1 школу на 1.172 жителей; а у г. Гарриса находимъ, что въ томъ-

же 1887 г. число учащихся дѣтей составляло 6,9%. Къ сожалѣнію, болѣе позднихъ свѣдѣній относительно народнаго образованія въ Египтѣ ни у г. Левассера, ни у г. Гарриса не имѣется.

Обратимся теперь къ французскимъ колоніямъ въ Африкѣ. Въ Алжирѣ, еще до завоеванія его французами (1830 г.), было много мусульманскихъ школъ, въ которыхъ учитель, такъ называемый талебъ, обучалъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6—15 лѣтъ чтенію корана, письму арабскаго алфавита на деревянныхъ дощечкахъ и элементарному счету. Послѣ завоеванія число этихъ школъ сильно уменьшилось, потому что имущества мечетей, доходы съ которыхъ шли на содержаніе этихъ школъ, были присоединены къ общимъ государственнымъ имуществамъ, тѣмъ не менѣе въ 1876 г. такихъ школъ въ Алжирѣ было еще 2.000 съ 28.000 учащихся дѣтей. И до сихъ поръ школы эти еще находятся въ вѣдѣніи военнаго министерства. Покоривъ Алжиръ, французы сразу позаботились создать рядомъ съ туземной французскую начальную школу, которая появляется съ 1832 г. До 1848 г., пока школы эти были подчинены военному министерству, развитіе ихъ идетъ медленно; но послѣ закона 1848 г., передавшаго французскія начальныя школы въ Алжирѣ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, ростъ этихъ школъ пошелъ гораздо быстрѣе, а именно въ промежутокъ времени отъ 1848 до 1877 гг. число французскихъ начальныхъ школъ со 108 возросло до 662, а число учащихся дѣтей въ нихъ съ 6.071 до 51.592, т.-е. за 29 лѣтъ первое число увеличилось въ 6 разъ, второе—болѣе чѣмъ въ 8 разъ. Въ началѣ школы эти распадались по вѣроисповѣданіямъ на католическія, протестантскія и еврейскія; но съ 1870 г. большинство изъ нихъ, по крайней мѣрѣ всѣ общественныя школы, приняли свѣтскій характеръ, принимая дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій. Создавая начальную школу, французское правительство открыло ея двери одинаково для европейцевъ и туземцевъ, но послѣдніе не сразу отнеслись довѣрчиво къ этому предложенію. Чтобы облегчить имъ переходъ отъ туземной мусульманской школы къ начальной французской, правительство, начиная съ 1859 г., стало создавать начальныя французско-арабскія школы. Въ этихъ школахъ преподаваніе ведется, такъ-же какъ и въ туземныхъ, на арабскомъ языкѣ, но къ обычной программѣ мусульманской школы прибавляется французскій языкъ, дабы мало-по-малу освоить съ нимъ туземное населеніе. Болѣе сильное развитіе получаютъ эти арабско-французскія школы послѣ благопріятнаго для нихъ закона 1883 г. Въ 1871 г. такихъ школъ было всего 39, въ 1887 г. уже 76, а въ 1892 г.—133 для мальчиковъ и 9 для дѣвочекъ. Кромѣ

того, съ 1883 г. французское правительство прибѣгло еще къ одной мѣрѣ для привлеченія туземцевъ въ общественную французскую школу: оно стало открывать при французскихъ начальныхъ школахъ подготовительные классы для туземцевъ, не знающихъ французскаго языка. Всѣ эти мѣры французскаго правительства не замедлили дать замѣтные результаты въ пользу сближенія туземнаго населенія съ французской правительственной школой. Такъ, въ 1886—1887 учебномъ году во всѣхъ французскихъ и французско-арабскихъ правительственныхъ школахъ обучалось 8.963 мусульманскихъ дѣтей, а въ 1892 г. уже 12.263, и изъ нихъ 910 дѣвочекъ. Конечно, если принять во вниманіе общее число мусульманскихъ дѣтей школьнаго возраста, а именно 535,389, то вышеприведенное число учащихся во французскихъ школахъ мусульманскихъ дѣтей еще очень не велико; но во всякомъ случаѣ, это уже несомнѣнный шагъ впередъ, обѣщающій въ будущемъ примиреніе туземнаго населенія съ общественной французской школой. Въ послѣдніе годы, благодаря просвѣтительнымъ заботамъ одного благотворительнаго французскаго общества, дѣйствующаго въ Алжирѣ, стали тамъ возникать вечерніе курсы для взрослыхъ, преслѣдующіе главнымъ образомъ распространеніе знаній среди туземцевъ *).

Законами 1883, 1887 и 1892 г. народное образованіе въ Алжирѣ приведено въ систему, однородную съ постановкой этого дѣла во французской республикѣ. Начальная школа даровая, свѣтская и обязательная для всѣхъ дѣтей европейцевъ школьнаго возраста. Что-же касается туземцевъ, то обязательство это въ каждой данной мѣстности можетъ имѣть силу не иначе, какъ по указу высшей правительственной власти въ Алжирѣ. Правительственныя школы, какъ уже было сказано выше, распадаются на начальныя французскія, начальныя французскія съ приготовительными классами для туземцевъ и арабско-французскія, предназначенныя спеціально для туземцевъ **). Кромѣ начальныхъ школъ, учрежденіе которыхъ обязательно для каждой общины, каждый департаментъ обязанъ учредить и содержать, по крайней мѣрѣ, одну учительскую семинарію для подготовки учителей и учительницъ начальныхъ школъ. Окончившіе курсъ семинаріи занимаютъ мѣста старшихъ учителей и учительницъ; на роли-же помощниковъ и помощницъ, преподающихъ главнымъ образомъ въ приготовительныхъ классахъ

*) Въ 1887 г. такихъ курсовъ было организовано уже 107 съ 3.965 слушателями.

**) Для дѣтей до-школьнаго возраста существуютъ материнскія школы (écoles maternelles), но учрежденіе ихъ, подобно тому, какъ и во Франціи, не обязательно.

принимаются туземцы и туземки, получившіе свидѣтельство объ окончаніи курса французской нач. школы. Что касается содержанія школъ, то правительство обезпечиваетъ содержаніе учительскаго персонала, а всѣ остальные расходы возложены на мѣстныя общественныя суммы. Какъ и въ самой Франціи, правительство и здѣсь обращаетъ большое вниманіе на школьныя постройки. Въ 1892 г. уже двѣ трети всѣхъ начальныхъ школъ помѣщались въ собственныхъ домахъ, соотвѣтствующихъ назначенію и построенныхъ по плану европейскихъ школъ.

Въ 1894 г. бюджетъ народнаго образованія въ Алжирѣ достигъ суммы 5.652 тыс. франковъ (2.119.500 р.), что составитъ, приблизительно, 53 коп. затратъ на каждаго жителя. Послѣднія статистическія свѣдѣнія относятся къ 1892 г. и даютъ слѣдующія показанія: материнскихъ школъ—148, начальныхъ французскихъ—1.022, французско-арабскихъ—133, всего 1.303 начальныхъ учебныхъ заведеній для дѣтей; учителей и учительницъ 2.390 во французскихъ и 158 во французско-арабскихъ начальныхъ школахъ; наконецъ, учащихся въ материнскихъ и начальныхъ французскихъ школахъ было въ 1892 г. 109.899; въ школахъ французско-арабскихъ не указано число учащихся, но если считать среднимъ числомъ по 40 учениковъ въ школѣ, то всего учащихся дѣтей въ 1892 г. получится около 115.000. Принимая во вниманіе пространство Алжира (798 тыс. кв. кил.) и число жителей (4.200 тыс. въ 1897 г.), получимъ одну школу на 614 кв. кил., одну школу на 3.230 чел. и 2,7% всего населенія учащихся въ правительственныхъ школахъ. Чтобы по этимъ показателямъ составить сколько-нибудь правильное понятіе о положеніи народнаго образованія въ Алжирѣ, надо принять во вниманіе, что вышеприведенныя цифры не касаются совсѣмъ туземныхъ мусульманскихъ школъ. Между тѣмъ туземцы, составляя, съ одной стороны, главную часть населенія, съ другой—наименьшій процентъ учащихся во французскихъ начальныхъ школахъ, сильно вліяютъ на пониженіе выгодныхъ сторонъ вышеуказанныхъ отношеній. Напр., если принять во вниманіе только европейское и туземное еврейское населеніе, безъ арабовъ, то еще въ 1877 г. учащіеся въ начальныхъ школахъ составляли 14,3% этого населенія.

Изъ другихъ французскихъ африканскихъ колоній въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно народнаго образованія находится островъ «Соединенія», или, какъ его раньше называли, островъ Бурбонъ. Начало образованію было положено здѣсь различными католическими религіозными обществами, которыя очень долго держали въ своихъ рукахъ всѣ школы острова Бурбона. Только съ 1878 г. французское правительство приняло народное образованіе

въ свои руки, и тогда рядомъ съ первой школой создалась свѣтская начальная школа. Послѣднія статистическія данныя 1892 г. указываютъ, что на островѣ имѣется 141 начальная школа, 359 учащихъ въ нихъ и 13.034 учащихся дѣтей обоего пола, т.-е. 6% всего населенія острова.

Тѣ же религіозныя общества, главнымъ образомъ монахини Клюнійскаго и монахи Плермельскаго ордена, были первыми насадителями просвѣщенія и въ другихъ французскихъ колоніяхъ Африки; въ Сенегалѣ первыя начали свою просвѣтительную дѣятельность съ 1818 г., а вторыя съ половины нашего столѣтія. Съ 1883 г. рядомъ со школами религіозныхъ обществъ возникаетъ еще свѣтская правительственная школа и школы миссіонерскія. Первыя сосредоточены, главнымъ образомъ, въ городахъ, вторыя—въ провинціи. Въ 1892 г., помимо школъ религіозныхъ обществъ, статистика насчитываетъ 11 правительственныхъ и 21 миссіонерскихъ школъ съ 5.134 учащимися, при наличности 131 учащихъ въ нихъ.

Въ остальныхъ французскихъ колоніяхъ въ Африкѣ положеніе начальнаго образованія, по оффиціальной статистикѣ 1892 г., выразилось слѣдующими цифрами: во французской *Гвинеѣ* 3 школы, 8 учителей и 170 учащихся; въ *Габонѣ и Конго* 22 школы, 50 учащихъ и 1.087 учащихся; на *Коморанскихъ островахъ* 10 школъ и 333 учащихся; въ *Діэго-Суарецѣ* 5 школъ, 8 учащихъ и 261 учащихся.

Просвѣтительное вліяніе французской колоніальной политики коснулось и Туниса, находящагося подъ протекторатомъ Франціи. Только въ 1883 г., подъ вліяніемъ французскаго правительства, установилась тамъ сколько-нибудь правильная система школьной организаціи. Для управленія народнымъ образованіемъ въ этомъ году былъ учрежденъ особый правительственный органъ, такъ-назыв. «дирекція народнаго образованія», состоящая изъ директора, главнаго инспектора и особаго инспектора изъ арабовъ, обязанности котораго заключаются во всестороннемъ наблюденіи за просвѣщеніемъ мусульманъ. Школы начальныя, какъ и въ Алжирѣ, двоякаго рода. Во-первыхъ, всѣ города и поселенія въ Тунисѣ имѣютъ по меньшей мѣрѣ одну арабскую школу—«кутабъ», въ которой дѣти мусульманъ обучаются арабской грамотѣ и сознательному чтенію корана. Учителя этихъ школъ, такъ-называемые «муэддебы», получаютъ, какъ жалованье, школьный налогъ въ размѣрѣ отъ 0,60 фр. до 3 фр. въ мѣсяцъ за каждаго ученика. Рядомъ съ этими чисто мусульманскими школами, начиная съ 80-хъ годовъ, возникаютъ и французскія начальныя школы. Число послѣднихъ отъ 1885 до 1896 г., т.-е. за 11 лѣтъ, увеличилось болѣе чѣмъ въ 4 раза, а число учащихся въ нихъ—болѣе чѣмъ въ три раза. Статистика 1896 г. насчитываетъ въ Тунисѣ 863 арабскихъ

начальныхъ школъ, 103 французскихъ и 9 итальянскихъ; всего, стало быть, 975 школъ и въ нихъ 28.093 учащихся дѣтей. Принимая во вниманіе эти данныя, а также пространство (100.000 кв. кил.) и населеніе (1.500 жителей въ 1897 г.), получимъ одну школу на 103 кв. кил., одну школу на 1.539 жителей и 1,9% учащихся относительно всего населенія. Изъ 15.148 дѣтей, учащихся только во французскихъ нач. школахъ, было 6.948 европейцевъ, 4.057—евреевъ и 4.143—мусульманъ. Такимъ образомъ, мусульманскія дѣти составляютъ во французскихъ нач. школахъ 27,3% всѣхъ учащихся въ нихъ, что указываетъ на сближеніе туземцевъ съ французской нач. школой.

Въ другой области, находящейся также подъ протекторатомъ французской республики, именно на островѣ *Мадагаскарѣ*, первыми проводниками народнаго просвѣщенія были протестантскіе миссіонеры. Подъ ихъ вліяніемъ создались первыя школы въ царствованіе Радома I и II, при чемъ послѣдній издалъ указъ, повелѣвающій строить школы во всѣхъ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ. Подъ тѣмъ-же вліяніемъ въ 1876 г. мадагаскарская королева законодательнымъ путемъ ввела обязательное посѣщеніе начальной школы всѣми дѣтьми въ возрастѣ отъ 8 до 16 лѣтъ; тутъ-же были указаны нѣкоторыя взысканія за неисполненіе этого постановленія. Законъ имѣлъ благопріятныя послѣдствія для всѣхъ мѣстностей Мадагаскара, которыя подчинены правительству, хотя, собственно говоря, болѣе или менѣе строгое исполненіе обязательности примѣняется только среди протестантскаго населенія. Въ настоящее время насчитываютъ на островѣ 1.800 протестантскихъ школъ съ 170.000 учащихся. Кромѣ того, есть еще католическія школы. Мадагаскаръ занимаетъ 592 тыс. кв. кил. и имѣетъ около 3½ мил. населенія; такимъ образомъ, учащіеся составляютъ около 5% всего населенія.

Въ итальянской колоніи Эритреѣ начальное образованіе стоитъ на очень низкой ступени развитія. Есть школы правительственныя, есть миссіонерскія и батальонныя для обученія солдатъ изъ туземцевъ итальянскому языку. Учительскій персоналъ въ этихъ школахъ весьма невысокаго уровня, а именно на всю колонію имѣется лишь одинъ дипломированный учитель (директоръ школъ въ Массовѣ), въ другихъ-же школахъ преподаютъ солдаты, унтеръ-офицеры и монахини. Вся программа школъ исчерпывается итальянскимъ языкомъ и ариѳметикой, за исключеніемъ школъ для мальчиковъ въ Массовѣ, гдѣ она нѣсколько обширнѣе. Статистика 1894—1895 г. насчитываетъ всего 705 учащихся во всѣхъ школахъ Эритреи, что составляетъ около 0,4% всего населенія (247.300 кв. кил. и 195.000 жителей). А изъ 3.663 экзаменующихся солдатъ-туземцевъ, учениковъ батальонныхъ школъ, только 895 сколько-нибудь понимали италья-

скій языкъ. Итальянское правительство тратитъ на школы очень немного: лишь 15.000 фр. въ 1895 и 30.000 фр. въ 1896 г.

IV. Австралія.

Колоніи англичанъ: материкъ Австралія, Тасманія, Новая Зеландія. Колоніи французовъ. Республика Сандвичевыхъ островов.

И въ Австраліи первое и выдающееся мѣсто по высотѣ народнаго образованія занимаютъ колоніи англичанъ. Обратимся прежде всего къ материку. Какъ извѣстно, онъ раздѣляется на нѣсколько провинцій, и каждая изъ нихъ пользуется правомъ широкаго самоуправленія. Поэтому здѣсь нѣтъ общей системы образованія для всего материка, но каждая провинція устраивается и управляется, какъ мы это уже видѣли въ Канадѣ, по своему усмотрѣнію. Мы остановимся на двухъ передовыхъ относительно народнаго образованія провинціяхъ—Новомъ Южномъ Валлисѣ и Викторіи. Подобно Англіи, и въ Австраліи народное образованіе очень долго почти цѣликомъ находилось въ рукахъ общественной иниціативы; правительство только съ 70-хъ годовъ начало принимать дѣятельное участіе въ жизни школы. Общественная иниціатива сама по себѣ сдѣлала очень много, и къ 70-мъ годамъ, когда правительство взяло народное образованіе въ свои руки, послѣднее пустило уже настолько глубокіе корни, что въ двухъ поименованныхъ провинціяхъ около пятой части всего народонаселенія обучалось въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ. Тѣмъ не менѣе вмѣшательство правительства оказало благое вліяніе на жизнь школы, прежде всего—въ смыслѣ приведенія народнаго образованія въ опредѣленную систему, обезпечивающую за нимъ дальнѣйшее прогрессивное движеніе, а затѣмъ въ смыслѣ качественнаго улучшенія народныхъ школъ. Первымъ актомъ правительственнаго вмѣшательства было возведеніе обязательнаго посѣщенія народной школы въ силу закона.

Въ Валлисѣ народное образованіе было упорядочено школьнымъ закономъ 1880 г. Во главѣ всего школьнаго дѣла стоитъ министръ народнаго просвѣщенія, который управляетъ при помощи 33 инспекторовъ. Кромѣ того, вся провинція дѣлится на школьные округа, и въ каждомъ изъ нихъ имѣется особый школьный совѣтъ, состоящій изъ 7 выборныхъ членовъ изъ мѣстнаго населенія. Посѣщеніе начальной школы обязательно для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ. Законъ требуетъ, чтобы каждый ученикъ посѣтилъ школу не менѣе 140 дней въ году. За нарушеніе закона родители подвергаются штрафамъ. Насколько обязательность посѣщать школу нашло населеніе подготовленнымъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1892 г. изъ всего числа зарегистрированныхъ дѣтей школьнаго возраста,

а именно 210.641, всего 22.555 дѣтей, въ томъ или иномъ смыслѣ, нарушили законъ, при чемъ въ 15.189 случаяхъ причина манкировки оказалась вполнѣ уважительной. Такимъ образомъ, только 7.366 дѣтей, т.-е. 3,5% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, или, вѣрнѣе, ихъ родители, подверглись взысканію. Обученіе въ народныхъ школахъ платное: лишь для самыхъ бѣдныхъ родителей дѣлается уступка, а кромѣ того, въ случаѣ необходимости, ученики пользуются даровымъ проѣздомъ въ школу по желѣзной дорогѣ. Плата не велика, ибо, напр., въ 1892 г. весь сборъ за ученіе составилъ 77.524 фунт. стерл. Учащихся въ томъ-же году статистика насчитываетъ 206.265; такимъ образомъ, на каждаго ученика, въ среднемъ, приходится 0,38 ф. ст., т.-е. около 3 р. 60 коп. въ годъ.

Образовательныя учрежденія для народа въ Валлисѣ распадаются на нѣсколько типовъ. Прежде всего два основныхъ типа — высшая народная школа и собственно начальная школа, при чемъ первая составляетъ непосредственное продолженіе второй. За высшей нормальной школой слѣдуетъ средняя школа (High school); есть также школы съ половиннымъ временемъ обученія, въ которыхъ имѣется одинъ учитель на двѣ школы, затѣмъ — подготовительная и подвижная школа. Сверхъ того, есть еще вечернія школы для взрослыхъ. 2.724 правительственныя школы (въ 1892 г.) распредѣлялись по этимъ категоріямъ слѣдующимъ образомъ: 5 среднихъ (т.-е. высшихъ школъ—High schools), 231 высшихъ народныхъ школъ, 1.699—собственно начальныхъ школъ, 348—подготовительныхъ, 341—съ половиннымъ временемъ обученія, 85—подвижныхъ и 15—вечернихъ школъ. Подвижныя школы основаны правительствомъ въ 1883 г. для семействъ, живущихъ вдали отъ школы, безъ удобнаго съ ней сообщенія. При такихъ условіяхъ учитель соединяетъ дѣтей въ наиболѣе центральномъ мѣстѣ, обучаетъ ихъ грамотѣ и счету, задаетъ самостоятельныя работы—и затѣмъ направляется въ другое намѣченное мѣсто. Продѣлавъ ту-же работу въ 2—3 пунктахъ, онъ возвращается на первое мѣсто и т. д., пока не будетъ пройденъ опредѣленный элементарный курсъ. За послѣднее время нарождаются также дѣтскіе сады для дѣтей до-школьнаго возраста, но пока ихъ въ Валлисѣ еще очень мало. Въ программу начальной школы входятъ: грамота, ариѳметика, географія, предметные уроки, мораль, рисованіе, музыка и гимнастика, а сверхъ этихъ обязательныхъ для всѣхъ предметовъ еще грамматика, исторія Англіи и Австраліи и французскій языкъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ для дѣвочекъ преподается еще шитье и обученіе стряпнѣ, тоже какъ необязательные предметы.

Учителя и учительницы народныхъ школъ получаютъ подготовку, во-первыхъ, въ двухъ учительскихъ семинаріяхъ, а затѣмъ право

преподавать получаютъ выдержавшіе опредѣленный экзаменъ. Жалованье преподавателей колеблется отъ 400—72 ф. ст. (3.784—671 р.) для учителя и отъ 300—72 ф. ст. (2.838—671 р.) для учительницы. Кромѣ того, женатые учителя пользуются даровой квартирой. Пенсій нѣтъ, но съ 1869 г. существуетъ касса взаимопомощи, въ которую, въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, остальные вносятъ по 3 шиллинга до 25 лѣтъ и 5 шиллинговъ послѣ этого возраста. Изъ этой кассы и выдаются пособія семействамъ умершихъ членовъ. Всѣ расходы по народному образованію покрываются государствомъ, т.-е. казной данной провинціи, и платой за ученіе; въ Валлисѣ послѣдняя сумма составляетъ около 10% всего бюджета народнаго образованія. Въ 1892 г. бюджетъ достигъ 661.055 ф. ст. (около 6½ мил. рублей), что составляетъ около 5,5 р. расходовъ на каждаго жителя страны (1.132.234 жителей въ 1891 г.). Большое вниманіе обращаетъ правительство на школьныя помѣщенія; съ 1880 по 1892 г. оно истратило на школьныя постройки и обстановку школъ 2.277 тыс. ф. стерл., т.-е. около 20 мил. рублей.

Статистическія данныя, относящіяся къ 1894 г., даютъ слѣдующую картину современнаго состоянія народнаго образованія въ Валлисѣ: всѣхъ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній 3.588, учащихъ въ нихъ 6.419, а учащихся—257.281; 1 учитель приходился на 176 жителей, 1 школа на 316 жителей и 22,7% учащихся. Г. Гаррисъ даетъ для 1892 г. 18,6%, какъ процентное отношеніе ко всему населенію только числа учащихся въ собственно начальныхъ школахъ, не считая даже высшихъ народныхъ школъ. Изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста въ этомъ году 77,8% обучались въ правительственныхъ школахъ, 15,2%—въ частныхъ, а остальные 7% дома, или не обучались совсѣмъ. Что касается степени грамотности, то у г. Левассера находимъ слѣдующія данныя, относящіяся къ 1891 г.: изъ всего числа населенія въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ неграмотныхъ было 18,3%, а изъ всего населенія старше 15 лѣтъ—только 4,9%.

Въ другой провинціи материка Австраліи — Викторіи — болѣе серьезное участіе правительства въ жизни школы начинается уже съ 1773 г.; съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ школьныхъ законовъ, до 1893 г. включительно, привелъ народное образованіе въ цѣльную стройную систему. Управленіе школами въ основныхъ принципахъ сходно съ Валлисомъ, и потому мы на немъ останавливаться не будемъ. Обученіе въ начальной школѣ обязательное, но школьный возрастъ на два года короче, а именно отъ 6 до 12 лѣтъ. Ученикъ обязанъ посѣтить школу не менѣе 160 дней въ году. Обученіе даровое для всѣхъ, а бѣднымъ сверхъ этого выдаются даромъ

и учебныя пособія. Школа правительственная носитъ вполнѣ свѣтскій характеръ, но, по желанію родителей, Законъ Божій можетъ преподаваться въ школѣ по окончаніи обычныхъ уроковъ. Курсъ начальной школы распредѣляется на 6 классовъ, но далеко не всѣ учащіеся достигаютъ послѣдняго класса; такъ, въ 1891 г. изъ всего числа учащихся въ начальной школѣ только 8,9% было въ пятомъ и 3,9%—въ шестомъ классѣ. Программа начальныхъ школъ въ Викторіи, приблизительно, такая-же, какъ въ Валлисѣ. Какъ необязательные предметы обученія, преподаются еще счетоводство, французскій языкъ, но за эти предметы взимается плата, идущая въ пользу учительскаго персонала. Въ школахъ Викторіи, подобно С.-Амер. Соед. Штатамъ, примѣняется принципъ совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. По числу учениковъ школы раздѣляются на 5 категорій: въ школѣ первой категоріи — не менѣе 700, въ школѣ послѣдней — менѣе 50 учениковъ. Кромѣ этихъ школъ, губернаторъ можетъ разрѣшить открыть временную школу во всякой мѣстности, гдѣ наберется 20 дѣтей школьнаго возраста. Если такая школа просуществуетъ 6 мѣсяцевъ, со среднимъ посѣщеніемъ 20 дѣтей, то она становится постоянной и зачисляется въ послѣднюю категорію. Весь составъ преподавателей и преподавательницъ также раздѣляется на 5 категорій—въ зависимости отъ диплома и класса школы. Къ первой категоріи относятся лишь мужчины-директора школъ первой категоріи и учителя, имѣющіе университетскій дипломъ. Ихъ жалованье равняется 280 ф. ст. (2.648, 8 р.) въ годъ, съ ежегодной прибавкой въ 10 ф. до 330 ф. ст. (3.121, 8 р.). Учителя второй категоріи получаютъ отъ 270 до 220 ф. ст. (2.554—2.081 р.) въ годъ, а учительницы отъ 216 — 176 ф. ст. (2.043—1.665 руб.); наконецъ, послѣдняя категорія обезпечиваетъ за учителемъ 136 — 88 ф. ст. (1.311 — 832,5 р.), а за учительницей 83—64 ф. ст. (785 — 605,5 р.) въ годъ. Сверхъ того, огромное большинство лицъ учительскаго персонала пользуется казенной квартирой. Въ 1892 г. во всѣхъ правительственныхъ школахъ обучало 4.862 учителей и учительницъ всѣхъ категорій, и въ то-же время правительство имѣло уже 1.452 дома, выстроенныхъ при школахъ для квартиръ учительскаго персонала. И это еще не все. Всякій учитель и учительница, получавшіе похвальный отзывъ со стороны правительственнаго инспектора, имѣютъ право на награду въ размѣрѣ половиннаго жалованья. И эта прибавка къ жалованью по заслугамъ составляетъ не малую долю всей суммы, затрачиваемой правительствомъ на жалованье учительскому персоналу. Напримѣръ, въ 1891 — 1892 г. наградныя составляли 37% всей суммы жалованья. Расклассированіемъ школъ и учительскаго персонала занимается особый комитетъ, состоящій изъ правительственнаго инспек-

тора, одного изъ директоровъ, выбраннаго товарищами, и особаго чиновника, назначаемаго губернаторомъ; пересмотръ категорій школъ и категорій учителей и учительницъ производится черезъ каждые три года.

Всѣ расходы по школамъ покрываются изъ государственной казны. Въ 1892 г. бюджетъ народнаго образованія достигъ 921.367 ф. ст. (8.716.132 р.), что составитъ 7,6 руб. расходовъ на каждаго жителя Викторіи (1.140.405 жит. въ 1891 г.). Изъ этого бюджета 87% было затрачено только на начальное образованіе. Послѣднія статистическія данныя относятся къ 1894 г. и указываютъ: 2.782 правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, 6.671 учащихъ и 267.063 учащихся въ нихъ дѣтей и молодыхъ людей. Отношеніе числа правительственныхъ школъ къ числу частныхъ относится, какъ 71:29. Приведенныя данныя въ связи съ числомъ жителей даютъ такихъ показателей состоянія образованія: одна школа на 410 жителей, 1 учитель на 171 жителей и 23,4 учащихся на каждые 100 жителей. Г. Гаррисъ принимаетъ во вниманіе лишь учащихся въ нач. школахъ и даетъ для 1893 г.—20,64% всего населенія, обучавшагося въ начальныхъ школахъ. Степень грамотности въ 1891 г. опредѣлилась въ 6,5% неграмотныхъ для всего населенія въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ и 2,3% для населенія старше 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ эти данныя обрисовываютъ весьма отрадную картину народнаго образованія, еще лучшую, нежели въ Валлисѣ.

Въ другихъ провинціяхъ материка Австраліи народное образованіе не достигло еще такой высоты; тѣмъ не менѣе оно покоится на такихъ прочныхъ основахъ давности, съ одной стороны, и народнаго сознанія въ его необходимости—съ другой, что вопросъ всеобщей грамотности населенія—только вопросъ времени. Не останавливаясь долго на организаціи школьнаго дѣла въ этихъ провинціяхъ, укажемъ лишь на типичныя черты и послѣднія статистическія данныя. Въ Квенсландѣ обученіе въ начальныхъ школахъ обязательное и даровое. Вся тяжесть расходовъ лежитъ на государствѣ, бюджетъ котораго на народное образованіе достигъ въ 1891 г. 175.875 ф. ст. (около 1.700 т. рублей), т.-е. 4 р. 25 к. израсходовано на каждаго жителя провинціи (393.718 въ 1893 г. жителей). Послѣдняя статистика, относящаяся къ 1895 г., насчитываетъ 866 школъ, 1.999 учащихъ и 87.639 учащихся въ нихъ, что даетъ одну школу на 455 чел., 1 учителя на 197 чел. и 22,2 учащихся на 100 жителей. Только въ начальныхъ школахъ, по указаніямъ г. Гарриса, обучается 17,88% населенія. Изслѣдованіе 1891 г. дало 18,8% неграмотныхъ для всего населенія въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ.

Въ южной Австраліи обученіе также обязательное въ возрастѣ

*

отъ 7 до 13 лѣтъ, но не даровое. Плата за ученіе сравнительно высокая; напримѣръ, въ 1892 г. взносы за ученіе составили около 30% всѣхъ расходовъ на народное образованіе. Бюджетъ этого года достигъ 90.865 ф. ст., что составитъ 2 р. 65 к. на каждаго жителя. По послѣдней статистикѣ 1894 г., въ южной Австраліи находилось 609 школъ съ 57.986 учащимися, т.-е. одна школа приходилась на 526 человѣкъ населенія, и 18% населенія обучается во всѣхъ заведеніяхъ провинціи. Принимая во вниманіе только учащихся въ начальныхъ школахъ, г. Гаррисъ даетъ для 1891 г.—14,69%.

Въ западной Австраліи народное образованіе организовано въ 1871 г. по образцу европейской Англіи. Обученіе въ начальной школѣ можетъ быть сдѣлано обязательнымъ по усмотрѣнію мѣстнаго школьнаго совѣта; принципъ обязательности сталъ замѣтно прививаться съ 1890 хъ годовъ, и въ 1895 уже болѣе половины школьныхъ округовъ ввело у себя обязательное посѣщеніе школы. Каждое поселеніе, обезпечивающее не менѣе 15-ти учащихся, обязано учредить постоянную нач. школу; въ мѣстахъ менѣе населенныхъ учреждаются школы съ половиннымъ временемъ обученія (одинъ учитель на двѣ школы), и въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ функціонируютъ подвижныя школы. Обязательная программа начальной школы ограничивается грамотой и ариѳметикой; географія, грамматика и ручной трудъ являются необязательными предметами. Кромѣ правительственныхъ школъ, есть еще частныя, которыя субсидируются правительствомъ, при условіи подчиненія общему надзору и отсутствія религіознаго характера. За обученіе взимается плата, которая въ 1891 г. составила, приблизительно, около 10% всего бюджета. Послѣдній составлялъ 14.023 ф. ст. (около 140 тыс. р.), что, при населеніи въ 49.782 чел. (для 1891 г.), даетъ 2,6 р. расходовъ на каждаго жителя провинціи. Въ 1894 г. статистика насчитывала 137 школъ (116 прав. и 21 част.), 245 учащихъ и 7.418 учащихся въ нихъ; въ связи съ числомъ жителей получится одна школа на 363 чел., одинъ учитель на 203 жителя и 15% всего населенія, учащагося во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ провинціи. У г. Гарриса находимъ 12% для 1892 г. и только для учащихся въ начальныхъ школахъ. Изслѣдованіе 1891 г. дало 23% неграмотныхъ для населенія въ возрастѣ отъ 5—15 лѣтъ. Вообще съ 90-хъ годовъ замѣчается очень быстрый прогрессъ въ развитіи школьной жизни въ западной Австраліи.

Изъ островныхъ колоній англичанъ прекрасно поставлено народное образованіе въ Новой Зеландіи. До 1877 г. тамъ не было общей системы народнаго образованія, каждая провинція имѣла свою организацію. Школьный законъ 1877 г., передавъ все дѣло образованія

министерству нар. просвѣщенія, ввелъ однообразную организацію школьнаго дѣла для всей колоніи, приблизительно такую-же, какъ и на материкѣ. Обученіе въ нач. школѣ обязательное отъ 7 до 13 лѣтъ, безплатное и свѣтское, хотя, по желанію родителей, преподаваніе Закона Божія можетъ происходить въ школѣ по окончаніи уроковъ. Принципъ совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола ставится въ Новой Зеландіи очень высоко, и потому школы на всѣхъ ступеняхъ образованія—смѣшаннаго характера. Все обученіе въ начальной школѣ раздѣляется на 6 ступеней, съ переходнымъ экзаменомъ послѣ каждой. Первыя три ступени, обязательныя для всѣхъ дѣтей, обнимаютъ слѣдующіе предметы преподаванія: грамота, ариѳметика, предметные уроки, рисованіе и пѣніе; остальныя три ступени проходятъ лишь желающіе, и въ ихъ программу, кромѣ поименованныхъ предметовъ, входятъ еще: англійскій языкъ, географія, исторія, основныя понятія изъ естественныхъ наукъ и шитье для дѣвушекъ. Въ 1892 г. изъ всего числа дѣтей, записанныхъ въ начальныхъ школахъ, 26% готовились къ экзамену первой степени, 56%—ко второй, третьей и четвертой степени, 15% — къ пятой и только 3% выдержали экзаменъ шестой степени. Школы содержатся на счетъ общества и государства, при чемъ государственная субсидія покрываетъ болѣе половины расходовъ. Въ 1892 г. бюджетъ на народное образованіе достигъ 479.114 ф. ст. (около 4½ мил. руб.), что составляетъ 6,7 р. расходовъ по образованію на каждаго жителя. Интересно, что изъ всей суммы бюджета только 4,7% истрачено на инспекцію и всю администрацію; главный расходъ, именно 66%—жалованье учительскому персоналу, а остальные 29,3%—школьныя помѣщенія, обстановка и другія стороны школьной жизни. Въ 1894 г. во всей Зеландіи было 1.682 школъ (изъ нихъ 272 частныхъ), 3.984 учащихъ и 141.508 учащихся въ нихъ дѣтей. Въ связи съ числомъ жителей (672.265 чел. для 1893 г.) данныя эти даютъ одну школу на 400 жителей, одного учащаго на 168 человѣкъ и 21 учащагося на 100 человѣкъ народонаселенія. Только для начальныхъ школъ г. Гаррисъ даетъ для 1893 г. 18,54%. Степень грамотности жителей Н. Зеландіи опредѣлилась изслѣдованіемъ 1891 г. въ 15,4% неграмотныхъ для населенія въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ и 2,2%—для взрослаго населенія старше 15-ти лѣтъ. Кромѣ упомянутыхъ школъ, на Н. Зеландіи существуютъ еще спеціальныя школы для туземцевъ, но онѣ не внесены въ общую школьную статистику. Въ 1892 г. ихъ насчитывали 67—съ 2.133 учащихся.

И на островѣ Тасманіи школьная система представляетъ, приблизительно, ту-же организацію, что и на материкѣ. Обученіе обязательное въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ, въ школахъ взимается плата за ученіе, но въ деревенскихъ школахъ много правительствен-

ныхъ безплатныхъ вакансій для бѣдныхъ. Жалованье народныхъ учителей и учительницъ колеблется отъ 507—100 ф. ст. (4.796—946 р.) для первыхъ и отъ 213—67 ф. ст. (2.015—634 р.) для вторыхъ. Статистика 1894 г. насчитываетъ въ Тасманіи 401 школу (изъ нихъ 154 частныхъ), 484 учащихъ и 19,967 учащихся въ нихъ, что дастъ 1 школу на 366 человѣкъ, 1 учащаго на 303 чел. и 14,08 учащихся въ нач. школахъ на каждую сотню жителей. Грамотность жителей, по изслѣдованію 1891 г., выразилась 26,7% неграмотныхъ для населенія въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ и 7,8%—для взрослаго населенія старше 15-ти лѣтъ.

Состояніе народнаго образованія во французскихъ колоніяхъ Океаніи не выдерживаетъ сравненія съ колоніями англичанъ. Впервые о народномъ образованіи стали заботиться католическія религіозныя общества. Только съ 80-тыхъ годовъ французское правительство взяло на себя иниціативу народнаго образованія, и только съ этого времени школа становится свѣтской и общедоступной. Въ 1892—1893 г. на островѣ Каледоніи было 33 школы для европейцевъ съ 1.800 учащихся и 24 школы для туземцевъ съ 2.309 учащихся. На другихъ островахъ, принадлежащихъ фр. республикѣ, приблизительно въ то-же время (Таити, Маркизскіе и др.), статистика насчитываетъ 75 школъ съ 3.258 учащихся дѣтей. На островахъ Таити изъ 2.803 учащихся—1.924 принадлежатъ къ туземному населенію. Такимъ образомъ, во всѣхъ французскихъ колоніяхъ Океаніи, взятыхъ вмѣстѣ (32 т. кв. мил. и 300 тыс. жит.), получится 132 школы и 7.367 учащихся дѣтей, европейцевъ и туземцевъ, что даетъ слѣдующее приблизительное понятіе о состояніи народнаго образованія во французскихъ колоніяхъ Океаніи: 1 школа на 242 кв. кил., 1 школа на 2.273 человѣка и 2,45 учащихся на каждую сотню жителей.

На Сандвичевыхъ островахъ начало образованія было положено въ первой четверти нашего столѣтія американскими миссіонерами, а въ 1843 г. былъ уже учрежденъ департаментъ народнаго просвѣщенія, который и донынѣ стоитъ во главѣ этого дѣла. Обученіе въ нач. школѣ обязательное. Въ правительственныхъ школахъ обученіе ведется въ большинствѣ школъ на англійскомъ языкѣ, а въ остальныхъ на туземномъ. Кромѣ правительственныхъ, есть еще и частныя, не зависящія отъ правительства, школы. Во всѣхъ школахъ половина дѣтей—туземцы, другая—американцы и европейцы. Послѣднія статистическія данныя относятся къ 1894 г. и даютъ при 405 учащихъ 11,307 учащихся только въ начальныхъ школахъ,

что составляетъ 12,56% всего населенія (89.990 жит.); 1 учитель приходится на 222 человѣка народонаселенія.

		Число жит. на кв. килом.	Одна школа на простр. въ кв. килом.	Одинъ учитель на число жит.	Число учащихся въ школахъ на 100 жителей.	Расходы по образованію на каждаго жит. въ руб.	Годъ статистич. свѣдѣній.
II. Азія.							
Японія		108	17,5	752,5	7,8 [1])	0,52	1892
Французскія колоніи:	Индостанъ	600	1,6	572	4,3	—	1892
	Кохинхина	34	101,7	3.347 *	1,1	—	1889
Британская Индія		90	18	1.651 *	1,5	—	1892
Нидерландскія колоніи		20	80	1.642 *	1,3	—	1891
Сибирь		1,3	8.710	3.976 *	0,85	—	1887
III. Африка.							
Египетъ		7,8	148	1.069,8	6,9	—	1887
Англійск. колоніи въ Южн. Африкѣ		1,6	937	1.498 *	4,04	0,85	1894
Французскія колоніи:	Алжиръ	5,2	614	1.609	2,7 [2])	—	1892
	О-въ Бурбонъ	—	—	—	6	—	1892
	Мадагаскаръ	6	—	—	5 [3])	—	—
	Тунисъ	15	103	1.539 *	1,9	—	1896
Итальянская колонія	Эритрея	0,8	—	—	0,4	—	1895
IV. Австралія.							
Англійскія колоніи:	Валлисъ [4])	—	—	176	18,6	5,50	1892
	Викторія	—	—	171	20,64	7,60	1894
	Квенсландъ	—	—	197	17,8	4,25	1894
	Южн. Австралія	—	—	—	14,69	2,65	1894
	Зап. Австралія	—	—	203	12	2,60	1894
	Тасманія	—	—	303	14,08	—	1894
	Н. Зеландія	—	—	168	18,54	6,70	1894
Французскія колоніи		—	242	2.273 *	2,45	—	1892
Сандвичевы о-ва		6	—	222	12,56	—	1894

М. Страхова.

*) Числа, обозначенныя въ этой графѣ знакомъ *, указываютъ число жителей на одну школу.

[1]) Приняты во вниманіе только общественныя школы, безъ частныхъ.

[2]) Приняты во вниманіе только правительственныя начал. школы для европейцевъ и туземцевъ; кромѣ нихъ, есть еще туземныя магометанскія школы.

[3]) Приняты во вниманіе только протестантскія начал. школы; кромѣ нихъ, есть еще католическія.

[4]) Плотность населенія для всѣхъ британскихъ владѣній въ Австраліи и Океаніи—0,6 на кв. мил.

Харьковская частная женская воскресная школа.

(Историческій очеркъ).

1. Возникновеніе школы.

Движеніе по устройству воскресныхъ школъ, происходившее въ Россіи въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ *), коснулось, въ числѣ другихъ провинціальныхъ городовъ, и Харькова, гдѣ также были открыты воскресныя школы. И точно такъ-же, какъ повсюду въ Россіи, школы эти были закрыты въ 1862 году **). Среди учащихъ въ женской Харьковской воскресной школѣ была Христина Даниловна Алчевская, сдѣлавшаяся впослѣдствіи извѣстною всѣмъ, кто интересуется хотя-бы въ самой слабой степени дѣломъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, а тогда совершенно никому неизвѣстная молодая женщина. Она была въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя съ закрытіемъ воскресныхъ школъ не сочли возможнымъ прекратить свое участіе въ дѣлѣ просвѣщенія народа, а считали своимъ долгомъ посильно продолжать работу, начатую въ первыхъ воскресныхъ школахъ и такъ неожиданно прерванную. Слезы и отчаяніе ея ученицъ, которымъ было объявлено о закрытіи воскресной школы и прекращеніи занятій съ ними, заставили ее пригласить этихъ дѣтей къ себѣ на домъ и продолжать ихъ обученіе.

Домашняя школа Х. Д. Алчевской существовала около восьми лѣтъ. Школа существовала, такъ сказать, на нелегальномъ положеніи, такъ какъ на открытіе ея у Х. Д. Алчевской не было надлежащаго разрѣшенія. Съ одной стороны, воскресныя школы тогда не разрѣшались, а съ другой—сама устроительница школы не имѣла еще тогда званія учительницы, и потому даже не имѣла права заниматься преподаваніемъ. Какъ извѣстно, для того, чтобы быть учителемъ, недостаточно

---

*) См. «Русская Школа» 1898 г., № 9—12. «Первыя воскресныя школы въ Россіи».

**) Тоже, № 12.

имѣть знанія, любить педагогическое дѣло и обнаружить соотвѣтственное дарованіе,—необходимо еще имѣть дипломъ, который Х. Д. Алчевская впослѣдствіи и была вынуждена пріобрѣсти, выдержавъ установленный экзаменъ. Какъ пишетъ сама основательница Харьковской частной женской воскресной школы, она въ своей домашней школѣ «учила одиноко, крадучись», такъ какъ ее пугали штрафами за «противозаконное ученье», пугали разнаго рода репрессивными мѣрами. Къ счастью, дѣло обошлось безъ печальныхъ послѣдствій, и только впослѣдствіи, когда Х. Д. Алчевская уже пріобрѣла извѣстность въ качествѣ опытной учительницы и основательницы воскресной школы, ей пришлось быть привлеченной къ судебному слѣдствію за то, что она, будучи лѣтомъ въ деревнѣ, вздумала наполнить свой досугъ столь преступнымъ дѣяніемъ, какъ обученіе азбукѣ десятка деревенскихъ ребятишекъ. Тѣмъ не менѣе и въ 60-ые годы Х. Д. Алчевская постоянно ждала бѣды отъ своихъ занятій по воскресеньямъ съ десяткомъ дѣвочекъ, почему не разъ прекращала это дѣло, возобновляя его, однако, немедленно въ силу непреодолимой потребности работать на пользу народнаго просвѣщенія.

Такъ тянулось дѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Первоначально учащихся въ школѣ было человѣкъ десять, и занималась съ ними одна Х. Д. Алчевская. Затѣмъ мало-по-малу число учащихся стало возрастать, явилась потребность въ увеличеніи преподавательскихъ силъ, явились и люди, принявшіе на себя часть труда по школкѣ. И помѣщеніе, которымъ могла располагать школа въ частной квартирѣ Алчевскихъ, и самое положеніе школки, какъ существующей безъ разрѣшенія, и потому каждую минуту могущей быть закрытой, уже не соотвѣтствовали размѣрамъ дѣла и его значенію. Приходилось думать о томъ, какъ измѣнить такое положеніе школы, легализировать его и имѣть возможность расширять его. Въ это время въ Харьковѣ открылось «Общество для распространенія въ народѣ грамотности», и Х. Д. Алчевская вступила въ число его членовъ, имѣя въ виду добиться устройства при Обществѣ воскресной школы. Дѣйствительно, Общество открыло воскресную школу, и Х. Д. Алчевская перевела въ нее своихъ ученицъ. Однако пребываніе Х. Д. Алчевской въ воскресной школѣ Общества грамотности было непродолжительнымъ, и ей пришлось оставить эту школу, какъ не удовлетворявшую ея требованій, и озаботиться открытіемъ собственной воскресной школы *).

Въ это время въ квартирѣ Х. Д. Алчевской собиралось по воскресеньямъ уже до 50 ученицъ и занятія велись съ ними 10 учи-

*) «Русская Школа», 1899 г. № 1, «Возрожденіе воскресныхъ школъ».

тельницами. Такое учрежденіе, очевидно, не могло уже существовать втихомолку, безъ надлежащей санкціи со стороны подлежащей власти, и Х. Д. Алчевская принялась за хлопоты по полученію оффиціальнаго разрѣшенія на устройство воскресной школы.

Къ этому времени недовѣріе къ воскреснымъ школамъ, явившееся результатомъ ихъ закрытія въ 1862 году, нѣсколько ослабѣло. Въ Положеніи о начальныхъ училищахъ 1864 года воскресныя школы были признаны однимъ изъ законныхъ типовъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій *). Въ 1866 году были открыты при 33 духовныхъ семинаріяхъ воскресныя школы на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Были уже сдѣланы попытки устройства частныхъ воскресныхъ школъ въ нѣсколькихъ городахъ, хотя и не создавшія ничего прочнаго **). Наконецъ, въ самомъ Харьковѣ, кромѣ воскресной школы при духовной семинаріи, была открыта воскресная школа упомянутымъ Обществомъ грамотности. И тѣмъ не менѣе получить разрѣшеніе на устройство воскресной школы Х. Д. Алчевской оказалось дѣломъ очень и очень не легкимъ.

Мытарства, которыя Х. Д. Алчевской пришлось вынести при этихъ хлопотахъ, подробно изложены въ ея школьномъ дневникѣ, выдержки изъ котораго приведены въ журналѣ «Семья и Школа» за 1877 годъ. Затрудненія начались съ вопроса о распорядительницѣ школы. Такъ какъ при той постановкѣ дѣла, какая существовала въ домашней школѣ и которая должна была быть перенесенною и въ проектировавшуюся оффиціальную воскресную школу, распорядительница не имѣла никакого рѣшающаго значенія и дѣло предполагалось вести на началахъ равенства всѣхъ участвующихъ, то Х. Д. Алчевская представила по начальству списокъ всѣхъ учительницъ школы, предоставляя ему самому избрать распорядительницу. Однако учебное начальство нашло, что всѣ десять учительницъ, изъ которыхъ были педагоги по профессіи, недостаточно благонамѣренны для занятія должности распорядительницы воскресной школы. Х. Д. Алчевская обратилась тогда къ лицу, въ благонамѣренности котораго не могло быть сомнѣнія,—къ священнику, сочувственно относившемуся къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Священникъ согласился принять на себя обязанности распорядителя воскресной школы; учебное начальство нашло его достаточно благонамѣреннымъ, губернаторъ также ничего не имѣлъ противъ этого лица, но архіерей нашелъ, что «молодой вдовецъ-священникъ не можетъ быть руководителемъ женской школы». Пришлось обратиться къ самому начальству и просить указать выходъ изъ страннаго положенія вещей. Предсѣ-

*) ib. **) ib.

датель училищнаго Совѣта заявилъ, что школа будетъ разрѣшена лишь въ томъ случаѣ, если распорядительницей и учредительницей будетъ особа, по мужу принадлежащая къ административнымъ сферамъ, при чемъ указалъ на жену правителя губернаторской канцеляріи Е. И. Цвѣткову. Къ счастью, г-жа Цвѣткова была хорошей знакомой Х. Д. Алчевской и даже принимала нѣкоторое участіе въ ея домашней школѣ. Г-жа Цвѣткова согласилась быть распорядительницей школы, но отъ чести быть учредительницей отказалась. Было подано прошеніе, въ которомъ на г-жу Цвѣткову указывалось, какъ на распорядительницу, а учредителемъ былъ указанъ все тотъ-же священникъ, который былъ признанъ слишкомъ молодымъ для роли распорядителя. Прошеніе было возвращено съ требованіемъ, чтобы г-жа Цвѣткова фигурировала и въ роли учредительницы. На этотъ разъ г-жа Цвѣткова изъявила согласіе нѣкоторое время фигурировать и въ роли учредительницы (впослѣдствіи г-жѣ Алчевской было предоставлено играть и оффиціальную роль учредительницы и распорядительницы, которыми фактически она была съ основанія школы). Наконецъ, школа была разрѣшена, но этимъ мытарства учредителей школы еще не кончились. Необходимо было помѣщеніе для школы. Помѣщеніе это было дано городскимъ управленіемъ въ принадлежащемъ городу зданіи, въ которомъ помѣщалось городское приходское училище. Но тутъ разъигралась исторія, которую мы изложимъ подлинными словами школьнаго дневника Х. Д. Алчевской:

«Мы явились къ смотрителю, завѣдывающему училищемъ.

— Что мнѣ за дѣло до городского головы,—отвѣчалъ смотритель,—у меня есть свое начальство—попечитель.

— Но вѣдь домъ принадлежитъ городу?

— Ничего не значитъ!

Мы просили его Христомъ-Богомъ съѣздить къ попечителю. На другой день мы явились за отвѣтомъ.

— Ну, mes dames,—сказалъ смотритель тономъ соболѣзнованія,—вы меня не вините, я тутъ не при чемъ. Попечитель сказалъ мнѣ: «если хотите лишиться мѣста, отдайте помѣщеніе подъ школу». Вы сами посудите, я человѣкъ женатый, у меня дѣти.

— Что-же намъ дѣлать?

Доброе сердце смотрителя, повидимому, было тронуто.

— Вотъ что я вамъ посовѣтую,—сказалъ онъ,—поѣзжайте къ генеральшѣ В. Попечитель ей знакомъ. Просите ее быть попечительницей школы и оказать вамъ содѣйствіе у попечителя.

Ѣду къ г-жѣ В. Къ счастью, она весьма симпатично отнеслась къ моей просьбѣ и охотно вызвалась ходатайствовать о школѣ.

На другой-же день г-жа В. передала мнѣ, что попечитель согласенъ и съ удовольствіемъ даетъ право на помѣщеніе.

Мы поѣхали съ Е. И. сообщить объ этомъ смотрителю.

— Какъ-бы не такъ,—сказалъ онъ,—такъ вотъ я ему и повѣрю: онъ тамъ

вамъ, барынямъ, говоритъ одно, а меня турнетъ послѣ съ мѣста. Привезите мнѣ письменное удостовѣреніе.

Ѣду опять къ г-жѣ В. Ѣдетъ она опять къ попечителю и привозитъ, наконецъ, письменное удостовѣреніе» («Семья и Школа», 1877 г., № 9, стр. 196).

Для людей, не знакомыхъ съ фактами жизни изъ воскресныхъ школъ, вся эта исторія можетъ показаться по-истинѣ удивительной, но мы спѣшимъ успокоить читателя указаніемъ на то, что и чрезъ 25 лѣтъ послѣ описанной исторіи въ дѣлѣ распространенія воскресныхъ школъ бывали факты не менѣе, а еще болѣе удивительные, при чемъ дѣло доходило до того, что покойный попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа давалъ въ 90-е годы оффиціальные отказы на просьбы о разрѣшеніи открыть воскресныя школы на томъ основаніи, что въ законѣ такой типъ народно-просвѣтительнаго учрежденія, будто-бы, даже не предусмотрѣнъ. Не будемъ-же удивляться тому, что было въ 70-хъ годахъ, когда дѣло воскресныхъ школъ было для многихъ дѣломъ совершенно новымъ, незнакомымъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ въ памяти еще былъ разгромъ воскресныхъ школъ, произведенный въ 1862 году.

Какъ-бы то ни было, частная женская воскресная школа въ Харьковѣ была открыта 22-го марта 1870 года. Съ тѣхъ поръ прошло 29 лѣтъ. Школа за все это время росла и ширилась. Увеличивалось число учащихся въ ней, росло и число работающихъ въ школѣ, росли учебныя и матеріальныя средства школы. Въ настоящее время школа обладаетъ уже собственнымъ зданіемъ, по величинѣ и обстановкѣ пригоднымъ для любого среднеучебнаго заведенія. Она обладаетъ богатѣйшими учебными пособіями, вызывавшими общее удивленіе на выставкахъ въ Москвѣ (святки 1895—1896 гг.) и Нижнемъ (1896 г.). Чрезъ школу, считая и другія образовательныя учрежденія, существующія при ней (вторая смѣна и вечерне-будняя школа), проходитъ ежегодно до 1.000 учащихся. Работаетъ въ школѣ каждый годъ болѣе ста человѣкъ, безкорыстно отдающихъ ей свой трудъ. Школа стоитъ во главѣ цѣлаго общественнаго движенія по устройству воскресныхъ школъ, послуживъ своимъ примѣромъ къ открытію нѣсколькихъ сотъ воскресныхъ школъ въ городахъ и нѣсколькихъ тысячъ въ селахъ и деревняхъ. Своею капитальною работою «Что читать народу» школа сослужила добрую службу дѣлу народнаго просвѣщенія вообще, внеся свѣтъ въ вопросъ о книгахъ для народа, поставивъ на правильную почву народно-издательское дѣло и двинувъ впередъ вопросъ о народныхъ библіотекахъ. И все это вышло и развилось изъ скромной маленькой частной воскресной школы, помѣщавшейся первоначально въ частной квартирѣ г-жи Алчевской, а затѣмъ въ домѣ городского приходскаго училища. Прослѣдить эту эволюцію, это развитіе маленькаго скромнаго начинанія

въ крупное общественное дѣло представляетъ не малый интересъ, тѣмъ болѣе, что у насъ, въ Россіи, частная инициатива въ области народнаго просвѣщенія до сихъ поръ такъ мало развита и встрѣчаетъ такія многочисленныя препятствія и затрудненія, что въ высшей степени удачный примѣръ приложенія частной инициативы въ области народнаго просвѣщенія, давшій такія обширныя послѣдствія, не можетъ не быть глубокопоучительнымъ.

2. Первые годы Харьковской частной женской воскресной школы.

Въ моемъ распоряженіи имѣются чрезвычайно богатые матеріалы по исторіи Харьковской частной женской воскресной школы. Я располагаю ежегодными отчетами школы, протоколами педагогическихъ собраній учащихъ въ школѣ за все время ея существованія, протоколами отдѣльныхъ коммиссій, избиравшихся по разнымъ поводамъ изъ среды учащихъ, школьнымъ дневникомъ основательницы и распорядительницы школы Х. Д. Алчевской за все время веденія ею школы, перепиской школы съ другими воскресными школами и лицами, желавшими учредить воскресныя школы, сообщеніями цѣлаго ряда лицъ, посѣщавшихъ школу и изучавшихъ ее, особыми отчетами объ участіи школы въ выставкахъ — Парижской 1889 г., Брюссельской, Чикагской, Московской 1895—1896 гг. (при II съѣздѣ дѣятелей по профессіональному образованію) и Нижегородской 1896 года и многими другими матеріалами. Кромѣ того, я лично состою уже въ теченіе 13 лѣтъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ школѣ, посѣщалъ неоднократно за этотъ періодъ времени школу и знакомился съ нею на ея занятіяхъ, на ея праздникахъ, на засѣданіяхъ педагогическихъ собраній и ея коммиссій, слѣжу за ея жизнью по постояннымъ сообщеніямъ о ея дѣятельности и т. д. Такимъ образомъ, я имѣю возможность представить читателю подробную исторію Харьковской частной женской воскресной школы. Собственно, находящіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы такъ богаты, а исторія школы такъ интересна, богата такими любопытными фактами, что изложеніе ея могло бы составить не одинъ томъ. Къ сожалѣнію, объемъ моей работы позволяетъ мнѣ остановиться только на наиболѣе крупныхъ, наиболѣе существенныхъ явленіяхъ въ жизни школы.

Харьковская частная женская воскресная школа была открыта, какъ уже сказано, 22-го марта 1870 года, а уже осенью того-же года, баронъ Корфъ, посѣтивъ эту школу, нашелъ ее вполнѣ благоустроенною. Учащихся въ школѣ было болѣе ста человѣкъ, въ томъ числѣ было 20 взрослыхъ, а большинство принадлежало къ возрасту около 13 лѣтъ. Учительницъ было 20. Школа была поставлена такимъ образомъ, что, въ полную противоположность нашимъ учебнымъ

заведеніямъ, въ которыя учащіеся стараются не ходить при всякомъ удобномъ случаѣ, ученицы стремились въ нее, какъ на какой-то праздникъ, при чемъ дѣло доходило до того, что, какъ передаетъ баронъ Корфъ, содержательницы магазиновъ, ученицы которыхъ посѣщали школу, пользовались отказомъ въ разрѣшеніи посѣщать школу, какъ самымъ высшимъ наказаніемъ по отношенію къ дѣвочкамъ-модисткамъ. Объ успѣхахъ преподаванія баронъ Корфъ сообщаетъ слѣдующія много говорящія данныя: «Ни одной не видѣлъ я, читатель, такой ученицы, которая не читала-бы сознательно; по бѣглости чтенія ученицы весьма различны, но и тѣ, которыя читаютъ еще крайне медленно, читаютъ толково. Всѣ ученицы, безъ изъятія, пишутъ, такъ какъ въ этой школѣ обучаютъ чтенію и письму одновременно, по звуковому способу. Только три ученицы нашелъ я такихъ, которыя пробыли въ школѣ 16 воскресныхъ дней и ничему не научились; это объясняется тѣмъ, что эти три дѣвочки крайне неисправно посѣщали школу и что учительница этой группы такъ-же пропускала уроки. Всѣ остальныя 88 ученицъ, а я интересовался преимущественно слабѣйшими изъ нихъ, обладая различными степенями знаній, отъ вполнѣ бѣглаго и выразительнаго чтенія до знакомства съ процессомъ чтенія и письма только на нѣкоторые, не всѣ еще звуки алфавита, выведены учительницами на торную дорогу, толкомъ усвоили пройденное».

Посѣтивъ школу еще черезъ годъ, баронъ Корфъ прямо поразился ея успѣхами. Въ школѣ было уже болѣе 150 учащихся, т. е. увеличеніе учащихся равнялось 50%. Школа помѣщалась уже въ двухъ этажахъ просторнаго зданія приходскаго училища. Библіотека школы и собраніе ея учебныхъ пособій значительно возросли. «Что касается учебной программы, то за годъ существованія Харьковская воскресная школа сдѣлала огромный шагъ впередъ: изъ школы грамотности, у которой, за исключеніемъ звукового обученія чтенію и письму и весьма раціональной школьной дисциплины, нельзя было заимствовать ни одного педагогическаго пріема обученія, эта воскресная школа для дѣвицъ превратилась въ полную элементарную школу, которую стоитъ посѣтить всякому, желающему видѣть на дѣлѣ примѣненіе лучшихъ методовъ обученія по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса» (Баронъ Н. А. Корфъ. «Наше школьное дѣло», стр. 117—142).

Мы привели здѣсь отзывъ барона Корфа, какъ свидѣтельство опытнаго и требовательнаго педагога. Такого-же рода свидѣтельства даютъ намъ и многіе другіе извѣстные педагоги (Евтушевскій, Семеновъ, Абаза и др.), посѣщавшіе Харьковскую частную женскую воскресную школу въ первые годы ея существованія и единогласно

удостовѣряющіе, что школа росла и развивалась съ поразительной быстротой. Но такъ какъ отзывы этихъ педагоговъ совершенно тожественны съ отзывомъ барона Корфа, то мы не будемъ приводить ихъ въ отдѣльности. Скажемъ только, что школа произвела на всѣхъ этихъ лицъ столь отрадное впечатлѣніе, что они дѣлались горячими друзьями ея и поддерживали съ нею впослѣдствіи болѣе или менѣе тѣсныя отношенія. Особенно близко сталъ къ школѣ баронъ Корфъ, который неоднократно посѣщалъ школу, съ которымъ школа постоянно дѣлилась всѣми выдающимися событіями своей жизни и къ которому она обращалась до конца его жизни за совѣтами и указаніями во всѣхъ затруднительныхъ и вообще важныхъ случаяхъ.

Первые годы существованія школы были по преимуществу годами ея организаціонной работы. Такъ-какъ между воскресными школами, существовавшими въ началѣ 60-хъ годовъ, и возникшею въ 1870 году Харьковскою частною женскою воскресною школою не было прямой преемственной связи, то опытъ первыхъ школъ пропалъ безплодно для послѣдней, и она была вынуждена проходить періодъ подготовительной работы самостоятельно. Нужно было выработать всѣ мельчайшія подробности какъ преподаванія въ школѣ, составленной изъ крайне разнообразныхъ и по возрасту, и по подготовкѣ элементовъ, такъ и всей постановки дѣла — хозяйственной, педагогической, административной. Въ настоящее время воскресныя школы получаютъ все это въ готовомъ видѣ, пользуясь опытомъ воскресныхъ школъ, возникшихъ ранѣе ихъ, и именно преимущественно опытомъ Харьковской частной женской воскресной школы; имѣются даже и книги, которыя служатъ руководствомъ для лицъ, устраивающихъ воскресныя школы или начинающихъ въ нихъ занятія. Ничего подобнаго не было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда организовалась Харьковская женская воскресная школа. Каждый шагъ впередъ въ ея жизни давался только путемъ продолжительнаго опыта, являлся результатомъ обстоятельнаго обсужденія множества вопросовъ, возникавшихъ въ жизни школы. Такимъ образомъ, въ школѣ шла двойная работа—въ самой школѣ учащіе работали, обучая учащихся, а внѣ школы—преимущественно на педагогическихъ собраніяхъ—они вырабатывали подробности веденія дѣла, которыя затѣмъ и осуществляли въ жизни школы.

Протоколы педагогическихъ собраній учащихся Харьковской женской воскресной школы за первые годы ея существованія показываютъ съ наглядностью, какъ велика была эта организаціонная работа. Многое, что теперь кажется такимъ простымъ и естественнымъ, многое, безъ чего нельзя и представить себѣ воскресную школу, тогда было совершенно неизвѣстнымъ, вело къ сомнѣніямъ

и колебаніямъ и вызывало продолжительное обсужденіе, борьбу противоположныхъ мнѣній. Нужно было надлежащимъ образомъ выяснить себѣ цѣль и задачи воскресной школы, нужно было точно опредѣлить, чего она можетъ достигать при условіяхъ, въ которыя поставлена работа въ воскресныхъ школахъ, нужно было выработать соотвѣтствующіе этимъ условіямъ и задачамъ воскресной школы пріемы веденія дѣла. Человѣку, знакомящемуся въ настоящее время съ благоустроенною воскресною школою и наслаждающемуся созерцаніемъ правильности и даже изящества, съ которымъ всѣ части механизма дѣйствуютъ въ школѣ, можетъ и не приходить въ голову мысль о той работѣ, которая потребовалась для того, чтобы установить типы всѣхъ частей этого механизма, для того, чтобы выработать всѣ мельчайшія его части, вплоть до самаго маленькаго винтика, а между тѣмъ эта работа была громадною и потребовала труда многихъ лицъ и многихъ лѣтъ.

Пишущій эти строки читалъ съ чувствомъ глубокаго уваженія къ безвѣстнымъ труженикамъ, положившимъ столько ума и таланта на выработку типа воскресныхъ школъ, протоколы педагогическихъ собраній первыхъ лѣтъ существованія Харьковской женской воскресной школы, въ которыхъ эти умъ и талантъ проявляются съ такимъ блескомъ. Мало кому извѣстны имена лицъ, работавшихъ въ Харьковской частной женской воскресной школѣ за первые годы ея существованія, а между тѣмъ они всѣ свои силы употребили на выработку типа воскресныхъ школъ, между тѣмъ они съ величайшею любовью работали надъ созданіемъ наилучшихъ пріемовъ веденія дѣла въ воскресной школѣ, между тѣмъ они, тратя свои досуги на работу въ воскресной школѣ, находили возможнымъ готовить для педагогическихъ собраній обширные доклады по всевозможнымъ вопросамъ, выставляемымъ жизнью воскресной школы, и всю душу вкладывали въ отысканіе разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Одинъ перечень вопросовъ, которые обсуждались на педагогических собраніяхъ школы, способенъ внушить глубокое уваженіе къ первымъ работникамъ этой школы. Мною составленъ списокъ вопросовъ, обсуждавшихся на собраніяхъ за первыя десять лѣтъ существованія школы, и списокъ этотъ буквально обнимаетъ собою всю энциклопедію школьнаго дѣла. Не имѣя возможности, въ виду его длинноты, привести здѣсь весь этотъ списокъ, я ограничусь тѣмъ, что помѣщу лишь вопросы, обсуждавшіеся на собраніяхъ въ теченіе двухъ первыхъ учебныхъ годовъ—1870—1871 и 1871—1872.

Первое педагогическое собраніе учащихъ въ Харьковской женской воскресной школѣ, по которому былъ составленъ протоколъ и свѣдѣнія о которомъ, такимъ образомъ, сохранились

(ранѣе собранія велись безъ составленія протоколовъ), происходило 21-го ноября 1870 года при участіи бар. Корфа. Въ собраніи этомъ были приняты слѣдующія постановленія: 1) Ввести наглядное обученіе. 2) Усилить преподаваніе ариѳметики. 3) Обученіе грамотѣ оставить по небольшимъ группамъ, послѣ чего учевицъ, усвоившихъ сознательно грамоту, помѣщать для дальнѣйшаго обученія (ариѳметика и наглядное обученіе) въ классы, число которыхъ должно зависѣть отъ степени подготовки учащихся. 4) При преподаваніи руководствоваться программой, изложенной въ книгѣ бар. Корфа «Русская начальная школа». 5) Производить контроль занятій, для чего избирать два раза въ годъ особую коммиссію изъ работающихъ въ школѣ, для подробнаго обслѣдованія хода дѣлъ въ школѣ и доклада собранію.

Въ послѣдующихъ собраніяхъ было поставлено и рѣшено такое множество разнообразнѣйшихъ вопросовъ, что мы положительно лишены возможности приводить здѣсь самыя постановленія собраній, а потому ограничимся лишь перечнемъ самыхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ обыкновенно читателю не трудно будетъ представить самому. Вотъ эти вопросы, рѣшенные въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ дѣятельности собраній:

Позволительно-ли каждой изъ учительницъ дѣлать замѣчанія всѣмъ другимъ учительницамъ о замѣченныхъ недостаткахъ въ преподаваніи? (Рѣшено въ положительномъ смыслѣ).

О веденіи каждою учительницею списка своихъ ученицъ.

О необходимости вести въ каждой группѣ занятія по классному способу, а не съ каждою ученицею отдѣльно.

О выработкѣ программы преподаванія въ подготовительномъ классѣ.

О необходимости имѣть всегда на первомъ планѣ интересы учащихся, въ виду чего дѣленіе на группы должно согласоваться исключительно съ успѣхами и познаніями ученицъ, а съ не симпатіями учащихъ.

О переводѣ ушедшихъ впередъ или отстающихъ ученицъ группы въ другія группы, соотвѣтствующія имъ по познаніямъ.

Распредѣленіе часовъ занятій въ 4-хъ старшихъ группахъ.

О программахъ 2-го и 3-го классовъ.

О необходимости преподаванія географіи въ воскресной школѣ.

О способахъ обученія орѳографіи.

Нужно-ли знакомить учащихся въ воскресной школѣ съ грамматической терминологіей?

О программахъ преподаванія географіи и грамматики въ старшемъ классѣ воскресной школы.

О необходимости спеціализаціи въ преподаваніи предметныхъ уроковъ, которые должны выиграть, если каждый изъ преподающихъ возьметъ на себя спеціальный предметъ.

О необходимости платы учительницамъ (Вопросъ этотъ былъ возбужденъ педагогомъ Семеновымъ, посѣтившимъ школу, и рѣшенъ единогласно участниками школы въ отрицательномъ смыслѣ, въ виду того, что они сочли себя «спо-

собными работать и безъ платы не менѣе добросовѣстно, нежели за плату», хотя большинство ихъ живутъ личнымъ трудомъ и «хорошо знаютъ цѣну заработанной копѣйки»; преподавательницы полагали «прочность своей школы въ томъ удовольствіи, которое она имъ доставляетъ и котораго онѣ не чувствуютъ себя способнымъ продать ни за какія деньги».

О постановкѣ преподаванія въ школѣ въ лѣтнее время (Первые годы въ Харьковской воскресной школѣ преподаваніе велось круглый годъ, безъ перерывовъ на лѣтнее время).

О пробныхъ урокахъ учительницъ.

О школьныхъ дневникахъ учительницъ.

О непозволительности дѣланія экспериментовъ надъ учащимися для доставленія педагогической практики преподающимъ.

Нужно-ли придавать значеніе мнѣнію учащихся о преподавателяхъ и должно-ли руководствоваться этимъ мнѣніемъ при назначеніи учащихъ въ отдѣльныя группы или при распредѣленіи между преподающими отдѣльныхъ предметовъ преподаванія?

О запасныхъ учительницахъ.

О программѣ предметныхъ уроковъ.

Объ установленіи трехъ перерывовъ между учебными занятіями каждаго воскресенья.

О контролерахъ изъ лучшихъ учительницъ, долженствующихъ наблюдать за преподаваніемъ и дѣлать замѣчанія преподавательницамъ относительно недостатковъ ихъ преподаванія (Предложеніе это было внесено бар. Корфомъ и отвергнуто собраніемъ, предложившимъ взамѣнъ такого контроля взаимный контроль).

О книгахъ для класснаго чтенія въ воскресныхъ школахъ.

О томъ, что предпочтительнѣе,—занятія учительницы всѣми предметами въ своей группѣ, или однимъ предметомъ въ нѣсколькихъ группахъ.

О школьныхъ праздникахъ и ихъ значеніи въ жизни школы.

О посѣщеніяхъ ученицами учительницъ для занятій на дому.

Объ увеличеніи числа учебныхъ дней въ воскресной школѣ путемъ установленія школьныхъ занятій по другимъ праздникамъ, кромѣ воскресеній.

О внѣклассныхъ занятіяхъ ученицъ.

О преподаваніи ариѳметики въ воскресныхъ школахъ и о программѣ занятій по этому предмету.

О выборѣ предсѣдательницы и секретаря въ каждомъ собраніи преподающихъ.

О распредѣленіи группъ и ихъ программахъ.

О допущеніи въ педагогическія собранія постороннихъ лицъ.

О лицахъ, посѣщающихъ школу для ознакомленія съ нею.

Объ учебникахъ, пригодныхъ для употребленія въ воскресныхъ школахъ.

О преподаваніи въ воскресной школѣ элементарной геометріи.

О совмѣстномъ чтеніи учительницами педагогическихъ сочиненій.

О книгахъ для внѣкласснаго чтенія ученицъ.

Рецензированіе книгъ педагогическаго характера, для ознакомленія съ ними преподавательницъ.

Такое-же рецензированіе книгъ, пригодныхъ для чтенія ученицъ.

О школьномъ музеѣ.

О выпискѣ журналовъ для нуждъ преподавательницъ.

Объ организаціи воскресныхъ школъ.

Въ этотъ списокъ вопросовъ, помѣщенныхъ нами въ томъ самомъ хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ они возникали въ жизни школы и разрѣшались на собраніяхъ, мы не включили множества болѣе частныхъ и мелкихъ вопросовъ, имѣющихъ третьестепенное и часто лишь временное значеніе, разрѣшеніе которыхъ, однако, было необходимо для правильнаго теченія дѣлъ въ школѣ и ея развитія. Но и ограничиваясь даже только приведенными вопросами поставленными и разрѣшенными въ первые два года существованія школы, когда у работающихъ въ ней не было еще надлежащаго опыта, когда самыя задачи воскресной школы еще не были достаточно уяснены ими, когда жизнь школы еще не ставила предъ ними другихъ и часто весьма важныхъ, прямо основныхъ вопросовъ,—не трудно видѣть, что работавшіе въ школѣ относились къ своему дѣлу съ удивительнымъ вниманіемъ, не трудно понять, что ихъ одушевляла самая горячая преданность взятому ими на себя дѣлу, не трудно замѣтить, что они отдавались этому дѣлу всецѣло, что оно захватывало ихъ цѣликомъ. Читая страстныя пренія, происходившія въ собраніяхъ по поводу вопросовъ, которые теперь намъ кажутся такими простыми и ясными и никоимъ образомъ не могутъ насъ волновать; встрѣчая постоянныя отступленія въ этихъ преніяхъ отъ ближайшаго предмета обсужденія къ самымъ глубокимъ вопросамъ жизни и мысли, съ которыми у участниковъ школы, очевидно, были тѣсно связаны эти частные вопросы, поставляемые на обсужденіе,—чувствуешь, что люди, работавшіе первые годы въ Харьковской женской воскресной школѣ, вынесшіе на своихъ плечахъ организаціонную работу, ставшую затѣмъ образцомъ для всѣхъ нашихъ воскресныхъ школъ, видѣли въ этой работѣ, въ своемъ участіи въ воскресной школѣ такое дѣло, которому не грѣхъ отдать всѣ свои силы и которому они дѣйствительно отдавали эти силы. Неудивительно поэтому, что школа, при такихъ участникахъ, при такомъ горячемъ отношеніи ихъ къ своему дѣлу, при ихъ беззавѣтной преданности ему, стала быстро на ноги и развилась въ огромное начинаніе, отразившееся, какъ читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, во всѣхъ концахъ земли Русской.

3. Ростъ школы.

Важнѣйшія данныя, характеризующія развитіе Харьковской частной женской воскресной школы въ послѣдующіе годы ея существованія (кромѣ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ самомъ концѣ настоящаго очерка), представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Годы.	Учащіяся: Число учениц.	Средній возрастъ.	Сословія: Мѣщанокъ въ %.	Крестьянокъ въ %.	Друг. сосл.	Учительницъ.	Дѣятельность библіотеки: Число учениц, бравшихъ книги.	Число выданныхъ книгъ.	Сред. число книгъ, выдававшихся въ учебное воскресенье.
1878—1879. .	377	12	69	28	3	25	—	—	—
1880—1881. .	317	13	64	29	7	36	—	—	—
1882—1883. .	308	14	47	41	12	—	—	—	—
1884—1885. .	325	14	45	44	11	47	221	1.863	62
1887—1888. .	314	13,6	55	36	9	56	150	2.496	81
1888—1889. .	334	14	42	49	9	60	167	2.752	102
1889—1890. .	370	14	42	50	8	79	240	3.644	126
1891—1892. .	553	14	40	52	8	81	484	4.572	148
1892—1893. .	536	14,5	36	55	9	105	360	3.290	100
1893—1894. .	555	14,5	36	54	10	105	—	—	—
1894—1895. .	536	14,9	35	57	8	100	—	—	—

Таблица эта наглядно показываетъ какъ росла и развивалась Харьковская частная воскресная школа. Какъ видимъ, въ девяностые годы, чрезъ 20—25 лѣтъ по открытіи школы, она имѣла болѣе пятисотъ учащихся (въ 1896—1897 г. число учащихся доходило даже до 704 чел.). Прежнее помѣщеніе школы уже не удовлетворяло ея потребностямъ, несмотря на то, что было весьма просторно (шесть комнатъ). Къ тому-же, популярность школы къ этому времени такъ возросла, что, не смотря на значительное число принимавшихся ежегодно ученицъ, школа не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться въ ней и вынуждаема была ежегодно отказывать въ пріемѣ значительному числу стучащихся въ ея двери. Число отказовъ съ каждымъ годомъ возрастало: въ 1887—1888 учебномъ году число отказовъ къ общему числу учащихся въ школѣ составило 9%, въ 1888—1889—19%, въ 1891—1892 уже 32%, въ 1892—1893—38%, въ 1893—1894—38% и въ 1894—1895—29%. Отказы выпадали, главнымъ образомъ, на малолѣтнихъ, благодаря чему средній возрастъ учащихся, какъ видно изъ таблицы, медленно, но постоянно возрасталъ. Такимъ образомъ, школа все болѣе и болѣе дѣлалась школою для взрослыхъ.

Увеличеніе числа учащихся и желающихъ поступить въ школу вынуждало поставить на очередь вопросъ о расширеніи школьнаго помѣщенія. Вопросъ этотъ, являющійся злободневнымъ для значительнаго числа нашихъ воскресныхъ школъ, получилъ въ Харьковской частной женской воскресной школѣ наилучшее разрѣшеніе, какое только можно себѣ представить: школа обзавелась собственнымъ домомъ, спеціально для нея построеннымъ, и притомъ по своимъ размѣрамъ и удобствамъ представляющимъ единственное въ

своемъ родѣ явленіе. Зданіе Харьковской частной женской воскресной школы заслуживаетъ того, чтобы о немъ поговорить болѣе подробно, что я и сдѣлаю въ одной изъ послѣдующихъ главъ. А теперь только замѣчу, что, благодаря переходу въ собственное и притомъ вполнѣ приспособленное для школьныхъ нуждъ зданіе (переходъ этотъ состоялся весною 1896 года), Харьковская частная женская воскресная школа получила возможность значительно расширить свою дѣятельность и приспособить ее къ нуждамъ какъ своихъ взрослыхъ ученицъ, такъ и малолѣтнихъ, которымъ она ранѣе была вынуждена отказывать въ пріемѣ. Объ этомъ будетъ сказано мною подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, при изображеніи современнаго положенія Харьковской частной женской воскресной школы.

Возвращаясь снова къ помѣщенной выше таблицѣ, отмѣтимъ любопытное измѣненіе въ сословномъ составѣ учащихся, совершавшееся на протяженіи всей жизни школы съ замѣчательною правильностью. Надо замѣтить, что Харьковская частная женская воскресная школа, какъ и всѣ наши просвѣтительныя учрежденія этого типа, служитъ исключительно для просвѣщенія лицъ низшихъ сословій. «Другія сословія», кромѣ крестьянокъ и мѣщанокъ, представлены въ Харьковской частной женской воскресной школѣ также по преимуществу низшими сословіями. Такъ, въ 1892—1893 году въ школѣ, помимо мѣщанокъ и крестьянокъ, было: 28 цеховыхъ, 8 солдатскихъ дочерей, 5 дворянокъ, 4 почетныя гражданки, 1 купеческая дочь. Такимъ образомъ, собственно къ привилегированнымъ сословіямъ должны быть отнесены развѣ только 10 лицъ, которыя къ общему числу учащихся въ данномъ году составили менѣе 2°/о. Но между низшими сословіями, пополняющими школу, произошла любопытная метаморфоза: въ то время какъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ большинство учащихся состояло изъ мѣщанокъ, въ 90-е годы это большинство стало пополняться уже крестьянками, при чемъ какъ число мѣщанокъ уменьшилось (относительно) на половину, такъ число крестьянокъ, въ свою очередь, увеличилось также вдвое (относительно). Это явленіе стоитъ въ связи съ общимъ явленіемъ роста городского населенія въ 80-е и 90-е годы и обусловливающимъ этотъ ростъ переселеніемъ крестьянъ на постоянное жительство въ города цѣлыми семьями.

Данныя, приведенныя въ вышепомѣщенной таблицѣ, даютъ, между прочимъ, понятіе о ростѣ дѣятельности просвѣтительнаго учрежденія, существующаго при каждой изъ нашихъ воскресныхъ школъ,—о ростѣ дѣятельности библіотеки, существующей при Харьковской женской воскресной школѣ для потребностей учащихся. Какъ видимъ, дѣятельность этой библіотеки сильно возросла и выражается къ концу обозрѣваемаго нами періода въ весьма замѣтныхъ цифрахъ.

Соотвѣтственно расширенію симпатій, которыя пріобрѣтала школа въ массѣ населенія, что такъ наглядно выражается въ ростѣ числа учащихся и въ особенности числа стучащихся въ двери школы, росло и значеніе школы въ глазахъ мѣстнаго общества, что выражается всего нагляднѣе въ ростѣ числа работающихъ въ школѣ, если вспомнимъ, что трудъ преподающихъ въ частныхъ воскресныхъ школахъ ничѣмъ не вознаграждается, кромѣ сознанія удовлетвореннаго требованія долга. Какъ видно изъ таблицы, число учащихъ въ школѣ съ конца 70-хъ до начала 90-хъ годовъ возросло вчетверо, превысивъ съ 1892 года сотню человѣкъ. Это уже свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ ростѣ симпатій мѣстнаго общества къ школѣ. Но надо еще имѣть въ виду, что собственно учащими не ограничивается число лицъ, работающихъ въ школѣ. Такое огромное образовательное учрежденіе, какъ школа съ пятьюстами слишкомъ учащихся, представляетъ бездну дѣла, помимо чисто педагогическаго. Веденіе школьной статистики, обширное хозяйство школы, наблюденіе за порядкомъ и т. д.—все это требуетъ множества работы и не малаго числа лицъ для ея выполненія. Возлагать эту обширную работу на учащихъ, и безъ того несущихъ тяжелую работу по преподаванію, разработкѣ школьныхъ вопросовъ, руководству учащихся въ чтеніи и т. п., было-бы несправедливо, и значительная часть упомянутой непедагогической работы выполняется въ Харьковской частной женской воскресной школѣ лицами, не принадлежащими къ ея педагогическому персоналу и работающими, какъ и учительницы, безкорыстно, единственно изъ любви къ дѣлу. Особенно много такого труда и много лицъ для его выполненія стало требоваться со времени перехода школы въ собственное помѣщеніе, которое уже одно само требуетъ значительнаго вниманія для поддержанія его въ постоянномъ порядкѣ. И надо сказать, что школа никогда не чувствовала недостатка въ лицахъ, готовыхъ приносить ей свой безкорыстный трудъ для выполненія упомянутыхъ работъ и занятій по школьному хозяйству и т. п.

Соотвѣтственно общему росту школы, росли и ея матеріальныя средства. Первоначально школа содержалась на средства, поступавшія въ видѣ пожертвованій изъ разныхъ источниковъ. Но и въ первый періодъ существованія школы ея нужды удовлетворялись, главнымъ образомъ, ея учредительницею Х. Д. Алчевскою. Нѣсколько позднѣе школа была обезпечена особымъ капиталомъ, пожертвованнымъ тою-же г-жею Алчевскою, и существовала на проценты съ этого капитала. Когда возникъ вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія для школы, на него было рѣшено употребить помянутый капиталъ (который юридически никогда не переставалъ быть собствен-

ностью Х. Д. Алчевской), при чемъ, въ виду недостаточности этого капитала для постройки зданія и его обзаведенія мебелью и проч. (зданіе съ обстановкой обошлось около 40.000 рублей), капиталъ этотъ былъ увеличенъ новымъ пожертвованіемъ г-жи Алчевской.

Учебныя средства школы постоянно возрастали въ теченіе всего времени ея существованія. Школьная библіотека пополнялась постоянно новыми книгами, разрѣшавшимися Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для школьныхъ библіотекъ, и въ настоящее время представляетъ одно изъ самыхъ богатыхъ книжныхъ собраній этого рода. Школа съ первыхъ-же лѣтъ своего существованія обратила вниманіе на важность наглядныхъ пособій для успѣшнаго выполненія своего назначенія и особенно заботилась о пополненіи своего музея. Музей наглядныхъ пособій Харьковской частной женской воскресной школы обращалъ на себя общее вниманіе на Московской и Нижегородской выставкахъ и дѣйствительно представляетъ собою рѣдкое собраніе цѣнныхъ пособій при первоначальномъ обученіи. Помимо множества рѣдкихъ и цѣнныхъ моделей, картъ, атласовъ, коллекцій и т. п., музей обладаетъ цѣннымъ волшебнымъ фонаремъ и богатою коллекціею тѣневыхъ картинъ, преимущественно заграничнаго изготовленія.

Сообразно этому внѣшнему росту школы шелъ и ея внутренній ростъ. Отмѣченная еще Корфомъ эволюція школы (изъ школы грамоты въ школу элементарную) продолжалась и далѣе, и въ концѣ концовъ школа стала исчерпывать все, что она могла извлечь изъ своего положенія, какъ школы начальной (по закону). Она даетъ своимъ учащимся всю ту сумму знаній и развитія, какая только можетъ быть дана начальною школою, вынужденною ограничиваться программами и требованіями, обязательными для нея, какъ школы начальной. Дальнѣйшее развитіе ея въ данномъ направленіи возможно только съ измѣненіемъ нашего законодательства, касающагося воскресныхъ школъ и совершенно искусственно ограничивающаго рамки дѣятельности воскресныхъ школъ рамками начальной школы, тогда какъ по существу дѣла, по требованіямъ, предъявляемымъ къ воскресной школѣ со стороны населенія и по составу учащихся, она можетъ и должна-бы быть школою, удовлетворяющею требованіямъ, несравненно болѣе обширнымъ, нежели тѣ, которыя предъявляются къ начальной школѣ *). Само собою разумѣется, что жизнь въ значительной мѣрѣ обходитъ указанное ограниченіе, и воскресныя школы, получившія значительное развитіе, неизбѣжно

---

*) См. «Русская Школа», 1899 г., № 1. «Возрожденіе воскресныхъ школъ», гл. I-ая: «Законодательство по воскреснымъ школамъ».

даютъ больше, нежели начальная школа, и Харьковская частная воскресная школа также имѣетъ группы, которыя, оставаясь формально въ предѣлахъ начальной школы, по существу получаютъ отъ школы значительно болѣе, нежели сколько даетъ обыкновенная начальная школа.

Послѣ этого легкаго общаго абриса развитія Харьковской частной женской воскресной школы перейдемъ къ болѣе дробному ознакомленію съ отдѣльными сторонами ея жизни.

4. Учащіяся.

Учащіяся Харьковской частной женской воскресной школы, принадлежавшія за все время существованія школы, какъ выяснено въ предъидущей главѣ, къ такъ называемымъ низшимъ сословіямъ и въ этомъ отношеніи всегда представлявшія довольно однородную массу, вмѣстѣ съ тѣмъ представляли всегда довольно пестрый контингентъ по возрастамъ, профессіямъ и подготовкѣ, какою онѣ обладали при поступленіи въ школу.

Распредѣленіе поступающихъ въ школу по степени подготовки, колеблясь по годамъ, въ общемъ, однако, за все время существованія школы представляло довольно однообразную картину. Правда, въ первые годы существованія школы среди поступающихъ преобладали неграмотныя, а затѣмъ съ теченіемъ времени процентъ грамотныхъ среди принимаемыхъ въ школу все увеличивался. Но уже съ средины 80-хъ годовъ отношеніе между грамотными, малограмотными (т.-е. умѣющими только писать) и неграмотными установилось довольно прочно и затѣмъ сохранилось почти неизмѣннымъ, представляя лишь незначительныя колебанія по отдѣльнымъ годамъ. Именно, изъ общаго числа вновь поступающихъ въ школу каждый годъ было около двухъ пятыхъ грамотныхъ, около одной пятой малограмотныхъ и около двухъ пятыхъ неграмотныхъ. Этимъ, однако, составъ учащихся каждаго года еще далеко не опредѣлялся. Дѣло въ томъ, что съ каждымъ годомъ все увеличивался контингентъ лицъ, возобновлявшихъ свое посѣщеніе школы, увеличивалось число ученицъ, посѣщавшихъ школу второй и слѣдующіе годы. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ 1878—1879 учебномъ году вновь принятыхъ ученицъ было 70% состава учащихся этого года и только 30% было учащихся второй годъ и болѣе, въ 1894—1895 году число второгоднихъ и посѣщавшихъ школу бо́льшее число лѣтъ было уже 50% общаго состава учащихся даннаго года и 50% было принято вновь въ этомъ году. А такъ какъ среди ученицъ, посѣщающихъ школу два и бо́льшее число лѣтъ, всегда имѣются какъ лица,

научившіяся только грамотѣ, такъ и лица, посѣщавшія школу въ теченіе ряда лѣтъ и пріобрѣвшія иногда довольно обширныя познанія, то, въ общемъ, подготовка учащихся въ Харьковской частной женской воскресной школѣ каждый годъ представляетъ крайне пеструю картину—отъ полной неграмотности до знакомства съ русскою литературою, исторіею, географіей и естествознаніемъ.

Такую-же пестроту представляютъ учащіяся по возрасту. Для примѣра приведемъ данныя, касающіяся одного изъ учебныхъ годовъ—1892—1893. Въ этомъ году учащіяся распредѣлялись по возрасту слѣдующимъ образомъ: 9-ти лѣтъ было двѣ ученицы, 10-ти лѣтъ—24 ученицы, 11 — 49 уч., 12 — 88, 13—87, 14 — 86, 15 — 62, 16 — 52, 17 — 22, 18 — 13, 19 — 15, 20 — 13, 21 — 3, 22 — 3, 23 — 1, 24 — 1, 25 — 2, 26 — 4, и 27, 28, 29, 31, 36, 37, 40, 42 и 51 лѣтъ по одной ученицѣ. Такимъ образомъ, возрастной составъ учащихся представляетъ собою колебанія отъ 9 до 51 года. Въ общемъ, контингентъ учащихся въ Харьковской частной женской школѣ, какъ и вообще въ нашихъ женскихъ воскресныхъ школахъ, составляется, однако, по преимуществу изъ болѣе юнаго возраста и въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ контингенту учащихся въ мужскихъ воскресныхъ школахъ, которыя посѣщаются лицами болѣе зрѣлаго возраста. Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ 1892 — 1893 учебномъ году учащихся, имѣвшихъ 12 лѣтъ и менѣе, т.-е. малолѣтнихъ, было 164 или 30% общаго числа ученицъ, учащихся въ возрастѣ 13 — 15 лѣтъ или подростковъ—233 или 44% и имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, которыхъ можно считать уже взрослыми, только 138 или 26% (въ томъ числѣ лицъ, имѣющихъ 20 лѣтъ и болѣе всего 36). Въ 1894 — 1895 г. малолѣтнихъ—26%, подростковъ—43% и взрослыхъ—31%. Преобладаніе въ женскихъ воскресныхъ школахъ лицъ болѣе юнаго возраста объясняется нашими общественными условіями, при которыхъ взрослая женщина именно въ первую половину воскреснаго дня, когда происходятъ занятія въ воскресныхъ школахъ, бываетъ неизбѣжно занята—то изготовленіемъ пищи для семьи, то выполненіемъ своихъ обязанностей (прислуга), то, наконецъ, наблюденіемъ за уборкою дома (хозяйки). Играютъ большую роль здѣсь также и предразсудки, въ силу которыхъ взрослой женщинѣ считается положительно зазорнымъ, словно маленькой дѣвочкѣ, посѣщать школу, и женщинѣ, имѣющей зрѣлые годы, положительно нужно имѣть выдающееся мужество, чтобы рѣшиться на такое дѣяніе. И дѣйствительно, обыкновенно взрослыя женщины, посѣщающія воскресныя школы, представляютъ собою личностей положительно недюжинныхъ, оказавшихся способными совершенно не обращать вниманія на обще-

ственное мнѣніе своей среды, мужественно выносящихъ насмѣшки и издѣвательства и проявляющихъ изумительную жажду знаній. Въ школьномъ дневникѣ Харьковской женской воскресной школы даны характеристики нѣсколькихъ такихъ женщинъ, и мы здѣсь остановимся на одной изъ нихъ.

Рѣчь идетъ о сорокалѣтней женщинѣ, служившей экономкой въ богатомъ домѣ. Она явилась въ школу еще въ то время, когда господа ея были въ деревнѣ, и, начавъ посѣщеніе школы, со страхомъ и трепетомъ ожидала возвращенія господъ, опасаясь, что барыня запретитъ ей посѣщать школу. Какъ извѣстно, нравы наши позволяютъ хозяевамъ смотрѣть на прислугу, какъ на личностей, совершенно запродавшихъ себя за то жалованье, которое имъ платится, и полагать, что они могутъ вполнѣ распоряжаться личностью прислуги, вплоть до запрещенія ей посѣщенія воскресной школы. Эпизодъ, который будетъ разсказанъ ниже, былъ въ 1871 г., но отношеніе хозяевъ къ посѣщенію воскресныхъ школъ прислугою почти не измѣнилось въ существенномъ и доселѣ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Харьковской женской воскресной школы (который, въ теченіе четверти столѣтія слишкомъ, велся Х. Д. Алчевскою).

«Взглянувъ на мою Елизавету Яковлевну (такъ называли 40-лѣтнюю ученицу-экономку), я замѣтила сегодня на ея лицѣ какое-то особенное таинственно-веселое выраженіе.

— Что это вамъ какъ-будто хочется что-то передать мнѣ? — сказала я, глядя на нее.

— Да, — отвѣчала она мнѣ съ нѣкоторою торжественностью, — вчера пріѣхала барыня.

—Ну, и что-же? — спросила я въ свою очередь не безъ сердечнаго замиранія при мысли: «что какъ запретятъ ходить въ школу?»

— Вчера еще ей никто не докладывалъ объ этомъ, — начала Елизавета Яковлевна. — Позвала она меня съ вечера и говоритъ: «Ну, Елизавета Яковлевна, я прошу васъ завтра отправиться на базаръ и купить запасы на зиму, мы и такъ немного съ этимъ запоздали». Я сказала: «слушаю-съ», и ушла. Встала я сегодня чуть зорька—и на базаръ. Сама торгуюсь, а у самой сердце не на мѣстѣ, какъ-бы не опоздать въ школу. Суетилась, суетилась, къ 9 часамъ таки справилась. Воротилась домой—прямо къ барынѣ. «Что какъ заспится?»—думаю себѣ. Нѣтъ, слава Богу, говорятъ, проснулась. Пришла я къ ней. Сдала отчетъ,—все какъ слѣдуетъ, не ухожу—дожидаюсь. А сама смотрю на нее—въ духѣ-ли она, отпуститъ-ли.

— А чего вы еще ждете?—спросила барыня.

— Позвольте мнѣ въ школу идти, — сказала я, а у самой такъ кровь и бросилась въ голову.

— Какъ въ школу? зачѣмъ?—сказала барыня, расхохотавшись.

— Учиться.

— Такъ вы учитесь?

— Учусь.

— Давно?

— Два мѣсяца.

— Что-же, научились чему-нибудь?

— Какъ же-съ. Умѣю читать и писать.

— Ну, ступайте, помогай Боже!—сказала барыня, усмѣхаясь.

Я скорѣе отъ нея, да за платокъ, да въ школу. Ну, думаю, вѣрно началось. Бѣжала, ажъ запыхалась. Подхожу—слышу молитву поютъ. Ну, слава Богу, не опоздала.

— А по четвергамъ теперь нельзя уже будетъ приходить ко мнѣ?—спросила я съ участіемъ.

— Нѣтъ, если позволите, такъ ужъ я буду приходить по пятницамъ. Пятница—базарный день, я скуплюсь да прямо къ вамъ, какъ будто забазарилась на базарѣ. Оно не хорошо обманывать, да для такого дѣла, я думаю, не грѣхъ: Богъ проститъ».

Эта Елизавета Яковлевна въ свои сорокъ лѣтъ обнаруживала такое страстное стремленіе научиться грамотѣ, что для удовлетворенія этого стремленія и для успокоенія ея, а также и въ виду того, что ей, какъ женщинѣ уже слишкомъ зрѣлой, трудно было идти вровень съ болѣе молодыми товарками по школьной группѣ, была предоставлена возможность заниматься еще разъ въ недѣлю на дому у учительницы, какъ это часто практиковалось въ Харьковской школѣ за все время ея существованія. За то какъ же велика была радость этой взрослой ученицы, когда она наконецъ научилась грамотѣ. Право, трудно представить, что-либо болѣе трогательное, нежели слѣдующій безъискусственный разсказъ самой Елизаветы Яковлевны, съ дословною точностью занесенный въ дневникъ Х. Д. Алчевской:

«Знаете, Христина Даниловна, я до того рада, до того рада, что научилась грамотѣ, что сама себѣ не вѣрю, — проснусь иногда этакъ ночью и думаю съ просонку: Что какъ это мнѣ приснилось? Такъ-бы вотъ, кажется, встала да за книжку, чтобы удостовѣриться. И съ дѣтства-же была у меня эта страсть. Помню, было намъ, дворовымъ дѣвочкамъ, лѣтъ по 14, когда старая барыня посулилась учить насъ грамотѣ. Выбрали сначала одну. Господи, какъ мы ей завидовали! Говорятъ: «посмотримъ, что изъ нея выйдетъ». Нужно-же было случиться грѣху такому: доучилась она грамотѣ и убѣжала съ учителемъ. Тутъ старая барыня говоритъ: «Теперь кончено! Чтобъ ни одного человѣка въ дворнѣ не было грамотнаго!» Такъ и застыла наша грамота,—нечего было о ней и думать. Выдали меня замужъ, прожили мы съ мужемъ, слава Богу, благополучно 20 лѣтъ; дѣтей нѣтъ; думаю себѣ, возьму воспитанницу, и взяла — вотъ эту самую Машу, что въ школѣ у насъ учится. Думаю себѣ: «Ужъ ее-то непремѣнно научу грамотѣ: только вотъ бѣда — дѣвочка уже порядочная, лѣтъ 14, чтобы не избаловалась въ ученьи. Стала совѣтоваться со знакомыми, они и говорятъ мнѣ: «Знаете, нѣтъ лучше въ городѣ, какъ воскресная школа, если хотите, чтобы дѣвочка выдержку имѣла, отдайте туда, а выучиваютъ какъ скоро, такъ это страсть». Подумала я, подумала, и послала дѣвочку въ школу. Гляжу, мѣсяца черезъ два Маша моя, какъ ни попадетъ книжка, каждое слово разберетъ. Весело мнѣ смотрѣть на нее и завидно. Задумала я себѣ думу и спрашиваю ее:

«Маша, съ кѣмъ-бы мнѣ тамъ у васъ посовѣтоваться насчетъ ученья? Можетъ и меня-бы научили?»—«Съ Христиной Даниловной, сказала мнѣ Маша, она васъ, непремѣнно научитъ,—она, говорятъ, легка на руку».—«Ну, спроси!» Жду я ее не дождусь будущее воскресенье изъ школы. Пришла. «Ну, что, — говорю, — спрашивала?»—«Неудача!»—«Какъ-же ты спрашивала?»—«Такъ, какъ вы, говоритъ, приказали; говорю: «Одна дама желаетъ у васъ учиться и деньги даже за это платить».—«Что-же Христина Даниловна?»—«Отказалась: мы, говоритъ, барынь не учимъ».—«Эхъ, дура, дура, говорю я ей,—какая-же я барыня или дама? Ты-бы сказала, что я безграмотная, а если я деньги желаю платить, такъ это отъ моего усердія за ихъ труды — больше ничего». Ну, тутъ ужъ, вы знаете, какъ она привела меня къ вамъ и какъ вы уговорили меня ходить въ школу,—сначала было немножко страшновато, а теперь просто будто я вѣкъ въ ней была».

Елизавета Яковлевна настояла на томъ, чтобы за нея брали деньги въ пользу школы за ученье, и когда ей впослѣдствіи предлагали отказаться отъ платы установленнаго взноса въ виду того, что она уже научилась грамотѣ и въ дальнѣйшемъ ученіи работаетъ преимущественно самостоятельно, требуя значительно меньшей помощи отъ учащихъ, она рѣшительно отказывалась подчиниться такому распоряженію:

— Нѣтъ,—отвѣчала въ такихъ случаяхъ она,—лишь-бы далъ Богъ здоровья, а я на это всегда заработаю. Развѣ я не вижу, какъ вы хлопочете надъ школой да какъ вы тратитесь. Нѣтъ ужъ, пока могу, позвольте платить, не отказывайтесь,—не обижайте меня!

То-же страстное стремленіе къ образованію, какое сказывается во взрослыхъ ученицахъ, не стыдящихся приходить въ школу, несмотря на свои 40—50 лѣтъ и не смотря на то, что среда всячески противодѣйствуетъ осуществленію ихъ страстнаго желанія научиться грамотѣ, проявляется также и у болѣе молодыхъ ученицъ — взрослыхъ дѣвушекъ и молоденькихъ дѣвочекъ-дѣтей, которымъ тоже нерѣдко приходится бороться ради осуществленія своего стремленія со средой, вообще мало благопріятной для образованія женщинъ. Препятствіями служатъ, съ одной стороны, семейная обстановка однѣхъ и съ другой — профессіональныя занятія другихъ. Какое имѣетъ значеніе замужество для женщины низшихъ классовъ, стремящейся къ образованію, наглядно видно изъ того, что, напр., въ 1892—1893 учебномъ году на 536 ученицъ Харьковской школы было всего 7 замужнихъ. Обязанности жены, т.-е. необходимость выполнять всѣ работы по дому, заботы о дѣтяхъ, а часто и грубая воля мужа, не видящаго никакого смысла въ томъ, что его жена будетъ посѣщать школу и даже можетъ сдѣлаться «ученѣе» его самого, наконецъ, предразсудки среды, которой кажется величайшей нелѣпостью посѣщеніе школы матерью семейства, — все

это ведетъ къ тому, что въ настоящее время замужнія женщины почти никогда не посѣщаютъ воскресныхъ школъ. Въ этомъ отношеніи въ жизни Харьковской школы встрѣчались порою крайне трогательные эпизоды. Молодая дѣвушка, успѣшно учившаяся въ школѣ, вынуждена оставить ее, часто противъ своего желанія, вслѣдствіе замужества. И вотъ она неожиданно является лѣтъ чрезъ 12—15 и приводитъ въ школу свою дочь, говоря, что если она сама не могла получить отъ школы всего того, что могла дать школа, то желаетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, ея дочь удостоилась такого счастья. Бывали также факты и такого рода. Маленькая дѣвочка со страстью училась въ школѣ, а затѣмъ неожиданно исчезаетъ изъ нея. По справкамъ оказывается, что ее взялъ изъ школы отецъ, которому она оказалась нужною для того, чтобы разносить по воскресеньямъ по заказчикамъ сработанные имъ въ теченіе недѣли предметы его ремесла. Проходитъ десятокъ лѣтъ, и въ школу является взрослая дѣвушка, которая оказывается тою самою малолѣтнею ученицею, о выходѣ которой изъ школы всѣ работающіе въ ней такъ сильно жалѣли: оказалось, что отецъ ея умеръ, и она немедленно-же бросается продолжать такъ грубо прерванное нѣкогда образованіе.

Но главнымъ препятствіемъ на пути къ занятіямъ въ воскресной школѣ являются профессіональныя занятія учащихся. Чтобы ознакомиться съ этою стороною жизни воскресной школы, мы остановимся на относящихся сюда данныхъ одного какого-нибудь года. Возьмемъ для примѣра 1894—1895 учебный годъ.

Въ указанномъ году 536 ученицъ раздѣлялись по своимъ занятіямъ слѣдующимъ образомъ: занимающихся домашнимъ хозяйствомъ было 139, модистокъ, швей и бѣлошвеекъ 173, работающихъ на фабрикахъ 50, конфетчицъ 49, прислуги 47, прачекъ 20, торговокъ 13, вышивальщицъ 4, чулочницъ 4, шляпочницъ, перчаточницъ и др. ремесленницъ 43. Первая группа—«занимающіяся домашнимъ хозяйствомъ»—составляетъ почти четвертую часть всѣхъ учащихся; но это происходитъ исключительно отъ того, что въ эту группу отнесены всѣ малолѣтнія, не имѣющія особыхъ занятій. Въ дѣйствительности-же «занятіе домашнимъ хозяйствомъ» является однимъ изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ посѣщенію школы, и женщинъ, занятыхъ домашнимъ хозяйствомъ, въ школѣ очень мало. Самую многочисленную группу составляютъ дѣвушки и дѣвочки, занятыя въ модныхъ магазинахъ и мастерскихъ (модистки, бѣлошвейки и швеи). Эта группа составляетъ 32% всѣхъ учащихся въ школѣ. Она могла-бы быть еще болѣе многочисленною, такъ какъ этотъ классъ дѣвушекъ, живущихъ заработкомъ, отличается особеннымъ

стремленіемъ къ образованію, и желающихъ поступить въ воскресную школу изъ этой среды весьма много. Къ сожалѣнію, желанія эти часто остаются невыполненными, благодаря тому, что содержательницы мастерскихъ и магазиновъ нерѣдко прямо запрещаютъ поступать въ школу, или поступленіе оказывается невозможнымъ вслѣдствіе того, что ученицы мастерскихъ и магазиновъ бываютъ несвободны и по воскресеньямъ, исполняя разныя работы по уборкѣ магазиновъ и мастерскихъ, разнося заказы и т. п. Не рѣдки случаи, когда дѣвочки поступаютъ въ школу, а затѣмъ вынуждены бываютъ ее оставлять по требованію хозяевъ и хозяекъ мастерскихъ и магазиновъ. Въ дневникѣ школы постоянно встрѣчаются факты въ родѣ слѣдующаго:

«День былъ ясный, теплый. Окруженная толпою дѣвочекъ, живущихъ въ нашей сторонѣ и заходящихъ за мною (чтобы вмѣстѣ идти), я шла въ школу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышалось: «Христина Даниловна!» Я обернулась и увидѣла Таню М. Дѣвочка, вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, вѣроятно, давно догоняла насъ.

— Здравствуй, Таня,—сказала я,—въ школу?

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвочка печальнымъ голосомъ,—хозяйка послала за полученіемъ денегъ.

— А въ будущее воскресенье придешь?—сказала я, желая ее утѣшить, и продолжала путь.

Отвѣта не было. Я невольно оглянулась съ мыслью—куда-же она такъ скоро исчезла? Закрывъ глаза концомъ своего чернаго платка, Таня горько плакала: плечи ея судорожно подергивались. Я сама была готова заплакать при видѣ этого дѣтскаго горя и старалась ее утѣшить.

— Я сама пойду къ твоей хозяйкѣ,—говорила я,—и попрошу ее непремѣнно отпускать тебя.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—испуганно вскрикнула дѣвочка, —она прибьетъ меня... нѣтъ, лучше не ходите»...

Во всякомъ случаѣ модистки, швеи и бѣлошвейки составляютъ выдающуюся группу среди ученицъ школы, которою школа по справедливости можетъ гордиться. Онѣ занимаются съ поразительнымъ усердіемъ, проявляютъ наиболѣе замѣтную любознательность и, разъ къ тому представляется малѣйшая возможность, проводятъ въ школѣ наибольшее число лѣтъ, беря отъ нея все, что только она можетъ дать. Вмѣстѣ съ тѣмъ число ихъ среди ученицъ школы съ каждымъ годомъ возрастаетъ: очевидно, среда начинаетъ относиться все менѣе враждебно къ посѣщенію ими школы.

Бросается въ глаза незначительность числа среди ученицъ школы фабричныхъ работницъ. Харьковъ — одинъ изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ южной Россіи. Тамошнія промышленныя заведенія занимаютъ не малое число женщинъ. Между тѣмъ среди ученицъ школы мы видимъ всего 50 работницъ съ табачныхъ, бу-

мажныхъ и коробочныхъ фабрикъ, да кромѣ того, сюда-же должны быть отнесены еще 51 конфетчица. Явленіе это не исключительное, а повторяется также и въ другомъ, несравненно болѣе крупномъ промышленномъ центрѣ—на Шлиссельбургскомъ трактѣ (подъ Петербургомъ), гдѣ Фарфоровское приходское попечительство, открывъ двѣ женскихъ воскресныхъ школы, одну изъ нихъ вынуждено было преобразовать въ мужскую, за недостаткомъ учащихся женщинъ. Повидимому, въ условіяхъ жизни нашихъ фабричныхъ работницъ кроются особыя причины, которыя дѣлаютъ ихъ значительно менѣе стремящимися къ образованію, нежели, напр., модистокъ, швей и бѣлошвеекъ.

Еще болѣе бросается въ глаза незначительность числа прислуги, давшей всего 47 учениц, т.-е. всего 9% общаго числа ученицъ школы. Здѣсь, конечно, оказываютъ свое воздѣйствіе общія бытовыя условія нашей жизни. Прежде всего прислуга у насъ, какъ извѣстно, не имѣетъ ни одного свободнаго дня въ недѣлю: все ея время считается принадлежащимъ нанимателямъ и послѣдними используется. Наниматели, вообще неохотно предоставляющіе въ распоряженіе прислуги хоть нѣсколько часовъ въ недѣлю, тѣмъ менѣе склонны давать эти свободные часы именно въ дообѣденное время воскресенья, т.-е. тогда, когда происходятъ занятія въ воскресной школѣ. Именно въ это время прислуга и бываетъ наиболѣе занята. Даже въ домахъ, въ которыхъ имѣется цѣлый штатъ прислуги и гдѣ могли-бы быть устанавливаемы такого рода комбинаціи при распредѣленіи труда между составомъ прислуги, при которыхъ часть ихъ получала-бы возможность посѣщать воскресныя школы, нанимателямъ всего менѣе приходитъ въ голову озаботиться созданіемъ такихъ комбинацій. Кромѣ того, многіе наниматели, до сихъ поръ не могущіе усвоить воззрѣнія на прислугу, какъ на людей, имѣющихъ общечеловѣческія потребности и права, видятъ въ намѣреніи прислуги посѣщать воскресную школу, буде такое намѣреніе проявляется, нѣчто въ родѣ отчасти доказательства безнравственности прислуги, а отчасти даже нѣкотораго бунта противъ установленныхъ порядковъ. Соотвѣтственно этому и на устроителей воскресныхъ школъ, и работающихъ въ нихъ такіе наниматели смотрятъ, какъ на людей, стремящихся расшатать самыя основы существующаго строя жизни, и искренно негодуютъ на такого рода вредныхъ дѣятелей. Неудивительно, что при такомъ положеніи вещей для прислуги лишь въ исключительныхъ случаяхъ оказывается возможнымъ посѣщеніе воскресной школы, и благодаря этому, изъ многихъ тысячъ человѣкъ женской прислуги такого большого города, какъ Харьковъ, какъ мы видимъ, могутъ посѣщать воскресную школу всего полсотни

человѣкъ. Однако и этотъ классъ учениць школы съ каждымъ годомъ все растетъ, указывая побѣду времени надъ допотопными нравами.

Незначительно представленъ среди ученицъ школы, какъ видимъ, и классъ ремесленницъ, которыхъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Харьковъ, не мало и которыя, однако, дали лишь незначительный контингентъ учащихся въ воскресной школѣ. Очевидно, и здѣсь бытовыя условія мало благопріятствуютъ какъ возбужденію стремленія къ образованію, такъ и еще болѣе удовлетворенію этого стремленія.

Тѣ-же бытовыя условія становятся препятствіемъ на пути стремленія къ образованію и у поступившихъ уже въ школу. Сплошь и рядомъ, поступившія въ школу, при всемъ желаніи, иногда прямо страстномъ, учиться, вынуждены оставлять школу, пробывъ въ ней всего годъ-два. Нерѣдки случаи, когда ученицы вынуждены оставлять школу даже въ томъ самомъ году, въ которомъ онѣ поступили въ нее, и часто обидно рано, такъ что онѣ не могли рѣшительно ничего получить отъ школы. Эти случаи прекращенія посѣщенія школы среди перваго-же года пребыванія въ ней, частые во всѣхъ воскресныхъ школахъ, въ Харьковской частной женской воскресной школѣ не разъ подвергались тщательному обслѣдованію, при чемъ получались очень поучительные выводы. Такое обслѣдованіе было произведено, напр., въ 1892—1893 учебномъ году, и факты, установленные этимъ обслѣдованіемъ, заслуживаютъ самаго внимательнаго ознакомленія съ ними со стороны лицъ, интересующихся положеніемъ народнаго образованія въ Россіи, такъ какъ эти факты ярко обрисовываютъ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ приходится работать воскреснымъ школамъ. Съ фактами, о которыхъ мы говоримъ, читатели могутъ ознакомиться изъ отчета Харьковской школы за 1892—1893 г., помѣщеннаго въ №№ 2 и 3 «Русской Школы» за текущій годъ, почему мы здѣсь остановимся только на одной характеристикѣ даннаго явленія.

Въ 1892—1893 году изъ школы выбыло въ теченіе года 179 ученицъ, или 33%. Какъ ни великъ этотъ процентъ, люди, стоящіе близко къ дѣлу воскресныхъ школъ, знаютъ, что онъ представляетъ обычное явленіе въ жизни просвѣтительныхъ учрежденій этого рода. Бытовыя условія, въ которыхъ живутъ учащіяся воскресныхъ школъ, такъ мало благопріятны школьному обученію, что нужно даже удивляться, какъ въ сущности не великъ процентъ этихъ выбывающихъ изъ воскресныхъ школъ до конца учебнаго года. Сплошь и рядомъ, многія записавшіяся въ воскресную школу не имѣютъ возможности явиться въ нее уже на второе-же воскресенье. Другія поступаютъ въ школу при извѣстныхъ условіяхъ ихъ жизни, дающихъ возмож-

ность посѣщенія школы, но эти условія скоро мѣняются, и учащіяся при всемъ желаніи лишены возможности посѣщать школу. Такимъ образомъ, изъ указаннаго выше числа 179 ученицъ Харьковской школы, переставшихъ посѣщать ее въ 1892—1893 учебномъ году, 39 оставили школу уже въ октябрѣ, т.-е. немедленно-же послѣ начала ученья (въ томъ числѣ 23 ученицы посѣтили воскресную школу всего одно воскресенье); затѣмъ, 25 ученицъ выбыло въ ноябрѣ, 36 въ декабрѣ, 41 въ январѣ, 26 въ февралѣ, 7 въ мартѣ и 5 въ апрѣлѣ.

Далѣе мы видимъ, что изъ 179 ученицъ, прекратившихъ посѣщеніе школы въ теченіе 1892—1893 учебнаго года, 32 принадлежитъ къ малолѣтнимъ ученицамъ, 92 къ подросткамъ и 55 къ взрослымъ. Иначе говоря, изъ малолѣтнихъ ученицъ прекратило посѣщенія школы только 20%, а изъ подростковъ и взрослыхъ по 40%. И это совершенно понятно, такъ какъ бытовыя условія, препятствующія посѣщенію школы, особенно неблагопріятны для взрослыхъ и подростковъ и менѣе дѣйствуютъ на малолѣтнихъ. Точно причины выбытія изъ школы установлены для 132 ученицъ и остались неизвѣстными для 47. Изъ 132 ученицъ, относительно которыхъ выяснились причины ихъ выбытія изъ школы, для 37 такою причиною явилось запрещеніе хозяевъ посѣщать школу (изъ нихъ 21 состоятъ модистками въ магазинахъ и мастерскихъ и 16 служатъ горничными и нянями), для 30—недосугъ, для 14—нежеланіе учиться, для 12—болѣзнь, для 10—отъѣздъ, для 8—отдаленность отъ школы, для 5—переходъ въ новую воскресную школу, для 4—запрещеніе родныхъ, для 4—переходъ въ ежедневную школу, для 3—боязнь придти, такъ какъ много уроковъ пропустили и думали, что исключены, 2 приходили въ школу только ради елки, 1 умерла, одна приходила спеціально для того, чтобы научиться считать на счетахъ и выбыла, научившись тому, что ей было нужно, одна поступила только для того, чтобы брать книги изъ школьной библіотеки, и, записавшись въ народную библіотеку, выбыла изъ школы.

Такимъ образомъ, лишь въ самомъ ничтожномъ числѣ случаевъ выбытіе изъ школы объясняется причинами, зависящими отъ ученицъ; въ огромнѣйшемъ же большинствѣ случаевъ оно обусловливается причинами, лежащими внѣ ихъ воли и для нихъ непреодолимыми. Въ случаяхъ запрещенія посѣщенія школы хозяевами со стороны учительницъ дѣлались попытки воздѣйствія на хозяевъ, но обыкновенно не приводили къ утѣшительнымъ результатамъ. Что касается такой причины оставленія школы, какъ «недосугъ», каковая причина является также однимъ изъ главныхъ препятствій и къ поступленію въ школу, то значеніе его ярко характеризуется

фактами, приводимыми въ отчетахъ школы за разные годы, причемъ съ частью этихъ фактовъ читатели могутъ ознакомиться изъ вышеупомянутаго отчета за 1892—1893 г., къ которому я и отсылаю читателей. Изъ того же отчета читатели узнаютъ и значеніе такой причины, какъ «нежеланіе учиться», которая, при ближайшей провѣркѣ факта, часто оказывается просто полною невозможностью для ученицы посѣщать школу при тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ жизни семьи, къ которой принадлежитъ ученица (нѣтъ, напр. возможности купить башмаковъ и т. п.).

Тѣ же бытовыя условія отражаются и на аккуратности посѣщенія ученицами школы. Стремленіе ученицъ въ воскресную школу по-истинѣ поразительно. Въ то время какъ обыкновенно учащіяся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ посѣщаютъ послѣднія крайне неохотно, относясь къ этому, какъ къ обязательной повинности, обыкновенно крайне тягостной, учащіяся въ воскресныхъ школахъ идутъ въ нихъ какъ на праздникъ. Часы, проводимые въ воскресной школѣ, являются для учащихся въ ней едва-ли не лучшимъ временемъ ихъ жизни. Здѣсь, въ воскресной школѣ, всѣ такъ оживлены, всѣ учащіяся такъ поглощены занятіями, на всѣхъ лицахъ царитъ выраженіе самой неподдѣльной радости; здѣсь, очевидно, учащіяся отдыхаютъ отъ тягостной, полной скучныхъ мелочей своей повседневной жизни. Нечего удивляться тому, что учащіяся въ воскресной школѣ не пропускаютъ уроковъ, если къ тому не встрѣчается непреодолимыхъ препятствій. Среди ученицъ Харьковской школы имѣется не мало живущихъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ окраинахъ города; есть не мало ученицъ, живущихъ даже далеко за городомъ, въ подгородныхъ поселеніяхъ, и всѣ онѣ аккуратно являются въ школу, проходя много верстъ пѣшкомъ туда и обратно. Къ этому можно присоединить слѣдующій любопытный фактъ. Въ 1893 году я посѣтилъ школу въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Незадолго до моего пріѣзда въ Харьковъ, мѣстныя рѣчки неожиданно разлились и затопили часть города. Бѣдствіе было очень серьезное, причинившее бездну страданій и разорившее многихъ бѣдняковъ. Въ воскресенье, совпавшее съ этою бѣдою, ожидали что школа будетъ пустовать. Каково-же было общее удивленіе, когда и въ этотъ день въ школу явилось достаточное число учащихся. При этомъ нѣкоторымъ учащимся пришлось добираться до школы на лодкахъ, а иныя могли выбраться изъ своихъ затопленныхъ домовъ только чрезъ крыши! Какая школа, имѣющая дѣло съ дѣтьми зажиточныхъ классовъ, могла-бы побудить своихъ питомцевъ совершить что-либо подобное для того лишь, чтобы не пропустить урока?

И тѣмъ не менѣе бытовыя условія оказываются сильнѣе этого

стремленія учениц школы посѣщать аккуратно школьныя занятія. Аккуратность посѣщеній ученицами школы опредѣляется въ 90 годы отъ 60 до 72% по отдѣльнымъ годамъ; иначе говоря, въ среднемъ, ученица изъ 10 учебныхъ воскресеній пропускаетъ отъ 3 до 4 воскресеній. Причины пропусковъ крайне разнообразны. Случится въ учебное воскресенье дурная погода—сильный морозъ, мятель, сильный дождь—и въ школу является значительно меньшее противъ обыкновеннаго число учащихся; у многихъ не оказывается теплой одежды, и онѣ бѣгаютъ въ школу въ легонькомъ платьѣ, въ которомъ не побѣжишь при морозѣ, мятели и въ дождь; у другихъ обувь самого воздушнаго характера: инымъ въ мятель нѣтъ возможности пробраться изъ отдаленныхъ пунктовъ, въ которыхъ онѣ живутъ на окраинахъ города или за городомъ. Передъ большими праздниками (Пасхой, Рождествомъ и др.) изъ школы исчезаютъ самыя аккуратныя ученицы-модистки и швеи, которыхъ заваливаютъ въ это время работой ихъ хозяева и хозяйки въ виду спѣшныхъ заказовъ. Ярмарка отрываетъ отъ школы многихъ необходимостью производить на ней закупки для дома. Многочисленныя частныя причины—болѣзнь членовъ семьи, нужда, лишающая на нѣкоторое время возможности имѣть хоть какую-нибудь обувь и т. п.—все это отнимаетъ у школы ученицъ на большее или меньшее время.

Всего нагляднѣе стремленіе ученицъ къ образованію выражается въ томъ фактѣ, что, не смотря на всевозможныя жизненныя препятствія, мѣшающія ученицамъ посѣщать школу, многія изъ нихъ посѣщаютъ школу въ теченіе ряда лѣтъ. Число ученицъ, возобновляющихъ посѣщенія школы послѣ окончанія учебнаго года, съ теченіемъ времени все растетъ, и если въ 1878—1879 учебномъ году въ составѣ учащихся было всего 30%, посѣщающихъ школу второй годъ и большее число лѣтъ, а 70% составляли поступившія въ томъ-же учебномъ году, то въ 1894—1895 учебномъ году поступившія въ этомъ году составляли лишь 50% общаго числа ученицъ, а вторыя 50% составляли уже посѣщающія школу второй годъ и большее число лѣтъ. Всего въ этомъ послѣднемъ году было: посѣщающихъ школу первый годъ—268 ученицъ, посѣщающихъ школу второй годъ—123 ученицы, посѣщающихъ 3-й годъ—72 ученицы, посѣщающихъ 4-й годъ—46, 5-й годъ—11, 6-й годъ—5, 7-й—4, и болѣе семи лѣтъ (до 14 л.)—7 ученицъ. Долго посѣщающія школу, такъ сказать, старожилки ея, до того сживаются со нею, что положительно не могутъ разстаться. Онѣ посѣщаютъ школу уже не столько ради обученія, сколько, ради того нравственнаго общенія, которое устанавливается въ школѣ между учащими и учащимися, а также ради пользованія книгами изъ ученической библіотеки. Для

такихъ учениць посѣщеніе школы является наиболѣе пріятнымъ употребленіемъ воскреснаго досуга, доставляющимъ имъ тихія, безмятежныя радости. Доброе вліяніе школы побуждаетъ порою учениць, прервавшихъ по жизненнымъ обстоятельствамъ посѣщенія ея, возобновлять ихъ часто чрезъ много лѣтъ. Вотъ трогательный фактъ, извлекаемый изъ дневника одной изъ учительницъ школы:

«Изъ новыхъ учениць, поступившихъ въ настоящую зиму, я не могу не остановиться на Аннѣ Губенко, 30-лѣтней дѣвушкѣ-швеѣ, научившейся грамотѣ въ нашей-же школѣ 7 лѣтъ тому назадъ. Она была одной изъ безпричинно исчезнувшихъ прилежныхъ учениць, и причина выяснилась только семь лѣтъ спустя. У Анны Губенко умеръ зять, оставивъ какъ-бы на ея попеченіи жену и четырехъ сиротъ, и она посвятила старшей изъ племянницъ всю свою молодую жизнь. Она не только научила ее грамотѣ, но провела въ гимназію и теперь, когда результатомъ всѣхъ этихъ жертвъ, труда и лишеній, стояла предъ нею взрослая дѣвушка, окончившая курсъ съ серебряною медалью и ставшая на ноги, она опять пришла въ школу, которую такъ любила тогда; опять усѣлась скромно среди недоучившихся учениць, точно будто-бы не было этого десятка лѣтъ, этой великой жертвы, совершенной въ ущербъ личной жизни, личнаго эгоистическаго счастья».

Что же именно влечетъ учащихся въ воскресную школу? Что заставляетъ и малолѣтнихъ дѣвочекъ, и дѣвушекъ-подростовъ, и взрослыхъ дѣвицъ и женщинъ, и, наконецъ, лицъ почтеннаго возраста каждый годъ являться въ школу въ такомъ огромномъ числѣ, что, не смотря на то, что школа представляетъ собою учрежденіе, по своимъ размѣрамъ перевосходящее многія средне-учебныя заведенія, она не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть въ нее и вынуждена каждый годъ отказывать въ пріемѣ значительному числу стучащихся въ ея двери? Что побуждаетъ вышедшихъ изъ школы въ силу жизненныхъ обстоятельствъ поступать снова въ школу чрезъ значительное число лѣтъ? Что заставляетъ учащихся быть такими аккуратными въ посѣщеніи школы, несмотря на всѣ жизненныя препятствія, становящіяся на пути этой аккуратности? Что заставляетъ учениць школы спѣшить въ нее каждое воскресенье, какъ на какой нибудь праздникъ?

Прежде всего, конечно, здѣсь имѣетъ значеніе само ученье, тѣ знанія и умѣнья, которыя даетъ школа своимъ питомцамъ, то умственное развитіе, которое онѣ пріобрѣтаютъ и благодаря классному обученію, и благодаря чтенію книгъ подъ руководствомъ учительницъ, и, наконецъ, благодаря общенію съ послѣдними, равно какъ и съ другими учащимися. Въ этомъ отношеніи заслуга харьковской частной женской воскресной школы предъ населеніемъ Харькова поистинѣ громадна. Чрезъ школу въ теченіе ея 30-лѣтняго оффиціальнаго существованія съ 1870 года прошли многія тысячи дѣво-

чекъ и дѣвушекъ, которыя сдѣлались затѣмъ матерями семействъ и распространили въ своихъ семьяхъ тѣ сѣмена знанія и умственнаго развитія, какія онѣ вынесли изъ школы. Изъ этихъ многихъ тысячъ большая часть вынесла изъ школы, по меньшей мѣрѣ, знаніе грамотѣ. Уже одно это является крупною общественною заслугою школы, уже одно это даетъ понятіе о большемъ культурномъ значеніи для Харькова этого учрежденія. Но въ школѣ преподается не одна простая грамота. Въ дѣйствительности школа даетъ несравненно болѣе начальной грамоты, и если всѣми благами, предоставляемыми школою своимъ ученицамъ, могъ воспользоваться, въ силу жизненыхъ условій, лишь небольшой процентъ изъ общаго числа поступившихъ въ школу, то, при значительности этого послѣдняго числа, всѣхъ воспользовавшихся школою въ полномъ объемѣ преподаваемаго въ ней, 30 лѣтъ существованія школы, накопилось весьма не мало. Эти ученицы школы, пробывшія въ ней по нѣсколько лѣтъ, являются въ настоящее время уже видною культурною силою, которою населеніе Харькова обязано именно воскресной школѣ и которая не можетъ не играть роли въ жизни низшихъ слоевъ города. Затѣмъ упомянемъ еще о случаяхъ, когда школа подготовляла своихъ ученицъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Были также случаи, что ученицы школы, благодаря особымъ занятіямъ съ ними со стороны ученицъ школы, выдерживали экзаменъ на званіе народныхъ учительницъ и дѣлались сельскими учительницами. Въ дневникѣ школы упоминаются даже случаи, когда бывшія ученицы школы попадали впослѣдствіи въ число учительницъ той же школы. Фигурируютъ ученицы школы и въ другихъ интеллигентныхъ занятіяхъ, напр., на поприщѣ фельдшерицъ. Но едва-ли не важнѣе всего сказаннаго то обстоятельство, что ученицы выносятъ изъ школы извѣстное общее умственное развитіе, порою довольно значительное. Ученицы, пробывшія много лѣтъ въ школѣ, по своимъ понятіямъ, по общему уровню своего образованія, по степени умственнаго развитія, нерѣдко производятъ впечатлѣнія несравненно болѣе благопріятное, нежели какое производитъ, напр., большинство дѣвушекъ, проходящихъ обычный прогимназическій курсъ. И такъ какъ эти образованныя питомицы школы остаются въ той же средѣ, къ которой онѣ принадлежатъ по рожденію (отсутствія какихъ-либо формальныхъ правъ у ученицъ школы не открываетъ имъ возможность оставить свою среду), то подготовка извѣстнаго контингента лицъ съ такимъ образованіемъ является серьезнымъ культурнымъ воздѣйствіемъ на эту среду.

Лично учащихся привлекаютъ въ школу, однако, не только и даже, пожалуй, не столько тѣ дары знанія и умственнаго развитія,

которыя даетъ такъ щедро школа своимъ питомцамъ, сколько царящій въ школѣ духъ, который такъ не похожъ на обычный формальный школьный духъ, тѣ отношенія, которыя господствуютъ въ школѣ какъ между самими учащимися, такъ и между учащимися и учащими, то положеніе, какое занимаютъ въ школѣ ученицы. Среда, къ которой принадлежатъ учащіяся школы, то общественное положеніе, которое онѣ занимаютъ, нравы и обычаи, которыми обставлена ихъ жизнь,—все это давитъ на личность самымъ угнетающимъ образомъ. Личная жизнь какой-нибудь швеи или горничной, или даже «домохозяйки», живущей ремесломъ или мелкой торговлей, далеко не изъ отрадныхъ. О какихъ-либо правахъ личности, о вѣжливомъ, деликатномъ обращеніи, о заботливомъ, участливомъ отношеніи въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ по отношенію ко всѣмъ этимъ дѣвочкамъ и дѣвушкамъ, посѣщающимъ школу, обыкновенно и рѣчи не можетъ быть. А между тѣмъ это живыя существа, это люди, не въ меньшей мѣрѣ нуждающіеся и въ признаніи правъ ихъ личности, и въ вѣжливости и въ участіи и не менѣе оцѣнивающихъ все это, нежели всякій другой, нежели каждый изъ насъ. И вотъ все это,—то именно, чего не даетъ имъ жизнь, отсутствіе чего дѣлаетъ эту жизнь такою тягостною, онѣ и находятъ въ воскресной школѣ. Здѣсь ихъ привѣтливо встрѣчаютъ, ободряютъ ихъ первые застѣнчивые шаги, интересуются ихъ жизнью и ихъ душевнымъ состояніемъ, радуются ихъ радостью и печалятся ихъ печалями, заботятся о нихъ, безпокоются, разъ онѣ по чему-либо не являются въ школу, разыскиваютъ ихъ въ ихъ жалкихъ жилищахъ, устраняютъ препятствія, мѣшающія ихъ посѣщеніямъ школы, навѣщаютъ ихъ во-время болѣзни и вообще вносятъ въ ихъ жизнь нѣчто свѣтлое, радостное, чего въ этой жизни не было и чего снова не будетъ съ прекращеніемъ связи со школою. Въ школѣ работаютъ люди, которыхъ влечетъ сюда не необходимость заработка (трудъ всѣхъ участниковъ школы безмездный), не стремленіе къ карьерѣ, а исключительно любовь къ дѣлу, исключительно желаніе быть полезнымъ своимъ ближнимъ, исключительно сознаніе своего долга предъ тою средою, за счетъ которой работающіе въ школѣ пріобрѣли сами извѣстное образованіе и умственное развитіе и которой они считаютъ себя обязанными отдать хоть немногое изъ пріобрѣтеннаго. Неудивительно, что участвующія въ школѣ буквально вкладываютъ свою душу въ дѣло; неудивительно, что въ школѣ царятъ самыя теплыя отношенія между учащими и учащимися, совершенно чуждыя обычнаго школьнаго формализма; неудивительно и то, что учащіяся такъ горячо любятъ школу, такъ дорожатъ ею, такъ стремятся въ нее. Здѣсь онѣ отдыхаютъ отъ скуки, тяжелаго нрав-

ственнаго гнета, безпросвѣтности своей обычной жизни; здѣсь онѣ получаютъ свѣтлыя, радостныя впечатлѣнія, которыхъ больше получать имъ негдѣ; здѣсь онѣ чувствуютъ себя вполнѣ людьми, за которыми признаются извѣстныя права личности, здѣсь онѣ служатъ предметомъ внимательнаго интереса, здѣсь онѣ чувствуютъ на себѣ вліяніе любви и добра. И неудивительно, что ученицы школы отплачиваютъ за дѣлаемое имъ добро беззавѣтною любовью къ учительницамъ, что̀ служитъ лучшею наградою для послѣднихъ и что̀ должно служить предметомъ благородной зависти для всякаго, такъ какъ нѣтъ большого счастья, какъ сдѣлаться предметомъ такой любви. Въ дневникъ школы занесено не мало случаевъ проявленія этой любви, связывающей учащихъ и учащихся, и я позволю себѣ привести два относящихся сюда факта.

«Е. А. Ш. зашла заявить мнѣ, — читаемъ въ дневникѣ Х. Д. Алчевской,— что она уѣзжаетъ на мѣсто и проситъ пристроить ея группу. Она была очень грустна, и видимо съ трудомъ удерживалась отъ слезъ, которыя подступали уже къ глазамъ. Я спросила, что сказать отъ нея ученицамъ? Она отвѣчала, что сама зайдетъ на минутку проститься. Придя вчера въ школу и встрѣтивъ по обыкновенію много маленькихъ хлопотъ, вопросовъ и недоразумѣній, я позабыла о нашемъ школьномъ горѣ. Надо было заявить всѣмъ учительницамъ, что сейчасъ начнется образцовый урокъ Н. М. В., и я спустилась въ нижній этажъ. Войдя во 2-ю комнату, я увидѣла странное, поразившее меня зрѣлище: двѣ скамьи взрослыхъ ученицъ рыдали навзрыдъ. Слезы ребенка не такъ поражаютъ, какъ слезы взрослаго человѣка—дѣти чаще плачутъ. Я страшно перепугалась, мнѣ вдругъ почудилось какое-то несчастье, но какое именно—я не могла опредѣлить въ ту минуту. «Что случилось»? — спросила я тревожно. «Евлампія Александровна...»—начала одна изъ ученицъ, всхлипывая, и не могла окончить отъ рыданій, но я, конечно, все поняла. Е. А. уже не было въ классѣ; я встрѣтила ее въ передней. Она тоже не могла говорить и молча пожала мнѣ руку. «Вотъ высшая нравственная награда, которую учительница можетъ получить за свой трудъ»,—сказала я, указывая на ея комнату. Простившись съ Е. А., я возвратилась въ верхній этажъ, позабывъ объ образцовомъ урокѣ, сѣла въ музеѣ и невольно задумалась. Мнѣ думалось: нравственная связь учительницъ и ученицъ воскресной школы не такъ ничтожна, какъ предполагаютъ нѣкоторые. Человѣкъ, вызывающій рыданія при разлукѣ, непремѣнно можетъ и долженъ имѣть вліяніе: его любятъ, ему вѣрятъ, его оплакиваютъ. Правда, у насъ мало времени, но, вѣроятно, нравственное сближеніе измѣряется не количествомъ, а качествомъ. Можно молчать или говорить вздоръ цѣлые дни и недѣли, и можно такъ проникнуться желаніемъ дать человѣку добро, вложить въ него свои идеалы, свои вѣрованія, что эти 4 часа въ недѣлю окажутся плодотворнѣе 4 дней и 4 недѣль. Изъ моего раздумья меня вывелъ преподаватель которому была поручена группа Е. А. Онъ пришелъ посовѣтоваться, отпустить-ли ученицъ, по ихъ просьбѣ, проводить учительницу. Разумѣется, рѣшили отпустить. Къ 4-му часу, къ уроку по Закону Божію, я встрѣтила снова ученицъ Е. А. на лѣстницѣ, спѣшащихъ въ верхній этажъ. Глаза были красны и припухли отъ слезъ, но выраженіе лицъ было положительно веселое. Меня удивила такая быстрая перемѣна.

«Что, проводили?»—спросила я. «Какъ-же!» — отвѣчала таже высокая дѣ-

вушка, которая прежде не могла слова выговорить отъ рыданій,—«только онѣ обѣщали пріѣхать въ сентябрѣ непремѣнно». Ея некрасивое лицо окончательно просіяло въ эту минуту. По окончаніи уроковъ, тотъ же преподаватель подошелъ ко мнѣ и сказалъ серьезно: «Однако какъ хорошо была ведена группа Е. А., какіе бойкіе отвѣты при чтеніи, какое толковое усвоеніе ариѳметическихъ правилъ. Во всемъ видно самое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу». Я выслушала—и не удивилась».

Другой фактъ:

«Много лѣтъ сряду,—пишетъ одна изъ учительницъ въ своемъ дневникѣ,—я ношу на шеѣ маленькій мѣдный образокъ, совсѣмъ уже потускнѣвшій, съ надписью, на которой еле можно прочесть «Великомученица Варвара»; но каждый разъ, когда мнѣ приходится задумываться надъ нимъ и заглянуть въ прошлое, я чувствую, что вся моя жизнь и работа связаны неразрывною цѣпью съ этою мѣдною иконкою. Въ памяти моей возникаетъ блѣдный обликъ дѣвушки, кроткіе каріе глаза и добрая улыбка. Она стала посѣщать школу еще ребенкомъ, дѣвочкой, и начала у меня съ азбуки. Годы шли; Даша росла и выросла въ высокую, стройную дѣвушку, но воскресная школа по прежнему оставалась для нея любимымъ праздничнымъ развлеченіемъ, а нравственная связь съ учительницей и привязанность къ ней росли съ каждымъ годомъ. Помню, я заболѣла, заболѣла тяжко, смертельно, и пролежала въ постели недѣль 6—7. Въ городѣ уже ходили слухи, что я умерла, но силы стали возобновляться, и когда я однажды подняла слабыя вѣки и взглянула на столикъ у кровати, на немъ лежала незнакомая мнѣ мѣдная иконка на узенькой розовой ленточкѣ. «Откуда это»?—спросила я и получила въ отвѣтъ: «Даша Ф. ходила пѣшкомъ въ Кіевъ молиться о вашемъ здоровьѣ». Я отвернулась къ стѣнѣ и заплакала. Это были первыя слезы радости послѣ долгихъ страданій. Мнѣ невыразимо захотѣлось жить, работать, быть достойной этой мѣдной иконки»...

Безъ сомнѣнія, не можетъ быть высшей награды для человѣка и его работы, его дѣятельности, какъ факты, подобные приведеннымъ. Но не меньшую награду составляютъ и тѣ факты, которые убѣждаютъ школу и ея дѣятельницъ въ томъ, что тѣ добрыя сѣмена, которыя влагаются школою въ души и сердца своихъ питомицъ, не проходятъ безслѣдно, а даютъ пышный плодъ. Дѣятельницамъ школы не разъ приходилось встрѣчать въ жизни своихъ ученицъ, и не разъ эти встрѣчи служили имъ истиннымъ утѣшеніемъ и давали силы къ продолженію дѣятельности, наглядно свидѣтельствуя о громадномъ нравственно-образовательномъ значеніи школы,—о томъ, что питомицы школы дѣйствительно вносятъ лучъ свѣта въ окружающую ихъ жизнь, что онѣ оказываютъ на свою среду культурное воздѣйствіе. Дневники школы полны фактовъ подобнаго рода, и я снова позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ этихъ дневниковъ.

Вотъ маленькій, но крайне характерный фактъ:

«Сегодня была у меня моя бывшая 45-лѣтняя ученица Е. Я. З. (Это та самая экономка, которая такъ горячо стремилась къ образованію всю жизнь и получила возможность удовлетворить этому стремленію уже въ почтенномъ возрастѣ, какъ объ этомъ разсказано выше. Она оставила школу 2—3 года назадъ

достигнувъ своей опредѣленной цѣли — научившись сносно читать и писать. Разговоръ, естественно, съ первыхъ-же словъ зашелъ о школѣ.

«Продолжаете заниматься?» — спросила я. «Какъ-же! — отвѣчала она, сіяя своимъ толстымъ лицомъ,—я не только читаю, а выучила за прошлую зиму дѣвочку-сиротку, которую привезли къ намъ изъ деревни, и мальчика-сиротку. Вижу—бѣгаетъ по улицѣ, ничего не дѣлаетъ,—я къ нему: «хочешь учиться?»— «Хочу!» — «Приходи часамъ къ 10, когда я съ поваромъ съ базара возвращаюсь». «Сталъ ходить—и выучился»...

Другой фактъ, болѣе любопытный:

«Въ музей вошла женщина лѣтъ за 30, въ огромной заячьей шубѣ и пестромъ шалевомъ платкѣ на головѣ. Она имѣла видъ зажиточной мѣщанки-хозяйки. Ея некрасивое рябое лицо освѣщала добрая многозначительная улыбка, а глаза искали кого-то въ толпѣ. Я быстро пошла къ ней на встрѣчу. «Христина Даниловна! — произнесла она радостно, — я ваша ученица, помните?» И она назвала фамилію. Правда сказать, я не могла припомнить ни ея лица, ни ея фамиліи. «Забыли?—продолжала она, — мудренаго мало: куда же вамъ помнить всѣхъ? Сколько, можетъ, сотенъ перевернулось насъ предъ вашими глазами, а вы все одна,—можно забыть. Да и лѣтъ не мало прошло: я вотъ уже, слава Богу, 11-ый годъ замужемъ. Дѣвочекъ вамъ своихъ учиться привела».— «Дочерей?» — спросила я. «Нѣтъ, дочери еще малы, чтобъ васъ безпокоить: я сама пока ихъ немножко пріучаю; а вотъ дѣвушки-работницы живутъ у насъ, въ шитьѣ мнѣ помогаютъ; чѣмъ баловаться, пусть лучше въ школу ходятъ,— я имъ худа не совѣтую». И она указала на двухъ взрослыхъ дѣвушекъ. — «Что-же, можетъ быть, вы желаете, а онѣ сами не имѣютъ охоты къ ученью?»— спросила я. «Какъ можно,—возразила горячо хозяйка,—какого-же успѣха ждать безъ собственнаго желанія? Просто, спятъ и видятъ школу, особенно какъ я имъ начну разсказывать; и вы ужъ будьте покойны на счетъ аккуратности: лучше сама что додѣлаю въ воскресенье, а ихъ отпущу. По себѣ знаю, какъ пропускать школу. Бывало, не отпуститъ хозяйка, не пойдешь два, три раза,— подруги-то твои куда впередъ выучили, сидишь, какъ въ лѣсу. И ведутъ тебя къ другой учительницѣ,—ужъ и нѣтъ этого хуже: и стыдно, и къ старой привычку имѣешь, и вины за собой никакой не чувствуешь.., Я не разъ чрезъ это плакала... Ну, такъ, значитъ, могу я ихъ оставить?» — Можете!—отвѣчала я. Хозяйка нагнулась къ уху низенькой дѣвушки и что-то шептала ей. Я не могла слышать словъ, но лицо выражало чисто материнскую заботу. «Съ тѣмъ до свиданія!—обратилась она ко мнѣ,—ужъ вы, пожалуйста, жалѣйте нашихъ дѣвушекъ: онѣ тутъ въ городѣ все равно что сироты». — «Будемъ жалѣть»,— сказала я искренно и горячо поцѣловалась съ этимъ рябымъ и некрасивымъ лицомъ»...

Наконецъ, еще одинъ фактъ того же рода, еще болѣе многозначительный:

«Сегодня меня пригласили на крестины къ матери одной изъ ученицъ— прачкѣ... Войдя въ чистенькую и убранную по праздничному комнату, я увидѣла поджидавшихъ меня батюшку съ причетникомъ и кума. Передо мною стоялъ человѣкъ съ чрезвычайно благообразнымъ лицомъ, въ длинномъ мѣщанскомъ сюртукѣ и съ золотой цѣпочкой на жилетѣ, лѣтъ 30—35-ти. Кончился обрядъ. Отнесли мы ребенка родильницѣ, а сами сѣли пить чай. Взглянула я на батюшку, и почему-то вспомнился мнѣ нашъ бывшій деревенскій священникъ, и я невольно какъ-то стала разсказывать свою грустную исторію открытія школы въ деревнѣ. Кумъ слушалъ меня съ необычайномъ интересомъ: когда видишь,

что тебя такъ слушаютъ, невольно хочется продолжать... Кончился разсказъ. «И у насъ въ приходѣ,—началъ мой кумъ,—тоже въ этомъ родѣ исторія: нѣсколько лѣтъ тому назадъ попечительство школу основало, т.-е. только слава, что попечительство: хлопоталъ о ней священникъ N. отличнѣйшій человѣкъ... И я немножко старался; конечно, многаго я не могу, ну, такъ въ ярмарку кой кого у своихъ знакомыхъ рублей до 20 соберу, да и своихъ немного прибавлю. Конечно, мы люди маленькіе, и заработки у насъ не Богъ знаетъ какіе, но у меня жена имѣетъ охоту до школъ, говоритъ: «Ты лучше мнѣ платья не справь, а школѣ помоги». И такъ понемногу, понемногу собрали мы 5000, выстроили зданіе. Ужъ сколько хлопотъ было о. N съ этой постройкой—страсть! Другой и за своимъ собственнымъ столько не приметъ. Построилъ, Законъ Божій безплатно преподаетъ; мало этого, въ чемъ нужда — своими деньгами приплачивается... Какъ вдругъ назначаютъ намъ другого священника въ помощь изъ деревни, и взъѣлся онъ на о. N. «Я старше годами, мнѣ слѣдуетъ суммами церковными завѣдывать, и читать самъ въ школѣ буду!»... Не знаю, чѣмъ все это кончится? Завтра къ школьному попечителю пойду—честнымъ людямъ нужно безпремѣнно другъ дружку поддерживать».

«Это правда,—сказала я,—а на комъ вы женаты?»—«На вашей ученицѣ,—и онъ назвалъ знакомую мнѣ фамилію,—она лѣтъ пять ходила къ вамъ въ школу и хорошо научилась читать и писать. Конечно, маріинскія гимназіи не для насъ, не по нашему состоянію; если-бъ не ваша школа, Богъ знаетъ, гдѣ-бы и научиться, а теперь дѣвочка у насъ на 5-мъ году, — сама учить собирается... Знаете, что я вамъ скажу: если научите вы пятерыхъ дѣвушекъ,—это все равно что вы 25 человѣкъ выучили: вѣдь дѣти у нихъ будутъ. Вотъ и мнѣ моя говоритъ: «Ты-бы школу устроилъ въ той деревнѣ, гдѣ родился»... Кумъ,—обратился онъ къ хозяину,—въ нашей Никитовкѣ, если дѣльце одно выгоритъ, непремѣнно устрою. А недавне на 15 рублей книжекъ туда послалъ,—солдатикъ тамъ учитъ. Только плохо учитъ: на что я самъ не ученъ, а понимаю, что плохо. Тамъ-ли школѣ не быть: 700 человѣкъ жителей, а можетъ теперь и больше. Вѣдь и съ нихъ можно что-нибудь собрать, если-бы только первый устроитель нашелся»...

«Этотъ длинный сюртукъ и эта простая, горячая, разумная рѣчь настолько казались мнѣ трогательными, что я просто не могла говорить, боясь слезъ,—я только думала... И вспомнился мнѣ одинъ педагогъ-педантъ, который назойливо приставалъ въ одномъ изъ нашихъ собраній къ намъ съ вопросомъ: «Выясните мнѣ цѣль воскресной школы?» Показала-бы я ему этого простолюдина и спросила-бы: «теперь понимаете?»...

Эти случайно выбранные мною факты являются наглядною иллюстраціею того культурнаго воздѣйствія, которое оказываетъ воскресная школа на среду, пользующуюся ею. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ еще придется отмѣчать это значеніе воскресной школы для населенія, въ интересахъ котораго она создана и существуетъ. А теперь мы считаемъ достаточно выясненнымъ вопросъ о томъ, что даетъ школа своимъ питомицамъ и что онѣ выносятъ изъ нея для жизни, и мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ жизни школы.

Я. Абрамовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. С. ПУШКИНЪ О ВОСПИТАНІИ.

(По случаю 100-лѣтія со дня рожденія).

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ не былъ воспитателемъ или педагогомъ въ собственномъ смыслѣ слова и, повидимому, не имѣлъ влеченія къ педагогической дѣятельности. По крайней мѣрѣ онъ выражался на этотъ счетъ такъ: «въ учителя не могу идти, хоть и знаю законъ Божій и четыре первыя правила». По словамъ его біографа (Анненковъ, «Матеріалы», изд. 2-е стр. 77), онъ признавалъ одно только воспитаніе, «которое дается человѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія, — говорилъ онъ, — нѣтъ для существа, одареннаго душой». Отсюда слѣдуетъ, что Пушкинъ какъ будто отвергалъ въ принципѣ педагогику, какъ намѣренное цѣлесообразное, планомѣрное воздѣйствіе одного человѣка на другого или, по крайней мѣрѣ, не признавалъ за ней большого значенія, а находилъ существеннѣе и важнѣе *самообразованіе.* Его отрицательный взглядъ на воспитаніе и признаніе высокаго значенія за саморазвитіемъ сложились подъ впечатлѣніемъ неудовлетворительнаго современнаго ему воспитанія и личнаго опыта.

Пушкинъ былъ не высокаго мнѣнія о современномъ ему образованіи, характеристику котораго мы находимъ въ его романѣ «Евгеній Онѣгинъ»:

Мы всѣ учились по-немногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь;
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Это замѣчаніе не заключаетъ въ себѣ выраженія пессимистическаго настроенія или преувеличенно-мрачнаго взгляда поэта на тогдашнее воспитаніе, оно вполнѣ оправдывалось обществомъ того времени, его понятіями и жизнью. Во-второй главѣ того-же романа, написанной годомъ позднѣе приведенныхъ словъ, находится подобное-же сужденіе, высказанное по другому поводу:

Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

Этой характеристикѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ изображеніе выведенныхъ въ произведеніяхъ Пушкина представителей образованнаго класса. Слѣды нелѣпаго жеманства, явившагося плодомъ неразборчиваго и неумѣлаго подражанія иностранцамъ, заключаются въ типахъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Наиболѣе яркое отраженіе этого прививного жеманства представляютъ женскіе типы. Вотъ какими чертами описываетъ поэтъ мать Татьяны и Ольги, г-жу Ларину:

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но въ старину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ...
.....Она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу...
Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ,
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ.

Слѣдуя модѣ, Ларина подражала во всемъ этомъ какой-то московской кузинѣ, которая очевидно была для нея образцомъ «образованной дамы». Въ лицѣ Натальи Павловны, представленной поэтомъ въ «Графѣ Нулинѣ», мы имѣемъ типъ этой настоящей «образованной дамы», получившей уже патентованное пансіонское воспитаніе. Пушкинъ говоритъ объ этомъ воспитаніи Натальи Павловны слѣдующими словами:

Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ
Что *не въ отеческомъ законѣ*
Она воспитана была,
А въ *благородномъ* пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Не безъинтересно здѣсь припомнить характеристику Маниловой, сдѣланную Гоголемъ, который также отмѣчаетъ пустоту и пошлость современнаго ему женскаго воспитанія. Вотъ въ какихъ юмористическихъ выраженія передаетъ намъ Гоголь сущность пансіонскаго воспитанія: «Хозяйство — предметъ низкій, а Манилова воспитана хорошо, а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета

составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастья семейной жизни, фортепьяно для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязанье кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія методовъ, особенно въ нынѣшнее время; все это зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіоновъ. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т.-е. вязанье сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а потомъ уже фортепьяно. Разные бываютъ методы».

Проявленіе жеманства, надолго вошедшаго въ русскіе нравы, мы видимъ еще въ старину. Говоря о Натальѣ Гавриловнѣ, дочери Гавріила Афанасьевича Ржевскаго, въ «Арапѣ Петра Великаго», авторъ замѣчаетъ, что она такъ сильно жаждала уроковъ «плясокъ нѣмецкихъ», что даже упорно державшійся старины отецъ долженъ былъ уступить ея просьбѣ и нанять ей въ качествѣ танцмейстера хромого шведскаго офицера. — Если въ Татьянѣ, героинѣ романа «Евгеній Онѣгинъ», мы не находимъ ничего страннаго, уродливаго, каррикатурнаго, это объясняется индивидуальнымъ недюжиннымъ умомъ ея, любознательностью и замѣчательнымъ тактомъ. Но и она обучалась такъ-же очень немногому, почти только однимъ танцамъ да французскому языку. Читая одни французскіе романы, она не обладала достаточными познаніями и развитіемъ и держалась грубыхъ простонародныхъ суевѣрій. Ея младшая сестра Ольга, заурядная, пустенькая дѣвушка, по своей духовной безсодержательности подобна остальнымъ своимъ современнымъ ей сверстницамъ. Ихъ праздное разгоряченное безпорядочнымъ чтеніемъ французскихъ романовъ воображеніе такъ настроено, что въ каждомъ встрѣчномъ мужчинѣ онѣ ищутъ героевъ своего романа. Въ повѣсти «Метель» Пушкинъ разсказываетъ намъ, что молодой человѣкъ Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивой, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героиней романа. Сельское уединеніе, праздность и чтеніе развивали въ уѣздныхъ барышняхъ чувствительность и романтическое воображеніе. Приглашенныя для воспитанія ихъ иностранныя гувернантки не могли внести никакого разумнаго здороваго содержанія въ ихъ жизнь. Миссъ Жаксонъ, сорокалѣтняя чопорная дѣвица, представленная въ произведеніи «Барышня-Крестьянка», только и дѣлала, что цѣлый день бѣлилась и сурмила себѣ брови, да по два раза въ годъ перечитывала Па-

мелу, получая за это двѣ тысячи рублей и умирая со скуки въ этой варварской Россіи.

Образованіе мужчинъ того времени состояло также, главнымъ образомъ, во французскомъ языкѣ и въ свѣтской развязности. Внѣшній лоскъ, манеры, умѣнье танцовать и держаться въ свѣтскомъ обществѣ считались почти единственными и существенными качествами всякаго образованнаго молодого человѣка. О пріобрѣтеніи знаній и общемъ умственномъ развитіи тогда не особенно заботились, гордились больше умѣньемъ читать и говорить по-французски. У Швабрина, представителя образованности прошлаго вѣка, было «не мало французскихъ книгъ». Результаты образованія Онѣгина, представителя настоящаго вѣка, Пушкинъ характеризуетъ такими словами:

По-французски
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно.

Онѣгинъ, образованный человѣкъ, ведетъ жизнь пустую, безсодержательную и веселую, ничего не дѣлаетъ, ѣстъ, пьетъ, критикуетъ балеты, танцуетъ напролетъ ночи и съ величайшимъ усердіемъ занимается «наукой страсти нѣжной». Когда ему наскучила такая безсмысленная жизнь и захотѣлось взяться за трудъ писателя, то, конечно, изъ этой неожиданной попытки ничего не вышло: «трудъ упорный ему былъ тошенъ». Предаваясь бездѣльно и томясь душевной пустотой, Онѣгинъ принялся было читать книги, но и это напрасно:

Отрядомъ книгъ уставилъ полку;
Читалъ, читалъ, а все безъ толку...
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Служба для молодыхъ людей имѣла мало значенія, о ней думали только ради чиновъ, и, подобно молодому Владиміру Дубровскому въ повѣсти Пушкина съ тѣмъ-же названіемъ, оставляли ее съ легкимъ сердцемъ при первой возможности. Благодаря привольной жизни, обезпеченной крѣпостнымъ трудомъ, они проводили время въ праздности, занимались пустыми свѣтскими разговорами, играми въ любовь, увозили своихъ избранницъ и стрѣлялись на дуэли. Это были предшественники Печорина, не имѣвшіе пока только самой яркой отличительной черты его—демоническаго разочарованія. Онѣгинъ по своему невысокому разочарованію походитъ болѣе на молодого Дубровскаго, чѣмъ на Печорина. Дубровскій былъ такъ же обра-

зованъ, какъ и Онѣгинъ: онъ зналъ хорошо французскій языкъ и выдавалъ себя за настоящаго парижанина.

Какъ въ говорѣ, такъ и въ нравахъ общества 20-хъ и 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія господствовало смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ, съ элементарными признаками свѣтскаго обращенія уживалось самое дикое старозавѣтное самодурство. Въ тогдашнемъ обществѣ рядомъ съ чисто русскимъ кореннымъ стариннымъ дворяниномъ, въ родѣ Ивана Петровича Берестова, можно было встрѣтить и такого англомана, какъ Григорій Ивановичъ Муромскій въ разсказѣ «Барышня-Крестьянка», который тратилъ почти всѣ свои доходы на разведеніе англійскаго сада и обработку полей по англійской методѣ и одѣвалъ конюховъ жокеями. Характеръ образованія въ высшихъ и среднихъ кругахъ имѣлъ много общаго. Изображенные поэтомъ аристократы,—графиня въ «Пиковой Дамѣ», Зинаида Вольская и Минскій въ отрывкѣ «Гости съѣзжались на дачу»,—отличаются только тономъ и обстановкой, въ которой дѣйствуютъ, отъ Марьи Кирилловны въ «Дубровскомъ», отъ Маріи Гавриловны въ повѣсти «Метель», Лизы и Саши, а также Владиміра L въ отрывкѣ «Романъ въ письмахъ», Сильвіо въ «Выстрѣлѣ», Германа въ «Пиковой Дамѣ». Конечно, дѣйствующія лица «Египетскихъ ночей» изящнѣе людей средняго круга, ихъ странности не такъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ смѣшное жеманство Муромскаго и ему подобныхъ.

Чтобы судить о томъ, какъ обращались съ учителями въ тогдашнихъ семьяхъ и каково было ихъ положеніе въ уѣздахъ у помѣщиковъ и въ столичныхъ домахъ, достаточно вспомнить, что Троекуровъ, при своемъ дикомъ характерѣ, съ учителями не церемонился и уже «двоихъ засѣкъ до смерти». Только крайняя нужда могла заставить настоящаго Дефоржа быть учителемъ въ домѣ Троекурова и только пылкая романтическая любовь и страсть побуждала мнимаго Дефоржа (Дубровскаго) переносить выходки капризнаго барина, выдержать обидную аудіенцію съ голоднымъ медвѣдемъ, устроенную для потѣхи Кирилла Петровича, и забывать въ немъ смертельнаго врага. Здѣсь очевидна связь между нравами первой половины нашего столѣтія и блаженной памяти временами Митрофана и Простаковой.

Итакъ, въ произведеніяхъ Пушкина мы видимъ одни только отрицательные типы воспитателей и ни одного положительнаго. Воспитаніе было плохо потому, что находилось въ плохихъ рукахъ гувернеровъ-иностранцевъ—съ одной стороны; съ другой стороны—самыя условія жизни были такъ плохи, что не могло утвердиться

хорошее воспитаніе. Частная и общественная жизнь заключала не мало отрицательныхъ сторонъ, неблагопріятныхъ для воспитанія.

Приведенные у Пушкина педагоги исключительно иностранцы: въ огромномъ большинствѣ французы, но есть и нѣмцы, и шведы (въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго»), и англичане (гувернантка въ «Барышнѣ-Крестьянкѣ»). Единственными же русскими воспитателями являются невѣжественные дядьки. О дядькахъ упоминается уже въ «Запискахъ В. П. Нащокина», представляющихъ дѣйствительное воспоминаніе прошлаго; но за то къ этой группѣ принадлежитъ ярко очерченная личность Савельича, дядьки Гринева. Къ этому симпатичному типу лицъ нужно присоединить и няню Егоровну въ «Дубровскомъ» и сѣдую Филипьевну въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Они привлекательны по своей самоотверженности, безграничной преданности господамъ и по свойственному имъ безкорыстію и совершенному отсутствію сознанія собственныхъ заслугъ. Эти типы положительнаго достоинства, хотя и въ нихъ есть нѣчто смѣшное. Но все-же это не настоящіе воспитатели. Настоящіе воспитатели гувернеры-иностранцы, которыхъ можно раздѣлить на предшествовавшихъ Пушкину и современныхъ ему. Къ первымъ принадлежатъ — французъ Бопре, страстный любитель спиртныхъ напитковъ, человѣкъ невѣжественный, «каналья-французъ», спавшій сномъ невинности въ тотъ злополучный часъ, когда Андрей Петровичъ Гриневъ засталъ воспитанника его клеившимъ змѣя изъ соблазнившей его своею добротой географической карты и прилаживавшимъ хвостъ къ мысу Доброй Надежды, и тотъ чопорный французъ, который, если не злонамѣренно, то по неизвинительной оплошности, «научилъ пьянству» мальчика Нащокина. Ко вторымъ принадлежатъ: madame, ходившая за Евгеніемъ Онѣгинымъ, и смѣнившій ее «французъ убогій» monsieur l'Abbé, мамзель Мимо и французъ Дефоржъ въ «Дубровскомъ», содержательница пансіона Фальбала, въ которомъ воспитывалась Наталья Павловна (въ «Графѣ Нулинѣ»), жеманная англичанка миссъ Жаксонъ (въ «Барышнѣ-Крестьянкѣ»). Всѣ эти, кромѣ Дефоржа, типы комическіе. Пушкинъ воспроизвелъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ вполнѣ согласно съ исторической правдой. Примѣры подобныхъ воспитателей мы встрѣчаемъ у писателей того времени Грибоѣдова, Крылова и въ замѣткахъ и воспоминаніяхъ, печатающихся въ нашихъ историческихъ журналахъ.

Сами писатели наши первой половины настоящаго вѣка обучались у иностранныхъ гувернеровъ: *Жуковскій*—у какого-то нѣмца Якима Ивановича, ознаменовавшаго свое пребываніе въ Мишенскомъ комическими проявленіями своей оригинальной страсти къ кузнечикамъ, и у Христіана Филипповича Роде, содержателя пансіона въ

Тулѣ; *Грибоѣдовъ*—у Петрозиліуса и Іоны. Первоначальными учителями *Пушкина* были — Монфоръ, Русло, Шадель и Шиллеръ; учителями *Лермонтова*—Жандро, Леви и Винсонъ.

Но, конечно, не этимъ иностранцамъ наши писатели были обязаны развитіемъ своихъ богатыхъ природныхъ дарованій, а собственному развитію, самодѣятельности и обстоятельствамъ своей личной жизни. Какъ чуждый для Россіи элементъ, иностранцы не могли сдѣлать воспитаніе русскимъ, національнымъ; они не имѣли ничего общаго съ народомъ, его историческимъ прошлымъ и будущимъ. Пушкинъ называлъ данное ему иностранцами воспитаніе «проклятымъ» воспитаніемъ и существенный недостатокъ его видѣлъ не только въ отсутствіи *національнаго* элемента, но и въ недостаткѣ прочныхъ внутреннихъ основъ для развитія *общечеловѣческаго міровоззрѣнія, гуманныхъ чувствъ и нравственности*. Оно было воспитаніемъ внѣшнимъ или просто дрессировкой молодого существа, но не шло въ глубь живого существа, не затрагивало внутренняго человѣка, его ума и сердца. Немногіе только молодые люди воспользовались знаніемъ французскаго языка для изученія съ помощью его просвѣтительной литературы XVIII вѣка; большинство-же понимало его какъ приправу къ свѣтскости, необходимую для гостиной, и знакомилось только съ безсодержательными, безнравственными французскими романами. Не имѣя никахъ понятій о воспитаніи и научныхъ знаній, иностранные гувернеры, эти бродяги, парикмахеры, кондитеры, истопники въ своей землѣ, только развращали русскую молодежь.

Кромѣ французскихъ гувернеровъ на дѣтей дурно вліяла въ семьяхъ и окружающая грубая семейная атмосфера, пропитанная началами крѣпостного права помѣщиковъ. Среди деспотизма и произвола, среди примѣровъ старозавѣтнаго самодурства съ одной стороны и униженія и пресмыкательства—съ другой, не могло воспитаться чувство справедливости, любви и уваженія къ человѣческому достоинству. Вотъ почему Александръ Сергѣевичъ сильно и основательно осуждалъ современное ему домашнее воспитаніе. Въ своей «Запискѣ о народномъ воспитаніи», составленной въ 1826 году по порученію Императора Николая Павловича, онъ, между прочимъ, говорилъ: «Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ».

Гораздо выше этого купленнаго за деньги *иностраннаго* воспи-

танія Пушкинъ ставилъ воспитаніе, полученное имъ отъ своей бабушки Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, няни Арины Родіоновны и отъ тѣхъ естественныхъ условій жизни, въ которыхъ онъ развивался. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, обладавшая не только опытностью, но и здравымъ смысломъ, она увлекала его своими разсказами о старинѣ. Знаменитая няня, воспѣтая имъ впослѣдствіи, представляла изъ себя типъ старинныхъ преданныхъ слугъ: она отказалась отъ предложенной ей отпускной за себя и за своихъ родныхъ и была преданнымъ другомъ дѣтства поэта. Она обладала громаднымъ знаніемъ народной поэзіи, въ которую и посвятила своего питомца. Ей, кажется, извѣстенъ былъ весь сказочный міръ, который при томъ передавала она оригинально: поговорки, пословицы, шутки, прибаутки не сходили у ней съ языка. Отъ нея-то и слышалъ Пушкинъ бо̀льшую часть народныхъ былинъ, пѣсенъ и сказокъ *), которыхъ зналъ множество. Вліяніе этихъ женщинъ и священника Бѣликова, преподававшаго ему Законъ Божій и русскій языкъ, давшихъ ему съ самаго начала хорошую *закваску*, называемую *народностью*, такъ глубоко залегло въ воспріимчивой душѣ поэта, что и полученное имъ иностранное воспитаніе не могло заглушить въ немъ любви къ народной поэзіи, къ русской жизни и природѣ, къ русскому народу, къ завѣтамъ и преданіямъ православной старины. Въ письмѣ отъ 1824 года изъ села Михайловскаго Пушкинъ писалъ, между прочимъ, своему брату о томъ, какъ проводитъ зимнее время: «вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего проклятаго воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть цѣлая поэма». Такимъ образомъ, и въ эту пору жизни Арина Родіоновна была все еще его руководительницей въ изученіи народной поэзіи, его послѣднимъ наставникомъ, которому онъ былъ обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего французскаго воспитанія. Развитію его поэтическаго дарованія и литературнаго направленія не мало содѣйствовали также чтеніе книгъ, находившихся въ обширной библіо-

*) Въ стих. «Сонъ» 1816 г. Пушкинъ говоритъ:

Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней.
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ помыслахъ носился юный умъ.

текѣ его просвѣщеннаго отца, и разговоры такихъ глубоко образованныхъ писателей, какъ И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, К. Н. Батюшковъ, В. А. Жуковскій, посѣщавшихъ домъ Пушкиныхъ, славившійся гостепріимствомъ, благородными развлеченіями (декламація стиховъ В. Л. Пушкинымъ, дядей поэта, музыка, спектакли) и даровитыми его членами, такъ какъ многіе изъ Пушкиныхъ имѣли литературное дарованіе.

Нельзя сказать, чтобы Пушкинъ былъ доволенъ своимъ лицейскимъ образованіемъ: результаты школьнаго ученья казались ему слишкомъ поверхностными и неудовлетворительными. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ лицею, онъ даетъ мимоходомъ такую картину занятій товарищей-лицеистовъ:

Они *твердятъ томительный урокъ*,
Или *романъ украдкой* пожираютъ,
Или *стихи* влюбленные слагаютъ,
Забывъ межъ тѣмъ полуденный рожокъ.

О своихъ лицейскихъ преподавателяхъ Пушкинъ почти ничего не говоритъ въ своихъ произведеніяхъ, о нихъ мы узнаемъ изъ другихъ источниковъ. Въ посланіи «Моему Аристарху» подъ послѣднимъ поэтъ разумѣетъ преподавателя русской словесности Кошанскаго и, повидимому, представляетъ его читателямъ не въ очень благопріятномъ свѣтѣ, говоря ему съ раздраженіемъ:

Я знаю самъ свои пороки;
Не нужны мнѣ, повѣрь, *уроки*
Твоей учености сухой.

При самомъ вступленіи въ лицей поэтъ шутливо сравнивалъ его съ монастыремъ, откуда влекло его явиться разстригой въ Петербургъ и неожиданно предстать предъ любимой сестрой (посланіе «Къ сестрѣ»). Подъ конецъ-же онъ сильно тяготился лицеемъ и довольно откровенно сознавался въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: «Правда, время моего выпуска приближается, остался еще годъ. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго» (представляя въ послѣднихъ словахъ косвенную оцѣнку оффиціальнаго преподаванія любимой имъ отечественной литературы).

Томительные уроки «сухой учености», которые приходилось «затверживать» по тетрадкамъ, конечно, не могли пробудить въ учащихся жажду знаній и вліять благотворно на умственное развитіе вообще. Они скорѣе вызывали нерасположеніе къ школьной оффиціальной наукѣ и нелюбовь къ ея казеннымъ представителямъ. Но, кромѣ негодности метода обученія, самыя программы и планъ преподаваемыхъ въ лицеѣ предметовъ были также въ высшей степени

неудовлетворительны. Здѣсь были напиханы разные предметы, совершенно несхожіе между собою и несвязанные какою-нибудь общей идеей. Рядомъ съ филологіей преподавались юридическія науки, историческія и военныя, техническія и естественныя (кромѣ этого, преподавались музыка, гимнастика, танцы и рисованіе). Даже при желаніи заняться наукой, изучить въ ней что-нибудь, не было къ тому возможности, такъ какъ вся эта куча предметовъ была обязательной. Образованіе не было ни классическимъ, ни реальнымъ, ни техническимъ, ни юридическимъ. Всего было понемногу, такъ что справедливо выразился Пушкинъ, что тогда всѣ учились «по-немногу, *чему-нибудь и какъ-нибудь*». Хорошо въ лицеѣ было только развѣ то, что учителя не препятствовали учащимся заниматься литературой, участвовать въ своемъ литературномъ кружкѣ, писать стихи, читать товарищамъ и на экзаменахъ и даже печатать въ журналахъ. Особенно юноши были предоставлены себѣ и почти не посѣщали классныхъ уроковъ предъ назначеніемъ директоромъ Энгельгардта; къ экзаменамъ-же готовили только то, что съ общаго согласія выбирали учителя. Математикъ Карцевъ поощрялъ нерасположеніе къ своему предмету выслушиваніемъ лицейскихъ анекдотовъ. Замѣнившаго его Галича молодежь совсѣмъ осѣдлала и устраивала, съ его вѣдома, попойки въ его аудиторіи. О Карцевѣ, между прочимъ, разсказываютъ слѣдующее: Пушкинъ, вызванный имъ къ доскѣ, рѣшалъ алгебраическую задачу; долго онъ стоялъ у доски, переминаясь съ ноги на ногу и все не приближаясь къ рѣшенію задачи. Наконецъ, терпѣливый профессоръ спросилъ: «ну, что-же? Чему равняется иксъ?» «*Нулю*»,—отвѣчалъ воспитанникъ Александръ Пушкинъ. «У васъ, Пушкинъ, всегда на моихъ лекціяхъ иксъ равняется нулю. Садитесь на свое мѣсто и—*пишите свои стихи*...» И, дѣйствительно, Пушкинъ написалъ немало въ лицеѣ стиховъ и былъ главнымъ руководителемъ литературнаго кружка, хотя самъ онъ впослѣдствіи не одобрялъ этихъ постороннихъ занятій. Въ своей «Запискѣ о народномъ воспитаніи» онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, личныя воспоминанія о лицейскихъ годахъ ученья, когда сѣтовалъ на то, что «во многихъ училищахъ дѣти занимаются литературой, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ». Подобное отвлеченіе отъ главной и естественной цѣли занятій учебнаго возраста онъ признавалъ въ зрѣлыхъ годахъ крайне нежелательнымъ и вреднымъ для юношества. «Все это отвлекаетъ отъ ученья,—писалъ онъ,—пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того у насъ слишкомъ ограниченныя». Но несомнѣнно благодѣтельны были тѣ участіе и вниманіе къ учебнымъ заведеніямъ и начинающимъ моло-

дымъ писателямъ, какое обнаружили наши извѣстные поэты: И. И Дмитріевъ, К. И. Батюшковъ, В. А. Жуковскій, Вяземскій, Державинъ и др. Пушкинъ самымъ искреннимъ образомъ описалъ свои чувства во время чтенія своихъ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» на экзаменѣ 1815 г. въ присутствіи маститаго пѣвца «Бога» и «Фелицы»—Г. Р. Державина. Карамзинъ, давній пріятель отца поэта, жилъ въ то время въ Царскомъ Селѣ и писалъ свою «Исторію Государства Россійскаго». Пушкинъ-лицеистъ почти ежедневно посѣщалъ по вечерамъ знаменитаго историка и бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ ввелъ его впослѣдствіи въ свое литературное общество «Арзамасъ», основанное съ цѣлью защищать новыя литературныя вѣянія.

Итакъ, не лицею и его преподавателямъ былъ обязанъ Пушкинъ, а тѣмъ немногимъ благопріятнымъ условіямъ жизни и развитія, которыя выпали на его долю. Лицей не отвѣчалъ въ то время педагогическимъ требованіямъ ни въ учебномъ, ни въ воспитательномъ отношеніи. Воспитанники свободно разгуливали по лицейской рощѣ, заводя любовныя интриги съ горничными и съ крѣпостными актрисами графа Вольгенштейна. Пушкинъ также отдалъ дань этому увлеченію, посвятивъ нѣсколько стихотвореній лицейскимъ нянюшкамъ и актрисамъ («Наташа», «Къ актрисѣ», «Ты не наслѣдница Клеронъ»). Отъ кутежей въ стѣнахъ лицея воспитанники переходили къ кутежамъ съ гвардейцами и золотой молодежью, проживавшей лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ на дачахъ. Изрѣдка они устраивали школьные бунты и протесты: такъ, они изгнали инспектора Пилецкаго-Урбановича, ожесточившаго ихъ своей религіозной навязчивостью, презрительными отзывами о семействахъ своихъ питомцевъ и іезуитскимъ обращеніемъ, скрывавшимъ подъ личиною снисходительности много жестокости и коварства. Въ періодъ безначалія, открывшагося со смертью Малиновскаго въ 1814 году, профессора, управлявшіе попеременно, ссорились между собою. Водворить порядокъ и уничтожить распрю между профессорами былъ посланъ въ качествѣ новаго директора нѣкто Фроловъ, человѣкъ военный, аракчеевской школы; онъ взялся за дѣло круто, по военному, съ чисто скалозубовскими пріемами. Но Фроловъ былъ скоро уволенъ, оставивъ послѣ себя кучу шутовскихъ воспоминаній.

Не лучше была постановка учебно-воспитательнаго дѣла и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ кадетскихъ корпусахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ при университетахъ и въ самыхъ университетахъ. По замѣчанію Пушкина, кадетскіе корпуса, разсадники офицеровъ русской арміи, требовали «бо̀льшаго присмотра за нравами», такъ какъ они находились, по выраженію его, «въ са-

момъ гнусномъ запущеніи». Между воспитанниками ихъ ходили рукописи безнравственнаго и даже прямо «возмутительнаго» содержанія. Грубость нравовъ кадетъ объяснялась грубымъ и деспотическимъ обращеніемъ съ ними начальства и воспитателей. Здѣсь во всемъ ужасѣ свирѣпствовала тогда розга и самое настойчивое и продолжительное преслѣдованіе виновныхъ. Ябеды и доносы другъ на друга сдѣлались здѣсь дѣломъ обыкновеннымъ. Пушкинъ ратуетъ въ «Запискѣ» за *гуманныя* начала воспитанія и предлагаетъ отмѣнить въ школахъ тѣлесное наказаніе, которое дѣйствуетъ гибельно на чувство чести и человѣческаго достоинства въ учащихся и ожесточаетъ нравы молодыхъ людей. «Наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока—есть дѣло ужасное и, къ несчастью, слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній *необходимо.* Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и честолюбія. Не должно забывать, что они (кадеты) будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ», — писалъ поэтъ.

Что касается учебной части, то онъ предлагалъ обратить вниманіе на изученіе болѣе необходимаго и существеннаго въ наукахъ, нежели языки, которые уносятъ такъ много времени и расходуютъ непроизводительно много силъ учащихся. «Кажется, что языки слишкомъ много занимаютъ времени»,—замѣтилъ онъ. «Къ чему, напримѣръ, 6-ти-лѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того уже достаточенъ? Къ чему латинскій и греческій языки? Позволительна-ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?» Пушкинъ отдавалъ предпочтеніе *наукамъ общественнымъ*, изученію политической экономіи, правъ и статистики Россіи, также и ея политики и исторіи. «Изученіе Россіи должно преимущественно занять въ окончательные годы умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрой и правдой. Россія мало извѣстна русскимъ. Ея исторія, ея статистика, ея законодательство требуютъ особыхъ каѳедръ». Преподаваніе исторіи должно, по нему, представлять на высшей ступени объективное (безпристрастное) изученіе и объясненіе «разницы духа народовъ и источника нуждъ и требованій государственныхъ». Исторію и соціальныя науки нужно преподавать основательно и учащіеся должны быть ознакомлены съ главнѣйшими политическими системами и ученіями, чтобы, по выходѣ въ жизнь они относились сознательно и критически ко всякимъ идеямъ, которыя часто на мало подготовленнаго человѣка производятъ неотразимое впечатлѣніе прелести и новизны.

Александръ Сергѣевичъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что мо-

лодые люди его времени рано покидали науку, въ 16 лѣтъ заканчивали свое образованіе и стремились на службу ради пріобрѣтенія чиновъ, военныхъ и гражданскихъ, и предлагалъ въ своей «Запискѣ» продолжить срокъ ученія на три года въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ. «Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно раньше на службу, ибо ему необходимо въ 30 лѣтъ быть подполковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ» *). Припомнимъ, что и самъ Пушкинъ, имѣя 17-ть лѣтъ отъ роду, состоялъ уже на государственной службѣ. Но можетъ быть именно благодаря этому онъ такъ глубоко и почувствовалъ невыгоду ранняго оставленія науки ради службы и такъ неутомимо потомъ сталъ работать надъ усовершенствованіемъ собственнаго образованія.

Вообще школьное образованіе во времена Пушкина стояло невысоко. Гимназисты, поступавшіе въ университеты, обнаруживали недостаточныя познанія. Студентъ Жихаревъ, поступившій въ Московскій университетъ, изучалъ дроби и тройное правило. Писатель Аксаковъ, будучи студентомъ Казанскаго университета, посѣщалъ нѣкоторые уроки гимназіи. Тогдашніе программы учебныхъ заведеній поражали обычной «микстурой» знаній и такой-же смѣсью преподавателей. Педагогическій институтъ, напр., предлагалъ рядомъ съ зоологіей персидскій языкъ и съ уголовнымъ правомъ—маршировку. Тамъ преподавали въ 1814 году: «грубый англичанинъ мистеръ Биттонъ, вѣроятно изъ шкиперовъ», «бойкій французъ Трине, отлично игравшій въ лапту, прошлымъ ремесломъ котораго была мелкая торговля» и т. п. А надъ всѣмъ преподаваніемъ надзиралъ добрѣйшій субъ-инспекторъ «Иванъ Якимовичъ Колмаковъ, не презиравшій даровъ Бахуса». Русскіе учителя Нѣжинскаго лицея, гдѣ учился Гоголь, не уступали также иностранцамъ: журналъ, въ которомъ записывали они проступки учениковъ, поражаетъ безграмотностью.

Тогдашніе университеты отличались также мало чѣмъ отъ гимназій. Казанскій университетъ былъ открытъ (въ 1806 г.) такимъ образомъ: часть гимназическихъ учителей была назначена профессорами, гимназисты старшаго класса были переименованы въ сту-

---

*) На этотъ недостатокъ указывалъ тогда еще и другой видный русскій человѣкъ—Евгеній Болховитиновъ: «Вы все дожидаетесь открытія Харьковскаго университета, но и открытые едва дышатъ о сю-пору. *Ни учить, ни учиться некому*. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей на службу съ 15-ти лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ 10-ть продолженія (съ приготовительнымъ ученіемъ). Кто-же будетъ дожидаться конца его?» (См. «Русск. Архивъ» 1870 г., стр. 838).

дентовъ. Раздѣленія на факультеты не существовало, слушали всѣ все, а нѣкоторые предметы совсѣмъ не читались. Аксакову выдали аттестатъ съ прописаніемъ такихъ наукъ, «какія онъ зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университетѣ еще не преподавали». Само начальство относилось снисходительно къ познаніямъ молодежи и дѣлало уступки, предоставляло льготы, лишь-бы только завлечь учиться. Въ 1805 г., на основаніи новаго устава, Московскій университетъ объявлялъ: «Всѣ тѣ, которые чрезъ домашнее ученье *положили основаніе* въ исторіи и географіи, ариѳметикѣ и геометріи, въ знаніи природнаго языка и одного или двухъ употребительныхъ иностранныхъ, имѣютъ право на поступленіе въ университетъ». Даже латинскій языкъ не ставился въ необходимое условіе для поступленіе. При этомъ студентамъ обѣщалось по окончаніи трехлѣтняго курса производство въ оберъ-офицерскій чинъ.

Плохое состояніе образованія зависѣло отъ новизны дѣла, отъ новости науки въ Россіи и отъ недостаточной подготовки людей свѣдующихъ и опытныхъ въ педагогикѣ. Неудивительно, поэтому, что верхушки знаній Пушкинъ, при своемъ глубокомъ и серьезномъ взглядѣ на науку и просвѣщеніе, не считалъ за знанія, равно и грубое воспитаніе не признавалъ за воспитаніе и видѣлъ во всемъ этомъ причину зла, объясненіе которому пожелалъ отъ него выслушать императоръ Николай I.

«Воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень зла», писалъ онъ. И въ то время какъ высочайшій манифестъ 13-го іюля 1826 года приписывалъ общественныя нестроенія недостатку твердыхъ познаній у молодежи и вредному вліянію на нее идей запада, Пушкинъ, соглашаясь съ первымъ положеніемъ, не признавалъ второго и всѣми силами своей прекрасной души возсталъ на защиту великихъ и плодотворныхъ началъ западно-европейскаго просвѣщенія. Онъ убѣждалъ, что идеи запада сами по себѣ не вредны, что дѣйствіе ихъ можетъ быть плодотворно съ усиленіемъ просвѣщенія въ Россіи, съ поднятіемъ умственнаго развитія и расширенія знаній, что, поэтому, запрещать заграничное воспитаніе, котораго домогаются русскіе молодые люди, нѣтъ необходимости, такъ какъ воспитаніе въ иностранныхъ университетахъ «не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго», основаннаго на признаніи авторитета и права сильнаго. Пушкинъ предлагалъ сдѣлать образованіе болѣе основательнымъ въ правительственныхъ школахъ и ограничить права лицъ съ домашнимъ и пансіонскимъ воспитаніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, по нему, полезно было отмѣнить экзамены на полученіе чина, потому что профессора пропускали за деньги всякихъ умственныхъ инвалидовъ.

«Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, *обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ*, а не въ шумной праздности казармъ» *). «И пусть всякій, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая на службу, не получаетъ впредь никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена».

Что Пушкинъ считалъ возможнымъ разумное основательное домашнее воспитаніе и обученіе, это видно уже изъ того, что онъ съ любовью и несомнѣннымъ сочувствіемъ свѣтлыми красками изображаетъ въ «Борисѣ Годуновѣ» ученье юнаго сына Годунова Ѳеодора. Здѣсь обученіе происходитъ вполнѣ сознательно, свободно и охотно, а не подъ вліяніемъ моды или службы. Въ до-петровскую эпоху образованіе на Руси было исключительнымъ явленіемъ, но не подневольнымъ, и потому, воспринимаемое свободно, оно не сопровождалось тѣми комическими, уродливыми и карикатурными формами, въ какихъ выразилось потомъ вынужденное, насильственное по характеру обученіе. Въ превосходной сценѣ, гдѣ Годуновъ представленъ среди домашней обстановки, въ высшей степени отрадное впечатлѣніе производитъ и маленькій царевичъ, который учится съ охотой и толкомъ, и его державный отецъ, съ истиннымъ наслажденіемъ видящій въ своемъ сынѣ осуществленіе лучшей части своихъ завѣтныхъ надеждъ, которыя питалъ онъ относительно Россіи. Съ такимъ чувствомъ благороднаго воодушевленія могъ смотрѣть на успѣхи въ наукахъ своихъ дѣтей послѣ того развѣ самъ величайшій представитель русской націи, ее незабвенный преобразователь. Нигдѣ мы не находимъ у Пушкина болѣе свѣтлой, болѣе привлекательной картины разумнаго и вполнѣ осмысленнаго ученья. На всѣ вопросы отца мальчикъ отвѣчаетъ бойко и удачно; ученіе не было для него, какъ для бо́льшей части почти современныхъ ему юношей, получавшихъ образованіе въ Кіевской академіи или въ братскихъ школахъ, «горькой школьной чашей»; оно было для него сознательнымъ средствомъ просвѣтить свой умъ и обогатить его познаніями, необходимыми для управленія Русью. Въ своемъ отцѣ онъ находитъ достойнаго, истинно-просвѣщеннаго руководителя, который говоритъ ему:

«Учись, мой сынъ, наука сокращаетъ
Намъ опыты быстро-текущей жизни...

---

*) Грибоѣдовъ много нажилъ дурныхъ привычекъ отъ «казарменныхъ готтентотовъ» и потомъ едва отъ нихъ отдѣлался. «Я прожилъ въ этой дружинѣ четыре мѣсяца,—жаловался онъ,—а теперь четверть года не могу попасть на истинный путь».

Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Другой исключительный случай хорошаго школьнаго воспитанія въ старину Пушкинъ представилъ въ «Арапѣ Петра Великаго» въ лицѣ Ибрагима, человѣка дѣльнаго, съумѣвшаго извлечь серьезную пользу изъ полученнаго имъ за-границей образованія и взявшаго изъ школы то, что̀ она могла дать ему. Что онъ не даромъ провелъ годы своего ученья, видно изъ того, что по возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ въ состояніи немедленно сдѣлаться сотрудникомъ великаго Царя-Преобразователя. Но это опять, если не исключеніе, то все-же представитель весьма небольшого числа молодыхъ людей, очень выдѣлявшихся своей серьезностью изъ пестрой толпы жалкихъ перенимателей Европейской внѣшности, въ родѣ франта Корсакова, который съ такимъ постыднымъ тупоуміемъ гордится своимъ щегольскимъ костюмомъ и изысканными манерами и который заслужилъ мѣткое прозвище «заморской обезьяны» *). Этотъ типъ, начиная съ Кантемировскаго Медора, видоизмѣняясь, облагораживаясь или, по крайней мѣрѣ, становясь приличнѣе, не умиралъ въ русской литературѣ до нашихъ дней.

Немногіе любознательные, даровитые юноши и во времена Пушкина не ограничивались образованіемъ въ своихъ русскихъ школахъ, а продолжали пріобрѣтать и совершенствовать свои знанія или за-границей, или самостоятельно посредствомъ чтенія книгъ. Чацкій, о которомъ Фамусовъ замѣчаетъ: «онъ малый съ головой и славно пишетъ», учился за-границей. Хотя Грибоѣдовъ и Жуковскій учились въ Московскомъ университетѣ, но они вынесли оттуда недостаточныя познанія: первый по наукамъ физическимъ и филологическимъ, второй—по исторіи и языкамъ, и тотчасъ по выходѣ принялись самостоятельно пополнять эти знанія.

Пушкинъ, относившійся критически къ вопросамъ науки, также ясно сознавалъ недочеты и пробѣлы въ своемъ образованіи и по оставленіи стѣнъ лицея немедленно началъ самообразованіе, которое продолжалось у него до конца жизни. Не даромъ академикъ Я. К. Гротъ, разсматривая въ своей рѣчи (при открытіи памятника Пушкину) великаго поэта, какъ человѣка, и слѣдя за постепеннымъ развитіемъ его личности, придавалъ особенное значеніе его постояннымъ и усиленнымъ заботамъ о самовоспитаніи и самоусовершенствованіи *). Профессоръ Никольскій, приведя слова Анненкова, что Пушкинъ признавалъ одно только воспитаніе, «которое дается чело-

*) В. И. Шенрокъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя». М. 1893 г., т. 2, стр. 294—295.

*) Никольскій, Ibidem, стр. 38.

вѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ», прибавилъ отъ себя, что эти слова могутъ быть примѣнены къ Пушкину во всей справедливости. Воспитаніе, которое давалъ себѣ Пушкинъ, состояло въ упорномъ, неустанномъ трудѣ. «Здѣсь мы разумѣемъ,—пишетъ Никольскій,—прежде всего его работу надъ произведеніями, которая, не смотря на кажущуюся легкость и свободу форму, была тѣмъ не менѣе весьма упорна. Черновыя рукописи Пушкина достаточно свидѣтельствуютъ о ней. Пушкинъ даже по-своему понималъ вдохновеніе. Онъ дѣлалъ такое различіе между вдохновеніемъ и восторгомъ: «Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно, и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи... Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, онъ исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго». Оттого-то Пушкинъ и могъ надъ незасохшей рукописью своего произведенія произносить такой ясный и вѣрный судъ, какой не удавался даже и записнымъ критикамъ. Силою этого труда онъ могъ обуздать свое своенравное дарованіе и подчинить его своимъ идеаламъ *). Поэтъ самъ писалъ объ этомъ своему другу Чаадаеву въ посланіи отъ 1821 года:

Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежный младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Дѣйствительно, поэтъ много и усиленно читалъ, чтобы вознаградить утраченные по винѣ французскаго воспитанія годы. Письма его заключаютъ постоянныя требованія книгъ и книгъ. Вездѣ онъ искалъ и находилъ книги, бралъ ихъ съ собою въ дорогу и читалъ на станціяхъ, когда перемѣняли ему лошадей. Большую часть средствъ Пушкинъ употребилъ на составленіе своей весьма значительной библіотеки. «Чтеніе—вотъ лучшее ученье», писалъ онъ своему брату изъ Кишинева отъ 21 іюля, 1822 г. «Чтеніе его постоянно сопровождалось выписками, сличеніями, критическими замѣчаніями, такъ что и чтеніе было у него трудомъ въ собственномъ и серьезномъ смыслѣ слова. Такъ же неустанно Пушкинъ вдумывался во всѣ явленія и собственной, и окружающей его жизни, уразумѣвалъ ихъ смыслъ и выводилъ изъ нихъ поученія. Оттого событія жизни имѣли для него дѣйствительно воспитывающее значеніе» *).

Посредствомъ самообразованія Пушкинъ достигъ значительныхъ результатовъ. Онъ обладалъ громаднымъ умственнымъ развитіемъ

---

*) «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину». Спб. 1880, стр. 233—243.

*) Никольскій, Идеалы Пушкина. Спб. 1887 г., стр. 37—38.

и знаніемъ въ исторіи и литературѣ европейскихъ народовъ древняго и новаго міра. Онъ хорошо зналъ новые языки и философскія ученія разныхъ школъ. Особенно ему были извѣстны энциклопедисты и писатели XVIII вѣка—Дидро, Гельвецій, Вольтеръ, и англійскіе философы и экономисты—Локкъ, Смитъ и Бэль. Пушкинъ имѣлъ тонкій и наблюдательный умъ и доброе, отзывчивое ко всему истинно - благородному и человѣческому сердце. Великій писатель былъ образованъ въ европейскомъ смыслѣ, и при томъ оставался чисторусскимъ человѣкомъ, горячо любившимъ Россію, съ ея лучшими преданіями и завѣтами православной старины.

Пушкинъ имѣлъ громадное вліяніе на русскихъ писателей, у которыхъ пользовался уваженіемъ и любовью. Гоголь приносилъ ему для замѣчаній свои произведенія. «Ничего я не предпринималъ, ничего не писалъ безъ его совѣта»,—писалъ Гоголь. Горько оплакивали его кончину также Лермонтовъ и Кольцовъ.

Многое, конечно, измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ дѣлалъ свои педагогическія наблюденія и составлялъ свою «Записку о народномъ воспитаніи» для практическихъ требованій времени Пушкинъ: воспитаніе и образованіе стоятъ теперь несравненно выше, чѣмъ они были при Пушкинѣ. Но все-же нельзя не признать, что взгляды и сужденія его о воспитаніи, будучи вполнѣ достойны его геніальнаго пера, не только не утратили до сихъ поръ своего значенія, но даже и трудно было-бы найти человѣка, который усомнился-бы подписаться подъ ними обѣими руками. И въ стихахъ, и въ прозѣ онъ провозглашалъ *гумманныя* начала жизни и воспитанія, требовалъ свободы и просвѣщенія. Въ Россіи чувствуется, говорилъ онъ, «недостатокъ просвѣщенія и нравственности». Въ этихъ словахъ виденъ поэтъ, который за два года предъ тѣмъ сказалъ:

«На поприщѣ ума нельзя намъ отступать».

Онъ желалъ свободы и просвѣщенія и писалъ эти прекрасныя, полныя пророческаго смысла слова:

«Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря»!

Н. Васильковъ.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ ПУШКИНА.

Въ XVII вѣкѣ великій англійскій мыслитель и педагогъ Джонъ Локкъ совершенно отрицалъ какое-либо воспитательное значеніе поэзіи, говоря, что и поэзія, и музыка не вредны для человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безполезны для него, и что поэтому гораздо полезнѣе тратить время на усвоеніе чего-либо болѣе, чѣмъ эти искусства, нужнаго для человѣка.

Но прошли десятки лѣтъ, и теперь уже, навѣрно, не найдется ни одного педагога, раздѣляющаго этотъ взглядъ Локка. Дѣйствительно, мнѣніе о важномъ воспитательномъ значеніи поэзіи теперь уже не находитъ противниковъ.

Переходя въ частности къ нашимъ русскимъ поэтамъ, мы должны сказать, что если вообще ихъ произведенія имѣли и имѣютъ воспитательное значеніе, то въ этомъ отношеніи безспорно первое мѣсто между ними принадлежитъ Пушкину.

Что такое поэзія? Поэзія, по установившемуся со времени Бѣлинскаго опредѣленію, есть воплощеніе идеаловъ, живущихъ въ душѣ поэта, въ чувственныхъ, т.-е. доступныхъ нашимъ чувствамъ зрѣнія и слуха, образахъ при помощи слова. Уже изъ этого опредѣленія ясно, что высшимъ художникомъ слова будетъ, конечно, тотъ, кто воплотитъ свои идеалы именно въ томъ видѣ, какъ они живутъ въ его душѣ, и заставитъ читателя или слушателя перечувствовать именно то, что пережилъ и перечувствовалъ самъ, т.-е., другими словами, когда форма его произведенія будетъ точно соотвѣтствовать ихъ идеѣ. Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе понятною, объяснимъ ее на примѣрѣ. Всѣмъ, конечно, извѣстно произведеніе Пушкина «Пиръ во время чумы». Мы знаемъ, что это произведеніе не оригинально: оно взято изъ Вильсоновой трагедіи: «The city of the plague». Но прелестная пѣсенка Мэри—оригинальна: она совершенно не находится въ текстѣ англійской комедіи и сочинена Пушкинымъ. Но можно-ли узнать это? Можно-ли замѣтить хотя въ одномъ штрихѣ этой чудной пѣсенки автора не-англичанина? Неужели въ ней англійскаго только имена Эдмонда и Дженни? Нѣтъ, въ ней все англійское,

начиная съ обстановки и кончая самыми оттѣнками чувства. Это одна сторона. Теперь посмотримъ еще ближе на этотъ чудный перлъ лирики Пушкина. Какой идеалъ хотѣлъ здѣсь передъ нами воплотить поэтъ? Идеалъ высокой любви,—любви, забывающей самое-себя, любви, возвышающейся до самопожертвованія, такой любви, когда любящій человѣкъ забываетъ себя и весь исчезаетъ въ своемъ любимомъ существѣ, готовъ идти на всѣ муки, на всѣ страданія, лишь-бы знать, что этими муками, этими страданіями онъ покупаетъ счастіе любимаго существа. Вотъ именно этотъ-то высокій идеалъ любви, вполнѣ отрѣшенной отъ эгоизма, Пушкинъ и хотѣлъ воплотить передъ нами въ лицѣ Дженни. Посмотримъ теперь, неужели поэту не удалась его задача? Неужели этотъ высокій идеалъ не нашелъ себѣ соотвѣтствующаго ему образа? Возьмемъ два послѣднихъ куплета этой пѣсенки:

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ,
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,
Я молю, не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей,
Устъ умершихъ не касайся,
Слѣдуй издали за ней.
И потомъ оставь селенье,
Уходи куда-нибудь,
Гдѣ-бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ,
А Эдмонда не забудетъ
Дженни даже въ небесахъ!

Не забудемъ, что эта пѣсня была сложена тогда, когда чума «холмы и долы... посѣтила

И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ»—

и мы должны признаться, что художественное совершенство дальше идти не можетъ.

Воспитательное значеніе такой поэзіи, кажется намъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Человѣкъ живетъ среди будничныхъ мелочей, среди повседневныхъ скучныхъ и пустыхъ дрязгъ, и эта суета жизни, съ которой приходится считаться всякому, конечно, не проходитъ для человѣка даромъ: она заставляетъ его забыть свѣтлыя стороны своего духа, она порабощаетъ этотъ духъ тѣлу, плоти, и она совершенно поработила-бы его, обратила-бы высокую организацію человѣка въ нѣчто, подобное усовершенствованной машинѣ,

если-бы къ человѣку, готовому погибнуть въ волнахъ житейскаго моря, но приходилъ поэтъ, не простиралъ ему своей руки и не вырывалъ его изъ дрязгъ жизни, заставляя его вмѣстѣ съ собой вознестись въ область высшихъ, свѣтлыхъ идеаловъ. Этого высокаго воспитательнаго значенія поэзіи отрицать нельзя. Но всякая-ли поэзія можетъ играть въ жизни человѣка такую важную роль? О, конечно, не все то, что мы называемъ часто поэзіей, полагая однимъ изъ существенныхъ признаковъ этого понятія закругленныя риѳмою строчки, а только одна истинная, искренняя поэзія, только такое поэтическое произведеніе, которое создано безъ всякой предвзятой идеи, которое служитъ только и исключительно безкорыстнымъ, честнымъ и искреннымъ выраженіемъ идей своего творца, въ которыхъ поэтому наблюдается полное единство идеи и формы. Читатель, можетъ быть, скажетъ намъ, что все это, высказанное нами, есть азбучная истина, и что произведеніе, не соотвѣтствующее этимъ требованіямъ, даже недостойно и носить названіе поэтическаго. Да, мы согласны, что это азбучная истина, но вѣдь одно дѣло—высказать истину и другое—узнать эту истину и съумѣть всегда отличить ее отъ всего, что подходитъ подъ понятіе не истины или полуистины.

Да и давно-ли эта истина стала истиною? Всегда-ли поэзія служила искреннему выраженію идеаловъ художника? Вѣдь мысль, что жизнь и поэзія—одно, что поэзія есть идеализированное представленіе жизни, явилась слишкомъ недавно. Она была впервые высказана только Жуковскимъ. Да даже и у Жуковскаго-то она не была всѣмъ понятна и доступна, потому что жизнь этого поэта была собственно не тѣмъ, что мы называемъ жизнью. Это была особая форма жизни, чудная, высокая, но крайне своеобразная, недоступная для пониманія всякаго человѣка, многимъ казавшаяся не по плечу. Да даже и теперь—будетъ-ли поэзія Жуковскаго понятна всѣмъ? Разумѣется, нѣтъ: она и искренна, и безкорыстна, но она слишкомъ, слишкомъ субъективна.

Если поэзія является намъ таковою подъ перомъ Жуковскаго, то что-же остается сказать про его предшественниковъ? Что остается сказать про поэтовъ Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина и др.? Можетъ-ли эта ихъ поэзія вырвать насъ изъ житейскихъ дрязгъ и вознести въ вѣчное царство идеаловъ? Врядъ-ли. Почему-же-Да потому, что въ произведеніяхъ ихъ форма никогда не соотвѣтствовала идеѣ. Самая свѣтлая, самая высокая идея являлась подъ покровомъ однообразнаго покроя мишурной мантіи, и эта мантія закрывала священную наготу идеи.

А между тѣмъ какъ долго эта блестящая фальшивая мишура плѣняла глаза зрителей! Только постепенно, получая ударъ за уда?

ромъ, было наконецъ убито это безобразное чудовище, такъ долго державшее въ темницѣ свою плѣнницу — поэзію. Самъ Державинъ, который нанесъ одинъ изъ серьезныхъ ударовъ этому фальшивому направленію поэзіи, въ сущности остается тѣмъ-же ложнымъ классикомъ, мантія и у него еще блещетъ мишурою, хотя этой мишуры уже меньше и всѣ аттрибуты его поэзіи сдѣлались какъ-то проще, какъ-то ближе читателю.

Но вѣдь Державинъ дожилъ до Пушкина и даже самъ, «сходя въ гробъ», благословилъ его. И вотъ этотъ новый поэтъ начинаетъ свое поэтическое творчество на тотъ-же старинный фальшивый ладъ, какъ и его предшественники, но скоро геніемъ своимъ постигъ истину и нанесъ чудовищу окончательный ударъ, окончательно осилилъ его. Въ области оды онъ оставляетъ намъ свое извѣстное произведеніе «Клеветникамъ Россіи», въ области чистой лирики—такія искреннія, высоко вдохновенныя произведенія, какъ «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ», «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Я помню чудное мгновенье», «Я васъ любилъ» и т. п., въ области драмы—«Бориса Годунова», «Русалку», въ области эпоса—«Евгенія Онѣгина» «Полтаву» и др. Теперь, послѣ этихъ образцовъ высокаго поэтическаго вдохновенія, намъ даже кажется страннымъ, какъ это наши предки могли, напр., увлекаться «Россіадой» или замирать отъ восторга, выслушавъ громко-звучную трескотню фразъ Сумороковскаго «Хорева».

Вотъ, по нашему мнѣнію, высшая заслуга Пушкина—это сближеніе поэзіи съ жизнью, свобода поэтической жизни, которая теперь можетъ уже не скрывать истины подъ тяжелыми складками однообразной драпировки, а, напротивъ, можетъ видоизмѣниться до безконечности въ зависимости отъ своего содержанія, отъ того идеала, выраженіемъ котораго она служитъ. Благодаря этой до безконечности измѣняющейся формѣ, Пушкинъ нашелъ возможнымъ передавать намъ свои поэтическія идеи въ такомъ простомъ, искренномъ видѣ, что онѣ воспринимаются нами прямо сердцемъ, безъ всякаго напряженія ума, безъ всякихъ потугъ воли. Воспріятіе этихъ идеаловъ дѣлается даже однимъ изъ источниковъ высокаго духовнаго наслажденія. И вотъ первое и самое важное воспитательное значеніе Пушкинской поэзіи.

Но для того, чтобы дать поэзіи такую высоко-воспитательную роль, ее, конечно, нужно было вывести изъ того униженія, въ которое она попала, благодаря вѣрному служенію своихъ сыновъ, изъ того жалкаго положенія, когда она считалась не болѣе, какъ чѣмъ-то «пріятнымъ, сладостнымъ, полезнымъ, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Кто-же вывелъ поэзію изъ этого униженія, кто показалъ обществу всю высоту задачъ поэзіи, всю свѣтлость служенія идеѣ? Кто уста-

новилъ высокій взглядъ на формы поэзіи? Все тотъ-же Пушкинъ. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ.

Пушкинъ не смотрѣлъ на поэта, какъ на служителя прихотей публики, способнаго доставлять ей наслажденіе въ родѣ «вкуснаго лимонада» въ жаркій день. По его взгляду, уже не поэтъ—слуга обществу, а напротивъ—общество, толпа является чѣмъ-то низшимъ передъ нимъ; не поэтъ приноровляется къ толпѣ, а толпа должна возвышаться до него, стремиться постигнуть его, хотя эти попытки часто и не увѣнчиваются успѣхомъ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

гордо отвѣчаетъ онъ устами поэта въ своемъ стихотвореніи «Чернь» толпѣ, которая, не понимая всей высоты задачи поэта, смотритъ на него, какъ на человѣка, обязаннаго угождать ей, ея вкусамъ, и требуетъ отъ него не того, что онъ, послушный только голосу влекущаго его къ себѣ идеала, можетъ дать ей въ эту минуту. И онъ имѣетъ полное и священное право отвѣчать ей такъ, потому что

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы (поэты) рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

«Но какъ-же, могутъ спросить насъ, поэты рождены только для сладкихъ звуковъ и молитвъ,—вѣдь они-же живутъ между нами, живутъ нашею жизнью, нашими интересами? Гдѣ-же эта стѣна, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ? Неужели всѣ наши, хотя и мелочныя, но все-же необходимыя, заботы чужды имъ».—«Да,—отвѣчаетъ Пушкинъ,—чужды, когда поэтъ слышитъ голосъ Бога, зовущаго его къ себѣ, указывающаго ему священное служеніе идеалу, т.-е. чужды, когда поэтомъ овладѣваетъ вдохновеніе:

Но лишь божественный глаголъ
Да слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы».

Но вѣдь вдохновеніе, конечно, не можетъ быть вѣчнымъ, постояннымъ спутникомъ поэта. Какъ состояніе возвышенное, состояніе экстаза, оно не можетъ быть постояннымъ, иначе никакая высокая организація не была-бы въ состояніи выдержать его. Вотъ почему

поэтъ и живетъ съ толпою и раздѣляетъ ея будничные интересы, пока онъ обыкновенный человѣкъ, пока его не осѣнило вдохновенье. Но въ эти высокія минуты духовнаго просвѣтленія его уже не коснутся мелочи и дрязги жизни, всѣ людскія заботы чужды ему, и онъ бѣжитъ тогда на лоно матери-природы, и только въ ней находитъ свой душевный покой, только здѣсь онъ постигаетъ всю тайну творчества, и только здѣсь изъ души его выливаются его дивныя пѣсни—«на берегахъ пустынныхъ волнъ, въ широкошумныхъ дубровахъ». Въ эти минуты въ поэтѣ умираетъ человѣкъ, и все земное поглощается въ немъ его могучимъ, воспрянувшимъ отъ сна духомъ.

Итакъ, если поэтъ является въ обыкновенной жизни такимъ-же человѣкомъ, какъ и мы, если онъ возвышается изъ толпы только въ періоды вдохновенія, то какъ-же отличить его, какъ-же мы можемъ узнать его? Трудно, очень трудно, почему въ обыкновенное время онъ не только не выше толпы, а

...межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ,—

ничтожнѣй потому, что его натура не такова, какъ у другихъ людей, его могучая духовная организація, не находя себѣ пищи, погружается въ омутъ житейскаго моря, и глубоко нужно ей погрузиться, чтобы найти себѣ покой и миръ. Вѣдь поэтъ не всегда творитъ, не всегда своими твореніями возвышается изъ толпы, но все-таки по своей духовной организаціи онъ всегда выше толпы. Въ чемъ-же заключается эта высота его духовной организаціи?— Въ большой чуткости его ко всѣмъ окружающимъ его проявленіямъ жизни, какъ-бы велики или ничтожны они ни были.

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ.
Поетъ-ли дѣва за холмомъ--
　　На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
　　Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
　　И шлешь отвѣтъ,—

говоритъ Пушкинъ, обращаясь къ эху, которое у него является какъ-бы метафорой поэта.

Эта чуткость духовной организаціи, о которой Пушкинъ подробно говоритъ въ своемъ стихотвореніи «Пророкъ», и ставитъ поэта выше толпы. Ей часто бываетъ странно и непонятно то, что поэту

стало уже понятнымъ, что онъ уже пережилъ и перечувствовалъ въ своей душѣ. Вотъ почему поэтъ отнюдь не долженъ подлаживаться подъ вкусъ толпы, почему онъ «самъ свой высшій судъ». Общество должно возвышаться до него, должно стремиться постигнуть тѣ высокія идеалы, къ которымъ поэтъ ведетъ его, а не онъ долженъ нисходить до общества, потому что тогда онъ сдѣлается угодникомъ непостоянныхъ вкусовъ толпы, раболѣпнымъ ея приспѣшникомъ, и унизитъ священное званіе поэта.

Вотъ въ краткихъ словахъ взгляды Пушкина на поэзію. Нельзя не согласиться, что эти взгляды впервые высказаны имъ такъ сознательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ понятно для всѣхъ. Онъ впервые научилъ общество глядѣть на поэта истинными глазами, впервые указалъ на высоту эстетическаго наслажденія и на его глубокій смыслъ. Мнѣ кажется, что эта сторона его поэзіи имѣла, имѣетъ и всегда будетъ имѣть глубокое воспитательное значеніе какъ для всего читающаго общества, такъ особенно и для подростающаго поколѣнія.

Громадное воспитательное значеніе имѣетъ поэзія Пушкина еще и въ томъ отношеніи, что онъ своими произведеніями вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ глубокій интересъ къ своему родному быту, вселяетъ въ сердце любовь ко всей нашей родной дѣйствительности. Въ то время, когда западная культура широкой волной врывалась въ нашу матушку-Русь и затопляла здѣсь все наше русское, родное, когда взоры всѣхъ были обращены на Западъ, и все общество было очаровано жизнью западно-европейскихъ странъ и только тамъ думало видѣть свѣтъ, Пушкинъ своею могучею кистью рисуетъ намъ картины нашей русской дѣйствительности, въ которой мы, повидимому, не находимъ ни разительныхъ характеровъ, ни поражающихъ красотою ландшафтовъ, но въ которой на самомъ дѣлѣ есть, и не менѣе, чѣмъ на Западѣ, и разительные характеры, и какая-то своя особенно очаровательная красота природы.

Постараемся доказать нашу мысль примѣрами. Прежде всего коснемся характеровъ героевъ произведеній Пушкина. По издавна заведенному обычаю, мы, русскіе, были склонны любоваться только тѣмъ, что не наше и не у насъ. Мы охотно преклонялись предъ высотой и силой и мощью историческихъ дѣятелей, дѣйствовавшихъ на Западѣ въ классическій, средневѣковый и новый періодъ жизни Европы, мы увлекались глубиною характеровъ дѣйствующихъ лицъ различныхъ произведеній западно-европейской литературы; въ жизни той-же западной Европы мы находили для себя много глубоко поучительнаго; но сколько разъ мы проходили мимо подобныхъ-же дѣятелей, характеровъ и случаевъ у себя на родинѣ,—проходили, не

обращая на нихъ никакого вниманія, не придавая имъ никакой цѣны, совершенно пренебрегая ими? и почему? Только потому, что они наши домашніе, что часто мы видѣли ихъ, видѣли въ нашей, столь привычной для насъ обстановкѣ, и потому, наконецъ, что, воспріявъ культуру нашу на Западѣ, мы привыкли считать себя какими-то недоучками, какими-то духовно несовершеннолѣтними, а на Западъ усвоили себѣ взглядъ, какъ на учителя нашего, какъ на что-то такое, до чего намъ врядъ-ли когда удастся дорости. И вотъ при такомъ-то взглядѣ, при такомъ настроеніи умовъ вдругъ является Пушкинъ и мановеніемъ своего волшебнаго жезла раскрываетъ передъ нами ту завѣсу, которая скрывала отъ нашихъ взоровъ самую сокровенную сущность нашей русской жизни, и показываетъ намъ, что и у насъ, въ нашей привычной для насъ и кажущейся намъ слишкомъ повседневной обстановкѣ, есть и герои—историческіе дѣятели, есть и сильные мощные характеры, встрѣчаются и глубоко-поучительныя положенія; мало того, Пушкинъ показываетъ намъ, что и самая обстановка-то наша, самая природа наша, хотя и привычная для насъ, все-же такъ очаровательно прекрасна, такъ обаятельно дѣйствуетъ на душу человѣка, какъ мы и не воображали. Пушкинъ заставилъ насъ выше и глубже цѣнить нашу родину, нашихъ предковъ, т.-е. научилъ насъ сознательной любви къ отечеству. Ужели, говоря о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина, можно обойти молчаніемъ этотъ важный пунктъ? Но гдѣ-же въ поэзіи Пушкина эти герои, эти силачи характера, эти глубоко поучительныя положенія жизни?

Возьмемъ хотя-бы, напр., личность Петра Великаго, перечитаемъ всѣ произведенія Пушкина, гдѣ поэтъ касается этого великаго Преобразователя Россіи, начиная отъ самыхъ незначительныхъ по объему, напр., съ «Пира Петра Великаго» и кончая «Полтавой», «Мѣднымъ всадникомъ», «Арапомъ Петра Великаго». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ нашъ Великій Царь, титанъ нашей исторіи, встаетъ передъ нами, какъ живой; мы, кажется, такъ и видимъ передъ собою эту высокую, мощную фигуру Царя то въ его обиходной жизни, то въ пылу войны, то въ безднѣ царственныхъ заботъ, когда онъ непоколебимо велъ свою Россію къ той цѣли, которая свѣтлою звѣздою сіяла ему вдали,—велъ, не отступая ни передъ какими препятствіями, проводя ночи и дни въ трудахъ и заботахъ, пренебрегая всѣми своими личными удобствами во имя высокопонятаго имъ идеала долга передъ своимъ отечествомъ и самоотверженнаго служенія ему.

Смѣло можно утверждать, что, изучая личность Петра Великаго даже по историческимъ актамъ и документамъ, перечитавъ всѣ со-

чиненія о немъ, мы не представимъ его себѣ такъ ярко и такъ рельефно, какъ рисуется онъ намъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина.

Много-ли и въ западно-европейской исторіи дѣятелей, которыхъ можно-бы было поставить рядомъ съ нашимъ Царемъ-титаномъ?

Обратимся теперь къ характерамъ героевъ произведеній Пушкина.

Нужно-ли подробно останавливаться на характеристикѣ Татьяны Лариной, чтобы заставить читателя глубоко преклониться передъ духовною мощью этой бѣдной Тани, которая, встрѣтивъ такое полное непониманіе своего чувства со стороны Евгенія Онѣгина, разочарованная въ самыхъ лучшихъ и чистыхъ стремленіяхъ своего духа, принужденная въ угоду матери похоронить свое чувство въ могилѣ любви къ своему мужу-генералу, находитъ въ себѣ силы первая безпристрастно оцѣнить Евгенія, понять всю суетность и мелкость его стремленій и побужденій и съ такою наивною простотою, съ такою нѣжностью и искренностью сказать ему въ отвѣтъ на его пылкія признанія въ любви,—признанія, отъ которыхъ должно было разрываться на части ея бѣдное измученное сердце, эти немкогія, но много говорящія слова:

...Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна»...
Она ушла.

Какъ немного словъ, и какъ много мыслей, и какихъ мыслей! Вѣдь въ этихъ простыхъ словахъ полное отрицаніе отъ своей личной жизни, и при томъ это отрицаніе произносится лицомъ, которое еще ни разу въ жизни не поступало для себя, по своей волѣ; тутъ мы видимъ жизнь, всю посвященную успокоенію другихъ, близкихъ, любимыхъ лицъ: сперва матери, а потомъ мужа; это исповѣдь полнаго самоотреченія. Если мы къ этому примѣру добавимъ еще такіе характеры, какъ Марья Ивановна Миронова—эта провинціальная барышня, весь свой вѣкъ проведшая въ тѣсныхъ стѣнахъ Бѣлогорской крѣпости, и въ критическую минуту рѣшающаяся одна, безъ связей, безъ средствъ, безъ руководителей, отправиться къ государынѣ, чтобы спасти своего погибающаго жениха, или даже и Петръ Андреевичъ

Гриневъ, идущій на все для спасенія своей невѣсты изъ рукъ Швабрина, готовый вынести всѣ муки позора невиннаго осужденія, чтобы только не назвать имени своей невѣсты и не подвергать ея судебному допросу, то, кажется, мы можемъ считать нашу мысль вполнѣ доказанною. И обратите вниманіе: вѣдь это все характеры-самородки, характеры, выросшіе или цѣликомъ на русской почвѣ, или если и подвергшіеся вліянію западно-европейской культуры, то въ слишкомъ незначительной степени.

Обратимся, наконецъ, къ поучительной сторонѣ поэзіи Пушкина. Здѣсь прежде всего остановимся на его «Борисѣ Годуновѣ». Изъ этой чудной драмы мы выносимъ глубокій нравственный урокъ, высказанный передъ нами царственнымъ страдальцемъ въ этихъ немногихъ словахъ:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

Наконецъ, самые эти типы Евгенія Онѣгина, Алеко, Кавказскаго Плѣнника—развѣ не глубоко поучительны для насъ? Вѣдь это типы, вырванные изъ самой глубины русской жизни, это не порожденіе Байрона или Шатобріана,—нѣтъ, это наши, чисто наши русскіе «безпочвенники», продуктъ разорванности нашего общества, продуктъ поверхностнаго усвоенія западно-европейской культуры. Благодаря именно этому поверхностному усвоенію, эта культура не могла дать содержанія жизни, тѣмъ не менѣе отрывала тѣхъ лицъ, которыхъ коснулась, отъ народа, и вотъ являются эти «безпочвенники», эти «вѣчные скитальцы», какъ ихъ мѣтко называетъ Достоевскій. Пушкинъ первый обратилъ вниманіе на эту аномалію русской жизни, первый объяснилъ намъ эти непонятные типы, первый открылъ намъ глаза на это зло, гнѣздящееся въ нашей жизни.

Мы сказали выше, что даже въ нашей блѣдной и скучной природѣ, особенно сѣверной, Пушкинымъ были открыты такія стороны, какихъ мы ранѣе не знали, открыта была какая-то своя особенная чарующая красота. Не думаемъ, чтобы эта мысль наша нуждалась

въ подробномъ развитіи, и прямо отсылаемъ читателя къ тѣмъ описаніямъ природы, которыя разсѣяны во многихъ произведеніяхъ нашего поэта.

Теперь припомнимъ только, напримѣръ, эти извѣстные стихи, изображающіе нашу осень:

Мнѣ она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной...

или

«Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,

или наступленія зимы:

Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

Когда перелистываешь произведенія Пушкина съ цѣлью сдѣлать выписки этихъ художественныхъ описаній природы, то даже положительно не знаешь, на чемъ остановиться: одно описаніе кажется лучше другого.

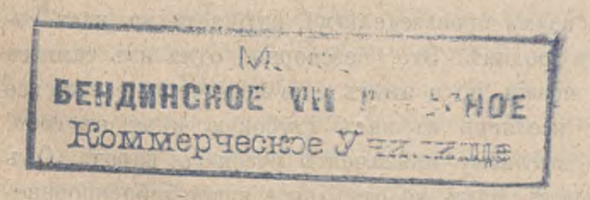
Итакъ, Пушкинъ своими произведеніями внушаетъ въ насъ сознательную любовь къ родинѣ. Это, безспорно, одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ его поэзіи, но и этимъ еще не исчерпывается все ея значеніе: она еще вселяетъ въ насъ глубокую вѣру въ себя. заставляетъ повѣрить высокому назначенію русскаго народа. Объ этомъ назначеніи говоритъ намъ не отдѣльное какое-либо произведеніе поэта, а вся совокупность ихъ. Мы разумѣемъ здѣсь эту необыкновенную способность Пушкина къ перевоплощенію, ту особенность его духовной организаціи, которая снискала ему у Бѣлинскаго имя «генія-Протея».

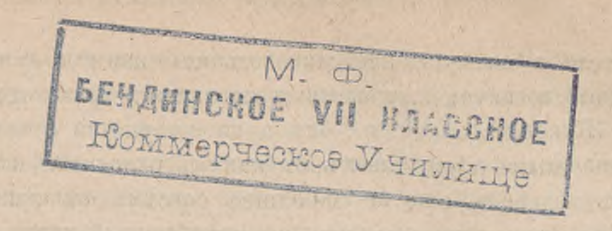
Объ этой способности перевоплощенія уже говорено и писано такъ много, что мы не станемъ подтверждать ее выписками изъ произведеній А. С. Пушкина, тѣмъ болѣе, что въ началѣ нашей статьи, разбирая пѣсенку Мэри, мы уже хотя отчасти затронули этотъ вопросъ. Кто не читалъ Пушкинскаго «Каменнаго гостя», «Скупого рыцаря», «Подражаній корану»? И кто станетъ отрицать

ту истину, что въ каждомъ изъ этихъ произведеній Пушкинъ является то испанцемъ, то средневѣковымъ германцемъ, то поклонникомъ Магомета?

Эта способность перевоплощенія объясняется, конечно, не бѣдностью, не безличностью духовной натуры поэта; его геніальность не можетъ вязаться съ подобною бѣдностью духа. Нѣтъ! Это свойство поэта-Протея вытекаетъ изъ того, что онъ сынъ русскаго народа,—того народа, духовная субстанція котораго такъ богата, что совмѣщаетъ въ себѣ духовныя субстанціи другихъ народовъ, дѣлаетъ всѣхъ ихъ нравственно близкими намъ. Велико предназначеніе народа, такъ богато духовно одареннаго! Въ этомъ случаѣ Пушкинъ всею своею поэзіею далъ намъ почувствовать то, что прямо высказалъ Гоголь въ концѣ I-го тома «Мертвыхъ Душъ», сравнивъ Русь съ бойко несущейся тройкой, передъ которой съ нѣмымъ изумленіемъ разступаются всѣ западные народы.

М. Быстровъ.





Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній.

(*Продолженіе*).

V.

Эстетическое чувство, въ полномъ истинномъ смыслѣ этого слова, эстетическое чувство, какъ способность «объективировать субъективное», какъ потребность свои идеи, представленія, чувства и настроенія переносить въ область предметовъ внѣшняго окружающаго насъ міра и придавать послѣднимъ, соотвѣтственно характеру первыхъ, особенную внутреннюю значительность, — идеализировать и поэтизировать ихъ,—это чувство поразительно слабо развито у современныхъ дѣтей и юношей. Отношенія теперешней молодежи, начиная съ десяти-лѣтнихъ ребятишекъ и кончая уже болѣе или менѣе сложившимися и установившимися молодыми людьми, къ явленіямъ окружающей ихъ природы, къ предметамъ ихъ житейскаго обихода, замѣчательно объективны и трезвы до черствости. Всѣ эти явленія окружающаго ихъ міра измѣряются точнымъ аршиномъ ихъ практической пригодности, мѣркой пользы и житейскихъ удобствъ, приносимыхъ ими, и цѣнятся съ единственной точки зрѣнія—общепринятой, таксовой, рыночной, такъ сказать, цѣны ихъ. Вещей завѣтныхъ, предметовъ, имѣющихъ свой внутренній смыслъ и цѣнность, независимо отъ практическаго назначенія и значенія ихъ, у нашихъ дѣтей очень мало и, пожалуй, даже и совсѣмъ нѣтъ. Родная «захолустная» деревня, старый наслѣдственный домъ, развѣсистая липа, подъ тѣнью которой выросло нѣсколько поколѣній одной и той-же семьи, мелкая бездѣлушка, составлявшая нѣкогда собственность дѣда или прадѣда,—на всѣ такіе и подобные имъ предметы нашъ современный умный и серьезный молодой человѣкъ смотритъ тѣмъ-же безстрастнымъ «объективнымъ» глазомъ, какимъ будетъ разсматривать ихъ аукціонный маклакъ или строгій кредиторъ, описывающій и оцѣнивающій ихъ. Теперешній юноша не растрогается надъ такими вещами до слезъ, на что, напр., были такъ способны пред-

ставители и особенно представительницы нашихъ давно минувшихъ поколѣній, воспитанныхъ на чувствительныхъ произведеніяхъ Карамзина, Жуковскаго и т. п.; онъ и не отвернется отъ нихъ съ тѣмъ ожесточеннымъ презрѣньемъ, съ какимъ относилось къ этимъ предметамъ недавнее, еще не сошедшее совсѣмъ съ жизненной арены поколѣніе, отъ лица котораго его излюбленный поэтъ, «поэтъ мести и печали», пѣлъ:

«И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нѣтъ! Въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ.
И съ отвращеніемъ вокругъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ старый боръ,
Въ томящій лѣтній зной—защита и прохлада,
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ» *)...

Нѣтъ, представитель нашихъ подростающихъ поколѣній отнесется ко всему этому иначе: покойнѣй, холоднѣй, разсудительнѣй! Онъ пожалѣетъ, что «срубленъ старый боръ», коль эта вырубка произведена «нераціонально», «безъ толку», «безъ пользы и выгоды»; онъ позаботится и о поддержкѣ стараго, валящагося набокъ отчаго дома, но, конечно, не въ силу представленія о немъ, какъ «о колыбели своего дѣтства», а просто въ видахъ практической эксплоатаціи его, если онъ сохранилъ только для этого хоть какую-нибудь пригодность. Съ такимъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ и тѣмъже равнодушнымъ, холоднымъ безразличіемъ современный юноша смотритъ и на всѣ явленія человѣческой жизни, кромѣ тѣхъ, которыя касаются личныхъ, такъ называемыхъ «шкурныхъ» сторонъ бытія его. Внѣ этихъ сторонъ человѣческая жизнь не представляетъ для него ничего заманчиваго, никакихъ очарованій, иллюзій, а ея «коллизіи» и самое прекращеніе ея—смерть—не заключаетъ въ себѣ ничего трагическаго, загадочнаго, таинственнаго; для него все здѣсь «просто, естественно и до очевидности понятно». Если когда и у кого понятіе о человѣческой жизни являлось понятіемъ исключительно «разсудочнымъ», безъ всякой примѣси въ немъ элементовъ чувства и фантазіи, такъ это именно у нашего современнаго молодого поколѣнія. Понятіе это коротко и опредѣленно: «жизнь человѣческая—это просто рядъ явленій, фактовъ, идущихъ, по степени силы и значительности ихъ, то въ восходящемъ, то въ нисходящемъ порядкѣ,—явленій и фактовъ, находящихся въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи и причинной связи между собою, сущность которой отчасти уже от-

---

*) «Родина»—Некрасова.

крыта и до наглядности объяснена наукой, а частію еще составляетъ предметъ изслѣдованія; почему явленія и событія, относящіяся къ этой послѣдней, еще не обслѣдованной области, пока зовутся—«случайными», «фатальными», «таинственными», но вопросъ объ этой «фатальности и таинственности» есть ни болѣе, ни менѣе какъ вопросъ времени и, быть можетъ, самаго близкаго, быть можетъ, даже завтрашняго дня, когда и станетъ все—до мелочей—въ этой жизни открыто и ясно. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что такое формальное, чисто внѣшнее понятіе о человѣческой жизни, конечно, съ различною степенью его сознательности, съ разнымъ совершенствомъ его діалектической обработанности, присуще уму всѣхъ возрастовъ нашихъ подростающихъ поколѣній. Подобныя мысли вы легко можете подслушать въ непослѣдовательныхъ и плохо выраженныхъ разсужденіяхъ 12-ти 14-ти-лѣтнихъ мальчиковъ; ихъ-же, но въ болѣе точной формѣ и съ большею степенью обоснованности, выскажетъ вамъ и 20-тилѣтній юноша, «умственная зрѣлость» котораго признана и «надлежаще засвидѣтельствована» его школьнымъ аттестатомъ. Дѣтей и юношей, для которыхъ жизнь являлась-бы предметомъ, стоющимъ болѣе серьезной и глубокой думы, для которыхъ она представлялась-бы одѣтой хоть въ какой-бы то ни было поэтическій покровъ, между представителями нашихъ подростающихъ поколѣній нѣтъ; покрайней мѣрѣ, я не встрѣчаю ихъ. «Трезваго», «пріученнаго къ строгому анализу» ума нашихъ дѣтей жизнь не пугаетъ уже болѣе въ образѣ древняго страшнаго сфинкса, задающаго каждому мимоидущему свои мудреныя и роковыя загадки; она ужъ больше и нетянетъ его къ себѣ неотразимо, какъ безбрежный океанъ, исполненный сказочныхъ чудесъ—то несказанно прекрасныхъ, то невыразимо ужасныхъ; она, наконецъ, не смущаетъ и не злитъ его, какъ хотя «пустая и глупая», но ядовитая и обидная шутка. Нѣтъ, жизнь всегда является передъ нимъ въ такихъ сѣренькихъ, будничныхъ, банальныхъ формахъ и образахъ, что ни страха, ни удивленія, ни любви, ни ненависти не возбуждаетъ и возбуждать не можетъ. Читаетъ или слушаетъ нашъ юноша о какомъ-нибудь возвышеннѣйшемъ благородномъ порывѣ, о подвигѣ, о проявленіи величайшаго самопожертвованія для блага ближнихъ, въ интересахъ науки, искусства—онъ не возмутимъ. «Что-же? Оригинальность! Фанатизмъ! Субъекты съ подобными наклонностями вѣдь никогда не переводились въ человѣческихъ обществахъ. Одна историческая эпоха родитъ ихъ больше, другая меньше, но полнаго оскудѣнія ихъ никогда не бываетъ, значитъ... Значитъ, и въ данномъ случаѣ нѣтъ ничего такого особеннаго, надъ чѣмъ стоило-бы остановиться, задуматься!» Разсказываютъ ему, въ другой разъ, о проявленіи подлости, о случаѣ

возмутительнѣйшаго преступленія — опять спокоенъ. «Да, отвратительно! Но что дѣлать?! Тѣневая сторона человѣческой жизни, а тѣнь, такъ-же какъ и свѣтъ, имѣетъ свою опредѣленную пропорцію какъ въ неодушевленной природѣ, такъ и въ сферѣ нравственныхъ дѣяній человѣка, значитъ... Значитъ, констатируемъ фактъ, извлечемъ изъ него возможные практическіе уроки относительно обезпеченія насъ отъ подобныхъ злодѣяній въ будущемъ и... и на этомъ успокоимся!»

Еще одна встрѣча. Предъ нашими глазами изуродованный желѣзнодорожнымъ поѣздомъ трупъ мужчины, или посинѣвшее, разбухшее выброшенное на берегъ волнами рѣки тѣло женщины. Кто эти несчастные, каково было житье-бытье ихъ, какая сила—непредвидѣнный-ли случай, глупая-ль безпечность, пьяная-ль неосторожность, или сознательная и упорная рѣшимость—толкнула одного изъ нихъ подъ колеса тяжелаго поѣзда, а другую въ мутныя и зловонныя воды какой-нибудь Фонтанки или Мойки?? Ни одного такого «празднаго» вопроса не шевельнется въ мозгу нашего юноши: все то-же невозмутимое, равнодушное спокойствіе. «Тяжело, конечно, и грустно, особенно тѣмъ, чья жизнь была какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь связана съ жизнью этихъ безвременно погибшихъ, но... но, разсуждая «строго», что-же тутъ особеннаго?! Вѣдь это давно предопредѣленныя и предусмотрѣнныя жертвы условій жизни. Въ статистическихъ таблицахъ давно уже изготовлена соотвѣтствующая графа, куда должна быть занесена отмѣтка именно объ этихъ жертвахъ. Статистическія показанія—непоколебимы, а выводы изъ нихъ—непогрѣшимы, слѣдовательно... Слѣдовательно, помиримся съ неизбѣжнымъ и поспѣшимъ каждый по своимъ дѣламъ и дѣлишкамъ!»

Вотъ подъ такими и подобными имъ углами зрѣнія современная молодежь смотритъ на человѣческую жизнь и ея явленія. Повторяю: степень устойчивости и сознательности этихъ воззрѣній, точность и опредѣленность формулировки ихъ можетъ быть весьма разнообразна, но сущность ихъ все одна и та-же: именно, безусловное отсутствіе въ этихъ воззрѣніяхъ всякой идеализаціи человѣческой жизни, измѣреніе всѣхъ явленій ея крошечнымъ аршиномъ, провѣреннымъ лишь единственно на своихъ личныхъ, повседневныхъ интересахъ и потребностяхъ, короче—крайняя, можно сказать, предѣльная мелочность и пошлость взгляда на человѣческую жизнь. Само собою разумѣется, что съ такой точки зрѣнія жизнь никогда не покажется «таинственнымъ сфинксомъ», а если и сфинксомъ, то такимъ ужъ немудрящимъ, что для разрѣшенія загадокъ его совсѣмъ не нужно будетъ какой-либо особенной мудрости, а достаточно и ограниченнаго запаса «здраваго смысла»; не явится она и

тѣмъ моремъ-океаномъ, для безопаснаго плаванія по которому потребно надежное судно и опытный кормчій, а просто предстанетъ въ видѣ мелководной, вдоль и поперекъ уже изслѣдованной лужи, для успѣшнаго и счастливаго путешествія по которой достаточно воспользоваться первымъ попавшимъ подъ руку небольшимъ плоскодоннымъ корытомъ да указаніями «благоразумной» осторожности и сдержанности. Такъ наши дѣти и понимаютъ жизнь, такъ и относятся къ ней!

Трудно ожидать отъ игры актера огня воодушевленія при исполненіи частныхъ явленій дѣйствій идущей на сценѣ драмы, коль вся эта драма, въ своемъ цѣломъ, не имѣетъ въ его глазахъ никакого смысла, если весь «драматизмъ» ея заключается для него въ одномъ лишь заглавіи; такъ точно тщетно будемъ искать повышенныхъ настроеній, порывовъ, увлеченій въ отдѣльныхъ случаяхъ и положеніяхъ жизни современныхъ молодыхъ людей, когда вся эта жизнь, во всемъ, такъ сказать, ея ансамблѣ цѣнится имъ не дороже выѣденнаго яйца.

Указанныя явленія въ нравственно-практической жизни нашей молодежи иногда пытаются объяснить иначе. Врачи, напримѣръ, говорятъ намъ, что нравственная апатія, слабая жизнерадостность, недостатокъ интенсивности желаній у нашихъ подростающихъ поколѣній находится въ прямой зависимости отъ той небрежности, съ какой велось и ведется физическое воспитаніе этихъ поколѣній. Они утверждаютъ, что всѣ эти явленія—естественныя послѣдствія недостаточнаго или вообще «нераціональнаго» питанія, плоды нервнаго переутомленія, обнаруженія разнаго рода «анемій», «блѣднокровій», «малокровій» и т. п. Въ такихъ объясненіяхъ есть, пожалуй, доля истины, но именно только доля, и притомъ весьма небольшая. Въ поведеніи и дѣятельности физически недоразвитаго, больного субъекта нельзя, конечно, разсчитывать встрѣтить особенную жизнерадостность настроеній, напряженность желаній, упорную и настойчивую энергію, хотя, какъ исключеніе, и притомъ далеко не рѣдкое, можетъ встрѣчаться и это. Кто изъ насъ не знавалъ, не видѣлъ людей не только «малокровныхъ», но, пожалуй, и совсѣмъ «безкровныхъ»,—людей, прикованныхъ своими физическими недугами къ больничной койкѣ, но въ то-же время полныхъ такого нравственнаго огня, проникнутыхъ такими многообъемлющими планами и замыслами, смотрящими такъ весело и бодро впередъ, въ далекое-далекое будущее, что тягаться съ ними въ этомъ отношеніи бывало не подъ силу и самымъ «раціонально-упитаннымъ», «нормально физически развитымъ», ближнимъ ихъ?! Но дѣло не въ этомъ. Односторонность вышеприведеннаго объясненія заключается въ иномъ. Факты небрежнаго, невнимательнаго отношенія къ физическому воспитанію нашихъ под-

ростающихъ поколѣній, факты мозгового переутомленія представителей ихъ, распространенность въ средѣ ихъ разныхъ видовъ «анемій», «нейрастеній» и проч., конечно, факты безспорные; но во всякомъ случаѣ они не настолько «поголовны», какъ тѣ факты духовной дряблости, нравственной апатіи, какіе желаютъ признать результатами, естественными послѣдствіями первыхъ. Тутъ, значитъ, очевидная погрѣшность, существенная неправильность умозаключенія: въ выводахъ, въ заключеніи, допущено нѣчто большее противъ того, что имѣется въ посылкахъ, на которыя эти выводы опираются.

Въ средѣ нашей учащейся молодежи мы не мало встрѣтимъ и такихъ, внѣшній видъ которыхъ вообще удовлетворителенъ; состояніе физическаго организма можетъ быть признано относительно цвѣтущимъ; но пропорціональнаго роста и разцвѣта духовно-нравственныхъ силъ у нихъ все-же не замѣчается; въ этой области— все тотъ-же, а пожалуй, и большій пустоцвѣтъ, вящшее безсиліе и оскудѣніе! Здоровые, съ румянцемъ во всю щеку конькобѣжцы, коренастые, мускулистые велосипедисты, крѣпкіе, чуждые всякаго мозгового переутомленія поклонники и дѣятельные участники всѣхъ иныхъ видовъ физическаго спорта въ отношеніи запаса у нихъ высшихъ духовныхъ силъ, въ отношеніи запаса въ ихъ «здравомъ тѣлѣ» «здраваго ума» и нравственныхъ идеаловъ оказываются такими-же нищими и убогими, какъ и тѣ жалкіе экземпляры, физическій организмъ которыхъ со дней нѣжнаго дѣтства, вслѣдствіе небрежнаго и неправильнаго удовлетворенія потребностей его, вслѣдствіе переутомленія нервной системы его, остался недоразвитымъ и надорваннымъ. Отсюда очевидно, что главный источникъ тѣхъ характерныхъ явленій въ нравственной жизни нашей молодежи, которыя мы разсматриваемъ, нельзя искать только въ недостаткахъ физическаго воспитанія ея, а что онъ лежитъ гдѣ-то глубже, питается инымъ, не столь доступнымъ нашему непосредственному наблюденію матеріаломъ.

Общей и главной причиной этого пониженнаго до крайней мелочности взгляда на жизнь у нашихъ подростающихъ поколѣній, а слѣдовательно, и причиной всѣхъ тѣхъ печальныхъ явленій въ самой жизни ихъ, которыя связаны съ этимъ взглядомъ, служитъ, по моему мнѣнію, положительное отстутствіе какъ въ семейномъ, такъ и въ школьномъ теперешнемъ воспитаніи заботы о правильномъ возбужденіи и развитіи той способности, которую я назвалъ «эстетическимъ чувствомъ» *). Эта способность, понимаемая въ томъ истинномъ

*) Въ данномъ случаѣ термину «эстетическое чувство» мы предпочли-бы терминъ «творчество», такъ какъ послѣдній въ большей степени выражаетъ понятіе о самобытномъ, дѣятельномъ и любовномъ отношеніи человѣка къ окружающему міру. *Прим. ред.*

и широкомъ значеніи ея, какое указано мной въ началѣ настоящей главы, совершенно, повторяю, атрофирована у современныхъ дѣтей и юношей нашего такъ называемаго культурнаго общества. Сила мечты, фантазіи, «идеала» безусловно убита въ ихъ юной душѣ, и даже жалкіе остатки ея всегда старательно вытравляются оттуда усердной рукой нашихъ «трезво-разсуждающихъ» воспитателей. Между тѣмъ эта сила, въ мѣру возбужденная и надлежащимъ образомъ направленная, есть единственная сила, способная повышать въ глазахъ человѣка, обладающаго ею, какъ интересъ всего окружающаго его, такъ и интересъ его личной жизни. Только правильная дѣятельность этой силы создаетъ вокругъ человѣка, особенно молодого, ту благотворную атмосферу, въ которой все находящееся какъ внѣ человѣка, такъ и въ его внутреннемъ мірѣ оживаетъ для него, исполняется тепломъ, свѣтомъ, красками, гармоніей и глубокимъ смысломъ, а безъ нея—все остается мертвымъ, скучнымъ, пошлымъ и безрадостнымъ. Совершенно справедливо одинъ умный писатель (Эмерсонъ) разсматриваемую силу,—силу «эстетическаго чувства», силу мечты и фантазіи,—называетъ «прочной, крѣпкой веревкой, которою заботливая мать-природа привязываетъ человѣка къ жизни. И дѣйствительно, безъ этой «веревки» жизнь сама по себѣ не имѣетъ ничего иного, чѣмъ-бы она могла привлечь къ себѣ нашу душу, представить хоть какой-бы то ни было особый интересъ для нея. Въ самомъ дѣлѣ, что привлекательнаго, чарующаго можетъ дать намъ жизнь, разсматриваемая безъ этихъ чудесно-призматическихъ очковъ эстетическаго чувства? Явленія нашей окружающей насъ природы, явленія нашей личной органической и духовной жизни? Но вѣдь всѣ эти явленія, расчлененныя анализомъ «холоднаго» разсуда, распластанныя острымъ и искуснымъ ножомъ анатома, разсматриваемыя только подъ микроскопомъ, должны преставиться намъ не чѣмъ инымъ, какъ простымъ рядомъ физіологическихъ, химическихъ и механическихъ процессовъ, иногда очень любопытныхъ, но всегда малопривлекательныхъ. Художественныя, прекрасныя созданія искусства? Но всѣ эти созданія искусства дѣйствительно прекрасны для насъ лишь тогда, когда мы созерцаемъ и изучаемъ ихъ при свѣтѣ того-же эстетическаго чувства, силой котораго они и созданы; если-же этого свѣта нѣтъ въ нашей душѣ, то всѣ эти великія творенія Гомера, Шекспира, Фидія, Праксителя, Бетховена, Моцарта и проч., и проч.—все это покажется намъ ни болѣе, ни менѣе какъ больнымъ и страннымъ бредомъ, который не встрѣтитъ никакого отзвука, не вызоветъ ни малѣйшаго сочувствія въ нашей «здравой», «трезвой» душѣ. Что еще? Великія, удивительныя изобрѣтенія и открытія промышленнаго и научнаго генія? Но всѣ эти открытія и изобрѣтенія вѣдь только средства, а гдѣ-же общая цѣль жизни, къ которой они

должны вести насъ? Благодаря имъ, уменьшаются тягости нашихъ трудовъ, увеличиваются источники удовлетворенія нашихъ потребностей, является вообще возможность обставить нашу жизнь большими удобствами, комфортомъ; но придать внутренній смыслъ жизни, увеличить въ нашихъ глазахъ общій интересъ и цѣнность ея—ни одно изъ этихъ великихъ открытій и изобрѣтеній само по себѣ не въ состояніи.

На что человѣку этотъ досугъ, который останется у него отъ работы, благодаря дѣятельной помощи всякихъ машинъ, раздѣляющихъ съ нимъ трудъ? На что ему запасъ мускульныхъ и нервныхъ силъ, сохраняемый услугами этого газа, пара, электричества, если въ жизни нѣтъ рѣшительно ничего такого, къ чему стоило-бы приложить, примѣнить эти силы? Выработать этотъ смыслъ жизни, поднять ея цѣнность, короче—создать для человѣка это «нѣчто», которое-бы способно было и наполнить время его досуговъ, и привлечь къ себѣ остающійся отъ его борьбы за существованіе запасъ его физическихъ и душевныхъ силъ—безсильны всѣ эти машины, всѣ эти великія открытія современнаго научнаго и промышленнаго генія. Единственная «лабораторія», гдѣ можетъ быть изготовлено для насъ это великое «нѣчто», есть самъ человѣкъ, его внутренній міръ и, въ частности, та область его душевныхъ силъ, которую я назвалъ общимъ именемъ «эстетическаго чувства»,—область, которую современное воспитаніе оставляетъ въ полнѣйшемъ забросѣ и пренебреженіи.

«Какъ,—возразятъ мнѣ,—неужели въ нашей современной семьѣ и нашей школѣ еще мало дѣлается для эстетическаго образованія подростающихъ нашихъ поколѣній, особенно въ тѣхъ семьяхъ и школахъ, гдѣ принята система такъ-называемаго гуманитарнаго или классическаго образованія?» «Да,—утверждаю я,—не только мало, но ровно ничего не дѣлается для истиннаго эстетическаго образованія, и, напротивъ, дѣлается много такого, что подавляетъ и парализуетъ природныя человѣческія способности этого порядка!» И что всего печальнѣе въ этомъ случаѣ, такъ это то, что въ общественномъ мышленіи и сознаніи происходитъ по этому предмету какая-то вопіющая путаница понятій, подтасовка фактовъ. Для перваго и поверхностнаго взгляда на систему нашего современнаго семейнаго и школьнаго воспитанія дѣйствительно можетъ представиться, что на эстетическое образованіе нашихъ подростающихъ поколѣній обращено очень много вниманія и что постановка его очень широка и благоразумна. Посмотрите на внѣшній ходъ воспитанія въ любой такъ-называемой культурной семьѣ—и вамъ покажется, что тамъ и много думаютъ, и много дѣлаютъ въ интересахъ этого воспитанія. Дѣти уже съ самаго нѣжнаго 4-хъ, 5-ти-лѣтняго возраста,

подъ руководствомъ «образованной матери и бонны-фребелички, начинаютъ проходить «систематическій курсъ» воспитанія, въ которомъ отведено очень видное мѣсто образованію именно ихъ эстетическихъ способностей—воображенія, фантазіи, вкуса и т. п. Съ утра до вечера дѣти заняты разными «образовательными» играми и работами. Подъ тактъ и соотвѣтственно содержанію разныхъ «складныхъ и остроумныхъ» пѣсенокъ дѣти бѣгаютъ, танцуютъ, исполняютъ разныя мимическія представленія. Ихъ игрушки подобраны съ большимъ вниманіемъ и все—«осмысленныя». У нихъ много матеріаловъ для первоначальныхъ упражненій въ рисованьи, лѣпкѣ, архитектурныхъ сооруженіяхъ и т. п. Съ 7-ми-8-милѣтняго возраста дѣти начинаютъ уже вполнѣ правильныя занятія разными изящными искусствами, преимущественно музыкой, рисованіемъ, танцами. Съ наступленіемъ собственно школьнаго періода, такія занятія не прекращаются. Въ распредѣленіи рабочаго времени воспитанниковъ каждой «средней» школы мы непремѣнно встрѣтимъ часы, назначенныя для этихъ занятій, а въ школьномъ бюджетѣ увидимъ суммы, ежегодно расходуемыя на жалованье руководителямъ этихъ занятій, на покупку инструментовъ и на другія пособія для правильнаго веденія такихъ занятій. Во всякой современной «благоустроенной» школѣ непремѣнно имѣются: свой ученическій хоръ, ученическій оркестръ, нерѣдко «кружокъ любителей» драматическаго искусства, живописи и проч. И все это школами поддерживается, поощряется! Перечитывая, затѣмъ, «объяснительныя записки» къ планамъ и программамъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, просто поражаешься тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ проведена въ нихъ мысль о важности и необходимости для учащихся того воспитанія, какое назвалъ я «эстетическимъ», изумляешься предъ широтой задачъ и цѣлей, поставляемыхъ для этого воспитанія. Преподавателямъ всѣхъ почти учебныхъ предметовъ вмѣняется въ обязанность заботиться не только о сообщеніи учащимся извѣстнаго запаса свѣдѣній, но непремѣнно и о возбужденіи и укрѣпленіи въ сердцахъ и умахъ ихъ тѣхъ соотвѣтствующихъ сообщаемымъ свѣдѣніямъ настроеній и убѣжденій, какія должны лечь въ основу правильныхъ нравственно-практическихъ отношеній воспитанниковъ къ себѣ самимъ, къ своимъ ближнимъ, къ Богу и природѣ. Сомнѣваетесь,—провѣримъ! Предъ нами книга учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,—послушаемъ, на выдержку, что скажетъ она намъ, напр., о требованіяхъ отъ преподавателя всеобщей исторіи, этой, по выраженію Карамзина, «священной книги народовъ, зерцала ихъ бы-

тія и дѣятельности?» О, требуется очень много и требованія эти безусловно достойны высокой важности самого предмета! Преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ начинается съ III-го класса, гдѣ проходится «элементарный курсъ русской исторіи». Уже на этой, низшей, такъ сказать, ступени «историческихъ» занятій маленькихъ гимназистовъ мы наталкиваемся на цѣлый рядъ воспитательныхъ задачъ,—задачъ чрезвычайно широкихъ и трудныхъ. «Кромѣ сообщенія историческихъ свѣдѣній, — внушаетъ объяснительная записка,—преподавателю слѣдуетъ поставить себѣ задачей пробудить въ ученикахъ интересъ къ занятіямъ исторіей, а содержаніемъ курса дѣйствовать на воображеніе, на облагороженіе нравственнаго чувства учениковъ, на пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ отечеству». Съ продолженіемъ учебнаго курса исторіи образовательные задачи уроковъ ея, само собою разумѣется, все болѣе и болѣе расширяются. «Курсъ исторіи въ 5-ти старшихъ классахъ гимназіи, — продолжаетъ та же записка, — имѣетъ цѣлью сообщить ученикамъ въ прагматическомъ изложеніи событія изъ всеобщей и русской исторіи. Курсъ этотъ долженъ, главнымъ образомъ, развить въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями, къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ, и подготовить ихъ настолько, чтобы они могли впослѣдствіи читать съ полнымъ пониманіемъ лучшія историческія произведенія отечественной и иностранныхъ литературъ. При этомъ необходимо привести учениковъ къ убѣжденію, что судьбы человѣчества постоянно улучшаются, хотя и медленно, что добрыя начинанія отдѣльныхъ лицъ, несмотря на всѣ встрѣчаемыя ими препятствія и противодѣйствія, никогда не остаются безъ благотворныхъ послѣдствій, и что въ ходѣ исторической жизни человѣчества проявляется дѣйствіе Промысла Божія». Эта широта воспитательныхъ задачъ уроковъ по исторіи поразитъ насъ еще болѣе, когда мы станемъ читать и вдумываться въ частнѣйшія наставленія разсматриваемой объяснительной записки, касающіяся изложенія и освѣщенія отдѣльныхъ историческихъ періодовъ, объясненія важнѣйшихъ всемірно-историческихъ событій, характеристики выдающихся историческихъ дѣятелей. Съ особенною тщательностью, какъ и слѣдовало ожидать, обработанъ отдѣлъ наставленій относительно преподаванія древнѣйшей исторіи Греціи и Рима. «Изложенію историческихъ событій Греціи и Рима предпосылается географическій обзоръ древней Греціи и Италіи, имѣющій цѣлью, при утвержденіи въ памяти учениковъ географической номенклатуры, выяснить вліяніе географическихъ условій на жизнь древнихъ грековъ и римлянъ. При повтореніи греческихъ миѳовъ обращается вниманіе на тѣ изъ нихъ, ко-

торые были обрабатываемы наиболѣе знаменитыми поэтами и художниками. При изложеніи греко-персидскихъ войнъ должно выяснить учащимся, что нравственныя силы народа имѣютъ гораздо большее знаніе, чѣмъ силы матеріальныя, что религіозно-національное воодушевленіе, которое было возбуждено войнами съ персами, сильно содѣйствовало процвѣтанію искусствъ и литературы Греціи. Для объясненія художественнаго направленія въ жизни Греціи должно указать на то, что искусство и литература у грековъ имѣли самую тѣсную связь съ ихъ религіозною и гражданскою жизнью и обратить вниманіе на колоссальныя заслуги греческаго народа во всѣхъ областяхъ умственной дѣятельности и художественнаго творчества. При ознакомленіи учениковъ съ памятниками искусствъ, которыми Периклъ украсилъ Аѳины, надлежитъ дать понятіе о различныхъ стиляхъ греческой архитектуры при помощи гравюръ, стѣнныхъ таблицъ и другихъ наглядныхъ пособій». Дальнѣйшія дидактическіе совѣты и требованія все въ томъ же родѣ и духѣ, причемъ, для большаго оживленія уроковъ по этому отдѣлу исторіи, для усиленія впечатлѣнія ихъ на душу учащихся, требуется, чтобы они сопровождались чтеніями изъ произведеній лучшихъ историковъ Греціи и Рима, для каковой цѣли указано болѣе ста отрывковъ изъ Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Ливія и другихъ историковъ древности. Какое обиліе матеріала, какія могущественныя средства даются этими наставленіями въ руки преподавателя для самаго сильнаго и разносторонняго воздѣйствія его на ту именно сферу духовныхъ силъ воспитанниковъ, какую назвалъ я общимъ именемъ «эстетическаго чувства», и съ какимъ вниманіемъ, какою мудрою предусмотрительностью этотъ матеріалъ подобранъ и разсортированъ!

Бросимъ, пожалуй, еще бѣглый взглядъ на страницы «Плановъ», относящіяся къ постановкѣ преподаванія хотя бы тѣхъ же древнихъ языковъ. «Обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть главнѣйше направлено къ тому, чтобы пріучить учениковъ къ осмысленному чтенію древнихъ авторовъ»,—такъ начинается объяснительная записка къ учебному плану древнихъ языковъ. «Дабы чтеніе этихъ авторовъ,—продолжаетъ записка,—сдѣлать вполнѣ плодотворнымъ, дабы ученики сроднились съ духомъ читаемыхъ произведеній, необходимо, чтобы имъ было доступно вполнѣ точное пониманіе мысли читаемаго автора, чтобы ни одна сторона жизни древнихъ, насколько она содѣйствуетъ пониманію смысла читаемаго произведенія, не осталась безъ надлежащаго разъясненія». Въ этихъ немногихъ словахъ съ достаточною полнотою и ясностью обрисовывается все величіе той образовательной цѣли, къ которой должны

*

стремиться и которой должны достигать преподаватели древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Говоря иными словами, гимназія обѣщаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ сдѣлать своихъ питомцевъ наслѣдниками и собственниками всѣхъ сокровищъ умственной дѣятельности и художественнаго творчества геніальнѣйшихъ представителей двухъ величайшихъ народовъ древняго міра—народовъ римскаго и греческаго. И замѣтьте, гимназія въ данномъ случаѣ предполагаетъ не подготовить только своихъ воспитанниковъ къ пользованію указанными духовными сокровищами въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, по выходѣ уже изъ гимназіи; нѣтъ, она разсчитываетъ дать имъ полную возможность, конечно, въ интересахъ образованія ихъ ума, вкусовъ и характеровъ, пользоваться этими сокровищами еще въ продолженіе самаго школьнаго курса. Для достиженія этой цѣли указаны и соотвѣтствующія средства: число греческихъ и римскихъ авторовъ, предназначенныхъ для прочтенія въ теченіе гимназическаго курса очень значительно и «начитанность» учащихся въ произведеніяхъ избранныхъ писателей требуется «достаточная», для чего рекомендуется преподавателямъ «располагать учениковъ къ домашнему чтенію этихъ авторовъ и назначать такое чтеніе въ видѣ вакаціонныхъ работъ». Какая грандіозная по замыслу и благодарная, многообѣщающая по результатамъ воспитательная задача!

Имѣя общественную школу съ такими прекрасными и разносторонними «образовательными» задачами, въ родѣ тѣхъ, какія написаны на знамени нашей классической гимназіи, можно-ли,—скажутъ мнѣ,—жаловаться на невнимательность и небрежность воспитанія высшихъ духовныхъ способностей у нашихъ подростающихъ поколѣній?

Но въ нашихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ вообще очень часто замѣчается разладъ между «нормами» этихъ учрежденій, установляемыми для нихъ «закономъ», «положеніями» о нихъ, и между ихъ реальною дѣйствительностью, другими словами: между тѣмъ, «чѣмъ они должны быть» и между тѣмъ, «что они есть на самомъ дѣлѣ». Явленіе это, я полагаю, знакомо всѣмъ и каждому, потому что встрѣтить его можно, какъ говорится, на всякомъ шагу въ нашей жизни. Но едва-ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь этотъ разладъ сказывался съ такой силой и наглядностью, съ какими онъ обнаруживается въ жизни и дѣятельности этой общественной нашей школы, о которой мы бесѣдуемъ въ настоящую минуту, т.-е. нашей гимназіи. По мысли основателей, или, говоря точнѣе, преобразователей ея въ 1872 г., по «Уставу» ея и по смыслу отдѣльныхъ министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, касающихся

детальныхъ распорядковъ ея внутренней жизни, гимназія должна быть заведеніемъ «учебно-воспитательнымъ», во всемъ полномъ и точномъ смыслѣ этого слова; но на практикѣ «воспитательныя» задачи оставались всегда чуждыми дѣятельности этой школы, никогда не входили въ кругъ «прямыхъ обязанностей» ея директоровъ, инспекторовъ, ея наставниковъ и надзирателей. О «дисциплинированности», правильнѣе—«дресировкѣ», чисто внѣшняго поведенія воспитанниковъ современная гимназія хлопочетъ много, отъ воздѣйствія-же на высшія духовныя способности ихъ, на силы ума, вкуса и нравственнаго характера ихъ она не только сама отрекается, но и обставляетъ своихъ питомцевъ такъ, окружаетъ ихъ такой китайской стѣной разныхъ мелочныхъ школьныхъ порядковъ и требованій, что и всякое стороннее случайное благотворное вліяніе на нихъ въ этомъ отношеніи является невозможнымъ. Безпорядокъ въ одеждѣ воспитанника, несвоевременный приходъ его на урокъ, къ богослуженію, шумныя выраженія своихъ чувствъ, ощущеній, уклоненіе отъ установленныхъ формъ обращенія съ начальствомъ, наставниками и товарищами, случаи нарушеній требованій «ходячей» морали—все это внимательно подмѣчается въ поведеніи воспитанника, и онъ немедленно подвергается за это «установленнымъ школьными правилами «репрессаліямъ»; возбужденіе-же въ средѣ учащихся интереса къ тѣмъ или другимъ умственнымъ занятіямъ», «воздѣйствіе на ихъ воображеніе», «пріемы» и «способы», служащіе къ облагороженію ихъ нравственнаго чувства, короче, все то, что мы надѣялись встрѣтить въ сферѣ гимназическаго образованія, полагаясь на обѣщанія гимназическаго устава и разныхъ дополненій къ нему,—все это положительно отсутствуетъ въ воспитательной практикѣ этой школы. Всѣ эти обѣщанія такъ и остаются мертвой буквой на страницахъ тѣхъ «объяснительныхъ записокъ», съ которыми вкороткѣ я ознакомилъ читателя, да иногда, ради «краснаго словца», ради впечатлѣнія на «непосвященную» публику, повторяется въ актовыхъ рѣчахъ и годовыхъ гимназическихъ отчетахъ! Въ прошломъ году въ газетѣ «Новое Время» было напечатано нѣсколько статей г. Розанова, посвященныхъ изображенію «хода учебно-воспитательнаго дѣла» въ нашей современной гимназіи. Въ качествѣ педагога-практика, бывшаго учителя гимназіи, онъ близко знаетъ это дѣло и откровенно, правдиво, въ живыхъ и яркихъ чертахъ рисуетъ его передъ нами. Ахъ, какую мрачную, грустную картину представляетъ теперешнее «обученіе» и особенно «воспитаніе» гимназическаго юношества! Современную гимназію г. Розановъ называетъ прямо «школой безкультурной, такъ какъ способы образованія и воспитанія въ ней сообразованы исключительно съ требованіями только

бюрократическаго удобства и бюрократическихъ навыковъ. Въ этой школѣ въ сущности никакого просвѣщенія не происходитъ, а скорѣе развращеніе и притупленіе; 8 лѣтъ она дѣлаетъ съ своимъ ученикомъ лишь видимость умственнаго труда, а не дѣйствительный трудъ, вслѣдствіе чего ученикъ остается безъ развитія, безъ озаренія, безъ просвѣтленія; 8 лѣтъ она неустанно, настойчиво, насильственно разсѣиваетъ ученика, такъ что въ концѣ этой операціи (т.-е. гимназическаго курса) ученикъ становится вообще неопредѣленно разсѣянъ; онъ дѣлается тупъ, тусклъ, поверхностенъ; во всю остальную свою жизнь онъ уже не можетъ ни сосредоточиться на чемъ-нибудь, ни привязаться къ чему-нибудь, ни полюбить что-нибудь. Гимназія—не школа, а умственная и нравственная тюрьма, міръ видимостей, притворства, условностей, фикцій, откуда всякій, кто дѣйствительно умственно трудится, т.-е. живымъ, активнымъ способомъ, немедленно выбрасывается за несоотвѣтствіемъ школьной трафареткѣ». Общую систему гимназическаго образованія г. Розановъ характеризуетъ и оцѣниваетъ такъ: «педагоги всѣхъ странъ образовали серьезную идею, что если взять и соединить элементы трехъ различныхъ цивилизацій, выросшихъ въ исторіи человѣчества, то полученное не только будетъ равняться порознь достоинству каждаго элемента, но и соединитъ въ себѣ достоинства ихъ всѣхъ и будетъ изображать «прекраснѣйшаго человѣка», полный Humanität»... Руководясь такой идеей при составленіи системы, по которой долженъ образовываться прекрасный человѣкъ, «были взяты элементы изъ классической древности, съ міромъ ея идеаловъ, изъ христіанства—съ міромъ его завѣтовъ, изъ точныхъ знаній—съ міромъ ихъ выводовъ, а главное—ихъ метода». При практическомъ исполненіи такой системы образованія, само собою разумѣется, вся прелесть, «сладость» идеала каждой изъ трехъ культуръ погибла. «Остались имена, годы, номенклатура исторіи и цивилизацій, но идеала ни эллино-римскаго, ни христіанскаго, ни идеала точнаго научнаго знанія не осталось. И тотъ (воспитываемый по такой системѣ), о коемъ думаютъ, что онъ въ исходѣ XIX вѣка, силою искусно придуманной системы образованія, какъ бы поднятъ на вершину исторіи, совмѣщаетъ въ себѣ полноту чертъ лица человѣческаго, въ дѣйствительности вовсе не имѣетъ никакихъ чертъ, стоитъ внѣ всякихъ цивилизацій... И вотъ почему по отношенію къ своей родной, быть можетъ, узкой и бѣдной, но все-таки цивилизаціи онъ является разрушительнымъ» *).

---

*) «Новое Время» №№ 7.448, 7.456, 1896 г.—«Педагогическія трафаретки» и «Основы современной школы». Эти статьи вошли въ изданный недавно сборникъ, озаглавленный «Сумерки просвѣщенія».

Не правда-ли, какая жалкая, страшно безнадежная воспитательная система?!

Допустимъ даже, что нѣкоторыя черты въ характеристикѣ этой системы преувеличены, что темныя краски въ изображеніи современнаго гимназическаго образованія, преднамѣренно или безсознательно, сгущены, сбросимъ это со счета, и все-таки въ общемъ картина останется въ высшей степени печальной и мрачной!

Учебныя программы и принципіальныя воспитательныя задачи въ другихъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, безспорно, во многомъ разнятся отъ учебно-воспитательной системы, принятой въ гимназіи. Къ лучшему или худшему эта разница—этого вопроса касаться здѣсь я не буду, а замѣчу лишь одно, что собственно въ воспитательной практикѣ и этихъ школъ много тѣхъ-же изъяновъ, недочетовъ, какими страдаетъ гимназія. Наклонность, напр., къ «этому духовному дѣланію», т.-е. къ живому дѣлу воспитанія и обученія, «примѣнять мертвыя бюрократическія формы» въ одинаковой мѣрѣ замѣтна въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ. Требованія отъ своихъ питомцевъ «видимости умственнаго труда, а не дѣйствительнаго» можно встрѣтить и въ реальныхъ училищахъ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ духовныхъ школахъ такъ-же нерѣдко, какъ и въ гимназіяхъ. Въ отношеніи заботъ «о созданіи условій культурнаго труда, культурнаго воздѣйствія учителя на ученика, культурнаго воспріятія ученикомъ этихъ воздѣйствій, заботъ о выработкѣ духовныхъ, идеальныхъ способовъ воздѣйствія на духовныя, идеальныя стороны воспитываемыхъ дѣтей и юношей»—въ отношеніи всего этого не одни гимназическіе педагоги, а учителя и воспитатели всѣхъ нашихъ среднихъ школъ могутъ «умыть руки» и сказать «неповинны!» Всматриваясь и вдумываясь въ эти «порядки», въ это направленіе жизни и дѣятельности нашей средней школы, можно-ли продолжать отстаивать мысль о существованіи въ этой школѣ хотя сколько-нибудь разумнаго, послѣдовательнаго воспитанія? Нѣтъ, въ нашей школѣ, повторяю, «воспитаніе» вообще, и въ особенности то, которое названо мной «эстетическимъ», отсутствуетъ положительно! Тутъ существуютъ именно «видимость, фикціи» воспитанія, порождающія въ общественномъ сознаніи самыя обманчивыя иллюзіи и недоразумѣнія.

Послѣ этого нѣтъ, конечно, ничего страннаго и непонятнаго въ томъ, что духовный обликъ нашихъ подростающихъ поколѣній является запечатлѣннымъ тѣми непривлекательными нравственными чертами, на которыя я указалъ. Крайняя предѣльная узость и низменность взгляда нашихъ дѣтей и юношей какъ на жизнь окружающаго ихъ міра, такъ и на жизнь человѣческую, пониманіе ими лишь самыхъ мелкихъ и повседневныхъ явленій и интересовъ ея, отсутствіе

у нихъ духа всякой иниціативы. предпріимчивости, вялость и апатія ихъ, недостатокъ интенсивности ихъ желаній, отсутствіе всякой настойчивости и энергіи въ ихъ дѣйствіяхъ и проч. и проч.—всѣ эти явленія совершенно понятны и неизбѣжны при тѣхъ условіяхъ, какими обставлено обученіе и воспитаніе нашихъ молодыхъ поколѣній. Инымъ, противоположнымъ, болѣе прекраснымъ и симпатичнымъ чертамъ ума и нравственнаго характера вѣдь и взяться было не откуда!

Н. П. П.

(*Окончаніе будетъ*).

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

(*Продолженіе*).

Глава IX.

Отношеніе обученія къ воспитанію.—Врожденныя качества и способности и развитіе послѣднихъ посредствомъ воспитанія.—Дурныя качества дѣтей, причины ихъ мѣры къ ослабленію и уничтоженію ихъ.—Награды и наказанія.—Воспитатели учащихся вообще и пансіонеровъ въ отдѣльности.

Альтруизмъ и энергія суть двѣ силы, служащія началомъ добра и истины, а слѣдовательно и основаніемъ христіанской нравственности и науки. Что энергія больше всего двигаетъ науку впередъ, это видно изъ того, что многія великія открытія обязаны своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ энергіи людей, которые не могутъ считатся патентованными учеными, каковы: Франклинъ, Эдисонъ, Румкорфъ и другіе.

Тоже слѣдуетъ сказать и о распространеніи въ обществахъ христіанскихъ нравственныхъ идей. Оно обязано этимъ прежде всего апостоламъ, проникшимся вѣрою въ благодатное ученіе Іисуса Христа и рѣшившимся, при своей высокой энергіи, даже жертвовать жизнью для проведенія этого ученія въ жизнь человѣчества, по христіанской ихъ къ нему любви. Не таковы были члены инквизиціи, въ большинствѣ люди ученые, но черствые средцемъ, которые, пользуясь невѣжествомъ толпы, безсердечно сожигали людей тысячами, будто-бы во славу Божію, а въ сущности весьма часто ради достиженія эгоистическихъ стремленій.

Итакъ, для правильнаго воспитанія необходимо развивать въ учащихся, съ одной стороны, характеръ, силу воли, энергію, а съ другой—христіанскую нравственность, выражающуюся въ любви къ человѣку. Все это должно быть достигаемо при посредствѣ, главнымъ образомъ, усвоенія учащимися научныхъ истинъ въ школахъ. Но ученіе не должно быть смѣшиваемо съ воспитаніемъ: ради обученія не должны быть доводимы дѣти, посредствомъ занятій на

5—6 урокахъ сряду, до изнеможенія тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, до апатіи и до потери энергіи: такія анти-воспитательныя упражненія съ дѣтьми, повторяющіяся ежедневно въ теченіе 8—10 лѣтъ, не только ослабляютъ наслѣдственную энергію, крѣпость нервовъ и мускуловъ, но даже оказываютъ вредное, разслабляющее вліяніе на будущее поколѣніе, приготовляя изъ ненормально воспитываемыхъ учениковъ породу людей, слабую и тѣломъ и характеромъ и нравственными убѣжденіями.

Не обученіе должно быть цѣлью школы,—оно должно быть только главнымъ воспитательнымъ ея средствомъ, разумѣется, при правильной его постановкѣ. Оно должно постоянно находиться въ связи съ самымъ воспитаніемъ, доставляя ему матеріалъ для образованія и развитія въ питомцѣ, и вообще въ человѣкѣ, нравственныхъ качествъ и особенно высокихъ чувствъ и характера. Вообще, обученіе служитъ главнымъ средствомъ къ усовершенствованію человѣка посредствомъ развитія въ немъ душевныхъ его силъ. Съ другой стороны, и воспитаніе способствуетъ обученію, подготовляя въ воспитанникѣ почву, необходимую для воспріятія учебнаго матеріала. Оно, какъ и обученіе, способствуетъ къ развитію въ питомцѣ наблюдательности, эстетическаго вкуса, сужденія, остроумія, тѣлесныхъ силъ, здоровья, ловкости и пр.

Но, несмотря на такую тѣсную связь обученія съ воспитаніемъ, между ними существуетъ и значительное различіе: первое вліяетъ на учащагося въ предѣлахъ ограниченныхъ какъ по содержанію, сообщая ему то или другое опредѣленное знаніе, такъ и по времени, употребляя извѣстный періодъ его на сообщеніе этого знанія; вліяніе-же воспитанія на человѣка ничѣмъ не ограничено во всю его жизнь: оно начинается со дня рожденія и кончается смертью; а по содержанію—оно отличается разнообразіемъ, зависящимъ отъ прирожденныхъ качествъ питомца и разнообразія среды и обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находится.

Нельзя отрицать тѣхъ или другихъ *врожденныхъ качествъ* у разныхъ людей. Эти качества едва замѣтны, а иногда даже и вовсе не замѣтны вскорѣ послѣ рожденія, но впослѣдствіи, годами, они постепенно могутъ обнаруживаться въ болѣе или менѣе видимыхъ отличіяхъ индивидуума, особенно если онъ попадетъ въ среду, благопріятствующую ихъ развитію.

Къ прирожденнымъ душевнымъ качествамъ принадлежитъ *различная способность* у разныхъ людей воспринимать внѣшнія впечатлѣнія: у однихъ эта способность болѣе сильна, нежели у другихъ, поэтому первые получаютъ больше впечатлѣній, чѣмъ вторые; притомъ-же, и впечатлѣнія, воспринимаемыя первыми, будутъ не только

индивидуальнѣе, нежели воспринимаемыя другими, но они будутъ и живѣе и свѣжѣе, и полнѣе и сильнѣе. Этимъ объясняется и различіе въ получаемыхъ разными людьми ощущеніяхъ, представленіяхъ, понятіяхъ, сужденіяхъ и пр.

При врожденной живости впечатлѣній, свойственной нѣкоторымъ натурамъ, чаще всего выдающимся писателямъ, и особенно поэтамъ (наприм., Пушкинъ, Гоголь и др.), усваиваются ими даже мимолетныя впечатлѣнія, и притомъ въ значительномъ числѣ и въ различныхъ комбинаціяхъ. Отъ этого у такихъ людей происходитъ и болѣе быстрое образованіе понятій, сужденій и умозаключеній, а слѣдовательно и болѣе замѣтное умственное и вообще духовное развитіе, нежели у людей менѣе впечатлительныхъ. У первыхъ и чувства, и дѣятельность образуются и проявляются быстрѣе, чѣмъ у вторыхъ; у нихъ-же скорѣе пріобрѣтаются и такія качества, которыя требуютъ для своего образованія краткости во времени или быстроты; къ такимъ качествамъ можно отнести остроуміе, находчивость, шутливость и пр.

Но основательность и прочность въ изученіи какого-либо предмета, требующаго углубленія въ свойства его, пріобрѣтаются скорѣе людьми, склонными къ менѣе живому и быстрому усвоенію впечатлѣній.

Способность къ усвоенію впечатлѣній весьма цѣнна, когда она обладаетъ значительною крѣпостью или энергіей. При существованіи такой способности, всѣ впечатлѣнія оставляютъ въ душѣ глубокіе и опредѣленные слѣды, которые служатъ причиною къ проявленію живого воспоминанія явленій, произведшихъ впечатлѣнія, равно какъ и къ здравымъ сужденіямъ и проявленію сильныхъ чувствъ.

Но, смотря на врожденныя способности къ воспріятію тѣхъ или другихъ впечатлѣній, воспитаніе очень много можетъ способствовать не только къ сохраненію этихъ способностей, но и къ развитію ихъ, посредствомъ разнообразныхъ мѣръ, выборъ которыхъ лежитъ на обязанности учителей-воспитателей.

Прирожденныхъ душевныхъ качествъ воспитаніе уничтожить не можетъ, но оно можетъ противодѣйствовать преобладанію однихъ, возбуждая дѣятельность другихъ, противоположныхъ первымъ. Оно также можетъ содѣйствовать улучшенію образованія и духовнаго развитія, соображаясь съ подмѣченными индивидуальными способностями субъекта. Поэтому, отъ дѣтей живого темперамента слѣдуетъ постоянно требовать основательнаго усвоенія изучаемыхъ ими учебныхъ предметовъ; дѣтей флегматичныхъ нужно чаще заставлять проводить время въ обществѣ оживленныхъ сверстниковъ; проявляющіяся способности воспитанника къ изученію того или другого учеб-

наго предмета, или искуства, или даже ремесла—не слѣдуетъ подавлять, какъ это часто дѣлается въ нашихъ школахъ, а нужно развивать правильно, но не въ ущербъ изученію другихъ полезныхъ предметовъ.

При развитіи какой-либо одной изъ врожденныхъ особенностей въ ущербъ другимъ, ей противоположнымъ, нарушается равновѣсіе душевныхъ силъ воспитанника въ ущербъ всей духовной его сторонѣ. Такъ, напр., съ развитіемъ растительной стороны, при бездѣйствіи духовной, развиваются наклонность къ бездѣйствію и лѣность, и обратно: при усиленномъ развитіи духовной—будетъ страдать растительная его сторона. Вообще, при достиженіи положительныхъ результатовъ, происходящихъ отъ усиленнаго развитія одной какой-либо способности питомца, весьма часто могутъ получаться отрицательные, весьма нежелательные результаты. Поэтому, для достиженія всесторонняго гармоническаго развитія нужно соблюдать большую осторожность и осмотрительность при выборѣ воспитательныхъ средствъ. Въ виду различія способностей у разныхъ питомцевъ къ воспріятію разнообразныхъ впечатлѣній, какъ жизненныхъ, такъ и духовныхъ, *нельзя не признать крайне неблагоразумными требованія школы отъ разныхъ учениковъ одинаковаго объема научныхъ знаній и умѣній* и *назначенія* имъ одинаковаго размѣра работъ, съ обязательствомъ выполненія ихъ къ извѣстному, одному и тому же сроку. Такія антипедагогическія требованія становятся просто безсмысленными, когда еще, сверхъ того, сопровождаются разнаго рода наказаніями за неисполненіе ихъ, часто невольное, и притомъ наказаніями нерѣдко вредными какъ для здоровья тѣлеснаго (напр., побои, розги), такъ и духовнаго (брань, униженіе предъ товарищами и пр.). Очевидно, что какъ такія требованія, такъ и наказанія за неисполненіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ способствовать гармоническому развитію силъ воспитанника.

Среда, въ которой живетъ воспитанникъ, и обстоятельства, при которыхъ онъ бываетъ поставленъ въ извѣстныя отношенія, весьма разнообразны; а потому и вліяніе ихъ на нравственное состояніе питомца тоже весьма разнообразно. На этомъ основаніи, на *воспитатель* лежитъ обязанность слѣдить за проявленіемъ въ воспитанникѣ положительныхъ или отрицательныхъ нравственныхъ качествъ, вслѣдствіе разнообразныхъ вліяній, и, самое главное, изыскивать цѣлесообразныя мѣры къ развитію ихъ въ надлежащемъ направленіи. Особенно онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы питомецъ не нарушалъ не только школьныхъ правилъ, для развитія уваженія въ школѣ къ законности, но въ особенности правилъ, требуемыхъ христіанскою

нравственностью, а также и правилъ благопристойности, вѣжливости, опрятности и пр.

Кромѣ того, необходимо, чтобы воспитатель заботился о томъ, чтобы точное исполненіе тѣхъ и другихъ правилъ питомцемъ происходило не вслѣдствіе страха или желанія угодить начальству, но непремѣнно на основаніи внутренняго убѣжденія въ необходимости, при развитіи въ питомцѣ любви къ добру и къ ближнимъ, слѣдовать этимъ правиламъ вслѣдствіе ихъ высоко-нравственнаго характера.

Особенная обдуманность и осторожность со стороны воспитателя требуются при выборѣ и примѣненіи мѣръ, необходимыхъ для исправленія нравственно-испорченнаго воспитанника: не къ наказаніямъ въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать, а къ мѣрамъ, соотвѣтствующимъ характеру питомца, той средѣ, въ которой она вращается, и свойству его испорченности. Благопріятныхъ результатовъ воспитатель достигнетъ въ подобныхъ случаяхъ не иначе, какъ только тогда, когда онъ будетъ дѣйствовать не формально, а по искреннему убѣжденію: искренность и цѣлесообразность принятыхъ имъ воспитательныхъ мѣръ встрѣтитъ отзывчивость и въ питомцѣ и заставитъ его искренно слѣдовать по пути, указываемому воспитателемъ.

Истинный воспитатель долженъ постоянно заботиться о томъ, чтобы его слова и дѣла производили благопріятное впечатлѣніе на питомца: только тогда оно, вызбудивъ въ немъ уваженіе и привязанность къ воспитателю, невольно заставитъ его углубляться въ самого себя и стремиться къ самоусовершенствованію. А это и должно служить главнѣйшею цѣлью, которую всегда должно имѣть въ виду дѣйствительное и правильное воспитаніе. И вообще постоянное проявленіе искренней нравственности въ дѣяніяхъ какъ воспитателей, такъ и другихъ лицъ, въ средѣ которыхъ находится воспитанникъ, невольно отражается и на развитіе характера его въ томъ же направленіи; такъ, напр., проявленіе честности, правдивости и искренней *религіозности* въ родителяхъ, учителяхъ, воспитателяхъ не только отражается, но и запечатлѣвается и на дѣтяхъ, и напротивъ: пребываніе дѣтей и юношей, еще неокрѣпшихъ въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, въ средѣ людей безнравственныхъ, отрицающихъ необходимость подчиняться извѣстному общественному строю, нерѣдко испорченныхъ, и притомъ упорныхъ и настойчивыхъ въ распространеніи своихъ ложныхъ принциповъ,—такое пребываніе пагубно отражается и на дѣйствіяхъ безхарактерныхъ дѣтей и юношей,—дѣйствіяхъ вытекающихъ не изъ внутренняго ихъ убѣжденія,—таковаго у нихъ нѣтъ,—но вслѣдствіе подражанія старшимъ, авторитетнымъ людямъ и подчиненія своимъ вождямъ, по причинѣ безсилія и трусливаго опасенія стать съ ними въ противорѣчіе. Примѣромъ такого.

такъ сказать, стаднаго, гипнотическаго, безсмысленнаго движенія могутъ служить волненія среди учащихся въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, происходившія много разъ въ послѣднее 20-ти лѣтіе, а также нелѣпые выходки и учениковъ среднихъ заведеній, подъ вліяніемъ своихъ испорченныхъ товарищей и содержателей разныхъ увеселительныхъ заведеній, обыкновенно охраняемыхъ нашими администраторами. Рефлективныя движенія часто ассоціируются съ тѣми или другими идеями. Но такъ какъ сіи послѣднія часто переходятъ отъ однихъ къ другимъ, то посему и рефлексы легко могутъ переходить отъ однихъ къ другимъ, и особенно къ лицамъ съ слабыми или неокрѣпшими нервами, какъ, напр., къ слабымъ женщинамъ и дѣтямъ. Этимъ объясняется проявленіе у дѣтей и супруговъ сходства въ почеркѣ, даже въ выраженіи лица и манерахъ. Рефлексы, повторяясь, сознательно или безсознательно, образуютъ извѣстныя привычки. Поэтому важно, чтобы дѣти и юноши были окружаемы людьми добрыми, умными и честными, а не злыми.

Нерѣдко можно встрѣтить дѣтей и юношей, которыя обладаютъ *злостью*, въ разныхъ ея проявленіяхъ; такъ, напр., нѣкоторые изъ нихъ проявляютъ зависть, неудовольствіе и недоброжелательность къ своимъ знакомымъ, при видѣ ихъ благосостоянія и удачъ въ жизни; нѣкоторые, при всякой возможности и безъ всякаго повода, оскорбляютъ своихъ товарищей и знакомыхъ колкими замѣчаніями, насмѣшками и даже побоями; нѣкоторые находятъ не только равнодушіе, но даже удовольствіе при видѣ страданій и мученій животныхъ и вообще проявляютъ жестокосердіе, мстительность и пр.

Такія уклоненія духовной стороны дѣтей и юношей отъ истинной нравственности происходятъ отъ разныхъ причинъ:—а) нѣкоторыя изъ нихъ слѣдуетъ считать *прирожденными*; такъ, кровная месть, существующая еще и теперь среди нѣкоторыхъ племенъ на Кавказѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, и если въ послѣднее время она ослабла нѣсколько среди, напр., горцевъ, подъ вліяніемъ русскихъ законовъ и управленія, то она, взамѣнъ явной мести, освященной обычаемъ, стала обнаруживаться въ видѣ тайныхъ убійствъ того или другого члена семьи, служившей предметомъ мести. Злость проявляется также: б) вслѣдствіе ненормальнаго состоянія, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, той среды, въ которой находится воспитанникъ; в) вслѣдствіе дурного примѣра со стороны товарищей и пріятелей воспитанника; г) вслѣдствіе потворства дурнымъ наклонностямъ питомца со стороны лицъ, его окружающихъ, и невѣжественныхъ воспитателей (вліяніе, такого потворства страстямъ въ юности обнаружилось, напр., на характерѣ Іоанна Грознаго); д) отъ бѣдности;

е) отъ пресыщенія богатствомъ, при отсутствіи правильнаго воспитанія; ж) отъ болѣзненнаго состоянія и особенно отъ разстройства нервной системы; наконецъ, з) отъ невѣжества воспитателей (воспитатель гр. Ламсдорфъ и воспитанникъ Императоръ Николай I-й), учителей, родителей и родныхъ, незнакомыхъ съ способами воспитанія, съ потребностями питомца въ воспитательномъ отвошеніи и съ средствами и мѣрами для удовлетворенія такимъ потребностямъ.

Очевидно, что состояніе питомца, въ которомъ проявляется злой его характеръ, отъ какихъ-бы причинъ оно ни происходило, представляетъ ненормальное, извращенное состояніе его душевныхъ силъ, и особенно его чувствъ и воли, и находится въ противорѣчіи съ основными законами природы человѣка, и особенно человѣка-христіанина. Его нельзя иначе объяснить, какъ болѣзненнымъ, ненормальнымъ, уродливымъ состояніемъ души злого и вообще безнравственнаго, взрослаго или юнаго, человѣка. И подобно тому, какъ уродливость и вообще тѣлесные недостатки людей бываютъ прирожденные или же пріобрѣтенные послѣ рожденія, такъ точно и недостатки душевные, въ различныхъ проявленіяхъ дурного и злого характера, пріобрѣтаются или по наслѣдству отъ родителей или даже отъ предковъ, или-же заимствуются отъ ближнихъ, и особенно отъ невѣжественныхъ воспитателей и учителей, или, наконецъ, отъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій.

Указывать на тѣ или другія мѣры къ искорененію злости и вообще испорченности питомца я считаю не только излишнимъ, но даже невозможнымъ: эти мѣры настолько разнообразны, насколько разнообразны дурная нравственность, испорченность и злость питомца, равно какъ и причины его ненормальнаго душевнаго состоянія. Разумный тѣлесный врачъ, прежде чѣмъ приступить къ леченію больного, обыкновенно производитъ тщательный діагнозъ болѣзни, знакомится съ ея исторіей и наконецъ съ исторіей тѣлеснаго развитія больнаго. Такъ же точно долженъ поступать и разумный воспитатель для искорененія дурныхъ нравственныхъ симптомовъ въ воспитанникѣ. Онъ также обязанъ опредѣлить причину нравственной его болѣзни, равно какъ формы и исторію проявленія ея. Въ юношескомъ возрастѣ, по справедливому замѣчанію Бьернстерне-Бьернсона, извѣстнаго датскаго писателя, укладываются, можно сказать, основы всей жизненной дѣятельности будущаго взрослаго человѣка. Въ это время всѣ впечатлѣнія (и хорошія, и дурныя) воспринимаются душою и дѣйствуютъ на волю такъ сильно, что человѣка въ юношескомъ возрастѣ можно уподобить музыкальному инструменту, который настраивается, струна за струною, и дома, и въ школѣ и въ обществѣ

каждымъ событіемъ, каждымъ словамъ, каждой прочитанной книгой.

Если для уничтоженія, или по крайней мѣрѣ для ослабленія тѣлесныхъ недостатковъ, какъ хроническихъ, такъ и краткосрочныхъ, врачъ изыскиваетъ цѣлесообразныя средства, то тѣмъ болѣе врачъ душевныхъ болѣзней—воспитатель—обязанъ изыскивать цѣлесообразныя воспитательныя средства. И если тѣлесный врачъ для врачеванія тѣла обязанъ много трудиться, съ цѣлью пріобрѣтенія основательныхъ и разностороннихъ знаній, касающихся тѣлеснаго организма человѣка, то воспитатель, съ цѣлью пріобрѣтенія знаній для развитія и врачеванія души, долженъ еще болѣе трудиться, и настолько болѣе, насколько изученіе природы души представляетъ болѣе трудностей сравнительно съ изученіемъ природы тѣла. Но, кромѣ необходимыхъ знаній, воспитатель еще долженъ обладать огромнымъ запасомъ терпѣнія, самообладанія, соображенія и проницательности. Отсюда видно, до какой степени *трудна обязанность добросовѣстнаго и истинно полезнаго воспитателя и насколько она труднѣе обязанности тѣлеснаго врача.*

Высказанныя мною мысли, казалось-бы, такъ ясны и вѣрны, что не должно-бы быть и малѣйшаго сомнѣнія на счетъ полезности ихъ примѣненія. А между тѣмъ эта полезность какъ теперь, такъ и долго еще будетъ подлежать сомнѣнію. Это видно изъ того, что во всемъ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ вообще и нашемъ русскомъ въ особенности до сихъ поръ почти не принимается мѣръ къ организаціи правильнаго воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ, въ Россіи, отъ воспитателей гимназическихъ пансіоновъ требуется образованіе меньшее, нежели отъ учителей гимназіи. О томъ-же, что они должны имѣть хоть нѣкоторыя знанія изъ психологіи, изъ науки о воспитаніи и его исторіи, объ этомъ даже и не упоминается въ нашихъ уставахъ. Обязанности ихъ заключаются въ *надзорѣ* за воспитанниками и руководствѣ ихъ въ занятіяхъ.

Особый родъ воспитателей для приходящихъ учениковъ составляютъ классные наставники и ихъ помощники. Отъ послѣднихъ требуется образованіе въ объемѣ курса уѣзднаго училища, т.-е. меньшее прогимназическаго. Тѣ и другіе имѣютъ ближайшій надзоръ за учениками въ рекреаціонное время. Обязанность такъ-назыв. воспитателей всѣхъ 3-хъ разрядовъ заключается въ поддержаніи внѣшней дисциплины, но о воспитаніи учащихся даже не упоминается въ перечисленіи изъ обязанностей. Должности воспитателей и помощниковъ классныхъ наставниковъ на іерархической учебной лѣстницѣ поставлены на самое низшее мѣсто какъ по чинопроизводству, такъ и по жалованью: такъ, напр., помощнику классныхъ наставниковъ назначено въ гимна-

зіяхъ 300 руб. а въ прогимназіяхъ 220 руб., т.-е. меньшее, чѣмъ жалованье нѣкоторыхъ нижнихъ служителей тѣхъ-же заведеній.

По моему убѣжденію, воспитатель, по образованію вообще, долженъ быть поставленъ наравнѣ съ учителями гимназіи; по спеціальному-же образованію, касающемуся воспитанія, онъ долженъ быть поставленъ выше ихъ. Кромѣ того, въ воспитатели должны быть выбираемы лучшіе изъ учителей какъ по образованію, такъ и по характеру и воспитательному такту. Инспектора-же и директора гимназій и прогимназій должны быть выбираемы не иначе, какъ изъ воспитателей. Съ поднятіемъ значенія воспитателей, разумѣется, должно быть улучшено, сравнительно, и ихъ матеріальное положеніе.

Наше современное воспитаніе можно сравнить съ медициною, существовавшею 200 лѣтъ тому назадъ, когда научныхъ познаній для леченія почти не требовалось, а достаточно было практику-знахарю знать нѣсколько рецептовъ противъ той или другой болѣзни. Такъ и наши современные воспитатели знаютъ по нѣсколько рецептовъ противъ ученическихъ проступковъ. Эти рецепты заключаются въ наказаніяхъ мальчиковъ шаловливыхъ, непослушныхъ, грубыхъ, разсѣянныхъ и пр.

Наказанія или воспитательныя рецепты суть слѣдующіе: а) оставленіе пансіонера за обѣдомъ безъ одного блюда, безъ 2-хъ, безъ 3-хъ и лишеніе цѣлаго обѣда, б) карцеръ на 1, 2 часа и т. д., в) выговоръ въ разныхъ видахъ и пр. Таково наше современное воспитаніе. Но если вдуматься въ назначеніе воспитанія, то куда оно должно бы стоять выше тѣлеснаго воспитанія и леченія, не только по цѣлямъ и великой трудности его, но и по величайшему значенію для общества. Тѣлесные недуги болѣе доступны нашему пониманію, и особенно пониманію врачей. Они, безъ сомнѣнія, вредны, но вредъ, наносимый ими, касается по преимуществу самихъ больныхъ, исключая заразныхъ, сравнительно рѣдкихъ болѣзней. Но не таковы послѣдствія нравственныхъ болѣзней, которыми бываютъ одержимы дѣти, юноши и взрослые. Первыя, т.-е. тѣлесныя, болѣзни вызываютъ даже, въ большинствѣ случаевъ, состраданіе къ больнымъ; тогда какъ вторыя обыкновенно сопровождаются наглостью и дерзостью нравственно больныхъ, съ интенсивностью распространяются быстро, и, поддерживаемые иногда даже высшими нашими администраторами, переходятъ незамѣтно на здоровыхъ членовъ общества, особенно дѣтей и юношей. Первыя, т.-е. тѣлесныя, болѣзни доступны внѣшнему наблюденію, тогда какъ вторыя, не обладая замѣтными внѣшними признаками, разъѣдаютъ молодое поколѣніе скрытно и губятъ многихъ его членовъ.

Въ послѣднее время у насъ принимаются мѣры для оздоровле-

нія городовъ, селъ и пр., съ цѣлью уничтоженія вредоносныхъ міазмовъ. Кромѣ того, по особой раціональной системѣ устраиваются лечебницы для болѣзней заразныхъ и обыкновенныхъ, экспериментальные медицинскіе институты и пр., наконецъ, вводятся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ гимнастическія упражненія въ вольныхъ движеніяхъ, военныхъ упражненіяхъ и пр., и пр. Всему этому нельзя не сочувствовать. Но наша душа не менѣе, если не болѣе, дорога намъ, какъ и тѣло. Почему-же не принимаются нравственно-санитарныя мѣры для оздоровленія городовъ, селъ и пр.? Множество трактировъ и публичныхъ домовъ, карточныхъ собраній и пр. нисколько не служатъ къ такому оздоровленію... Разбойники не только за убійство, но даже за грабежъ и нанесеніе побоевъ подвергаются нерѣдко суровымъ наказаніямъ, напр., тюремному заключенію, а иногда ссылкѣ на каторжныя работы. Но развѣ не хуже такихъ разбойниковъ содержатели указанныхъ заведеній, которые для порчи нравственности слабохарактерной молодежи, безъ различія пола и возраста, иногда даже завлекаютъ дѣтей и юношей въ свои притоны? А между тѣмъ существованіе ихъ допускается, а общество не только не возмущается существованіемъ ихъ, но даже есть родители, которыя тѣшатся, какъ ихъ дѣти-недоросли разстраиваютъ въ этихъ вертепахъ свое здоровье и оставляютъ въ нихъ и свои деньги, и честь.

Почему нѣтъ у насъ пріютовъ для нравственно-больныхъ дѣтей и юношей, съ цѣлію излеченія ихъ отъ нравственной испорченности? Исключеніе изъ учебныхъ заведеній дѣтей и юношей, провинившихся въ различныхъ проступкахъ, не поведетъ къ исправленію ихъ. Напротивъ того, исключенные изъ того или другого заведенія являются распространителями въ обществѣ ненависти къ правительству и существующему порядку, и съ каждымъ годомъ увеличиваютъ число враговъ этого порядка. Наконецъ, почему нѣтъ у насъ въ достаточномъ количествѣ средствъ какъ для укрѣпленія, такъ и для развитія нравственныхъ силъ питомцевъ и членовъ общества? Эти средства въ видѣ литературы, театра и изящныхъ искусствъ проявляются изрѣдка, но не съ достаточною энергіей и правильностію.

Всякія тѣлесныя болѣзни, особенно эпидемическія, безъ сомнѣнія, наносятъ великій вредъ обществу. Но до сихъ поръ ни чума, ни холера, ни всякія другія болѣзни, взятыя какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ, ни даже войны сами по себѣ не служили къ разложенію и уничтоженію какого-либо государства. Нравственныя же болѣзни, поражающія различныя части его, начиная отъ молодыхъ организмовъ, мало-по-малу, постепенно, но неудержимо ведутъ сперва къ разложенію, а потомъ и къ прекращенію его политическаго бытія,

Такъ покончили свое существованіе: Римская имперія, Древняя Греція и въ новѣйшее время—Рѣчь посполитая.

Въ число воспитательныхъ мѣръ практическая педагогика включаетъ *награды* и *наказанія* учащихся. Нѣкоторые педагоги считаютъ ихъ излишними при правильномъ воспитаніи. Съ этимъ согласиться нельзя: онѣ были-бы излишни, если-бы существовало какъ общество идеально-нравственное, такъ и правильное воспитаніе въ немъ. Но такъ какъ ни того, ни другого нѣтъ и долго еще быть не можетъ, и такъ какъ члены современнаго общества получаютъ награды и подвергаются наказаніямъ, то и современная школа, готовящая, изъ своихъ воспитанниковъ будущихъ членовъ общества, не можетъ отказаться отъ наградъ и наказаній и для своихъ воспитанниковъ. Но только въ школѣ тѣ и другія должны имѣть значеніе не то, какъ въ обществѣ: въ школѣ значеніе это должно быть *воспитательнымъ*, направленнымъ къ улучшенію нравственной и умственной стороны воспитанниковъ, тогда какъ въ обществѣ наказаніе носитъ обыкновенно характеръ возмездія за дурное дѣяніе, имѣя цѣлью и огражденіе общества отъ подобныхъ дѣяній со стороны другихъ лицъ, а награда—выраженіе похвалы или одобренія за хорошее дѣяніе. Школьныя награды служатъ иногда къ пробужденію воспитанниковъ къ дѣятельности, цѣль которой еще не доступна ихъ пониманію. Такова дѣятельность учебная, далеко еще непонятная для нихъ по ея пользѣ для жизни. Къ школьнымъ наградамъ можно отнести одобреніе дѣйствій воспитанниковъ, а также награды въ видѣ книгъ, атласовъ, рисунковъ и другихъ предметовъ, преимущественно для нихъ полезныхъ.

Наказанія въ школѣ должны быть примѣняемы въ рѣдкихъ и даже крайнихъ случаяхъ, и притомъ они должны находиться въ связи съ другими, болѣе дѣйствительными воспитательными мѣрами, съ цѣлію подавленія дурныхъ инстинктовъ или привычекъ воспитанника, напр., злости, безпричиннаго оскорбленія товарищей или другихъ лицъ и пр. Но какъ награды, такъ и наказанія, особенно послѣднія, должны соотвѣтствовать хорошимъ или дурнымъ дѣйствіямъ воспитанника. Кромѣ того, наградами для дѣтей не должны служить развлеченія и удовольствія, предназначаемыя для взрослыхъ, напр., участіе ихъ на балахъ, въ домашнихъ спектакляхъ и пр. Даже дѣтскіе вечера, на которыхъ собираются мальчики и дѣвочки, положительно вредны, способствуя къ несвоевременному развитію половыхъ инстинктовъ тѣхъ и другихъ, неправильному развитію нервной системы и наносятъ ущербъ учебнымъ ихъ занятіямъ. Дѣти пусть и остаются дѣтьми, пока не сдѣлаются взрослыми. Какъ искусственное, ускоренное созрѣваніе плода не даетъ ему воз-

можности достигнуть полнаго развитія, такъ-же точно и преждевременная зрѣлость юношей-скороспѣлокъ,—зрѣлость не только тѣлесная, но и духовная, умственная, не даетъ имъ возможности достигнуть полнаго развитія роста не только тѣлеснаго, но и духовнаго. Необходимо избѣгать раздачи учащимся частыхъ наградъ, такъ какъ онѣ вызываютъ въ воспитанникахъ *тщеславіе* и *излишнее самомнѣніе*, а награды деньгами, сверхъ того, и *корыстолюбіе*.

Наказанія, выражающіяся въ придиркахъ къ воспитаннику, рѣзкой и грубой брани, издѣвательствѣ и насмѣшкахъ надъ нимъ, наказанія въ порывѣ раздраженія, состоящія въ униженіи ученика (такъ, напр., нѣкоторые учителя, желая оправдать себя, въ случаѣ неудачныхъ отвѣтовъ ученика, говорятъ о немъ начальнику предъ цѣлымъ классомъ: «этотъ ученикъ—одинъ изъ худшихъ, онъ неспособенъ и т. п.»), —такія наказанія и необдуманныя дѣйствія гг. воспитателей подавляютъ благородное самолюбіе въ питомцѣ и ожесточаютъ его противъ учителя-воспитателя; а постоянное ограниченіе свободы и принужденіе къ ученію развиваютъ въ немъ безсиліе, нерѣшительность и нерѣдко отвращеніе къ ученію. Частыя и многорѣчивыя наставленія могутъ сдѣлаться смѣшными въ глазахъ самихъ питомцевъ (напр., въ баснѣ «Котъ и Поваръ»). Наконецъ, неразумныя наказанія развиваютъ *упорство*, *ложъ*, *скрытность*. Вообще же только *нравственныя мѣры приводятъ и къ нравственнымъ результатамъ*. Поэтому, только тѣ награды и наказанія будутъ полезны для нравственнаго развитія питомцевъ, которыя будутъ примѣняться согласно съ существующими постановленіями, исходящими отъ высшей власти, и которыя будутъ назначаться подъ вліяніемъ полной справедливости и соотвѣтствовать натурѣ и потребностямъ питомца.

Въ нашихъ русскихъ заведеніяхъ въ былое время, до начала 60-хъ годовъ, преобладающими наказаніями были тѣлесныя. Въ Германіи и Англіи они въ разныхъ видахъ, какъ-то въ видѣ толчковъ, дерганія за волосы, за уши, пощечинъ и сѣченія розгами, употребляются въ нѣкоторыхъ школахъ еще и теперь. По своей простотѣ и возможности быстраго ихъ примѣненія, тѣлесныя наказанія въ нѣкоторыхъ нашихъ заведеніяхъ, до начала 60-хъ годовъ, были въ такомъ ходу, что подвергались имъ не только отдѣльные ученики, но нерѣдко цѣлые сотни ихъ въ теченіе года, за всякіе проступки, иногда не только маловажные, но и невольные, а иногда и цѣлые классы за одинъ разъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній, тѣлесныя наказанія сошли съ поля дисциплинарныхъ взысканій, уступивъ свое мѣсто *арестамъ и исключенію изъ заведеній*.

Въ сущности, какъ тѣлесными наказаніями, такъ и арестами,

практикуемыми въ нашихъ современныхъ школахъ, вообще говоря, достигался и достигается, посредствомъ устрашенія учащихся, только *наружный порядокъ*, т.-е. *кажущаяся, но не дѣйствительная нравственность*, вытекающая изъ нравственныхъ убѣжденій. Безъ преувеличенія же можно сказать, что мы посредствомъ существующей системы школьныхъ наказаній способствуемъ развитію въ ученикахъ лжи, притворства, лицемѣрія, трусости и мелкаго самолюбія. Кромѣ того, при частомъ примѣненіи различныхъ наказаній, назначаемыхъ иногда безъ достаточнаго разбора дѣла, нерѣдко въ учащихся развивалось и развивается чувство не только ожесточенія, но и ненависти къ воспитателямъ и учителямъ, т.-е. такія ненормальныя чувства, которыя невозможны были бы при правильномъ воспитаніи.

Наказанія арестами служатъ отчасти признакомъ безсилія нашей школы въ воспитательномъ отношеніи: къ нимъ прибѣгаютъ начальники заведеній и воспитатели для поддержанія внѣшней дисциплины въ заведеніи и, такъ сказать, для очищенія своей совѣсти, чтобы не оставить ученика, совершившаго тотъ или другой проступокъ, безъ наказанія, хотя вдумавшись въ то, будетъ-ли это наказаніе полезно въ нравственномъ отношеніи для ученика и цѣлаго заведенія, каждый безпристрастный педагогъ, да и вообще каждый благомыслящій человѣкъ отнесется отрицательно къ полезности и арестовъ, особенно частыхъ.

Обыкновенно въ нашихъ заведеніяхъ арестамъ подвергаются ученики на 1, 2 и 3 часа, послѣ 5-го и 6-го уроковъ, т.-е. они подвергаются томительному пребыванію въ классахъ или карцерѣ послѣ того утомленія, которому уже подвергались въ теченіе 5-ти, 6-ти уроковъ и которое, при нервности мальчика, могло послужить и главною причиною его проступка; послѣ такого 5—6 часоваго утомленія, говорю, они, сверхъ того, еще обрекаются на голодъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ареста. Понятно, что такое наказаніе, кромѣ того, что безсмысленно, оно прежде всего, вредно для здоровья наказуемаго. Случается, что такому наказанію подвергаются ученики за неприготовленіе уроковъ.

Но это наказаніе поведетъ къ неприготовленію уроковъ и къ слѣдующему дню, вслѣдствіе нарушенія нормальныхъ физіологическихъ отправленій,—по причинѣ голода (которому виновный былъ подвергнутъ въ наказаніе) и отъ чрезмѣрнаго тѣлеснаго утомленія.

Говоря объ оставленіи учениковъ въ классѣ за незнаніе ими того или другаго урока, нельзя пройти молчаніемъ о подобной мѣрѣ, практикуемой въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ школахъ. Тамъ, когда ученика, по окончаніи уроковъ, оставляютъ за незнаніе заданнаго урока еще на нѣкоторое время въ школѣ, то *вмѣстѣ съ нимъ* дол-

женъ остаться также и *тотъ учитель*, который потребовалъ оставленія ученика послѣ уроковъ въ классѣ.

Безсмысленны также и штрафныя работы и писанія одного и того слова или фразы много разъ; вообще же аресты и другія наказанія, не вытекающія изъ разумныхъ основаній и не оправдываемыя воспитательными цѣлями, служатъ выраженіемъ неправильной постановки у насъ учебно-воспитательнаго дѣла, происходящей главнымъ образомъ отъ *неподготовленности къ исполненію своихъ обязанностей учителей и такъ называемыхъ воспитателей*.

Для крайне испорченныхъ учениковъ можетъ быть еще выходъ, вмѣсто суроваго наказанія, даже тѣлеснаго, именно—помѣщеніе въ исправительныя заведенія или въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Но врядъ-ли послѣдняя мѣра будетъ полезнѣе для испорченныхъ учениковъ, въ цѣляхъ исправленія ихъ, нежели даже унизительное наказаніе тѣлесное.

Наказанія только тогда могутъ быть признаваемы за дѣйствительно воспитательныя мѣры, когда будутъ, прежде всего, обдуманными, будутъ соотвѣтствовать не только ученическимъ проступкамъ, но и причинамъ ихъ, отличаться справедливостью, и когда назначеніе ихъ будетъ вытекать не изъ ненависти къ ученику, какъ это случается, а изъ желанія ему добра и стремленія къ искорененію дурныхъ его наклонностей. Такое желаніе, если оно искренно, будетъ чувствоваться учениками и оцѣнится ими должнымъ образомъ и окажетъ благотворное нравственное вліяніе не только на виновниковъ, но и на ихъ товарищей. Наказанія должны соотвѣтствовать индивидуальнымъ тѣлеснымъ и душевнымъ качествамъ ученика, и поэтому они *не могутъ быть одинаковы для всѣхъ совершающихъ одинакіе проступки*, а должны быть соображаемы съ развитіемъ ученика, тѣлеснымъ, умственнымъ и нравственнымъ, и даже съ его внѣшкольною обстановкою; сверхъ того, наказаніе не должно служить причиною вреда учащимся не только нравственнаго, но и тѣлеснаго: поэтому аресты, если будутъ мѣстною педагогическою коллегіей признаны нужными, должны быть назначаемы не иначе, какъ въ дни, свободные отъ уроковъ, т.-е. въ воскресные или праздничные, послѣ часа по полудни, подъ наблюденіемъ классныхъ наставниковъ или другихъ преподавателей, и притомъ съ обязательною работой, преимущественно письменною, по усмотрѣнію классныхъ коммиссій.

Вообще-же наказанія по своему характеру должны отличаться не столько строгостью, сколько стремленіемъ довести виновнаго до сознанія и внутренняго убѣжденія въ его виновности и до пониманія вреда совершоннаго имъ проступка, по отношенію-ли къ себѣ самому или къ другимъ. Дѣти, невинно подвергнутыя наказанію,

даже легкому, обыкновенно возмущаются противъ воспитателей, назначившихъ его, хотя въ тоже время могутъ безропотно перенести самое тяжелое наказаніе, если только они сознаютъ свою виновность.

Угроза наказанія, и потомъ неприведеніе ея въ исполненіе--вредны для дисциплины. Главнымъ-же качествомъ школьнаго наказанія должна быть цѣлесообразность; значитъ, всякое наказаніе должно служить не возмездіемъ за проступокъ, но мѣрою къ поднятію учащагося на большую нравственную высоту и къ укорененію въ его душѣ болѣе высокихъ нравственныхъ убѣжденій. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе исключаютъ изъ кодекса уголовныхъ наказаній такія, которыя имѣли устрашительный характеръ; если это считается справедливымъ, то тѣмъ болѣе наказанія школьныя должны отличаться характеромъ не устрашенія, а воспитательнымъ, т. е. исправительнымъ и предупредительнымъ. Наша русская школа, какъ учреждаемая христіанами, и притомъ русскими, отличающимися миролюбивымъ и кроткимъ характеромъ, и по духу своему должна быть христіанскою, хотя-бы она была составлена изъ учащихся и нехристіанъ, а потому она должна быть проникнута духомъ христіанской любви къ Богу и ближнему.

Такимъ образомъ, наказанія, налагаемыя на учащихся въ школахъ, должны исходить не изъ стремленія воспитателей къ возмездію по ветхозавѣтной заповѣди «око за око, зубъ за зубъ», а изъ христіанской «любви къ Богу и ближнему», причемъ воспитатель долженъ смотрѣть на своего ученика, какъ на самаго близкаго къ себѣ ближняго.

Проступки учащихся, за которые назначаются наказанія, могутъ происходить отъ слѣдующихъ причинъ: a) отъ дурной воли виновнаго, b) вреднаго домашняго воспитанія, c) вліянія среды, въ которой вращается ученикъ внѣ школы, d) вліянія испорченныхъ товарищей, e) педагогической безтактности преподавателей или воспитателей и, наконецъ, отъ болѣзненнаго состоянія виновнаго, или отъ тѣлеснаго и умственнаго его утомленія на урокахъ.

Вышеприведенныя причины проступковъ, а можетъ быть и другія какія-либо, неупомянутыя мною, должны быть принимаемы во вниманіе при обсужденіи проступковъ, совершаемыхъ учениками и при наложеніи на нихъ соотвѣтственныхъ наказаній.

Послѣ тщательнаго выясненія такихъ причинъ, можетъ случиться, что наказаніе и не должно быть назначено совершившему проступокъ, напр., если этотъ послѣдній вызванъ безтактностью преподавателя, болѣзнью ученика и пр.; при этомъ во всякомъ случаѣ

слѣдуетъ довести ученика до убѣжденія въ необходимости стараться избѣгать проступковъ, подобныхъ совершенному имъ.

Независимо того или другаго наказанія за проступокъ ученика, воспитатели и учителя обязаны принимать мѣры къ устраненію причинъ проступка. Сверхъ того, во всякомъ учебномъ заведеніи должны быть ведены кондуитные списки для каждаго ученика отдѣльно. Въ эти списки должны быть записываемы: хорошіе и дурные его поступки, причины, вызвавшія послѣдніе, характеръ ученика, домашняя его обстановка, состояніе его здоровья, вліяніе на него родителей и родственниковъ и, наконецъ, мѣры къ устраненію какъ проступковъ, такъ и причинъ ихъ.

Теперь практикуемыя наказанія, собственно говоря, представляютъ собою псевдо-воспитательныя средства—признакъ педагогическаго безсилія педагоговъ и ихъ неспособности владѣть собою. Не наказанія, особенно частыя, исправляютъ виновныхъ, посредствомъ возбужденія въ нихъ тѣлесныхъ болѣзненныхъ ощущеній или нравственной горечи и униженія, а скорѣе—искреннее участіе къ тому болѣзненно-нравственному состоянію, въ которомъ они находятся. Такой взглядъ подтверждается не только нашимъ христіанскимъ ученіемъ, но даже физіологическими соображеніями. Нашъ организмъ состоитъ изъ множества органовъ, въ числѣ которыхъ мозгъ есть одинъ изъ главныхъ. Онъ посредствомъ нервовъ сообщается со всѣми остальными. Взаимное ихъ дѣйствіе проявляется посредствомъ нервныхъ импульсовъ, происходящихъ подъ вліяніемъ различныхъ возбудителей. Такъ, радостная вѣсть, полученная даже больнымъ человѣкомъ, возбуждаетъ ускоренную дѣятельность мозга, которая передается посредствомъ нервныхъ импульсовъ другимъ органамъ, и особенно сердцу, груди и пр., усиливая ихъ дѣятельность, чрезъ что кровеобращеніе ускоряется, грудь сильнѣе расширяется, вслѣдствіе чего легкія получаютъ большее количество кислорода, и тогда въ организмѣ вообще происходитъ видимое оживленіе. По той-же причинѣ ученикъ, услышавъ одобреніе за свои успѣхи въ наукахъ, обнаруживаетъ невольную радость, которая проявляется у него въ лицѣ и глазахъ. Эта радость поддерживаетъ въ немъ энергію и благопріятствуетъ даже процессу питанія. И насколько радость благодѣтельно дѣйствуетъ на здоровье, настолько удручающимъ образомъ дѣйствуютъ на душу и тѣло печаль, горе, тоска и скука. Печаль и скорбь уже не усиливаютъ, а ослабѣваютъ дѣятельность сердца и сжимаютъ грудь, возбуждая въ скорбящемъ человѣкѣ тоску. Поэтому, *упреки и грубыя порицанія*, расточаемыя виновному ученику, часто приводятъ его въ безотрадно-тяжелое состояніе, вредное для его энергіи, тѣлесной и душевной. Поэтому-то

тѣ учителя и воспитатели, которые *грубымъ обхожденіемъ съ учениками думаютъ достигнуть улучшенія ихъ, очень ошибаются.* Иногда они достигаютъ усвоенія учащимися нѣкоторыхъ знаній, но развитія въ нихъ высоко-нравственныхъ качествъ и убѣжденій—никогда.

Кромѣ мѣръ для улучшенія нравственности отдѣльныхъ учениковъ, необходимо должны быть принимаемы соотвѣтственныя и общія мѣры для улучшенія нравственнаго состоянія или отдѣльныхъ классовъ, или отдѣльныхъ группъ, или цѣлаго заведенія. Воспитательныя мѣры, какъ общія, такъ и частныя, касающіяся отдѣльныхъ учениковъ, должны быть изыскиваемы педагогическими совѣтами заведенія, или классными коммиссіями, или классными наставниками.

Основаніемъ къ принятію ихъ могутъ служить доклады инспектора, классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ, по истеченіи извѣстнаго періода времени, напр., четверти года, по нижеслѣдующимъ вопросамъ: a) какіе проступки въ классѣ, цѣломъ заведеніи и отдѣльно въ низшихъ 4-хъ и высшихъ также 4-хъ классахъ были преобладающими за истекшій періодъ времени; b) какіе изъ этихъ проступковъ были совершены во время уроковъ и какіе во внѣурочное время; c) у кого изъ преподавателей, по преимуществу, происходили проступки, какого рода и отчего; d) въ какихъ семействахъ живутъ ученики, совершившіе наиболѣе дурные проступки; e) какіе ученики обнаруживаютъ дурное вліяніе на товарищей и какія были принимаемы мѣры противъ такого вліянія; f) на какіе уроки дня, по порядку ихъ, падало наибольшее число проступковъ; g) какія мѣры оказались полезными въ исправленіи тѣхъ или другихъ учениковъ; h) какіе ученики оказались неисправимыми въ нравственномъ отношеніи, и чѣмъ объясняется относительно ихъ такое печальное явленіе; i) какое участіе принимали родители, родственники и вообще члены общества въ дѣлѣ нравственнаго улучшенія учащихся?

Такъ какъ многіе проступки учащихся обязаны своимъ происхожденіемъ не школѣ и не педагогамъ, но внѣшкольной ихъ жизни, и нерѣдко даже невѣжеству близкихъ имъ людей—родителей и родственниковъ, а въ особенности преступному вліянію лицъ, содержащихъ разныя увеселительныя заведенія, то посему воспитатели, и особенно лица, стоящія во главѣ школы, обязаны поддерживать добрыя отношенія съ администраторами, которымъ подчинены названныя заведенія и которыя только и могутъ оградить учениковъ—дѣтей и юношей—отъ тлетворнаго вліянія сихъ заведеній.

Само собою разумѣется, что какъ приведенныя, такъ и вообще всякіе вопросы, касающіеся воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ, только тогда получатъ надлежащее разрѣшеніе, за которымъ послѣ-

дуютъ и мѣры, общія и частныя, для улучшенія заведеній въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, когда большинство членовъ педагогическихъ совѣтовъ будутъ стоять на высотѣ своего положенія не только по полученному ими педагогическому образованію, но и по нравственнымъ убѣжденіямъ и стремленіямъ къ достиженію развитія обучаемыхъ и воспитываемыхъ ими дѣтей въ духѣ правды, добра и нелицемѣрной преданности отечеству.

По § 61 устава гимназій 1871 года, классные наставники назначаются начальникомъ гимназіи изъ числа преподавателей, имѣющихъ въ классѣ наибольшее число уроковъ, и утверждаются въ этомъ званіи попечителемъ учебнаго округа; а по § 62—классные наставники, будучи ближайшими помощниками директора и инспектора въ наблюденіи за успѣхами и нравственностью учениковъ ввѣренныхъ имъ классовъ, принимаютъ надлежащія мѣры для преуспѣянія оныхъ, входятъ съ этою цѣлью въ сношеніе съ родителями и родственниками учениковъ и прочими учителями своего класса въ тѣхъ видахъ, чтобы уроки и письменныя задачи были равномѣрно распредѣляемы по днямъ недѣли. Двадцатипятилѣтній опытъ показалъ нецѣлесообразность § 61-го и неудобоисполнимость § 62-го. Нецѣлесообразность § 61-го происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: a) преподаватели, имѣющіе наибольшее число уроковъ въ классѣ, не всегда обладаютъ характеромъ и другими нравственными качествами, необходимыми воспитателю для того, чтобы оказывать нравственное вліяніе на учащихся; b) директоръ, обязанный выбирать классныхъ наставниковъ изъ числа учителей, имѣющихъ наибольшие число уроковъ, стѣсненъ въ выборѣ способныхъ наставниковъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ учителя волей-неволей должны быть классными наставниками, такъ какъ число классовъ только немного меньше числа всѣхъ учителей съ высшимъ образованіемъ.

Неудобоисполнимость § 62-го происходитъ отъ того, что нѣкоторые учителя съ большимъ числомъ уроковъ не пользуются надлежащимъ авторитетомъ ни у родителей учащихся, ни у своихъ товарищей, а потому они по своимъ качествамъ не могутъ оказывать помощи ни директору, ни инспектору, ни своимъ товарищамъ, ни ученикамъ.

Вообще же эти два §§ выполнялись и выполняются формально, безъ пользы для дѣла, и еще разъ подтверждаютъ собою ту мысль, что *заимствованіе изъ иностранныхъ законодательствъ*, безъ должныхъ соображеній какъ съ дѣйствительною полезностью заимствованнаго закона вообще, такъ и съ возможностью примѣненія его къ нашимъ учрежденіямъ,—что такое заимствованіе *бываетъ часто безполезно, а иногда даже и вредно.* По всему видно, что состави-

тели гимназическаго устава 1871 года не имѣли намѣренія параграфами 61 и 62 возлагать на классныхъ наставниковъ исполненія воспитательныхъ обязанностей, съ цѣлью развитія въ воспитанникахъ нравственныхъ качествъ, а думали съ помощью ихъ достигнуть между учащимися только наружной дисциплины, т. е. внѣшняго порядка. Съ цѣлью достиженія такого порядка въ 1874 году были изданы правила для учениковъ, выражающія ихъ обязанности и касающіяся: 1) религіозныхъ требованій; 2) ученія; 3) отношеній ихъ къ начальникамъ и наставникамъ; 4) ихъ отношеній другъ къ другу; 5) ихъ образа жизни внѣ заведенія; 6) соблюденія ими порядка и приличія также внѣ заведенія; 7) дежурныхъ изъ нихъ по классу; 8) ученическихъ квартиръ и квартирныхъ дежурныхъ изъ числа учениковъ. Въ этихъ правилахъ, изложенныхъ въ 71 пунктѣ, выражаются требованія порядка, приличія и пр. Всѣ они необходимы, тѣмъ не менѣе изображаютъ собою только *внѣшній строй* жизни учащихся. За исполненіемъ этихъ правилъ обязаны слѣдить, кромѣ директора и инспектора, классные наставники. На нихъ возлагаются обязанности, какъ выраженныя въ § 62-мъ устава, такъ и изложенныя въ инструкціи для нихъ, изданной въ 1877 году. Эта инструкція значительно расширяетъ § 62-й устава. Главнѣйшіе пункты ея суть слѣдующіе: она требуетъ отъ классныхъ наставниковъ не только дисциплинарныхъ, но и воспитательныхъ мѣръ, съ помощью которыхъ они обязаны содѣйствовать какъ искорененію во ввѣренныхъ имъ ученикахъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, такъ и пробужденію и укрѣпленію въ нихъ чувства правды, чести и уваженія къ закону, привязанности къ государю и отечеству, и въ особенности чувства религіознаго (ст. 4). Классные наставники имѣютъ у себя записную книгу для внесенія въ нее всего важнаго, касающагося учебно-воспитательной части своего класса и въ отдѣльности каждаго его ученика (§ 3); ведутъ кондуитный списокъ класса (§ 18); слѣдятъ за посѣщеніемъ своими учениками классовъ и принимаютъ къ тому соотвѣтственныя мѣры, включая въ оныя, въ случаѣ нужды, оказаніе имъ и медицинской помощи, при посредствѣ начальника заведенія (§ 5); особенно заботятся о малоуспѣвающихъ и односторонне развивающихся; *руководятъ своихъ учениковъ*, при помощи другихъ преподавателей, домашнимъ чтеніемъ (§ 10); присутствуютъ при переводныхъ испытаніяхъ своихъ учениковъ (§ 12); наблюдаютъ, чтобы ихъ ученики имѣли всѣ необходимыя учебныя пособія (§ 14); чтобы содержали ихъ въ чистотѣ и порядкѣ и чтобы соблюдали опрятность во всемъ (§ 15); наблюдаютъ за поддержаніемъ чистоты воздуха въ классѣ и особенное вниманіе обращаютъ на учениковъ болѣзненныхъ (§ 16); посѣщаютъ уроки другихъ пре-

подавателей своего класса съ вѣдома директора (§ 27); наконецъ, представляютъ педагогическому совѣту и директору отчеты, письменные или устные, о состояніи своего класса (§§ 30—31). Изъ приведенныхъ требованій инструкціи видна вся сложность обязанностей классныхъ наставниковъ,—обязанностей, которыя можетъ выполнить не тотъ учитель, который имѣетъ наибольшее число уроковъ въ классѣ, т. е. такое число, которое *именно препятствуетъ* добросовѣстному исполненію обязанностей по наставничеству, но который искренно преданъ своему дѣлу и который чистосердечно любитъ дѣтей и стремится къ ихъ пользѣ.

Выборъ классныхъ наставниковъ изъ числа учителей, имѣющихъ наибольшее число уроковъ въ классѣ, объясняется отсутствіемъ правильнаго педагогическаго взгляда составителей устава 1871 года на обученіе и воспитаніе и ихъ стремленіемъ придать гимназіямъ характеръ, основанный на преобладаніи въ нихъ преподаванія древнихъ языковъ: подъ вліяніемъ такого стремленія, они старались и преподавателямъ сихъ предметовъ предоставить наибольшее учебно-воспитательное вліяніе, не принявъ во вниманіе того, что многіе изъ нихъ были неопытны даже въ преподаваніи своего предмета, не говоря уже о неспособности большинства изъ нихъ къ распорядительности и къ правильному веденію дѣла воспитанія.

Итакъ, система классныхъ наставниковъ въ самой основѣ, выраженной § 61-мъ устава, уже носитъ зародышъ несостоятельности, каковая впослѣдствіи обнаружилась вполнѣ по отношенію къ значительной части классныхъ наставниковъ. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, что эта система должна быть уничтожена. Напротивъ, по своей идеѣ она не только полезна, но и необходима: всякое учебное заведеніе, а среднее въ особенности, должно стремиться къ тому, чтобы учителя прониклись убѣжденіемъ въ томъ, что они *учатъ* прежде всего—*для воспитанія*. Но такъ какъ воспитаніе должно быть не только внѣшнимъ, наружнымъ и видимымъ, но и внутреннимъ, сердечнымъ, то потому и классные наставники должны быть избираемы не изъ учителей, преподающихъ непремѣнно тѣ или другіе предметы и совершенно случайно имѣющихъ въ классѣ наибольшее число уроковъ, а изъ учителей, обладающихъ и способностью, и умѣньемъ, и желаніемъ воспитывать своихъ учениковъ посредствомъ какъ ученія, такъ и нравственно-воспитательныхъ мѣръ. На семъ основаніи, вмѣсто § 61-го и соотвѣтственныхъ ему пунктовъ инструкціи для классныхъ наставниковъ, я полагалъ-бы цѣлесообразнымъ ввести слѣдующія правила: 1) Директоръ избираетъ классныхъ наставниковъ изъ числа *преподавателей болѣе опытныхъ, обладающихъ ровнымъ характеромъ, и наиболѣе склонныхъ къ правильному веденію дѣла воспитанія.* 2) При

допущенiи классного наставника къ его обязанностямъ, ему поручаютъ, вначалѣ, учениковъ 2-хъ, а иногда даже 3-хъ классовъ, числомъ, приблизительно, отъ 80 до 120, причемъ всѣ ученики, принятые имъ въ его вѣдѣнiе, должны оставаться подъ его руководствомъ и наблюденiемъ за ихъ нравственнымъ, умственнымъ и тѣлеснымъ развитiемъ во все время пребыванiя ихъ въ заведенiи, впредь до выбытiя изъ онаго. Они должны оставаться въ вѣдѣнiи классного наставника, къ которому поступили, какъ съ переходомъ ихъ въ высшiе классы, такъ и съ оставленiемъ ихъ въ тѣхъ же классахъ, и даже тогда, когда будутъ разсѣяны по разнымъ классамъ. Передача ученика въ вѣдѣнiе другого наставника можетъ быть допущена, въ видѣ исключенiя, съ разрѣшенiя директора. 3) Классные наставники, будучи обязаны стремиться къ воспитанiю порученныхъ имъ учениковъ въ теченiе всего времени пребыванiя ихъ въ заведенiи, должны, между прочимъ, посѣщать уроки въ классахъ, въ которыхъ находятся ихъ ученики, съ цѣлью изысканiя мѣръ, по соглашенiю съ учителями, къ улучшенiю ихъ успѣховъ, и вообще должны неуклонно исполнять требованiя инструкцiи для классныхъ наставниковъ. 4) Для исполненiя обязанностей по классному наставничеству, каждый классный наставникъ, сверхъ времени, положеннаго на его уроки, долженъ оставаться въ заведенiи отъ 2 до 3 часовъ въ недѣлю, приблизительно, на каждыя 40 учениковъ, порученныхъ его наблюденiю и воспитанiю, или на каждый классъ. Такимъ образомъ, если онъ въ своемъ вѣдѣнiи имѣетъ 2 класса, то онъ долженъ оставаться въ гимназiи отъ 4 до 6 часовъ, а при 3 классахъ—отъ 6 час. до 9 час. въ недѣлю. Это время онъ долженъ посвятить, главнымъ образомъ, на посѣщенiе уроковъ въ классахъ своихъ учениковъ. Само-собою разумѣется, что число уроковъ, даваемыхъ классными наставниками, не должно превышать: при 40 учениковъ—28 ур., при 80 уч.—26 ур. и при 120 уч.—24 уроковъ. 5) За занятiя по наставничеству онъ долженъ получать вознагражденiе по 75 руб. за каждый годовой часъ, т. е. такое вознагражденiе, какъ за каждый годовой урокъ, изъ числа 12, при поступленiи на службу въ кавказскiя гимназiи. Это вознагражденiе выдается класснымъ наставникамъ изъ суммы, положенной по уставу на сей предметъ, съ присовокупленiемъ недостающей суммы изъ спецiальныхъ средствъ. Классные наставники по своему оффицiальному положенiю должны стоять выше учителей, не избранныхъ въ классные наставники. Учителя гимназiй считаются въ VIII классѣ, а классные наставники (ихъ слѣдуетъ именовать помощниками инспекторовъ)—въ VII классѣ. Инструкцiя для классныхъ наставниковъ, составленная въ 1877 году и измѣненная сообразно съ приведенными правилами, обязательна

для классныхъ наставниковъ (помощниковъ инспекторовъ). 6) Классные наставники, (т. е. помощники инспекторовъ), будучи помощниками директора и инспектора, обязаны дѣйствовать, по части воспитанія вообще порученныхъ имъ учениковъ, въ полномъ съ ними согласіи, а также и съ врачемъ относительно тѣлеснаго воспитанія. 7) Директоръ, инспекторъ и учитель приготовительнаго класса состоятъ классными наставниками, послѣдній—своего класса, а первые 2-хъ группъ, изъ коихъ каждая должна состоять не болѣе, какъ изъ 40 учениковъ, и притомъ такихъ, по преимуществу, которые особенно нуждаются въ нравственномъ за ними уходѣ. 8) Инспектора и директора гимназій, директоръ народныхъ училищъ, инспекторъ прогимназіи, директоръ и инспекторъ реальныхъ и техническихъ училищъ должны быть выбираемы изъ *классныхъ наставниковъ* и *воспитателей пансіоновъ*, заявившихъ себя преданностью дѣлу воспитанія и способностью вести это дѣло съ надлежащимъ успѣхомъ. 9) Помощники классныхъ наставниковъ (помощники инспектора) исполняютъ, по дисциплинарной части, порученія директора, инспектора, а также и классныхъ наставниковъ—съ разрѣшенія директора или инспектора.

Приведенныя правила, отъ правилъ, составленныхъ на основаніи §§ 61 и 62 и заключающихся отчасти въ инструкціи для классныхъ наставниковъ, составленной въ 1877 году, отличаются по существу тѣмъ, что по этой инструкціи классные наставники состоятъ воспитателями каждый въ одномъ только классѣ, тогда какъ по правиламъ, мною предлагаемымъ, они должны заботиться о воспитаніи группъ, составленныхъ каждая, примѣрно, изъ 40 учащихся.

Вначалѣ и классные наставники, по моему проекту, должны завѣдывать воспитаніемъ 2-хъ, 3-хъ классовъ, исключая директора и инспектора; но чрезъ 3—4 года ихъ ученики разсѣиваются по разнымъ классамъ, и такимъ образомъ они, разъ поступивъ въ вѣдѣніе одного класснаго наставника, должны и оставаться подъ его руководствомъ во все время своего ученія ихъ въ гимназіи, не смотря на то, что одни изъ нихъ подвигаются въ высшіе классы, а другіе отстаютъ отъ первыхъ на одинъ, два а иногда и болѣе классовъ. Нынѣшняя система очень проста, такъ какъ числа воспитывающихся учениковъ у разныхъ классныхъ наставниковъ совпадаютъ съ числами учащихся въ этихъ классахъ, тогда какъ группы, по моей системѣ, далеко не соотвѣтствуютъ числамъ учениковъ въ разныхъ классахъ. Но послѣдняя система отличается воспитательнымъ характеромъ и можетъ быть дѣйствительно полезною для учащихся, такъ какъ по этой системѣ избираются въ классные наставники лучшіе учителя, которые и ведутъ воспитаніе своихъ учениковъ во все

время пребыванія ихъ въ заведеніи—или до окончанія ими курса, или до выбытія ихъ изъ гимназіи; между тѣмъ какъ по нынѣшней системѣ и рѣчи не можетъ быть о лучшихъ учителяхъ, а если случайно такіе и являются въ числѣ классныхъ наставниковъ, то они не остаются постоянными воспитателями для однихъ и тѣхъ же учениковъ, такъ что по существующей системѣ у каждаго ученика можетъ перемѣниться столько классныхъ наставниковъ (воспитателей), сколько классовъ. А извѣстно, что у семи нянекъ—дитя безъ глаза. Поэтому и настоящая система воспитанія безполезна, по меньшей мѣрѣ.

Такъ какъ учителя, по предлагаемой мною системѣ, должны заниматься воспитаніемъ не отдѣльныхъ классовъ, а группъ, составленныхъ изъ учениковъ разныхъ классовъ, то поэтому и названіе классныхъ наставниковъ не будетъ соотвѣтстовать ихъ воспитальной дѣятельности. Ихъ можно было-бы назвать наставниками-воспитателями; но такъ какъ въ настоящее время существуетъ въ обществѣ еще невыгодное понятіе о воспитателяхъ (они, по крайней мѣрѣ, поставлены ниже учителей какъ по образованію, такъ и по оффиціальному положенію), а между тѣмъ въ воспитатели группъ, по моему предположенію, должны выбираться лучшіе учителя, поэтому для поднятія ихъ авторитета въ глазахъ общества слѣдуетъ ихъ именовать *помощниками инспектора*, что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать и ихъ дѣятельности.

При нѣкоторыхъ гимназіяхъ и другихъ среднихъ заведеніяхъ существуютъ пансіоны, учреждаемые, по выраженію гимназическаго устава, *для облегченія родителей, не имѣющихъ способовъ воспитывать дѣтей дома*. На основаніи такого указанія цѣли учрежденія пансіоновъ, казалось-бы, слѣдовало ожидать, что они будутъ *воспитательными заведеніями, обладающими всѣми способами воспитывать* въ нихъ дѣтей. На самомъ-же дѣлѣ и въ пансіонахъ, судя по ихъ уставу, обращается *менѣе всего вниманія на воспитанниковъ*, какъ это видно, напр., изъ указанія на обязанности инспектора, т.-е. главнаго воспитателя; такъ: a) онъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ распредѣленія занятій въ пансіонѣ; b) за сохраненіемъ въ немъ порядка; c) за исправнымъ содержаніемъ воспитанниковъ какъ относительно пищи, такъ и одежды; d) онъ-же распоряжается отпусками воспитанниковъ и e) завѣдываетъ библіотекою и пр. Для нравственнаго надзора за воспитанниками и руководства ихъ въ занятіяхъ назначаются воспитатели, которые должны пріобрѣсть званіе учителя гимназіи, или даже званіе воспитателя, по образовательному цензу, почти равному званію учителя уѣзднаго училища. Кромѣ того, отъ нихъ не требуется знакомства ни съ теоріею, ни

съ практикою, ни съ исторіею воспитанія. *Воспитатели дежурятъ по-очередно.* Изъ всего этого видно, что вся забота устава пансіонскаго заключается въ поддержаніи наружнаго порядка въ заведеніи; о дѣйствительномъ-же воспитаніи въ немъ даже и рѣчи нѣтъ: да оно и невозможно при частой смѣнѣ очередныхъ дежурныхъ воспитателей, или, говоря иначе, при *постоянной смѣнѣ вліянія на воспитанниковъ со стороны воспитателей.*

По моему убѣжденію, пансіоны только тогда сдѣлаются воспитательными заведеніями, когда нынѣшній порядокъ исключительно внѣшняго вліянія на воспитанниковъ, постоянно мѣняющагося, замѣнится порядкомъ, близкимъ къ правильному семейному воспитанію; когда воспитатели будутъ стоять высоко по научному и педагогическому образованію и обладать ровнымъ характеромъ и преданностью дѣлу воспитанія, и когда ихъ воспитательное вліяніе будетъ продолжаться до выбытія воспитанника изъ пансіона. Для достиженія цѣлей такого правильнаго воспитанія, должны быть приняты слѣдующія мѣры: 1) Весь пансіонъ долженъ быть раздѣленъ на нѣсколько группъ, полагая каждую состоящею, приблизительно, человѣкъ изъ 20. 2) Ученики каждой группы ввѣряются попеченію отдѣльнаго воспитателя, преимущественно семейнаго, и притомъ способнаго вести дѣло воспитанія, причемъ должны быть въ особенности приняты во вниманіе какъ его педагогическое образованіе, такъ и характеръ. 3). Распредѣленіе воспитанниковъ между воспитателями зависитъ отъ директора. 4) Каждая группа, съ своимъ воспитателемъ и его семьей, имѣетъ отдѣльное помѣщеніе. Такимъ образомъ, при 100 пансіонерахъ, пансіонъ будетъ состоять изъ 4 или 5 отдѣленій. 5) Сумма на содержаніе пансіонеровъ можетъ быть отпускаема директоромъ въ распоряженіе каждаго воспитателя, сообразно съ числомъ порученныхъ ему воспитанниковъ. На воспитателѣ лежитъ обязанность принимать всѣ мѣры къ наилучшему воспитанію, тѣлесному и нравственному, ввѣренныхъ ему пансіонеровъ. 6) Воспитатель и его семья имѣютъ общій съ своими воспитанниками столъ. По соглашенію воспитателей съ директоромъ, воспитанники и воспитатели нѣсколькихъ отдѣленій могутъ имѣть общій столъ. 7). Воспитатели избираются директоромъ изъ учителей, лучшихъ по характеру и по образованію какъ общему, такъ и спеціальному. 8). По содержанію и по классу должности они должны быть поставлены выше учителей; такимъ образомъ, по должности они должны быть въ VII классѣ, если учителя считаются въ VIII классѣ. Изъ воспитателей же, какъ и изъ помощниковъ инспектора, должны быть выбираемы инспекторъ и директоръ, въ случаѣ открытія вакансій. 9). Для наблюденія за внѣшнимъ поряд-

комъ въ отдѣленіяхъ могутъ быть назначаемы помощники воспитателей, по одному въ каждое отдѣленіе. 10). Воспитатели обязаны тщательно вести кондуиты, каждый своего отдѣленія. Въ кондуиты должны быть заносимы всѣ наблюденія, касающіяся характера, наклонности къ труду, порядку, исполненію религіозныхъ обязанностей, способности и наклонности къ тѣмъ или другимъ научнымъ занятіямъ, которыя должны быть поощряемы, и пр. Сверхъ того, въ кондуиты должны быть заносимы проступки воспитанниковъ, съ объясненіемъ, чѣмъ они вызваны—дурною-ли волею, или случайно. Соотвѣтственныя мѣры и наказанія должны быть также показаны въ кондуитѣ. 11). При пансіонѣ для всѣхъ отдѣленій долженъ состоять врачъ-гигіенистъ, который обязанъ не только лечить воспитанниковъ въ случаѣ заболѣванія ихъ, но и принимать мѣры, указываемыя гигіеною для предупрежденія болѣзней и для укрѣпленія здоровья пансіонеровъ. Съ этою цѣлью онъ долженъ наблюдать за цѣлесообразностью занятій воспитанниковъ гимнастикой, играми, сохраненіемъ тѣла въ чистотѣ, за опрятностью въ комнатахъ для занятій и въ спальняхъ, за освѣщеніемъ и пр. 12). Общее наблюденіе за воспитаніемъ въ отдѣленіяхъ лежитъ на обязанности директора и инспектора. Подъ предсѣдательствомъ сего послѣдняго должны происходить и засѣданія воспитателей, по мѣрѣ надобности, но не рѣже одного раза въ мѣсяцъ.

Предлагаемая организапія пансіоновъ можетъ быть вводима постепенно, по мѣрѣ средствъ, необходимыхъ на устройство помѣщеній и на содержаніе воспитательнаго персонала. Это дѣло будущаго. Въ настоящее-же время можно ограничиться примѣненіемъ къ воспитанію въ нынѣшнихъ пансіонахъ пунктовъ, изъ числа приведенныхъ выше, 1, 2, 3, 7, 8, 10 и 11. Остальные же пункты слѣдуетъ замѣнить слѣдующими: a) каждый воспитатель всѣми мѣрами заботится о нравственномъ воспитаніи порученной ему группы пансіонеровъ и несетъ отвѣтственность за ихъ тѣлесное и нравственное состояніе во все время пребыванія ихъ въ пансіонѣ; b) онъ-же изыскиваетъ всѣ мѣры къ улучшенію успѣховъ въ наукахъ своихъ пансіонеровъ.

К. Яновскій.

(Продолженіе будетъ).

ЭКЗАМЕНЫ ИЛИ РЕПЕТИЦІИ *)?

Въ послѣднее время чаще и чаще раздаются голоса за отмѣну экзаменовъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Министерство идетъ навстрѣчу общественному мнѣнію, и, кажется, уже не далеко то время, когда грозные экзамены отойдутъ въ область преданій.

Къ сожалѣнію, многіе никакъ не могутъ отрѣшиться отъ экзаменовъ и предлагаютъ замѣнить ихъ репетиціями.

Спрашивается: что такое репетиція?

Если подъ словомъ «репетиція» разумѣть толковое повтореніе пройденнаго отдѣла учебнаго предмета, и если такія репетиціи назначаются въ году нѣсколько разъ и если при томъ онѣ не сопровождаются двойками и единицами, то такія репетиціи весьма плодотворны для учениковъ. Но такія репетиціи многими преподавателями практикуются и теперь и въ какихъ-бы то ни было указаніяхъ врядъ-ли онѣ нуждаются.

Если-же репетиціи будутъ назначаться одинъ разъ въ году, съ цѣлью контроля познаній учениковъ за весь учебный годъ, то такія репетиціи ничѣмъ не будутъ отличаться отъ экзаменовъ и для учениковъ онѣ будутъ даже болѣе обременительными, чѣмъ самые экзамены, а потому замѣна экзаменовъ такими репетиціями врядъ-ли желательна.

Въ подтвержденіе послѣдняго положенія разсмотримъ—какъ примѣняются на практикѣ годовыя репетиціи вмѣсто экзаменовъ.

На основаніи инструкціи для городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, изданной въ 1894 году, экзамены въ городскихъ училищахъ замѣнены отчасти репетиціями, что̀ видно изъ нижеслѣ-

---

*) Исходя изъ убѣжденія, что, при правильной постановкѣ учебнаго дѣла, нѣтъ надобности въ переводныхъ испытаніяхъ ни въ низшихъ, ни въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но считая вопросъ о репетиціяхъ вопросомъ открытымъ, мы охотно даемъ мѣсто этой замѣткѣ, хотя и не раздѣляемъ мнѣнія автора ея относительно значенія послѣдней заключительной репетиціи, которая и въ городскихъ училищахъ могла-бы быть поставлена гораздо разумнѣе, чѣмъ въ настоящее время. *Ред.*

дующихъ параграфовъ инструкіи, узаконяющихъ репетиціи вмѣсто экзаменовъ.

§ 104. Въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль учебнаго года назначаются особые дни для репетицій, переводныхъ и выпускныхъ испытаній; для училищъ-же многоклассныхъ срокъ этотъ можетъ быть еще продленъ на одну недѣлю.

§ 106. Переводъ учениковъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе и изъ класса въ классъ, а также присужденіе аттестатовъ объ окончаніи курса производятся на основаніи аттестацій объ успѣхахъ учениковъ въ теченіе года и на *репетиціяхъ* или испытаніяхъ.

§ 107. Испытанія бываютъ письменныя и устныя.

§ 112. Устныя переводныя испытанія производятся въ городскихъ училищахъ изъ 2-го отдѣленія въ 3-е и изъ 4-го отдѣленія въ 5-е: по Закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ.

§ 113. Ученики 6-го отдѣленія, оканчивающіе курсъ, подвергаются устнымъ испытаніямъ по всѣмъ предметамъ курса городскихъ училищъ.

§ 114. При переводѣ изъ 1-го отдѣленія во 2-е, изъ 3-го въ 4-е по Закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ, изъ 4-го отдѣленія въ 5-е—по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію и изъ 5-го въ 6-е по всѣмъ предметамъ бываютъ *репетиціи*. Репетиціи носятъ классный характеръ: въ назначенное для нихъ время собираются ученики одного только отдѣленія по 3—4 часа сряду, и это время посвящается главнымъ образомъ выспрашиванію, а отчасти и разъясненію почему-либо плохо усвоенныхъ частей годоваго курса каждаго учебнаго предмета. Репетиціи производятся преподавателемъ, но подъ наблюденіемъ, по возможности, начальника училища.

Такимъ образомъ, по § 104 инструкціи репетиціи назначаются одинъ разъ въ концѣ учебнаго года; по § 106 и 114 репетиціи служатъ для контроля познаній учениковъ за весь учебный годъ, такъ какъ онѣ производятся «подъ наблюденіемъ, по возможности, начальника училища», и на репетиціяхъ должны быть выставлены отмѣтки ученикамъ, на основаніи которыхъ совершается переводъ учениковъ изъ класса въ классъ, изъ отдѣленія въ отдѣленіе. Кромѣ того, по параграфу 114 время, назначенное на репетиціи, должно быть посвящено не только выспрашиванію, но и разъясненію почему-либо плохо усвоенныхъ частей годового курса каждаго учебнаго предмета.

Всѣ эти требованія инструкціи ставятъ учителя въ крайне-затруднительное положеніе. За 3—4 часа онъ обязанъ переспросить всѣхъ учениковъ, выставить имъ отмѣтки и выяснить почему-либо плохо усвоенныя части годового курса учебнаго предмета.

Представимъ теперь, что классъ состоитъ изъ 40 учениковъ, на выспрашиваніе каждаго ученика, въ среднемъ, положимъ 5 минутъ; тогда придется употребить на выспрашиваніе 200 минутъ; урокъ продолжается 50 минутъ, 4 урока, положенныхъ на репетицію, составляютъ также 200 минутъ; слѣдовательно, на «выясненіе» не остается ни минуты свободнаго времени.

Но допустимъ болѣе благопріятныя условія; положимъ, выспрашиваніе займетъ не болѣе двухъ часовъ, а два часа останется на выясненіе плохо усвоенныхъ частей годового курса. Но и при такихъ условіяхъ дѣло не измѣняется къ лучшему. Во-первыхъ, за два часа многаго «выяснить» нельзя; во-вторыхъ, очень трудно четыре часа сряду сосредоточивать вниманіе учениковъ на одномъ и томъ-же предметѣ и при такой необычной для нихъ обстановкѣ; да и помимо того, врядъ-ли можно требовать внимательности отъ учениковъ послѣ того, какъ они всѣ спрошены и имъ выставлены переводныя отмѣтки; всякія выясненія послѣ этого скорѣе будутъ томить учениковъ, нежели интересовать ихъ, такъ какъ они всѣ заняты въ это время вопросомъ: скоро-ли ихъ учитель отпуститъ на свободу?

Поэтому «выясненіе плохо усвоенныхъ частей годового курса» не можетъ быть примѣняемо на годовыхъ репетиціяхъ, а безъ этого репетиціи превращаются въ тѣ-же экзамены, но съ тою лишь разницей, что на экзаменѣ спрошенный ученикъ можетъ уходить домой, на репетиціи же онъ долженъ еще томиться четыре часа сряду въ классѣ и выслушивать при этомъ вовсе неинтересные для него отвѣты своихъ товарищей.

На основаніи всего сказаннаго, я прихожу къ такому заключенію: 1) экзаменовъ годовыми репетиціями замѣнять не слѣдуетъ, ибо въ такомъ случаѣ измѣнится только названіе, а суть останется та-же, что никоимъ образомъ не желательно, и 2) необходимо, чтобы преподаватели производили репетиціи своимъ ученикамъ нѣсколько разъ въ году, при чемъ подъ словомъ «репетиція» слѣдуетъ разумѣть именно связное толковое повтореніе пройденнаго отдѣла каждаго учебнаго предмета.

М. Васильевъ.

Начальная школа Министерства Народнаго Просвѣщенія.

(*Продолженіе*).

II.

Виды начальныхъ училищъ.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи раздѣляетъ учебныя заведенія на высшія, среднія и низшія; при чемъ къ разряду низшихъ общеобразовательныхъ заведеній относитъ училища уѣздныя, городскія и «начальныя училища разныхъ наименованій».

На практикѣ представляется весьма затруднительнымъ провести точную грань между училищами уѣздными и городскими съ одной стороны, и начальными—съ другой. Хотя уѣздныя и городскія училища составляютъ собственно высшую ступень начальнаго образованія; но такъ какъ при многихъ уѣздныхъ училищахъ существуютъ приготовительные классы, почти тожественные съ начальными школами, а младшіе два года обученія въ городскихъ училищахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ школамъ, то въ большинствѣ случаевъ уѣздныя и городскія училища совмѣщаютъ въ себѣ и начальную, и дальнѣйшую ступень элементарнаго образованія. Съ другой стороны, въ разрядѣ начальныхъ училищъ Сводъ законовъ считаетъ такія, которыя представляютъ полнѣйшую аналогію съ городскими или уѣздными училищами, напр., сельскія двухклассныя образцовыя училища, двухклассныя городскія училища юго-западнаго края. Въ виду этихъ обстоятельствъ, говоря о начальныхъ училищахъ, нельзя не имѣть въ виду училищъ уѣздныхъ и городскихъ.

Уѣздныя училища, какъ мы видѣли изъ предыдущей главы, возникли у насъ первоначально въ 1804 г., будучи образованы изъ малыхъ народныхъ училищъ екатерининскаго времени, настоящую-же свою организацію получили въ уставѣ 8-го декабря 1828 года. Статьи этого устава, относящіяся до уѣздныхъ училищъ, вошли въ Сводъ законовъ, гдѣ образуютъ собою подъ-отдѣлъ II отдѣла III главы I раздѣла устава учебныхъ заведеній (ст, 3.246—3.337 т. XI

ч. I). Уѣздныя училища открыты для людей всѣхъ состояній, въ особенности-же предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны. За исключеніемъ Агабабовскаго уѣзднаго училища въ г. Астрахани, учрежденнаго не частныя средства и существующаго на особыхъ основаніяхъ, всѣ прочія уѣздныя училища учреждены правительствомъ и содержатся или всецѣло, или главнымъ образомъ на счетъ казны. Во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ существуетъ плата за обученіе. Курсъ ученія въ уѣздныхъ училищахъ раздѣляется на три *) класса; на каждый назначается по одному году. Во всѣхъ трехъ классахъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ, географія, исторія государства Россійскаго и всеобщая, но сокращенно; чистописаніе, черченіе и рисованіе. Сверхъ того, при уѣздныхъ училищахъ, смотря по мѣстныхъ потребностямъ, могутъ быть открываемы дополнительные курсы, для обученія тѣмъ искусствамъ и наукамъ, коихъ знаніе наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности. Для преподаванія въ уѣздномъ училищѣ назначаются законоучитель и 4 штатныхъ учителя. Кромѣ того, могутъ быть опредѣляемы учителя сверхъ штата. Учителями назначаются лица изъ числа окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ или выдержавшихъ спеціальное испытаніе на званіе учителя уѣзднаго училища. Непосредственное завѣдываніе принадлежитъ штатному смотрителю. Всѣ служащіе въ уѣздныхъ училищахъ назначаются попечителемъ учебнаго округа по представленію директора народныхъ училищъ. Штатный смотритель, законоучитель и прочіе учителя собираются каждый мѣсяцъ на общее совѣщаніе для обсужденія текущихъ хозяйственныхъ, административныхъ и учебно-воспитательныхъ дѣлъ. Смотритель состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ директора народныхъ училищъ или замѣняющаго его должностного лица; а директоръ народныхъ училищъ непосредственно подчиненъ попечителю учебнаго округа и во всемъ относится къ нему, испрашивая въ нужныхъ случаяхъ разрѣшеніе по дѣламъ училища. Для лучшаго надзора за уѣздными училищами назначаются попечителемъ, съ

*) Въ Виленскомъ учебномъ округѣ уѣздныя училища существуютъ на особыхъ основаніяхъ и, принадлежа къ числу заведеній двухклассныхъ, представляютъ полнѣйшую аналогію двухкласснымъ городскимъ училащамъ юго-западнаго края (см. ниже).

утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія, почетные смотрители. Они избираются изъ пользующихся общимъ уваженіемъ дворянъ или чиновниковъ, живущихъ въ томъ-же уѣздѣ или, по крайней мѣрѣ, въ той-же губерніи. Почетные смотрители, вмѣстѣ съ штатными, имѣютъ надзоръ за училищемъ по всѣхъ частямъ. Они присутствуютъ въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ учителей и занимаютъ здѣсь первое мѣсто, но не предсѣдательствуютъ. О безпорядкахъ, замѣченныхъ въ училищѣ, они сначала сообщаютъ штатному смотрителю, но если замѣчанія ихъ не будутъ приняты во вниманіе, то увѣдомляютъ о томъ директора народныхъ училищъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ инспекторовъ народныхъ училищъ, какъ штатные, такъ и почетные смотрители уѣздныхъ училищъ несутъ инспекторскія обязанности въ отношеніи всѣхъ начальныхъ училищъ уѣзда. Штатный смотритель училища, а также учителя наукъ и рисованія пользуются всѣми правами учебной службы, но это преимущество не распространяется на учителей приготовительныхъ классовъ. Законоучитель пользуется также пенсіонными правами. Служба почетныхъ смотрителей хотя считается государственной, но правъ на пенсію не даетъ. Окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, если они имѣютъ право поступить на государственную службу, опредѣляются въ нее предпочтительно предъ тѣми, которые не обучались въ этихъ училищахъ или высшихъ. При производствѣ въ первый чинъ, они освобождаются отъ особаго испытанія. По отбыванію воинской повинности воспитанникамъ уѣздныхъ училищъ, окончившимъ курсъ, предоставляются права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда, а не окончившимъ—четвертаго разряда.

Число уѣздныхъ училищъ годъ отъ году уменьшается. Въ 1872 году ихъ было 427 съ 29.229 учащимися, въ 1894 году 147 съ 11.917 учащимися, къ 1-му-же января 1898 года осталось всего 131. Вслѣдствіе признаннаго несоотвѣтствія этого рода училищъ современнымъ потребностямъ городского населенія, вновь они не учреждаются, существующія-же училища всѣ предназначены къ преобразованію въ городскія.

Городскія училища учреждаются по Положенію 31-го мая 1872 г. Положеніе это вошло въ Сводъ устава учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ст. 3112—3162. Для городскихъ училищъ Виленскаго, Рижскаго и Варшавскаго учебнаго округовъ, а также Александровскаго лютеранскаго въ Москвѣ, существуютъ нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ, также вошедшія въ сводъ. Городскія училища имѣютъ цѣлью доставленіе дѣтямъ всѣхъ сословій начальнаго умственнаго и религіозно-нравственнаго образованія. Городскія училища разрѣшаются къ открытію Мини-

стерствомъ Народнаго Просвѣщенія, когда содержаніе ихъ относится на счетъ казны, въ остальныхъ-же случаяхъ—попечителями учебныхъ округовъ. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ городскія училища во всѣхъ случаяхъ разрѣшаются къ открытію Министерствомъ. Городскія училища могутъ быть одноклассными, двухклассными и трехклассными и т. д. до шестиклассныхъ включительно. Существованіе училища въ томъ или другомъ составѣ классовъ никакого отношенія къ объему преподаванія и продолжительности курса не имѣетъ. Во всѣхъ городскихъ училищахъ полный курсъ продолжается 6 лѣтъ и во всѣхъ училищахъ программа преподаванія одна и та же. Названіе училища указываетъ только на количество учителей и учениковъ въ училищѣ. Одноклассное училище есть училище, назначаемое для одного класса или на 50 учениковъ при 1 учителѣ; двухклассное—для 100 учениковъ при 2 учителяхъ, трехклассное—для 150 учениковъ при 3 учителяхъ и т. д. Такъ какъ нормальный курсъ вездѣ 6-ти-лѣтній, то учащіеся въ городскомъ училищѣ, существующемъ въ полномъ составѣ классовъ, вездѣ представляютъ 6 отдѣленій. Такъ какъ съ такимъ числомъ отдѣленій одному учителю заниматься невозможно, то въ одноклассныхъ училищахъ обязательно назначается помощникъ учителя. Разрѣшается открывать городскія училища и безъ младшихъ двухъ отдѣленій. Въ такомъ училищѣ будетъ 4 отдѣленія; но при этомъ училище удерживаетъ то названіе относительно классовъ, какое оно должно-бы носить при наличности всѣхъ отдѣленій. Обыкновенно городскія училища содержатся на счетъ казны, съ пособіемъ отъ городовъ или земствъ. Вездѣ почти существуетъ плата за обученіе. Въ составъ курса городскихъ училищъ входятъ: Законъ Божій, чтеніе и письмо, русскій языкъ, ариѳметика, практическая геометрія, географія и исторія отечества съ необходимыми свѣдѣніями изъ естественной исторіи и физики, черченіе и рисованіе, пѣніе, гимнастика. Сверхъ того, факультативно могутъ быть вводимы ремесла и предметы дополнительные. Преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, въ Московскомъ-же Александровскомъ лютеранскомъ на русскомъ языкѣ обязательно преподаются только русскій языкъ, исторія и географія Россіи. При каждомъ городскомъ училищѣ полагается законоучитель и столько штатныхъ учителей, сколько классовъ въ училищѣ; но въ случаѣ надобности Министерству предоставляется право опредѣлять сверхштатныхъ учителей. Одинъ изъ учителей назначается завѣдующимъ училищемъ. Завѣдующіе училищами трехклассными, четырхеклассными и т. д. носятъ названіе инспектора. Учитель и завѣдующіе назначаются попечителемъ учебнаго округа—по представленію директора народныхъ училищъ. Если училища содержатся на счетъ

городовъ, обществъ или частныхъ лицъ, то при избраніи учителей требуется предварительное соглашеніе съ содержателями, въ Варшавскомъ учебномъ округѣ—по возможности. Учителями городскихъ училищъ и ихъ помощниками могутъ быть назначаемы только лица, успѣшно кончившіе курсъ въ учительскихъ институтахъ или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе. Городскія училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и въ ближайшемъ завѣдываніи директоровъ народныхъ училищъ или замѣняющихъ ихъ должностныхъ лицъ. Для обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части городскихъ училищъ и для наблюденія за исправностью матеріальной части этихъ заведеній, при нихъ состоятъ педагогическіе совѣты, состоящіе, подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго училищемъ, изъ законоучителя, всѣхъ штатныхъ учителей и ихъ помощниковъ. При каждомъ городскомъ училищѣ, кромѣ Варшавскаго учебнаго округа, полагается почетный смотритель. Почетный смотритель городского училища, содержимаго на счетъ правительства, избирается директоромъ народныхъ училищъ на 3 года и утверждается попечителемъ учебнаго округа. Почетные смотрители городскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ земствъ и городскихъ обществъ, избираются земствами и обществами на 3 года и утверждаются также попечителемъ учебнаго округа. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ почетные смотрители избираются во всѣхъ случаяхъ директоромъ. Частнымъ лицамъ, содержащимъ на свой счетъ городскія училища, если они пожелаютъ, предоставляется званіе почетныхъ смотрителей содержимыхъ ими училищъ пожизненно, при чемъ они имѣютъ право, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, передать это званіе одному изъ наслѣдниковъ или предоставить избраніе почетнаго смотрителя директору народныхъ училищъ, мѣстному земству или городскому обществу. Почетный смотритель посѣщаетъ училище во всякое время по своему усмотрѣнію, присутствуетъ въ засѣданіяхъ Педагогическаго Совѣта, съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, и занимаетъ первое мѣсто, но не предсѣдательствуетъ. Почетные смотрители должны оказывать постоянное содѣйствіе благоустройству училища въ матеріальномъ отношеніи. При городскихъ училищахъ опредѣляются особые врачи. Инспектора городскихъ училищъ, штатные и сверхштатные учителя и учительскіе помощники пользуются всѣми правами государственной службы. Врачи городскихъ училищъ пользуются правами медицинскихъ чиновниковъ. Законоучители имѣютъ пенсіонныя права. Почетные смотрители изъ лицъ, пользующихся правами государственной службы, имѣютъ право на чинопроизводство, всѣ-же вообще—право ношенія мундира. Окончившіе курсъ въ

городскихъ училищахъ при опредѣленіи на службу и по воинской повинности пользуются тѣми-же правами, какъ ученики уѣздныхъ училищъ. Не окончившіе курсъ ученики по воинской повинности получаютъ льготу 4-го разряда, если впрочемъ пробыли въ училищѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ.

Къ 1-му января 1898 г: городскихъ училищъ въ Имперіи было всего 527, въ томъ числѣ одноклассныхъ 3, двухклассныхъ 181, трехклассныхъ 243, четырехклассныхъ 77, пятиклассныхъ 8 и шестиклассныхъ 15.

Къ числу собственно начальныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія «Сводъ законовъ» относитъ слѣдующія:

1) образцовыя сельскія училища;

2) приходскія училища по уставу 1828 года;

3) начальныя народныя училища въ губерніяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ;

4) народныя училища въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской;

5) народныя училища въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской;

6) начальныя училища Кавказскаго учебнаго округа;

7) начальныя училища въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской;

8) начальныя училища въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Этими разрядами однако-жъ не исчерпывается вся совокупность начальныхъ училищъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, и приведенное исчисленіе необходимо дополнить указаніемъ на начальныя училища, также предусмотрѣнныя Сводомъ, но въ означенное исчисленіе не вошедшія. Таковы суть:

9) начальныя училища, содержимыя на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній 3-го разряда;

10) начальныя народныя училища, преобразованныя изъ бывшихъ церковно-приходскихъ школъ иностранныхъ исповѣданій;

11) начальныя народныя училища для еврейскаго населенія;

12) начальныя народныя училища для магометанскаго и языческаго населенія.

Но и этотъ списокъ будетъ все-таки не полонъ, если не включить сюда одну категорію начальныхъ училищъ, а именно:

13) начальныя народныя училища, устроенныя на основаніи особыхъ положеній и уставовъ, для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности или для цѣлыхъ группъ училищъ утвержденныхъ.

Къ этимъ тринадцати типамъ могутъ быть сведены всѣ суще-

ствующія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія начальныя народныя училища.

Образцовыя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія существуютъ на основаніи закона 29 мая 1869 года (Т. XI ч. 1, уст. уч. зав. ст. 3.424—3.425) и особой инструкціи, изданной для нихъ Министерствомъ 4 іюня 1875 г. Сельскія образцовыя училища имѣютъ цѣлью доставлять дѣтямъ сельскаго населенія возможность пріобрѣтать элементарное образованіе въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ, сравнительно съ другими сельскими училищами. Какъ видно изъ этого, эти училища назначены для сельскаго населенія. Лишь немногія изъ нихъ открыты въ городахъ, на основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній, какъ, напр., въ Кіевѣ и Одессѣ. Училища раздѣляются на одноклассныя и двухклассныя. Въ одноклассномъ училищѣ преподается законъ Божій, чтеніе, письмо, ариѳметика и церковное пѣніе; въ двухклассномъ, кромѣ того, исторія, географія, естествовѣдѣніе и черченіе. Курсъ одноклассн͏аго училища трехлѣтній, двухклассн͏аго — пятилѣтній. Училища содержатся на счетъ казны, но при непремѣнномъ участіи мѣстныхъ источниковъ. Казна участвуетъ обыкновенно суммою 226 рублей на одноклассное и 1.000 рублей на двухкласное училище. Кромѣ того, казна принипринимаетъ на себя расходъ на ремесленныя и прикладныя занятія въ размѣрѣ до 140 рублей. Училища могутъ однако-же быть открываемы вполнѣ на мѣстныя средства, безъ всякаго участія казны. Въ этихъ случаяхъ они разрѣшаются къ открытію попечителями учебныхъ округовъ, во всѣхъ-же другихъ случаяхъ—Министерствомъ. Въ училищахъ можетъ быть вводима, по желанію участвующихъ въ содержаніи ихъ обществъ, плата за обученіе съ дѣтей лицъ, къ составу этихъ не принадлежащихъ, но не свыше 3 р въ годъ. Учителя, помощники ихъ и законоучители назначаются, по представленію инспектора, директоромъ народныхъ училищъ изъ лицъ православнаго исповѣданія, имѣющихъ, по крайней мѣрѣ, званіе учителя сельскаго начальнаго народнаго училища, и извѣстныхъ знаніемъ дѣла и педагогическою опытностью, при чемъ назначеніе законоучителей предшествуетъ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ. Непосредственное завѣдываніе училищемъ поручается, по усмотрѣнію инспектора народныхъ училищъ, одному изъ преподавателей. Училища находятся подъ ближайшимъ наблюденіемъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и состоятъ въ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ.

Для содѣйствія успѣхамъ училищъ изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества, учебнымъ начальствомъ, съ согласія участниковъ въ содержаніи училищъ, избираются почетныя блюстители, на обя-

занности которыхъ лежитъ оказывать училищамъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку. Преподавателямъ въ двухклассныхъ и одноклaсныхъ училищахъ полагается жалованья въ годъ: учителямъ не менѣе 330 рублей и законоучителямъ не менѣе 150 рублей въ двухклассныхъ и 100 рублей въ однокласныхъ. Служебными правами они вообще не пользуются, и только тѣ изъ учителей двухкласныхъ училищъ, которыя переходятъ въ эти училища изъ уѣздныхъ училищъ, сохраняютъ права на чинопроизводство и пенсію по прежней службѣ. Окончившіе курсъ въ одноклассныхъ училищахъ пользуются льготою 3-го разряда по воинской повинности. Окончившіе полный курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, при отбываніи воинской повинности, пользуются правами окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 3-го разряда; неокончившіе курсъ—правами лицъ, окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 4-го разряда, но при условіи, если пробыли въ училищѣ 2 года и получили свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ. Окончаніе курса двухклассяаго сельскаго училища даетъ право на поступленіе въ низшія техническія училища.

Сельскихъ образцовыхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ 1 января 1897 г. состояло 2.268; въ томъ числѣ 1.456 двухклассныхъ и 712 одноклассныхъ.

Приходскія училища дѣйствуютъ по уставу 8 декабря 1828 г. (Св. зак. Т. XI ч. 1, ст. 3.426—3.468). При этомъ одноклассныя приходскія училища, содержащіяся на мѣстные источники, хотя-бы и съ пособіемъ отъ казны, подлежатъ также дѣйствію Положенія о народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года (ст. 3.469—3.511 того-же т. и ч.). Цѣль учрежденія приходскихъ училищъ есть распространеніе первоначальныхъ, всякому нужныхъ свѣдѣній между людьми самыхъ нижнихъ состояній. Приходскія училища могутъ быть открываемы повсюду, и въ городахъ, и въ селеніяхъ. Разрѣшеніе на открытіе приходскаго училища дается директорамъ народныхъ училищъ. Закрытіе приходскаго училища доволяется только по особеннымъ, достойнымъ уваженія причинамъ, и не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа или генералъ-губернатора по принадлежности. Приходскія училища могутъ быть двухклассныя и одноклассныя. Во всѣхъ приходскихъ училищахъ преподаются законъ Божій, чтеніе по книгамъ церковной и гражданской печати, чтеніе рукописей, чистописаніе, первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Въ училищахъ двухкласныхъ, сверхъ того, преподаются предметы, назначенные для низшаго класса уѣздныхъ училищъ. Продолжительности курса закономъ не опредѣлена, но на практикѣ въ одноклассныхъ училищахъ она трехлѣтняя, въ училищахъ-же двухклассныхъ

пятилѣтняя. Поэтому двухклассныя приходскія училища ничѣмъ не отличаются отъ двухклассныхъ образцовыхъ училищъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Приходскія училища могутъ содержаться на счетъ казны, земствъ, обществъ и частныхъ лицъ. Платы за обученіе въ приходскихъ училищахъ не взимается, но въ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ Совѣтовъ, назначеніе платы зависитъ отъ содержателей училищъ. При этомъ, если училище содержится вполнѣ на средства казны, то оно состоитъ въ исключительномъ вѣдѣніи учебнаго начальства. Двухклассныя приходскія училища также подчинены исключительно инспекторамъ и директорамъ народныхъ училищъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не учреждено должностей директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, обязанности этихъ лицъ по отношенію къ приходскимъ училищамъ несутъ губернскіе директора народныхъ училищъ и штатные смотрители уѣздныхъ училищъ. Одноклассныя училища, содержимыя обществами, земствами и частными лицами, хотя бы и при участіи казны, въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены училищные совѣты, подлежатъ вѣдѣнію этихъ Совѣтовъ. Въ учителя приходскихъ училищъ опредѣляются люди всякаго состоянія, но не иначе, какъ доказавъ на испытаніи, что имѣютъ для этого нужныя знанія и способность обучать. Назначеніе учителей въ приходскихъ училищахъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, принадлежитъ директору; въ приходскихъ-же училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ Совѣтовъ, этимъ Совѣтамъ. Но утвержденіе въ учебной службѣ лицъ, происходящихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, во всѣхъ случаяхъ, принадлежитъ попечителю учебнаго округа. Общества и частныя лица, которыми содержатся училища, имѣютъ право представлять кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ вакансій; и эти кандидаты предпочитаются прочимъ, если они обладаютъ надлежащими опытностью, знаніями, способностями и нравственными качествами. Непосредственное завѣдываніе учебною частію училища ввѣряется учителю, а когда ихъ нѣсколько, то старшему изъ нихъ. При каждомъ приходскомъ училищѣ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, можетъ быть учреждена должность почетнаго блюстителя (при женскихъ—почетной блюстительницы). Почетные блюстители избираются училищнымъ начальствомъ, съ согласія городскаго общества, изъ желающихъ поступить въ эти должности, и утверждаются губернаторомъ. Главная обязанность почетныхъ блюстителей состоитъ въ содѣйствіи начальству по части нравственной и учебной, устройству-же части хозяйственной они способствуютъ единовременными и постоянными приношеніями. Почетные блюстители не дѣлаютъ никакихъ распоряженій по учили-

щамъ, но имѣютъ право, замѣтивъ упущенія или безпорядки по какой-бы то ни было части, обратить на нихъ вниманіе учителя и увѣдомлять о нихъ инспектора или директора народныхъ училищъ, а въ важныхъ случаяхъ даже попечителя учебнаго округа. Учителя и учительницы приходскихъ училищъ пользуются правами на пенсію изъ особаго капитала приходскихъ учителей. Пенсія назначается въ размѣрѣ 90 р. за 25 лѣтъ службы и въ размѣрѣ 45 р. за 20 лѣтъ, но только въ случаѣ выхода въ отставку. Выслуженная пенсія передается семьямъ на общихъ основаніяхъ. Вдовамъ лицъ, умершихъ на службѣ прежде выслуги пенсіи, назначается за службу мужа продолжавшуюся до 10 лѣтъ, полугодовой, а свыше 10 лѣтъ—годовой окладъ жалованья единовременно. При первоначальномъ опредѣленіи на службу, учителя и учительницы приходскихъ училищъ получаютъ не въ зачетъ третью часть годоваго содержанія и прогоны на двѣ лошади. Учителя пользуются правомъ на чинопроизводство. При этомъ не имѣющіе въ общемъ порядкѣ правъ на поступленіе въ госуд. службу производятся въ первый чинъ по выслугѣ 12 лѣтъ; прочіе—соотвѣтственно происхожденію и образованію. Чрезъ три года и тѣ, и другіе могутъ получить второй чинъ. Законоучителямъ, по выслугѣ 25-лѣтняго срока, назначается пенсія въ размѣрѣ полнаго жалованья, но не свыше 60 р. и не менѣе 15 р. въ годъ; за 20 лѣтъ—половинный окладъ. Всѣхъ приходскихъ училищъ къ 1 января 1898 г. было въ Имперіи 1.808.

Начальныя народныя училища въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, управляются по Положенію 25 мая 1874 г. (Св. зак. т. XI ч. 1, уст. уч. зав. ст. 3.469—3.511). Эти училища имѣютъ цѣлію утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія. Предметы учебнаго курса: Законъ Божій, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его возможно. Преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ. Продолжительность курса закономъ не опредѣлена, но вездѣ принята трехлѣтняя. Вообще между этими училищами и одноклассными министерскими и приходскими на практикѣ никакого различія не существуетъ по существу дѣла, и училища различаются лишь способомъ управленія. Разсматриваемыя училища находятся въ вѣдѣніи не только инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, но еще уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ Совѣтовъ, составляемыхъ изъ лицъ администраціи и выборныхъ представителей отъ земствъ и городовъ. Начальныя народныя училища открываются съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и согласія предсѣдателя уѣзднаго

училищнаго Совѣта, о чемъ доводится до свѣдѣнія этого совѣта. Содержателями училищъ могутъ быть земства, города, сословія. учрежденія, имѣющія на то право, и частныя лица. Въ содержаніи училищъ можетъ участвовать и казна. Назначеніе платы за обученіе зависитъ отъ содержателей. Для ближайшаго завѣдыванія училищами содержатели училищъ избираютъ особыхъ попечителей и попечительницъ, которые по представленію уѣздныхъ училищныхъ Совѣтовъ утверждаются губернскими училищными совѣтами. Попечители и попечительницы училищъ, завѣдуя дѣлами училищъ, входятъ по симъ дѣламъ въ сношенія съ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ и вполнѣ отвѣтствуютъ за порядокъ въ этихъ заведеніяхъ. На практикѣ дѣйствительное завѣдываніе училищемъ обыкновенно лежитъ на старшемъ изъ учителей, какъ и въ приходскихъ училищахъ. Содержателямъ училищъ предоставляется право избранія кандидатовъ на учительскія мѣста. Допущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей принадлежитъ власти инспектора народныхъ училищъ. Утвержденіе-же въ должности, перемѣщеніе и увольненіе учителей зависитъ отъ уѣзднаго училищнаго Совѣта. Законъ Божій можетъ быть преподаваемъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ или приходскимъ священникомъ, или особымъ законоучителемъ съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію инспектора народныхъ училищъ. Учителя и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ Совѣтовъ, никакими правами по этой службѣ не пользуются, за исключеніемъ тѣхъ училищъ, которыя относятся къ категоріи приходскихъ, права которыхъ объяснены выше.

Народныя училища въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской управляются на основаніи Высочайше утвержденнаго 26 мая 1869 г. Положенія объ этихъ училищахъ и утвержденныхъ Министерствомъ 6 марта 1876 г. въ развитіе этого Положенія инструкцій Совѣту инспекціи и инспекторамъ народныхъ училищъ означенныхъ губерній. Положеніе вошло въ сводъ уставовъ учебныхъ заведеній подъ ст. 3.512—3.532. Къ народнымъ училищамъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской относятся: одноклассныя училища въ селеніяхъ и двухклассныя городскія училища, мужскія и женскія. Въ одноклассныхъ училищахъ преподаются: Законъ Божій, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе. Преподаваніе всѣхъ предметовъ ведется на русскомъ языкѣ. Продолжительность курса не опредѣлена, но обыкновенно бываетъ трехлѣтняя. Одноклассныя училища Кіевскаго учебнаго округа учреждаются съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, и при томъ въ мѣстностяхъ, гдѣ есть

церковно-приходскія школы, только по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ. Законоучители училищъ состоятъ ихъ блюстителями и обязаны имѣть надзоръ за ходомъ обученія и въ особенности за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ ученья. За тѣмъ, училища подчинены инспектору народныхъ училищъ и попечителю учебнаго округа. Въ учителя одноклассныхъ народныхъ училищъ опредѣляются только лица православнаго исповѣданія, выдержавшія испытаніе на званіе учителя приходскаго училища. Отъ такого испытанія освобождаются лица, окончившія курсъ въ гимназіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ. Избраніе и утвержденіе учителей предоставлено инспектору народныхъ училищъ. Двухклассныя училища, мужскія на правахъ уѣздныхъ училищъ и женскія, открываются съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія только въ городахъ. На учебный курсъ въ двухклассныхъ училищахъ полагается два года, по одному въ каждомъ классѣ. Въ первый классъ принимаются дѣти, прошедшія курсъ одноклассtotaal училища. При каждомъ мужскомъ двухклассномъ училищѣ состоитъ приготовительный классъ, съ курсомъ, равнымъ курсу одноклассныхъ училищъ. Курсъ двухклассныхъ училищъ составляютъ: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и практическая геометрія, необходимыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи, чистописаніе. Сверхъ того, въ двухклассныхъ училищахъ мужскихъ преподаются церковное пѣніе и черченіе, а въ женскихъ—церковное пѣніе, рисованіе и рукодѣлья. Въ училищахъ мужскихъ непосредственное управленіе заведеніемъ принадлежитъ смотрителю, который обязанъ быть и преподавателемъ. Въ женскихъ училищахъ ближайшее наблюденіе за воспитанницами поручается особой надзирательницѣ, которая можетъ обучать рукодѣлью и, въ случаѣ отсутствія учителя, тѣмъ предметамъ, которые онъ имѣетъ право преподавать. Преподаватели двухклассныхъ училищъ и надзирательница, подъ предсѣдательствомъ смотрителя, составляютъ училищный Совѣтъ, въ которомъ обсуждаются на общемъ основаніи всѣ дѣла по учебной и воспитательной части училищъ. Смотрители и преподаватели двухклассныхъ училищъ опредѣляются по представленію инспектора народныхъ училищъ попечителемъ учебнаго округа, на одинаковомъ основаніи съ смотрителями, законоучителями и учителями уѣздныхъ училищъ. Въ должности надзирательницы утверждаются попечителемъ округа только лица, имѣющія званіе домашнихъ учительницъ. Назначеніе-же учителей въ приготовительные классы предоставляется инспекторамъ народныхъ училищъ на томъ-же основаніи, какъ и опредѣленіе учителей одноклассныхъ народныхъ училищъ. При двухклассныхъ училищахъ попечителемъ округа могутъ быть опредѣляемы врачи на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это

дозволяется въ городскихъ училищахъ по Положенію 1872 года. При училищахъ, какъ двухклассныхъ, такъ и одноклассныхъ, могутъ быть опредѣляемы почетные смотрители, съ правами, присвоенными почетнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ. Вообще служащіе въ двухклассныхъ училищахъ юго-западнаго края, мужскихъ и женскихъ, въ правахъ службы приравнены къ служащимъ въ уѣздныхъ училищахъ; учителя-же въ приготовительныхъ классахъ и въ смѣнахъ для дѣвочекъ—къ учителямъ приходскихъ училищъ. Окончившіе курсъ двухклассныхъ училищъ пользуются при поступленіи на службу и по воинской повинности правами учениковъ уѣздныхъ училищъ.

Народныя училища въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской существуютъ на основаніи временныхъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ 23 марта 1863 г. и изданныхъ Министерствомъ въ развитіе этихъ правилъ инструкцій инспекторамъ народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа въ 1871 г. и училищнымъ Совѣтомъ дирекцій 13 января 1879 года. Временныя правила вошли въ сводъ законовъ (ст. 3.533—3.549 т. XI ч. I, уст. уч. зав.). Народныя училища въ назв. губерніяхъ по существу своему вполнѣ соотвѣтствуютъ другимъ одноклассным училищамъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ которыхъ отличаются главнымъ образомъ особымъ порядкомъ управленія. Существующія въ этихъ губерніяхъ дирекціи народныхъ училищъ состоятъ подъ управленіемъ училищныхъ Совѣтовъ, которымъ принадлежитъ, кромѣ общаго наблюденія за училищами, право разрѣшенія открытія училищъ и назначенія учителей, избираемыхъ въ эти должности содержащими училища обществами, городскими и сельскими, равно право представленія попечителю о закрытіи училищъ, поощренія достойныхъ и удаленія неблагонадежныхъ преподавателей.

Народныя училища сѣверо-западнаго края устраиваютъ у себя учебный курсъ по мѣстнымъ соображеніямъ и потребностямъ, представляя, однако, программу предположеннаго курса на утвержденіе училищнаго Совѣта. Предметами курса служатъ: Законъ Божій, русскій языкъ, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати и письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики, церковное пѣніе. Законъ Божій преподается приходскимъ священникомъ или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства по представленію училищнаго Совѣта. Въ училищахъ, учрежденныхъ для православнаго населенія, приходскій священникъ наблюдаетъ вообще за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ въ училищѣ и въ случаѣ надобности сообщаетъ замѣчанія свои учителю и лицамъ, завѣдующимъ училищемъ. Еслибъ замѣчанія эти не были приняты въ уваженіе, приходскій священникъ доноситъ объ этомъ училищному Совѣту. Пре-

подаваніе производится на русскомъ языкѣ, не исключая и Закона Божія римско-католическаго исповѣданія. Но при обученіи этому предмету разрѣшается, въ случаѣ необходимости, въ теченіе перваго года обученія допускать употребленіе мѣстнаго нарѣчія. Установленіе платы за обученіе зависитъ отъ содержателей училищъ. Важную особенность народныхъ училищъ сѣверо-западнаго края составляютъ существующія при училищахъ особыя отдѣленія, учрежденіе и развитіе которыхъ отнесено къ числу обязанностей училищныхъ Совѣтовъ. Училищныя отдѣленія, въ видахъ повсемѣстнаго распространенія грамотности, открываются въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ училища. Выборъ учителей для такихъ школъ предоставляется мѣстному обществу, отъ котораго они получаютъ вознагражденіе по взаимному соглашенію. Объ открытіи отдѣленія учитель немедленно доноситъ дирекціи. Надзоръ за обученіемъ и нравственно-религіознымъ направленіемъ предоставляется преимущественно мѣстному законоучителю; учитель-же, въ свободное отъ занятій время, посѣщаетъ отдѣленія по мѣрѣ возможности, являясь туда не въ качествѣ ревизора, но какъ болѣе свѣдущій преподаватель, могущій дать полезный совѣтъ и указаніе.

Начальныя училища кавказскаго учебнаго округа руководствуются общими правилами, для начальныхъ училищъ во внутреннихъ губерніяхъ существующими, за нѣкоторыми изъятіями, установленными положеніемъ объ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ, утвержденными намѣстникомъ кавказскимъ 25-го іюня 1867 г. на основаніи Высочайше утвержденнаго 15-го мая того-же года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Исключительныя постановленія для начальныхъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа вошли въ сводъ законовъ подъ ст. 3550--3556 уст. уч. зав. Училища содержатся вообще на счетъ мѣстныхъ обществъ, но, по вниманію къ общественнымъ нуждамъ края, правительство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ содержитъ начальныя училища на свой счетъ. Въ каждой губерніи или области Кавказа открывается на казенный счетъ до 3-хъ нормальныхъ сельскихъ училищъ, съ обязательнымъ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Училища могутъ быть одноклассныя и двухкласныя. Въ одноклассныхъ училищахъ преподаются Законъ Божій, чтеніе и письмо по-русски и на мѣстномъ нарѣчіи, первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Въ двухклассныхъ училищахъ къ этимъ предметамъ прибавляются: практическое знакомство съ русской грамматикой, дроби и краткій очеркъ географіи Россіи. Учебный персоналъ въ одноклаcныхъ училищахъ составляютъ: учитель, онъ-же смотритель; законоучители, они-же учителя мѣстныхъ языковъ — одинъ или два, смотря по мѣстности; въ двухклассныхъ училищахъ

при учителѣ полагается еще помощникъ. Всѣ начальныя училища Кавказскаго учебнаго округа подчиняются попечителю округа чрезъ посредство мѣстныхъ дирекцій и инспекторовъ народныхъ училищъ. Для содѣйствія училищному начальству къ благоустройству и благосостоянію училищъ дозволяется при каждомъ изъ нихъ опредѣлять почетныхъ смотрителей съ обязанностями и правами, присвоенными этимъ дожностнымъ лицамъ въ уѣздныхъ училищахъ. Они обязаны вносить въ пользу училища ежегодно не менѣе 500 рублей. Смотрители, законоучители и учители начальныхъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа, штаты которыхъ утверждены въ установленнымъ порядкѣ, пользуются всѣми правами и преимуществами, присвоенными училищнымъ чиновникамъ края. Учителя школъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, а также учителя всѣхъ сельскихъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа, получившіе отъ Александровскаго учительскаго института или отъ учительскихъ семинарій Кавказскаго учебнаго округа свидѣтельства на званіе сельскихъ учителей, по прослуженіи 10 лѣтъ въ этомъ званіи—могутъ быть представляемы къ награжденію чиномъ XIV класса. Воспитанники двухклассныхъ нормальныхъ сельскихъ училищъ въ предѣлахъ Закавказья, содержимыхъ правительствомъ, по отбыванію воинской повинности пользуются правами воспитанниковъ двухклассныхъ образцовыхъ училищъ Мин. Народнаго Просвѣщенія.

Дѣйствующія постановленія о начальныхъ училищахъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерній содержатся въ ст. 3.568—3.641 уст. уч. зав. вѣдомства Мин. Народнаго Просвѣщенія

Начальныя училища въ городахъ Прибалтійскихъ губерній имѣютъ цѣлію, съ одной стороны, доставленіе законченнаго образованія дѣтямъ бѣднѣйшей части населенія, съ другой—подготовленіе ихъ къ вступленію въ уѣздное или городское училище. Предметы ученія въ городскихъ начальныхъ училищахъ суть: Законъ Божій, русскій языкъ, начальныя основанія родного языка, чтеніе, ариѳметика и чистописаніе. Гдѣ возможно, преподается церковное пѣніе. Городскимъ училищнымъ коллегіямъ предоставлено право представленія кандидатовъ на замѣщеніе учительскихъ вакансій, открывающихся въ училищахъ, содержимыхъ на городскія средства.

Сельскія евангелическо-лютеранскія народныя школы въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ суть: 1) волостныя, учреждаемыя на одно или нѣсколько волостныхъ обществъ и 2) приходскія, учреждаемыя на цѣлый приходъ. Эти школы имѣютъ цѣлію утверждать въ мѣстномъ населеніи религіозныя и нравственныя понятія и распространять полезныя знанія. Предметы преподаванія въ волостныхъ школахъ: Законъ Божій, русскій и туземный языки, первыя четыре

*

дѣйствія ариѳметики; элементарныя свѣдѣнія изъ географіи и исторіи, въ особенности отечественной, хоровое пѣніе, особенно церковное. Учрежденіе и содержаніе волостныхъ народныхъ школъ Эстляндской и Курляндской губерній, по меньшей мѣрѣ одной на каждое общество отъ 300 до 1.000 душъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія обоего пола, лежитъ на обязанности волостныхъ обществъ, если школы эти не обезпечены распоряженіемъ владѣльца или особымъ пожертвованіемъ. Посѣщеніе школы обязательно для всѣхъ дѣтей евангелическо-лютеранскаго исповѣданія членовъ мѣстнаго волостного общества отъ десяти до тринадцатилѣтняго возраста. За неявку дѣтей въ школу безъ законныхъ причинъ мѣстнымъ управленіемъ налагаются штрафы на родителей или воспитателей въ размѣрѣ 1—10 коп. въ день. Обученіе производится съ 15-го октября по 15-е апрѣля и продолжается три года сряду. Право представленія кандидата на учительскую должность принадлежитъ владѣльцу или обществу, содержащимъ школу, или-же обоимъ, если школа содержится на счетъ обоихъ. Въ обществахъ, въ которыхъ считается не болѣе 500 душъ обоего пола, школьнымъ учителямъ, при готовой квартирѣ, должно производиться содержаніе не ниже 100 р. въ годъ. Къ суммѣ этой прибавляется по 10 р. на каждые 100 душъ свыше 500. Приходскія училища подчиняются всѣмъ правиламъ, постановленнымъ для школъ волостныхъ.

Сельскія школы въ Лифляндской губерніи также раздѣляются на волостныя и приходскія. Учрежденіе и содержаніе первыхъ составляетъ обязанность волостныхъ обществъ. Каждое мірское общество или нѣсколько обществъ вмѣстѣ, если численность ихъ не свыше 500 душъ мужескаго пола, обязаны завести школу. Въ этой школѣ дѣти должны быть обучаемы чтенію, катихизису и пѣнію молитвъ. Всѣ дѣти, кромѣ тѣхъ, которые будутъ освобождены, должны быть съ 10 года посылаемы въ школу до тѣхъ поръ, пока священникъ признаетъ, что они имѣютъ достаточныя познанія. За неприбытіе въ школу родители или воспитатели учащихся подвергаются штрафу въ размѣръ 5 к. въ день. Ученье продолжается съ Мартынова дня по 10-е марта.

Въ каждомъ приходѣ, содержащемъ въ себѣ 2.000 мужскаго пола душъ, учреждается приходская школа. Приходы, имѣющіе менѣе 1.000 душъ мужскаго пола, обязаны, если не пожелаютъ завести особой школы, соединиться между собой. Въ школы принимаются молодые люди отъ 14 до 17 лѣтъ. Въ приходской школѣ обучаютъ писать, ариѳметикѣ, пѣнію церковныхъ молитвъ, даютъ ясное понятіе о катихизисѣ и сообщаютъ такія познанія, которыя служатъ къ истребленію суевѣрія, къ предупрежденію опасностей и способ-

ствуютъ къ благоразумному отправленію должностей по своему званію. На практикѣ приходскія училища представляютъ полную аналогію министерскимъ двухкласснымъ училищамъ. За пропуски уроковъ штрафы взимаются въ двойномъ размѣрѣ.

Относительно объема преподаванія необходимо однакожъ имѣть въ виду, что во всякаго рода училищахъ онъ опредѣляется программами, издаваемыми Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

По вопросамъ о языкѣ преподаванія и назначеніи учителей существуютъ слѣдующія общія для Рижскаго учебнаго округа правила.

Въ сельскихъ училищахъ, именно въ волостныхъ евангелическо-лютеранскихъ и римско-католическихъ и въ вспомогательныхъ православныхъ школахъ, а равно въ одноклассныхъ училищахъ и въ первомъ классѣ двуклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, преподаваніе всѣхъ предметовъ производится на русскомъ, эстонскомъ или латышскомъ языкѣ, смотря по удобству, съ тѣмъ, что послѣдній годъ обученія на русскомъ языкѣ должно производиться преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія и пѣнія, которые могутъ преподаваемы на природномъ языкѣ учащихся; въ приходскихъ-же сельскихъ школахъ и во второмъ классѣ двухклассныхъ училищъ, независимо отъ исповѣданія и происхожденія учащихся, преподаваніе всѣхъ предметовъ происходитъ на русскомъ языкѣ, кромѣ Закона Божія и церковнаго пѣнія, которые и здѣсь могутъ быть преподаваемы на природномъ языкѣ учащихся. Въ городскихъ начальныхъ училищахъ преподаваніе вообще ведется на русскомъ языкю, за тѣмъ-же исключеніемъ для Закона Божія и церковнаго пѣнія; но на первыхъ порахъ обученія разрѣшается употреблять природный языкъ учащихся въ качествѣ вспомогательнаго средства преподаванія.

Преподавателями въ начальныхъ училищахъ могутъ быть лишь такія лица изъ русскихъ подданныхъ, которые окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ или выдержаніемъ особаго спеціальнаго испытанія пріобрѣли свидѣтельства на учительское званіе. Предварительное назначеніе на должности преподавателей и устраненіе отъ нихъ въ сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ школахъ принадлежитъ инспекторамъ народныхъ училищъ, которые о своихъ распоряженіяхъ сообщаютъ Уѣзднымъ Комитетамъ и училищнымъ Совѣтамъ. Окончательно-же преподаватели сельскихъ школъ утверждаются въ должностяхъ и увольняются отъ нихъ Высшими коммиссіями и Верховнымъ комитетомъ, по представленіямъ уѣздныхъ комитетовъ и училищныхъ Совѣтовъ. Преподаватели другихъ сельскихъ школъ иностранныхъ исповѣданій допускаются къ должностямъ и устраняются отъ нихъ инспекторами народныхъ училищъ, утверждаются

директорами, по представленіямъ инспекторовъ. Преподаватели городскихъ начальныхъ училищъ избираются директорами народныхъ училищъ и утверждаются въ должностяхъ, равно увольняются отъ нихъ, попечителемъ Рижскаго учебнаго округа.

Учителя городскихъ нач. училищъ Рижскаго учебнаго округа пользуются правами учителей приходскихъ училищъ по уставу 1828 г.

Въ предѣлахъ Рижскаго учебнаго округа могутъ быть учреждены на общихъ основаніяхъ министерскія одноклассныя и двухклассныя народныя училища по инструкціи 4 іюня 1875 г. По ходатайствамъ волостныхъ обществъ и существующаго въ краѣ училища могутъ быть преобразуемы въ одноклассныя и двухклассныя образцовыя. Содержаніе открываемыхъ въ губерніяхъ Рижскаго учебнаго округа министерскихъ образцовыхъ училищъ, равно посѣщеніе этихъ училищъ дѣтьми признается обязательнымъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ съ волостными школами.

Законы, относящіеся до начальныхъ училищъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, содержатся въ ст. 3.642—3.711 уст. уч. зав. Начальныя училища въ этихъ губерніяхъ имѣютъ цѣлію нравственно-религіозное и умственное развитіе молодого поколѣнія и распространеніе въ средѣ народа знанія русскаго языка, какъ государственнаго, и общеполезныхъ элементарныхъ свѣдѣній, дабы учащіеся могли сдѣлаться впослѣдствіи добрыми и полезными членами семьи, общества и государства. Училища раздѣляются на городскія, гминныя (волостныя) и сельскія. Они могутъ быть одноклассныя и двухклассныя. Во всѣхъ начальныхъ училищахъ дѣти обучаются Закону Божію, чтенію и письму по-русски, чтенію и письму на природномъ языкѣ и основнымъ правиламъ ариѳметики. Тамъ, гдѣ польскій языкъ не составляетъ природнаго языка жителей, учредители училищъ могутъ, если найдутъ нужнымъ, прибавить къ предметамъ преподаванія чтеніе и письмо по-польски. Ученики православнаго исповѣданія обучаются и церковно-славянскому чтенію. Дѣвочки обучаются рукодѣльямъ. По желанію обществъ, могутъ быть вводимы пѣніе и прикладныя знанія. Во вторыхъ классахъ дѣти совершенствуются въ чтеніи и письмѣ на русскомъ и природномъ языкахъ и въ ариѳметикѣ. Имъ преподаются также первоначальныя свѣдѣнія объ окружающей природѣ и мѣстности. Кромѣ того, дѣтямъ сообщаются практическія свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, и т. п., а также, преимущественно въ городахъ, о необходимыхъ въ мѣстномъ быту отрасляхъ промышленности и ремеслъ. Дѣвочкамъ сообщаются свѣдѣнія, полезныя въ домашнемъ хозяйствѣ. Преподаваніе во всѣхъ училищахъ ведется на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ Закона Божія иностранныхъ исповѣданій и при-

роднаго языка учащихся, которые могутъ быть преподаваемы также и на этомъ языкѣ. Таковы особенности начальной школы Царства Польскаго. На практикѣ одноклассныя и двухклассныя начальныя училища Варшавскаго учебнаго округа относительно учебной организаціи почти вполнѣ соотвѣтствуютъ одноклассным и двухклассным образцовымъ училищамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Училища содержатся на счетъ мѣстныхъ обществъ, съ пособіемъ отъ казны. Дѣти лицъ, участвующихъ въ сборахъ на содержаніе училища, обучаются безплатно, а лицъ, не участвующихъ въ сборахъ, платятъ за право ученія не менѣе 90 к. въ годъ. Всѣ взимаемые на содержаніе начальныхъ училищъ сборы обязательны для общества до тѣхъ поръ, пока не будутъ замѣнены другими источниками. Существующія училища не могутъ быть закрываемы безъ согласія учебнаго начальства. Мѣстныя общества могутъ учреждать новыя училища. Составивъ относительно обезпеченія училища надлежащій приговоръ, общественное управленіе сообщаетъ его начальнику учебной дирекціи на утвержаніе. Училище признается открытымъ по представленіи такого приговора и назначеніи учителя. Общій надзоръ за начальными училищами, подъ главнымъ завѣдываніемъ попечителя Варшавскаго округа, принадлежитъ начальникамъ учебныхъ дирекцій и инспекторамъ народныхъ училищъ. Хозяйственная часть лежитъ на попеченіи и отвѣтственности мѣстныхъ обществъ. Училища, учрежденныя для цѣлей гмины или нѣсколькихъ гминъ, именуются гминными и состоятъ въ завѣдываніи мѣстнаго гминнаго войта и лавниковъ. Училища учрежденныя для одного сельскаго общества, называются сельскими. За сельскимъ училищемъ смотритъ мѣстный солтысъ, подъ руководствомъ гминнаго войта. Гминные и сельскія сходы могутъ, если найдутъ это нужнымъ, избирать для гминнаго и сельскаго училища или для нѣсколькихъ училищъ особаго смотрителя. Смотрители утверждаются въ этомъ званіи начальникомъ учебной дирекціи и находятся въ непосредственной зависимости отъ гминнаго войта. Обязанности войтовъ и солтысовъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) наблюдать за поведеніемъ учителя и за исправнымъ исполненіемъ имъ своимъ обязанностей; 2) представлять гминному или сельскому сходу о нуждахъ училища и ихъ удовлетвореніи; 3) собирать и получать деньги, отпускаемыя и жертвуемыя на училище; 4) составлять смѣту училищнымъ суммамъ, расходовать ихъ на предметы назначенія и вести имъ надлежащую отчетность. Нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей могутъ быть, подъ наблюденіемъ войта или солтыса, возлагаемы на смотрителя училища. Для управленія городскими начальными училищами, смотрители училищъ назначаются,

по усмотрѣнію начальника дирекціи, изъ мѣстныхъ жителей. Въ городахъ, гдѣ имѣются высшія учебныя заведенія, должность эта поручается преимущественно одному изъ особенно благонадежныхъ учителей или профессоровъ такихъ заведеній. Смотритель городского училища имѣетъ тѣ-же обязанности, какія установлены для смотрителей гминныхъ и сельскихъ училищъ. Въ городахъ и селеніяхъ, въ случаѣ неимѣнія особаго смотрителя, его обязанности могутъ быть поручаемы учителю. Учителя начальныхъ училищъ назначаются начальниками учебныхъ дирекцій изъ числа лицъ, извѣстныхъ своимъ благонадежнымъ поведеніемъ и преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а за недостаткомъ такихъ кандидатовъ—изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя начальнаго училища. Учительницы назначаются тѣмъ-же порядкомъ, преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учительницы начальнаго училища. Неимѣющія такихъ свидѣтельствъ предварительно испытываются начальникомъ дирекціи. Закону Божію обучаетъ либо учитель, либо мѣстный приходскій священникъ, по усмотрѣнію начальника дирекціи. Въ училищахъ для православнаго населенія законоучители назначаются изъ мѣстныхъ священниковъ по предварительному соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ.

Правами государственной службы преподаватели начальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа не пользуются; но учителя и учительницы и ихъ семейства пользуются правами на полученіе эмеритальныхъ пенсій въ слѣдующемъ размѣрѣ: за 20 лѣтъ дѣйствительной платной и безпорочной службы имъ назначается $^1/_4$ самаго высшаго, получавшагося ими и оплаченнаго оклада содержанія, за 25 лѣтъ — $^1/_2$, за 30 лѣтъ — $^3/_4$, за 35 лѣтъ — полный окладъ содержанія.

Частныя учебныя заведенія управляются на основаніи устава 8-го декабря 1828 г. и дополнительныхъ узаконеній. Общія постановленія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ находятся въ ст. 3.712—3.741 уст. уч. зав. Назначеніе частныхъ учебныхъ заведеній, по закону, заключается въ содѣйствіи правительству въ распространеніи просвѣщенія. Частныя училища могутъ быть двухъ родовъ: или только для обученія дѣтей, или вмѣстѣ съ тѣмъ и для содержанія и воспитанія ихъ. Обучать дѣтей обоего пола дозволяется лишь въ первыхъ, но и при этомъ наблюдается правило, чтобы въ числѣ дѣвицъ не было старше 11 лѣтъ. Частныя учебныя заведенія раздѣляются на три разряда: училища высшаго или перваго разряда имѣютъ не менѣе 6-ти классовъ; втораго разряда—не менѣе 3-хъ классовъ; училище 3-го разряда можетъ быть одноклассное или двух-

классное. На учебный курсъ каждаго класса полагается не менѣе одного года. Частныя учебныя заведенія разрѣшаются къ открытію попечителемъ округа. Право на учрежденіе частнаго училища предоставляется лицамъ обоего пола, русско-подданнымъ, нравственно-благонадежнымъ и обладающимъ учительскимъ званіемъ. Для права содержанія одноклассного училища достаточно званія начальнаго учителя или учительницы, но двухклассное училище можетъ быть открыто лишь лицомъ, обладающимъ дипломомъ не ниже домашняго учителя. Выборъ предметовъ преподаванія зависитъ отъ лица, желающаго учредить училище. При этомъ наблюдается только, чтобы въ числѣ учебныхъ предметовъ находились непремѣнно Законъ Божій и русскій языкъ, а въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обучаютъ исторіи и географіи, сверхъ того—русская исторія и географія, и чтобы учебный планъ каждаго училища былъ утвержденъ попечителемъ учебнаго округа. Преподавателями въ частныхъ училищахъ 3-го разряда могутъ быть только лица, имѣющіе учительское званіе. Они допускаются къ исполненію обязанностей директоромъ народныхъ училищъ. Частныя учебныя заведенія подчиняются: въ столицахъ окружнымъ инспекторамъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ или лицамъ, ихъ замѣняющимъ. Въ губерніяхъ, гдѣ существуютъ губернскіе и уѣздные училищные Совѣты, частныя училища 3-го разряда состоятъ въ совмѣстномъ вѣдѣніи Совѣтовъ и дирекціи народныхъ училищъ, если программы ихъ не превышаютъ курса начальнаго народнаго училища, установленнаго Положеніемъ объ этихъ училищахъ (Законъ Божій, чтеніе, письмо, ариѳметика).

Особую группу начальныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія составляютъ училища, образованныя изъ бывшихъ церковныхъ школъ иностранныхъ исповѣданій (католическихъ, протестантскихъ и армяно-грегоріанскихъ). Школы этого рода прежде состояли въ ближайшемъ завѣдываніи инославнаго духовенства и въ вѣдомствѣ частію—Министерства Государственныхъ Имуществъ, частію-же Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Передача ихъ въ вѣдѣніе Министерства Народняго Просвѣщенія послѣдовала на основаніи Высочайшихъ повелѣній 2-го мая 1881 г., 8-го октября 1887 г., 22-го ноября 1890 г., 30-го марта и 10-го декабря 1892 г., 28-го ноября 1896 г. и 2-го іюня 1898 г.

Особаго Положенія для этого рода училищъ не существуетъ. Въ указанныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ установлено только одно общее начало, опредѣляющее образъ ихъ подчиненія Министерству Народнаго Просвѣщенія и косвенно указующее на самое назначеніе училищъ. Всѣ училища разсматриваемой категоріи подчинены Мини-

стерству Народнаго Просвѣщенія на общемъ основаніи съ другими начальными училищами, находящимися въ завѣдываніи сего Министерства, съ тѣмъ, чтобы при новомъ порядкѣ управленія сохранено было право подлежащаго духовенства наблюдать за религіознымъ образованіемъ юношества въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если-же училища разсматриваемаго разряда должны имѣть общее основаніе съ начальной школой Министерства Народнаго Просвѣщенія вообще, то отсюда нельзя не вывести того заключенія, что эти училища не могутъ имѣть иного назначенія, кромѣ того, чтобы быть проводниками въ мѣстное населеніе русскаго образованія.

Такъ какъ училища не получили въ законодательномъ порядкѣ выработаннаго Положенія, то отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія зависѣло ближайшимъ образомъ опредѣлить порядокъ управленія бывшими церковными училищами иностранныхъ исповѣданій. По обсужденіи этого вопроса въ отношеніи лютеранскихъ училищъ, Министерство нашло, что училища эти всего соотвѣтственнѣе было-бы организовать примѣнительно къ уставу 8 декабря 1828 года, съ тѣмъ, чтобы училища съ болѣе обширнымъ курсомъ были приравнены къ двухкласснымъ, а прочія къ одноклассным приходскимъ училищамъ.

Особенности, отличающія бывшія церковныя училища отъ приходскихъ училищъ, по точному смыслу устава 1828 года, заключаются въ слѣдующемъ.

Къ числу предметовъ преподаванія относится природный языкъ учащихся. Этотъ языкъ допускается и для преподаванія Закона Божія. Допущеніе особыхъ преподавателей Закона Божія принадлежитъ усмотрѣнію подлежащаго духовнаго начальства, по соглашенію въ каждомъ данномъ случаѣ съ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Допущеніе учителей къ преподаванію и устраненіе отъ него принадлежатъ инспекторамъ народныхъ училищъ, а утвержденіе въ должностяхъ и окончательное увольненіе отъ нихъ директорамъ народныхъ училищъ. Права, предоставленныя учащимъ по уставу 1828 года, не распространяются на преподавателей бывшихъ церковныхъ училищъ.

Для начальнаго образованія евреевъ, кромѣ общихъ начальныхъ училищъ, открытыхъ для нихъ вполнѣ, безъ всякихъ ограниченій, существуютъ особыя еврейскія начальныя училища. Чтобы оріентироваться въ грудѣ разновидностей этой школы, необходимо вызвать въ памяти нѣкоторыя историческія обстоятельства. До половины настоящаго столѣтія, евреи, поселившіеся въ Россіи, вполнѣ чуждались русскаго образованія. Хотя значительная часть ихъ и получала образованіе, но исключительно конфессіональное, и при томъ разви-

вавшее фанатическое настроеніе въ отношеніи къ коренному населенію и христіанской культурѣ вообще. Цѣлямъ этого образованія служила цѣлая система еврейскихъ вѣроисповѣдныхъ школъ, въ составъ которой входили: хедеры или домашнія школы грамотности, талмудъ-торы или низшія вѣроисповѣдныя училища (съ благотворительнымъ характеромъ) и ешиботы или высшія школы того-же рода. Русскій языкъ не имѣлъ здѣсь никакого мѣста. Фанатическій враждебный русскимъ началамъ характеръ еврейскаго образованія не могъ не обратить на себя вниманія правительства, и еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія приняты были весьма серьезныя мѣры, съ одной стороны, къ привлеченію евреевъ въ общія учебныя заведенія, и съ другой стороны—къ устройству для нихъ особыхъ общеобразовательныхъ училищъ, съ цѣлію отвлеченія еврейскаго юношества отъ вредныхъ и фанатическихъ конфессіональныхъ еврейскихъ школъ. 23-го іюля 1844 г. Высочайше утвержденъ былъ журналъ особаго еврейскаго комитета, которымъ постановлялось: 1) повсемѣстно учреждать, гдѣ нужно, особыя училища для первоначальнаго образованія евреевъ, подъ именемъ казенныхъ еврейскихъ училищъ 1-го разряда, 2) въ губерніяхъ, гдѣ, по многочисленности народонаселенія евреевъ и по особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, не представится возможнымъ посылать еврейское юношество въ общія уѣздныя училища, учреждать взамѣнъ оныхъ еврейскія училища, высшія или 2-го разряда, 3) проекты положеній о еврейскихъ училищахъ и домашнихъ наставникахъ не облекать Высочайшимъ утвержденіемъ, но, опредѣливъ основныя начала образованія евреевъ, объявить въ видѣ Монаршей милости для евреевъ—въ Высочайшемъ указѣ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія. Предположенный указъ вышелъ 13-го ноября того-же года. Въ развитіе общихъ началъ, изложенныхъ въ этомъ указѣ, Министромъ Народнаго Просвѣщенія утверждены были вслѣдъ затѣмъ какъ положенія для еврейскихъ начальныхъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ, такъ и особыя правила для еврейскихъ домашнихъ учителей. Впослѣдствіи, когда для общаго образованія городскихъ сословій признано было цѣлесообразнымъ учредить взамѣнъ уѣздныхъ училищъ городскія училища по Положенію 31-го мая 1872 г., рѣшено было также еврейскія казенныя училища 1-го и 2-го разрядовъ замѣнить одноклассными и двухклассными училищами типа городскихъ училищъ. Положеніе для училищъ этого рода утверждено было Министромъ Народнаго Просвѣщенія 24-го марта 1873 года. Это положеніе и опредѣляетъ въ настоящее время нормальный типъ еврейскихъ начальныхъ училищъ. Наибольшая часть казенныхъ училищъ была преобразована по этому Положенію и получила названіе одноклассныхъ или двухклассныхъ еврейскихъ учи-

лищъ. Однакожъ, по старой памяти и въ противоположность общественнымъ и частнымъ училищамъ, ихъ продолжаютъ называть казенными. По мѣстамъ, впрочемъ, еще сохранились и еврейскія казенныя училища прежняго типа. Между тѣмъ мѣры, принятыя правительствомъ для сближенія спеціальной еврейской школы съ обще-русскою, принесли свои плоды. Мало-по-малу почти всѣ талмудъ-торы и ешиботы превратились въ общеобразовательныя русскія училища для еврейскаго населенія, лишь съ болѣе или менѣе усиленнымъ преподаваніемъ еврейскаго закона вѣры. Руссификаціи не поддались лишь хедеры, сохранившія свой дореформенный характеръ. Затѣмъ, жизнь вызвала появленіе еще многихъ типовъ еврейскихъ общеобразовательныхъ начальныхъ училищъ. Сюда относятся еврейскія общественныя училища, сиротскіе дома, школы колоніальныя, субботнія, профессіональныя и т. д. Въ настоящемъ своемъ состояніи еврейскія училища могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: училища конфессіональныя и училища общеобразовательныя. Къ первой категоріи относятся хедеры и немногія талмудъ-торы, сохранившія чисто конфессіональный характеръ. Такъ какъ въ училищахъ этого рода русскій языкъ или вовсе не преподается безъ какихъ-либо серьезныхъ результатовъ, при чемъ общее направленіе образованія остается вполнѣ враждебнымъ русскому образованію, то не имѣется никакого основанія ставить эти училища въ счетъ образовательныхъ средствъ государства. Поэтому, при исчисленіи начальныхъ училищъ имперіи, эти училища изъ счета исключаются. Другая категорія составляется изъ всѣхъ прочихъ еврейскихъ училищъ. Эти училища, подъ весьма разнообразными названіями, могутъ однакоже по основаніямъ своей организаціи быть вполнѣ приравнены къ одноклассньмъ или двухклассньмъ училищамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Еврейскія одноклассныя и двухклассныя училища, по Положенію 24-го марта 1873 г., разрѣшаются къ открытію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, прочія—попечителями учебныхъ округовъ.

По учебному курсу еврейскія училища не имѣютъ существенныхъ отличій отъ соотвѣтственныхъ общихъ училищъ, но обыкновенно на Законъ Божій назначается болѣе времени, нежели въ общихъ училищахъ, такъ какъ въ составъ законоученія входитъ древне-еврейское чтеніе, представляющее весьма большія трудности.

Языкъ преподаванія—русскій, но въ талмудъ-торахъ и нѣкоторыхъ другихъ училищахъ законъ вѣры не рѣдко преподается на жаргонѣ, такъ какъ еврейскіе законоучители часто не обладаютъ знаніемъ русскаго языка.

Преподаватели назначаются учебнымъ начальствомъ; но въ учи-

лицахъ общественныхъ и частныхъ содержателямъ предоставляется право рекомендованія кандидатовъ. Въ одноклассныя и двухклассныя училища, по Положенію 1873 года, учителями назначаются исключительно лица, окончившія курсъ въ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, или лица христіанскаго исповѣданія, имѣющія право преподаванія въ городскихъ училищахъ. Во всѣхъ другихъ училищахъ для права преподаванія достаточно имѣть свидѣтельство на званіе начальнаго учителя.

Главнѣйшими источниками содержанія еврейскихъ училищъ служатъ особые сборы съ еврейскаго населенія, подъ именемъ свѣчного и коробочнаго, затѣмъ слѣдуютъ пожертвованія еврейскихъ обществъ и частныхъ лицъ. Въ частныхъ училищахъ значительное подспорье представляетъ плата за обученіе. Въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ плата практикуется рѣдко.

Учебная часть въ еврейскихъ училищахъ всецѣло состоитъ въ вѣдѣніи учебнаго начальства. Въ училищахъ казенныхъ вѣдѣнію его подлежитъ также и часть хозяйственная. Въ училищахъ общественныхъ и частныхъ управленіе хозяйственной частію предоставляется содержателямъ. При общественныхъ училищахъ обыкновенно состоятъ особые попечительные Совѣты, подъ различными наименованіями, изъ лицъ, избранныхъ содержателями. Въ одноклассныхъ и двухклассныхъ по Положенію 1873 г. училищахъ состоятъ почетные блюстители, избираемые мѣстными евреями и утверждаемые попечителемъ учебнаго округа. Почетный блюститель посѣщаетъ училище во всякое время, по своему усмотрѣнію, присутствуетъ въ засѣданіяхъ педагогическаго Совѣта и имѣетъ обязанность оказывать содѣйствіе благоустройству училища въ матеріальномъ отношеніи. Непосредственно завѣдываніе училищемъ принадлежитъ одному изъ учителей, по назначенію учебнаго начальства.

Учителя одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, по Положенію 1873 г., изъ христіанъ пользуются всѣми правами государственной службы, приравниваясь къ служащимъ въ городскихъ училищахъ. Со всѣхъ учителей этихъ училищъ производится вычетъ на образованіе особаго пенсіоннаго капитала еврейскихъ учителей, но капиталъ этотъ еще не образовался и Положенія о пенсіяхъ этимъ учителямъ не выработано.

Училища для магометанскаго населенія Россіи, какъ и еврейскія, представляютъ двѣ главныя группы. Одна изъ нихъ имѣетъ характеръ чисто вѣроисповѣдныхъ школъ. Таковы суть мектебе или низшія училища и медрессе или высшія училища. Этого рода школы составляютъ не плюсъ, а минусъ въ балансѣ образовательныхъ средствъ Имперіи, и потому въ общій счетъ училищъ не заносятся.

Общеобразовательныя училища для магометанскаго населенія учреждаются на основаніи правилъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, изданныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 26 марта 1870 года, или примѣнительно къ этимъ правиламъ. Школы эти учреждаются по образцу министерскихъ образцовыхъ училищъ, одноклассныхъ и двухклассныхъ. Весьма часто училища эти соединены съ интернатами. Училища открываются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на счетъ казны. Однакожъ съ теченіемъ времени общественное участіе въ содержаніи училищъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Платы за обученіе не существуетъ. Нерѣдко ученики имѣютъ содержаніе отъ казны или отъ мѣстныхъ обществъ. По курсу училища бываютъ одноклассныя и двухклассныя. Курсы соотвѣтствуютъ курсамъ общихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ. Для наставленія въ вѣрѣ разрѣшается приглашать въ магометанскія училища вѣроучителя—муллу, только не на казенный счетъ. Преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, но въ чисто инородческихъ не смѣшанныхъ школахъ первоначальное обученіе ведется на инородческомъ языкѣ, при чемъ употребляются книги на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но съ русской транскрипціей.

Изъ числа русскихъ училищъ для магометанскаго населенія особенное значеніе представляютъ такъ-называемые русскіе классы при мектебе и медрессе. Это есть форма учебнаго заведенія, наиболѣе покровительствуемая закономъ. Съ 1870 года никакое мектебе и медрессе не можетъ быть открыто безъ такого класса. По смыслу закона предполагалось, что въ медрессе и мектебе, сверхъ закона вѣры, будутъ преподаваться особыми учителями русскій языкъ и ариѳметика, причемъ въ мектебе въ обычномъ для нач. училищъ объемѣ, а въ медрессе—въ нѣсколько расширенномъ. На практикѣ русскіе классы представляютъ просто начальныя общеобразовательныя училища, существующіе совершенно отдѣльно отъ мечетей и имѣющія лишь ту связь съ состоящими при мечетяхъ медрессе и мектебе, что ученики русскихъ классовъ слушаютъ уроки вѣры въ этихъ вѣроисповѣдныхъ школахъ.

Русскимъ учителямъ русско-туземныхъ начальныхъ училищъ Туркестанскаго края, имѣщимъ свидѣтельство на званіе начальнаго народнаго учителя, предоставлены права приходскихъ учителей по чинопроизводству и пенсіи. Учителя русскаго языка и ариѳметики при татарскихъ медрессе и мектебе имѣютъ пенсіонныя права приходскихъ учителей. Кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которые, до опредѣленія ихъ преподавателями въ эти училища, пользовались всѣми правами государственной службы, сохраняютъ эти права и во-время состоянія ихъ преподавателями въ медрессе и мектебе. Двухклассныя рус-

ско-киргизскія училища въ Тургайской и Уральской областяхъ причисляются, для окончившихъ въ нихъ курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи къ отбыванію воинской повинности.

Кромѣ училищъ, управляемыхъ по общимъ правиламъ, въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія находится большая часть училищъ, имѣющихъ свои особенные уставы, данные для одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ училищъ. Изъ числа такихъ училищъ упомянемъ о тѣхъ, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Въ Москвѣ имѣется 7 такъ называемыхъ казенныхъ начальныхъ училищъ, управляемыхъ по Положенію 1 ноября 1839 г. Курсъ этихъ училищъ отличается тѣмъ, что, кромѣ предметовъ, обыкновенно входящихъ въ программу одноклассныхъ училищъ, здѣсь введено ученіе о дробяхъ и рисованіе. Учителя пользуются служебными правами приходскихъ учителей. Интересную особенность составляетъ система вознагражденія учителей. При усердномъ исполненіи обязанностей, жалованье учителя увеличивается черезъ 2 года одною третью. Получаемое такимъ образомъ черезъ 6 лѣтъ службы двойное жалованье и составляетъ полный штатный окладъ. Совершенно своеобразна система администраціи училищъ. Подчиняясь директору и инспектору народныхъ училищъ, училища состоятъ еще подъ надзоромъ особаго почетнаго смотрителя, опредѣляемаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ того, для попеченія объ училищахъ въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніяхъ опредѣляются, преимущественно изъ лицъ купеческаго сословія, пользующихся общимъ довѣріемъ, почетные блюстители. Почетному смотрителю городскихъ начальныхъ училищъ въ Москвѣ предоставлены всѣ права почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Что касается почетныхъ блюстителей Московскихъ начальныхъ училищъ, то юридическое положеніе ихъ совершенно то-же, какимъ пользуются почетные блюстители приходскихъ училищъ, такъ какъ институтъ почетныхъ блюстителей первоначально былъ введенъ именно въ московскихъ училищахъ, и уже отсюда перенесенъ въ начальныя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія вообще.

На Кавказѣ имѣется 5 горскихъ школъ, образованныхъ по уставу 20 октября 1859 года. Одна изъ нихъ называется окружной, остальныя начальными. Окружная школа имѣетъ 4 годовыхъ класса. Программа равняется курсу уѣзднаго училища. Начальныя школы имѣютъ трехгодовой курсъ. При всѣхъ школахъ имѣются пансіоны. Всѣ преподаватели пользуются правами государственной службы. Въ системѣ администраціи замѣчательно то, что мѣстному военному начальству предоставлено дѣятельное въ ней участіе. Училища со-

держатся на счетъ казны, но съ пособіями изъ мѣстныхъ источниковъ.

Въ селѣ Любучахъ, Рязанской губерніи, существуетъ трехклассное приходское училище имени Ларина (того-же Ларина, имя котораго носитъ Ларинская гимназія въ Петербургѣ). Въ ученіе введены здѣсь геометрія и техническое черченіе. Учителя пользуются правами государственной службы. Уставъ училища Высочайше утвержденъ 8-го февраля 1872 года.

Въ г. Благовѣщенскѣ на Амурѣ существуетъ начальное училище, штатъ котораго Высочайше утвержденъ 8-го октября 1865 г. Здѣсь законоучитель и учитель пользуются пенсіонными правами, а учитель, сверхъ того, правами гражданскихъ чиновниковъ мѣстнаго края.

Въ г. Киржачѣ, Владимірской губерніи, существуетъ женское двухклассное училище, образованное по Высочайше утвержденному 1-го мая 1884 года Положенію. Училище имѣетъ пятилѣтній курсъ,— 3 года для перваго и 2 для втораго класса. Предметы преподаванія: Законъ Божій; русскій языкъ; ариѳметика; основанія геометріи; русская исторія и географія; черченіе; пѣніе; рукодѣлья. Преподаватели составляютъ педагогическій Совѣтъ. Учителя имѣютъ права на пенсіи въ размѣрѣ 300 р., если обладаютъ дипломами уѣздныхъ учителей. Не имѣющіе этихъ дипломовъ и учительницы пользуются правомъ на пенсію въ 160 рублей.

Къ разряду училищъ, существующихъ на особыхъ основаніяхъ, принадлежатъ 12 такъ называемыхъ центральныхъ училищъ въ бывшихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Два изъ нихъ имѣютъ характеръ заведеній для приготовленія учителей и поэтому считаются въ числѣ учительскихъ школъ. Остальныя 10 по устройству своему приближаются къ типу двухклассныхъ образцовыхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Служащимъ въ 4-хъ центральныхъ училищахъ, имѣющихъ свои Высочайше утвержденныя Положенія, предоставлены права учителей уѣздныхъ училищъ.

«Особыя основанія», на которыхъ существуютъ нѣкоторыя отдѣльныя начальныя училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ неясны, что является весьма затруднительнымъ опредѣлить правильно самую подчиненность этихъ заведеній. Такъ, въ Одессѣ существуетъ Городское дѣвичье училище, переданное въ 1881 году изъ вѣдѣнія Учрежденій Императрицы Маріи въ вѣдѣніе городскаго общественнаго управленія для преобразованія въ професіональное. Училище не имѣетъ устава. Въ Москвѣ существуютъ мѣщанскія, мужское и женское, училища, по утвержденнымъ уставамъ, состоящія въ вѣдѣніи Московскаго купеческаго общества, безъ опредѣленія подчиненности Министерству.

Изъ сдѣланнаго очерка видовъ начальной школы Министерства

Народнаго Просвѣщенія усматривается, что эти виды представляютъ значительное разнообразіе въ формахъ подчиненія Министерству, въ отношеніяхъ къ органамъ учебной власти и мѣстному представительству и въ размѣрахъ правъ учащаго персонала. Что-же касается педагогической организаціи училищъ, то въ этомъ отношеніи, мы, напротивъ, встрѣчаемъ чрезвычайную простоту: всѣ исчисленныя категоріи представляютъ, по существу своему, или школу начальнаго обученія, или низшее элементарное училище, притомъ—съ курсомъ или болѣе компактнымъ, или болѣе расширеннымъ. Всѣ училища одноклассныя представляютъ собственно школу грамотности, потому что учащіеся выносятъ отсюда не болѣе, какъ простую грамотность. И только степень осмысленности этой грамотности и твердость навыковъ, пріобрѣтаемыхъ здѣсь учениками, можетъ быть различна. Но это различіе условливается не типомъ училища, а общими условіями, вліяющими на успѣшность, къ каковымъ относятся матеріальная обезпеченность школы, большая или меньшая степень развитости среды, въ которой школа существуетъ, условія мѣстнаго хозяйственнаго быта, способность, подготовленность и усердіе учителя, дѣятельность и искуство руководительнаго надзора. Гдѣ эти условія благопріятны, ученики, кромѣ основныхъ религіозно-нравственныхъ понятій и умѣнья читать, писать и считать, выносятъ изъ одноклассныхъ училищъ нѣкоторую сумму и реальныхъ знаній, но эти знанія пріобрѣтаются по-путно и во всякомъ случаѣ не составляютъ цѣли школы. Курсъ ученья въ одноклассныхъ училищахъ обыкновенно трехлѣтній. Дальнѣйшую ступень начальнаго образованія представляетъ двухклассное училище. Первый классъ этого училища составляетъ не что иное, какъ обычную одноклассную школу; второй-же классъ представляетъ высшій, дополнительный курсъ начальнаго обученія, характеризуемый тѣмъ, что здѣсь сообщаются дѣтямъ реальныя знанія. Курсъ второго класса продолжается обыкновенно два года, при чемъ въ программу преподаванія, входятъ, кромѣ Закона Божія, русская грамматика, исторія и географія Россія, 2-я часть ариѳметики, основанія геометріи и черченія, свѣдѣнія по естествознанію. Наконецъ, третью ступень начальной школы составляютъ училища многоклассныя, къ которымъ слѣдуетъ отнести училища уѣздныя, городскія по Положенію 1872 г., такъ называемыя центральныя училища и т. п. Эти училища нерѣдко также соединены съ одноклассньмъ училищемъ, но обыкновено они имѣютъ не двухлѣтній, а трехлѣтній курсъ, и затѣмъ отличаются большею продолжительностію учебнаго года. Въ этомъ ихъ существенная разница отъ двухклассныхъ училищъ. Соотвѣтственно этому всѣ предметы курса здѣсь преподаются въ болѣе широкомъ,

объемѣ сравнительно съ двухкласснымъ училищемъ. Кромѣ того' здѣсь дано болѣе серьезное положеніе преподаванію естествовѣденія, которое въ двухклассныхъ училищахъ, какъ, впрочемъ, и въ уѣздныхъ, не составляетъ учебнаго предмета, а изучается попутно на урокахъ объяснительнаго чтенія. Но еще характеристичнѣе то, что здѣсь существуетъ систематическое преподаваніе рисованія.

Указанными тремя основными формами исчерпывается система начальнаго образованія, существующая въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но для того, чтобы получить вполнѣ точное представленіе объ этой системѣ, необходимо оттѣнить то обстоятельство, что одни изъ начальныхъ одноклассныхъ училищъ существуютъ для дѣтей школьнаго возраста, другія-же (воскресныя школы, повторительные и дополнительные курсы)—для взрослаго населенія, и что затѣмъ—въ однихъ изъ этихъ училищъ преподаваніе ведется лишь на одномъ государственномъ языкѣ, а въ другихъ, кромѣ государственнаго языка, и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Оба эти обстоятельства имѣютъ непосредственное, ближайшее отношеніе къ педагогической постановкѣ школы и не могутъ быть оставляемы безъ вниманія при обсужденіи вопроса объ образовательныхъ средствахъ страны и ихъ относительномъ значеніи. Затѣмъ, принятыя на практикѣ дѣленія начальныхъ училищъ по назначенію ихъ для того или другаго пола, по принадлежности учащихся къ тому или другому племени или вѣроисповѣданію или по источникамъ содержанія училищъ не представляютъ никакого значенія съ точки зрѣнія училищной системы, ибо ни одинъ изъ этихъ признаковъ въ отдѣльности не опредѣляетъ мѣста того или другого училища въ общей системѣ начальнаго образованія.

Изъ общаго числа 32.708 начальныхъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія къ 1 января 1897 г., 30.785 или 94% принадлежали къ первой ступени начальнаго образованія, 1.241 или 4% ко второй и 682 или 2% къ третьей. При этомъ 31.594 или 97% училищъ назначались для дѣтей школьнаго возраста и 1.114 или 3% для взрослаго населенія. Училищъ двуязычныхъ считалось 6.719 или 21% общаго числа.

(*Продолженіе будетъ*).

Вл. Фармаковскій.

ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

(Изъ замѣтокъ бывшаго сельскаго учителя).

Нѣсколько лѣтъ назадъ я получилъ мѣсто сельскаго учителя въ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній. Школа, въ которой мнѣ пришлось заниматься, находилась въ деревушкѣ со смѣшаннымъ населеніемъ (81 дворъ вотскій и 11 русскихъ). Раньше открытія земскаго училища здѣсь была церковно-приходская школа грамоты, изъ которой и скомплектовалось большинство моихъ учениковъ. Нѣкоторые изъ нихъ пробыли въ церковно-приходской школѣ лѣтъ пять, другіе—года два-три. Я постарался сначала узнать, насколько развиты мои ученики. Для этого спросилъ одного: «какъ называется государство, въ которомъ ты живешь?»—«Бѣлое царство», былъ отвѣтъ. Другой на вопросъ, кто главный начальникъ надъ крестьянами данной волости, отвѣтилъ: «фершалъ». Читали довольно плохо; по-русски понимали (инородцы) слабо. Но поразило меня не слабое развитіе, а какая-то забитость, какая-то связанность движеній, которая отличала почти всѣхъ моихъ школьниковъ. Они не то боялись, не то стѣснялись меня: въ ихъ движеніяхъ было мало жизни, въ словахъ мало искренности. Неужели между нами установятся натянутыя отношенія?—подумалъ я. Я не зналъ еще, чѣмъ объясняется эта неискренность отношеній. Прошло недѣли двѣ-три—и ученики, къ моему удовольствію, стали нѣсколько живѣе, откровеннѣе и разговорчивѣе.—«Вотъ теперь вы со мной говорите, все мнѣ разсказываете: отчего-же прежде я съ трудомъ могъ добиться отъ васъ хотя-бы одного слова?»—спросилъ я ихъ по поводу такой рѣзкой перемѣны въ ихъ поведеніи. «Мы тебя боялись. Думали, бить будешь. А ты добрый: совсѣмъ не наказываешъ. Насъ прежній учитель больно наказывалъ».—«Какъ-же онъ васъ наказывалъ?»—«Всяко: на колѣнки ставилъ, безъ обѣда оставлялъ, за уши трепалъ, щелкалъ по лбу. Какъ, бывало, щелкнетъ, такъ ажно подпрыгнешь». Да, бѣднымъ мальчикамъ досталось-таки. Я собственной шкурой испыталъ всю прелесть наказанія и потому твердо рѣ-

шилъ не употреблять въ своей школѣ никакихъ репрессивныхъ мѣръ. Но ребятишки, несмотря на всю свою любовь къ вамъ, шалятъ, мѣшаютъ занятіямъ, дерутся,—какъ тутъ быть? Кромѣ того, они сплошь и рядомъ обнаруживаютъ грубость натуры,—нужно-же чѣмъ-нибудь дѣйствовать на эту грубость.

Все это встрѣчается въ каждой школѣ, случалось, конечно, и въ моей. Но я зналъ, что во мнѣ и во многихъ моихъ товарищахъ вкоренилось много дурного, потому что ни дома, ни въ школѣ намъ не объясняли—что̀ дурно, что̀ хорошо. Насъ наказывали—и только. Намъ не позволяли даже спрашивать, за что насъ наказываютъ, т. е. попросту лишали права, принадлежащаго самому послѣднему преступнику. «За что̀,—говорилъ директоръ гимназіи, въ которой я учился, — ученикъ не имѣетъ права объ этомъ спрашивать. Учитель знаетъ, за что наказываетъ». Однако хотя и много дурного внѣдрили въ меня мои «воспитатели», такого отношенія къ чужой личности имъ внушить не удалось. Я уже сказалъ, что рѣшилъ не прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ, находя, что въ школѣ онѣ не у мѣста. Я старался разбирать, по возможности, всѣ ученическіе проступки, и одни относилъ къ числу маловажныхъ, считая ихъ естественнымъ проявленіемъ дѣтской натуры, на другіе-же обращалъ болѣе или менѣе серьезное вниманіе, прибѣгая во всѣхъ мало-мальски значительныхъ случаяхъ къ товарищескому суду. Но товарищескій судъ, къ которому обращался я, не представлялъ чего-то организованнаго съ уставомъ и системой наказаній, какъ это было въ одной школѣ. Организаціи въ немъ не было никакой, кромѣ развѣ той, что дѣла, послѣ полнаго ихъ обсужденія, рѣшались простымъ большинствомъ. Наказаніе-же было только одно—порицаніе отъ лица товарищей. Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ практики этого суда, съ характеристикой «обвиняемыхъ». Изъ школы однимъ изъ учениковъ былъ утащенъ перочинный ножъ. Мальчика, который, какъ потомъ оказалось, унесъ ножъ, звали Александръ Титовъ. Отецъ у него горькій пьяница; служилъ предсѣдателемъ волостного суда, но былъ уволенъ за недобросовѣстность. Матери нѣтъ. Самъ Александръ Титовъ смотритъ волкомъ, исподлобья, голова у него нѣсколько опущена; говоритъ съ учителемъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, часто при этомъ краснѣя. Ко мнѣ перешелъ изъ сосѣдней земской школы, откуда былъ исключенъ, какъ неисправимый «воришка»—такую нелестную кличку дали ему прежніе его товарищи. Какъ только рѣчь зашла о пропажѣ, нѣкоторые голоса указали прямо на Александра Титова. «Онъ, онъ укралъ»,—раздались крики. Я строго остановилъ крикуновъ, указавъ на всю неделикатность ихъ отношенія къ товарищу: «Александръ Титовъ или

кто другой изъ учениковъ, можетъ быть, взялъ случайно ножъ. Называть-же воромъ мы никого не имѣемъ права, пока такимъ его не объявитъ судъ, который судитъ взрослыхъ людей. Въ школѣ-же дѣти учатся, а не судятся. Слово «воръ»—не хорошое слово. Въ школѣ учатъ хорошему, и слово «воръ» въ школѣ не должно произноситься. *Въ школѣ воровъ нѣтъ*». Послѣ этого слова «воръ», «укралъ», наряду съ прочими неделикатными выраженіями, были изгнаны изъ лексикона моихъ учениковъ и замѣнены словами: «случайно взявшій», «унесъ по ошибкѣ» и т. п. Скептику все это можетъ показаться наивнымъ. Я самъ далеко не оптимистъ, однако долженъ сознаться, что съ такими выраженіями стало жить легче. Я, на основаніи болѣе или менѣе вѣскихъ данныхъ, былъ склоненъ думать, что ножъ взялъ Александръ Титовъ, но я не хотѣлъ смущать его подозрѣніемъ. Кромѣ того, я не могъ все-таки утверждать, что именно онъ виновникъ пропажи ножа, а не кто другой. Было произведено тщательное слѣдствіе. Подозрѣніе пало на четырехъ учениковъ, у которыхъ въ рукахъ находился ножъ передъ его исчезновеніемъ. «Тотъ изъ васъ, кто взялъ ножъ, долженъ возвратить его,—обратился я къ этимъ четыремъ, называя каждаго поименно, причемъ имя Титова упомянулъ послѣднимъ,—долженъ возвратить потому, что иначе заставитъ насъ думать дурно о трехъ неповинныхъ товарищахъ. Тотъ-же, кто заставляетъ другихъ дурно думать о своихъ близкихъ, доставляетъ имъ непріятность. А кто доставляетъ непріятность другимъ, тотъ нехорошій человѣкъ». Затѣмъ квалификація проступка была передана на обсужденіе класса. Ученики, изъ которыхъ нѣкоторые проявили самостоятельность сужденія, разсматривая фактъ со стороны его возможныхъ послѣдствій, назвали поступокъ утащившаго ножъ и не возвращающаго его нехорошимъ поступкомъ и выразили надежду, что ножъ будетъ возвращенъ. Представьте нашу общую радость, когда, дня черезъ два-три, Александръ Титовъ принесъ ножъ, правда, не казенный, а свой. Казенный ножъ, какъ удостовѣрилъ онъ самъ и его товарищи, былъ отбитъ у него однимъ изъ игравшихъ съ нимъ деревенскихъ мальчиковъ (не школьниковъ). Я взялъ его ножъ, предварительно провѣривъ, что это его собственный, а не похищенный у кого-нибудь. Взялъ я его подъ залогъ, обѣщая возвратить, когда онъ принесетъ школьный ножъ. Онъ не протестовалъ. Товарищи на перебой старались объяснить мнѣ, какъ случилась пропажа, тщательно избѣгая словъ «воръ», «укралъ» и любовно относясь къ Александру Титову. Послѣднее понятно, потому что я, въ отсутствіе Александра Титова, неоднократно говорилъ имъ о томъ, какъ плохо живется дѣтямъ, у которыхъ нѣтъ матери, а отецъ дурной человѣкъ. Я го-

ворилъ имъ, что такіе люди заслуживаютъ нашей любви и снисхожденія больше тѣхъ, которые живутъ счастливо, и чуткія дѣтскія сердца воспринимали мои слова и они глубоко внѣдрялись въ ихъ души. Александръ Титовъ больше ничего уже не уносилъ изъ школы и вообще обнаруживалъ стремленіе исправиться.

Признаться, я не безъ удовольствія говорилъ объ этомъ мальчикѣ съ учителемъ сосѣдней школы, откуда Александръ Титовъ былъ изгнанъ, какъ «неисправимый воришка». Другой примѣръ. Теперь передъ нами Яковъ Степановъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, по успѣхамъ заслужившій, однако, право на мѣсто только въ младшемъ отдѣленіи. Съ сильными мышцами, маленькой головой, узкимъ и низкимъ лбомъ, мутными глазами, онъ, подобно Александру Титову, не любитъ говорить съ учителемъ, и если тотъ (т. е. Александръ Титовъ) отдѣлывается короткими фразами, то этотъ при разговорѣ,—особенно для него непріятномъ,—только мычитъ, обнаруживая какую-то вялость. За спиной не прочь употребить какое-нибудь циническое словцо. Матери нѣтъ. Отецъ что-то въ родѣ бродяги: былъ въ Самарской губерніи, куда таскалъ съ собой и сына. Земледѣліемъ отецъ Якова Степанова уже не занимался. Яковъ Степановъ нерѣдко билъ своихъ товарищей. О немъ также велись бесѣды въ классѣ въ его отсутствіи. Ученики проникались сожалѣніемъ къ нему и желаніемъ помочь его исправленію. Выведенные изъ терпѣнія товарищи, его однодеревенцы, которыхъ онъ билъ, когда они вмѣстѣ возвращались въ свою деревню (за версту отъ школы), пожаловались на него. Онъ упорно отрицалъ вину, обвиняя въ свою очередь жалобщиковъ, что они его обижаютъ и ему отъ нихъ нерѣдко достается. Въ подтвежденіе своей правоты Яковъ Степановъ ссылался на отсутствовавшаго Павла Мельникова, который также ходилъ вмѣстѣ съ ними. Разборъ дѣла отложили до прибытія Павла Мельникова. Этотъ послѣдній подтвердилъ справедливость жалобы товарищей. Школьный судъ выразилъ порицаніе Якову Степанову за дурное обращеніе его съ товарищами и за неправильное обвиненіе ихъ во лжи. Кромѣ того, судъ пожелалъ Якову Степанову исправиться, обѣщая ему свое содѣйствіе въ этомъ. Нѣкоторое время доходили еще жалобы на этого ученика, но черезъ мѣсяцъ-другой—Яковъ Степановъ, по общему отзыву, сталъ лучше. Но оставимъ этихъ бѣдныхъ мальчиковъ, перейдемъ къ менѣе грустному случаю. Какъ-то разъ, въ мое отсутствіе, у одного изъ учениковъ, голубоглазаго, съ хорошимъ открытымъ лицомъ мальчика, Тимоѳея Зотина, нѣсколько школьниковъ сильно поколотили лошадь. Тимоѳей Затинъ со слезами на глазахъ принесъ мнѣ жалобу на жестокосердыхъ товарищей. Эти, въ свою очередь, обвиняли его въ грубой расправѣ съ ними. Тщательно

были собраны и взвѣшены обстоятельства обоихъ «инкриминируемыхъ дѣяній», принесены были орудія проступка, двухъ-аршинная слега и метла, которыми били лошадь. Непричастные дѣлу товарища составили судъ. Разбирая проступокъ, которому я, по обыкновенію, далъ общую характеристику, они нашли его жестокимъ, причемъ и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ, ставились на видъ возможныя послѣдствія. «Обвиняемымъ» высказано было порицаніе и по желаніе исправиться. Потомъ мѣсто «обвиняемыхъ» занялъ самъ «обвинитель» Тимоѳей Зотинъ, поступокъ котораго—расправа съ товарищами—не былъ одобренъ судомъ. Судъ рѣшилъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимо обращаться съ жалобой къ учителю, а не прибѣгать къ кулакамъ. Рѣшеніемъ товарищей «обвиняемые» остались довольны. Начался урокъ. Гляжу, Тимоѳей Зотинъ заливается горючими слезами.—«Что съ тобой, Тимоѳей? Скажи. Можетъ быть, недоволенъ рѣшеніемъ товарищей. Такъ скажи, какъ было дѣло, и мы послѣ уроковъ разберемъ его снова,—обратился я къ нему».—«Нѣтъ,—рыдая отвѣтилъ мальчикъ,—рѣшеніемъ доволенъ: рѣшили они правильно... А вотъ кобылу жалко: они ее били». Не стыжусь сознаться, что у меня у самого навернулись на глаза слезы, когда я представилъ себѣ всю необъятность этого дѣтскаго горя: мнѣ самому стало жаль кобылу, которую порядкомъ-таки поколотили. Кое-какъ я утѣшилъ мягкосердечнаго мальчика, поручившись, что ничего подобнаго впередъ не случится. Нужно замѣтить, что я не припомню случая, чтобы кто-нибудь оставался недоволенъ рѣшеніемъ товарищей—этой формой коллективной совѣсти. А вотъ когда я выступалъ единоличнымъ судьей, то иногда приходилось выслушивать замѣчанія учениковъ: «Это не такъ! Это неправда»,—такъ что я, благодаря этому, почаще прибѣгалъ къ товарищескому суду, котораго нѣкоторые ученики боялись такъ, что приходилось иногда употреблять силу, чтобы представить ихъ на судъ. У меня былъ такой шалунъ, который боялся суда да отца.

Судъ вліялъ на школьниковъ не наказаніями, которыя не практиковались, а только нравственною стороною. Ученикъ, послѣ товарищескаго рѣшенія, старался исправиться уже потому, что въ противномъ случаѣ о немъ составилось-бы дурное мнѣніе у товарищей. Кромѣ того, товарищи, пріученные къ деликатному обращенію со школьными «преступниками», способствовали ихъ нравственному возрожденію, слѣдя за ними, но не ябедничая на нихъ (доносы строжайше воспрещались; доносчики также подвергались товарищескому суду). Такая постановка дѣла способствовала развитію личности и воспитывала въ этой личности уваженіе къ человѣческому достоинству. Судъ-же въ значительной степени помогъ мнѣ

искоренить лгуновъ. Часто, являясь въ качествѣ свидѣтеля, школьникъ боялся лгать, потому что тутъ-же могъ-бы быть изобличенъ во лжи товарищами. Главное-же, что особенно меня радовало и что достигалось судомъ, это то, что ученики быстро усвоивали разницу между добромъ и зломъ, между дозволеннымъ и нетерпимымъ; и такъ какъ въ человѣкѣ легче развить хорошее, чѣмъ дурное, и для укорененія злыхъ наклонностей требуются исключительныя, нечеловѣческія отношенія, то ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что ученики, когда между нами устанавливались простыя, человѣческія отношенія, становились лучше. Александръ Титовъ и Яковъ Степановъ—живыя доказательства такого вліянія гуманнаго обращенія съ людьми. Я уже говорилъ о томъ, что благодаря отчасти суду у меня меньше стало лгуновъ.

Ложь преслѣдовалась наряду съ прочими проступками. Ученикамъ внушалось, что они должны говорить только правду, ничего, кромѣ правды. И въ этомъ отношеніи мнѣ удалось достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ: слабыхъ учениковъ укрѣпить, а болѣе или менѣе стойкихъ закалить. Работа довольно трудная, тѣмъ болѣе, что въ крестьянской средѣ ребенокъ, изъ боязни отцовскихъ колотушекъ, начинаетъ лгать съ малыхъ лѣтъ. Тѣ-же простыя *человѣческія* отношенія, которыя способствовали исправленію Александра Титова и Якова Степанова, придали стойкость правдивому и честному Степану Титову,—этому плотному мальчугану съ крупными чертами лица благороднаго труженика, не отличавшемуся особенно блестящими способностями, за-то исполнявшему всякую работу добросовѣстно и аккуратно. Этотъ мальчикъ былъ настолько правдивъ, что всегда боялся лгать. Вотъ случай, характеризующій этого ученика. Какъ-то меня выругалъ крестьянинъ въ присутствіи двухъ моихъ школьниковъ, которыхъ я послалъ къ нему узнать, почему не явился его сынъ въ школу. Возвратившіеся посланцы не преминули сообщить мнѣ отзывъ отца. Не желая ронять своего авторитета въ глазахъ учениковъ, я вызвалъ въ свою квартиру этого крестьянина, предварительно пригласивъ въ ту-же комнату одного изъ учениковъ, сообщившихъ мнѣ непріятную вѣсть. Я думалъ, что оставленный мною мальчикъ подтвердитъ то, что говорилъ передъ товарищами, если-бы выругавшій меня отецъ неявившагося ученика вздумалъ отпираться отъ своихъ словъ (что и случилось въ дѣйствительности). Но мальчуганъ, дальній родственникъ этого мужика (фактъ, который я упустилъ изъ виду), очутившись съ нимъ лицомъ къ лицу, сталъ отнѣкиваться. Тогда я позвалъ Степана Титова и попросилъ его повторить то, что посланцы сообщили всему классу, т.-е. отзывъ обо мнѣ мужика. Степанъ Титовъ смѣло, но безъ малѣйшей дерзости, слово въ слово

повторилъ то, что слышалъ. Мужику стало непріятно. Онъ перестал отпираться и со словами «здѣсь не присутствіе» покинулъ школу. Тотъ, кто знакомъ съ деревенской жизнью, пойметъ, что Степанъ Титовъ совершилъ нѣчто трудное для крестьянскаго мальчика. Онъ, какъ и всякій другой на его мѣстѣ, могъ ожидать за правду колотушекъ отъ уличеннаго имъ мужика, но онъ не побоялся этого, не принялъ во вниманіе этихъ непріятныхъ послѣдствій и не измѣнилъ ни своей честной натурѣ, ни тѣмъ внушеніямъ, кототорыя слышалъ въ школѣ. Словомъ, благодаря правдивымъ, человѣческимъ отношеніямъ со стороны учителя, благодаря товарищескому осужденію порочныхъ, мои ученики изъ забитыхъ, ничѣмъ не интересующихся и всего боящихся мальчугановъ мало-по-малу стали превращаться въ хорошихъ, искреннихъ, живыхъ дѣтей, которыя, не чуя надъ собой наказанія, этого Дамоклова меча «педагогики», начали лучше относиться къ занятіямъ. У меня были шалуны, разсѣянные, вялые, но это были или малолѣтки, или больныя натуры, которыя, къ сожалѣнію, не могли пользоваться систематическимъ леченіемъ. Воля учениковъ не насиловалась въ отношеніи занятій. Выборъ урока представлялся большинству отдѣленія—и урокъ исполнялся аккуратно. Вслѣдствіе того, что школьникамъ было дано полное право выходить изъ класса во время урока, когда было нужно (право, которымъ не злоупотребляли), воздухъ небольшой классной комнаты не портился такъ сильно, и ученики стали различать разницу между хорошимъ и отравленнымъ воздухомъ. Случалось, что кто-нибудь портилъ воздухъ: ученики, зажимали носы у уходили изъ избы, оставивъ ее съ открытой дверью, чтобы провѣтрилась. Простыя, человѣческія отношенія къ ученикамъ такъ привязали ихъ ко мнѣ, что они и по окончаніи курса не прерывали связи со мною и школой и регулярно ходили на занятія, помогая нерѣдко въ работѣ мнѣ. Когда что-нибудь задерживало меня въ селѣ, куда я ѣздилъ каждое воскресенье, и я въ понедѣльникъ опаздывалъ на занятія, я былъ увѣренъ, что, пріѣхавъ въ свою деревню, застану ребятъ за уроками, которыми руководили въ такихъ случаяхъ «кончившіе курсъ». Я также провѣрилъ, что школьники мои раньше времени не пойдутъ обѣдать и не закончатъ занятій. «Что, пора обѣдать?»—спрашивалъ я иногда ихъ, особенно когда часы у меня стояли. Какой-нибудь голосъ одиноко раздается: «пора, хочу», но большинство, если еще рано, запротестуетъ. Но когда наступало время, я самъ старался отпустить учениковъ поскорѣе, потому что они становились разсѣянными. Я неоднократно провѣрялъ «чувствительность желудковъ» моихъ школьниковъ ко времени. И что-же? Почти всегда къ *двѣнадцати* часамъ, они начинали кричать: «ѣсть хотимъ», хотя кар-

манныхъ часовъ я имъ не показывалъ, а ближайшіе стѣнные часы находились за полверсты. Точно также ни за что не уходили изъ школы, когда имъ не хотѣлось, и просиживали иногда и до четырехъ часовъ, отпустивъ меня погулять. Работы, исполненныя ими въ это время, показывали, что они занимались дѣломъ. Если во время урока я замѣчалъ, что ученикамъ становится скучно, то умѣстной шуткой, какимъ-нибудь маленькимъ веселымъ разсказомъ изъ повседневной жизни я встряхивалъ ихъ, и трудъ послѣ этого дѣлался интенсивнѣе. Нерѣдко съ той-же цѣлью я заставлялъ ихъ пѣть.

Приходилось наблюдать моихъ учениковъ и во время ревизій: ревизовали мою школу инспекторъ и предсѣдатель земской управы. Инспекторская ревизія произведена была поздно вечеромъ (въ 8 ч. зимою), что, по моему, неправильно. Въ это время крестьяне уже готовятся ко сну, и ихъ дѣтямъ не до книжекъ. Инспекторъ во время провѣрки моихъ занятій сталъ нѣсколько въ начальническое отношеніе ко мнѣ, и это не замедлило отразиться на моихъ ученикахъ: они измѣнились и въ нѣсколько минутъ превратились въ тѣхъ запуганныхъ, забитыхъ мальчиковъ, какими я ихъ засталъ въ началѣ моей дѣятельности. Мнѣ пришлось поправлять промахъ моего начальника, который заносилъ что-то въ книжечку (и это испугало учениковъ). Я, съ разрѣшенія инспектора, проэкзаменовалъ своихъ питомцевъ лично и получилъ довольно хорошіе отвѣты, предлагая тѣ-же вопросы, что и инспекторъ, которому они отвѣчали плохо. Вотъ что значитъ внушить страхъ! За то, когда пріѣзжалъ предсѣдатель управы, который старался быть незамѣтнымъ для учениковъ, моя школа рекомендовала себя хорошо. Этотъ предсѣдатель понималъ школьное дѣло и зналъ основныя требованія педагогики.

Но если ученики меня любили, то нельзя сказать того еще объ ихъ родителяхъ, которые первое время относились ко мнѣ не особенно дружелюбно. Я уже говорилъ, что въ моей школѣ преобладалъ инородческій элементъ. Вотъ родители-то этихъ инородцевъ—вотяки, изъ которыхъ нѣкоторые не вполнѣ еще отрѣшились отъ своихъ языческихъ вѣрованій, и почувствовали ко мнѣ непріязнь.

Какъ-то разъ, мѣсяца черезъ два по прибытіи своемъ въ деревню, я съ пятью учениками возвращался съ вотскаго мольбища. Мои спутники весело болтали и разсказывали мнѣ о вотскихъ обычаяхъ (четверо было вотяковъ и одинъ русскій). Вдругъ среди этой болтовни одинъ изъ учениковъ тревожно заявляетъ мнѣ: «А знаешь, И. И., вотяки тебя бить хотятъ». — «За что?» спрашиваю. — «А почто русскому языку учишь: они говорятъ, что ты жидъ, потому что не учишь по вотски». — «Ну, вы-то имъ говорили, что я не жидъ; вѣдь вы меня больше знаете.—«Говорили, —отвѣтили ученики въ одинъ голосъ,—

да они насъ не слушаютъ».—«Ну, хорошо. Что-жъ если они въ самомъ дѣлѣ меня бить станутъ, вы за меня заступитесь».—«Заступимся, конечно, заступимся.». У вотяковъ дѣйствительно было предпринято что-то противъ меня, но я постарался поближе съ ними сойтись, и они стали относиться ко мнѣ дружелюбно. Собирались эти вотяки и принести меня въ жертву Иньмару (богу), «молить», какъ они говорять. «Наша молить тебя окота»,—обращались они ко мнѣ.—«Подождите, — уговаривалъ ихъ я,—вотъ немножко отъѣмся; а то ужъ больно я тощій: сами видите. Иньмаръ будетъ недоволенъ».—«Шутникъ какой, г. учитель»,—смѣялись вотяки. Конечно, это была шутка, и въ жертву людей вотяки не приносятъ, такъ какъ они христіане, и многіе изъ нихъ гораздо набожнѣе русскихъ. Вамъ извѣстно, конечно, читатель, что эту шутку нѣкоторые солидные люди приняли въ серьезъ и обвиняютъ цѣлое племя въ каннибализмѣ. Этой-же шуткой пользовался одинъ изъ инспекторовъ, когда не хотѣлъ принять того или другого кандидата на учительское мѣсто, а достаточныхъ основаній для отказа не имѣлъ. Онъ предлагалъ такому кандидату мѣсто въ вотскомъ селеніи и разсказывалъ всякіе ужасы про вотяковъ. Если попадался человѣкъ не робкаго десятка, то, выслушавъ всѣ разсказни, которыя по провѣркѣ оказывались «мыльными пузырями», бралъ все-таки мѣсто. Люди-же съ слабыми нервами спѣшили поскорѣе отказаться и уѣхать изъ ужаснаго края. Благодаря такому пріему, школы иногда лишались хорошихъ учителей, которые даже не дѣлали попытки провѣрить эти слухи, эти разсказы про вотяковъ, и уносили ихъ съ собой, какъ непреложную истину... Главное-же обвиненіе, которое выставляли противъ меня, какъ учителя, вотяки, было то, что я беру ихъ подати, которыя, какъ имъ казалось, уходили большей частью на учителя и школу. И вотъ поэтому они нерѣдко говорили, что школу надо закрыть: безъ школы легче будетъ житься, меньше придется платить податей. Старики, приверженцы дѣдовскихъ преданій, больше всѣхъ не терпѣли школу и учителя, такъ какъ видѣли, что внуки ихъ, побывавъ въ училищѣ, начинали отвыкать отъ многихъ суевѣрныхъ завѣтовъ сѣдой старины. Но такихъ «фанатиковъ» было немного. Большинство-же вотяковъ стали просить меня, чтобы я училъ ихъ ребятъ русскому языку. «Русской дѣлай моего парня. Ты его знаешь (такой-то)»,—обращались нерѣдко ко мнѣ отцы учениковъ. Въ этихъ словахъ «русской дѣлай» такъ много смысла и выражена такая потребность обрусѣть, безъ чего для вотяка нѣтъ спасенія (это онъ инстинктивно, если не сознательно, чувствуетъ), что я прилагалъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе руссифицировать моихъ питомцевъ, и въ тотъ незначительный промежутокъ времени, который я пробылъ въ школѣ, мнѣ удалось до-

стигнуть болѣе или менѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Ученики стали лучше понимать русскую рѣчь и правильнѣе выражаться по-русски. Тотъ мальчикъ, который раньше жилъ въ «Бѣломъ царствѣ», сталъ жить въ Россійской Имперіи и писать болѣе или менѣе связныя изложенія по исторіи, географіи и естествознанію. Нужно замѣтить, что эти результаты достигнуты при очень слабомъ знаніи мною вотскаго языка. Я убѣжденъ, что успѣшность занятій обусловлена, съ одной стороны, свободой, которой пользовались ученики, а съ другой — страстнымъ желаніемъ вотяковъ обрусѣть. Вообще этотъ народецъ, не отличаясь особыми умственными способностями (въ этомъ отношеніи русскіе выше вотяковъ), обнаруживаетъ замѣчательную настойчивость и способность къ коллективной работѣ (чего русскіе почти лишены). Благодаря этому, я могъ заниматься съ 17-ю учениками (16 вотяковъ) младшаго отдѣленія, какъ съ однимъ человѣкомъ, разумѣется, по нѣкоторымъ предметамъ. Изъ нихъ меньше шалуновъ и они менѣе грубы, чѣмъ русскіе, хотя болѣе нечистоплотны. Нечистоплотность содѣйствуетъ распространенію среди вотяковъ чесотки (scabies),—болѣзни, развивающей разсѣянность, и глазныхъ болѣзней. Среди вотяковъ много страдающихъ трахомой и коньюктивитомъ. Вообще въ больныхъ у меня не было недостатка (да едва-ли въ какой школѣ наберется много здоровыхъ учениковъ): коклюшъ, головная боль, бронхитъ, катарръ желудка, сердцебіеніе— вотъ неполный перечень болѣзней, посѣщавшихъ мою школу. Я не говорю уже о томъ, что на почвѣ нѣкоторыхъ болѣзней, главнымъ образомъ малокровія, у многихъ учениковъ развивалось нервное разстройство. Все это еще сильнѣе заставляло меня крѣпко держаться того свободнаго режима, о которомъ я говорилъ выше. Опытъ показалъ, что и такая, сравнительно легко излечимая болѣзнь, какъ чесотка, дурно дѣйствуетъ на волю ученика: онъ не можетъ сосредоточиться, потому что зудни постоянно отвлекаютъ его мысль. Къ сожалѣнію, моей школы ни разу не посѣтилъ врачъ. Разъ случайно была фельдшерица; осмотрѣвъ больныхъ (а ихъ оказалось по меньшей мѣрѣ ³/₄ класса), она прописала лекарства. Но послѣ нея ко мнѣ уже никто изъ медицинскаго персонала не заглядывалъ. А заглянуть не мѣшало-бы! Вотяки вообще живутъ очень грязно и мнѣ съ трудомъ удалось пріучить моихъ учениковъ къ чистоплотности, при чемъ я имъ совѣтовалъ оказывать воздѣйствіе и на своихъ родителей. Нѣкоторые отцы семейства поддавались этому воздѣйствію и начинали держать свои избы въ большей опрятности. Вообще, по моему, у вотяковъ въ семьяхъ больше ладу и родители менѣе деспотичны, чѣмъ у русскихъ, почему охотнѣе выслушиваютъ совѣты своихъ дѣтей. Помимо нечистоплотности, мнѣ пришлось считаться и съ суевѣріями

вотяковъ. Эти суевѣрія, наполняя душу всякими ужасами, мѣшаютъ правильному развитію ребенка. Вотякъ не отрѣшился еще отъ фетишизма. У него больше, чѣмъ у русскаго, пережитковъ былыхъ обычаевъ и стараго языческаго культа, и пережитки эти сильнѣе дѣйствуютъ на его воображеніе. Своихъ домовыхъ, лѣшихъ и банныхъ «людей» вотякъ боится больше, чѣмъ русскій. Чтобы искоренить этихъ пугалъ изъ головъ моихъ учениковъ, я ходилъ съ ними ночью по банямъ, бралъ ихъ съ собою въ село, куда приходилось ѣхать лѣсомъ и куда я обыкновенно ѣздилъ вечеромъ. Сначала они боялись войти со мною въ баню или-же отправиться въ село, но потомъ мало-по-малу привыкли и стали подсмѣиваться надъ лѣшими и домовыми... Года за два моей учительской дѣятельности мнѣ удалось научить нѣсколькихъ учениковъ критически относиться къ дѣйствительности, такъ что отъ одного изъ нихъ я, къ удовольствію, услышалъ такое замѣчаніе насчетъ невѣжества крестьянъ,—замѣчаніе, высказанное не безъ сожалѣнія: «Что наши мужики? неграмотные! Если-бы они были грамотные и побольше хорошихъ книжекъ читали, то и жить стали-бы лучше». Этотъ мальчикъ-вотякъ уже не вѣрилъ ни въ домовыхъ, ни въ лѣшихъ, интересовался книгой, понималъ и запоминалъ прочитанное.

Дидо.

О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій.

(*Окончаніе*).

Обратимся къ изученію методики. Ученицы VIII класса должны быть ознакомлены съ примѣненіемъ различныхъ способовъ обученія чтенію и письму, съ методами веденія первоначальнаго объяснительнаго чтенія, съ пріемами выразительнаго чтенія и съ методами веденія занятій по русскому языку въ низшихъ классахъ гимназіи *), въ частности-же—съ методикой русской грамматики въ низшихъ классахъ гимназіи, объснительнаго чтенія, съ веденіемъ разнообразныхъ практическихъ упражненій, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, и со способами обученія церковно-славянскому чтенію **).

Указанные нами виды занятій по методикѣ обученія русскому языку должны соединяться съ практическими занятіями—съ посѣщеніемъ уроковъ въ соотвѣтствующихъ классахъ, не исключая и IV кл.; съ разнообразными письменными работами, представляющими отчеты въ посѣщеніи уроковъ, въ изученіи различныхъ отдѣловъ методики, въ составленіи конспектовъ примѣрныхъ уроковъ; съ письменными и устными отчетами по самостоятельному изученію методическихъ руководствъ, въ которыхъ ученицы могутъ найти болѣе обстоятельную, чѣмъ въ учебникѣ, разработку отдѣльныхъ вопросовъ. Послѣдняго рода занятія особенно важны для будущей учительницы, которая должна, по возможности, слѣдить за педагогической литературой. Вопросъ о веденіи занятій по методикѣ русскаго языка цѣлесообразно, на нашъ взглядъ, разработанъ въ статьѣ г. Карпинскаго (стр. 82—87), равно какъ и вопросъ о практическихъ занятіяхъ въ преподаваніи, къ которому мы и переходимъ.

---

*) На нашъ взглядъ, изъ числа низшихъ классовъ нѣтъ нужды исключать IV класса, такъ какъ лишнимъ въ немъ, сравнительно съ другими классами, является лишь, при дѣйствующихъ программахъ, изученіе грамматики церковно-славянскаго языка, пріемы преподаванія котораго легко могутъ быть усвоены ученицами VIII класса.

**) Мы имѣемъ въ виду и древній, и новый церковно-славянскій языкъ.

Начнемъ съ посѣщенія ученицами VIII кл. уроковъ. Это посѣщеніе уроковъ даетъ возможность ученицамъ на практикѣ знакомиться съ примѣненіемъ тѣхъ или иныхъ методовъ преподаванія и подготовляетъ ихъ какъ къ пробнымъ урокамъ, такъ и къ будущей ихъ самостоятельной дѣятельности въ качествѣ учительницъ.

Г. Карпинскій предлагаетъ вести дѣло такимъ образомъ: преподаватель-руководитель узнаетъ матеріалъ того или иного урока въ младшемъ классѣ, сообщаетъ его ученицамъ VIII кл., предлагая разработать его въ методическомъ отношеніи; ведетъ по поводу его бесѣду, и уже послѣ такой подготовки вмѣстѣ съ ученицами VIII кл. посѣщаетъ урокъ, предварительно сообщивъ объ этомъ учительницѣ младшихъ классовъ; затѣмъ, нѣсколькими ученицами VIII кл., по назначенію преподавателя, составляется конспектъ прослушаннаго урока, съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ его. «Конечно,— замѣчаетъ г. Карпинскій,—этотъ видъ совмѣстнаго посѣщенія уроковъ не исключаетъ и посѣщенія уроковъ самими ученицами, какъ это практикуется въ большинствѣ женскихъ гимназій». Затѣмъ г. Карпинскій, имѣя въ виду, что ученицы VIII кл. могутъ быть учительницами не только въ низшихъ классахъ гимназіи, но и въ начальныхъ школахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, говоритъ о необходимости ознакомить ихъ съ веденіемъ дѣла и въ этихъ школахъ, для чего предлагаетъ посѣщать такъ называемые образцовые уроки, даваемые учителями городскихъ или сельскихъ школъ. Само собою разумѣется, что такое посѣщеніе образцовыхъ уроковъ возможно только тамъ, гдѣ они практикуются. Впрочемъ, предлагаемое г. Карпинскимъ посѣщеніе уроковъ въ низшихъ школахъ, представляющее вообще не мало затрудненій, можетъ быть замѣнено обязательнымъ посѣщеніемъ уроковъ или въ младшемъ отдѣленіи приготовительнаго класса, или въ особой элементарной школѣ, которая можетъ быть устраиваема при гимназіи, преимущественно для практическихъ занятій въ ней ученицъ VIII кл., какъ это сдѣлано, напримѣръ, при гимназіи М. Н. Стоюниной.

Вообще же предлагаемая г. Карпинскимъ постановка дѣла кажется намъ весьма раціональной. Прибавимъ отъ себя лишь слѣдующее:

1) для болѣе широкаго ознакомленія съ преподаваніемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ и въ частности съ пріемами обученія синтаксису и грамматикѣ церковно-славянской, желательно было-бы, чтобы ученицы VIII кл. посѣщали уроки русскаго языка и въ IV кл;

2) чтобы посѣщеніе уроковъ ученицами VIII кл. было болѣе правильнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ, слѣдуетъ имѣть въ виду

это посѣщеніе уроковъ при составленіи распредѣленія уроковъ въ младшихъ классахъ, со включеніемъ приготовительнаго *), и въ VIII кл., съ такимъ разсчетомъ, чтобы у учениц ъ VIII кл. свободные часы приходились какъ разъ на то время, когда идутъ уроки по той или иной спеціальности въ низшихъ классахъ; въ недѣльномъ расписаніи уроковъ для VIII кл. прямо могутъ быть обозначены уроки въ младшихъ классахъ по тому или иному предмету, на которыхъ должны присутствовать спеціалистки по этому предмету;

3) кромѣ составленія конспектовъ отдѣльныхъ уроковъ, на которыхъ присутствовали ученицы VIII кл. вмѣстѣ съ преподавателемъ, ученица VIII кл. должна представить конспектъ прослушанныхъ ею нѣсколькихъ уроковъ, посвященныхъ выясненію того или иного отдѣла извѣстнаго вида занятій по русскому языку, что̀, несомнѣнно, заставитъ ее обращать вниманіе не только на разработку отдѣльнаго урока, но и на связь между уроками.

Перейдемъ къ пробнымъ урокамъ.

Пробные уроки спеціалистики по русскому языку должны давать въ тѣхъ-же классахъ, въ которыхъ онѣ посѣщаютъ уроки, т.-е. въ приготовительномъ классѣ (въ младшемъ и старшемъ его отдѣленіи) и въ первыхъ четырехъ классахъ; при этомъ преподаватель-руководитель долженъ позаботиться о томъ, чтобы уроки ученицъ, по возможности, исчерпывали всѣ виды занятій по русскому языку, какіе только могутъ практиковаться въ означенныхъ классахъ. Первые два урока или болѣе (точное число ихъ опредѣлится какъ общимъ количествомъ всѣхъ пробныхъ уроковъ, такъ и степенью подготовленности ученицы, дающей урокъ) ученицы даютъ по составленнымъ ими и исправленнымъ преподавателемъ конспектамъ; остальные-же уроки разрабатываются ученицами вполнѣ самостоятельно, при чемъ преподаватель сообщаетъ лишь матеріалъ урока. Такое веденіе дѣла кажется намъ весьма удобнымъ, такъ какъ даетъ возможность ученицѣ болѣе подготовиться къ будущей самостоятельной дѣятельности.

Число уроковъ должно быть наибольшее, сообразно съ числомъ ученицъ въ VIII классѣ. Кромѣ того, по справедливому замѣчанію г. Карпинскаго, «весьма полезно, чтобы практикантка давала подърядъ, по крайней мѣрѣ, два урока въ одномъ и томъ-же классѣ: тогда она яснѣе составитъ себѣ понятіе—какъ усваиваются ученицами сообщаемыя ею свѣдѣнія и какъ наиболѣе производительно

*) Мы имѣемъ въ виду оба отдѣленія приготовительнаго класса, или одно отдѣленіе приготовительнаго класса и элементарную школу при гимназіи.

слѣдуетъ вести повтореніе и выспрашиваніе сообщеннаго ею на предъидущемъ урокѣ матеріала».

Пробные уроки, какъ требуетъ этого учебный планъ, подвергаются разбору и заносятся въ протоколъ.

Сдѣлаемъ еще небольшое замѣчаніе по поводу пробныхъ уроковъ. Въ виду вполнѣ понятнаго смущенія, овладѣвающаго ученицей во время пробнаго урока, желательно было-бы, чтобы первые уроки давались при обычной обстановкѣ, въ присутствіи лишь преподавателя-руководителя; когда ученица хоть немного освоится съ своимъ положеніемъ учительницы, когда она хоть сколько-нибудь привыкнетъ къ работѣ съ цѣлымъ классомъ, тогда, конечно, для нея будетъ меньше поводовъ смущаться.

Остается сказать еще объ одномъ видѣ практическихъ занятій по русскому языку, имѣющемъ весьма важное значеніе какъ вообще для выработки способности къ самостоятельной работѣ, такъ и для ознакомленія съ индивидуальными чертами ученицы.

Мы имѣемъ въ виду занятія ученицъ VIII кл. съ неуспѣвающими ученицами младшихъ классовъ. При примѣненіи на практикѣ этихъ занятій главнымъ затрудненіемъ является выборъ времени для нихъ. Г. Карпинскій предлагаетъ вести ихъ раза три въ недѣлю, въ послѣобѣденное время, отъ 4-хъ до 5-ти часовъ, подъ наблюденіемъ одного изъ преподавателей педагогическаго класса по очереди. При этомъ, по замѣчанію г. Карпинскаго, ученицы VIII кл. «являются, такъ сказать, помощницами учительницъ, самостоятельно занимаясь съ ученицами по тѣмъ отдѣламъ предмета, по которымъ онѣ являются особенно слабыми». Подробные отчеты о своихъ занятіяхъ ученица представляетъ преподавателю-руководителю.

Таковы виды теоретическихъ и практическихъ занятій съ ученицами VIII кл., избирающими своею спеціальностью русскій языкъ.

Постараемся теперь изъ перечисленнаго нами ряда занятій выбрать тѣ, которыя необходимы и для тѣхъ ученицъ VIII кл., которыя избираютъ своею спеціальностью другіе предметы.

Такъ какъ такимъ ученицамъ необходимо ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что входитъ въ кругъ занятій первоначальнаго обученія русскому языку какъ въ начальной школѣ, такъ и въ семьѣ, причемъ должно быть обращено вниманіе на расширеніе ихъ познаній въ тѣхъ отрасляхъ науки, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ ихъ будущимъ занятіямъ, то, какъ намъ кажется, изъ указаннымъ нами видовъ занятій могутъ быть для нихъ выбраны слѣдующіе: 1) изученіе словесности, преимущественно новѣйшей; 2) логика; 3) изученіе этимологіи и синтаксиса въ курсѣ первыхъ четырехъ классовъ гимназіи; 4) разучиваніе учебниковъ грамматики,

приспособленныхъ для приготовительнаго класса гимназіи и для начальныхъ школъ; 5) ознакомленіе съ хрестоматіями, предназначенными для приготовительнаго класса и для начальныхъ школъ; 6) ознакомленіе съ различными типами букварей; 7) изученіе методики начальнаго обученія русскому языку (обученіе грамотѣ, веденіе первоначальнаго объяснительнаго чтенія и сообщеніе первоначальныхъ грамматическихъ знаній); 8) посѣщеніе уроковъ въ младшемъ и старшемъ отдѣленіи приготовительнаго класса, или въ элементарной школѣ при гимназіи; 9) даваніе пробныхъ уроковъ въ этомъ-же классѣ; 10) самостоятельныя занятія съ неуспѣвающими ученицами этого-же класса; 11) письменныя работы, связанныя съ каждымъ изъ только что перечисленныхъ видовъ занятій.

Такова въ общихъ чертахъ можетъ быть, по нашему мнѣнію, постановка занятій по русскому языку въ VIII кл. женской гимназіи. Примѣнить на практикѣ предлагаемый нами курсъ VIII кл. возможно, конечно, только въ томъ случаѣ, если занятія въ VIII кл. будутъ продолжаться не одинъ годъ, какъ это практикуется теперь въ большинствѣ гимназій, а два года, при чемъ и число недѣльныхъ уроковъ должно быть увеличено. Первый годъ занятій долженъ быть посвященъ теоретическимъ занятіямъ, а второй—преимущественно практическимъ, т.-е. пробнымъ урокамъ и болѣе или менѣе самостоятельнымъ занятіямъ въ элементарной школѣ при гимназіи. Что касается двухгодового курса педагогическаго класса, то и въ дѣйствующемъ нынѣ «Положеніи» о женскихъ гимназіяхъ мы встрѣчаемъ косвенное указаніе на желательность его. Въ статьѣ 4-й общихъ положеній говорится такъ: «...для приготовляющихся къ педагогической дѣятельности можетъ быть учреждаемъ при женскихъ гимназіяхъ еще восьмой дополнительный классъ, также съ годовымъ, а гдѣ окажется возможность, и съ двухгодовымъ курсомъ ученія».

Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и теперь уже практикуется двухгодовой курсъ, напр., въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа, а въ нѣкоторыхъ полуторагодовой, напр., въ Кронштадтской гимназіи.

Намъ кажется, что, въ виду необходимости серьезной подготовки къ учительской дѣятельности, въ виду вообще желательности повышенія образовательнаго ценза, слѣдуетъ двухгодовой курсъ VIII класса сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ тѣхъ гимназій, которыя пожелаютъ открыть дополнительный классъ.

Что-же касается числа недѣльныхъ уроковъ, то въ этомъ отношеніи можно воспользоваться опытомъ гимназій Кавказскаго учебнаго округа, гдѣ, какъ можно судить по статьямъ г. Карпинскаго и г. Черникова, минимальное число уроковъ въ I-й и во II-й годъ по 6.

Въ заключеніе нашей статьи позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, то или иное рѣшеніе которыхъ должно отразиться и на постановкѣ дѣла въ VIII классѣ.

Прежде всего является такой вопросъ: какую цѣль слѣдуетъ и возможно преслѣдовать при устройствѣ при гимназіи дополнительнаго класса?

Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ различно: 1) на занятія въ VIII классѣ можно смотрѣть, какъ на подготовку ученицъ къ дѣятельности на учительскомъ поприщѣ въ младшихъ классахъ женской гимназіи; 2) какъ на подготовку лишь элементарныхъ учительницъ для начальной школы и для семьи; 3) какъ на подготовку къ той и другой дѣятельности.

Если ограничиться въ VIII классѣ подготовкой лишь элементарныхъ учительницъ, то гдѣ-же можетъ получить надлежащую подготовку дѣвушка, желающая болѣе основательно изучить извѣстный предметъ или посвятить себя занятіямъ въ гимназіи?

Конечно, на высшихъ женскихъ курсахъ. Несомнѣнно, высшіе курсы могутъ дать во всѣхъ отношеніяхъ больше, чѣмъ VIII кл. гимназіи, но такъ рѣшить поставленный нами вопросъ возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если высшихъ женскихъ курсовъ будетъ у насъ вполнѣ достаточно для удовлетворенія указанной потребности; въ настоящее-же время ограниченіе цѣли, преслѣдуемой устройствомъ VIII кл., многихъ лишитъ возможности расширить свои знанія въ той или иной области науки и удовлетворить такимъ образомъ вполнѣ естественной потребности, такъ какъ далеко не всѣ желающія могутъ, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, отправиться на существующіе теперь курсы.

Поэтому, какъ намъ кажется, слѣдуетъ, сообразно съ нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ, дать полную возможность ученицамъ VIII класса получить достаточную подготовку для того и для другого рода дѣятельности, при чемъ можно было-бы предоставить поступающимъ ученицамъ бо́льшую свободу въ выборѣ дѣятельности. Въ настоящее время каждая ученица VIII класса должна непремѣнно избрать себѣ тотъ или иной предметъ для спеціальнаго изученія, но не мало, конечно, найдется и такихъ ученицъ, которыя, поступая въ VIII кл., пожелаютъ получить лишь такую подготовку, которая давала-бы имъ возможность болѣе сознательно и увѣренно приложить свои силы къ занятіямъ въ семьѣ или въ начальной школѣ. Для удовлетворенія такой потребности возможно было-бы всѣхъ ученицъ VIII класса подѣлить на 2 разряда: на спеціалистокъ по тому или другому предмету и на подготовляющихся лишь къ дѣятельности элементарныхъ учительницъ; первыя изучаютъ спеціальный

предметъ и все то, что требуется отъ элементарной учительницы, а послѣднія только то, что необходимо для элементарной учительницы *). Другой вопросъ—о взаимномъ отношенiи между подготовкой научной и собственно педагогической.

По теперешнему учебному плану центръ тяжести падаетъ на педагогическую собственно подготовку. Едва-ли однако могутъ быть серьезныя возраженія противъ того, что на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена подготовка научная, о чемъ мы уже имѣли случай говорить раньше, притомъ, такая подготовка, которая-бы не только облегчала педагогическую собственно подготовку, но и давала возможность впослѣдствіи продолжать занятія, расширяя и углубляя свои знанія. Только при достаточной научной подготовкѣ возможна плодотворная педагогическая подготовка, такъ какъ только въ такомъ случаѣ возможно сознательное отношеніе къ тому или иному методу преподаванія, къ тѣмъ или инымъ методическимъ пріемамъ, только въ такомъ случаѣ возможна и самостоятельная разработка метода въ примѣненіи къ самому себѣ, къ различнымъ условіямъ; въ противномъ случаѣ неизбѣжны грубыя искаженія какъ научныхъ положеній, такъ и метода, что, конечно, должно неблагопріятно отразиться на учащихся.

Послѣднее соображеніе заставляетъ насъ сказать объ одномъ, не совсѣмъ, какъ кажется, нормальномъ въ настоящее время явленіи, а именно о предоставленіи права ученицамъ, прошедшимъ курсъ трехъ классовъ, на званіе первоначальныхъ учительницъ, если онѣ, «по достиженіи 16-лѣтняго возраста, будутъ исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ-либо начальномъ училищѣ» (Положеніе ст. 45) или въ приготовительномъ классѣ гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ: неужели у такой ученицы можетъ быть достаточно знаній для того, чтобы быть хотя-бы элементарной учительницей? Притомъ по большей части изъ III-го класса гимназіи выходятъ лишь такія ученицы, которыя и не могутъ идти успѣшно дальше, хотя-бы просидѣли въ III-мъ классѣ

*) Предлагаемое нами дѣленіе ученицъ VIII кл. можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько страннымъ, такъ какъ по дѣйствующему Положенію аттестатъ объ окончаніи курса семи кл. гимназіи даетъ уже право быть элементарной учительницей, не говоря уже о томъ, что такое-же право можетъ получить Ученица, окончившая курсъ лишь трехъ классовъ. Въ виду желательности болѣе прочной научной и педагогической подготовки и для элементарной учительницы, слѣдовало-бы право это предоставить лишь тѣмъ ученицамъ, окончившимъ курсъ семи-классовъ, которыя пройдутъ установленный курсъ въ VIII кл. или, по крайней мѣрѣ, выдержатъ испытаніе въ объемѣ этого курса и дадутъ достаточное число пробныхъ уроковъ. Что-же касается ученицъ, прошедшихъ курсъ лишь трехъ классовъ гимназіи, то о нихъ мы скажемъ ниже.

и до 16-лѣтняго возраста, по достиженіи котораго онѣ могутъ, пробывъ полгода въ качествѣ помощницъ учительницы, быть сами учительницами. Что можетъ дать такой ученицѣ исполненіе обязанностей помощницы учительницы? Едва-ли что-либо прочное, если на дѣло учителя не смотрѣть, какъ на ремесло, которому можно обучиться, не имѣя ни общаго развитія, ни болѣе или менѣе серьезныхъ знаній.

Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ слишкомъ большимъ расширеніемъ правъ ученицъ гимназіи, которое могло, конечно, примѣняться 25 лѣтъ назадъ въ силу недостатка въ учительницахъ; нынѣ вполнѣ справедливо было-бы право это ограничить.

Съ другой стороны, на нашъ взглядъ, желательно было-бы въ другомъ отношеніи расширить права ученицъ VIII кл., изучившихъ въ VIII кл. ту или иную спеціальность, предоставивъ имъ возможность преподавать и въ IV кл. гимназіи. Въ курсъ IV кл. по русскому языку, по теперешнимъ учебнымъ планамъ, входитъ лишь одинъ новый, сравнительно съ первыми тремя классами, предметъ— грамматика церковно-славянская, остальные-же виды занятій представляютъ собою лишь расширеніе занятій въ предъидущихъ классахъ, а при перенесеніи курса церковно-славянской грамматики въ шестой, напр., классъ, различіе ослабилось-бы еще болѣе.

Если спеціалистка по русскому языку ознакомится основательно съ церковно-славянской грамматикой и съ пріемами ея преподаванія въ IV кл., то, какъ намъ кажется, вполнѣ свободно можно ей поручить занятія и въ IV классѣ.

Какъ намъ кажется, это было-бы справедливо и въ томъ отношеніи, что тогда равномѣрно распредѣлилась-бы отвѣтственность за ученицъ между преподавателемъ въ старшихъ классахъ и преподавательницей въ младшихъ.

При теперешнихъ условіяхъ, съ IV класса занятія ведетъ преподаватель; экзаменъ въ IV кл. считается показателемъ и общаго развитія ученицъ, и знанія ими предмета въ объемѣ всѣхъ четырехъ классовъ; отвѣтственнымъ лицомъ считается тотъ, у кого послѣдняго были ученицы IV кл., т.-е. преподаватель, хотя онъ занимался съ ученицами всего одинъ годъ. Если-же учительницѣ предоставить право заниматься и въ IV классѣ, то возможно, конечно, устраненіе такого неудобства: или преподаватель вовсе не будетъ имѣть дѣла съ младшими классами, или преподаватель и преподавательница будутъ постепенно переходить изъ класса въ классъ вмѣстѣ со своими ученицами, съ такимъ разсчетомъ, чтобы и преподаватель, и преподавательница непремѣнно довели своихъ ученицъ отъ I-го до IV-го кл. включительно и, слѣдовательно, являлись-бы отвѣтственными за свой классъ.

Говоря о постановкѣ занятій въ VIII классѣ, мы, сообразно съ намѣченной цѣлью, имѣли въ виду изученіе русскаго языка. Если признавать справедливыми тѣ начала, которыя нами положены въ основу распредѣленія занятій въ VIII кл. по русскому языку, то тѣ-же начала могутъ быть положены въ распредѣленіе занятій и по другимъ предметамъ, какъ спеціальнымъ, такъ и общимъ.

Такъ, между прочимъ, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ измѣнить нѣсколько постановку преподаванія педагогики, если признавать желательнымъ, чтобы изученіе ея не было сведено на простое заучиваніе сообщаемыхъ фактовъ безъ достаточно сознательнаго къ нимъ отношенія.

Всѣ отдѣлы педагогики проходятся, по учебнымъ планамъ, собственно въ VII кл., а въ VIII эти знанія лишь расширяются; такимъ образомъ, ученицы VII кл. проходятъ не только общую такъ называемую педагогику, не только дидактику, но и методику отдѣльныхъ предметовъ обученія.

Если можно согласиться съ тѣмъ, что ученицы VIII кл. могутъ болѣе или менѣе сознательно отнестись къ изученію общей педагогики и дидактики, то едва-ли можно признать желательнымъ включеніе въ курсъ VII кл. методики отдѣльныхъ предметовъ, такъ какъ изученіе методики того или иного предмета, не основанное на болѣе или менѣе широкомъ знаніи этого предмета, не подкрѣпляемое практикой, скорѣе можетъ быть вреднымъ, нежели полезнымъ. Поэтому, какъ намъ кажется, отдѣлъ методики, во всякомъ случаѣ, слѣдовало-бы исключить изъ курса VII кл. и перевести въ VIII кл., какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Кромѣ того, и вообще весь курсъ педагогики желательно было бы перенести въ VIII кл., а въ число предметовъ VII класса включить, кромѣ логики, хотя бы основы психологіи, послѣ изученія которой и данныя педагогики представлялись-бы ученицамъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ, такъ какъ онѣ могли-бы отнестись къ этимъ даннымъ болѣе сознательно, а не просто заучивать ихъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ экзаменахъ въ VIII кл. Въ Положеніи объ экзаменахъ въ VIII кл. вовсе не упоминается, что, какъ намъ кажется, вполнѣ объясняется особымъ взглядомъ на задачи VIII кл. и на отношеніе занятій въ немъ къ занятіямъ въ семи классахъ гимназіи. Дѣйствительно, если предположить, что ученицы, поступающія въ VIII кл., почти не нуждаются въ особой научной подготовкѣ, сверхъ той, какую имъ даютъ семь классовъ гимназіи; если исключительное почти вниманіе обращать на педагогическую собственно подготовку, достигаемую притомъ преимущественно практическимъ путемъ, то несомнѣнно, что экзамены въ VIII кл. не нужны,

такъ какъ удовлетворительное выполненіе письменныхъ работъ и особенно умѣнье заниматься съ классомъ, обнаруженное при пробныхъ урокахъ, могутъ уже быть ручательствомъ въ достаточной подготовленности къ будущей дѣятельности.

На практикѣ, однако, вопросъ объ экзаменахъ разрѣшается различно, причемъ въ большинствѣ, какъ кажется, случаевъ экзамены не производятся. По мнѣнію г. Брайловскаго, экзамены необходимы и при годовомъ курсѣ въ VIII кл., при томъ лишь устные. Нужны-ли экзамены и при двухгодовомъ курсѣ въ VIII классѣ?

Если по отношенію къ общему курсу гимназіи можно съ полнымъ основаніемъ желать отмѣны экзаменовъ, принимая во вниманіе тѣ вѣскіе доводы противъ нихъ, которые не разъ высказывались путемъ печати, то едва-ли такое-же желаніе можно выразить и по отношенію къ VIII классу.

На нашъ взглядъ, научныя занятія ученицъ VIII кл., готовящихся быть учительницами, должны быть провѣрены; поэтому занятія въ I отдѣленіи VIII кл. должны сопровождаться или заканчиваться экзаменами, преимущественно устными, которые дали-бы возможность рѣшить вопросъ о степени подготовленности ученицъ къ практическимъ занятіямъ по преподаванію, производимымъ во 2-мъ отдѣленіи VIII кл. *). Во 2-мъ отдѣленіи VIII кл., въ виду его преимущественно практическаго характера, особые экзамены, конечно, излишни, такъ какъ здѣсь каждый пробный урокъ будетъ уже своего рода экзаменомъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ начала, которыя могутъ быть положены въ основу организаціи занятій въ VIII классѣ. Желательно было-бы и въ интересахъ учащихся, и въ интересахъ самихъ будущихъ учительницъ поставить всѣ вообще виды занятій въ VIII кл. такъ, чтобы они могли обезпечить для будущей учительницы возможность и другихъ учить и воспитывать, и самой учиться. Конечно, очень многаго сдѣлать нельзя и при двухгодовомъ курсѣ VIII кл., но можно все-же сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Дѣло, конечно, не только въ томъ, чтобы ученицамъ VIII кл. сообщить какъ можно больше фактовъ, а преимущественно въ томъ, чтобы занятія, при-

---

*) Говоря объ экзаменахъ въ VIII кл., мы не имѣемъ въ виду непремѣнно ту систему производства ихъ, какая практикуется въ настоящее время вообще во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Мы хотимъ лишь сказать, что необходима провѣрка знаній будущихъ учительницъ, а въ какой именно формѣ она выразится,—въ формѣ-ли теперешнихъ экзаменовъ, или въ формѣ такъ называемыхъ репетицій въ извѣстные сроки въ теченіе учебнаго года, или въ иной какой формѣ,—это, какъ кажется, не можетъ имѣть существеннаго значенія по отношенію къ VIII классу.

знаваемыя необходимыми для педагогической дѣятельности, были распредѣлены съ большей послѣдовательностью и могли достаточно подготовить будущихъ учительницъ къ тому, чтобы онѣ были въ состояніи расширять и углублять свои знанія уже безъ посторонней помощи. Вопросъ о болѣе основательной и серьезной подготовкѣ женщины къ педагогической дѣятельности имѣетъ существенное значеніе, если принять во вниманіе природныя качества ея, въ силу которыхъ представляется особенно желательнымъ расширеніе женскаго труда именно въ сферѣ педагогической. «Одна изъ наиболѣе подходящихъ для женщинъ профессій,—говоритъ г. Каптеревъ *),—есть педагогическая дѣятельность. Соотвѣтствіе этой профессіи съ природой женщины заключается въ томъ, что въ женскомъ сознаніи идея личности имѣетъ громадное значеніе, и все, что есть личность и стоитъ съ нею въ тѣсной связи, близко и понятно женщинѣ. Въ частности въ умѣньи обращаться съ маленькими дѣтьми женщины всегда превосходятъ мужчинъ. Педагогическая профессія требуетъ терпѣнія, любви къ дѣтямъ, аккуратности въ работѣ, а всѣ эти качества природа отпустила въ большей мѣрѣ женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Поэтому распространеніе женскаго труда въ педагогической сферѣ въ высшей степени желательно, особенно въ примѣненіи къ такимъ школамъ и классамъ, въ которыхъ обучаются маленькія дѣти. Такія школы, такіе классы суть преимущественно сферы примѣненія женскаго педагогическаго труда. Что касается школъ и классовъ съ составомъ учащихся болѣе старшаго возраста, то въ нихъ женщины должны быть допускаемы наравнѣ съ мужчинами при удовлетвореніи соотвѣтствующихъ необходимыхъ требованій».

П. Селивановъ.

---

*) «Идеалы женскаго образованія», П. Каптерева («Образованіе», 1898 года, № 4, стр. 23).

Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе.

II.

Преподаваніе ариѳметики въ Россіи до 60-хъ годовъ (старая школа). Отзывы гг. Страннолюбскаго и Корфа объ этомъ преподаваніи.—П. С. Гурьевъ, его взгляды на преподаваніе въ «старой школѣ» и на катехизическій и догматическій способы преподаванія.—«Практическая ариѳметика», ея достоинства и недостатки.—гг. Паульсонъ, Евтушевскій, Воленсъ.—80 годы и новое направленіе въ методикѣ ариѳметики.—Графъ Л. Н. Толстой, какъ противникъ увлеченія нѣмецкой педагогикой и методою. Гг. Грубе, Мартыновъ, Гольденбергъ, Житковъ и Шохоръ-Троцкій, Егоровъ, Вишневскій, Тихомировъ.—«Программа обученія счисленію для церковно-приходскихъ школъ и объяснительная записка къ ней».—О названіи методы, принятой въ русскихъ школахъ съ 80-хъ годовъ.—Концентрація учебнаго матеріала согласно методикамъ Гурьева, Мартынова, Гольденберга, Шохоръ-Троцкаго и др.; неумѣстность этой концентраціи.—Попытки классификаціи задачъ и неудача этихъ попытокъ.—Значеніе воображенія въ ариѳметикѣ.—Начало и цѣль обученія по воззрѣніямъ нѣмецкихъ и русскихъ педагоговъ.

Еще доселѣ памятно то время, когда у насъ учили ариѳметикѣ подобно тому, какъ у нѣмцевъ до Песталоцци: обученіе начинали съ опредѣленій ариѳметики, числа, единицы, дѣйствія, послѣ чего переходили къ изученію нумераціи и дѣйствій; дѣйствія становились, такъ сказать, центромъ преподаванія. Каждый изъ отдѣловъ ариѳметики начинался опредѣленіями, за которыми слѣдовали правила, примѣры. Требовалось, чтобы опредѣленія и правила были заучены ученикомъ наизустъ, хотя бы даже безъ пониманія. На пониманіе учениками того, что имъ преподавалось, мало обращалось вниманія. Для учителя не признавалось обязательнымъ объяснять ученикамъ проходимый ими отдѣлъ науки. Необходимымъ учебнымъ пособіемъ служила розга, важнѣйшимъ педагогическимъ пріемомъ являлось тѣлесное наказаніе. То была такъ-называемая «старая школа», столь мрачными красками описанная озлобленными ею питомцами (Помяловскимъ и др.),—школа безсмысленнаго зубренія, розги, дикости нравовъ учениковъ и учителей. Существенный недостатокъ преподаванія ариѳметикѣ въ «старой школѣ» заключался въ томъ, что не обращалось вниманія на особенности дѣтской природы, съ которыми необходимо сообразоваться при обученіи.

Преподаваніе было односторонне объективнымъ. Изображая преподаваніе ариѳметики въ «старой школѣ», г. А. Страннолюбскій говоритъ: «Между конкретными представленіями ребенка, приступающаго къ изученію ариѳметики, и тѣми отвлеченными понятіями, съ которыхъ начинаютъ его обученіе, лежитъ цѣлая масса промежуточныхъ представленій и понятій. Ученикъ является въ школу, имѣя представленія о весьма немногихъ и притомъ всегда конкретныхъ числахъ, а съ нимъ начинаютъ говорить прямо объ отвлеченныхъ числахъ, даютъ сперва опредѣленіе этихъ чиселъ, потомъ навязываютъ систему нумераціи, вовсе не заботясь о томъ, что для усвоенія ея необходимо предварительно пріобрѣсти ясное понятіе о множественности чиселъ и о составѣ ихъ одного изъ другихъ. Далѣе ученику сообщаются опредѣленія различныхъ дѣйствій надъ отвлеченными числами и правила для произведенія этихъ дѣйствій и т. д. и т. д. Такой способъ преподаванія грѣшитъ противъ основного правила дидактики: что дѣйствительное пріобрѣтеніе понятій, а слѣдовательно и дѣйствительное развитіе человѣческаго ума, возможно только тогда, когда сообщаемое есть непосредственный выводъ чего-нибудь уже извѣстнаго, усвоеннаго умомъ, выводъ изъ чего-нибудь, что успѣло уже превратиться въ умѣ въ дѣйствительное понятіе» *).

Нельзя согласиться съ г. Страннолюбскимъ, будто умомъ дитяти усвояется лишь то, что служитъ «выводомъ» изъ ранѣе пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній; историческіе факты, напримѣръ, конечно, усвояются, и даже сравнительно легко, ребенкомъ, хотя ихъ никакъ нельзя разсматривать, какъ «выводъ изъ чего-либо уже извѣстнаго» ребенку, усвоеннаго имъ; тѣмъ не менѣе нельзя не признать справедливымъ то мнѣніе г. Страннолюбскаго, что преподаваніе ариѳметики должно быть приспособлено къ пониманію дитяти и что ничего не должно давать ученику заучивать безъ толку и свыше его пониманія.

Вотъ еще отзывъ о преподаваніи ариѳметики въ «старой школѣ», принадлежащій перу извѣстнаго земскаго дѣятеля и дѣятеля на пользу народнаго образованія, покойнаго барона Н. А. Корфа, можетъ быть, и преувеличивающій недостатки «старой школы», однако, безъ сомнѣнія, не совершенно лишенный справедливости. «Въ огромномъ большинствѣ школъ стараго закала,—писалъ б. Корфъ,—вы встрѣтите обученіе счету, но вызовите къ доскѣ лучшихъ учениковъ—и окажется, что они *обучены* (курсивъ вездѣ подлинника)

---

*) Курсъ алгебры, основанный на постепенномъ обобщеніи ариѳметическихъ задачъ (Дидактическія указанія для преподавателей начальной алгебры). 1868 г., стр. 5.

сложенію, вычитанію, умноженію и дѣленію, которыхъ они *не понимаютъ*. Напишите на доскѣ два и болѣе слагаемыхъ—и ученикъ составитъ изъ нихъ сумму; сложивши первый рядъ, онъ скажетъ, положимъ, «тринадцать», три пишу, а одинъ замѣчаю. Спросите его: «ты пишешь три чего? Чего ты замѣтилъ «одинъ» и почему не подписываешь *одинъ* тамъ же, гдѣ ты подписалъ три, а прибавляешь одинъ къ слѣдующему ряду слагаемыхъ?» ученикъ выпучитъ на васъ глаза и крайне удивится вашему вопросу. Задайте такому ученику самую легкую задачу: «было у меня 25 орѣховъ и подарили мнѣ 30 орѣховъ; сколько у меня стало орѣховъ?» Ученику и въ голову не приходитъ (?!), что ему необходимо прибѣгнуть къ сложенію для рѣшенія этой задачи, такъ какъ «сложеніе» заучено имъ какъ какое-то самостоятельное, безполезное упражненіе, ни къ чему не нужное. Для рѣшенія этой задачи ученикъ столь же охотно помножитъ 25 и 30, какъ онъ бы ихъ сложилъ; учитель, увидѣвъ, что дитя соединяетъ заданныя числа знакомъ умноженія, скажетъ ему: «дуракъ, развѣ ты не слышишь, тутъ о сложеніи говорится?» Ученикъ поспѣшно замѣнитъ знакъ умноженія—и учитель останется доволенъ результатомъ обученія; доволенъ будетъ и ученикъ, если только у классной доски не останется клока волосъ его. Продиктуйте ученику, который «выучилъ» четыре дѣйствія ариѳметики, какое-нибудь число, и онъ его не напишетъ вѣрно, такъ какъ онъ сыпетъ нулями, какъ Богъ послалъ (?) прилаживая ихъ то съ лѣвой, то съ правой стороны, и *только по навыку*, отъ частаго употребленія, въ исключительныхъ (?) случаяхъ достигаетъ онъ привычки писать правильно числа, вовсе не *сознавая* того, почему число пишется такъ, а не иначе. При мнѣ *лучшій* ученикъ школы стараго закала собрался *дѣлить* сумму на одно изъ слагаемыхъ для провѣрки сложенія; еще лучше, впрочемъ, обрисовывается уровень ариѳметическаго преподаванія въ старой школѣ слѣдующимъ случаемъ: я задалъ задачу: «Въ понедѣльникъ купилъ я на базарѣ 5 куръ, во вторникъ 7, а въ среду подарилъ изъ нихъ 3 курицы, сколько у меня куръ?» На это замѣтилъ мнѣ учитель, что «такой вопросъ въ пору предлагать въ гимназіи». Такъ выразился «одинъ» учитель, а думали такъ, вѣроятно, многіе, видя, что я обращаюсь, испытывая изъ ариѳметики, къ соображенію, а не къ памяти ученика *). Все обученіе счету въ старой школѣ было основано на упражненіи памяти дитяти, на заучиваніи, а не на упражненіи мысли-

*) Однако Корфъ очарованъ, можно сказать, методою Грубе, обучаясь по которой дѣти упражняютъ, главнымъ образомъ, если не исключительно память, а не соображеніе.

тельныхъ способностей, *силы и быстроты* соображенія. Вслѣдствіе такихъ методовъ обученія ариѳметика могла быть доступна только тѣмъ изъ учениковъ школы, которые обладали настолько счастливою памятью, что имъ было по-силамъ *заучить* восемь различныхъ совершенно безцѣльныхъ работъ надъ числами: четыре дѣйствія и средство провѣрять каждое изъ нихъ. Этимъ объясняется то, что ученикъ, *знавшій* ариѳметику въ мартѣ 1868 года, въ октябрѣ того-же года возвращался въ школу, *забывъ* ариѳметику; этимъ объясняется и то, что достигали этихъ *временныхъ* скоро улетучивающихся знаній только одинъ или два ученика на двадцать и болѣе учениковъ. «Старая» школа не имѣла и не могла имѣть понятія о томъ, что значитъ обучить цѣлый классъ учениковъ ариѳметикѣ, то было не обученіе, а дрессировка, которую выдерживали только самыя сильныя натуры» *).

Было не мало попытокъ болѣе разумной постановки обученія счисленію и въ «старой школѣ». Покойный П. С. Гурьевъ едва-ли не первый русскій педагогъ, энергично возставшій противъ мертвящаго, такъ сказать, преподаванія ариѳметики, господствовавшаго у насъ до 60-хъ годовъ. Съ другой стороны, Гурьевъ стремился освободить русскую мысль отъ путъ нѣмецкой методической литературы, и эти стремленія заслуживаютъ тѣмъ большаго уваженія, что въ лицѣ Гурьева встрѣчаемся чуть-ли не съ единственнымъ (до 60-хъ годовъ) русскимъ авторомъ, который, по возможности, самостоятельно работаетъ въ области методики, съ ученымъ, основательно усвоившимъ нѣмецкую педагогическую литературу. Гурьевымъ составлено нѣсколько весьма дѣльныхъ руководствъ къ преподаванію ариѳметики, таковы: «Руководство къ преподаванію ариѳметики малолѣтнимъ дѣтямъ» (ч. 1—2. Спб. 1839—1842 г.) «Ариѳметическіе листки» (1832 г.), «Практическая ариѳметика», куда вошли и вышеозначенныя работы того-же автора.

О преподаваніи ариѳметики въ «старой школѣ» Гурьевъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Чтобы ариѳметика дѣйствительно удовлетворяла своей цѣли, она не можетъ, она не должна быть такъ сообщаема дѣтямъ, какъ ее обыкновенно излагаютъ въ большей части нашихъ учебниковъ. Учащійся, едва научась считать до ста, на первыхъ-же страницахъ своего руководства озадачивается такими метафизическими опредѣленіями, безъ должнаго анализа переносимыми изъ одной книги въ другую, которыя въ пору понять и взрослому. Развѣ это можетъ занять ребенка, которому хотѣлось-бы научиться поскорѣе хорошенько считать, складывать и проч., который желалъ-

*) «Русская начальная школа». Спб. 1872 г., изд. 4-е, стр. 158—159.

бы продолжать безпрепятственно дѣлать то, что уже прежде дѣлалъ въ своихъ обычныхъ занятіяхъ, понуждаясь всякій разъ, вслѣдствіе потребности своего духа, разъяснять себѣ посредствомъ чиселъ различныя отношенія того маленькаго совершенно конкретнаго міра, въ которомъ онъ живетъ? Какъ-же можно забывать, что мы пишемъ свои руководства не въ средніе вѣка, когда ариѳметику считали чуть-ли не философской наукой, включая въ нее почти всю математику, а въ XIX вѣкѣ, когда она предназначается для дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ! За метафизическими опредѣленіями величины, числа, единицы и проч. слѣдуетъ изложеніе десятичной системы нумераціи, съ показаніемъ правилъ, какъ надобно выговаривать билліоны, трилліоны и проч. Дитя хотѣло-бы остановиться на десяткахъ и сотняхъ, на этихъ небольшихъ числахъ, которыя ему такъ сподручны, чтобъ отъ умѣнья считать ихъ перейти тотчасъ къ ихъ сложенію, вычитанію, умноженію и т. д., его поражаютъ различныя, иногда сложныя отношенія, въ какихъ эти числа представляются его разумѣнію въ своихъ конкретныхъ формахъ; ему хотѣлось-бы также покороче ознакомиться съ дробями: половинами, третями, четвертями и проч., и умѣть съ ними справляться, о которыхъ оно не только слышитъ, даже само уже ихъ употребляло; оно встрѣчаетъ надобность въ опредѣленіи вѣса того или другого предмета, въ точномъ обозначеніи извѣстнаго промежутка времени и т. д., и т. д., но, нѣтъ,—его нисильно удерживаютъ на нумераціи и не показываютъ ему ничего далѣе, пока оно не будетъ отвѣчать безошибочно, какъ профессоръ, изъ этого предварительнаго отдѣла ариѳметики. Затѣмъ тянется цѣлая вереница сухихъ и одностороннихъ правилъ на разныя ариѳметическія дѣйствія съ соблюденіемъ чрезвычайно искусственной, а потому ложной системы—не говорить ничего объ именованныхъ числахъ прежде, пока не будетъ высказано послѣдняго слова о цѣлыхъ числахъ; не говорить ничего о дробяхъ, пока учащіеся не справятся съ именованными, такъ что только подъ конецъ многолѣтняго курса посвящаютъ ихъ во всѣ таинства такъ называемыхъ тройныхъ правилъ. Взявъ за основаніе эту вовсе ненужную для науки раздѣльность, выдуманную досужею схоластикою, составители ариѳметическихъ учебниковъ считаютъ, сверхъ того, непремѣннымъ для себя долгомъ облечь каждый вымышленный членъ дѣленія въ свою, какъ-бы особо ему принадлежащую сферу, и ученики, приступая ко всякому новому отдѣлу науки, и въ самомъ дѣлѣ начинаютъ подозрѣвать, что имъ придется преодолѣвать что-то особенное, хотя съ прежнею скукою, но за что съ новыми трудностями. И вотъ, непріученные къ тому-же къ самодѣятельности, непривыкшіе останавливаться на затрудненіяхъ, чтобы собственными силами раз-

рѣшать ихъ, надѣясь всегда на помощь и подсказыванія своего наставника, они такимъ образомъ выростаютъ въ умственной лѣни, утрачивая въ себѣ съ самой ранней молодости энергію и пытливость духа» *).

Гурьеву пришлось пережить «старую школу», и онъ былъ свидѣтелемъ того громаднаго успѣха, который имѣла въ Россіи метода Грубе; Гурьевъ не одобрялъ этой методы. Когда въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ замѣнъ безсмысленной долбежки распространилось, съ одной стороны, увлеченіе катехизическимъ методомъ, а съ другой стороны, въ похвальной заботливости, чтобы все въ ариѳметикѣ было разъяснено ученикамъ, учителя весьма мало предоставляли имъ самодѣятельности, въ продолженіе почти всего урока говорили сами, какъ профессоръ лекціи,—Гурьевъ вооружается противъ этихъ крайностей. Сказавъ, что наставникъ обязанъ пріучить дѣтей «къ вниманію, вниканію въ то, что они прочитываютъ, усидчивости къ труду» и возбудить въ нихъ любознательность и самодѣятельность, Гурьевъ продолжаетъ: «Это достигается не столько катехизаціею, дающею часто просторъ болтовнѣ, сколько умѣньемъ спрашивать дѣтей и, посредствомъ частыхъ и умѣстныхъ вопросовъ, допытывать отъ нихъ, насколько они понимаютъ и усвоили себѣ ими пройденное. «Но при самостоятельномъ обученіи роль учителя въ классѣ не теряетъ своего огромнаго значенія. Напротивъ даже, она приметъ тогда характеръ разумнаго и дѣйствительно воспитывающаго обученія. Постоянно руководить учениковъ въ ихъ самостоятельныхъ работахъ, повѣрять эти работы, возбуждать въ нихъ энергію и соревнованіе, не спѣша однакожъ съ своими услугами къ нимъ на помощь преждевременно, часто въ угоду только дѣтской умственной лѣни, какъ это нерѣдко случается видѣть,—все это требуетъ не мало труда и постоянной, напряженной дѣятельности со стороны наставника. Уже-ли не ясно, что такого рода учебная дѣятельность принимаетъ совсѣмъ другой характеръ противъ той, которая обыкновенно проявляется въ большой части нашихъ народныхъ школъ, гдѣ учитель значитъ все, а ученики ничего, словно маріонетки на верхней доскѣ музыкальнаго ящика шарманщика? На дѣтей нельзя смотрѣть такъ; они хотя существа маленькія, неразвитыя, но все-таки существа самобытныя, своего рода мірки (микрокосмосъ), а не глыбы глины или куски воска, которымъ, по старинной школьной доктринѣ, наставникъ можетъ дать какую угодно фигуру. Но дѣйствовать на цѣлый классъ, или на какое-либо отдѣленіе его, только своею не-

*) «Практическая ариѳметика». Кн. 1-я, 3-е изд. Спб. 1880 г., стр. XII—XIV.

умолкаемою импровизаціею, такъ называемымъ акроаматическимъ способомъ преподаванія, который такъ излюбленъ теперь многими, значитъ быть послѣдователемъ этой схоластической доктринѣ. Если классъ въ дѣйствіи можно уподобить нѣкоторымъ образомъ сценическому представленію, то въ немъ роли актеровъ всегда должны принадлежать дѣтямъ, а учителю—только роль разумнаго, спокойнаго и компетентнаго зрителя и руководителя, т.-е. роль публики, которая собственно воспитываетъ актеровъ. Если педагоги захотятъ хорошенько подумать объ этомъ, то, безъ сомнѣнія, согласятся, сколько принятая ими на себя роль всегдашняго глашатая вредитъ вообще преподаванію. Мы, по крайней мѣрѣ, искренно совѣтуемъ имъ помѣняться ролями съ своими учениками, предоставивъ послѣднимъ роли» *).

Въ «Практической ариѳметикѣ» курсъ начинается со счисленія отъ одного до десяти, затѣмъ идетъ сложеніе чиселъ, сумма которыхъ не превышаетъ десяти, за этимъ слѣдуетъ разложеніе чиселъ, съ цѣлью уясненія понятія о четныхъ и нечетныхъ числахъ, потомъ знакомство съ долями, цифрами, знаками сложенія и вычитанія, равенства и неравенства. Этимъ заканчивается первая ступень, или, какъ выражается Гурьевъ, «степень»,—а вотъ вторая. Послѣ знакомства съ цифрами чиселъ отъ 1 до 100, изучаются дѣйствія надъ этими числами. Третья «степень» заключаетъ дѣйствія надъ числами вообще. Таково содержаніе первой части «Практической ариѳметики». Вторая часть состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ первомъ трактуется о дѣлителяхъ, во-второмъ о простыхъ дробяхъ, въ-третьемъ о десятичныхъ, въ четвертомъ, заключительномъ, о пропорціяхъ и тройныхъ правилахъ.

Общее примѣчаніе, сдѣланное Гурьевымъ ко второй ступени, можетъ служить краткой характеристикой его методы.

«Учащіеся,—говоритъ здѣсь Гурьевъ,—прежде всего должны научиться считать числа отъ 1 до 100 не только въ томъ случаѣ, когда эти числа будутъ расположены въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ, но научиться считать и въ разбивку, съ точностью и увѣренностью. Они должны также умѣть различать эти числа на единицы и десятки и, наконецъ, на какія угодно 2, 3, 4 и болѣе равныхъ и неравныхъ частей. Далѣе, вникнуть во всѣ тѣ измѣненія, какимъ эти числа могутъ быть подвергнуты, поэтому знать, какимъ образомъ вообще можно ихъ увеличивать и уменьшать. Какъ увеличеніе, такъ и уменьшеніе чиселъ бываетъ двоякаго рода; число увеличивается, если къ нему прибавить другое, и также увеличится,

*) «Практическая ариѳметика, стр. V, VII—VIII.

если взять его два и болѣе разъ. Тоже можно сказать и объ уменьшеніи чиселъ. Отсюда происходитъ четыре различныя дѣйствія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Дѣйствія эти можно производить какъ надъ цѣлыми, такъ и надъ дробными числами, а равно прилагать ихъ къ такъ-называемымъ именованнымъ числамъ. Наконецъ, сюда-же можно приложить и задачи для совокупнаго дѣйствія умноженія и дѣленія, или, иначе, задачи тройнаго правила. Такимъ образомъ, въ разностороннемъ разсматриваніи чиселъ отъ 1 до 100 можно понять всю сущность ариѳметики».

Слѣдовательно, Гурьевъ чувствовалъ, что въ основѣ обученія ариѳметикѣ должно лечь изученіе счета. Но и на этомъ крупномъ педагогѣ отразилось вліяніе туманной нѣмецкой мысли о созерцаніи, о «разностороннемъ разсматриваніи чиселъ». Нѣкоторыя упражненія въ «Практической ариѳметикѣ» весьма близки къ «изученію чиселъ» по Грубе: въ нихъ главное вниманіе обращено на число, а не на дѣйствія; въ эти упражненія входятъ дѣйствія умноженія и дѣленія, о которыхъ дѣтямъ ранѣе не сообщалось. Напримѣръ, у Гурьева находятся такія упражненія: «Два составлено изъ одного и одного. Три составлено изъ одного, повтореннаго три раза, или изъ двухъ и одного. Четыре составлено изъ одного, повтореннаго четыре раза, или изъ двухъ повторенныхъ два раза, или изъ трехъ и одного *) и т. д. Гурьевъ, такимъ образомъ, не свободенъ отъ пристрастія къ нѣкоторымъ частностямъ ненавистной ему нѣмецкой методики.

Въ руководствахъ къ ариѳметикѣ, составленныхъ другими, кромѣ Гурьева, авторами ранѣе 60-хъ годовъ, также встрѣчаются указанія на необходимость сообразовать преподаваніе ариѳметики съ особенностями дѣтской природы и вести приспособительно къ пониманію дитяти. Напримѣръ, въ «Предувѣдомленіи» «Руководства къ изученію четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, составленнаго по преимуществу для приходскихъ училищъ А. Н. Больманомъ», 1849 года («Руководство» издавалось Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія), рекомендуется преподавать дѣтямъ ариѳметику въ вопросахъ и отвѣтахъ, научить дѣтей «производить вычисленія въ умѣ», переходить постепенно отъ простѣйшихъ упражненій къ болѣе сложнымъ, примѣняясь къ дѣтскому пониманію. Обученіе счету, согласно этому «Руководству», ведется по палочкамъ (стр. 5), бобамъ, пальцамъ (стр. 10) и т. п.

Вина въ томъ, что въ «старой школѣ» преподаваніе ариѳметики велось отвлеченно, безжизненно, безтолково, заключалась, кажется, не столько въ руководствахъ и учебникахъ, сколько въ особенно-

---

*) «Практическая ариѳметика», стр. 7.

стяхъ учительскаго состава, въ привязанности учителей къ установившейся практикѣ, «въ господствѣ закоренѣлой рутины, по образному выраженію г. Паульсона, выглядывающей изъ каждаго шва нашего учительскаго вицмундира, изъ каждой трещины классной каѳедры» *).

Съ 60-хъ годовъ воцарился въ русскихъ начальныхъ школахъ Грубе, началось господство его методы. Въ 1860 году г. Паульсономъ была издана (Спб.) «Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе». Въ свое время руководство это пользовалось популярностью и было весьма распространено (въ 1876 г. вышло уже 11-е изданіе его). Впослѣдствіи же оно было вытѣснено изъ употребленія другими руководствами, также составленными по методѣ Грубе, преимущественно же книжками покойнаго Евтушевскаго: «Руководствомъ для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики» и «Методикой ариѳметики». Въ 1873 году изданъ г. Эвальдомъ переводъ пятаго изданія сочиненія Грубе подъ заглавіемъ «Руководство къ начальной ариѳметикѣ въ элементарной школѣ» (въ переводѣ нѣмецкія мѣры замѣнены русскими). Методу Грубе встрѣтили въ русской литературѣ прямо-таки восторженно. Баронъ Корфъ, напримѣръ, писалъ въ 60-хъ годахъ: «Только 7 лѣтъ появился первый учебникъ на русскомъ языкѣ, основанный на здравыхъ требованіяхъ разсудка. Эта услуга оказана Россіи педагогомъ I. И. Паульсономъ, который составилъ для русскихъ школъ учебникъ ариѳметики по методу нѣмецкаго педагога Грубе» **). Въ настоящее время, кажется, можно оцѣнить, что̀ за услугу оказалъ Россіи Паульсонъ, распространивъ методу Грубе. Въ составленной Паульсономъ «Ариѳметикѣ по способу Грубе» не приняты во вниманіе потребности русской школы и ея отличіе отъ школы нѣмецкой, какъ будто русская школа располагаетъ такимъ-же количествомъ времени, какъ и нѣмецкая. «Что касается внутренняго содержанія книжки Паульсона,— отзываются о ней гг. Житковъ и Шохоръ-Троцкій,—то сдѣланныя имъ «улучшенія» состоятъ въ слѣдующемъ: во-1-хъ, дуренъ языкъ, которымъ изложены задачи Паульсона, и на это не разъ уже обращала свое вниманіе критика; во-2-хъ, Грубе не признаетъ необходимости массы наглядныхъ пособій, г. Паульсонъ-же признаетъ именно массу таковыхъ; въ-3-хъ, Грубе считаетъ необходимымъ на каждой ступени знакомить съ цыфрами, г. Паульсонъ-же, во избѣжаніе «большой затраты времени», предпочелъ пройти первыя три числа безъ цыфръ и упражняетъ дѣтей сперва надлежащимъ обра-

*) «Ариѳметика по способу Грубе». Лейпцигъ, 1877 г., стр. 5.
**) «Русская Начальная Школа». Спб., 1872 г., стр. 161.

зомъ въ черченіи черточекъ, кружковъ и т. д.; въ 4-хъ, Грубе не впадаетъ въ сентиментальный тонъ въ задачахъ, задачи-же г. Паульсона удивительно сентиментальны: Коля, Леша, Женя, папенька и и маменька—вотъ дѣйствующія лица его задачъ, яблоки, груши, орѣхи и т. п. объекты фруктовыхъ магазиновъ, красные цвѣтки и т. п. деликатные предметы—вотъ матеріалъ ихъ; въ-5-хъ, даже Грубе совершенно справедливо смотритъ на излишнюю катехизацію, какъ на недостатокъ обученія, г. Паульсонъ-же только и дѣлаетъ, что катехизируетъ. Однимъ словомъ, если метода Грубе въ ея чистомъ видѣ есть нѣчто чрезвычайно искусственное и весьма нецѣлесообразное, то тѣми-же качествами сугубо отмѣчается трудъ г. Паульсона, составленный по Грубе» *).

Какъ руководство по методикѣ ариѳметики, такъ и задачники, составленные Евтушевскимъ, весьма распространены и достаточно извѣстны всякому интересующемуся преподаваніемъ ариѳметики. Если можно выразиться, что Грубе царилъ въ нашихъ школахъ, то необходимо при этомъ прибавить, что царилъ, преобразившись, такъ сказать, въ Евтушевскаго. Главныя положенія Евтушевскаго слѣдующія: Преподаваніе ариѳметики въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ раздѣлить на два курса — элементарный, или приготовительный, и систематическій. Элементарный курсъ отъ систематическаго прежде всего отличается по количеству учебнаго матеріала: въ элементарномъ курсѣ, разумѣется, меньше этого матеріала, чѣмъ въ систематическомъ. Кромѣ того, при прохожденіи элементарнаго курса нѣтъ надобности въ учебникѣ, а при прохожденіи систематическаго онъ необходимъ. Курсъ элементарный проходится въ одноклассныхъ сельскихъ школахъ, учениками отъ 7—10 лѣтняго возраста,—а систематическій во-второмъ классѣ двухкласснаго училища (въ два года) и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Расположеніе учебнаго матеріала должно быть концентрическое, центромъ-же—«изученіе состава и свойствъ числа и дѣйствій съ числомъ» **). Концентрическіе круги Евтушевскимъ предлагаются слѣдующіе: 1) изученіе чиселъ отъ 1 до 10; 2) отъ 10 до 20; 3)—до 100, гдѣ Евтушевскій предлагаетъ произвести группировку дѣйствій; 4) составныя именованныя числа до 10.000; 5) числа любой величины и дѣйствія надъ ними; 6) элементарный курсъ дробей раздѣленъ на два круга: а) понятіе о дробяхъ и ихъ свойствахъ; производство дѣйствій надъ дробями безъ изученія правилъ и б) производство дѣйствій по правиламъ.

---

*) «Методика ариѳметики». Спб. 1885 г., стр. 26—27.

**) «Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ» Спб. 1878 г., стр. 5, ср. «Методика» ариѳметики» б. 1875 г., стр. 33.

Программа элементарнаго курса ариѳметики, по Евтушевскому, такова: *).

«Первый годъ (3 часа или 6 получасовъ въ недѣлю)»,—причемъ въ учебномъ году считается отъ 39 до 40 недѣль,—«изученіе чиселъ отъ 1 до 20. Полное усвоеніе табличекъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія въ этомъ предѣлѣ (предѣлахъ?) чиселъ, изображеніе (обозначеніе?) чиселъ цыфрами».

Второй годъ (4 часа въ недѣлю) слѣдуетъ: 1) «Изученіе чиселъ отъ 21 до 100» (здѣсь, однако, числа изучаются не всѣ по порядку, а выбираются изъ нихъ только имѣющія много дѣлителей), составленіе и заучиваніе таблицы умноженія, «бѣглое вычисленіе съ числами» отъ 1 до 100, «разложеніе сложныхъ чиселъ на два множителя, дѣлители сложныхъ чиселъ», 2) выдѣленіе четырехъ дѣйствій съ числами, «опредѣленіе каждаго дѣйствія и случаи приложенія его при рѣшеніи задачъ, выдѣленіе и опредѣленіе элементовъ и результатовъ дѣйствій, повѣрка дѣйствій», измѣненіе результатовъ ихъ отъ перемѣны данныхъ, 3) дѣйствія «съ составными именованными числами въ предѣлѣ чиселъ до 100».

Въ третій годъ (4 часа въ недѣлю) проходится: 1) «нумерація чиселъ отъ 1 до 100, ознакомленіе съ числами этого предѣла (?) на рѣшеніе задачъ», 2) нумерація чиселъ любой величины, четыре дѣйствія съ отвлеченными числами, повѣрка четырехъ дѣйствій; измѣненіе суммы, разности, произведенія и частнаго, 3) дѣйствія съ составными именованными числами; 4) элементарный курсъ дробей.

Такимъ образомъ въ теченіе перваго года, согласно Евтушевскому, ученикъ ознакомится только съ числами до 20. Но, какъ извѣстно, въ Россіи, при необязательности обученія въ силу экономическихъ условій, первый годъ обученія въ начальной школѣ можетъ быть, и нерѣдко бываетъ для учащагося послѣднимъ: мальчикъ оказывается необходимымъ въ домѣ помогать отцу по хозяйству. Поэтому должно въ первый-же годъ обученія ребенка въ школѣ сообщить ему законченныя свѣдѣнія по Закону Божію, чтенію, письму и ариѳметикѣ. При обученіи по Евтушевскому мало, слишкомъ мало вынесетъ ребенокъ изъ школы, даже послѣ исправнаго посѣщенія ея въ теченіе цѣлаго года. Съ умѣньемъ считать только до 20, этотъ мальчикъ, очутившись, напримѣръ, свинопасомъ, не въ силахъ будетъ счесть своего маленькаго стада, если только въ немъ свиней больше 20 штукъ: и такого умѣнья не дала ему школа!..

Въ началѣ обученія дѣтей ариѳметикѣ слѣдуетъ давать предпо-

---

*) См. «Руководство для учителей и учительницъ», стр. 15—16.

чтеніе вычисленію устному, а впослѣдствіи письменному *). «Первоначальное обученіе дѣтей ариѳметикѣ должно производиться при помощи наглядныхъ пособій». «Способъ преподаванія начальнаго курса долженъ быть катехизическій» **). Въ курсѣ ариѳметики видное мѣсто должно быть отведено практическимъ задачамъ, т.-е. такимъ, условія которыхъ взяты изъ практической жизни, притомъ изъ родного ученику быта. Однако, замѣтимъ кстати, въ задачникахъ Евтушевскаго,—безпорно не лишенныхъ крупныхъ достоинствъ, — хотя эти задачники назначены для начальныхъ школъ, встрѣчаются, напримѣръ, такія задачи: «На балу было 27 мужчинъ и 35 женщинъ; 18 человѣкъ не танцовало, а всѣ остальные составляли кадриль. Сколько паръ было въ кадрили и сколько мужчинъ не танцовало»? (Ч. 1-я, № 413). «Въ концертномъ залѣ желаютъ разставить 96 стульевъ рядами такъ, чтобы въ каждомъ ряду было одинаковое число стульевъ. Въ сколько рядовъ могутъ поставить всѣ эти стулья, и сколько стульевъ будетъ въ каждомъ ряду?» (Ч. 1-я, № 633). Эти задачи, конечно, слишкомъ далеки отъ жизни сельскаго мальчика.

Согласно Грубе, Евтушевскій признаетъ, что числа, доступныя для «осязательнаго» пониманія ученика, не превышаютъ 100. Изучить число, по Евтушевскому, это значитъ разсмотрѣть всѣ могущія быть комбинаціи этого числа по сравненію съ предыдущими числами, т.-е. изучаемое число надо сравнить со всѣми ему предшествовавшими числами по всѣмъ 4-мъ дѣйствіямъ, начавъ такое сравненіе съ сравненія даннаго числа съ единицей. Сравненія эти надо дѣлать устно и письменно. Разсмотрѣнными комбинаціями числа ученикъ долженъ на столько овладѣть, чтобъ при рѣшеніи практическаго вопроса съумѣть воспользоваться ими ***.)

Систематическое изученіе чиселъ Евтушевскій предлагаетъ начать съ числа четыре, потому что комбинаціи первыхъ трехъ чиселъ знакомы ученикамъ изъ житейскаго опыта. При изученіи чиселъ перваго десятка упражненія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) образованіе новаго числа прибавленіемъ единицы къ предыдущему (наглядно);

2) разложеніе числа на составляющія его слагаемыя самими учениками, при помощи наглядныхъ пособій;

3) приведеніе въ порядокъ разложенія, сдѣланнаго учениками (для закрѣпленія въ памяти учениковъ этихъ разложеній и ихъ порядка, они производятся учениками еще письменно на ихъ доскахъ,

*) «Руководство для учителей и учительницъ», стр. 6.

**) Стр. 7.

***) «Методика ариѳметики», стр. 85. Ср. «Руководство для учителей...», стр. 17.

при посредствѣ черточекъ, крестиковъ, кружковъ и т. п. Послѣ-же того какъ будетъ показаны цифры и знакъ +, эти разложенія можно дѣлать при помощи ихъ);

4) вопросы по поводу сдѣланнаго разложенія, для сравненія изучаемаго числа съ каждымъ предшествующимъ и для вывода всѣхъ отношеній изучаемаго числа къ предшествовавшимъ числамъ и связи съ ними, выраженныхъ 4-мя ариѳметическими дѣйствіями;

5) рѣшеніе практическихъ задачъ, съ цѣлью пріучить учениковъ примѣнять изучаемыя комбинаціи къ рѣшенію практическихъ вопросовъ;

6) бѣглое устное вычисленіе, вычисленіе формулъ и вопросы въ разбивку, относящіеся къ числу отвлеченному, для повторенія всего пройденнаго о числѣ и для сравненія чиселъ между собою, преимущественно въ краткомъ отношеніи.

Упражненія второе и третье, послѣ изученія трехъ или четырехъ чиселъ, можно сливать въ одно третье, т. е. дѣлать разложеніе только въ порядкѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, изучается по Евтушевскому число четыре.

1) Образованіе числа.

На верхней планкѣ доски *) учитель ставитъ три кубика вмѣстѣ.

□ □ □

Сколько здѣсь кубиковъ? (Потомъ приставляетъ четвертый кубикъ). А теперь сколько?

□ □ □ □

Какъ же составляются четыре кубика изъ трехъ и одного? Нужно къ тремъ кубикамъ прибавить, приставить одинъ кубикъ.

2) Разложеніе на слагаемыя.

Какъ можно составить четыре кубика? или: какъ четыре кубика можно разложить?

Четыре кубика можно разложить на два и два.

□□ □□

Четыре кубика можно составить изъ одного, одного, одного и еще одного, или взять четыре раза по одному кубику.

□ □ □ □

---

*) Классная доска приспособляется такъ, чтобы на крючки, вбитые по бокамъ ея, можно было накладывать планки, на которыя выставляются кубики такимъ образомъ, какъ это здѣсь указано.

Четыре кубика можно разложить на три и одинъ.

□□□ □

Можно составить изъ одного, одного и двухъ.

□ □ □□

Можно ли еще какъ-нибудь иначе разложить четыре кубика? Ученики убѣждаются, что никакого другого, отличнаго отъ этихъ, разложенія быть не можетъ. Если ученики станутъ еще разлагать четыре кубика такимъ образомъ: одинъ, два и одинъ, или два, одинъ и одинъ, или одинъ и три, то учителю легко имъ показать, что эти разложенія составляютъ повтореніе уже имѣющихся разложеній, только въ другомъ порядкѣ.

3) Разложеніе въ порядкѣ.

Весьма можетъ случиться, что дѣти сразу укажутъ разложеніе числа на слагаемыя въ порядкѣ; но и тогда третье упражненіе нельзя считать лишнимъ. Для установленія порядка въ разложеніи предлагаются классу такіе вопросы:

Вотъ вы составили четыре кубика изъ двоекъ, изъ отдѣльныхъ кубиковъ и изъ троекъ; въ какомъ порядкѣ лучше поставить намъ кубики на доскѣ?

Съ чего начать разложеніе четырехъ кубиковъ? Съ разложенія на отдѣльные кубики.

Какъ составить четыре кубика изъ отдѣльныхъ кубиковъ? Надо взять четыре раза по одному.

Какъ составить четыре кубика изъ двоекъ, изъ паръ? Нужно взять двѣ двойки; два раза по два кубика; двѣ пары кубиковъ.

Какъ потомъ разлагать четыре кубика? Можно составить изъ троекъ; для этого взять три и одинъ, или одинъ и три.

Выясняется ученикамъ, что послѣднее разложеніе, то есть $1+1+2$, не подходитъ подъ принятый порядокъ и есть видоизмѣненіе одного изъ первыхъ трехъ. Такимъ образомъ, путемъ самого разложенія числа на слагаемыя ученики сравниваютъ его съ 1, съ 2 и съ 3. Учитель во время разговора съ учениками располагаетъ постепенно на классной доскѣ эти разложенія уже въ порядкѣ, то есть:

На первой планкѣ.........	□□□□
» второй »	□ □□□
» третьей »	□□ □□
» четвертой »	□□□ □

Такъ какъ это упражненіе есть основное и самое важное при изученіи числа, то для закрѣпленія въ памяти учениковъ сдѣланныхъ разложеній имъ предлагаются упражненія письменныя—на до-

скахъ или въ тетрадяхъ. Письменная работа учениковъ состоитъ въ разложеніи того же числа посредствомъ черточекъ, крестиковъ, кружковъ и проч. Кубики снимаются съ классной доски, и по требованію учителя: «возьмите ваши доски и разложите четыре посредствомъ крестиковъ, такъ какъ мы разлагали на классной доскѣ четыре кубика», дѣти на память разлагаютъ четыре такимъ образомъ

```
⎧ × × × ×
⎪ ×   × × ×
⎨ × ×     × ×
⎩ × × ×     ×
```

Въ случаѣ ошибки, или безпорядка въ разложеніи или, наконецъ, упущенія одного изъ разложеній, учитель направляетъ учениковъ, провѣряя ихъ работу. (Далѣе слѣдуетъ изложеніе длиннаго и скучнаго разговора учителя съ учениками все о томъ-же—о составѣ четырехъ).

4) Выводы изъ предыдущаго упражненія.

Третье упражненіе, хорошо исполненное, положило прочное основаніе для всей дальнѣйшей работы съ числомъ. Послѣдующія упражненія состоятъ только въ расширеніи пониманія учениками сущности сдѣланныхъ ими разложеній числа, въ обобщеніи этихъ разложеній и въ упрощеніи самыхъ выраженій и пріемовъ вычисленій. Для выводовъ ученикамъ предлагаются слѣдующіе вопросы:

На сложеніе и вычитаніе. Сколько надо прибавить къ одному, чтобы получить четыре? Сколько къ двумъ, тремъ? Сколько будетъ два да два? Одинъ да три? Три да одинъ?

Сколько разъ отъ четырехъ можно отнять по одному?

Сколько разъ по два, по три?

Сколько останется, если отъ четырехъ можно отнять одинъ, два, три?

Сколько единицъ недостаетъ одному, двумъ, тремъ до четырехъ?

Чѣмъ четыре больше одного, двухъ, трехъ?

Сколько останется, если отъ четырехъ отнять четыре раза по одному, два раза по два!

На умноженіе и дѣленіе. Сколько разъ нужно взять по одному, по два, чтобы получить четыре? Сколько разъ нужно повторить два, чтобы составить четыре?

Сколько будетъ дважды два? Четырежды одинъ?

Сколько разъ одинъ, два, три содержится въ четырехъ?

Во сколько разъ четыре больше одного, двухъ?

Какъ велика четвертая часть четырехъ, половина четырехъ?

Сколько получится, если взять въ два раза, въ четыре раза меньше четырехъ?

Такимъ образомъ, всѣ отношенія числа четыре къ предшествовавшимъ числамъ вытекаютъ сами собою изъ разложенія числа на слагаемыя и, слѣдовательно, изъ знакомства чрезъ то учениковъ съ составомъ числа. Въ случаѣ затрудненія ученика въ отвѣтѣ на предложенный вопросъ, учитель пользуется кубиками для нагляднаго представленія ученику того, что его затруднило.

5) Задачи.

Задачи при изученіи чиселъ служатъ для приложенія узнаннаго учениками изъ предыдущихъ упражненій къ рѣшенію чисто практическихъ вопросовъ. Кромѣ того, рѣшеніемъ задачъ имѣется въ виду развитіе въ учащихся соображенія и выработка языка.

6) Бѣглое вычисленіе и вопросы, относящіеся къ числу отвлеченному.

a) Вычисленіе въ формѣ задачъ. Учитель предлагаетъ ученикамъ задачи сложныя по числу данныхъ чиселъ, но простыя по условіямъ, каковы: 1) Имѣя четыре яблока, я далъ двумъ мальчикамъ по одному яблоку, потомъ купилъ еще одно яблоко и съѣлъ самъ два. Сколько яблоковъ у меня осталось? 2) На скамьѣ въ саду сидѣли три мальчика, потомъ пришелъ еще одинъ; изъ нихъ двѣ пары пошли гулять по саду. Сколько мальчиковъ осталось на скамьѣ?

Ученики вычисляютъ по мѣрѣ того, какъ учитель медленно чичаетъ задачу, и, по окончаніи вопроса задачи, тотчасъ даютъ отвѣтъ т.-е. какимъ-либо условнымъ знакомъ заявляютъ, что число готово, а говоритъ его тотъ ученикъ, котораго назвалъ по имени учитель.

b) Вычисленіе въ отвлеченномъ видѣ. Учитель говоритъ: Отъ четырехъ отнимаю три, потомъ прибавляю къ остатку два, отъ полученнаго числа отнимаю одинъ, къ полученному числу прибавляю еще два и все полученное дѣлю пополамъ. Сколько получилось у меня въ каждой половинѣ?

Опять-таки отвѣтъ учениковъ долженъ явиться тотчасъ по предложеніи вопроса учителемъ. Вѣрность и быстрота отвѣта учениковъ покажутъ въ этомъ случаѣ учителю, насколько они овладѣли числомъ.

c) Вопросы для повторенія. Сколько будетъ четыре раза одинъ? Одинождычетыре? Два раза два? Если взять трижды одинъ, то чего не достаетъ до четырехъ? Два сколько разъ содержится въ четырехъ? Половина четырехъ чѣмъ меньше трехъ? Сколько будетъ че-

тыре безъ трехъ, безъ двухъ? Если отъ четырехъ отнять два, то полученное число во-сколько разъ болѣе единицы и т. п.». *).

По этому образцу производится изученіе и другихъ чиселъ; только при изученіи другихъ чиселъ Евтушевскій совѣтутъ употреблять другія наглядныя пособія и разнообразить вопросы.

Правда, Евтушевскій отличается отъ Грубе: 1) въ частностяхъ распредѣленія курса по годамъ и 2) въ томъ, что дѣйствіе надъ числами у Евтушевскаго не въ такой степени отодвигаются на задній планъ, какъ у Грубе, но въ сущности метода Грубе и метода Евтушевскаго сходны, будучи основаны на изученіи числа.

Къ числу ревностныхъ пропагандистовъ методы Грубе въ Россіи принадлежитъ Воленсъ. Въ сочиненіи: «Методъ элементарнаго преподаванія ариѳметики въ нар. школѣ. Составилъ В. Воленсъ и подъ его-же редакціей изданный (Спб. 1880 г.)», онъ, не раздѣляя мнѣнія педагоговъ, утверждающихъ, что съ изученіемъ чиселъ можетъ быть связано изученіе производства дѣйствій, все-таки признаетъ необходимость изученія чиселъ, но при этомъ прибавляетъ: «педагоги полагаютъ, что только числа первой сотни доступны осязательному, совершенно полному пониманію дѣтей, но я даже думаю, что не всякій ребенокъ въ состояніи достичь этого, что осязательному пониманію многихъ дѣтей доступны только числа меньше 100».

Къ 80-мъ годамъ практически убѣдились во многихъ недостаткахъ въ постановкѣ нашей народной школы, совершенно естественныхъ по новости въ Россіи дѣла народнаго образованія; замѣчена была неправильность въ постановкѣ преподаванія начальной ариѳметики. Возникло въ педагогическомъ мірѣ движеніе противъ методы Грубе и сдѣланы были попытки къ установленію методики ариѳметики на иныхъ началахъ. Еще Гурьевъ вооружался противъ методы Грубе. «Въ нынѣшнихъ учебныхъ программахъ, составленныхъ по методикѣ Евтушевскаго»,—говоритъ, между прочимъ Гурьевъ,—поставляется учителямъ даже въ обязанность во весь первый учебный годъ не проходить болѣе, какъ только числа 1—20, а во весь второй учебный годъ не далѣе какъ числа 1—100?! Вотъ какая гомеопатическая кашица! Она-ли въ состояніи испортить слабые дѣтскіе желудки? Принципъ г. Евтушевскаго—дать дѣтямъ яичко да еще облупленное. Онъ, по дозамъ гомеопата Грубе, возъимѣлъ желаніе обучать нянюшекъ въ дѣтской. Дай ему Богъ тамъ и успѣха! Но только врядъ-ли изъ его туманныхъ картинъ онѣ что-либо возьмутъ въ толкъ» **).

*) «Руководство для учителей и учительницъ», стр. 26—32.

**) «Практическая ариѳметика», кн. I, стр. XVIII—XIX.

Не безъинтересно то обстоятельство, что въ числѣ прочихъ противниковъ методы Грубе является графъ Л. Н. Толстой. Онъ въ одной изъ своихъ статей (была напечатана въ «Отечественныхъ Занискахъ» за 1875 годъ и помѣщена въ IV томѣ собранія сочиненій графа) осуждаетъ увлеченіе русскихъ нѣмецкою педагогикою и, между прочимъ, методою Грубе. Большинство нашихъ педагоговъ пренебрежительно отнеслось къ этой статьѣ графа въ виду некомпетентности его по трактуему имъ вопросу. Вотъ нѣсколько болѣе интересныхъ замѣчаній графа изъ этой статьи. «Критиковать употреблявшійся способъ обученія грамотѣ посредствомъ заучиванія страницъ Псалтыря и обученія ариѳметикѣ посредствомъ ученія наизустъ того, что есть и т. п., очень легко... Итакъ было найдено, что старые пріемы обученія никуда не годятся, и не поставивъ никакихъ новыхъ основъ, стали искать новыхъ пріемовъ *)... Мы избрали пріемы обученія ближайшихъ сосѣдей нашихъ, нѣмцевъ, во-первыхъ, потому, что мы всегда особенно склонны подражать нѣмцамъ; во-вторыхъ, потому, что это былъ способъ самый сложный и хитрый, а ужъ если брать чужое, то, разумѣется, самое послѣднее—модное и хитрое, а въ третьихъ, въ особенности потому, что эти пріемы были болѣе всего противоположны нашимъ старымъ пріемамъ... Какъ скоро родители, или просто здравомыслящіе люди, занимающіеся дѣломъ образованія, выражаютъ сомнѣнія въ томъ, что въ самомъ-ли дѣлѣ хороши эти пріемы, имъ говорятъ: а знаменитый Песталоцци, а Дистервегъ, а Денцель, а Вурстъ, а методика, эвристика, дидактика, концентризмъ? и смѣльчаки махаютъ рукой и говорятъ: «ну, Богъ съ ними. Они лучше знаютъ». Въ этихъ нѣмецкихъ пріемахъ была еще и та большая выгода для учителей (причина, по которой за эти пріемы особенно горячо держатся), что при нихъ учителю не нужно много старанія, не нужно дальше и дальше учиться, не нужно работать надъ собою и пріемами обученія. Большую часть времени по этой методѣ учитель учитъ тому, что дѣти знаютъ, да, кромѣ того, учитъ по руководству, и ему легко. И безсознательно, по врожденной человѣческой слабости, учитель дорожитъ этою легкостью. Весьма пріятно, съ твердымъ убѣжденіемъ, что учу и дѣлаю дѣло важное и самое современное, разсказывать дѣтямъ изъ книжки про суслика, или про то, что у лошади 4 ноги, или переставлять кубики по 2 и по 3 и спрашивать, сколько будетъ 2 и 2, но если-бы потребовалось вмѣсто суслика разсказать или прочесть про что-нибудь точно занимательное, дать основанія грамматики, географіи, священной исторіи

*) Сочиненія графа Л. Н. Толстого, М. 1889 г., стр. 401—402.

и 4 правилъ, то учитель сейчасъ-бы былъ приведенъ къ тому, чтобы поработать надъ собою, перечитать многое, освѣжить свои знанія»*). «Въ старой школѣ учитель ничего не говорилъ съ учениками, теперь предписано учителю говорить съ учениками что попало, или то, что они знаютъ, или то, чего не нужно знать. Въ математикѣ прежде заучивали опредѣленіе дѣйствій, теперь и самихъ дѣйствій уже не дѣлаютъ, такъ какъ только на 3-й годъ, по Евтушевскому, приступаютъ къ нумераціи и предполагаютъ, что нужно учить дѣтей въ продолженіе цѣлаго года считать до 10. Прежде заставляли учениковъ дѣлать дѣйствія съ отвлеченными большими числами, не обращали вниманія на другую сторону математики, распутываніе задачи (составленіе уравненія). Теперь учатъ распутыванію задачъ, составленію уравненій на малыхъ числахъ прежде, чѣмъ ученики знаютъ еще нумерацію и обращеніе съ дѣйствіями. Тогда какъ всякому учителю опытъ показываетъ, что трудность составленія уравненій или распутыванія задачъ преодолѣвается только общимъ, не школьнымъ, а жизненнымъ развитіемъ. На дняхъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ урока математики по методу Грубе. У ученика было спрошено: «сколько будетъ 8 и 7?»—онъ заторопился и сказалъ 16. Сосѣдъ его также поторопился и, не поднявъ лѣвой руки, сказалъ: 8 и 8 будетъ 16, а безъ одного 15. Учитель строго остановилъ сказавшаго это и заставилъ перваго спрошеннаго прикладывать сначала къ 8 по одному, пока онъ не дойдетъ до 15, хотя мальчикъ уже давно зналъ, что онъ ошибся. Въ школѣ этой проходилось число 15, а 16 должно быть неизвѣстно» **).

Вотъ что говоритъ Д. И. Тихомировъ, директоръ народныхъ училищъ Витебской губерніи, о практическомъ приложеніи методы Грубе въ русскихъ школахъ: «Учитель поставлялъ своею цѣлью изучить *всѣ* мнимыя свойства чиселъ», и «въ результатѣ оказывалось что... ученики просто теряли голову въ безчисленныхъ, на разные способы, выкладкахъ при изученіи каждаго числа или въ лучшемъ случаѣ—непроизводительно тратили дорогое время въ школѣ. Очевидно, что такая постановка преподаванія начальной ариѳметики немогла быть признана педагогически удобною и не могла удержаться въ школѣ значительное время, какъ существенно затруднявшая дѣло обученія своею сложностію, проистекавшею изъ неправильно установленнаго основного положенія» ***).

Появляются руководства къ методикѣ ариѳметики, по которымъ въ основу преподаванія должно полагать изученіе не числа съ его

---

*) Стр. 403—404.

**) Стр. 405—406.

***) «Методика начальной ариѳметики». Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890 г., стр. 7.

свойствами, а элементарныхъ дѣйствій надъ числами. Къ руководствамъ, составленнымъ въ этомъ направленіи относятся: «Методика ариѳметики для начальной школы и вообще начальнаго обученія» Мартынова (Москва. 1884 г.), «Методика ариѳметики съ приложеніемъ сборника ариѳметическихъ упражненій» (Спб. 1885 г.) Житкова и Шохоръ-Троцкаго, развивавшаго свои идеи еще прежде въ журналѣ «Семья и Школа» за 1882 г. и слѣд. въ статьяхъ: «Что такое методика Евтушевскаго» и др.,—«Методика начальной ариѳметики» Гольденберга (Спб. 1885 г.), «Методика ариѳметики цѣлыхъ чиселъ» Егорова (М. 1887 г.), «Методическое руководство» по тому же предмету Лубенца (Кіевъ. 1890 г.), «Записки по методикѣ элементарной ариѳметики» Вишневскаго (Казань, изданіе 3-е въ 1893 году), «Методика начальной ариѳметики» Д. И. Тихомирова, (Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890 г.), нѣсколько книгъ Шохоръ-Троцкаго: «Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики въ школѣ и дома»? (Спб. 1896 г.). «Учебникъ методики ариѳметики для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается этотъ предметъ» (Спб. 1896 г.) и др. Нѣкоторые составители руководствъ по ариѳметикѣ еще до 80-хъ годовъ хотя и не опровергали методы Грубе, но и не сочувствовали ей, таковы: Крымскій, Вороновъ, Гика. Можно съ удовольствіемъ отмѣтить тотъ фактъ, что направленіе противъ методы Грубе раньше началось въ Россіи, нежели у нѣмцевъ, гдѣ подорвавшія авторитетъ ея сочиненія Танка и Книллинга появились только въ 1885 году.

Въ изданныхъ 1886 года программахъ церковно-приходскихъ школъ рекомендуется постановка ариѳметики, выработанная педагогическою литературою 80-хъ годовъ. «Обученіе дѣтей счисленію,—говорится въ объяснительной запискѣ къ программѣ этого предмета,—имѣетъ цѣлію научить ихъ производить съ разумѣніемъ дѣйствія надъ числами и развить въ дѣтяхъ навыкъ прилагать эти дѣйствія къ рѣшенію задачъ изъ житейскаго быта». Въ основу преподаванія, такимъ образомъ, снова полагаются дѣйствія надъ числами, какъ было до 60-хъ годовъ, но тогда дѣйствія надъ числами изучались обыкновенно механически, съ плохимъ пониманіемъ ихъ со стороны учащихся, теперь же требуется, что бы эти дѣйствія производились учениками «съ разумѣніемъ». Приведенная выдержка изъ объяснительной записки къ программѣ обученія счисленію въ церковно-приходскихъ школахъ почти буквально повторяетъ слова Гольденберга изъ его «Методики», гдѣ сказано: «Обученіе дѣтей счисленію имѣетъ цѣлью научить ихъ сознательно (?) производить дѣйствія надъ числами и развить въ дѣтяхъ навыкъ прилагать эти дѣйствія къ рѣшенію задачъ общежитейскаго содержанія» *).

*) «Методика начальной ариѳметики». Спб. 1892 г., стр. I, ср. IX стр.

Прежде, до 60-хъ годовъ, преподаваніе, между прочимъ, имѣло ту слабую струну, что было поставлено отвлеченно, далеко отъ практической жизни. Мало обращалось вниманія на то, чтобы задачи, предлагаемыя для рѣшенія ученикамъ, имѣли близкое отношеніе къ ихъ быту и отсюда заимствовали свое содержаніе. «Объяснительная записка» къ программѣ обученія счисленію для церковно-приходскихъ школъ требуетъ, чтобы цѣлью обученія ариѳметикѣ было развитіе «въ дѣтяхъ навыка къ рѣшенію задачъ изъ житейскаго быта».—Въ этой программѣ самое названіе учебнаго предмета—«ариѳметика»—замѣнено другимъ «счисленіе», это—«программа обученія счисленію», но не программа ариѳметики. На западѣ,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ государствахъ,—въ начальныхъ школахъ преподается также не ариѳметика, но «счисленіе» (во Франціи calcul). Такимъ названіемъ указывается, что въ начальныхъ школахъ проходится лишь одна часть ариѳметики, или обращается главное вниманіе на одну ея сторону. Ариѳметика обыкновенно раздѣляется на ариѳметику - науку и ариѳметику - искусство. Въ ариѳметикѣ-наукѣ излагаются аксіомы, теоремы, законы и ученія, на которыхъ основаны дѣйствія надъ числами, вычисленія; ариѳметика-же-искусство— заключаетъ въ себѣ правила для производства вычисленій. Ариѳметику-науку называютъ еще теоретической ариѳметикой, ариѳметику-искусство—практической. Теоретическая ариѳметика изучается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ болѣе трудные отдѣлы— въ старшихъ классахъ. Въ начальныхъ же училищахъ естественно преподавать только практическую ариѳметику. Она-то и обозначается словомъ «счисленіе».

Составленныя въ новомъ направленіи руководства по методикѣ ариѳметики, признавая тотъ-же принципъ, что въ основѣ обученія счисленію должно лежать изученіе дѣйствій, расходятся въ частностяхъ при изложеніи пріемовъ обученія Конечно, это не имѣетъ существенно-важнаго значенія для веденія дѣла. «Не важно, чтобы всѣ часы имѣли одинаковое устройство, важно, чтобы всѣ они указывали вѣрное время»,—замѣчаетъ Унгеръ по поводу подобнаго различія въ новѣйшихъ нѣмецкихъ руководствахъ по методикѣ ариѳметики *).

Г. Шохоръ-Троцкій, такъ много потрудившійся для методики ариѳметики, ставитъ вопросъ о названіи методы обученія счисленію, смѣнившей у насъ методу Грубе. «Для развитія у учащихся, — говоритъ г. Шохоръ-Троцкій,—правильныхъ представленій, а впослѣдствіи и понятій о четырехъ дѣйствіяхъ, соотвѣтствующія части (?)

---

*) Die Methodik, § 233.

курса начальной ариѳметики должны быть построены на задачахъ, и притомъ на задачахъ простыхъ. Это соприкасается съ вопросомъ о томъ, какъ назвать ту методу, которая разрабатывается въ настоящемъ сочиненіи. Ариѳметическія задачи вообще должны, при разумномъ обученіи, быть не цѣлью, а только средствомъ обученія ариѳметикѣ, съ ихъ помощью должны быть вырабатываемы и развиваемы вѣрныя и ясныя представленія и понятія о четырехъ дѣйствіяхъ, объ ихъ смыслѣ и цѣли и т. п., поэтому изъ десяти случаевъ въ девяти задачахъ должна быть исходною точкою преподаванія ариѳметики... Метода эта названа «методою задачъ», потому, что задачи въ обширномъ смыслѣ этого слова являются исходною точкою во всякій моментъ обученія; метода эта названа методою цѣлесообразныхъ задачъ потому, что для каждой ступени, для каждаго ученія, для преодолѣнія каждой трудности, надо предлагать ученикамъ не какія ни попало задачи даннаго отдѣла и не задачи ради самаго разрѣшенія ихъ, а задачи, сообразованныя съ исключительною цѣлью даннаго урока ариѳметики» *). «Эта метода,—говоритъ г. Шохоръ-Троцкій въ предисловіи къ «Учебнику методики ариѳметики, для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается этотъ предметъ» (Спб. 1896 г.)» **),—еще не усвоена другими составителями книгъ по предмету преподаванія ариѳметики; они предпочли разработкѣ новой методы (взамѣнъ «методы изученія чиселъ») обнародованіе такихъ книжекъ и пособій, въ основаніе которыхъ не положено никакой (?) методы. Они усвоили себѣ только отрицательное отношеніе къ «методѣ изученія чиселъ», не позаботившись, къ сожалѣнію, о созданіи, въ замѣнъ ея, чего-нибудь положительнаго. Исключеніе изъ ихъ числа составляетъ едва-ли не одинъ С. В. Житковъ (Шохоръ-Троцкій вмѣстѣ съ нимъ написалъ методику ариѳметики), въ своей «Методикѣ» и въ своихъ «Сборникахъ» являющійся сторонникомъ новой методы. «Почти всѣ остальные авторы, взамѣнъ «методы изученія чиселъ», иногда предлагаютъ какую-то «методу изученія дѣйствій», не подозрѣвая, что предлагаемое ими представляетъ не нѣкоторую *методу* (курсивъ подлинника) обученія, а только характеристику *цѣли* всего курса предмета. Это совершенно подобно тому, какъ если-бы кто взамѣнъ «звуковой» или «буквослагательной» методы предложилъ новую методу, а именно «методу изученія грамоты».

Эти разсужденія г. Шохоръ-Троцкаго, отличаясь нападками на другихъ составителей руководствъ по ариѳметикѣ, едва-ли основательны. Цѣль обученія ариѳметикѣ не столько въ усвоеніи умѣнья

*) «Методика ариѳметики», ч. I, Спб. 1898 г., стр. 35—36.

**) Стр. IV.

производить ариѳметическія дѣйствія, сколько въ пріобрѣтеніи навыка рѣшать задачи. Ариѳметическія дѣйствія были бы дѣйствіями безцѣльными, если-бы не примѣнялись къ рѣшенію вопросовъ практической жизни, къ рѣшенію задачъ. Гг. Гольденбергъ, Тихомировъ и другіе, осуждаемые г. Шохоръ-Троцкимъ, авторы правильнѣе понимаютъ цѣль обученія счисленію, утверждая, что она заключается въ умѣньѣ производить ариѳметическія дѣйствія и рѣшать задачи. Не правда и то, будто «задачи, въ обширномъ смыслѣ слова» (?), является исходною точкою во всякій моментъ обученія». Нѣмецкая педагогика (Танкъ, Книллингъ) справедливо признаетъ основою обученія ариѳметикѣ изученіе счета. А возможно-ли обучать счету на задачахъ,—на этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ-же г. Шохоръ-Троцкій слѣдующее: «Учитель долженъ упражнять дѣтей на занимающей насъ (1-й) ступени только въ счетѣ, стараясь по возможности разнообразить эти упражненія. Должно замѣтить, что вводить въ задачи разсказъ въ эти упражненія не слѣдуетъ еще потому, что практическая жизнь предлагаетъ задачи счета вовсе не въ повѣствовательной формѣ» *). Вѣроятно, г. Шохоръ-Троцкій въ данномъ случаѣ, подъ задачею разумѣетъ не то, что подъ этимъ словомъ обычно разумѣется въ ариѳметикѣ, т. е. нахожденіе неизвѣстнаго числа по даннымъ числамъ, но то, что иногда разумѣется подъ задачею въ общежитіи, т.-е. работу, которую надо, предстоитъ исполнить. Въ такомъ случаѣ, «новая метода» г. Шохоръ-Троцкаго съ задачами на каждой ступени обученія не отличается отъ другихъ методъ и, слѣдовательно, несправедливо называется новою: едва-ли можно указать какую-нибудь методу, въ которой-бы на каждой ступени обученія не было такихъ задачъ—и, конечно, съ точки зрѣнія автора методы, цѣлесообразныхъ. Итакъ, названіе «методы цѣлесообразныхъ задачъ» не изъ удачныхъ.

Всѣми, кажется, руководствами по методикѣ ариѳметики, появившимися съ 60-хъ годовъ, признается необходимость концентраціи учебнаго матеріала, и большинство изъ нихъ распредѣляютъ учебный матеріалъ на слѣдующіе круги: 1) Изучаются дѣйствія надъ числами перваго десятка, 2)—первой сотни и 3)—любой величины. Таковъ распорядокъ курса у Мартынова, Гольденберга, Егорова, Вишневскаго, въ «Программѣ обученія счисленію для церковно-приходскихъ школъ» и др. Нумерація и каждое дѣйствіе, такимъ образомъ, изучается не сразу, но съ перерывами, такъ сказать, въ три пріема: сначала нумерація, потомъ сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе; затѣмъ снова нумерація, послѣ этого тѣ-же дѣйствія,

---

*) «Методика», стр. 66.

далѣе еще нумерація, затѣмъ опять дѣйствія. Г. Шохоръ-Троцкій, преслѣдуя «необходимое съ педагогической точки зрѣнія разнообразіе» *), устанавливаетъ болѣе сложный распорядокъ курса начальной ариѳметики, раздѣляя его на 31 ступень. — Первый годъ обученія, по г. Шохоръ-Троцкому, обнимаетъ собою 14 слѣдующихъ ступеней: 1) «Упражненіе дѣтей въ сознательномъ (?) устномъ счетѣ отъ одного до двадцати включительно; 2) ознакомленіе дѣтей съ ариѳметическими цифрами отъ 1 до 9 включительно; 3) прибавленіе единицы къ числамъ, не большимъ восьми, знаки + и =, отниманіе единицы отъ чиселъ, меньшихъ десяти, и знакъ (—) вычитанія; 4) обозначеніе двузначныхъ чиселъ отъ 11 до 19 включительно, а также обозначеніе 10-ти и 20-ти; 5) сложеніе чиселъ, сумма которыхъ не болѣе 10-ти; 6) вычитаніе однозначныхъ чиселъ изъ чиселъ меньшихъ 11-ти; 7) сложеніе одного десятка съ однозначнымъ числомъ и разложеніе двузначныхъ чиселъ отъ 11-ти до 19-ти включительно на сумму одного десятка и соотвѣтствующаго однозначнаго числа; 8) сложеніе чиселъ, сумма которыхъ болѣе десяти и менѣе двадцати и соотвѣтстующее вычитаніе; 9) сложеніе нѣсколькихъ однозначныхъ слагаемыхъ, умноженіе двухъ чиселъ, произведеніе которыхъ менѣе двадцати, и понятіе о дробяхъ ($^1/_2$, $^1/_4$, $^3/_4$); 10) нумерація двузначныхъ чиселъ; 11) сложеніе и вычитаніе двузначныхъ чиселъ и таблица умноженія; 12) выясненіе дѣтямъ дѣленія числа на извѣстное число равныхъ между собою частей (въ предѣлахъ таблицы умноженія); 13) дѣленіе числа по содержанію, т.-е. краткое сравненіе чиселъ (въ тѣхъ-же предѣлахъ); 14) нумерація трехзначныхъ и четырехзначныхъ чиселъ и сложеніе и вычитаніе въ тѣхъ-же предѣлахъ». Курсъ второго года обученія распадается на одиннадцать ступеней: «1) нумерація во всемъ ея объемѣ; 2) умноженіе двузначнаго и многозначнаго числа на однозначное; 3) дѣленіе двузначнаго на однозначное въ случаѣ, дающемъ въ частномъ число двузначное-же; 4) дѣленіе многозначнаго числа на однозначное; 5) умноженіе на одну единицу какого-либо разряда и на нѣкоторое однозначное число единицъ какого-либо разряда; 6) умноженіе многозначнаго числа на многозначное-же; 7) раздробленіе и вычитаніе именованныхъ чиселъ; 8) дѣленіе многозначнаго числа на однозначное число единицъ высшаго разряда; 9) дѣленіе на закруглимое число; 10) дѣленіе на незакруглимое двузначное и многозначное число; 11) дѣленіе на многозначныя числа вообще и превращеніе именованныхъ чиселъ». Въ курсѣ третьяго года слѣдующія ступени (счетъ ихъ идетъ съ 26-й въ виду того, что съ начала курса въ 1-мъ году 14 ступеней

---

*) «Методика начальной ариѳметики», ч. I, Спб. 1898 г.

+11ступеней второго года=25 ступеней); «26-я содержитъ въ себѣ упражненія, служащія для выработки точныхъ понятій о дѣйствіяхъ сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ; 27-ая посвящена разработкѣ точныхъ понятій о дѣйствіяхъ умноженія и дѣленія многозначныхъ чиселъ, и къ ней примыкаютъ нѣкоторыя упражненія въ образованіи дробей, рѣшеніе сложныхъ, чисто-ариѳметическихъ задачъ и вопросы о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ искомыхъ чиселъ въ зависимости отъ измѣненія чиселъ данныхъ; 28-я ступень посвящена ученіямъ объ измѣненіи дробей, о преобразованіи однѣхъ дробей въ другія, имъ равныя, и о дѣйствіяхъ надъ дробями: къ этимъ ученіямъ примыкаютъ рѣшеніе задачъ на простое и сложное тройныя правила, а также рѣшеніе наиболѣе часто встрѣчающихся задачъ на правило процентовъ и т. п.; 29-я ступень посвящена задачамъ на вычисленіе площадей прямоугольниковъ и основному порвоначальному представленію о кубическихъ единицахъ мѣры; наконецъ, 30-ая ступень посвящена задачамъ на вычисленіе времени».

Крайне сложная система! Впрочемъ, можно ли сказать «система»? Здѣсь положительно нѣтъ порядка, системы! Страннымъ кажется, почему въ руководствахъ по методикѣ ариѳметики рекомендуется отсутствіе того строго логическаго порядка, который господствуетъ въ ариѳметикѣ, какъ наукѣ, т. е. нумерація, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, составныя именованныя числа, дроби. Не даромъ говорится, что порядокъ—душа дѣла; система—одна изъ необходимыхъ качествъ разумнаго обученія. При методѣ Грубе, гдѣ изучаются числа, а не дѣйствія, цѣлесообразнымъ представляется дѣленіе курса на отдѣлы соотвѣтственно величинѣ чиселъ (отъ 1 до 10, отъ 10 до 100, отъ 100 до 1.000 и т. д.), но при методѣ, поставляющей задачею обученія ариѳметикѣ изученіе не чиселъ, а дѣйствій, такое дѣленіе не умѣстно; въ ней должно быть раздѣленіе курса на отдѣлы по дѣйствіямъ. Ариѳметическія дѣйствія надъ всѣми разрядами производятся какъ надъ простыми единицами. Предъ закономъ счета, если можно такъ выразиться, всѣ разряды одинаковы; билліоны, трилліоны такъ-же складываются, вычитаются' умножаются и дѣлятся, какъ простыя единицы. Едва ли труднѣе сложить два яблока да три яблока, чѣмъ два билліона и три билліона. Пора-бы, кажется, отрѣшиться отъ дѣленія курса на круги, соотвѣтствующіе не дѣйствіямъ, а величинѣ чиселъ,—дѣленія, основаннаго на ложномъ убѣжденіи, что для вычисленій необходимо имѣть ясныя, осязательныя представленія о числахъ и что такія представленія о числахъ меньшихъ пріобрѣтаются легче, нежели о числахъ большихъ. Что касается, въ частности, до распредѣленія учебнаго матеріала согласно плану г. Шохоръ-Троцкаго, то оно

настолько безпорядочно, что, кажется, самъ авторъ отчаявается въ возможности усвоенія не только учениками, но и самимъ учителемъ этого распредѣленія,—по крайней мѣрѣ, говоритъ: «Ни ученики, ни даже учитель не должны помнить, что̀ на какой ступени проходится...» *). Громоздкость, искусственность составленнаго г. Шохоръ-Троцкимъ плана обученія счисленію осуждается самимъ авторомъ, когда онъ говоритъ: «Естественность и простота—вотъ тѣ требованія, которыхъ не имѣетъ право забывать учитель» **), а тѣмъ болѣе составитель руководствъ по методикѣ. Не излишне еще разъ замѣтить, что усвоеніе учениками общаго распорядка науки едва-ли не болѣе развивающимъ образомъ дѣйствуетъ на нихъ, нежели усвоеніе ими частностей ея.

Задачи всегда признавались необходимымъ учебнымъ матеріаломъ при прохожденіи курса ариѳметики, но какими особенностями должны отличаться задачи при начальномъ обученіи, этотъ вопросъ имѣетъ свою исторію. При господствѣ методы Грубе предполагалось, что трудныя, замысловатыя задачи имѣютъ особенно важное значеніе въ цѣли развитія. Мартыновъ держится того-же взгляда на задачи. «Чѣмъ болѣе путь рѣшенія замаскированъ условіями задачи, — говоритъ г. Мартыновъ,—тѣмъ болѣе требуется изобрѣтательности, находчивости и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе изощряется мышленіе ученика». «Образовательное значеніе задачъ опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ, насколько искусно скрытъ въ задачѣ путь рѣшенія. Если путь рѣшенія, т. е. весь рядъ дѣйствій, нужныхъ для рѣшенія задачи, почти указывается самыми условіями, то такую задачу еще нельзя причислить къ разряду трудныхъ и, слѣдовательно, нельзя придавать ей большаго образовательнаго значенія» ***).

Г. Гольденбергъ-же высказываетъ взглядъ противоположный: «Что касается до задачъ,—читаемъ въ «Методикѣ» г. Гольденберга,—то мы стоимъ за простыя, посильныя дѣтямъ задачи и отвергаемъ цѣлесообразность задачъ замысловатыхъ, равно какъ задачъ съ лишними и несообразными условіями. полагая, что загадки и отгадки педагогическимъ цѣлямъ служить не могутъ» ****). г. Шохоръ-Троцкій говоритъ: «Для развитія дѣтскаго ума на ариѳметическомъ матеріалѣ вовсе не нужны экскурсіи въ область задачъ-загадокъ и задачъ, созданныхъ совсѣмъ не для образовательныхъ цѣлей, едва ли не въ средніе вѣка, которымъ чужды были современные педагогическіе идеалы. Для развитія дѣтскаго ума на ариѳметическомъ матеріалѣ вполнѣ достаточно учить *ариѳметикѣ* въ истинномъ зна-

*) «Методика ариѳметики», часть I-я, 1898 г., стр. 60.

**) Стр. 66.

***) «Методика ариѳметики». М. 1884 г, стр. 92—93.

****) Изданіе 8-ое, стр. 22.

ченіи этого слова, т. е. пониманію и производству четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій» *). «Увлеченіе исключительно рѣшеніемъ замысловатыхъ задачъ въ курсѣ третьяго года,—говоритъ тотъ-же авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи, — можетъ очень вредно повліять на цѣлостность этого курса: можетъ въ лучшемъ случаѣ оказаться, что ученики многое изъ ариѳметики позабудутъ и научатся только рѣшать нѣкоторыя особенныя задачи, весьма мало относящіяся къ самому предмету ариѳметики. Но можетъ случиться и еще худшее: ученики не пріобрѣтутъ твердыхъ ариѳметическихъ познаній, разучатся справляться съ задачами, требующими прежде всего умѣнья вѣрно и быстро производить четыре дѣйствія, и почти совсѣмъ не научатся разбираться въ задачахъ особенныхъ родовъ» *). «Не сложна крестьянская жизнь,—замѣчаетъ Д. И. Тихомировъ,— не сложныя поэтому слѣдуетъ давать крестьянскимъ дѣтямъ и вычисленія... все вниманіе сосредоточивъ на изощреніи учениковъ въ тѣхъ формахъ вычисленій, которыя имѣютъ практическое приложеніе къ жизни» ***).

Были попытки классифицировать задачи. Такъ, гг. Гольденбергъ и Шохоръ-Троцкій дѣлятъ задачи на 1) чисто-ариѳметическія и 2) алгебраическія. «Насколько, однако, вообще дѣленіе задачъ на ариѳметическія и алгебраическія шатко,—говоритъ г. Егоровъ,— лучше всего указываетъ примѣръ самого г. Шохоръ-Троцкаго, который одну и ту-же задачу («Методика ариѳметики» 1866 г., стр. 95, задача № 2-й, «Опытъ методики», 1888 г., стр. 68—69, задача № 2-й) въ одномъ своемъ сочиненіи считаетъ чистоариѳметической, а въ другомъ признаетъ за алгебраическую. Затѣмъ въ составленномъ имъ задачникѣ подъ рубрикой «Сложныя чисто-ариѳметическія задачи», находимъ массу задачъ, которыя по его-же опредѣленію слѣдуетъ считать алгебраическими. Беремъ наудачу 5-ю задачу изъ этой рубрики» («Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ для учащихъ» 1888 года, стр. 82, № 705» *). Другія попытки классификаціи задачъ (Конашевича, «Опытъ систематизаціи задачъ»; Комарова, «Методическое рѣшеніе типическихъ задачъ въ начальныхъ училищахъ») искусственны, произвольны, громоздки. По мнѣнію г. Егорова, «неудачи всѣхъ приведенныхъ попытокъ классификаціи ариѳметическихъ задачъ заставляютъ думать, что едва-ли и возможна сколько-нибудь строгая и послѣдовательно проведенная классификація ихъ, по крайней

*) «Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики въ школѣ и дома?» Спб. 1896 г., стр. 27.

**) «Методика ариѳметики», ч. I-я, стр. 243.

***) «Методика», стр. 10.

****) «Методика ариѳметики». О. И. Егорова. М. 1893 г., изд. 2-е, стр. 39—40.

мѣрѣ, въ томъ направленіи, въ которомъ это до сихъ поръ дѣлалось» *). Задачи безконечно разнообразны, какъ разнообразны явленія жизни и, подобно имъ, едва-ли могутъ быть уложены въ рамки схоластической мысли.

Не безъинтересно то обстоятельство, что въ методикѣ обращено вниманіе на важное значеніе воображенія при обученіи счисленію. Такъ, г. Мартыновъ говоритъ: «Содержаніе задачи можно считать усвоеннымъ лишь тогда, когда ученикъ достигнетъ до нагляднаго, какъ-бы картиннаго представленія между данными въ задачѣ числами. Живое дѣтское воображеніе, нарисовавшее въ головѣ полную картину выраженнаго въ задачѣ обстоятельства, поможетъ мышленію открыть способъ ея рѣшенія». «Направить воображеніе ученика въ эту именно сторону—дѣло учителя. А помогать образованію такого представленія задачи можно всѣмъ, что есть въ классѣ: и книга можетъ изображать изъ себя бочку, и линія—дорогу и т. д. **). «Надо помнить,—говоритъ г. Шохоръ-Троцкій, —что безъ участія и работы воображенія учениковъ никакое обученіе не возможно, и поэтому учащіеся должны во всѣхъ вопросахъ ариѳметическаго содержанія возможно чаще пользоваться этою драгоцѣнною способностію своею» ***). «Безъ воображенія и безъ его творческой силы не могла-бы существовать математика, какъ не можетъ существовать никакая наука, и безъ вліяніе на воображеніе учащихся не должно обходиться также преподаваніе ариѳметики» ****).

Если, вопреки мнѣнію Грубе и его школы, въ Германіи (Танкъ и Книллингъ) установили, что въ основаніи обученія счисленію лежитъ Zahlprincip—счетъ, то въ Россіи (гг. Мартыновъ, Гольденбергъ, Шохоръ-Троцкій и др.) обратили особенное вниманіе на дѣйствія, какъ на главный предметъ обученія элементарной ариѳметикѣ. Такимъ образомъ установлено, что обученіе счисленію слѣдуетъ начать нумераціей и вести къ тому, чтобы ученики усвоили умѣнье производить ариѳметическія дѣйствія и рѣшать задачи. Какъ видно изъ настоящаго очерка, въ текущемъ столѣтіи было много попытовъ улучшить преподаваніе ариѳметики, но едва-ли не большинство изъ нихъ оказались неудачными. Errare humanum est. Во всякомъ случаѣ, потрудившіеся на пользу народнаго просвѣщенія, чтобы облегчить дѣтямъ усвоеніе ариѳметики, заслуживаютъ отъ насъ искренней признательности.

М. Успенскій.

---

*) Стр. 41.

**) «Методика», стр. 96.

***) «Методика», ч. I, стр. 45.

****) «Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметикѣ въ школѣ и дома?», стр. 36.

Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени обученія.

(Продолженіе).

V.

Ничего нельзя возразить противъ необходимости пріучить дѣтей писать сколько-нибудь грамотно. Совершенно безграмотное письмо не имѣетъ цѣны: оно мало понятно, оно вызываетъ насмѣшки. Знать языкъ—это не значитъ только умѣть говорить и понимать, что слышишь и читаешь, но это значитъ еще умѣть писать такъ, чтобы тебя понимали. И потому мы отводимъ правописанію надлежащее мѣсто въ народной школѣ. Хотя, впрочемъ, и въ этомъ отношеніи, оно должно быть поставлено безспорно гораздо ниже толковаго ученія, какъ главнаго премета обученія въ народныхъ школахъ, какъ самой широкой двери, чрезъ которую народъ можетъ проникнуть къ сокровищамъ нашей художественной литературы и всякихъ знаній, тысячелѣтіями накопленныхъ человѣчествомъ и хранящихся въ литературѣ. Но можно нисколько не оспаривать важности самыхъ основныхъ правилъ правописанія въ народной школѣ и все-таки возражать противъ общепринятыхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ достигаются въ нашихъ школахъ навыки къ грамотному письму.

Главнымъ средствомъ къ изученію орѳографіи у насъ обыкновенно служитъ диктантъ. Въ московскихъ думскихъ училищахъ, въ старшемъ отдѣленіи, на уроки чтенія и письма идетъ до 18-ти часовъ въ недѣлю, и мы скорѣе уменьшимъ, чѣмъ преувеличимъ это число противъ дѣйствительнаго, если скажемъ, что изъ нихъ 9 часовъ употребляется на диктовку. Изъ свѣдѣній, представленныхъ на Всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, видно, что, напр., въ училищахъ Московскаго учебнаго округа диктовка бываетъ ежедневно (см. «Народное Образованіе на Всероссійской выставкѣ» Е. Ковалевскаго, стр. 366). Мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что въ большинствѣ школъ употребляется на этотъ предметъ по 6 часовъ въ недѣлю и почти никогда учитель не замѣнитъ урока

диктанта другимъ какимъ-нибудь предметомъ, хотя нерѣдко часы, назначенные на преподаваніе чтенія или письма, посвящаются диктовкѣ. Въ программахъ, изданныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для производства экзамена на льготу по отбыванію воинской повинности, главное мѣсто отведено письменному испытанію, гдѣ первенствуетъ диктантъ. Ученикъ, получившій два по диктовкѣ, уже не допускается, по закону, къ устному испытанію. Наоборотъ, почти всѣ, удовлетворительно написавшіе диктовку, проходятъ на устныхъ испытаніяхъ. Въ Москвѣ за неудовлетворительностью письменныхъ работъ не было допущено къ устнымъ испытаніямъ 29 учащихся изъ 1876, а на устныхъ пропущены были всѣ оставшіеся, за исключеніемъ троихъ, изъ коихъ двое сами, по болѣзни, не явились на испытанія, а изъ явившихся не выдержалъ экзамена только одинъ. Такимъ образомъ, самими правилами объ экзаменахъ диктовка ставится во главу угла. Ни развитіе ученика, ни его начитанность, ни обстоятельныя знанія по всѣмъ другимъ предметамъ преподаванія—ничто не спасетъ его отъ провала, если онъ хромаетъ въ диктовкѣ. Напротивъ, онъ можетъ плохо читать, не знать Закона Божія, не понимать читаемаго, не имѣть рѣшительно никакихъ свѣдѣній по родиновѣдѣнію и естествовѣдѣнію, онъ можетъ не брать ни одной книжки изъ дѣтской библіотеки, можетъ быть совершенно неразвитымъ, но если онъ напишетъ удовлетворительно диктантъ на экзаменѣ, онъ будетъ признанъ окончившимъ курсъ начальной школы, потому что устный экзаменъ, на практикѣ, представляетъ одну формальность: все дѣло рѣшаютъ только письменные отвѣты. По письменнымъ-же отвѣтамъ, т.-е. по диктанту и по письменному вычисленію, училищный Совѣтъ контролируетъ правильность произведенныхъ испытаній и, очевидно, никакой иной провѣрки экзаменовъ Совѣтъ произвести не можетъ. Крайне любопытно сопоставить отзывы старыхъ учителей о положеніи народной школы въ 70-хъ годахъ и ихъ-же отзывы о томъ, какою стала эта школа нынѣ, подъ вліяніемъ экзаменаціонныхъ требованій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣлый рядъ такихъ отзывовъ мы находимъ въ «Сводѣ» г. Петрова, изданномъ годъ тому назадъ Московскимъ губернскимъ земствомъ; и всѣ эти отзывы сводятся къ одному. Въ семидесятыхъ годахъ учителя обращали вниманіе и на развитіе учащихся, и на наглядное обученіе; они сообщали дѣтямъ достаточный для ихъ возраста запасъ свѣдѣній и по географіи, и по исторіи, и по естествовѣдѣнію; они вели съ учениками бесѣды на урокахъ объяснительнаго чтенія, вели предметные уроки. Теперь ничего этого почти нѣтъ: этого не требуется на экзаменахъ, на это нѣтъ времени, потому что все время надо употреблять на диктовку, на грамматику,

на правописаніе и на письменныя вычисленія. И когда вы перечитываете всѣ эти отзывы, у васъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что главный факторъ, перемѣстившій центръ тяжести съ умственнаго развитія къ механическимъ навыкамъ, съ содержанія къ буквѣ,—именно экзаменаціонныя требованія, какъ они ставятся министерскими программами объ испытаніяхъ на льготу. Что эти выводы относятся не къ одной Московской губерніи, объ этомъ едва ли стоитъ распространяться. Я близко знакомъ, какъ стояло дѣло преподаванія въ Смоленской губерніи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, такъ какъ работалъ тамъ въ это время; я, въ качествѣ руководителя учительскихъ курсовъ, ознакомился съ состояніемъ народной школы и въ другихъ округахъ и могъ сравнить состояніе школы въ этихъ мѣстностяхъ съ состояніемъ ихъ въ Москвѣ, гдѣ былъ инспекторомъ. И я могу сказать, что вездѣ экзамены производятъ одно и то-же давленіе на народную школу. Личный составъ учебнаго округа, личный составъ инспекціи народныхъ школъ и училищныхъ Совѣтовъ можетъ смягчить, до извѣстной степени, это давленіе, но никто не въ силахъ его уничтожить при существованіи такихъ опредѣленныхъ и такъ подробно регламентированныхъ правилъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что бывшій московскій попечитель графъ Капнистъ, бывшій попечитель Петербургскаго округа Капустинъ и Кавказскаго—Яновскій сочувственно относились къ задачамъ развитія учащихся, но даже ихъ вліяніе не могло сколько-нибудь значительно смягчить суроваго требованія экзаменаціонныхъ правилъ. Все, что можно сказать объ этихъ округахъ, это то, что въ Московскомъ, во время управленія имъ Капниста, и въ Петербургскомъ и Кавказскомъ теперь состояніе школъ нѣсколько лучше, чѣмъ, напримѣръ, въ Казанскомъ во времена г. Масленникова, и только. При той централизаціи, какая существуетъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, вліяніе мѣстныхъ властей чрезвычайно ограничено.

Говорятъ, будто другимъ побужденіемъ къ болѣе частому упражненію дѣтей въ диктовкѣ являются тѣ удобства, какія представляетъ это занятіе для учителя. Во время диктовки ученики сидятъ тихо; отъ учителя не требуется никакого умственнаго напряженія для того, чтобы слово за словомъ диктовать избранный отрывокъ или отдѣльныя фразы. Но роль этого фактора во всякомъ случаѣ второстепенная. Вѣдь не злоупотребляли-же диктантомъ учителя 70-хъ годовъ. Не пренебрегая этимъ упражненіемъ, они отводили ему надлежащее мѣсто.

Нельзя смотрѣть на диктантъ иначе, какъ только на одно изъ средствъ къ изученію языка, который долженъ представлять центральный предметъ въ начальной школѣ, главную цѣль преподаванія.

А между тѣмъ диктовка большею частью ведется такимъ образомъ, что все вниманіе ученика фиксируется только на формѣ слова, на его орѳографіи. Ученикъ можетъ прекрасно написать фразу—и не понимать ея содержанія; онъ можетъ правильно написать слово—и не знать, что оно выражаетъ; онъ можетъ съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей орѳографіи писать диктуемыя слова—и не съумѣть выразить на бумагѣ самой простой своей мысли. При такой постановкѣ диктанта цѣль, къ которой должены стремиться учитель и ученики, забыта и приносится въ жертву средству. Эта опасность особенно важна у насъ, гдѣ большая часть звуковъ имѣютъ для своего изображенія каждый только одну букву, гдѣ ученику очень рѣдко приходится встрѣчаться съ такими словами, какъ міръ и миръ, трудъ и трутъ, прудъ и прутъ, — словами, требующими для правильнаго ихъ начертанія, чтобы ученикъ понималъ ихъ. Вы можете продиктовать ученику фразу, которой онъ не въ состояніи понять, и онъ, несмотря на то, можетъ написать ее правильно и въ фонетическомъ, и въ этимологическомъ отношеніи.

Большою ошибкою будетъ думать, будто безупречный диктантъ служитъ доказательствомъ хорошаго знанія языка. Ученикъ въ этомъ случаѣ докажетъ только знаніе орѳографическихъ правилъ, умѣнье ими пользоваться и чисто внѣшнее знаніе формъ въ такихъ словахъ, которыя онъ, можетъ быть, даже не понимаетъ. Ученикъ, умѣющій читать и писать по-латыни и знающій немного латинскую грамматику, но совсѣмъ не умѣющій переводить, вѣдь тоже можетъ сравнительно правильно написать продиктованный ему отрывокъ. Наша цѣль должна быть другая: слово всегда должно быть въ умѣ ученика связано съ выражаемымъ имъ понятіемъ, отношенія между словами всегда должны вызывать въ умѣ ученика соотношенія между идеями. Диктантъ въ современной его постановкѣ удаляетъ, а не приближаетъ насъ къ этой главной цѣли преподаванія, потому что онъ отвлекаетъ вниманіе ученика отъ внутренняго содержанія къ внѣшней формѣ, отъ понятія къ буквѣ, отъ идеи къ орѳографическому правилу, отъ выраженія своихъ мыслей на бумагѣ къ механическому воспроизведенію словъ. Съ этой точки зрѣнія безконечно важнѣе диктанта будутъ бесѣды учителя съ учениками, чтеніе книгъ, пересказъ прочитаннаго, изложеніе своихъ мыслей и устно, и на бумагѣ. Кромѣ того, едва-ли диктовка, какъ она ведется въ большинствѣ случаевъ, достигаетъ значительныхъ результатовъ даже въ смыслѣ правописанія. Можно вмѣстѣ съ французскимъ инспекторомъ академіи Папо утверждать, что если наши дѣти пишутъ правильно, то это отнюдь не благодаря диктовкѣ въ томъ видѣ, какъ она ведется, а наперекоръ ей. Но намъ возразятъ,

что правописаніе не есть только дѣло сознанія. Скажутъ, что оно столько-же, если не больше, и дѣло навыка, привычки, дѣло памяти. Мы допускаемъ, что правописаніе есть столько-же дѣло памяти, сколько и сознанія. Извѣстны волостные писаря, пишущіе грамотно, хотя совершенно незнакомые съ грамматикою.

Въ то же время извѣстны ученики и очень развитые, и прекрасно знающіе всѣ правила правописаніе, однако то и дѣло допускающіе самыя грубыя ошибки. Когда ученику приходится писать слова: чайка, лодка, вода и т. п., можно еще думать, что онъ пишетъ ихъ, какъ слѣдуетъ только потому, что знаетъ правила объ употребленіи сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ, хотя даже въ этихъ случаяхъ можно допускать, что нерѣдко такія слова пишутся правильно безсознательно, по привычкѣ, только потому, что ученикъ помнитъ форму даннаго слова. Но за-то существуетъ цѣлый рядъ другихъ словъ, гдѣ ученикъ напрасно сталъ-бы напрягать всю силу своего ума, чтобы найти въ грамматическихъ правилахъ указанія на то, какъ написать слово, форму котораго онъ забылъ. Какія правила, кромѣ простой памяти, помогли-бы ему какъ слѣдуетъ написать: *футъ*, *собака*, *тысяча*, *бѣлый*, *возлѣ*, *крайне*, *сѣно*, *мѣлъ*, что надо тутъ писать: *ѳ* или *ф*, *ѣ* или *е*, *а* или *о*? На эти вопросы самый лучшій ученикъ начальной школы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не найдетъ указаній въ извѣстныхъ ему правилахъ и въ своей логикѣ: онъ долженъ разсчитывать только на свою память и на свою привычку.

Само наше общепринятое правописаніе носитъ характеръ непослѣдовательности, условности, крайней пестроты и основано въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только на обычаяхъ и привычкахъ, а часто просто на ошибкахъ, укоренившихся среди пишущей братіи. Почему мы пишемъ *темя*, тогда какъ филологія доказываетъ, что правильнымъ начертаніемъ, съ исторической точки зрѣнія, было-бы *тѣмя?* Почему мы пишемъ *калачъ*, *каравай*, *семья*, *песокъ*, *таракан*ъ вмѣсто филологически правильныхъ: *колачъ*, *коровай*, *сѣмья*, *пѣсокъ*, *тороканъ?* На этотъ вопросъ можетъ быть единственнымъ отвѣтомъ, что первое правописаніе, хотя и ошибочное, установлено обычаемъ. Если-бы когда-нибудь голосъ учителей, справедливо протестующихъ и противъ буквы *ѳ*, и *ѣ*, и *ъ*, противъ множества исключеній изъ извѣстныхъ орѳографичесчихъ правилъ и еще справедливѣе требующихъ простыхъ, широкихъ, ясныхъ и послѣдовательныхъ правилъ правописанія безъ исключеній, безъ ограниченій и колебаній, восторжествовалъ надъ нашими филологами, которые, къ ужасу учащихъ и учащихся, загромождаютъ общія правила грудою исключеній, то письмо безъ *ѣ*, безъ *ѳ*, безъ *ъ*, а иногда и безъ *ь*,

письмо, основанное на немногихъ, но стройныхъ, послѣдовательныхъ, широкихъ и общихъ, точныхъ и ясныхъ правилахъ, признавалось-бы настолько же правильнымъ, какъ и наше теперешнее письмо, потому что оно тоже опиралось-бы на обычай и привычки. Тогда было-бы еще возможно требовать, чтобы начертаніе каждаго слова опиралось на какое-нибудь изъ немногихъ и общихъ формулъ; при нынѣшнемъ-же положеніи правописанія даже ученый филологъ очень часто не можетъ указать никакого другого основанія для того или иного начертанія слова, кромѣ обычая, а обычай можетъ быть усвоенъ только памятью.

Все это правда, но правда и то, что писаря обыкновенно доходятъ до своей орѳографіи путемъ только очень долгой практики. Правда, что и мы пишемъ большею частью, не думая о правилахъ грамматики, пишемъ по навыку и привычкѣ, но несомнѣнно, что раньше, нежели образовались въ насъ эти навыки, каждый изъ нихъ прошелъ черезъ сознаніе. Первые шаги въ примѣненіи каждаго правила и у насъ требовали сначала работы сознанія, и только затѣмъ уже получили автоматическій характеръ. Главное же, на что мы хотѣли-бы обратить самое серьезное вниманіе всѣхъ учителей,— это то, что необходимо соображаться не столько съ тѣмъ, какъ скорѣе достигнуть правильнаго письма, сколько съ тѣмъ, какое вліяніе оказываютъ наши пріемы на развитіе ученика, на его психику.

Вліяніе диктанта на развитіе ребенка можетъ быть сравнено съ другимъ, повидимому, еще болѣе распространеннымъ упражненіемъ въ нашихъ начальныхъ школахъ—со списываніемъ съ книги. Мы уже не говоримъ о педагогахъ, поставившихъ своею задачею культъ безсознательныхъ навыковъ и механической долбни, о педагогахъ, почерпающихъ свои педагогическія знанія изъ различныхъ распоряженій «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма», но и люди болѣе ихъ свѣдующіе въ учебномъ дѣлѣ также настоятельно рекомендуютъ это упражненіе. Слово напечатано правильно—и достаточно небольшого вниманія, чтобы дѣти не дѣлали ошибокъ. Дѣти заняты; имъ некогда шалить; они сидятъ тихо. Учителю такъ легко дать такую работу: не надо соображать, надо только указать, откуда списывать. Изъ отвѣтовъ, доставленныхъ мнѣ учителями, присутствовавшими на руководимыхъ мною курсахъ, видно, что во многихъ школахъ на списываніе употребляется до 6 часовъ въ недѣлю.

Вотъ подсчетъ числа часовъ, употребляемыхъ на списываніе въ одномъ изъ упомянутыхъ мною уѣздовъ. Въ младшемъ отдѣленіи шесть часовъ въ недѣлю идетъ на списываніе въ $^3/_8$ всего числа школъ; въ среднемъ отдѣленіи столько-же часовъ въ $^1/_2$ школъ и въ старшемъ тоже 6 часовъ въ недѣлю въ $^2/_7$ всего числа школъ.

Во всемъ уѣздѣ не нашлось ни одной школы, гдѣ-бы этого упражненія не производилось, и только въ одной школѣ на списываніе употребляется менѣе двухъ часовъ въ каждомъ отдѣленіи. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ большинствѣ школъ на это упражненіе тратится не менѣе 18 часовъ въ недѣлю. Кто занимался перепискою, тотъ хорошо знаетъ, какое притупляющее дѣйствіе производитъ эта работа. Мы справедливо жалѣемъ швею, чью безотрадную жизнь такъ ярко изобразилъ Томасъ Гудъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, но швея можетъ думать о чемъ угодно во время своей механической работы. Ея пальцы работаютъ автоматически, по привычкѣ, почти не требуя участія сознанія, какъ мы автоматически ходимъ, что намъ не мѣшаетъ думать при этомъ о другомъ. Совсѣмъ иное дѣло работа переписчика, и особенно начинающаго. Его вниманіе должно быть сосредоточено на буквахъ каждаго слова. Стоитъ ему дать просторъ своему воображенію или уму—и онъ неминуемо дѣлаетъ ошибку за ошибкой. Надо-ли говорить, что положеніе списывающаго ученика гораздо хуже, такъ какъ у него нѣтъ навыковъ, какими обладаетъ даже начинающій переписчикъ. Все вниманіе ребенка приковано къ буквамъ, которыя онъ выводитъ одну за другой, не связывая ни понятій съ словами, ни идей, ни отношеній между ними съ фразами.

Мы вполнѣ справедливо сожалѣемъ канцелярскихъ писцовъ, отупѣвшихъ за перепискою рапортовъ, отношеній и предписаній, но тамъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, уже свыкшимися съ своею печальною долею. Ихъ умъ, ихъ любознательность давно усыплены и ничто внутри ихъ не протестуетъ противъ этого безсмысленнаго, механическаго занятія. Но когда такая работа изъ канцеляріи переносится въ школу, когда это мертвое, безжизненное дѣло мы навязываемъ дѣтямъ, мы не можемъ ожидать, чтобы ихъ ключомъ бьющая душевная жизнь легко и просто, безъ борьбы и протеста уложилась въ эти тѣсныя рамки безсмыслія и автоматизма. Правда, что нѣсколько недѣль такихъ упражненій, можетъ быть, одолѣютъ природную живость и любознательность ребенка; но, вѣдь, не этого-же результата ожидаемъ мы отъ начальной школы.

Мы понимаемъ мотивы, почему большинство учителей такъ охотно предлагаютъ дѣтямъ списываніе съ книги. При сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ этому упражненію ученики почти не дѣлаютъ ошибокъ, у нихъ не получается вредныхъ навыковъ въ смыслѣ правописанія: нѣтъ надобности просматривать работы, исправлять ошибки. Для учителя такъ просто, такъ легко задать такую работу ученикамъ: не надо ни объясненій, ни бесѣдъ; отъ учителя не требуется никакого умственнаго напряженія. И мы не можемъ не стать

на точку зрѣнія начальнаго учителя. На немъ лежитъ такое множество въ тысячу разъ болѣе важныхъ задачъ, что у него не хватило-бы ни времени, ни силъ изобрѣтать самому болѣе продуктивныя самостоятельныя упражненія. Это скорѣе дѣло методики, дѣло педагогическихъ авторовъ. И мы желали-бы сохранить всѣ выгоды списыванія, но въ то же время мы считаемъ безусловно необходимымъ внести въ это дѣло болѣе сознательности.

Хорошо извѣстно, какъ ведутся эти упражненія. Во многихъ учебникахъ помѣщаются цѣлые ряды словъ или фразъ, предназначаемыхъ для списыванія. Учителю остается только указать, гдѣ именно найти эти упражненія. И ученики принимаются за списываніе, воспроизводя одну за другою буквы въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ напечатаны въ книгѣ, не задумываясь надъ содержаніемъ того, что они пишутъ. Послѣднее было-бы, съ точки зрѣнія ученика, даже вредно, потому что смыслъ фразы отвлекъ-бы его вниманіе отъ точнаго воспроизведенія буквъ, а это одно, чего отъ него требуетъ учитель въ данномъ случаѣ. Но намъ скажутъ, что гораздо легче критиковать чужое, чѣмъ создавать свое. Намъ скажутъ, что надо-же какъ-нибудь развивать навыки къ грамотному письму и что подобныя упражненія надо начать возможно раньше, съ самыхъ первыхъ уроковъ обученія письму-чтенію. И мы сами не разъ задумывались надъ этими вопросами. И на этомъ пути мы встрѣтились прежде всего съ чисто методологическими затрудненіями.

Когда мы читаемъ методики, мы встрѣчаемъ тамъ бездну правилъ, большое число методическихъ рецептовъ, или ничѣмъ не мотивированныхъ, или подтвержденныхъ только ссылками на педагогическіе авторитеты или на традиціи или, и это въ лучшемъ случаѣ,— указаніями на тѣ или другія положенія психологіи или физіологіи. Рецепты первой категоріи, изложенные въ догматической формѣ, напоминаютъ собою распоряженія начальства, обязательныя для учителя и недопускающія ни сомнѣній, ни возраженій, ни уклоненій. Когда съ этою формою изложенія мы встрѣчаемся въ предписаніяхъ начальства, тамъ это совершенно понятно, хотя въ наше просвѣщенное время даже начальство, дѣлая какія-либо распоряженія, часто считаетъ не лишнимъ такъ или иначе доказывать ихъ цѣлесообразность.

Но методика не есть предписаніе начальства и едва-ли ей приличествуетъ такая форма.

Рецепты второго рода, опирающіеся на преданія, на право давности, также нуждались-бы въ лучшей основѣ, потому что наше прошлое теоріи и практики воспитанія и обученія—скорѣе исторія ошибокъ и заблужденій, нежели исторія плодотворныхъ открытій.

Впрочемъ, я не хочу сказать, что эти правила не имѣютъ уже никакой цѣны. Такъ или иначе, но они представляютъ личный,—правда, часто случайный,—опытъ учителей-практиковъ, когда учителя, вспоминая удавшіеся имъ почему-либо пріемы, рекомендуютъ эти пріемы другимъ. Однако еще Милль сказалъ, что настанетъ время, когда привычка основывать свои сужденія на одномъ личномъ опытѣ будетъ служить вѣрнымъ признакомъ низкаго умственнаго развитія.

Гораздо цѣннѣе методическія правила, основанныя на психологіи и физіологіи. Но психологія и физіологія даютъ для учителя только общія положенія, а каждое изъ этихъ положеній допускаетъ самыя различныя примѣненія на практикѣ. Психологія и физіологія даютъ лишь руководящія начала, но детальныхъ пріемовъ преподаванія и воспитанія онѣ дать намъ не могутъ. Это подобно тому, какъ физіологія растеній можетъ дать много цѣнныхъ для земледѣльца свѣдѣній, но не замѣнитъ для него прикладныхъ знаній, необходимыхъ въ полеводствѣ и огородничествѣ. Педагогика и дидактика пока еще находятся въ той стадіи развитія, которую въ наше время начинаетъ переростать, напримѣръ, медицина. Было время, когда практическая медицина тоже состояла изъ ряда рецептовъ, то заимствованныхъ изъ народной медицины, то переходящихъ отъ одного поколѣнія къ другому по преданію, то составляющихъ сводъ личныхъ случайныхъ наблюденій. Но теперь врачи въ дѣлѣ методовъ леченія выступили на путь точнаго выводного опытнаго знанія. При всякомъ методѣ леченія стараются точно опредѣлить смертность, вычисляютъ, сколько въ данной болѣзни процентовъ выздоровленія и смертныхъ случаевъ даетъ одинъ методъ леченія и сколько процентовъ даетъ другой. Сравнивая на точныхъ, неподкупныхъ цифрахъ успѣшность леченія одного метода съ другимъ, по возможности при равныхъ другихъ условіяхъ, производя опыты и наблюденія то надъ людьми, то надъ животными, подсчитывая наблюденія, собирая возможно большее число фактовъ, классифицируя, сопоставляя и сравнивая ихъ, врачи приходятъ къ твердымъ обоснованнымъ выводамъ. Когда такіе выводы уже сдѣланы, врачъ лечитъ не наобумъ: онъ знаетъ и можетъ доказать это цифрами, что его методъ леченія даетъ наименьшую смертность. Статистика играетъ въ этой области, какъ и во множествѣ другихъ, часто рѣшающую роль.

На этотъ-же плодотворный путь опыта статистики и точныхъ наблюденій выступили и агрономы. Опредѣляя, напримѣръ, точными цифрами урожай при одномъ удобреніи и урожай при другомъ, уравнивая при этомъ всѣ остальныя условія и сравнивая между собою полученные результаты, они приходятъ къ очень цѣннымъ и вполнѣ

обоснованнымъ выводамъ относительно того—чѣмъ, когда и какъ надо удобрять данную почву.

Чтобы яснѣе представить себѣ, насколько плодотворенъ этотъ путь точнаго опытнаго изслѣдованія, достаточно припомнить, какъ ничтожно было содержаніе естественныхъ наукъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не приняли методовъ опытнаго знанія, и какъ необъятно громадно количество плодотворныхъ открытій, сдѣланныхъ въ этой области знанія съ тѣхъ поръ, какъ естественныя науки воспользовались этимъ методомъ.

На этотъ-же путь не случайнаго, личнаго, субъективнаго, а точнаго, коллективнаго опыта и гуртовыхъ наблюденій должны вступить и методика и педагогика. Только при этомъ условіи ея рецепты и правила будутъ обоснованными, опирающимися на точныя доказательства; только при этомъ условіи они будутъ адресоваться къ разуму учителя и воспитателя, станутъ для него убѣжденіемъ, точнымъ знаніемъ, а не требованіемъ, воспринятымъ на вѣру и затверженнымъ памятью.

Не представляется, повидимому, особыхъ, совершенно непреодолимыхъ затрудненій къ тому, чтобы учителя и воспитатели также воспользовались методомъ изслѣдованія, давшимъ такіе богатые результаты вездѣ, гдѣ онъ имѣлъ примѣненіе. Объ одной изъ этихъ попытокъ я и хочу сказать нѣсколько словъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до января 1898-го года, я завѣдывалъ Тверскою фабричною школою. Условія для наблюденій здѣсь были чрезвычайно благопріятны: школа эта насчитывала нѣсколько сотъ человѣкъ учащихся; она была снабжена вполнѣ достаточнымъ запасомъ учебныхъ пособій; учителей въ ней было много и каждый изъ нихъ занимался только съ однимъ отдѣленіемъ, состоящимъ изъ учащихся приблизительно одного развитія, времени пребыванія въ школѣ и уровня познаній.

Случай представлялся очень благопріятный для наблюденій надъ успѣшностью тѣхъ или другихъ пріемовъ преподаванія, и я имъ воспользовался. Чтобы съ чего-нибудь начать, я остановился на вопросѣ о томъ, какія изъ общеупотребительныхъ упражненій, преслѣдующихъ навыки въ правописаніи, даютъ болѣе успѣшные результаты. Въ выборѣ именно этого предмета для первыхъ опытовъ я руководствовался слѣдующими соображеніями. Въ этой школѣ, какъ и во всѣхъ другихъ начальныхъ училищахъ, подъ вліяніемъ экзаменаціонныхъ требованій, установленныхъ министерскими правилами, очень значительное время и количество силъ шло не на развитіе учащихся, не на сообщеніе имъ свѣдѣній изъ исторіи, географіи и естествовѣдѣнія, а на диктантъ и другія упражненія, преслѣдующія

исключительно орѳографическія цѣли. И иначе не могли поступать преподаватели, хотя ихъ взгляды,—я это навѣрное знаю,—были другіе. И здѣсь, вслѣдствіе требованій мѣстнаго учебнаго начальства, письменныя испытанія, состоящія въ диктовкѣ и рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, имѣли рѣшающее значеніе на экзаменахъ. Получившій по диктанту неудовлетворительную отмѣтку, не допускался къ устнымъ экзаменамъ. Не отъ насъ зависѣло измѣнить убѣжденія экзаменаторовъ и понизить требованія по диктанту; но отъ учителей зависѣло изъ общепринятыхъ способовъ и пріемовъ въ обученіи правописанію выбрать наиболѣе успѣшные, съ тѣмъ, чтобы выиграть время и дать ему болѣе цѣлесообразное назначеніе. Черезъ мѣсяцъ я оставилъ завѣдываніе этой школой и мнѣ не пришлось выполнить программы опытовъ. Я ограничился только однимъ три раза повтореннымъ опытомъ съ чисто-механическими навыками въ правописаніи, хотя и сознавалъ, что это самое меньшее изъ того, что должно быть сдѣлано. Но это годилось для начала опытовъ. Опыты я началъ съ учениками перваго года обученія. Число такихъ учениковъ было наиболѣе значительнымъ (ихъ было около 230), и выводы изъ такого большого числа наблюденій представляли, конечно, гораздо большую цѣну, чѣмъ, если-бы они были произведены при меньшемъ числѣ учащихся. Въ первый разъ я предложилъ ознакомить учащихся, еще не закончившихъ изученіе звуковъ русской азбуки, съ орѳографіею десяти словъ, представляющихъ для этой ступени нѣкоторыя трудности: рѣпа, село, перо, рѣка, лѣто, поле и т. д. Трудность здѣсь заключалась въ томъ—*ѣ* или *е* пишется въ словѣ. Два изъ этихъ словъ изучены были посредствомъ чтенія-слиянія. Я писалъ эти слова на классной доскѣ, а ученики прочитывали вслухъ написанное. Это упражненіе было въ сущности чтеніемъ вслухъ; при этомъ я обращалъ ихъ вниманіе на орѳографію слова. Въ данномъ случаѣ я имѣлъ въ виду дѣйствовать на зрительную и слуховую память учащихся, а также на память произношенія, но не обращалъ вниманія на память графическую, мускульно-нервную, память руки и пальцевъ. Память словъ—не такая простая вещь, чтобы ею можно было пользоваться какъ попало. Мы уже знаемъ, что это очень сложный актъ, и чтобы воспользоваться имъ, надо хорошо понять его, надо разложить его на составные элементы, и надо отличать тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ наибольшую важность въ дѣлѣ орѳографіи, отъ тѣхъ, чья роль занимаетъ второе мѣсто. Что собственно вспоминаютъ ученики, когда имъ приходится писать какое-нибудь слово? Они могутъ вспомнить, какъ это слово произносилъ учитель, другими словами—какъ оно было воспринято ихъ слухомъ. Это будетъ слуховая память, память уха. Во-вторыхъ, они могутъ вспомнить, какъ они сами

выговаривали это слово. Это будетъ память произношенія, память, такъ сказать, устная, память голоса, память рта. Затѣмъ они могутъ вспомнить, какъ обыкновенно печатается это слово въ книгахъ, или пишется въ письмахъ, гдѣ они его видѣли,—это будетъ память зрительная, память глаза. Наконецъ, они могутъ вспомнить, какъ они сами когда-то писали это слово. Это будетъ память графическая, писчая, память нервно-мускульныхъ движеній, память пальцевъ и руки,—моторная память. Память словъ, такимъ образомъ, разлагается на четыре вида памяти.

Психологія доказываетъ это положеніе цѣлымъ рядомъ случаевъ болѣзни памяти, когда исчезаетъ одинъ видъ памяти, напримѣръ, зрительная, при наличности остальныхъ. Больной понимаетъ все, что ему говорятъ, самъ говоритъ; но онъ перестаетъ понимать написанное или напечатанное; зрительные образы исчезаютъ. Наблюдаютъ больныхъ, лишенныхъ слуховой пямяти, и т. д.

Два другіе слова я написалъ на доскѣ, а ученики списали ихъ въ своихъ тетрадяхъ. Это упражненіе въ сущности сводится къ такъ-называемому списыванію съ книги или съ прописи. Здѣсь учитель обращается къ двумъ видамъ памяти: зрительной и графической, но отвергаетъ память слуховую и память произношенія. Третья пара словъ была изучена слѣдующимъ образомъ: я громко и ясно произносилъ слово, а ученики повторяли его и разлагали на звуки. Это упражненіе также хорошо извѣстно учителямъ подъ именемъ анализа или разложенія словъ. Здѣсь имѣлось въ виду воздѣйствіе на память слуховую и память произношенія, но отвергалась память зрительная и графическая. Четвертая пара словъ была изучена путемъ такъ-называемаго предупредительнаго диктанта. Я диктовалъ слово, предупреждая, по возможности, всякую ошибку, а ученики писали это слово на своихъ тетрадяхъ. Наконецъ, послѣдняя пара словъ была написана учениками подъ диктовку безъ предупрежденія ошибокъ. Послѣдній видъ упражненій я считаю вреднымъ въ смыслѣ орѳографіи. Но считаться съ этимъ видомъ орѳографическихъ упражненій заставляетъ сама жизнь. Провѣрочный диктантъ, къ сожалѣнію, очень широко распространенъ въ нашихъ начальныхъ школахъ. Руководя учительскими курсами, я обыкновенно предварительно разсылалъ учителямъ вопросы, касающіеся употребляемыхъ ими пріемовъ въ преподаваніи. Между другими вопросами стоялъ и вопросъ о томъ, какая диктовка практикуется чаще въ ихъ школахъ: провѣрочная или предупредительная. И вотъ сводка отвѣтовъ, сдѣланная по одному изъ уѣздовъ. Изъ всѣхъ 37 отвѣтовъ на этотъ вопросъ только 20 учителей писали, что они чаще ведутъ предупредительный диктантъ; семеро предпочитали провѣ

рочный диктантъ предупредительному, семеро вели равномѣрно то предупредительный, то провѣрочный; а трое, предпочитая въ младшемъ отдѣленіи предупредительный диктантъ, въ старшихъ группахъ отдавали предпочтеніе провѣрочному. Между тѣмъ учителя этого уѣзда по своему образованію, развитію и опытности стоятъ выше обычнаго уровня. Изъ нихъ 84% получили образованіе не ниже, какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а мѣстное земство сдѣлало все, что могло, чтобы улучшить личный составъ своихъ училищъ.

Сводка отвѣтовъ по другимъ уѣздамъ и другой губерніи обнаружила еще большее преобладаніе провѣрочнаго диктанта. Такъ, въ другомъ уѣздѣ изъ 37 отвѣтовъ, полученныхъ на этотъ вопросъ, лишь 14 отмѣчаютъ преобладаніе предупредительнаго диктанта надъ провѣрочнымъ.

Въ трудѣ г. Ковалевскаго отмѣчено, что въ представленныхъ на Всероссійскую выставку въ Нижнемъ «тетрадяхъ нѣкоторыхъ городскихъ съ 6-ти лѣтнимъ курсомъ училищъ Московскаго учебнаго округа и всѣхъ Харьковскихъ находятся *только повѣрочныя диктовки*».

Можно думать поэтому, что провѣрочный диктантъ имѣетъ широкое распространеніе въ нашихъ школахъ. Но это предпочтеніе провѣрочнаго диктанта передъ предупредительнымъ возможно только до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана убѣдительными и для всѣхъ понятными доводами безуспѣшность этого упражненія.

Вотъ почему мнѣ казалось, что опытъ, произведенный съ такимъ большимъ числомъ учениковъ, долженъ дать результаты, достаточно убѣдительные и для тѣхъ изъ учителей, которые еще продолжаютъ вѣрить въ пользу провѣрочнаго диктанта.

Чтобы поставить опытъ въ болѣе благопріятныя условія, я старался уравнять всѣ остальные факторы, вліяющіе на усвоеніе и запоминаніе. Такъ, чтобы уравнять вліяніе времени, я съ часами въ рукахъ старался употребить на изученіе каждой пары словъ приблизительно одинаковое время *). Съ этою-же цѣлью, чтобы уравнять вліяніе утомленія учениковъ, я въ одной параллели (младшій возрастъ въ этой школѣ дѣлился на 4 параллельныхъ отдѣленія) начиналъ диктантъ съ одной пары словъ, въ слѣдующей параллели съ другой пары и т. д. Чтобы уравнять вліяніе состава словъ, я всѣмъ ученикамъ диктовалъ одни и тѣ-же слова, приблизительно одинаковой трудности: каждое слово состояло изъ 4-хъ буквъ и двухъ прямыхъ слоговъ и, за исключеніемъ послѣдней пары, неудачно по-

*) Исключеніе составляло однократное, троекратное и пятикратное списываніе: эти три вида упражненій не были уравнены между собою во времени, по весьма понятнымъ соображеніямъ.

добранной, представляло ту трудность, какую изъ двухъ буквъ выбирать для изображенія звука *е*. На другой день я дѣлалъ контрольный диктантъ, подсчитывалъ ошибки и дѣлалъ выводы.

Результаты перваго опыта можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, изученныя посредствомъ:	У сколькихъ учеgreник. данное слово было написано вѣрно въ 1 разъ.	У сколькихъ учениковъ слово написано было невѣрно въ 1 разъ.	Въ контрольномъ диктантѣ.		Число ошибокъ въ 1 разъ.		Число ошибокъ въ контрольномъ диктантѣ.	
			Вѣрно.	Не вѣрно.	На $\frac{ѣ}{е}$	Прочихъ.	На $\frac{ѣ}{е}$	Прочихъ.
1) Чтенія-слiянія..	—	—	265	201	–	—	157	44
2) Списыванія....	437	21	260	206	9	12	176	30
3) Предупредительнаго дикт......	407	51	251	215	19	32	173	42
4) Диктанта безъ предупрежденія ошибокъ......	211	245	203	263	207	4	197	66
Итого...	1.055	317	979	885	235	48	703	182 *)

Всматриваясь въ эту таблицу, мы видимъ, что наибольшій успѣхъ имѣло чтеніе-сліяніе: слова, изученныя этимъ способомъ, въ контрольномъ диктантѣ написало совершенно правильно наибольшее число учениковъ. Но при классификаціи ошибокъ оказывается, что наименьшее число погрѣшностей въ словахъ, изучаемыхъ посредствомъ чтенія-сліянія, падаетъ на ошибки противъ буквъ *ѣ* и *е*, относительно-же всѣхъ прочихъ ошибокъ чтеніе дало результаты ниже тѣхъ, какіе дало списываніе. Что чтеніе благотворно повліяло на уменьшеніе ошибокъ въ словахъ съ буквою $\frac{ѣ}{е}$, это легко объяснить тѣмъ, что вниманіе учениковъ при этомъ упражненіи не развлекалось графическими затрудненіями, какія бываютъ и при списываніи, и при диктантѣ, а почти исключительно сосредоточивалось на томъ ороографическомъ затрудненіи, на которомъ я останавливалъ вниманіе учениковъ при изученіи слова, т.-е. на буквѣ $\frac{ѣ}{е}$.

Что-же касается провѣрочнаго диктанта, то онъ не принесъ никакой пользы въ смыслѣ улучшенія ороографіи. Совершенно напро-

*) Цыфры, касающіяся послѣдней пары словъ, не занесены въ таблицу, такъ какъ слова эти выбраны неудачно въ томъ отношеніи, что затрудненія при ихъ начертаніи не были достаточно уравнены съ остальными 8 словами.

тивъ, при контрольномъ диктантѣ на другой день ученики сдѣлали на 18 ошибокъ больше, нежели въ первый день.

Мы видимъ также, что списываніе въ первый разъ дало результаты лучшіе, нежели предупредительный диктантъ: въ списываніи было сдѣлано на 30 ошибокъ меньше, нежели въ предупредительномъ диктантѣ. Но за-то правильно списанныя слова на другой день забыло большее (на 21 чел.) число учениковъ, нежели продиктованныя. Въ общемъ-же при контрольномъ диктантѣ списываніе дало меньше ошибокъ, чѣмъ диктантъ.

Классифицируя ошибки, мы находимъ, что во всѣхъ видахъ упражненій преобладающее мѣсто занимаютъ прежде всего ошибки на букву $\frac{ѣ}{е}$ (80% общаго числа ошибокъ), слѣдующее мѣсто занимаютъ ошибки, состоящія въ замѣнѣ одной буквы другой. Третье мѣсто занимаетъ полное искаженіе слова.

Въ прямой зависимости отъ вида упражненій стоитъ, повидимому, полное искаженіе, замѣна и пропускъ буквъ. Наибольшее число ошибокъ этого рода приходилось на провѣрочный диктантъ и наименьшее на списываніе, чтеніе и затѣмъ на предупредительный диктантъ.

Вышеизложенный опытъ страдалъ важнымъ недостаткомъ, состоящимъ въ томъ, что какъ-бы искусно ни подбирались слова для упражненій, здѣсь нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ слова будутъ представлять одинаковыя трудности для учащихся: съ одними изъ этихъ словъ ученики могли встрѣчаться въ книгѣ, а съ другими нѣтъ; одни изъ этихъ словъ болѣе употребительны среди дѣтей, а другія нѣтъ. Вотъ почему я затѣмъ ввелъ въ свои опыты слѣдующую поправку. Я дѣлалъ не одинъ, а два контрольныхъ диктанта: въ первый разъ передъ самымъ упражненіемъ, чтобы опредѣлить, какъ велики затрудненія, представляемыя для учащихся каждымъ изъ данныхъ словъ; а слѣдующій контрольный диктантъ я попрежнему дѣлалъ на другой день послѣ упражненій. Хотя въ этомъ новомъ пріемѣ тоже заключается неудобство, состоящее въ томъ, что ошибки, сдѣланныя во время перваго контрольнаго диктанта, оставляютъ слѣды, но это не мѣшаетъ по разницѣ между первымъ и вторымъ контрольными диктантами судить объ успѣшности каждаго отдѣльнаго упражненія. Чѣмъ значительнѣе уменьшеніе числа ошибокъ было во второмъ диктантѣ сравнительно съ первымъ, тѣмъ, стало быть, выше результаты даннаго упражненія.

Первый опытъ этого рода былъ произведенъ въ тѣхъ-же классахъ на слѣдующія упражненія: а) чтеніе вышеописаннымъ способомъ, б) разложеніе словъ на звуки, в) предупредительный диктантъ,

г) списываніе слова одинъ разъ, д) три раза и е) пять разъ. Последнее упражненіе я считаю вреднымъ по своей механичности; но я ввелъ его въ виду еще довольно распространеннаго среди учителей обычая заставлять дѣтей выписывать одно и то же слово, ошибочно написанное, въ тетради иногда по десяти и болѣе разъ, въ видахъ якобы наилучшаго изученія орѳографіи даннаго слова. На однихъ учительскихъ курсахъ мнѣ доставили тетрадки учениковъ, переполненныя подобными упражненіями. Одно и то-же слово, въ которомъ ученикъ имѣлъ несчастіе сдѣлать ошибку, онъ выписывалъ по 20 и болѣе разъ. И эти своего рода пытки производились въ городской школѣ, считающейся одною изъ лучшихъ въ данной мѣстности. На однихъ учительскихъ курсахъ руководитель заявлялъ, что многіе учителя заставляютъ учениковъ выписывать ошибки по 150 разъ. Но насъ чрезвычайно удивило замѣчаніе самого руководителя, который, исходя изъ той мысли, что съ навыкомъ можно бороться только навыкомъ-же, признавалъ возможнымъ выписывать ошибку по 50 разъ.

Но вѣдь такіе случаи возможны только до тѣхъ поръ, пока учителя убѣждены въ успѣшности этого вида упражненій, хотя бы только съ точки зрѣнія орѳографіи. Самые безсердечные изъ нихъ бросили бы этотъ видъ упражненій, если бы не вѣрили въ особый успѣхъ этого пріема.

Результаты опыта, о которомъ идетъ рѣчь, можно представить въ слѣдующей таблицѣ.

Слова, изученныя посредствомъ:	Число ошибокъ на ѣ/е		Разница.	Прочія ошибки		Разница.	Общее число ошибокъ.		Разница.	На сколько процентовъ уменьшилось число ошибокъ.		
	Въ 1 разъ.	II		I	II		I	II		На ѣ/е	Прочихъ.	Всѣхъ.
Чтенія	101	48	−53	5	8	+ 3	106	56	−50	−52%	+	−47%
Разложенія	48	34	−14	45	15	−30	93	49	−44	−29	−67	−47
Списыванія 5 разъ	113	77	−36	19	12	− 7	132	89	−43	−39	−37	−33
» 3 раза	108	78	−30	23	13	−10	131	91	−40	−28	−44	−31
» 1 разъ	73	76	+ 3	8	11	+ 3	81	87	+ 6	+	+	+
Предупредительнаго диктанта	77	83	+ 6	14	7	− 7	91	90	− 1	+	50%	1%

Всматриваясь въ эту таблицу, мы видимъ, во-первыхъ, что списываніе слова пять разъ даетъ почти тѣ-же результаты, какъ и списываніе три раза. Въ то время, какъ пятикратное списываніе уменьшило число ошибокъ на 33%, списываніе троекратное умень-

шило ихъ на 31%. Во-первыхъ, такой маленькой разницѣ, какъ въ 2%, здѣсь нельзя придавать ровно никакого значенія, потому что она легко можетъ быть объяснена случайными колебаніями. Во-вторыхъ, какъ это ясно видно изъ таблицы, списываніе каждаго слова пять разъ дало лучшіе результаты, сравнительно съ троекратнымъ выписываніемъ слова, только въ отношеніи ошибокъ на $\frac{ѣ}{е}$, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ преимущество оказалось на сторонѣ троекратнаго списыванія. Но если-бы даже это было и не такъ, если-бы списываніе два лишнихъ раза одного и того-же слова дѣйствительно поднимало успѣшность на два процента, то это такая ничтожная величина, что ради нея ни одинъ учитель не пожелалъ-бы тратить такъ много времени и ученическихъ силъ для столь незамѣтнаго и при томъ сомнительнаго результата. Онъ предпочелъ-бы употребить это время на упражненія, которыя даютъ, по вышеприведенной таблицѣ, результаты въ десятки разъ болѣе значительные и въ то же время не страдаютъ механичностью, а адресуются къ сознанію ученика.

Другая особенность, бросающаяся въ данной таблицѣ въ глаза, состоитъ въ томъ, что списываніе одинъ разъ, безъ повтореній, въ младшемъ отдѣленіи не дало сколько-нибудь значительныхъ результатовъ. Объясненіе этого явленія заключается, мнѣ кажется, во-первыхъ, въ томъ, что на этой ступени развитія, когда ученики еще не прошли всѣхъ звуковъ, графическія трудности (какъ написать данную букву, какъ связать ее съ слѣдующею буквою и т. д.) такъ велики, что при списываніи слова въ первый разъ онѣ поглощаютъ почти все вниманіе ученика. Только выписывая это слово во второй и третій разъ, ученикъ, сладившій уже съ графическими затрудненіями, успѣваетъ фиксировать свое вниманіе и на орѳографіи слова. Соображеніе это подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ старшемъ отдѣленіи, гдѣ начертаніе буквъ уже не можетъ затруднять учениковъ, списываніе слова одинъ разъ, безъ повторенія, и при тѣхъ-же условіяхъ, какъ увидимъ ниже, дало результаты въ общемъ не хуже тѣхъ, какіе дало и списываніе слова въ количествѣ трехъ разъ.

Третья особенность заключается въ томъ, что если сравнить ничтожные, почти отрицательные результаты, данные однократнымъ списываніемъ въ этотъ разъ, съ результатами, полученными отъ того-же упражненія въ первомъ вышеописанномъ опытѣ, то обнаружится огромная разница. Тамъ однократное списываніе слова заняло второе мѣсто по успѣшности, а здѣсь оно занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Но эта разница легко объясняется несходствомъ методовъ, положенныхъ въ основу того и другого опыта. Въ первый разъ ученикъ начиналъ съ того, что копировалъ съ доски данное

слово, написанное мною орѳографически-правильно; ученику не стоило большого труда вѣрно списать съ доски данное слово, и дѣйствительно, огромное большинство учениковъ (218 тетрадокъ на 229) написали эти слова безъ единой ошибки. Очевидно, это упражненіе не могло дать сколько-нибудь значительнаго числа слѣдовъ, вредныхъ въ смыслѣ орѳографіи, привычекъ, съ которыми-бы затѣмъ приходилось учителю бороться. Совсѣмъ другое дѣло представляетъ опытъ второго вида. Здѣсь ученики, прежде нежели приступить къ изслѣдуемому упражненію, должны были въ первомъ контрольномъ диктантѣ написать данное слово, какъ они умѣютъ, безъ всякой помощи со стороны учителя; здѣсь ничто не гарантируетъ ихъ отъ огромнаго числа ошибокъ. И дѣйствительно, тогда какъ при первомъ опытѣ число ошибокъ въ списываніи было найдено только въ 11 тетрадяхъ, во второмъ оно равнялось 132. А вѣдь каждая сдѣланная ошибка оставляетъ извѣстный слѣдъ, образовываетъ своего рода привычку къ безграмотному письму и съ этою привычкою надо было бороться во время упражненія. Естественно, что во второмъ случаѣ, при условіи борьбы со слѣдами ошибокъ, однократное списываніе слова въ его надлежащей орѳографической формѣ не могло дать замѣтныхъ результатовъ, что можно доказать самымъ простымъ разсчетомъ. Положимъ, что ученикъ въ контрольномъ диктантѣ сдѣлалъ извѣстную ошибку, а при упражненіи, слѣдующемъ за тѣмъ, написалъ это слово одинъ разъ вѣрно. Какой изъ двухъ противоположныхъ слѣдовъ будетъ имѣть перевѣсъ? При равныхъ другихъ условіяхъ, очевидно, первый, потому что первыя впечатлѣнія сильнѣе и глубже, нежели вторыя. Но совершенно понятно, что троекратное списываніе, оказавшееся необходимымъ въ этомъ исключительномъ случаѣ, совершенно ненужно въ обычномъ ходѣ дѣла. Оно оказалось нужнымъ только для борьбы со сдѣланными уже ошибками въ первомъ контрольномъ диктантѣ. Обыкновенно-же на урокахъ письма ошибки могутъ быть только случайныя и рѣдкія. Обыкновенно учителю не придется давать контрольнаго диктанта, понадобившагося здѣсь лишь въ интересахъ точности опыта, и потому троекратное списываніе не будетъ имѣть никакого смысла.

Мнѣ припоминается по этому поводу вредный обычай, встрѣчающійся, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ школахъ и состоящій въ томъ, что учениковъ, сдѣлавшихъ въ своихъ тетрадяхъ ошибки, заставляютъ выписать ошибочно написанныя слова и такъ, какъ они были написаны, и такъ, какъ надо ихъ писать. Этотъ способъ исправленія ошибокъ отмѣчаетъ и коммиссія, разсматривавшая письменныя работы, представленныя на Нижегород-

скую выставку (См. «Народное образованіе на всероссійской выставкѣ» Ковалевскаго, стр. 372). Самый простой разсчетъ показываетъ намъ, на какой сторонѣ въ данномъ случаѣ очутится сила привычки. Ученикъ одинъ разъ сдѣлалъ ошибку въ тетради, другой разъ онъ повторилъ ее, выписывая послѣ диктанта, и только одинъ третій разъ онъ написалъ слово какъ слѣдуетъ. Получается одинъ вѣрный образъ противъ двухъ невѣрныхъ. Извѣстно, что первое впечатлѣніе несравненно сильнѣе, чѣмъ второе, а второе сильнѣе, чѣмъ третье, и едва-ли намъ надо это доказывать. Достаточно припомнить, что мы гораздо дольше помнимъ свой первый день въ школѣ, нежели всѣ послѣдующіе, что первый офицерскій чинъ, первая появившаяся наша статья въ журналѣ, первая рѣчь адвоката, первая служба священника—все это оставляетъ самые яркіе слѣды въ нашей памяти, остающіеся иногда на всю жизнь. Съ этимъ закономъ мы встрѣчаемся даже въ животномъ мірѣ *).

Надо-ли прибавлять, что первое впечатлѣніе, какъ болѣе яркое, оставитъ въ памяти болѣе глубокіе слѣды, нежели послѣдующія—слабѣйшія. Нельзя сомнѣваться, что именно съ этимъ явленіемъ мы встрѣтились и въ нашихъ опытахъ.

Почему въ первомъ опытѣ однократное списываніе слова дало такіе хорошіе результаты, а во второмъ оно не принесло въ младшемъ отдѣленіи почти никакой пользы и понадобилось троекратное списываніе слова, чтобы добиться удовлетворительныхъ результатовъ? Да просто потому, какъ мы уже замѣтили выше, что въ первомъ опытѣ не было предварительнаго контрольнаго диктанта, который не допускаетъ предупрежденія ошибокъ, и дѣти прямо приступили

---

*) Любопытный опытъ въ этомъ отношеніи мы находимъ въ физіологіи. Извѣстно, что одинъ изъ признаковъ усиленной мозговой дѣятельности заключается въ колебаніяхъ температуры головного мозга. Въ оба полушарія головного мозга собаки ввели двѣ иглы. Когда отверстія заросли, собака была положена на операціонный столъ, наружные концы иголокъ были соединены проводниками, которые были проведены къ термо-электрическому измѣрителю. Если къ мордѣ собаки подносили простую бумагу, приборъ не обнаруживалъ никакихъ колебаній. Но если подносили завернутое въ бумагу мясо, измѣритель сейчасъ-же обнаруживалъ значительныя колебанія. Что интересуетъ насъ въ данномъ опытѣ, такъ это тотъ фактъ, что когда подносили мясо къ собакѣ въ первый разъ, то колебанія простирались до 14 дѣленій, во второй разъ они простирались только до 12-ти дѣленій, въ третій разъ до 9-ти, въ четвертый до 8-ми, во всѣ послѣдующіе разы тоже до 8-ми. Если температура является показателемъ напряженности дѣйствія мозга, а въ этомъ теперь едва-ли возможны сомнѣнія, то очевидно, что наиболѣе сильное впечатлѣніе было первое, ему уступало по своей силѣ второе, второму—третье, третьему—четвертое, а между четвертымъ и всѣми послѣдующими впечатлѣніями никакой разницы уже не обнаружилось.

къ изученію слова путемъ списыванія, что предупредило огромное число ошибокъ, а въ послѣдующихъ опытахъ изученію слова предшествовалъ контрольный диктантъ, ученики, безъ предупрежденія ошибокъ, писали слово, какъ они умѣютъ, дѣлали пропасть ошибокъ, и само слѣдовавшее затѣмъ упражненіе должно было вступить въ борьбу съ этими слѣдами погрѣшностей, съ вредными навыками, которымъ начало положено было въ предварительномъ контрольномъ диктантѣ. Очевидно, что затѣмъ однократнаго списыванья здѣсь было мало. Оно было уже *вторымъ* и, стало быть, болѣе слабымъ впечатлѣніемъ.

Изученіе слова посредствомъ чтенія-слиянія и на этотъ разъ, какъ и въ предыдущемъ опытѣ, занимало первое по успѣшности мѣсто. Оно сократило общее число ошибокъ на 47% и далеко опередило въ этомъ отношеніи не только однократное списываніе, но и троекратное, и повторенное пять разъ. Однако сфера дѣйствія этого упражненія ограничивалась и здѣсь, какъ и въ первомъ опытѣ, только предупрежденіемъ ошибокъ на буквы $\frac{ѣ}{е}$, и на этотъ разъ безуспѣшность этого упражненія въ смыслѣ предупрежденія прочихъ ошибокъ (замѣны одной буквы другою и пропуска буквъ) выразилась еще рѣзче. Въ то время какъ упражненіе это уменьшило число ошибокъ на буквы $\frac{ѣ}{е}$ на + 50% противъ предварительнаго контрольнаго диктанта, число прочихъ ошибокъ это упражненіе нисколько не уменьшило: напротивъ, по какой-то случайности, во 2-мъ контрольномъ диктантѣ ихъ оказалось нѣсколько больше. Объясненіе здѣсь то-же, о какомъ я говорилъ по поводу перваго опыта: чтеніе-сліяніе болѣе, нежели другія упражненія, даетъ учителю возможность на этой ступени обученія фиксировать вниманіе учениковъ на чемъ онъ хочетъ, на тѣхъ трудностяхъ, какія онъ желаетъ предупредить. Я обращалъ въ этомъ упражненіи вниманіе учениковъ главнымъ образомъ на правописаніе звука $\frac{ѣ}{е}$, и только это одно и сохранилось у нихъ въ памяти, но сохранилось лучше, чѣмъ все, что дали имъ другія упражненія. Въ старшемъ классѣ, гдѣ графическихъ трудностей не существуетъ для учениковъ, это упражненіе не занимаетъ перваго мѣста; но на первой ступени, повидимому, это упражненіе служитъ наилучшимъ средствомъ, чтобы предупредить ошибку, которую учителю легко предвидѣть: буква ѣ, сомнительный гласный или согласный звукъ и т. п.; однако упражненіе это не можетъ быть рекомендовано, какъ показываетъ таблица, даже и на этой ступени для предупрежденія случайныхъ ошибокъ, которыя нельзя предвидѣть. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи первое мѣсто, какъ показываетъ таблица,

принадлежитъ звуковому анализу слова, второе—предупредительному диктанту и третье—троекратному списыванію слова. Эти послѣднія упражненія, какъ показываетъ таблица, слабѣе вліяютъ на орѳографію звука $\frac{ѣ}{е}$ и болѣе выгодно на уменьшеніе случайныхъ ошибокъ. Два изложенные выше опыта привели меня къ мысли въ слѣдующихъ опытахъ ввести на ряду съ предыдущими новое упражненіе, соединивъ въ немъ въ одно цѣлое три упражненія, давшія наилучшіе результаты въ томъ или другомъ отношеніи.

Я полагалъ, что, соединивъ въ этомъ одномъ видѣ упражненій все лучшее, что обнаружено предыдущими опытами, мы получимъ наиболѣе дѣйствительное и успѣшное средство для изученія орѳографіи, выгадаемъ время, сохранимъ силы учащихся и учителя для другихъ, болѣе развивающихъ и болѣе цѣнныхъ классныхъ занятій, каково, напримѣръ, объяснительное чтеніе. Достаточно взглянуть на обѣ первыя таблицы, чтобы понять, почему я, составляя новый видъ упражненій, остановился прежде всего на разложеніи и чтеніи слова: чтеніе въ обоихъ опытахъ дало наилучшіе результаты въ смыслѣ предупрежденія ошибокъ, предвидѣнныхъ учителемъ, разложеніе во второмъ опытѣ занимало первое мѣсто въ смыслѣ предупрежденія ошибокъ случайныхъ. Сюда-же я присоединилъ упражненіе, занимающее слѣдующее по успѣшности мѣсто, а именно троекратное списываніе слова для звуковиковъ и однократное для дѣтей старшей группы, и это тѣмъ болѣе, что въ двухъ первыхъ видахъ упражненій не была привлечена къ участію въ работѣ графическая память. Въ третьемъ опытѣ съ тѣмъ-же составомъ учениковъ производились слѣдующіе виды упражненій.

1) Одно слово было изучено посредствомъ звукового разложенія, чтенія и троекратнаго списыванія вмѣстѣ. Я говорилъ дѣтямъ слово, они разлагали его на звуки; подъ ихъ диктовку, такъ сказать, я писалъ это слово на доскѣ, гдѣ дѣти его прочитывали, при чемъ я останавливалъ ихъ вниманіе на затрудненіяхъ, какія предвидѣлъ, и наконецъ они переписывали это слово въ своихъ тетрадяхъ три раза.

2) Съ другимъ словомъ былъ сдѣланъ предупредительный диктантъ.

3) Третье слово было списано 1 разъ.

4) Четвертое » » 3 раза.

5) Пятое написано мною на доскѣ и прочитано дѣтьми.

6) Шестое разложено дѣтьми на звуки.

7) Седьмое было написано безъ предупрежденія ошибокъ.

По прежнему предъ самымъ упражненіемъ былъ произведенъ контрольный диктантъ и такой-же контроль былъ произведенъ на другой день послѣ упражненій.

Результаты третьяго опыта могутъ быть выражены въ слѣдующей таблицѣ.

Слово, изученное посредствомъ:	Число ошибокъ на ѣ/е			Число прочихъ ошибокъ.			Всего ошибокъ.			На сколько % уменьшилось число ошибокъ.		
	Въ предварит. контрол. дикт.	Во второмъ контрол. дикт.	Разница въ числѣ ошибокъ.	Въ 1 разъ въ контрол. дикт.	Во 2-й разъ.	Разница.	Въ 1 разъ.	Во 2-й разъ.	Разница.	Общее.	На ѣ/е	Прочихъ ошибокъ.
1) Разложенія + чтенія + троекратнаго списыванія	77	46	—31	34	11	—23	111	57	—54	47%	40%	68%
2) 3-кратнаго списыванія	99	69	—30	26	14	—12	125	83	—42	34%	30%	46%
3) Предупр. диктанта	70	63	— 7	66	32	—34	136	95	41	30%	10%	51%
4) Чтенія	46	43	— 3	32	18	—14	78	61	—17	22%	6%	44%
5) Разложенія	91	81	—10	16	11	— 5	107	92	—15	14%	11%	31%
6) Списыванія 1 разъ	73	77	+ 4	19	19	0	92	96	+ 4	Число ошибокъ увеличилось.		
7) Диктанта безъ предупрежденія ошиб.	97	115	+18	18	7	—11	115	122	+ 7			

Таблица эта показываетъ, что новый видъ упражненій, какъ и слѣдовало ожидать, далъ наилучшіе, сравнительно, результаты. По успѣшности онъ занялъ первое мѣсто и въ отношеніи къ общему числу ошибокъ, и въ отношеніи къ каждому изъ ихъ видовъ въ отдѣльности. На этомъ упражненіи я старался держать дѣтей не дольше того, какъ и на другихъ видахъ упражненій, напримѣръ, на второмъ и на третьемъ, а потому полученные результаты нельзя объяснять количествомъ затраченнаго времени.

Чтеніе на этотъ разъ дало нѣсколько иные результаты, нежели въ первыхъ двухъ опытахъ. Тамъ оно значительно сокращало число ошибокъ на *ѣ/е*, здѣсь этого не было. Объясненіемъ можетъ служить слѣдующее. Такъ какъ чтеніе помогаетъ только тому, на чемъ учитель останавливаетъ вниманіе дѣтей, то полученный на этотъ разъ результатъ является слѣдствіемъ того, что я недостаточно фиксировалъ вниманіе учениковъ на правописаніи *ѣ/е.* И чтеніе, и разложеніе слова на звуки въ смыслѣ ороографіи могутъ дать различные результаты, смотря по тому, какъ выполнитъ эти упражненія учитель.

Результаты ихъ могутъ быть и выше троекратнаго и пятикратнаго списыванія съ книги, какъ мы это видѣли въ предыдущемъ опытѣ; но могутъ быть и ниже, какъ это мы видимъ сейчасъ. То-же самое надо сказать и о предупредительномъ диктантѣ: здѣсь во всѣхъ этихъ упражненіяхъ очень многое зависитъ отъ учителя, его

пріемовъ и даже настроенія, и потому здѣсь возможны очень значительныя колебанія въ результатахъ. Болѣе постоянную величину въ этомъ отношеніи даетъ списываніе: какъ въ предыдущемъ диктантѣ списываніе 1 разъ не уменьшило числа ошибокъ, а даже увеличило ихъ, такъ и теперь оно привело къ тѣмъ-же результатамъ. Такимъ-же постоянствомъ отличается, повидимому, и троекратное списываніе. Какъ прежде оно повело къ сокращенію числа ошибокъ на 31%, такъ и теперь оно дало приблизительно тотъ-же результатъ (34%). Не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ колебаній и успѣшность или, вѣрнѣе, безуспѣшность провѣрочнаго диктанта *): и прежде, и теперь, онъ далъ только отрицательные результаты.

Всѣ предыдущіе опыты, какъ уже сказано, производились съ учениками-звуковиками. Необходимо было изслѣдовать, насколько примѣнимы вышеизложенные пріемы образованія орѳографическихъ навыковъ въ старшей группѣ, такъ какъ несомнѣнно, что измѣненіе въ возрастѣ, развитіи и познаніяхъ должны повлечь за собою и измѣненія въ результатахъ, достигаемыхъ примѣненіемъ того или другого пріема. Перенося опыты въ старшую группу, я выбралъ для опытовъ слова, незнакомыя учащимся,—названія городовъ, почти не встрѣчающихся ни на урокахъ, ни въ книгахъ, которыя читаютъ дѣти начальныхъ школъ: Данцигъ, Эдинбургъ, Портсмутъ и т. д. Методъ изслѣдованія оставался тотъ-же: сначала контрольный диктантъ, вслѣдъ за тѣмъ упражненіе, а на другой день снова контрольный диктантъ, чтобы по разницѣ ошибокъ можно было судить объ успѣшности упражненія. Результаты этого опыта можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Слова, изучаемыя посредствомъ:	Число ошибокъ въ 1-мъ контрольномъ диктантѣ.	Число ошибокъ во 2-мъ контрольномъ диктантѣ.	Разница.	Насколько процентовъ уменьшилось число ошибокъ.
1) звукового анализа + чтенія + списыванія 3 раза	30	5	25	83%
2) звук. разл. + чтенія + списыванія 1 разъ	99	19	80	80%
3) однократнаго списыванія	84	25	59	70%
4) предупредительнаго диктанта	92	48	44	48%
5) звукового разложенія + чтенія	99	63	35	35%
6) провѣрочнаго диктанта	100	90	10	10%

*) Провѣрочнымъ диктантомъ во второмъ и третьемъ опытахъ служилъ предварительный контрольный диктантъ, который носилъ характеръ провѣрочнаго, безъ предупрежденія ошибокъ.

При первомъ взглядѣ на эту таблицу бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ старшемъ отдѣленіи всѣ виды упражненій даютъ лучшіе результаты, нежели въ младшей группѣ учениковъ. Уменьшенія ошибокъ на 80 и болѣе % мы не видали ни на одномъ изъ опытовъ, произведенныхъ въ младшемъ отдѣленіи. Но этого результата надо было ожидать. Рѣшительно всѣ намъ извѣстные опыты экспериментальной психологіи показываютъ, что способность увеличивается съ возрастомъ, и эти колебанія особенно замѣтны въ возрастѣ отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ. Особенную успѣшность представляетъ здѣсь, какъ и въ предыдущемъ опытѣ, упражненіе, въ которомъ соединены звуковой анализъ слова и чтеніе его со списываніемъ. Таблица показываетъ, что нѣтъ никакой надобности на этой ступени въ двукратномъ или троекратномъ списываніи слова даже послѣ контрольнаго диктанта, даже въ видахъ борьбы со сдѣланными уже ошибками. Правда, что первый видъ упражненій далъ на три процента менѣе ошибокъ, нежели второй (съ однократнымъ списываніемъ), но это такая ничтожная величина, что если-бы здѣсь нельзя было объяснить разницу простою случайностью, то и тогда не стоило-бы труда и времени излишнимъ и скучнымъ повтореніемъ одного и того-же слова добиваться такого крошечнаго результата. Успѣшность второго упражненія настолько велика, что, при незначительности потребнаго на него времени, представляется безспорно наилучшею формою изъ всѣхъ упражненій, надъ которыми былъ произведенъ послѣдній опытъ. Насколько значителенъ его результатъ, выражаемый 80% уменьшенія ошибокъ, показываетъ простая справка съ экспериментальною психологіею. Опыты съ экспериментальной психологіей Эбингауса доказываютъ, что забвеніе идетъ сначала чрезвычайно быстро, а потомъ все болѣе и болѣе замедляется. Выучиваютъ извѣстное число безсмысленныхъ слоговъ до возможнаго перваго безошибочнаго ихъ воспроизведенія. Сокращеніе времени для вторичнаго воспроизведенія даетъ извѣстное мѣрило при опредѣленіи силы якобы забытыхъ представленій. Оказывается, что чрезъ одинъ часъ нужно для вторичнаго разучиванія около 1/2 первоначальнаго времени, черезъ 24 часа 1/3, черезъ 6 дней 1/4, а черезъ мѣсяцъ 1/5 первоначальнаго времени. Въ нашемъ опытѣ второе упражненія далo80 %. уменьшенія ошибокъ—результатъ, котораго въ виду только-что приведеннаго закона экспериментальной психологіи, нельзя не признать исключительно благопріятнымъ. Это значитъ, что здѣсь дѣйствовала не одна механическвя память, которая должна-бы дать гораздо меньшіе результаты. Здѣсь пришли на помощь еще разсудочныя ассоціаціи, играющія видную роль и въ дѣлѣ орѳографіи. Такими ассоціаціями гораздо богаче умъ старшихъ учениковъ, и вотъ при-

чина, почему въ этихъ отдѣленіяхъ всѣ пріемы даютъ лучшіе результаты. Значительные результаты дало и третье упражненіе—однократное списываніе. Но это совсѣмъ не значитъ, чтобы мы рекомендовали это упражненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно ведется теперь въ школахъ. Совершенно напротивъ. Принося большую пользу въ смыслѣ орѳографическихъ навыковъ, упражненіе это страдаетъ существеннымъ и крайне важнымъ недостаткомъ: оно почти ничего не даетъ сознанію дѣтей, представляетъ слишкомъ механическое упражненіе и дѣйствуетъ на учениковъ притупляющимъ образомъ, готовя изъ нихъ гоголевскихъ Акакіевъ Акакіевичей. Оно можетъ практиковаться въ школахъ только при условіи, если въ это упражненіе будетъ внесенъ существенный коррективъ, если оно будетъ осмысленнымъ. Провѣрочный диктантъ въ послѣднемъ опытѣ хотя и не далъ, какъ въ предыдущемъ, отрицательнаго результата, но его успѣшность здѣсь выражена такою ничтожною цифрою, что она въ 8 разъ ниже результатовъ второго упражненія [разложеніе + чтеніе + списываніе]. Классифицируя ошибки, сдѣланныя въ послѣднемъ опытѣ, мы нашли, что 67% всего числа ошибокъ сводится къ замѣнѣ одной буквы другою, 30%—къ пропуску буквъ и только 3% падаетъ на всѣ остальныя ошибки. Приблизительно въ такомъ-же отношеніи распредѣлялись ошибки и въ предыдущихъ опытахъ. Выводъ этотъ считаю не лишнимъ, потому что учитель въ подобныхъ упражненіяхъ долженъ предвидѣть всѣ наиболѣе часто встрѣчающіяся ошибки. Насколько простая случайность можетъ вліять на количество ошибокъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Во второмъ контрольномъ диктантѣ 8 учениковъ сдѣлали ошибку въ словѣ Штутгардъ, прибавивъ на концѣ букву *т*, тогда какъ въ первомъ контрольномъ диктантѣ ея не было. Отыскивая объясненіе, я нашелъ его только въ томъ, что ученики сдѣлали эту ошибку по аналогіи со словомъ Дармштадтъ, продиктованнымъ рядомъ со словомъ Штутгардъ. И всѣ возможныя случайности не легко предусмотрѣть при подобныхъ опытахъ. Поэтому твердо обоснованные выводы возможны только при значительномъ числѣ опытовъ и при большемъ количествѣ учениковъ. Въ нашихъ же опытахъ можно съ увѣренностью утверждать пока только то, что безъ измѣненія повторялось въ каждомъ изъ нихъ и не подвергалось значительнымъ колебаніямъ. Къ числу такихъ, повидимому, безспорныхъ выводовъ принадлежитъ, во-первыхъ, тотъ, что упражненіе, состоящее въ разложеніи слова, затѣмъ чтеніи и списываніи его по успѣшности занимаетъ самое первое мѣсто: въ младшемъ отдѣленіи оно уменьшило число ошибокъ на 68%, а въ старшемъ, при однократномъ списываніи, на 80%.

Второй, тоже обоснованный, выводъ состоитъ въ томъ, что про-

вѣрочный диктантъ во всѣхъ рѣшительно опытахъ по успѣшности занималъ самое послѣднее мѣсто: въ младшемъ отдѣленіи приносилъ вредъ, увеличивая число ошибокъ во второмъ контрольномъ диктантѣ, а въ старшемъ уменьшилъ число ошибокъ на очень незначительную величину. Списываніе во всѣхъ опытахъ занимало по успѣшности среднее мѣсто; но въ младшемъ отдѣленіи этотъ результатъ былъ достигнутъ во второмъ и третьемъ опытахъ, когда списыванію предшествовалъ контрольный диктантъ, только троекратнымъ повтореніемъ одного и того-же слова, а въ старшемъ тѣ же результаты дало и простое списываніе, безъ повтореній. Но такое-же списываніе безъ повтореній дало вполнѣ удовлетворительные результаты и въ младшемъ отдѣленіи въ первомъ опытѣ, когда списыванію не предшествовало провѣрочнаго диктанта, безспорно вреднаго въ смыслѣ орѳографіи. Стало быть, при обычномъ веденіи дѣла, нѣтъ никакой надобности даже въ младшемъ отдѣленіи въ повторномъ списываніи словъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда принято выписывать ошибочно написанныя слова такъ, какъ ихъ надо писать, не слѣдуетъ выписывать ихъ болѣе трехъ разъ въ младшемъ отдѣленіи и болѣе одного въ старшемъ. Что касается остальныхъ изслѣдованныхъ упражненій: чтенія и разложенія слова, то ихъ результаты, всегда болѣе или менѣе удовлетворительные, подвержены колебаніямъ: въ младшемъ отдѣленіи чтеніе дало въ разныхъ опытахъ сокращеніе числа ошибокъ на 44% — 47%, звуковое разложеніе слова—въ младшемъ отдѣленіи сократило число ошибокъ на 31%—47%, а оба эти упражненія вмѣстѣ въ старшемъ отдѣленіи сократили число ошибокъ на 35%. Какъ мы уже говорили выше, колебанія въ результатахъ этихъ упражненій зависятъ, повидимому, отъ того—на чемъ, какъ долго и какъ сильно учитель фиксируетъ, при чтеніи или разложеніи слова, вниманіе учащихся. По той-же, повидимому, причинѣ особенно большія колебанія въ результатахъ даетъ предупредительный диктантъ. Въ младшемъ отдѣленіи эти колебанія въ сокращеніи ошибокъ простираются отъ 1%—51%.

Я считаю, конечно, гораздо болѣе важными тѣ изъ существующихъ пріемовъ обученія правописанію, которые основаны на разсудочныхъ ассоціаціяхъ, нежели тѣ, которые основаны на простыхъ навыкахъ и механической памяти. Я предполагалъ затѣмъ произвести опыты съ тѣми пріемами, какіе употребляются при изученіи правилъ правописанія, но я оставилъ завѣдываніе этою школою и эти опыты пришлось отложить.

В. Вахтеровъ.

(*Продолженіе будетъ*).

РУТИНА ВЪ ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

(Безполезность черченія географическихъ картъ) *).

Ceterum censeo, scholasticam esse delendam.

Уже ради одного того факта, что, введя черченіе въ преподаваніе географіи, мы заставляемъ учениковъ воспроизводить нѣчто неправильное или даже уродливое, оно не должно имѣть мѣста въ школѣ, раціонально поставленной. *А. Соколовъ* **).

Enseigner c'est choisir ***)—это аксіома для любой школы, высшей или низшей. Учителю или профессору, желающему сдѣлать свое обученіе плодотворнымъ, приходится считаться съ этимъ требованіемъ прежде всего и во всѣхъ наукахъ: философскихъ, теоретическихъ или практическихъ, демонстративныхъ. Необходимо избрать рядъ идей или фактовъ, которые-бы служили основою, фундаментомъ того зданія, которое имѣетъ въ виду школа,—изощреніе мышленія и пониманія и снабженіе учащагося возможно полнымъ запасомъ практически полезныхъ свѣдѣній. Теперь всюду, какъ и у насъ, проникаетъ въ сознаніе общества убѣжденіе, что образованіе и воспитаніе не достигаютъ цѣли, если ученье не оправдываетъ словъ поэта: «Наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни» (Изъ «Бориса Годунова»). Въ этихъ словахъ прекрасно выражена задача школы. Такимъ образомъ, если наука сокращаетъ опыты (облегчаетъ жизнь), то методъ и работа школы должны прежде всего быть направлены къ облегченію или сокращенію труда дѣтей, для коихъ жизнь еще пока въ школѣ. При такихъ требованіяхъ отъ школы надо признать, что и методы обу-

---

*) Не раздѣляя вполнѣ взгляда автора этой статьи на черченіе картъ, мы думаемъ однако-жъ, что многія изъ его указаній заслуживаютъ вниманія, съ точки зрѣнія необходимости бороться съ установившеюся въ преподаваніи географіи рутиною, и потому мы охотно даемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ предлагаемой вниманію читателей статьѣ. *Ред.*

**) «Очеркъ методики и дидактики учебной географіи». Спб. 1894. 94 стр.

***) Изъ франц. программъ.

ченія должны быть строго выбраны. Вотъ почему составители программъ для низшей и средней школы всегда указываютъ и методы обученія. Высшей школѣ эти методы мало подходятъ; тамъ каждый профессоръ — самъ методъ. Ergo, сколько профессоровъ, столько и методовъ. Но оставимъ высшую школу, такъ какъ и методикъ для нея не существуетъ: тамъ ихъ замѣняютъ лучшіе профессора, лекціи коихъ охотно посѣщаются гг. студентами. Въ средней школѣ этого выбора нѣтъ, и учащемуся приходится считаться съ учителемъ, не имъ выбираемымъ. Это обстоятельство больше всего, мнѣ думается оправдываетъ существованіе точныхъ указаній для учителя обязательнаго способа обученія, который-бы соотвѣтствовалъ дѣтской натурѣ и былъ наименѣе тягостенъ. У насъ, гдѣ школа менѣе всего стѣснена регламентаціей въ томъ, что касается метода, есть оффиціальныя указанія по вопросу, который представляется благосклонному вниманію читателя. О черченіи картъ «Учебные планы» Министерства Народнаго Просвѣщенія 1877 г. даютъ категорическія указанія на то, какое значеніе имѣетъ черченіе для преподающаго и учащихся *),

«Преподаватель, для сообщенія своему изложенію бóльшей наглядности, долженъ прибѣгать какъ къ собственнымъ чертежамъ, такъ и къ рисункамъ.

«Но особенно вмѣняется преподавателямъ въ обязанность упражнять учениковъ въ черченіи географическихъ картъ.

«Относительно черченія картъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Каждую карту преподаватель рисуетъ самъ на классной доскѣ, объясняя значеніе каждой части своего чертежа, причемъ ученики въ то-же время срисовываютъ чертимую имъ карту въ свои тетради.

2) Всѣ чертежи приготовляются по градуснымъ сѣткамъ, но при этомъ память учениковъ не должна быть обременяема большимъ числомъ меридіановъ и параллелей и численныхъ ихъ обозначеній. Вообще, преподаватель долженъ быть знакомъ со всѣми пріемами упрощеннаго черченія и по мѣрѣ нужды обращаться къ нимъ.

3) Чертежи, сообразно важности изображаемой страны, должны быть разныхъ масштабовъ.

4) На каждомъ чертежѣ должно помѣщаться только то, что необходимо знать ученику.

5) Ученики должны дома упражняться въ черченіи картъ настолько, чтобы могли начертить каждую изъ нихъ на память на классной доскѣ съ указанными ея подробностями и надлежащими объясненіями.

---

*) «Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Спб. 1884. Стр. 130 и 131.

6) Отвѣты учениковъ въ классѣ не ограничиваются объясненіемъ только своего чертежа, но они должны указывать требуемыя мѣста и на классныхъ картахъ».

Итакъ, и учитель, и ученики должны были умѣть чертить карту на память.

Составители этихъ указаній не сомнѣвались, что учителя среднихъ учебныхъ заведеній умѣютъ чертить, забывая, что подготовку эту преподаватели получали въ университетѣ, гдѣ и каѳедры-то географіи учреждены позднѣе, да и врядъ-ли найдется профессоръ школьнаго черченія картъ. Пока лишь одинъ профессоръ Петри высказался о школьномъ черченіи, но и то не совсѣмъ ясно и категорически. Именно, придавая важное значеніе упражненію «въ чтеніи картъ», онъ говоритъ: «Лучше всего, однако, знакомятся ученики съ картою, присутствуя при созданіи ея, или-же составляя ее сами» *) Это заключительныя слова главы XII о чтеніи картъ. Ученый авторъ книги въ этой главѣ требуетъ, чтобы ученику были выяснены знаки на картѣ и, главнымъ образомъ, изображенія орографическія: штриховой и послойный способъ изображенія высотъ. Только-что вышедшій атласъ почтеннаго профессора даетъ образчики этого чтенія для нашей школы и устраняетъ недоумѣнія относительно значенія приведенныхъ выше словъ: «ученики знакомятся съ картою, присутствуя при созданіи ея, или-же составляя ее сами». Профессоръ Петри указываетъ въ атласѣ путемъ чертежей разницу въ изображеніи поверхности различными масштабами, даетъ объясненія изображенія высотъ штриховымъ и послойнымъ (изогипсы) способомъ.

Такимъ образомъ, помимо плана и масштаба, которые выясняются наглядно, хотя-бы путемъ черченія плана класса, *необходимое наглядное и единственно-вразумительное объясненіе для неразвитаго геометрически воображенія учащагося младшихъ классовъ* топографическое изображеніе какой-либо мѣстности на экскурсіяхъ (что дѣлается за границею въ курсахъ родиновѣдѣнія) замѣнено лишь объяснительными чертежами.

Это рѣшеніе вопроса объ истолкованіи знаковъ на картѣ какъ-бы противорѣчитъ высказанному пр. Петри требованію въ XII-й главѣ. Но авторъ «Методики» и «Атласа» знаетъ, что у насъ не существуетъ родиновѣдѣнія и географическихъ экскурсій для уясненія наглядно, что̀ и какъ изображаетъ карта, поэтому онъ и пытается ихъ замѣнить. Вполнѣ справедливо. Географическія экскурсіи дѣло трудное и у насъ мало еще къ нимъ подготовлены.

Позволяю себѣ въ общихъ чертахъ набросать задачи географи-

*) «Методы и принципы географіи». Э. Ю. Петри. Спб. 1893 г. Стр. 169.

ческихъ экскурсій съ цѣлью картографической,—напримѣръ, экскурсіи съ классомъ хотя-бы въ 10 человѣкъ.

На планшеткѣ, снабженной нивелиромъ или только компасомъ, учитель линіями означаетъ видимую часть дороги по направленію къ странамъ горизонта, изображаетъ штриховымъ способомъ высоты, вычерчиваетъ мѣста построекъ и очертанія водъ и т. д. Такъ предъ нимъ является глазомѣрная топографическая карта *). Но явилась-ли она предъ 10-ю окружающими учителя дѣтьми? Сомнѣваюсь, потому что даже десятерымъ трудно слѣдить за учителемъ, рисующимъ на планшеткѣ, и учителю нѣтъ возможности объяснять каждый штрихъ въ изображаемой мѣстности. А вѣдь классныхъ досокъ на экскурсіи не носятъ.

Если при «созданіи» карты учителемъ дѣло не выходитъ такъ удачно и легко, то не явится-ли искомое пониманіе карты, когда ученики ее сами составляютъ? Картина работы, т.-е. «созданія» топографическаго изображенія какой-либо мѣстности, измѣняется. Предъ нами учитель и 10 учениковъ. (Я беру этотъ максимумъ на основаніи заграничнаго моего наблюденія). Что теперь будетъ дѣлать учитель?

Теперь предъ нами 10 планшетокъ съ компасомъ, если только учитель не укажетъ оріентировку по странамъ свѣта. Дѣти-чертежники начинаютъ (самое удобное подъ диктовку) проводить дорогу, обозначать изгибъ рѣки, озера и т. п., или вычерчиваютъ мѣсто, занимаемое постройкою. Но вотъ началась штриховка—дѣло не легкое. Учитель усиленно слѣдитъ за работами, поправляетъ малопонимающихъ или подбодряетъ ихъ, сдѣлавъ нѣсколько штриховъ у затрудняющихся. Наконецъ у ученика явилась топографическая карта, или глазомѣрное изображеніе холма, его склона, записана мѣстность непроходимая: крутой недоступный склонъ горы; скажемъ болѣе—у него записана гора и онъ ее сознательно прочитаетъ на картѣ. Трудно, конечно, оспаривать полезность и цѣлесообразность такой *самостоятельной* работы для будущаго солдата или того, кому придется имѣть дѣло съ *топографическою* картою. Но развѣ такая экскурсіонная работа дастъ истинно-наглядное пособіе для пониманія изображаемыхъ на атласахъ и картахъ горъ въ видѣ гусеницъ, ползущихъ въ разныя стороны? А между тѣмъ не таково-ли впечатлѣніе отъ лучшихъ картъ, напр., Sydow-Habenicht? На какихъ это учебныхъ картахъ учащійся увидитъ терассы и необходимость пороговъ и водопадовъ, или доступность и непроходимость той или другой горной цѣпи? Значитъ, эта работа практически мало полезна

---

*) Съемки по масштабу на экскурсіяхъ, какъ я видѣлъ во Франціи и Швейцаріи, рѣдко воспроизводятся.

для школы, а каковы затрудненія при исполненіи ея—можно видѣть изъ приведенныхъ мною примѣровъ «созданія» и составленія карты на экскурсіяхъ.

Этими соображеніями я ограничиваюсь въ вопросѣ о черченіи топографической карты данной мѣстности.

Какъ видно, это черченіе не имѣетъ ничего общаго съ высказанными въ «Учебныхъ планахъ» Министерства Народнаго Просвѣщенія требованіями, которыя господствуютъ до сихъ поръ въ большинствѣ нашихъ учебныхъ заведеній, хотя теперешнія программы, какъ увидимъ далѣе, упразднили чертежи въ среднихъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По прежнимъ, 1877-го года, программамъ карты частей свѣта и отдѣльныхъ государствъ чертятся *наизусть*. Вотъ главное затрудненіе, камень преткновенія—чертить наизустъ. Это затрудненіе настолько велико, что требованія прежнихъ программъ 1877-го года не были выполнены, какъ о томъ свидѣтельствуютъ статьи г. Соколова въ «Журналѣ Министра Народнаго Просвѣщенія» и въ его «Методикѣ», гдѣ на стр. 95 *) онъ говоритъ: «Обыкновенно ограничиваются черченіемъ картъ такихъ частей свѣта и государствъ, которыя безъ всякаго труда могутъ быть усвоены, какъ-то: Австралія, Африка, Сѣверная и Южная Америки, Испанія и т. д.» Г. Соколовъ причины неисполнимости указанной задачи ищетъ въ недостаточности времени, неспособности большинства учениковъ къ черченію, умалчивая или, вѣрнѣе, лишь намекая, что можно заключить изъ только-что приведеннаго текста его «Методики», о затруднительности выполненія этого требованія для самихъ учителей. Это вопросъ чрезвычайно деликатный, но, по моему мнѣнію, существенно важный. Не умѣющаго наизустъ чертить карту ученика накажутъ отмѣтками и т. п., а не умѣющій чертить на память учитель наказанъ лишь неуспѣшностью черченія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ различные авторы относительно нашихъ школъ, напримѣръ, г. Раевскій **), который говоритъ: «большею частью причина такого явленія—неумѣлость и неподготовка учителей къ черченію, хотя въ этомъ отношеніи совсѣмъ не требуется особаго мастерства со стороны учителя». Подобныя-же мнѣнія высказаны г. И. Н. Михайловымъ въ докладахъ въ Соляномъ Городкѣ ***). На упадокъ черченія указала также и Нижегородская выставка 1896 г., о чемъ сѣтовалъ И. Н. Михай-

*) А. Соколовъ, «Очеркъ методики» и т. д. и статьи въ «Ж. М. Н. Пр». 1882—1892 гг.

**) «Методика географіи». Н. Раевскій. Изд. 3-ье. Спб. Стр. 69.

***) «Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго музея Военно-учебныхъ заведеній за 1896—1897 г.». Спб. 1898. Стр. 130.

ловъ въ Соляномъ Городкѣ *) и что могу подтвердить съ особымъ удовольствіемъ и я. *Дѣло безполезное пало само собою.*

Характернѣе всего невыполнимость чертежныхъ требованій выясняется новыми, теперешними учебными планами для реальныхъ училищъ 1889 г. и гимназій 1890-го года.

Въ послѣднихъ читаемъ лишь слѣдующее: **). «Для сообщенія уроку большей наглядности, полезно прибѣгать какъ къ чертежамъ, такъ и къ рисункамъ. Задаваніе черченія картъ на дому не допускается и чертежи должны быть исполнены въ классѣ. Для сего ученики должны имѣть литографированныя карты съ правильно начерченными сѣтками и вѣрными контурами. На этихъ картахъ ученики, по указанію преподавателя, наносятъ всѣ пройденные въ классѣ географическіе элементы, такъ что къ концу курса получится атласъ нѣмыхъ картъ, заключающихъ въ себѣ все заученное на урокахъ. Указанныя сѣтки съ контурами могутъ служить и для провѣрки знаній учениковъ во время репетицій».

Прошу еще разъ прочесть вышеприведенныя требованія программъ 1877 года. Что между ними общаго? Мало. Теперь отъ гимназистовъ и реалистовъ не требуется черченія на память, и на это мы смотримъ какъ на прогрессъ, на уничтоженіе рутины.

Сопоставимъ два приведенные способа обученія географіи по планамъ 77-го года и 90-го года. Они діаметрально противоположны по исполненію, хотя и тотъ, и другой преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль—наглядность. Но послѣдняя недостижима при чертежномъ методѣ, потому что и сама карта, благодаря большему развитію педагогическаго сознанія, оказывается лишь схемою, символомъ въ родѣ буквъ, изображающихъ соотвѣтствующіе звуки голоса. Поэтому явилось и выраженіе «чтеніе картъ», употребляемое проф. Петри, гг. Раевскимъ и Соколовымъ. Авторы нашихъ методикъ географіи, каковыми надо считать цитированные труды Соколова, Петри, Раевскаго и Димитріу *) (я не могу считать за методику экспромпта г. Краузе «О преподаваніи географіи». Спб. 1889 г.), почти одинаково понимаютъ чтеніе карты, какъ истолкованіе знаковъ на картѣ, изображающихъ городъ, гору, рѣку, озеро и т. д., хотя въ способахъ выясненія между ними есть разница. Никто изъ нихъ не требуетъ черченія хотя-бы въ томъ видѣ, какъ я уже изложилъ выше, говоря объ экскурсіонномъ черченіи. Лишь г. Димитріу, вводя родиновѣдѣніе, не положенное по программамъ, говоритъ о томъ—какъ научить наглядно чтенію карты **).

---

*) Отчетъ за 1897 и 1898 гг. (печатается).

**) «Учебные планы предметовъ 1890 г.».

*) А. Димитріу. Опытъ методико-дидактическаго руководства къ преподаванію географіи. Одесса. 1895 г.

**) Димитріу. Часть I, стр. 127.

«Какимъ-же путемъ, — спрашиваетъ онъ, — можетъ достигнуть учитель предположенной цѣли — привести учениковъ къ пониманію карты»? и отвѣчаетъ на это такъ: «Исходной точкой здѣсь берется карта родины и ея ближайшихъ окрестностей. Только тотъ ученикъ, который изучилъ свою родину непосредственнымъ наблюденіемъ и затѣмъ по ея картѣ, будетъ въ состояніи выработать себѣ ясное представленіе о странѣ, которой онъ самъ лично не наблюдалъ.

«Для изученія родины рекомендуются экскурсіи съ учениками за городъ или село, съ цѣлью изученія окрестностей чрезъ непосредственное наблюденіе, а затѣмъ тоже самое изучается по картѣ».

Въ далекомъ будущемъ, это, конечно, возможно будетъ продѣлывать, но въ настоящее время во многихъ-ли мѣстахъ у насъ найдутся топографическія карты для экскурсій, гдѣ-бы можно показать, какъ изображается рельефъ? А именно это и есть самое важное и наиболѣе затруднительное въ чтеніи карты.

Такимъ образомъ, карта не представляетъ для дѣтей нагляднаго пособія, а должна быть объектомъ изученія и нагляднаго истолкованія. Наглядною она становится лишь тогда, когда ее научатъ читать, когда ее дешифрируютъ. Пешель говоритъ: «Карты—это камни мудрецовъ; если нѣтъ мудреца, который-бы заставилъ ихъ говорить, онѣ останутся камнями. Карты—это символы, говорящіе намъ таинственнымъ языкомъ, и обученіе должно состоять прежде всего въ томъ, чтобы довести учащагося до полнаго пониманія этого образнаго языка» *).

Позволяю себѣ высказать предположеніе, что отъ ошибочнаго пониманія наглядности карты составителями программъ, для которыхъ карты—не «камни мудрецовъ», получилось такое странное указаніе для руководства школьниками, а отсюда уже недалеко и до черченія на память. Когда-же опытъ доказалъ неразрѣшимость такой задачи, то отказались и программы Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ требованія черченія на память. Но черченіе осталось по традиціи или потому, что остался «неприкосновенный» принципъ наглядности чертежа и заставилъ удержать его quand-même. Вотъ почему теперешнія требованія крайне неопредѣленны. Прежде требованіе формулировано было такъ: «особенно вмѣняется преподавателямъ въ обязанность упражнять учениковъ въ черченіи картъ» **), а теперь указывается лишь на то, что *полезно прибѣгать какъ къ чертежамъ, такъ и къ рисункамъ*. Составители прежнихъ программъ не сомнѣвались въ умѣньи преподавателя чертить на память, тепе-

*) «Методика» Соколова, стр. 16.

**) Учебные пл. 77 г., стр. 130 Учебные планы 1890 года, 137 стр

решніе, вѣроятно, другого мнѣнія, потому что такого черченія не требуютъ ни прямо, ни косвенно. Тутъ мы снова подошли къ деликатному вопросу объ умѣніи чертить самихъ учителей. О легкости черченія для учителя я нашелъ лишь одно указаніе въ нашей литературѣ; оно характерно само по себѣ и по другимъ причинамъ.

«Многіе весьма почтенные преподаватели большую часть времени, отданнаго на географію, посвящаютъ черченію картъ. Они хотятъ добиться, чтобы ученики умѣли начертить любую страну, по сѣткѣ или безъ сѣтки, но непремѣнно на память, не имѣя оригинала передъ глазами, при чемъ времени и труда на это расходуется такъ много, что ужъ ничего другого нельзя сдѣлать. Въ прежніе годы, когда я былъ легковѣренъ и молодъ, я тоже требовалъ черченія на память и себя самого довелъ до того, что могъ, чуть-ли не зажмурившись, начертить многія страны. Но теперь, когда у меня накопилось побольше свѣдѣній, которыми можно подѣлиться съ учениками, я измѣнилъ свой взглядъ на черченіе» *).

Комментаріи излишни, если мы припомнимъ требованія программъ 1877 года; но добавимъ, что такія-же требованія до сихъ поръ господствуютъ въ большинствѣ учебныхъ заведеній не Мин. Нар. Пр.

Сторонникъ черченія г. Раевскій говоритъ: «совсѣмъ не требуется особаго мастерства со стороны учителя» при черченіи **). Г. Димитріу категоричнѣе и откровеннѣе высказывается о черченіи учителя и учениковъ: «Первое условіе можетъ встрѣтиться какъ блестящее исключеніе, а второе и совсѣмъ недостижимо, и не по существу дѣла, а въ виду незначительности количества часовъ, назначаемыхъ обыкновенно на изученіе географіи» ***).

Почему-же учителя не чертятъ, почему не выучились чертить? Я думаю, что хорошіе учителя не чертили и прежде, когда требовали программы М. Н. П., по причинѣ, указанной г. Мечемъ. Согласно новой, теперешней программѣ М. Н. П., *ученики чертятъ*, но лишь въ классѣ и не на память.

Разсмотримъ теперь, какъ можно выполнить требованія программы по новымъ учебнымъ планамъ 1890 г.

У учениковъ подъ руками *литографированныя карты съ правильно начерченными сѣтками и вѣрными контурами.* Положимъ, что надо начертить рѣки и озера Азіи. Сдѣлать это ученики должны *по указанію преподавателя.* Какъ и гдѣ будетъ указывать преподаватель—въ программѣ не сказано. Поэтому ему предоставляется

*) Сергѣй Мечъ. «Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ». Москва 1893. 16 стр.

**) «Методика геогр.» Н. Раевскаго, стр. 69-ая 3-го изд.

***) А. Димитріу, стр. 74.

просторъ или самому чертить на доскѣ, имѣя готовый контуръ и сѣтку, соотвѣтствующія ученическимъ, или заставлять учениковъ счерчивать съ атласовъ. Для черченія перваго рода изданы сѣтки и контуры—на клеенкѣ въ большомъ масштабѣ для учителя, а для учениковъ тѣ-же, но въ меньшемъ, на бумагѣ—г. Васильевымъ, преподавателемъ Морского корпуса.

Объ этихъ контурахъ и сѣткахъ и пріемѣ черченія издателемъ былъ сдѣланъ докладъ, напечатанный въ отчетѣ Педаг. музея за 1893—1894 гг. Заключеніе собранія географовъ-учителей было неблагопріятнымъ для издателя въ томъ смыслѣ, что «черченіе по готовымъ сѣткамъ и контурамъ хотя и облегчаетъ трудъ учащихся и сохраняетъ время, но и въ этомъ видѣ черченіе картъ для многихъ изъ нихъ является непреодолимымъ трудомъ» *).

Другое печатное указаніе на то—какъ чертить по готовымъ сѣткамъ и контурамъ имѣется въ «Программѣ географіи для епархіал. женскихъ училищъ», въ которой на 10-ой стр. читаемъ: «Для усвоенія картографическаго матеріала и географической номенклатуры слѣдуетъ употреблять такъ называемыя репетиціонныя карты, т.-е. сѣтки съ контурами, на которыхъ наносятся, по мѣрѣ прохожденія, картографическіе факты самими ученицами». И далѣе — о пользѣ сѣтки и контура: «черченіе сѣтки и контура самими ученицами требуетъ значительной подготовки въ черченіи, отнимаетъ много времени непроизводительно и не достигаетъ цѣли».

Почему легче чертить рѣки, озера, границы и т. д., нежели контуры материковъ, это остается вопросомъ открытымъ. Только что цитированное мнѣніе гг. преподавателей о сѣткахъ и контурахъ г. Васильева заставляетъ, смѣю думать, не признавать этой легкости. Наконецъ, здѣсь смѣшиваются два различныхъ пріема преподаванія.

Репетиціонная карта, какъ и само назнаніе говоритъ, должна заключать весь картографическій матеріалъ; учащемуся остается лишь заполнить ее на соотвѣтствующихъ мѣстахъ надписями именъ, статистическихъ и другихъ данныхъ. Такая карта незамѣнима для контроля знаній, которыя могутъ быть записаны на нѣмой картѣ. Напр., а) можно заставить надписать всѣ города въ пройденной странѣ; b) сдѣлать надписи по теченію рѣкъ и т. д. Если такія работы учитель просматриваетъ на дому, то дѣйствительно сокращается время на контроль, на спрашиваніе учениковъ. Такія карты и провѣрки широко практикуются на Западѣ. Образчикомъ репетиціонныхъ картъ у насъ можетъ служить репетиціонная карта Е. Россіи г. Соколова и наводные чертежи г. Максимова. Горы и города не

*) «Краткій обзоръ дѣят. Пед. музея В. у. з. за 1893 — 1894 гг.», стр. 141

обозначены у г. Соколова, а у г. Максимова не обозначены лишь горы. Но эти карты по содержанію не соотвѣтствуютъ требованіямъ программъ: тутъ нечего чертить.

Перехожу къ третьему указанію относительно выполненія дѣйствующихъ программы М. Н. П.

Г. Максимовъ, издавшій упомянутые наводные контуры или, какъ у насъ принято называть иностраннымъ словомъ, репетиціонныя карты *), напечаталъ также сѣтки и контуры для школьнаго черченія согласно новой программѣ для гимназій и реальныхъ училищъ. Вотъ какъ онъ самъ совѣтуетъ ихъ употреблять при преподаваніи.

«Всѣ ученики запасаются одинаковыми, хорошо составленными географическими атласами (напр., атласами Линберга). Сначала ученики, подъ руководствомъ преподавателя, знакомятся, при помощи географическихъ картъ или вышеупомянутыхъ атласовъ, съ тѣми данными, которыя имъ предстоитъ внести на контуръ. Предположимъ, ученикамъ необходимо начертить рѣку. Предварительно преподаватель обращаетъ вниманіе учениковъ на то, что данная рѣка, какъ видно на картѣ, начинается тамъ-то, дѣлаетъ тамъ-то и такіе-то большие изгибы, впадаетъ въ такое море, образуя дельту, лиманъ и т. п. Во время исполненія работы учениками преподаватель наблюдаетъ, насколько вѣрно исполняется работа, дѣлаетъ тому или другому ученику соотвѣтствующія указанія и даже исправленія въ чертежахъ» **).

Болѣе точнаго и практически осуществимаго указанія классныго черченія я не знаю.

Но вѣдь это не «черченіе» и не «созданіе» карты учениками, а списываніе или копированіе, которое и имѣетъ цѣну лишь, какъ таковое, т.-е. дѣло чисто механическое. О наглядности въ представленіяхъ у копирующихъ не можетъ быть и рѣчи. Развѣ горы, обозначаемыя крестиками (совѣтъ г. Максимова), дадутъ какое-либо понятіе о рельефѣ страны? Развѣ генерализованныя, упрощенныя очертанія рѣкъ, каковы приняты въ атласахъ, даютъ понятіе объ ихъ удивительныхъ излучинахъ и т. д.? Во всякомъ случаѣ, это упражненіе скучное (характерно его называютъ французскія программы—travaux patients) и понравится лишь тупицамъ; живые и способные дѣти отнесутся къ этому механическому, мертвому дѣлу безучастно. Подобное-же заключеніе о черченіи вообще дѣлаетъ и г. Соколовъ ***):« Замѣчательно, что къ числу такихъ *неспособныхъ* ****) къ черченію уче-

---

*) А. Соколовъ «Метод.», стр. 91. Учебные планы 1890 г.

**) «Краткая замѣтка о черченіи учащимися географическихъ картъ». И. Максимовъ. Гомель. 1897 г.

***) А. Соколовъ. «Метод.», стр. 95.

****) Курсивъ г. Соколова.

никовъ принадлежатъ обыкновенно наилучшіе по способностямъ и прилежанію». Вѣроятно, то-же мнѣніе имѣетъ и г. Максимовъ, напоминающій въ своей «Замѣткѣ»: «слѣдуетъ наблюдать, чтобы работа не была механическою». Но какъ это сдѣлать?! Въ двухъ разобранныхъ способахъ черченія г. Васильева и г. Максимова разница та, что г. Максимовъ устраняетъ чертежъ учителя на доскѣ, вслѣдствіе чего учитель больше можетъ слѣдить за работою ученика. Во всякомъ случаѣ способъ, предлагаемый г. Максимовымъ, соотвѣтствуетъ требованію, намѣченному программою М. Н. П.; хотя онъ мало сокращаетъ трату времени на копированіе карты атласа, но зато и избавляетъ далеко сидящихъ учениковъ отъ необходимости надѣвать очки, чтобы разсмотрѣть чертежъ учителя на доскѣ, гдѣ прикрѣплена клеенка-контуръ г. Васильева. Времени, однако, если выполнять программу при этихъ способахъ черченія, потребуется болѣе половины того, что отведено на преподаваніе географіи. Когда-же тутъ преподавателю вести свою объяснительную бесѣду? Сколько ему останется времени на контроль? Наконецъ, самое главное, будетъ-ли у него время для употребленія дѣйствительно наглядныхъ пособій, каковы картины, діапозитивы въ особенности, и т. п.

Употребленіе діапозитивовъ уже ведется *систематически*, съ разрѣшенія и одобренія начальства, въ Варшавѣ. Инициаторомъ тутъ былъ г. Власовъ, преподаватель 4-й варшавской гимназіи. Столица въ этомъ отношеніи отстала. Здѣсь лишь въ засѣданіи въ Соляномъ Городкѣ географовъ-учителей 11 февраля сего года былъ поднятъ вопросъ о необходимости, при изученіи странъ, пользоваться діапозитивами, въ особенности при изученіи Россіи въ элементарномъ курсѣ. Для послѣдней цѣли имѣются богатѣйшія коллекціи фотографій и діапозитивовъ для волшебнаго фонаря въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Если Музею Военно-учебныхъ заведеній удастся, какъ предположено, выпустить въ свѣтъ возможно больше діапозитивовъ Россіи и другихъ странъ, то тогда дѣйствительно можно будетъ видѣть какъ «Россію на экранѣ», такъ и другія сопредѣльныя страны (terra incognita), совершенно не описанныя еще въ популярномъ видѣ или въ учебникахъ, а между тѣмъ уже населенныя русскими *). Я-бы сказалъ, что лишь этимъ путемъ мы наглядно познакомимся съ картою Россіи. При помощи діапозитивовъ и волшебнаго фонаря мы увидимъ и ея горы и долины, рѣки и пороги, тундры, лѣса и степи, оазисы и пустыни, типы народовъ, ихъ жизнь и культуру.

Всякій, кто бывалъ въ Императорскомъ Русскомъ Географиче-

*) «Изв Русскаго Имп. Геогр. Общества» за послѣдніе годы. 1892—1898.

скомъ Обществѣ, согласится съ тѣмъ, что лучшій докладъ безъ діапозитивовъ будетъ ораторскою рѣчью предъ глухонѣмыми настолько же, какъ былъ докладъ Нансена на англійскомъ языкѣ въ многолюдномъ собраніи, гдѣ большинство не понимало докладчика, но съ пользою для познанія земли любовалось прекрасными видами (діапозитивы) полярной природы и жизни, такъ какъ она была представлена въ картинахъ. Вмѣсто оратора, а можетъ быть даже и лучше, говорили непонимавшимъ англійскаго языка представленные Нансеномъ документы.

Я думаю, что указанными уже мною соображеніями достаточно выясненъ вопросъ, что ни *чертежъ наизусть*, или искаженіе контуровъ рѣкъ и материковъ, ни *копированіе* картъ атласа или учителя по системамъ г. Максимова и г. Васильева наглядности не дадутъ.

Возвращаюсь къ тезисамъ гг. защитниковъ черченія. Въ нашей литературѣ я нашелъ опредѣленно и категорически высказанными лишь тезисы г. Васильева, издателя контуровъ и сѣтокъ, который говоритъ: «1) Черченіе по готовымъ сѣткамъ и контурамъ облегчаетъ трудъ какъ преподавателя, такъ и учащихся *); 2) является болѣе посильнымъ трудомъ для учащихся, чѣмъ составленіе ими самими сѣтки и контуровъ, между тѣмъ достигаются тѣ-же результаты; 3) способствуетъ скорѣйшему выспрашиванію уроковъ въ классѣ; 4) заставляетъ и лѣнивыхъ учениковъ слѣдить за объясненіями преподавателя».

Какъ видитъ читатель, здѣсь нѣтъ ни слова о наглядности.

«Черченіе, при удачной постановкѣ дѣла, не только развиваетъ *самодѣятельность* **) ученика, но, несомнѣнно, облегчаетъ и *пониманіе*, и запоминаніе рисунка. Всматриваясь тщательно въ карту, съ цѣлью изобразить ее, ученикъ начинаетъ ее лучше понимать. Не слѣдуетъ, однако, ожидать слишкомъ многаго отъ черченія, ибо дѣти такъ-же легко рисуютъ механически, какъ и списываютъ. Во всякомъ случаѣ, намъ никогда не слѣдуетъ забывать того, что черченіе есть лишь пособіе для пониманія карты ***).

«Изученіе географіи немыслимо безъ черченія; помимо самодѣятельности, тутъ достигаются два главныхъ педагогическихъ условія: наглядность и послѣдовательность» ****).

О послѣдовательности нѣтъ объясненій у г. Раевскаго, а потому можно догадываться, что это—«послѣдовательность» прежнимъ программамъ по географіи, гдѣ указано, что̀ и послѣ чего слѣдуетъ.

---

*) «Краткій обзоръ дѣятельности Педаг. м. Военно-учебныхъ заведеній» 1893—1894. Стр. 40.

**) Курсивъ мой.

***) «Методы и принципы географіи». Э. Ю. Петри. Спб. 1892 г. Стр. 173.

****) Н. Раевскій. «Методика географіи». Спб. 1895 г.

Онъ же говоритъ про значеніе чертежа для ученика *): «что онъ чертитъ на память, то составляетъ духовное его достояніе». Или далѣе еще читаемъ слѣдующее: «Черченіе дорого не само по себѣ, а какъ пріемъ, помогающій усвоенію географическихъ данныхъ и запоминанію пройденнаго матеріала».

Наконецъ, четвертый и самый авторитетный защитникъ, увѣнчанный лаврами за чертежи, г. Михайловъ, говоритъ: «Черченіе географическихъ картъ на память не составляетъ цѣли преподаванія, а есть лишь средство, облегчающее утвержденіе карты въ памяти ученика и вмѣстѣ съ нею разумное усвоеніе изучаемыхъ имъ географическихъ свѣдѣній» **).

Я тутъ понимаю лишь то, что черченіе способствуетъ запоминанію. Конца цитаты я совсѣмъ не понимаю, а объясненія ему не нахожу.

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ защитниковъ черченія высказывается вообще мысль, что черченіе способствуетъ наглядности и помогаетъ памяти сохранять тотъ матеріалъ, который можетъ быть графически изображенъ или записанъ. Послѣднее выраженіе (записываніе или писаніе, какъ кому понравится), чтобы быть послѣдовательнымъ, надо ввести, потому что уже принято выраженіе «чтеніе картъ», отъ котораго путемъ аналогіи и перешли къ *писанію картъ.* Этотъ неологизмъ выдѣлитъ, по крайней мѣрѣ, почтенный и серьезный трудъ гг. топографовъ и геодезистовъ. Но что-же мы можемъ записать или воспроизвести на память? Уродливые контуры береговъ, рѣкъ, озеръ, горъ, границъ и т. д. Неугодно-ли послушать защиту уродливости или ложности?

«Нечего бояться того, что подобное обозначеніе вызоветъ ложное представленіе въ учащихся: ребенокъ ѣздитъ на палочкѣ, воображая въ дѣйствительности ее конемъ» ***).

Оговориться долженъ, что авторъ «Методики географіи» (экспромпта, скорѣе), г. Краузе, вѣроятно, не зналъ, что чертятъ карты ученики и ученицы старшихъ классовъ.

Итакъ, что-же будетъ цѣннымъ результатомъ чертежа на память? Представленіе объ относительномъ расположеніи данныхъ мѣстъ къ сѣверу или къ югу, рядомъ или чрезполосно. Если карта начерчена по градусамъ широты и долготы (по сѣткѣ), то можетъ получиться приблизительное знаніе солнечнаго освѣщенія (не климата) и раз-

---

**) Ibidem.

*) «Европа и европейскія государства». Географ. чертеж. И. Н. Михайловъ. Награждено медалью отъ Société de Gèographie fondé à Paris 1821 г. Изданіе 2-е. Спб. 1896 г. Предисловіе, 1-я стр.

*) «О преподаваніи географіи». Краузе. Глава: черченіе и усвоеніе картъ. Стр. 17. Спб. 1889.

ности часовъ въ разныхъ пунктахъ или немного больше. Но не трудновато-ли начертить наизусть и разставить тѣ города, которые имѣются въ чертежахъ г. Михайлова на картѣ съ градусною сѣткою? Разставлялъ-ли кто-нибудь изъ гг. педагоговъ по чертежамъ г. Михайлова хотя-бы города въ Россіи?..

Чтобы чертить по масштабу наизусть, до такой виртуозности еще не доходили, кажется, ни у насъ, ни заграницей, а потому разстояній намъ совсѣмъ не дастъ заученный чертежъ. Я не говорю уже о томъ, что онъ не дастъ картины природы и жизни страны, къ изображенію которыхъ долженъ стремиться учитель географіи, если онъ не хочетъ быть «сторожемъ музея», какъ остроумно выразился г. Березинъ *).

Любопытно еще мнѣніе г. Черкунова, высказанное въ рѣчи на X-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, озаглавленой «Географическое положеніе, какъ основной элементъ землевѣдѣнія» **), въ которой докладчикъ, говоря, что «при занятіяхъ географіею пріобрѣтается умѣнье точно опредѣлять мѣсто, понимать его значеніе, выгоды и невыгоды, вліяніе окружающей среды и происходящее отъ того взаимодѣйствіе, тѣмъ не менѣе отрицаетъ школьное черченіе картъ на томъ основаніи, что «считаетъ весьма нежелательнымъ удержаніе въ памяти каррикатурныхъ изображеній странъ».

Разберемъ теперь графики или картограммы плотности населенія.

Изобразимъ уголъ Рейна и съ одной стороны Вогезы, а съ другой Черный Лѣсъ (Шварцвальдъ). Спрашивается: какое представленіе дастъ такой Faustzeichnung? Въ объясненіи придется сказать, что ѣдучи по Эльзасу увидишь съ одной стороны вершины Вогезъ, а съ другой—Шварцвальда. Но вѣдь это такъ же цѣнно, какъ еслибы, объясняя планъ Петербурга, мы сказали, что на правой сторонѣ, идя отъ Адмиралтейства, будетъ дума, а на лѣвой Европейская гостинница.

Или: что дастъ для дѣтей картограмма плотности населенія? Черное, сѣрое или туманное пятно. Другое дѣло дать картину (напр., въ учебникѣ Раевскаго картина промышленнаго округа Европы) и показать этотъ пунктъ на картѣ: дѣти поймутъ разницу плотно населенныхъ странъ. Съ картиною и картою, а не картограммою, путемъ бесѣды дойдете легко до того, что дѣти сами скажутъ, почему необходимо часто останавливаться желѣзнодорожнымъ поѣздамъ, напр., у нѣмцевъ.

Защищать наглядность картинъ не приходится: она уже при-

---

*) «Образованіе». Январь 1899 г.

**) «Естествознаніе и географія» 1898, № 9. Ноябрь.

знанный фактъ, а отстаивать полезность черченія въ этомъ смыслѣ придется лишь съ большими ограниченіями. Какое понятіе дастъ классная карта даже (не говоря о чертежѣ) о береговой линіи? Превратное. Поѣзжайте въ Гельсингфорсъ: будутъ шхеры, которыхъ наши чертежники не изображаютъ. Можно-бы и не упоминать о томъ, что даже карта хорошая, изящно раскрашенная и сильно привлекающая дѣтей, не дастъ понятія о климатѣ, почвѣ, растительности, видѣ страны, измѣненной человѣкомъ, какова, напр., Голландія и т. д. Итакъ, что же это за «безцѣнныя черты, которыя слѣдуетъ носить запечатлѣнными въ душѣ своей» *)?

Эта «безцѣнность»—фактъ, признанный программами Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя не требуютъ черченія на память. Рутина эта была изгнана изъ министерскихъ школъ, благодаря широкому развитію педагогическаго сознанія и коллегіальнаго обсужденія методовъ. Немалую роль играли тутъ и педагогическія учрежденія: Филологическій институтъ, гдѣ впервые географія была поставлена какъ наука для студентовъ, и разбиралась, трактовалась, какъ учебный предметъ, равно какъ и учительскіе институты и семинаріи. Въ данномъ случаѣ, т.-е. въ вопросѣ о черченіи картъ, наше Министерство Народнаго Просвѣщенія опередило нѣкоторыхъ западныхъ сосѣдей, а въ особенности французовъ, въ подтвержденіе чего привожу слѣдующія личныя наблюденія.

Въ 1897 году я, интересуясь постановкою преподаванія географіи и въ особенности croquis de memoire (чертежи на память), чего требуютъ всѣ французскія программы, посѣтилъ казенныя французскія школы. Я побывалъ на 42 урокахъ черченія, просмотрѣлъ внѣ уроковъ болѣе 3.000 ученическихъ croquis de voir—копій картъ, и могу отъ души привѣтствовать запрещеніе нашими министерскими программами задавать черченіе на домъ и уничтоженіе черченія на память. Первое—вредная для глазъ работа, а второе недостижимо и при большемъ, чѣмъ у насъ отведено географіи, количествѣ уроковъ. Какъ резонъ для копированія croquis de voir, одинъ директоръ указалъ мнѣ текстъ: «Ils ne sont point occupés, comme les filles, au détail de la vie domestique; ils ont des loisirs dont leurs familles sont souvent embarassés et que, le plus souvent, ils n'emploient pas à bien: c'est ce temps-là qu'il y aurait lieu d'utiliser» **). По-русски мы бы сказали: «Чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало». Но развѣ это резонъ для такой работы? Черченіе на

---

*) С. Мечъ, «Географія, какъ наука и уч. предм.» М. 1893, стр. 17, цит. выше.

**) Les nouveaux programmes des écoles primaires. Deuxième édition. Paris. 1884. Стр. 114.

память въ классѣ на бумагѣ, или грифельныхъ доскахъ, или на классной доскѣ давало лишь каррикатуры картъ. Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ школахъ знали заранѣе о моемъ приходѣ и готовились для «русскаго гостя». Какъ-же, вы спросите, чертятъ на публичныхъ экзаменахъ, которые происходятъ обыкновенно въ префектурѣ, подъ «надзоромъ полиціи»? Чертежъ — экзаменъ письменный. У garçons карты-миніатюры на манжетахъ, а у filles костюмъ представляетъ еще больше удобствъ. Не даромъ-же французы такіе большіе фокусники по части миніатюръ! Меня удивляло, что объ этомъ говорилось безъ стѣсненія *).

Ну, а все-таки, если такъ упорно и слѣпо держатся этой рутины (черченія картъ), то навѣрно и въ ней есть доля истины. Эту долю истины первый указалъ у насъ г. Максимовъ. Г. Максимовымъ изданы нѣмыя карты, напечатанныя синею краскою; на нихъ нанесены картографическія данныя, подлежащія изученію: сѣтки, контуры, рѣки, озера, границы, города; горъ—нѣтъ. Горы, какъ предполагаетъ издатель, ученики легко обозначатъ крестиками. Совершенно напрасное предположеніе: ученики и напутаютъ, и испортятъ его хорошіе «контуры», потому что одинаковыхъ крестиковъ не сдѣлаютъ, а различные будутъ не симметричны и не изящны. Кромѣ того, не скучно-ли грамотнымъ ставить крестики?! О томъ, какъ пользоваться «наводными контурами» г. Максимовъ говоритъ слѣд.: «по указанію преподавателя, учащіеся наводятъ (чернилами, какъ сказано выше въ его запискѣ) прежде всего очертаніе страны, при чемъ слѣдуетъ указывать, что̀ именно раньше, что̀ послѣ должны ученики навести. Напримѣръ, ученики начинаютъ чертить карту Австраліи. По указанію преподавателя, всѣ ученики наводятъ, предположимъ, прежде сѣверный берегъ материка, потомъ постепенно восточный, южный и западный берега. При этомъ не мѣшаетъ обратить вниманіе учащихся на форму береговъ, напримѣръ, залива Карпентарія, полуострова Іорка, а также и другихъ частей материка и острововъ» **).

Какъ видно изъ приведеннаго, вмѣсто копированія атласа,—копированія, имѣющаго хоть тѣнь самостоятельности—запоминанія контуровъ и фигуръ («безцѣнныхъ чертъ!»)—здѣсь идетъ форсированіе памяти: принудительное запоминаніе, механическое. Врядъ-ли, съ точки зрѣнія психологической, можно похвалить такой пріемъ. Я-бы позволилъ себѣ сравнить его съ понужденіемъ линейкой или другимъ

---

*) Подробности о черченіи во Франціи и о препод. географіи я сообщилъ въ моихъ докладахъ въ Педаг. музеѣ за 1897—1898 гг. См. «Краткій обзоръ дѣят. Пед. м. В. у. з.» 1897—1898 гг.

**) Максимовъ. «Записка», 5 стр.

стимуломъ, какъ это практиковалось во времена безсознательной педагогіи. Да притомъ и пріемъ этотъ лишь «способствуетъ возможно большему ознакомленію съ географическою картою» *). Но если это, какъ думаетъ г. Максимовъ, ознакомленіе достигается наведеніемъ, то почему-же нельзя достичь того-же, разсматривая болѣе изящную раскрашенную карту или атласъ? Эти послѣдніе охотнѣе будутъ разсматривать дѣти, нежели всякія сѣтки, контуры, чертежи. Лишь у защитника черченія quand même, г. Михайлова, я нашелъ другое мнѣніе: «Всякій, кто слѣдилъ за учениками, можетъ подтвердить, что они охотнѣе занимаются по такимъ простымъ, но приспособленнымъ для ихъ зрѣнія картамъ, нежели по пестро-раскрашеннымъ атласамъ» **).

Такимъ образомъ, и этотъ пріемъ г. Максимова черченіемъ названъ быть не можетъ, «чтеніемъ»—еще меньше. Я бы предложилъ назвать его мнемоническимъ средствомъ. Извѣстно, что есть профессора мнемоники, т.-е. искусства, развивающаго запоминаніе насильственное, вынужденное. Но думается, что для этой цѣли могъ-бы служить какой-либо другой предметъ, для котораго отведено больше времени. Впрочемъ, если излишекъ его есть у географа, то это мнемоническое средство было-бы легчайшимъ способомъ *воспроизведенія* «безцѣнныхъ чертъ».

Если выводы мои вѣрны, то искомая истина, или основаніе для «черченія», и при этомъ послѣднемъ мнемоническомъ пріемѣ не имѣетъ ничего общаго со взглядами защитниковъ черченія географическихъ картъ.

Совсѣмъ иная и по цѣли, и по средствамъ работа экскурсіоннаго черченія топографическихъ картъ, какъ я уже высказался въ началѣ. Но это черченіе—у насъ еще вопросъ будущаго.

Въ заключеніе, позволяю себѣ напомнить про курьезное мнѣніе первой появившейся у насъ методики географіи г. Кронвальда ***) и сравнить его съ теперешнею постановкою черченія во Франціи.

У г. Кронвальда про тогдашнія хорошія стѣнныя карты и атласы сказано, что «при частомъ созерцаніи какъ части сами по себѣ, такъ и взаимное отношеніе ихъ между собою и общая цѣльная картина запечатлѣваются въ памяти» ****). На другой страницѣ выводъ, для меня неожиданный: «Такъ какъ карта для географическаго пониманія необходима, то необходимо и черченіе картъ учениками». Судя по дальнѣйшему тексту, авторъ повторялъ требованія про-

*) Ibid

**) «Европа и европ. госуд. Географ. черт.» Предисловіе, стр. 2. Спб. 1896 г.

***) «Учитель» 1870 г.

****) «Учитель» 1870 г., стр. 629.

граммъ, въ началѣ упомянутыхъ. Еще любопытнѣе то, что эпиграфомъ журнала «Учитель» было «Ceterum censeo, scholasticam esse delendam», а между тѣмъ названный авторъ писалъ на 710 стр.: «Только путемъ отчизновѣдѣнія и совмѣстнаго начертанія учителемъ и дѣтьми карты родины можно уяснить имъ значеніе карты вообще».

Во Франціи осуществляется именно такой методъ преподаванія географіи, но требуется и черченіе картъ изучаемыхъ странъ на память упрощенными контурами (croquis de memoire). Теперешнія официальныя программы настоятельно требуютъ этого, въ полной увѣренности, что это легко исполнить и, что это не будетъ вызывать неудовольствія изъ-за потери времени. «On a souvent blâmé, jamais trop, ces travaux patients oú l'enfant perd un temps précieux» *).

По личному наблюденію и литературному знакомству могу сказать, что бранятъ эти оффиціально названные travaux patients, называя traveaux forcés, родители близорукихъ дѣтей ко времени окончанія курса лицея (восемь лѣтъ черченія!), бранятъ самостоятельные и сознательные педагоги. Но, какъ извѣстно, въ странѣ прогресса рутина господствуетъ въ школѣ и жизни, оправдывая выраженіе extremités se touchent. Польза черченія географическихъ картъ отрицается многими педагогами всѣхъ цивилизованныхъ странъ; защитники-же-издатели чертежей говорятъ pro domo sua.

Неужели-же мы все еще должны «списывать» съ иностранныхъ прописей сомнительнаго достоинства и, въ угоду традиціи, «повторять зады?»

Ѳ. Шубинъ.

---

*) Ministère de l'Instruction Publique et des Beaux-Arts. Enseignement secondaire S. P. et R. Paris, 1891.

Труды съѣзда дѣятелей по среднему и низшему сельско-хозяйственному образованію при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ январѣ 1899 года.

(Продолженіе).

2. О преподаваніи растеніеводства въ земледѣльческихъ училищахъ.

(Докладъ *И. И. Бѣлецкаго*, читан. въ секціи средняго сельско-хозяйственнаго образованія 5 января).

Подъ именемъ растеніеводства въ курсъ земледѣльческихъ училищъ входитъ: земледѣліе, огородничество, садоводство и лѣсоводство. На преподаваніе всѣхъ этихъ частей растеніеводства положено (по уставу 1888 года) 10 уроковъ въ недѣлю, въ III, IV и V классахъ, кромѣ того въ VI классѣ на повтореніе курса отведено 4 урока въ недѣлю, въ теченіе 2½—3 мѣсяцевъ (съ 1 октября по 20 декабря). Собственно земледѣліе проходится въ 7 нед. уроковъ, а остальныя отрасли растеніеводства преподаются въ 3 урока. Отсюда видно, что изученіе огородничества, садоводства и лѣсоводства занимаетъ второстепенное мѣсто и центръ тяжести преподаванія растеніеводства лежитъ въ земледѣліи, которое вслѣдствіе этого и должно быть поставлено надлежащимъ образомъ, какъ учебный предметъ вообще и какъ важнѣйшая отрасль сельскаго хозяйства въ частности. Задача изученія агрономіи вообще заключается не только въ пріобрѣтеніи извѣстнаго количества спеціальныхъ знаній, достаточно обоснованныхъ и правильно освѣщенныхъ, но и въ умѣньи приложить ихъ сообразно даннымъ условіямъ мѣста и времени. Изъ этого вытекаютъ тѣ цѣли и средства, къ которымъ должно стремиться и располагать преподаваніе этой отрасли знаній въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ особенности въ земледѣльческихъ училищахъ, которыя, по существующему Положенію *), «имѣютъ цѣлью доставлять уча-

*) «Высочайше утвержденные Положеніе о землед. училищахъ и штатъ». Спб. 1878 г. Ст. 1.

щимся въ нихъ молодымъ людямъ теоретическое и практическое образованіе, потребное для правильнаго веденія ими сельскаго хозяйства». Несомнѣнно, такая цѣль останется за этими училищами и въ будущемъ, хотя, можетъ быть, расширятся средства къ ея достиженію. Такимъ образомъ, задача преподаванія и земледѣлія (растеніеводства), какъ одной изъ составныхъ частей сельско-хозяйственной науки, должна имѣть въ виду ту-же общую цѣль, т.-е. изученіе этой отрасли сельскаго хозяйства въ земледѣльческихъ училищахъ должно производиться теоретически и практически. Но для правильной постановки такого изученія необходимо прежде всего опредѣлить содержаніе и объемъ предмета, а затѣмъ систему и способы его изложенія. Это необходимо именно потому, что при разсмотрѣніи программъ преподаванія въ земледѣльческихъ училищахъ, а равно и въ другихъ аналогичныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ (напр., въ сельско-хозяйственно-техническихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), не замѣчается строгой опредѣленности и соотвѣтствія ни въ содержаніи, ни въ системѣ изложенія, ни въ тѣхъ учебныхъ средствахъ, которыми должно располагать преподаваніе растеніеводства и въ частности земледѣлія въ среднихъ с.-х. школахъ.

Имѣя въ виду, что преподаваніе такихъ отраслей растеніеводства, какъ огородничество, садоводство и лѣсоводство, въ существенной своей части покоится на общихъ основаніяхъ культуры растеній и что изученіе этихъ отраслей въ общихъ с. х. школахъ не можетъ быть слишкомъ расширено, ибо для этого потребуются особыя учебныя и матеріальныя средства, а главное—время, мы разсмотримъ постановку преподаванія главной части растеніеводства, именно земледѣлія.

Преподаваніе этого предмета должно, очевидно, имѣть своею задачею сообщить учащимся такой запасъ спеціальныхъ свѣдѣній, который могъ-бы служить имъ руководствомъ при рѣшеніи различныхъ вопросовъ практической дѣятельности по полевому хозяйству, дать имъ возможность оріентироваться въ производствѣ различныхъ культуръ и умѣть сдѣлать эти послѣднія, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, наиболѣе цѣлесообразными. Отсюда надо заключить, что изученіе земледѣлія должно быть по преимуществу практическимъ, но такъ какъ разумное пользованіе практическими пріемами возможно лишь тогда, когда извѣстны точно основанія этихъ пріемовъ, то ясно, что здѣсь должны быть изложены также необходимыя данныя науки. Большая часть свѣдѣній, составляющихъ объемъ и содержаніе теоріи земледѣлія, представляетъ систематическій сводъ положеній естествознанія (ботаники, геологіи, химіи), а также выводовъ и обобщеній, добытыхъ непосредственнымъ опытомъ и наблюденіями надъ растительными организмами. Количество всѣхъ такихъ свѣдѣній,

составляющихъ курсъ земледѣлія, по существу дѣла, весьма обширно и программа этого предмета отличается большимъ объемомъ и разнообразіемъ содержанія. Въ средней с.-х. школѣ нѣтъ необходимости сообщать учащимся весь подобный обширный и разнообразный учебный матеріалъ, къ тому-же для этого не хватитъ времени. Принимая во вниманіе цѣль преподаванія предмета, необходимо выбрать изъ этого матеріала лишь самое существенное, сообщить учащимся основныя свѣдѣнія въ строгой послѣдовательности и опредѣленности, детальное-же разъясненіе подобныхъ свѣдѣній можетъ быть сдѣлано на практикѣ. При такомъ ходѣ дѣла ученикамъ становятся болѣе доступными различныя данныя и теоретическія обобщенія, нежели тогда, когда умъ ихъ сразу наполняется кучею мелочей, вмѣстѣ съ основными понятіями, а при отсутствіи хорошихъ учебниковъ и руководствъ—такая груда знаній не будетъ укладываться въ сознаніи сообразно ея цѣнности и значенію. А потому при преподаваніи земледѣлія необходимо ограничиться лишь изложеніемъ основныхъ данныхъ, располагая ихъ въ надлежащей послѣдовательности и опредѣленности (догматически). Послѣдовательность изложенія предмета должна заключаться въ томъ, чтобы одно положеніе вытекало изъ другого и служило или его развитіемъ, или дополненіемъ. Въ методологическомъ смыслѣ здѣсь будетъ болѣе раціональнымъ синтетическій путь, т.-е. изложеніе предмета отъ общаго къ частному. Именно, изученіе культуры отдѣльныхъ растеній должно происходить послѣ изученія тѣхъ элементарныхъ (общихъ) культурныхъ пріемовъ, которые цѣлесообразны при разведеніи растеній; въ свою очередь правильное пониманіе этихъ пріемовъ возможно лишь при знакомствѣ съ сущностью объектовъ примѣненія, т.-е. самихъ растеній и почвы, служащей мѣстомъ для ихъ разведенія. Такъ какъ изученіе растеній не входитъ въ курсъ земледѣлія,—хотя, быть можетъ, ознакомленіе учащихся съ естественными особенностями именно культурныхъ растеній должно-бы составлять болѣе спеціальную часть изученія, нежели это дѣлается въ курсѣ ботаники,—то здѣсь необходимо изучить всесторонне только почву. А потому, послѣдовательность въ преподаваніи земледѣлія должна заключаться именно въ томъ, чтобы начинать его съ ученія о почвѣ и всѣхъ ея свойствахъ, продолжать изученіемъ культурныхъ пріемовъ и оканчивать изложеніемъ особенностей воздѣлыванія, вызываемыхъ природою, требованіями и цѣлью культуры отдѣльныхъ хозяйственныхъ (полевыхъ) растеній. Слѣдовательно, курсъ земледѣлія долженъ заключать: почвовѣдѣніе, общее земледѣліе (ученіе объ удобреніи и обработкѣ почвы, о посѣвѣ, уходѣ, уборкѣ и сохраненіи растеній) и частное земледѣліе (полеводство и луговодство). Именно такой, а не иной порядокъ преподаванія земле-

дѣлія можетъ быть цѣлесообразнымъ и логически вытекающимъ изъ содержанія изучаемаго предмета. Но при такомъ распредѣленіи учебнаго матеріала цѣль преподаванія земледѣлія въ среднихъ училищахъ можетъ быть болѣе или менѣе достигнута лишь тогда, когда каждая отдѣльная часть курса будетъ изложена въ строгой систематичности, опредѣленности и согласно съ развитіемъ и пониманіемъ учениковъ. Въ этомъ отношеніи вопросъ сводится къ установкѣ такой программы предмета, которою вполнѣ опредѣлялось-бы содержаніе его какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Для рѣшенія подобнаго вопроса о пригодности той или иной программы по земледѣлію необходимо имѣть въ виду главнымъ образомъ три условія, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, чтобы объемъ программы былъ сопоставленъ съ количествомъ времени, въ теченіе котораго она должна быть выполнена; во-вторыхъ, необходимо, чтобы такая программа находилась въ соотвѣтствіи съ уровнемъ познаній учащихся въ тѣхъ наукахъ, отъ которыхъ существенно зависитъ пониманіе курса земледѣлія; наконецъ, въ-третьихъ, программа предмета должна быть возможно систематичною, опредѣленною и цѣлесообразною по отношенію къ задачѣ преподаванія земледѣлія въ среднихъ училищахъ.

Относительно соотвѣтствія программы по земледѣлію съ количествомъ времени, назначеннаго на этотъ предметъ, т.-е. 7-ми уроковъ (въ трехъ классахъ), на основаніи многолѣтняго опыта преподаванія его, надо придти къ заключенію, что при изложеніи самыхъ существенныхъ, основныхъ свѣдѣній по земледѣлію 7 уроковъ не достаточно, въ особенности для изученія почвовѣдѣнія и частнаго земледѣлія, при чемъ придется еще затрачивать время на то, чтобы провѣрить, въ какой степени ученики усвоили преподанное, иначе говоря, требуется репетированіе; далѣе, на урокахъ требуются, кромѣ устнаго разсказа, опыты и демонстраціи. Для выполненія всего этого необходимо увеличить число уроковъ по земледѣлію до девяти, вмѣсто теперешнихъ семи, уроковъ, а программу его составить возможно систематичнѣе и опредѣленнѣе, включая въ нее только самыя существенныя, основныя свѣдѣнія, такъ какъ расширеніе курса, даже при увеличеніи числа уроковъ, будетъ не подъ-силу ученикамъ, которымъ и теперь приходится въ теченіе трехъ лѣтъ (въ послѣднихъ классахъ) усвоить громадное количество спеціальныхъ знаній, притомъ сложныхъ и разнообразныхъ, и осмыслить всѣ эти знанія настолько, чтобы быть въ состояніи оріентироваться въ различныхъ вопросахъ практики; кромѣ того, ученики въ это же время продолжаютъ занятія по общеобразовательнымъ предметамъ (математикѣ, русскому языку и т. п.). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, при

составленіи программы необходимо съузить курсъ предмета, выбравъ изъ него лишь вполнѣ точные и существенные выводы, подкрѣпленные такими детальными данными, которыя могутъ служить къ ясному пониманію выводовъ и обобщеній въ той или другой части курса. Далѣе, подобная программа должна находиться въ соотвѣтствіи съ уровнемъ познаній учениковъ земледѣльческихъ училищъ въ тѣхъ наукахъ, положеніями и выводами коихъ теорія земледѣлія пользуется и знаніе коихъ существенно необходимо для пониманія такой теоріи. За всѣмъ тѣмъ программа земледѣлія должна быть цѣлесообразна по отношенію къ задачамъ преподаванія этого предмета въ средней школѣ. Для того, чтобы уяснить всѣ эти условія, необходимо разобрать въ частностяхъ все то, что должно составить содержаніе курса земледѣлія въ среднихъ училищахъ, его положеніе и отношеніе къ всему тому что изучается въ нихъ и, наконецъ, къ цѣли, ради которой это изученіе производится.

Курсъ земледѣлія, вслѣдствіе его обширности, начинается раньше другихъ спеціальныхъ предметовъ,—въ настоящее время обыкновенно съ III класса,—но было-бы лучше начинать его позже, съ такимъ, однако, разсчетомъ, чтобы онъ былъ совершенно пройденъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, при 9 урокахъ въ недѣлю. Курсъ земледѣлія долженъ начинаться краткимъ введеніемъ, въ которомъ выясняется сущность и задачи сельскаго хозяйства вообще, значеніе его отдѣльныхъ отраслей, цѣль культуры растеній и въ частности—задачи и содержаніе науки, имѣющей своимъ объектомъ изученія эту культуру. Такое введеніе необходимо собственно потому, что изученіе спеціальныхъ предметовъ въ среднихъ школахъ начинается и будетъ начинаться съ земледѣлія, для объясненія положенія и значенія его въ циклѣ сельско-хозяйственныхъ знаній требуются нѣкоторыя предварительныя поясненія, которыя собственно и должны составлять содержаніе означеннаго введенія. Послѣ этого излагается почвовѣдѣніе, или ученіе о почвѣ въ отношеніи ея къ растеніямъ (агрологія), программа котораго на столько уже установилась, а содержаніе явствуетъ изъ самого названія; но оказывается, что въ программахъ содержаніе и распредѣленіе свѣдѣній о почвѣ весьма различны, неопредѣленны, а часто страдаютъ даже пробѣлами. Это можетъ быть объяснено недостаткомъ какихъ-либо систематическихъ руководствъ, и въ особенности учебниковъ по земледѣлію, обнимающихъ вполнѣ и послѣдовательно курсъ этого предмета и приноровленныхъ къ уровню познаній учащихся. Кромѣ того, трудность изложенія свѣдѣній о почвѣ въ значительной степени зависитъ отъ несоотвѣтствія въ распредѣленіи основныхъ и спеціальныхъ предметовъ въ училищахъ и происходящей отъ этого малой подготовки учениковъ въ тѣхъ наукахъ

(минералогіи и геологіи, химіи, климатологіи и пр.), которыя служатъ основными при изученіи почвы, тогда какъ для успѣшности преподаванія требуется, чтобы основныя свѣдѣнія изучались прежде прикладныхъ (спеціальныхъ). Все это легко замѣчается при обозрѣніи программъ училищъ, не систематичныхъ и въ научномъ отношеніи уже устарѣвшихъ, и табели уроковъ и распредѣленія предметовъ по классамъ.

Для того, чтобы ясно представить сущность самой почвы и ея свойствъ, важныхъ по отношенію къ растеніямъ, необходимо, очевидно, предварительно ознакомиться съ условіями образованія ея составныхъ частей (минеральныхъ и органическихъ), ибо безъ этого нельзя сознательно отнестись къ тѣмъ взаимнымъ измѣненіямъ, въ которыхъ эти части находятся въ сложной смѣси, называемой почвою. Словомъ, чтобы судить о свойствахъ и значеніи почвы, прежде всего надо знать ея сущность, которою опредѣляется характеръ обнаруживаемыхъ ею явленій (физическихъ, химическихъ и др.) и ихъ значеніе для растеній. А для всего этого требуется знакомство, по крайней мѣрѣ, съ важнѣйшими минералами и болѣе распространенными горными породами, ихъ залеганіемъ, химическимъ составомъ и т. п., словомъ, требуется предварительное знакомство съ минералогіею, геологіею и неорганическою химіею. Въ дѣйствительности такое знакомство если и получается, то одновременно съ спеціальными свѣдѣніями, а часто даже послѣ изученія тѣхъ частей земледѣлія, знаніе которыхъ покоится на выводахъ и положеніяхъ основныхъ наукъ; такъ, напр., въ земледѣльческихъ училищахъ свѣдѣнія по минералогіи (геологія отдѣльно не преподается), физикѣ, химіи, ботаникѣ, метеорологіи и механикѣ, важныя при изученіи земледѣлія, преподаются большею частью безъ всякаго соотвѣтствія съ распредѣленіемъ спеціальныхъ отдѣловъ курса земледѣлія. Именно, при изученіи почвовѣдѣнія минералогическія данныя, необходимыя для пониманія сущности почвы, процессовъ ея образованія путемъ вывѣтриванія, ученики должны пріобрѣсти въ минералогіи и геологіи, но послѣдняя наука въ земледѣльческихъ училищахъ вовсе не преподается; нѣкоторыя свѣдѣнія о геологическихъ явленіяхъ должны быть сообщены въ петрографіи, т.-е. въ III-ей части программы минералогіи, подъ именемъ описанія горныхъ породъ. но изученіе послѣднихъ происходитъ только послѣ кристаллографіи, физіографіи и систематики минераловъ, т.-е., въ большинствѣ случаевъ, уже во второмъ полугодіи (или въ концѣ перваго), да съ точки зрѣнія преподаванія минералогіи и не можетъ происходить иначе, ибо изученіе петрографіи требуетъ знакомства со всѣмъ предыдущимъ. Между тѣмъ все это порождаетъ большія неудобства при преподаваніи почвовѣ-

дѣнія. Именно вслѣдствіе незнакомства учениковъ съ важнѣйшими горными породами и ихъ вывѣтриваніемъ, въ самомъ началѣ курса необходимо дѣлать нѣкоторое уклоненіе для разъясненія свойствъ и состава горныхъ породъ, процессовъ ихъ измѣненія и т. п., тогда какъ если-бы все это было уже извѣстно, то объясненіе сущности почвы и участія въ ея образованіи органическихъ дѣятелей (растит. и животныхъ) упростило-бы самое изученіе происхожденія почвы и ея составныхъ частей. Равнымъ образомъ, изложенія химическихъ свойствъ почвы нельзя дѣлать въ началѣ курса, несмотря на то, что химическій составъ почвы является слѣдствіемъ вывѣтриванія, ибо химія металловъ проходится только въ III классѣ и ученики еще недостаточно знакомы съ самыми обыкновенными неорганическими соединеніями. Въ программахъ земледѣльческихъ училищъ, правда, соединено ученіе о вывѣтриваніи и о химическихъ свойствахъ почвы съ курсомъ минералогіи и неорганической химіи, но въ цѣляхъ преподаванія земледѣлія такое соединеніе нельзя признать правильнымъ по весьма многимъ соображеніямъ, по которымъ всѣ данныя, касающіяся почвы, болѣе умѣстно и цѣлесообразно излагать въ той именно наукѣ, которая имѣетъ своею задачею изучить всесторонне почву, какъ естественное тѣло и какъ мѣсто разведенія растеній, познаніе котораго со стороны его внутренняго содержанія и различныхъ внѣшнихъ свойствъ только при такихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ цѣльность и систематичность, въ противномъ-же случаѣ будетъ безотносительнымъ и непослѣдовательнымъ и много потеряетъ въ практическомъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній.

Что касается самихъ программъ курса земледѣлія, то существующія программы ни по объему, ни по содержанію не излагаютъ предметъ съ достаточною опредѣленностью, послѣдовательностью и ясностью. Въ курсъ земледѣлія примѣшиваются часто такія свѣдѣнія, которыя по существу должны входить въ составъ другихъ агрономическихъ наукъ (сельско-хозяйственной экономіи, сельско-хозяйственной статистики и пр.), а съ другой стороны, изъ программы земледѣлія исключаются свѣдѣнія, безъ которыхъ пониманіе нѣкоторыхъ частей предмета становится весьма затруднительнымъ; наконецъ, въ программу земледѣлія вводятся и такія свѣдѣнія, которыя, имѣя близкое отношеніе къ культурѣ растеній, не всегда удобны при классномъ изученіи предмета, а гораздо лучше и ближе къ цѣли могутъ быть усвоены непосредственно на практикѣ и не нуждаются въ какихъ-либо особыхъ теоретическихъ разъясненіяхъ, составляющихъ собственно лишь выводъ изъ различныхъ общихъ положеній. Поэтому весьма понятна необходимость въ опредѣленной программѣ по почвовѣдѣнію, общему и частному земледѣлію, но еще настоя-

тельнѣе требуется точный и научно составленный учебникъ или руководство по этимъ частямъ предмета. Въ сущности подобный учебникъ самъ по себѣ можетъ служить программою курса, если въ немъ опредѣлено содержаніе, объемъ и порядокъ изложенія предмета, при отсутствіи-же такого учебника самая подробная программа дастъ очень мало, ибо при настоящихъ условіяхъ каждый преподаватель, понимающій дѣло и преданный ему, долженъ самъ вырабатывать программу, сообразно сущности и цѣли преподаванія предмета, исполненіе-же ея учениками, при отсутствіи руководствъ, весьма затруднительно. Записки и конспекты учителя сами по себѣ не могутъ замѣнить учебника, не говоря о томъ, что составленіе и пользованіе ими отнимаетъ пропасть времени и у преподавателя, и у учениковъ. Все это, конечно, извѣстно и не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій, а между тѣмъ, со времени возникновенія земледѣльческихъ училищъ, условія преподаванія земледѣлія въ этомъ отношеніи остаются одинаковыми, и въ то время какъ по животноводству, сельско-хозяйственной экономіи, метеорологіи, ботаникѣ, геодезіи и пр. составлены хоть какіе-нибудь учебники и руководства, земледѣліе испытываетъ по прежнему указанное неудобство. Не входя въ ближайшее изслѣдованіе причинъ такого неудобства, хотя, быть можетъ, оно было-бы интересно для иллюстраціи условій, въ которыхъ находится среднее сельско-хозяйственное образованіе, нельзя не замѣтить, что составленіе пригоднаго учебника вообще и въ частности по земледѣлію составляетъ задачу весьма сложную и трудную, удовлетворительное рѣшеніе которой съ педагогической точки зрѣнія можетъ быть скорѣе всего сдѣлано лишь преподавателями этого предмета, ближе и лучше знакомыми съ тѣми условіями, въ которыхъ находится земледѣліе, какъ учебный предметъ, и съ требованіями, которымъ его преподаваніе должно удовлетворять.

Обращаясь къ изложенію курса земледѣлія, необходимо далѣе замѣтить, что послѣ краткаго введенія, онъ начинается съ ученія о почвѣ въ ея отношеніяхъ къ растеніямъ. Здѣсь прежде всего должны быть даны общія понятія о сущности почвы, ея наслоеніяхъ. и тѣхъ свойствахъ, которыя легко познаются и ощущаются при первомъ разсматриваніи земли. Ознакомивъ съ общимъ характеромъ объекта изученія, слѣдуетъ затѣмъ перейти къ образованію почвы, и такой переходъ является весьма естественнымъ и послѣдовательнымъ, потому что условіями образованія почвы опредѣляются ея сущность и всѣ тѣ свойства, которыми она обладаетъ; изученіе-же сихъ послѣднихъ должно производиться лишь послѣ выясненія происхожденія почвы, на томъ основаніи, что для правильнаго пониманія явленій, обнаруживаемыхъ какимъ-либо тѣломъ, необходимо

прежде всего знать его сущность, отъ которой зависитъ самый характеръ такихъ явленій. Поэтому разсмотрѣніе процессовъ образованія почвы подъ вліяніемъ физическихъ, химическихъ дѣятелей, растительныхъ и животныхъ организмовъ, слѣдовательно изученіе условій образованія минеральной (вывѣтриваніемъ) и органической (гніеніемъ) частей почвы, составитъ слѣдующій отдѣлъ программы. Когда это будетъ разсмотрѣно, то полезно кратко обозрѣть тѣ составныя части почвы, которыя являются результатомъ образовательныхъ процессовъ, а именно: песокъ, глину, известь, перегной, различныя соли, почвенную жидкость и почвенный воздухъ и указать соотношенія между этими составными частями въ разныхъ почвахъ. Затѣмъ слѣдуетъ переходить къ изученію свойствъ почвы. По вышеуказаннымъ причинамъ, это изученіе удобнѣе начинать съ физическихъ свойствъ, а такъ какъ эти послѣднія обусловливаются величиною и формою частицъ, то прежде изложенія физическихъ свойствъ необходимо разсмотрѣть механическій составъ почвы, т.-е. раздѣленіе почвенныхъ частицъ на группы посредствомъ механическаго анализа, опредѣленіе значенія той или другой группы частицъ для почвы и для растеній, вліяніе ихъ на строеніе, плодородіе почвы и т. п. Изученіе физическихъ свойствъ естественно должно начинаться съ тѣхъ, которыя доступны непосредственному наблюденію, каковы: цвѣтъ, форма частицъ, вѣсъ, скважность, связность, словомъ, такъ называемыя внутреннія физическія свойства, принадлежащія почвѣ, подобно всякому тѣлу въ природѣ. Далѣе излагаются внѣшнія физическія свойства: прилипаніе и треніе, отношеніе почвы къ водѣ (капиллярныя явленія, влагоемкость, проницаемость, испареніе), къ газамъ (поглощеніе и распредѣленіе газовъ въ почвѣ), къ теплу (поглощеніе и отраженіе тепла, теплопроводность, температура почвы и т. п.).

Послѣ изложенія физическихъ отношеній почвы необходимо указать зависимость этихъ отношеній отъ различныхъ естественныхъ и искуственныхъ вліяній, обусловливающихъ измѣненіе состоянія и свойствъ почвы (вліяніе мороза, растеній, животныхъ, механической обработки, удобренія и пр.), наконецъ, измѣненіе свойствъ почвы подъ вліяніемъ положенія ея на мѣстности (энтопическій характеръ почвы). Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ измѣненій и вліяній въ курсѣ почвовѣдѣнія существенно важно не только потому, что все это выясняетъ самое значеніе физическихъ свойствъ почвы, но и потому, что дѣлаетъ понятнымъ отношеніе этихъ свойствъ къ растеніямъ въ связи съ другими вліяніями, дѣйствующими на почву и на произрастающія на ней растенія; кромѣ того, всѣми этими вліяніями въ значительной степени объясняются и тѣ культурные пріемы, съ которыми учащіеся будутъ знакомиться въ общемъ земледѣліи.

Послѣ изученія физическихъ свойствъ и ихъ измѣненій можно перейти къ изложенію химическихъ свойствъ почвы, т.-е. ея ближайшаго состава и тѣхъ реакцій, которыя въ ней совершаются. Поэтому здѣсь приходится указать на способы опредѣленія состава почвы посредствомъ химическаго анализа и выяснить его значеніе для сужденія о плодородіи и богатствѣ почвы. Затѣмъ слѣдуетъ подробно остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ химическихъ составныхъ частей почвы (минеральныхъ и органическихъ), которыми опредѣляется плодородіе почвы, и показать ихъ взаимныя отношенія и значеніе. Изученіе химическихъ свойствъ почвы заканчивается разсмотрѣніемъ поглотительной способности почвы по отношенію къ растворамъ солей.

Такимъ образомъ, изложеніемъ происхожденія почвы, механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ опредѣляется объемъ и содержаніе ученія о почвѣ, какъ о мѣстѣ укорененія и развитія растеній, а потому при изученіи всѣхъ этихъ свойствъ необходимо имѣть въ виду его цѣль, т.-е. отношеніе почвы къ растеніямъ, что собственно и составляетъ ближайшую задачу преподаванія почвовѣдѣнія въ земледѣльческихъ училищахъ.

Дальнѣйшее изложеніе будетъ частнымъ примѣненіемъ всего преподаннаго къ познанію отдѣльныхъ почвенныхъ типовъ, далѣе, слѣдовательно, придется описывать главнѣйшія почвы съ указаніемъ ихъ распространенія, свойствъ, культурнаго значенія и генетической связи между различными почвенными видами. При этомъ можно ограничиться описаніемъ почвенныхъ образованій, распространенныхъ въ Россіи (песокъ, суглинокъ, глина, подзолъ, лёссъ, мергель, черноземъ, солончаки и пр.). Послѣ описанія почвенныхъ образованій умѣстно изложить основанія классификаціи почвъ, которая, по существу дѣла является выводомъ изъ ихъ изученія; кромѣ того, изложеніе системъ группировки почвъ по различнымъ признакамъ (геологическимъ, химическимъ, физическимъ, техническимъ и т. п.) становится учащимся болѣе понятнымъ лишь послѣ ознакомленія съ этими празнаками. Свѣдѣнія-же о различіи почвъ на песчаныя, глинистыя, известковыя, перегнойныя и т. п. достаточно выясняются уже при изученіи механическаго состава и физическихъ свойствъ почвы. При изложеніи классификаціи почвъ нѣтъ надобности вдаваться въ разсмотрѣніе всѣхъ методовъ ихъ группировки: это отниметъ много времени, да и обременительно для учениковъ, ибо здѣсь почти все надо удерживать въ памяти. Достаточно остановиться лишь на выясненіи принциповъ естественныхъ (научныхъ) и искусственныхъ (техническихъ) классификацій; но при этомъ необходимо выяснить основанія техническихъ классификацій съ указаніемъ ихъ

важнаго приктическаго значенія. Группировка-же почвъ по урожаямъ культурныхъ растеній (экономическія классификаціи) и раздѣленіе почвъ по угодьямъ (полевыя, луговыя, садовыя, лѣсныя, пастбищныя) цѣлесообразнѣе отнести въ курсъ с.-хозяйственной экономіи.

Весьма полезно закончить курсъ почвовѣдѣнія изложеніемъ краткихъ свѣдѣній о бонитировкѣ и картографіи почвъ, потому что техническая оцѣнка имѣетъ важное значеніе при изученіи и изслѣдованіи почвъ съ практическими цѣлями и для составленія мѣстной классификаціи; понятіе-же о почвенныхъ картахъ полезно дать потому, что учащимся приходится встрѣчаться съ ними въ другихъ частяхъ сельско-хозяйственнаго курса, да и самые принципы почвенной бонитировки и картографіи, обобщая предыдущее, имѣютъ значеніе для болѣе полнаго уясненія почвенныхъ знаній.

Преподаваніе общаго земледѣлія, согласно намѣченному плану, необходимо производить лишь послѣ ознакомленія учениковъ съ основами почвовѣдѣнія, а кромѣ того съ важнѣйшими данными физіологіи растеній, потому что изученіе различныхъ культурныхъ пріемовъ, составляющихъ содержаніе общаго земледѣлія, основывается съ одной стороны на физическихъ и химическихъ свойствахъ почвы (ученіе объ обработкѣ и удобреніи почвы), а съ другой — на различныхъ явленіяхъ растительной жизни, каковы: проростаніе, питаніе, ростъ и размноженіе растеній (ученіе о посѣвѣ, уходѣ, уборкѣ и сохраненіи растеній). А потому курсъ общаго земледѣлія долженъ быть вездѣ обоснованъ на данныхъ почвовѣдѣнія и физіологіи растеній, съ которыми ученики должны быть уже знакомы. Между тѣмъ въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ, согласно распредѣленію предметовъ, физіологію растеній полагается проходить въ IV классѣ, что совершенно неудобно въ педагогическомъ отношеніи, ибо учащимся приходится ассимилировать одновременно, или даже послѣ, основныя и прикладныя знанія, вслѣдствіе чего цѣль обученія страдаетъ. Нормальный порядокъ изученія сельско-хозяйственныхъ наукъ долженъ состоять именно въ томъ, чтобы основныя свѣдѣнія были усвоены прежде прикладныхъ.

Курсъ общаго земледѣлія долженъ быть раздѣленъ на слѣдующіе части: 1) ученіе объ обработкѣ почвы (коренныя улучшенія или меліораціи и періодическая механическая обработка почвъ), 2) ученіе объ удобреніи почвы, 3) ученіе о посѣвѣ, 4) уходъ за растеніями и мѣры противъ вредныхъ вліяній, 5) уборка и сохраненіе растеній.

Такимъ образомъ, преподаваніе общаго земледѣлія начинается съ изложенія обработки почвъ, т.-е. меліорацій или единовременной обработки, а затѣмъ періодической механической обработки. Меліораціи почвъ могутъ быть излагаемы очень обширно, но такая обшир-

ность едва-ли вызывается необходимостью и количествомъ учебнаго времени, тѣмъ болѣе, что для учениковъ средней школы изученіе однѣхъ меліорацій не представляется важнымъ въ практическомъ отношеніи, другія-же удобнѣе могутъ быть пройдены въ лѣсоводствѣ или сельскомъ строительномъ и инженерномъ искусствѣ (напр., укрѣпленіе сыпучихъ песковъ, осушеніе и орошеніе земель). Поэтому въ общемъ земледѣліи достаточно ограничить ученіе о меліораціяхъ изложеніемъ улучшенія механическаго состава и физическихъ свойствъ почвы (навозка земель, наплавленіе и заиленіе), разработки задернѣлыхъ мѣстъ, лядъ, сыросѣковъ и культуры болотъ. При томъ всѣ вообще меліоративные пріемы могутъ быть изложены при классномъ преподаваніи лишь въ существенныхъ чертахъ, такъ какъ относящіяся сюда подробности, въ родѣ составленія плановъ и чертежей, численныхъ разсчетовъ и другихъ практическихъ данныхъ, необходимыхъ для выполненія той или другой меліораціи, не могутъ быть, за недостаткомъ времени, осуществлены при преподаваніи общаго земледѣлія,—все это скорѣе можетъ составить предметъ особаго курса. Періодическая механическая обработка излагается послѣдовательно, согласно порядку ея примѣненія въ дѣйствительности, при чемъ здѣсь необходимо вездѣ указывать и основывать изложеніе на тѣхъ данныхъ почвовѣдѣнія, которыми объясняется раціональность пріемовъ механической обработки, для того чтобы ученики видѣли связь и значеніе научныхъ данныхъ съ практическими пріемами. Ученіе объ этой обработкѣ начинается съ изложенія ея задачъ, при чемъ необходимо выяснить значеніе спѣлости почвы, потери и способовъ ея возстановленія, затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вспашки почвы плугомъ, какъ обыкновенной, такъ и глубокой, выяснить значеніе разныхъ способовъ паханія, времени, числа и послѣдовательности вспашекъ, углубленія пахатнаго слоя и пр. Далѣе разсматривается обработка почвы безотвальными орудіями (экстирпаторами, грубберами, лапчатыми боронами и т. п.), боронованіе, шлейфованіе и укатываніе почвы. При такомъ порядкѣ изложенія ученіе объ обработкѣ,—т.-е. собственно тѣ научныя ея основанія, которыя только и могутъ быть преподаны въ классѣ, ибо самымъ пріемамъ можно научиться лишь на практикѣ,—яснѣе усваивается учащимися и облегчаетъ имъ пониманіе всѣхъ тѣхъ комбинацій механической обработки, которыя примѣняются при подготовкѣ почвы подъ различныя растенія. Для иллюстраціи наиболѣе распространенныхъ случаевъ подготовки необходимо, послѣ изложенія общихъ пріемовъ обработки (вспашки, боронованія и т. п.), разсмотрѣть обработку почвы въ пару (подъ озимыя растенія), далѣе—обработку изъ подъ растеній, оставляющихъ жнивье (подъ яровыя), и, наконецъ, обработку почвы задернѣлой,

или вообще изъ подъ многолѣтнихъ кормовыхъ травъ (подъ озимыя и яровыя растенія). Во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо выяснить особенности и значеніе числа и послѣдовательность обработокъ, разумѣется настолько, насколько это здѣсь можетъ быть обобщено, потому что въ частномъ земледѣліи придется касаться обработки почвы въ зависимости отъ культурныхъ особенностей того или другого растенія. Конечно, преподаваніе всего этого отдѣла объ обработкѣ почвы можетъ быть продуктивно лишь при условіи предварительнаго знакомства слушателей съ ученіемъ о земледѣльческихъ машинахъ и орудіяхъ, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы ученики ясно представляли себѣ особенности конструкціи и установки того или другого орудія при работѣ. Однако условіе подготовки учениковъ въ этомъ смыслѣ представляетъ нѣкоторые существенные недостатки. Дѣло въ томъ, что сельско-хозяйственная механика преподается частью одновременно съ общимъ земледѣліемъ (въ IV классѣ), или даже послѣ него (въ V классѣ земледѣльческихъ училищъ), общее-же земледѣліе и собственно обработка почвы, по плану преподаванія этого предмета, производится въ IV классѣ, прежде изученія машинъ и орудій въ курсѣ механики, въ которомъ сначала излагаются общія основанія кинематики и динамики, а затѣмъ уже (въ концѣ курса IV класса)—сельско-хозяйственныя машины и орудія. Вслѣдствіе этого, при прохожденіи механической обработки, ученики не ознакомлены еще съ орудіями ея исполненія, иначе говоря, и здѣсь нѣтъ правильнаго соотвѣтствія въ распредѣленіи спеціальныхъ и вспомогательныхъ частей предмета. Устранить это педагогическое неудобство можно, до извѣстной степени, лишь практическимъ преподаваніемъ ученія о земледѣльческихъ машинахъ и орудіяхъ въ періодъ весеннихъ работъ, предшествующихъ преподаванію общаго земледѣлія; но и для дѣла обученія полевой практикѣ безусловно необходимо ознакомить учениковъ съ устройствомъ и установкою различныхъ машинъ и орудій прежде, нежели ученики приступятъ къ работѣ такими машинами и орудіями. Поэтому, при занятіяхъ сборкою и разборкою сельско-хозяйственныхъ орудій, ученикамъ должны быть сообщены всѣ существенныя свѣдѣнія по этой части, иначе говоря, нужно, чтобы занятія этого рода имѣли характеръ практическаго курса сельско-хозяйственной механики, т.-е. велись-бы въ извѣстной полнотѣ и послѣдовательности. Только при такихъ условіяхъ можетъ быть соблюдена постепенность преподаванія и оно можетъ быть производительнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ это было-бы достижимо при болѣе правильномъ распредѣленіи вспомогательныхъ и спеціальныхъ предметовъ обученія. Послѣ разсмотрѣнія главы объ обработкѣ почвы изложеніе общаго земледѣлія продолжается ученіемъ объ удоб-

реніи. Здѣсь прежде всего необходимо установить понятіе о сущности и задачахъ удобренія, объ истощеніи и возстановленіи плодородія почвъ и средствахъ для пополненія въ нихъ питательныхъ веществъ. Конечно, при этомъ могутъ быть изложены лишь самыя существенныя понятія, ибо подробности ученія объ истощеніи и возвратѣ веществъ будутъ излагаться еще въ сельско-хозяйственной экономіи, въ статикѣ земледѣлія. Далѣе, изученіе удобрительныхъ средствъ (абсолютныхъ, относительныхъ и косвенныхъ удобреній) должно начинаться съ важнѣйшихъ, особенно въ русскомъ хозяйствѣ, именно съ навоза, разсмотрѣніе коего надо дѣлать подробнѣе, а затѣмъ объ ночномъ золотѣ и компостѣ, техническихъ отбросахъ, вспомогательныхъ (относительныхъ) удобреніяхъ (нитраты, каліевые туки и фосфаты), косвенныхъ удобреніяхъ (известкованіе, мергелеваніе, гипсованіе, урожайные остатки и зеленое (сидеральное) удобреніе и пр.

При преподаваніи ученія объ удобреніи почвы весьма важно выяснить ученикамъ значеніе, дѣйствіе и оплату различныхъ удобрительныхъ средствъ, а такъ какъ все это зависитъ въ значительной степени, кромѣ самихъ растеній, отъ химическихъ свойствъ почвы, то при изученіи теоріи удобренія надо указывать связь удобреній съ составомъ почвы, ея поглотительною способностью, физическимъ состояніемъ, особенностями растеній и т. п. Если учащіеся вполнѣ представляютъ значеніе подобныхъ факторовъ для дѣйствія удобреній, то имъ станутъ понятными всѣ тѣ практическіе пріемы, которые должны быть примѣняемы при внесеніи удобреній, напр., время, количество, распредѣленіе, задѣлка удобреній и т. п. Послѣ изложенія обработки и удобренія почвы естественный переходъ курса состоитъ въ изученіи тѣхъ культурныхъ пріемовъ, которые должны быть направлены на самое воздѣлываемое растеніе; поэтому здѣсь разсматривается ученіе о посѣвѣ, уходѣ, уборкѣ и сохраненіи растеній. Преподаваніе этой части общаго земледѣлія вызывается самою послѣдовательностью развитія растеній, иначе говоря, здѣсь придется излагать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ тѣ культурные пріемы, которыми облегчается и улучшается полное развитіе растеній, начиная съ проростанія сѣмянъ и оканчивая созрѣваніемъ. При этомъ необходимо, разумѣется, изложить всѣ тѣ способы, которыми достигается улучшеніе свойствъ культурныхъ растеній и полученіе отъ нихъ наибольшаго количества и наилучшаго качества продуктовъ, составляющихъ цѣль разведенія. При изложеніи всѣхъ этихъ данныхъ необходимо возможно всесторонне выяснить связь практическихъ пріемовъ съ тѣми физіологическими данными, которыя служатъ ихъ основаніемъ и знаніе которыхъ предполагается уже извѣстнымъ. Въ ученіи о посѣвѣ сообщается сначала о тѣхъ свойствахъ

и признакахъ, которые должны быть присущи хорошимъ посѣвнымъ сѣменамъ, при этомъ необходимо обозрѣть внутреннія и внѣшнія условія, опредѣляющія правильное развитіе сѣмянъ и указать связь этого послѣдняго съ ихъ качествами. Затѣмъ излагаются способы полученія сѣмянъ и мѣры ихъ улучшенія; подготовка сѣмянъ къ посѣву, время посѣва, густота и самое его производство (распредѣленіе и задѣлка сѣмянъ). Глава объ уходѣ за растеніями во время роста состоитъ въ изложеніи различныхъ культурныхъ мѣръ, направленныхъ, съ одной стороны, на почву (укатываніе, боронованіе, мотыженіе, окучиваніе и т. п.), а съ другой — на самое растеніе (прорѣживаніе, обкашиваніе и обтравливаніе, пасынкованіе, переніе и пр.). Сюда-же надо отнести разсмотрѣніе различныхъ вредныхъ вліяній на развитіе культурныхъ растеній и тѣ средства, которыя могутъ быть примѣнимы, особенно въ условіяхъ русскаго хозяйства, для ихъ ослабленія и предотвращенія. Такимъ образомъ, здѣсь надо изложить вредныя вліянія температуры и влажности, растеній (сорныхъ травъ и паразитныхъ болѣзней) и животныхъ. Но при изложеніи этихъ вліяній въ общемъ земледѣліи можно ограничиться только выясненіемъ раціональности различныхъ предохранительныхъ и истребительныхъ мѣръ, такъ какъ въ курсѣ полевой культуры должны быть описаны главнѣйшіе враги изъ растительнаго и животнаго царства для отдѣльныхъ культурныхъ растеній.

Глава объ уборкѣ и сохраненіи растеній заключаетъ описаніе только такихъ общихъ пріемовъ и ихъ значенія, которые примѣнимы если не ко всѣмъ, то къ громадному большинству культурныхъ растеній, поэтому различныя частности, вызываемыя индивидуальными особенностями растеній, умѣстнѣе излагать въ полеводствѣ. Въ общемъ земледѣліи необходимо лишь выяснить понятіе о спѣлости, опредѣляющей время уборки, способы ея и дальнѣйшей обработки растеній (молотьба, вѣяніе и сортированіе), затѣмъ описать пріемы, примѣняемые при сохраненіи цѣлыхъ растеній и ихъ отдѣльныхъ частей. Конечно, преподаваніе этихъ статей не должно ограничиваться перечисленіемъ механическихъ дѣйствій уборки, молотьбы и сохраненія растеній, но здѣсь именно надо выяснить, на чемъ основаны всѣ эти пріемы, т.-е. излагать сначала не то, какъ производится уборка, молотьба и сохраненіе растеній, а то, когда и зачѣмъ она должна производиться. Разъясненіе подобныхъ сторонъ дѣла и составляетъ задачу изученія теоріи земледѣлія, практическимъ-же пріемамъ онаго гораздо удобнѣе можно научиться въ полѣ и на лугу, нежели въ классѣ. При этомъ надо не упускать изъ виду, что изложеніе различныхъ культурныхъ пріемовъ, примѣняемыхъ при воздѣлываніи растеній, должно, по возможности, соприка-

саться съ дѣйствительностью, какъ бы она ни казалась рутинною съ точки зрѣнія высшихъ соображеній сельско-хозяйственной науки, иначе говоря, преподавателю вездѣ надо указывать на недостатки и достоинства такихъ пріемовъ культуры, которые примѣняются въ русскомъ хозяйствѣ: такъ, напр., нельзя обходить молчаніемъ, при изложеніи механической обработки, употребленіе сохи и сабана, при молотьбѣ—надо упоминать о способахъ конной молотьбы (на гарманахъ), какъ объ очень распространенныхъ у насъ пріемахъ, и т. д.

Такимъ образомъ въ курсѣ общаго земледѣлія будутъ изложены тѣ важнѣйшіе культурные пріемы, которые принимаются вообще при разведеніи растеній. При подобныхъ обобщеніяхъ пріемовъ земледѣлія не придется загромождать изложеніе частной культуры излишними деталями, а отъ этого можетъ лишь увеличиться успѣшность такого изложенія, въ которомъ будутъ выставлены на первый планъ только тѣ особенности культуры, которыя вызываются природою воздѣлываемыхъ растеній и ихъ хозяйственнымъ значеніемъ.

Частное земледѣліе, т.-е. полеводство и луговодство, должно быть преподаваемо въ послѣднемъ классѣ. Оно состоитъ въ описаніи разведенія различныхъ хозяйственныхъ растеній и въ уходѣ за лугами. При этомъ прежде всего возникаетъ вопросъ объ объемѣ курса, т.-е. о количествѣ культуръ, затѣмъ—о порядкѣ и способѣ ихъ изложенія. Въ отношеніи объема надо сказать, что въ земледѣльческихъ училищахъ необходимо излагать съ достаточною полнотою лишь болѣе распространенныя и важныя въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ растенія; въ отношеніи порядка ихъ изученія, болѣе согласнымъ съ дѣйствительностью будетъ изложеніе зерновыхъ растеній прежде другихъ, культура коихъ все еще не вытѣснила у насъ первую; самый-же способъ изложенія заключается въ монографическомъ описаніи растеній, ибо, какъ показываетъ опытъ преподаванія этого предмета, при такомъ способѣ ученики яснѣе и точнѣе усваиваютъ наиболѣе характерныя черты культуры различныхъ растеній. Но въ виду того, что эти послѣднія могутъ имѣть и нѣкоторыя общія свойства, при описаніи той или другой группы растеній (напр., хлѣбныхъ, бобовыхъ, масличныхъ, корнеплодныхъ, кормовыхъ травъ и т. п.)—не безполезно предпослать монографическому описанію общія указанія на свойства изучаемыхъ растеній, техническое и экономическое значеніе получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ и хозяйственную важность въ русской полевой культурѣ.

Преподаваніе полеводства должно начинаться съ изложенія техническихъ основаній плодосмѣнности или сѣвооборотовъ и классификаціи культурныхъ растеній, такъ какъ именно въ земледѣліи и должны быть установлены тѣ элементарныя понятія, безъ кото-

рыхъ значеніе и культурныя особенности полевыхъ растеній будутъ неопредѣлены и неправильно понимаемы, тѣмъ болѣе, что послѣ усвоенія общаго земледѣлія понятіе о плодосмѣнности легко уясняется; экономическая-же сторона вопроса, хотя и тѣсно связанная съ техническими данными, будетъ разъяснена въ сельско-хозяйственной экономіи, да и въ этомъ смыслѣ разъясненіе значительно облегчится послѣ усвоенія техническихъ сторонъ дѣла.

Послѣ такого введенія въ полевое хозяйство изложеніе начинается съ зерновыхъ растеній (злаковъ, бобовыхъ, масличныхъ), затѣмъ—прядильныхъ, клубневыхъ, корнеплодныхъ и кормовыхъ травъ, при этомъ въ каждой группѣ должны быть разсмотрѣны болѣе важныя растенія подробнѣе, менѣе важныя—кратко. Этимъ путемъ можно, безъ обремененія памяти учащихся, фиксировать ихъ вниманіе на томъ, что имѣетъ наиболѣе существенное значеніе для будущей практической дѣятельности по полевому хозяйству. Съ другой стороны, должны быть приняты во вниманіе и условія того района, въ которомъ находится земледѣльческое училище, а такъ какъ воспитанникамъ его, въ большинствѣ случаевъ, приходится проявлять указанную дѣятельность въ томъ-же районѣ, то поэтому въ соотвѣтствіи съ мѣстными особенностями этого послѣдняго и должны быть изложены въ курсѣ частнаго земледѣлія подробнѣе только тѣ культуры, которыя наиболѣе важны въ данномъ районѣ. Введеніе въ курсъ мелкихъ и спеціальныхъ культуръ (напр., красильныхъ, пряныхъ растеній и т. п.) должно также обусловливаться мѣстными особенностями, а главное—отводимымъ на преподаваніе временемъ.

Вообще-же въ курсѣ частнаго земледѣлія, точно такъ же, какъ и въ другихъ отдѣлахъ, необходимо ограничиться только существенно важнымъ и практически необходимымъ учебнымъ матеріаломъ. Что касается собственно луговодства, то здѣсь требуется, во-первыхъ, сообщить понятія о лугахъ и выгонахъ, ихъ значеніи въ хозяйствѣ и характеристику естественныхъ луговъ въ зависимости отъ топографическаго положенія, влажности, свойствъ почвы и состава луговой растительности; во-вторыхъ, указать пріемы ухода за лугами, пользованіе ими и полученіе сѣна, наконецъ, условія поддержанія и возобновленія пастбищъ.

Таковъ долженъ быть, въ существенныхъ чертахъ, курсъ земледѣлія въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ въ теченіе трехъ лѣтъ, не менѣе какъ при трехъ недѣльныхъ урокахъ ежегодно. Уменьшеніе этого количества учебнаго времени ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть оправдано и будетъ вредно отражаться на изученіи обширнаго и сложнаго (даже и въ средней школѣ) курса этой отрасли сельско-хозяйственныхъ знаній.

Имѣя въ виду объемъ и содержаніе курса земледѣлія, равно какъ и цѣль его изученія, можно обратиться затѣмъ къ методамъ его преподаванія.

Такъ какъ при преподаваніи сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и земледѣлія, приходится имѣть дѣло съ прикладными знаніями, при томъ экспериментальнаго характера, то изученіе такихъ знаній возможно лишь при твердомъ пониманіи тѣхъ основныхъ данныхъ, на которыхъ можетъ быть построено то или другое положеніе земледѣльческой науки. Поэтому преподаваніе предмета должно начинаться послѣ предварительнаго усвоенія учащимися основныхъ свѣдѣній изъ физики, химіи, ботаники, минералогіи и др. и состоять въ сопоставленіи необходимыхъ положеній и выводовъ различныхъ частей естествознанія съ спеціальными данными, при чемъ эти послѣднія должны быть возможно ясными, опредѣленными, законченными и излагаться съ надлежащею послѣдовательностью, для того чтобы изученіе предмета представляло цѣльность, отдѣльныя части его имѣли-бы между собою естественную связь и зависимость, а не образовали-бы эпизодическаго сбора выводовъ и наблюденій, лишенныхъ внутренней общности, а слѣдовательно и цѣли, какъ это часто замѣчается и въ программахъ, и въ сочиненіяхъ по земледѣлію. Если изложеніе предмета происходитъ постепенно, если одно положеніе является развитіемъ или дополненіемъ другого, если изучаются прежде болѣе простыя, а затѣмъ сложныя явленія, то и самыя знанія дѣлаются болѣе доступными и понятными для учащихся, нежели въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя части предмета не связываются руководящею нитью, не служатъ средствами къ достиженію заранѣе поставленной цѣли, словомъ, при подобныхъ условіяхъ, количественное воспріятіе знаній становится затруднительнымъ: они легко исчезаютъ изъ памяти, на которую въ такомъ случаѣ всѣ предлагаемыя свѣдѣнія и разсчитываются, ибо физически невозможно ученикамъ съ средними способностями и умственнымъ развитіемъ удержать въ памяти всѣ тѣ многочисленныя данныя, которыя входятъ въ громадный курсъ земледѣлія. Мы думаемъ, что задача преподаванія земледѣлія въ средней школѣ, какъ и другихъ отраслей сельскаго хозяйства, должна состоять не только въ томъ, чтобы сообщить учащимся извѣстный систематическій запасъ спеціальныхъ знаній съ утилитарною цѣлью, но и въ томъ, чтобы научить ихъ сельско-хозяйственному мышленію, т.-е. умѣнью располагать сельско-хозяйственными явленіями сообразно ихъ сущности и практическому значенію, а не снабжать сборникомъ готовыхъ рецептовъ, каковыхъ, по существу дѣла, въ сельскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть. Если учащійся будетъ обладать знаніями настолько, что въ состояніи

понимать связь между научными положеніями и ихъ практическимъ примѣненіемъ въ зависимости отъ условій мѣста и времени, то онъ будетъ способенъ оріентироваться въ каждомъ частномъ случаѣ, и слѣдовательно цѣль изученія предмета будетъ достигнута. Методъ преподаванія долженъ состоять именно въ томъ, чтобы при изложеніи тѣхъ или иныхъ данныхъ возбуждать вниманіе и мышленіе учащихся. Учитель, изложивъ извѣстную часть предмета ясно, точно, сообразно съ подготовкою учениковъ, предлагаетъ затѣмъ вопросы, дабы убѣдиться насколько ученики поняли сообщенное, при чемъ соотвѣтственною комбинаціею вопросовъ производится развитіе или дополненіе этой части. По сущности с.-х. знаній, самое изложеніе предпочтительнѣе вести отъ общаго къ частному, но само собою разумѣется, что въ отдѣльныхъ частяхъ предмета можетъ быть умѣстенъ и индуктивный путь, потому что общее положеніе иногда лучше выясняется изъ анализа частныхъ случаевъ. Но это собственно относится къ внѣшней формѣ изложенія. Что касается внутренняго содержанія, то, въ виду различныхъ причинъ, весьма полезно концентрировать изложеніе, при томъ по возможности равномѣрно, иначе не получится цѣльности впечатлѣнія. Не слѣдуетъ слишкомъ сокращать изложеніе тѣхъ данныхъ, которыя легко доступны, сравнительно съ болѣе трудными, а придавать излагаемымъ даннымъ одинаковое значеніе и цѣнность. Затѣмъ, изложеніе сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній должно производиться совершенно объективно: въ немъ не долженъ отражаться книжный духъ; еще менѣе это изложеніе, какъ иногда дѣлается, должно сводиться къ толкованію какого-либо сочиненія или руководства, потому что въ такомъ случаѣ учащіеся, зная напередъ, что все излагаемое они найдутъ даже съ избыткомъ въ книгѣ, будутъ пассивно относиться къ разсказу учителя, который (разсказъ), такимъ образомъ, будетъ лишь формальною частью урока. Не говоря о томъ, что большинство русскихъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій или руководствъ не приспособлены къ задачамъ учебнаго метода, а вообще сообщаютъ только извѣстный запасъ фактическихъ данныхъ, то очень краткихъ, то хотя и болѣе подробныхъ, но мало систематичныхъ, а иногда прямо не точныхъ, изложеніе сельско-хозяйственнаго предмета должно быть таково, чтобы при немъ ученики принимали активное участіе вслѣдствіе возбужденія вниманія и мышленія, ибо только при такомъ условіи они будутъ въ состояніи понимать сообщаемыя имъ конкретныя свѣдѣнія, заучиваніе-же по книгѣ, дѣйствуя на одну лишь память, не приводитъ къ цѣли обученія, такъ какъ при одномъ запоминаніи фактовъ, при отсутствіи логической связи между ними, голова наполняется учебнымъ баластомъ, который, какъ и всякій баластъ, скоро

выбрасывается, какъ нѣчто обременительное. Поэтому отъ учениковъ всегда необходимо требовать связнаго, послѣдовательнаго изложенія предмета посредствомъ наводящихъ вопросовъ или такихъ, которые облегчали-бы имъ возможность изъ извѣстныхъ данныхъ дѣлать соотвѣтствующіе выводы. При такихъ дидактическихъ пріемахъ возможно убѣдиться какъ въ цѣлесообразности изложенія предмета, такъ и въ степени пріобрѣтенія учащимися преподанныхъ знаній. Но этимъ собственно не ограничивается задача учебнаго метода преподаванія земледѣлія въ средней школѣ. По сущности земледѣльческихъ знаній, кромѣ устнаго изложенія, необходимо всѣ эти знанія сдѣлать наиболѣе доказательными и реальными для учащихся посредствомъ опытовъ, демонстрацій, наблюденій и вообще практическаго воспроизведенія всего того, что изучается въ теоріи. Это практическое направленіе преподаванія заключается, съ одной стороны, въ средствахъ, которыя должны служить для лучшаго усвоенія тѣхъ или иныхъ положеній науки,—сюда относятся опыты и демонстраціи и другіе пріемы, содѣйствующіе наглядности преподаванія,—а, съ другой стороны, для пониманія сущности и значенія теоретическихъ данныхъ и умѣнья приложить ихъ къ дѣйствительности должны служить практическія работы учащихся въ полѣ, на лугу и т. п. Какъ демонстративная сторона преподаванія, такъ и самостоятельныя практическія работы учащихся въ земледѣльческихъ училищахъ нужно считать важнѣйшими составными частями учебнаго метода преподаванія земледѣлія. Само собою разумѣется, при подобныхъ занятіяхъ надо совершенно отбросить мысль о приготовленіи изъ учениковъ какихъ-либо аналитиковъ или мастеровъ-техниковъ,—это не можетъ быть достижимо въ средней школѣ; на всѣ практическія занятія и работы учащихся надо смотрѣть только какъ на важнѣйшее средство обученія земледѣлію, слѣдовательно, какъ на извѣстный дидактическій пріемъ, ведущій, совмѣстно съ устнымъ изложеніемъ, полнѣе къ цѣли преподаванія предмета.

Опыты и демонстраціи при классномъ преподаваніи могутъ быть поставлены очень широко, но для сущности изучаемаго предмета, который не можетъ быть преподанъ въ средней школѣ съ такою же широтою, постановка экспериментальной стороны преподаванія можетъ быть ограничена нижеслѣдующимъ. По почвовѣдѣнію весьма важнымъ пособіемъ должны быть прежде всего образцы почвъ, для чего необходимо имѣть учебную коллекцію различныхъ почвенныхъ видовъ и разновидностей, а именно: 1) песчаная почва (сыпучій песокъ, сухая песчаная почва, супесь), 2) глинистая почва (тяжелая глина, обыкнов. глинистая почва, глинистый песокъ), 3) суглинокъ (плотный, обыкновенный и песчаный), 4) подзолъ (бѣлый, сѣ-

рый, пепельный и пр.), 5) лессъ, 6) мергель (глинистый, песчаный, известковый), 7) известковая почва (каменистая, песчаная), 8) перегнойная почва (торфяная, лѣсная, луговая и пр.), 9) черноземъ (песчанный, суглинистый и глинистый), 10) солончаковая земля.

Располагая подобнымъ подборомъ почвъ, полезно однако показать одну и ту же почву какъ въ воздушно-сухомъ состояніи, такъ и въ ея естественномъ видѣ, для чего надо имѣть (напр., въ коробкѣ) тщательно вынутый разрѣзъ почвы, или собственно растительнаго слоя, а если возможно, то и подпочвы. Далѣе, при изложеніи образованія почвы, весьма полезнымъ демонстративнымъ пособіемъ можетъ служить коллекція главнѣйшихъ горныхъ породъ и продуктовъ ихъ вывѣтриванія. Такая коллекція, наглядно указывающая какъ на тотъ первоначальный матеріалъ, изъ котораго образуются почвы, такъ и на результаты его измѣненія, даетъ хорошее понятіе о значеніи горныхъ породъ въ процессѣ почвообразованія. Такія коллекціи имѣются въ продажѣ (напр., у D-r Krantz, въ Боннѣ), но для цѣлей преподаванія ихъ приходится извѣстнымъ образомъ систематизировать и дополнить образцами русскихъ наземныхъ образованій. Происхожденіе органической части почвъ можетъ быть показано на опытѣ гніенія органическихъ остатковъ, при чемъ легко демонстрируется выдѣленіе углекислоты и другихъ продуктовъ гніенія. Необходимый для подобнаго опыта приборъ можетъ быть изготовленъ безъ особыхъ затрудненій.

Составныя части почвъ, напр., песокъ, глину, известь, перегной и т. п., можно показать, если приготовить коллекцію изъ какой-либо почвы (напр., изъ чернозема и др.), при чемъ въ отдѣльныхъ банкахъ (пробиркахъ) собрать полученныя при анализѣ песчаныя, глинистыя, известковыя частицы и т. п. въ такомъ количествѣ, какое соотвѣтствуетъ дѣйствительному содержанію этихъ частей, напр., въ 1.000 частяхъ почвы. Такая правильно и чисто подобранная коллекція дастъ понятіе не только о самихъ веществахъ, но и объ относительномъ содержаніи ихъ въ почвѣ.

Присутствіе нитратовъ въ почвѣ можно показать въ водной вытяжкѣ, приготовленной изъ данной почвы, реакціями окрашиванія (напр., дефенилъ-аминомъ); въ этой-же вытяжкѣ можно показать и другія вещества, характеризующія почвенную жидкость. Почвенный воздухъ можно демонстрировать посредствомъ приборовъ Буссенго и Леви или Гейнриха.

При изложеніи механическаго состава почвы необходимо имѣть коллекцію, по крайней мѣрѣ, изъ десяти элементовъ механическаго анализа (камни, хрящъ, песокъ, песч. пыль и иловатые продукты). Этимъ будетъ дано наглядное понятіе какъ о различіи между ча-

стицами, составляющими скелетъ и мелкоземъ, такъ и о количественномъ отношеніи ихъ въ почвѣ. Полезно имѣть такія коллекціи изъ разныхъ почвъ, рѣзко различающихся между собою по механическому составу (напр., песчаная и глинистая), но это требуетъ большого труда на изготовленіе, ибо надо самому произвести механическій анализъ каждой почвы. Вмѣсто продуктовъ, помѣщенныхъ въ банкахъ, въ крайнемъ случаѣ, можно ограничиться распредѣленіемъ ихъ по способу Кнопа. Далѣе, необходимо имѣть коллекцію приборовъ и принадлежностей для механическаго анализа (сита, чашки, сифоны, осадочные и отмывные приборы и т. п.). На урокахъ, за недостаткомъ времени, возможно произвести лишь примѣрное отмучиваніе почвы, но во время лѣтнихъ занятій можно показать весь ходъ механическаго анализа при участіи самихъ учениковъ, при чемъ полезно производить анализъ такихъ почвъ, въ которыхъ раздѣленіе частицъ производится, сравнительно, легко (напр., песчаныхъ) или медленно (иловатыхъ). Полезно, наконецъ, показать подъ микроскопомъ песокъ, песчаную пыль, иловатые продукты, дабы ученики могли убѣдиться, что эти механическія составныя части почвъ не такъ однообразны, какъ кажутся при наружномъ осмотрѣ.

Физическія свойства почвъ въ большинствѣ случаевъ можно изучать прямо опытнымъ путемъ, при чемъ можно произвести на урокахъ опредѣленіе удѣльнаго, объемнаго и кажущагося уд. вѣса почвы, вычислить скважность и показать измѣненія объема почвъ. Связность можетъ быть показана надъ образчиками почвъ (по способу Шюблера или Габерландта). Капиллярныя явленія почвы можно легко демонстрировать какъ надъ всею почвою, такъ и надъ отдѣльными составными частями (пескомъ, каолиномъ, известью, перегноемъ и т. п.), дабы дать понятіе о значеніи этихъ частей при волосномъ движеніи воды. Влагоемкость почвы можетъ быть легко показана различными способами, но при этомъ полезно произвести опытъ съ почвами набухающими (глина, торфъ и др.) и не набухающими (песокъ, известь и др.), чтобы такимъ образомъ дать понятіе о количествѣ воды, требуемой разными почвами для своего насыщенія.

Проницаемость почвы для воды можетъ быть демонстрирована въ воронкѣ или въ приборахъ (напр., Величковскаго), но едва-ли для этого надо прибѣгать къ приборамъ.

Испареніе воды изъ почвы можно легче всего показать при помощи эвапорометра; для демонстраціи-же вліянія различныхъ условій на испареніе почвою воды, напр., рыхлости, плотности, отѣненія и т. п., могутъ быть пригодны цилиндры Несслера или Фогеля, хотя въ этомъ случаѣ потребуется больше времени для того,

чтобы видѣть результаты вліянія подобныхъ факторовъ на испареніе.

При разсмотрѣніи источниковъ почвенной влаги полезно показать одну и ту же почву въ различномъ состояніи влажности, именно: сухую, мокрую и средне-влажную.

Изученіе отношенія почвы къ газамъ требуетъ для опытовъ болѣе или менѣе сложныхъ приборовъ, но и здѣсь можно демонстрировать поглощеніе и движеніе газовъ въ почвѣ, напр., показать опытъ выдѣленія газовъ изъ почвы, опытъ Бабо надъ торфомъ, опытъ пропусканія газовъ чрезъ почву, поглощеніе и выдѣленіе гигроскопической воды и т. п. Полезно было-бы демонстрировать поглотительную способность относительно газовъ отдѣльными составными частями почвы (пескомъ, известью, глиною, водною окисью желѣза, гумусомъ).

Термическія свойства почвы,—теплоемкость, нагрѣваемость, лучеиспусканіе и теплопроводность,—не могутъ быть демонстрированы въ классѣ, во-первыхъ, потому, что эти свойства изслѣдуются помощью болѣе или менѣе сложныхъ приборовъ (и дорогихъ для средней школы), а во-вторыхъ, производство опытовъ опредѣленія теплоемкости, лучеиспусканія, теплопроводности и т. п. требуютъ много времени и не доступно при классномъ преподаваніи. Однако слѣдуетъ показать почвенные термометры для измѣренія температуръ на различной глубинѣ и ознакомить учениковъ съ производствомъ наблюденій надъ температурою почвы, тѣмъ болѣе, что при училищахъ существуютъ метеорологическія станціи 2-го разряда.

При изложеніи химическихъ свойствъ почвы полезно имѣть коллекціи анализовъ разныхъ почвъ, наглядно показывающихъ химическій составъ, на подобіе существующихъ въ продажѣ анализовъ кормовыхъ средствъ. Правда, готовыхъ анализовъ почвъ не имѣется. ихъ надо изготовить самому, но ради поучительности такія коллекціи почвъ должны быть принадлежностью обстановки преподаванія почвовѣдѣнія, ибо онѣ лучше всякихъ таблицъ, діаграммъ и пр. могутъ дать понятіе о составѣ разныхъ почвъ, т.-е. собственно объ абсолютномъ количествѣ тѣхъ минеральныхъ и органическихъ веществъ, входящихъ въ составъ почвы. При изложеніи химическихъ составныхъ частей почвы и обнаруживаемыхъ ими реакцій полезно демонстрировать таковыя въ классѣ, напр., показать реакціи студенистаго гидрата кремнезема и его солей, реакціи образованія и разложенія цеолитовъ, основныхъ водныхъ силикатовъ и т. п. При изученіи гуминовыхъ веществъ почвы надо показывать полученіе гумуса, различныхъ гуматовъ, а также препараты, объясняющіе отношеніе между минеральными и органическими веществами почвы.

Наконецъ, поглотительной способности почвъ по отношенію къ растворамъ солей должны отвести видное мѣсто тѣмъ болѣе, что опытъ, служащій объясненіемъ сущности этого свойства, такъ простъ и въ то-же время такъ поучителенъ, что не представляетъ никакихъ затрудненій ни въ изготовленіи прибора, ни въ отношеніи времени. А между тѣмъ подобный опытъ укажетъ ученикамъ на все значеніе этой важной способности почвъ.

Описаніе различныхъ видовъ почвъ должно сопровождаться демонстрированіемъ почвенныхъ образцовъ, систематически подобранныхъ, при чемъ полезно имѣть гербаріи спеціальныхъ флоръ, т.-е. растеній, свойственныхъ песчанымъ, глинистымъ, известковымъ, болотнымъ почвамъ и т. п. Почвенныя карты (профили и общія карты) должны также составлять необходимыя пособія по земледѣлію.

Преподаваніе общаго земледѣлія можетъ сопровождаться лишь демонстраціями приборовъ, коллекцій, моделей, рисунковъ и пр., такъ какъ съ сущностью и выполненіемъ разныхъ культурныхъ пріемовъ по обработкѣ, удобренію почвы, посѣву, уходу, уборкѣ растеній и т. п. ученики должны быть ознакомлены во-время лѣтнихъ практическихъ занятій на учебномъ полѣ. При классномъ преподаваніи курса можно, напр., показать коллекціи удобрительныхъ туковъ, приборы и принадлежности для опредѣленія качествъ сѣмянъ и другихъ продуктовъ, діаграммы, поясняющія составъ урожаевъ и удобреній, гербаріи сорныхъ травъ, ихъ сѣмянъ, модели и т. п., но, по содержанію курса, лучшимъ пособіемъ здѣсь будутъ служить систематическія практическія работы въ весенній и лѣтній періоды.

Наконецъ, при преподаваніи частнаго земледѣлія необходимо имѣть подъ руками не только коллекцію сѣмянъ различныхъ сортовъ полевыхъ растеній, болѣзненныхъ поврежденій, гербаріи, образцы колосьевъ, початковъ и т. п., но весьма полезнымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи могутъ служить стѣнныя таблицы (въ рамкахъ подъ стекломъ) главнѣйшихъ полевыхъ растеній (напр., ржи, пшеницы, полбы, ячменя, овса, проса, кукурузы, гречихи, гороха, чечевицы, вики, льна, конопли, подсолнечника, мака, рапса, горчицы, картофеля, свеклы, клевера, люцерны, тимофеевки и др.). Каждая такая таблица состоитъ изъ засушеннаго и хорошо препарированнаго растенія въ его полномъ видѣ (съ корнями, цвѣтами и пр.), а также всходовъ въ разныхъ стадіяхъ развитія, со всѣми сортами зеренъ, важнѣйшихъ сырыхъ и обработанныхъ продуктовъ, получаемыхъ отъ даннаго растенія, образцами поврежденій (болѣзнями, насѣкомыми и пр.); этикетъ содержитъ краткую характеристику представленнаго растенія въ культурномъ отношеніи. Словомъ, подобныя таблицы должны изображать по возможности полнѣе и нагляднѣе все хозяй-

ственно-техническое значеніе даннаго культурнаго растенія. Такія таблицы могутъ имѣть двоякое учебное значеніе: во-первыхъ, онѣ фиксируютъ вниманіе учениковъ лучше всякаго описанія, оживляютъ изложеніе полевой культуры и дѣлаютъ его болѣе вразумительнымъ, а во-вторыхъ, обозрѣніе такихъ таблицъ можетъ служить до извѣстной степени конспектомъ по исторіи развитія и разведенія того или другого растенія. Въ полезномъ значеніи подобныхъ таблицъ я убѣдился изъ многолѣтняго опыта ихъ примѣненія при преподаваніи частнаго земледѣлія. Само собою разумѣется, что такія таблицы должны быть составлены возможно тщательнѣе и полнѣе самимъ преподавателемъ земледѣлія, и для этого не потребуется много средствъ.

Вышеприведеннымъ обзоромъ учебныхъ пособій при преподаваніи теоретическаго курса земледѣлія не исчерпывается, конечно, все то, что должно служить средствомъ для правильной постановки учебнаго метода и достиженія цѣли преподаванія предмета. Весьма многое здѣсь зависитъ отъ знаній и опытности самого преподавателя, отъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ его распоряженіи, отъ времени, отводимаго на занятія, и пр. Ко всему этому необходимо прибавить, что для достиженія лучшей постановки наглядной стороны преподаванія весьма важнымъ средствомъ служитъ хорошо обставленный рабочій кабинетъ, въ которомъ можно было-бы подготовлять необходимые для преподаванія опыты и пояснительныя коллекціи почвенныхъ препаратовъ, растеній и пр., не говоря о самостоятельныхъ занятіяхъ самого преподавателя и учениковъ. Такой кабинетъ, снабженный необходимыми лабораторными приспособленіями, долженъ быть существеннымъ учебнымъ пособіемъ при преподаваніи земледѣлія не только потому, что онъ является средствомъ для лучшей постановки демонстративной стороны преподаванія, но еще и потому, что могъ-бы служить для развитія самодѣятельности учениковъ путемъ ихъ личнаго ознакомленія съ важнѣйшими практическими пріемами изслѣдованія механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ почвы или, вообще говоря, ея бонитировки, съ простѣйшими пріемами изслѣдованія сѣмянъ (культурныхъ и сорныхъ растеній), удобреній, а также съ методами наблюденій и изслѣдованій надъ самыми растеніями, получаемыми отъ нихъ продуктами и т. п. Подобныя самостоятельныя занятія, производимыя по опредѣленной программѣ подъ руководствомъ преподавателя какъ въ зимнее время, такъ отчасти и въ лѣтній періодъ, могли-бы производиться съ учениками двухъ послѣднихъ классовъ и являются важными, во-первыхъ, потому что при такихъ занятіяхъ учащіеся будутъ сознательнѣе относиться къ изучаемымъ въ курсѣ земледѣлія положеніямъ и выводамъ, а слѣдовательно будутъ осно-

вательнѣе пріобрѣтать спеціальныя знанія, ибо въ сельскомъ хозяйствѣ весьма многое познается эмпирически, посредствомъ наблюденій и изслѣдованій, изъ которыхъ затѣмъ можно уже дѣлать болѣе или менѣе вѣрныя заключенія; а во-вторыхъ, подобныя экспериментальныя занятія учащихся въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ вызываются непосредственными требованіями, предъявляемыми имъ тою дѣятельностью, какая ожидаетъ ихъ по окончаніи курса. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время многіе изъ учениковъ среднихъ земледѣльческихъ училищъ поступаютъ на должности учителей низшихъ земледѣльческихъ школъ, уѣздныхъ агрономовъ, техниковъ земской службы, помощниковъ завѣдывающихъ и наблюдателей въ разныхъ опытныхъ сельско-хозяйств. учрежденіяхъ и т. п. Едва-ли нужно разъяснять, насколько важно во всѣхъ такихъ родахъ дѣятельности всестороннее спеціальное образованіе и что однѣ книжныя знанія недостаточны для успѣшности означенной дѣятельности. А потому и очевидно, что обученіе сельскому хозяйству лицъ, готовящихся къ практической дѣятельности указаннаго рода, должно быть направлено, помимо всего прочаго, къ развитію въ нихъ самостоятельной личной иниціативы, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы дать имъ возможность, въ случаѣ надобности, сразу приняться за дѣло. Само собою разумѣется, что вопросъ о надлежащей постановкѣ самостоятельныхъ занятій учениковъ въ земледѣльческихъ училищахъ можетъ быть правильно разрѣшенъ лишь въ связи съ измѣненіемъ организаціи этихъ заведеній какъ въ отношеніи матеріальной обстановки, учебныхъ пособій и учебнаго персонала, такъ и въ отношеніи содержанія и распредѣленія общихъ и спеціальныхъ предметовъ образованія, учебнаго времени, отводимаго на изученіе тѣхъ и другихъ, наконецъ, въ отношеніи устройства учебно-практическихъ учрежденій, служащихъ для послѣдовательнаго и цѣлесообразнаго ознакомленія учащихся съ примѣненіемъ научныхъ знаній къ дѣйствительности.

Но кромѣ всего этого изученіе земледѣлія въ среднихъ школахъ должно сопровождаться еще полевыми занятіями учащихся, которыя вводятся въ систему ихъ образованія какъ до теоретическаго изученія курса, такъ и въ особенности въ связи съ нимъ и даже послѣ усвоенія всѣхъ основныхъ положеній культуры растеній. Организація подобныхъ занятій по земледѣлію должна быть направлена къ ознакомленію учениковъ съ техническими пріемами исполненія различныхъ работъ и съ употребленіемъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, при чемъ учащіеся должны ясно понимать всѣ необходимыя условія для успѣшнаго выполненія каждой сельско-хозяйственной работы и тѣ научныя данныя, на коихъ осно-

вано правильное выполненіе этихъ послѣднихъ (см. примѣрныя программы практическихъ занятій въ земледѣльческихъ училищахъ).

Въ учебномъ отношеніи самое важное заключается въ такой постановкѣ практическихъ занятій по культурѣ растеній, при которой могла-бы быть выяснена связь научныхъ данныхъ съ практическими пріемами, для того чтобы эти послѣдніе были возможно болѣе осмыслены и правильно освѣщены, словомъ, чтобы при этомъ теорія дополняла практику, и обратно. Если учащіеся овладѣютъ всѣмъ этимъ, то цѣль ихъ практическаго образованія будетъ достигнута; приготовленіе-же изъ нихъ техниковъ-исполнителей разныхъ работъ, напр., образцовыхъ пахарей, косцовъ и т. п., не можетъ составлять задачу средняго сельско-хозяйственнаго училища, ибо, съ одной стороны, степень совершенства въ техникѣ работы пріобрѣтается долгимъ временемъ, какимъ школа не располагаетъ и располагать не можетъ, а съ другой стороны—учащіеся средней школы готовятся не въ опытные рабочіе, а по преимуществу для веденія сельскаго хозяйства или для обученія ему, слѣдовательно, къ такой дѣятельности, которая требуетъ собственно знанія основаній практическихъ пріемовъ и умѣнья показать ихъ другимъ. Поэтому обученіе техническимъ пріемамъ земледѣлія и должно находиться въ соотвѣтствіи съ этими задачами, и каждая школа должна располагать хозяйственными угодьями (полями, лугами и т. п.), которыя могли-бы служить, во-первыхъ, для разведенія возможно полной коллекціи полевыхъ растеній, производства опытовъ надъ ними съ учебною цѣлью и для систематическаго ознакомленія со всѣми культурными пріемами земледѣлія, необходимыми для цѣлесообразнаго воздѣлыванія растеній, а во-вторыхъ, для ознакомленія съ тѣмъ значеніемъ и отношеніемъ, которыя дожно имѣть полевое хозяйство, какъ и всякая другая отрасль, въ правильно устроенномъ имѣніи; слѣдовательно, здѣсь должны быть показаны пріемы организаціи какъ полевого хозяйства, такъ и всего хозяйства въ цѣломъ.

Практическія занятія по земледѣлію могутъ быть подговительными, напр., въ низшихъ классахъ, и систематическими въ высшихъ, послѣ того какъ пройдено общее и частное земледѣліе. По существу дѣла занятія по культурѣ растеній должны производиться въ последовательномъ порядкѣ, начиная съ весны и въ теченіе всего лѣтняго періода, слѣдовательно съ подготовки почвы подъ посѣвъ и оканчивая работами по уборкѣ и полученію тѣхъ частей растенія (плодовъ, сѣмянъ, стеблей, корней и пр.), ради которыхъ они воздѣлываются. Для того, чтобы такія занятія могли принести пользу учащимся въ смыслѣ расширенія сельско-хозяйственнаго кругозора и пріобрѣтенія извѣстнаго умѣнья, въ различныхъ культурныхъ прie-

махъ полевого хозяйства, необходимо, чтобы учащіеся были достаточно ознакомлены, во-первыхъ, съ особенностями развитія самихъ культурныхъ растеній на мѣстѣ ихъ произрастанія, а во вторыхъ, со всѣми тѣми практическими пріемами, которыми возможно содѣйствовать этому развитію, наконецъ, въ-третьихъ, все это необходимо поставить въ тѣсную связь съ положеніями науки, доказать ихъ на дѣлѣ, съ каковою цѣлью надо отвести надлежащее мѣсто различнымъ полевымъ опытамъ. Въ этихъ видахъ на учебномъ полѣ долженъ находиться возможно полный и разнообразный матеріалъ въ видѣ коллекціи изъ всѣхъ хозяйственныхъ группъ, а именно: хлѣбныхъ, бобовыхъ, масличныхъ, прядильныхъ, корнеплодныхъ, кормовыхъ, пряныхъ растеній и т. п.; далѣе, долженъ быть установленъ извѣстный сѣвооборотъ, примѣнительно къ мѣстнымъ климатическимъ, почвеннымъ и хозяйственнымъ условіямъ, въ которомъ смѣна растеній давала-бы возможность ознакомиться на практикѣ со всѣми техническими пріемами по разведенію растеній, наконецъ, учебное поле должно быть снабжено возможно разнообразною коллекціею ручныхъ и конныхъ орудій и машинъ, необходимыхъ для работъ.

Разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній дастъ возможность ознакомить учениковъ съ культурными растеніями и ихъ развитіемъ въ естественныхъ условіяхъ, а при достаточно полномъ инвентарѣ можно ознакомить со всѣми практическими способами культуры. Путемъ самостоятельныхъ наблюденій за постепеннымъ развитіемъ растеній, сопровождаемыхъ отъ времени до времени демонстративными объясненіями преподавателя, ученики могутъ вполнѣ ознакомиться съ особенностями развитія отдѣльныхъ растеній, при чемъ большимъ подспорьемъ можетъ служить составленіе коллекцій (въ видѣ небольшихъ гербаріевъ) разводимыхъ растеній, по возможности въ разныя стадіи ихъ развитія, напр., въ состояніи всходовъ, въ періодъ кущенія, колошенія и пр.; составленіе коллекцій важнѣйшихъ сорныхъ травъ (однолѣтнихъ и многолѣтнихъ), съ указаніями относительно времени и мѣста развитія, собираніе образцовъ болѣзненныхъ поврежденій (паразитными грибками, насѣкомыми и т. п.) можетъ значительно уяснить учащимся естественныя условія развитія растеній. Весьма важнымъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ практически, надо считать ознакомленіе съ особенностями развитія корневой системы, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ растеній (ржи, пшеницы, овса, ячменя, проса, кукурузы, гороха, вики, льна, конопли, кормовыхъ травъ и др.), для чего необходимо демонстрировать ученикамъ корни означенныхъ растеній въ три періода вегетативной дѣятельности растеній: въ состояніи всходовъ, въ періодъ полнаго кущенія и во время цвѣтенія. Полезно также обращать вниманіе на особенности

въ развитіи стеблевыхъ органовъ (напр., степень кущенія, высоту стебля, число междоузлій, развитіе листьевъ и т. п.); насколько возможно, слѣдуетъ указывать на особенности и значеніе сортовыхъ отличій у извѣстныхъ растеній и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ учащимся болѣе или менѣе полное и ясное понятіе о различіи и свойствахъ культурныхъ растеній въ ихъ естественномъ видѣ.

Культурные пріемы изучаются при выполненіи всѣхъ работъ, въ порядкѣ ихъ слѣдованія—при подготовкѣ почвы подъ яровыя и озимыя растенія, при посѣвѣ, уходѣ и уборкѣ разводимыхъ растеній, причемъ разнообразіе послѣднихъ доставитъ возможность обратить вниманіе на исполненіе какъ обще-распространенныхъ въ практикѣ культурныхъ пріемовъ, такъ равно и такихъ, которые сравнительно рѣже примѣняются именно въ русской сельско-хозяйственной практикѣ; при этомъ возможно будетъ произвести сравнительную практическую оцѣнку различныхъ пріемовъ, съ указаніемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ.

При подобныхъ работахъ, однако, необходимо различать общіе культурные пріемы, примѣняемые ко всѣмъ растеніямъ, безъ отношенія къ цѣли ихъ разведенія, отъ спеціальныхъ пріемовъ, употребительныхъ лишь при культурѣ извѣстныхъ видовъ и находящихся въ прямой зависимости отъ хозяйственнаго назначенія послѣднихъ. Съ учебной точки зрѣнія полезно поручать спеціальныя работы преимущественно лишь послѣ пріобрѣтенія нѣкотораго навыка въ общихъ пріемахъ. Учащіеся упражняются сначала въ болѣе простыхъ, не требующихъ особаго изощренія въ техникѣ исполненія, а затѣмъ переходятъ къ работамъ болѣе сложнымъ, требующимъ предварительныхъ свѣдѣній по общему земледѣлію и нѣкотораго изощренія наблюдательности и сообразительности. Этимъ путемъ будетъ достигаться извѣстная послѣдовательность въ обученіи практикѣ земледѣлія. Для развитія въ учащихся сознательнаго отношенія при примѣненіи различныхъ культурныхъ работъ, необходимо эти послѣднія поставить въ тѣсную связь съ теоретическимъ курсомъ, указывать основанія для каждой работы и вести эти послѣднія такъ, чтобы онѣ обнимали возможно полнѣе пройденное въ классѣ. Съ этою цѣлью нужно, чтобы во время практическихъ занятій ученики продѣлывали примѣрно слѣдующій циклъ работъ, вызываемыхъ послѣдовательностью культурныхъ пріемовъ при разведеніи растеній: а) по удобренію почвы — вывозка навоза на поля, складываніе его въ кучи (опредѣленіе количества навоза на десятину), разбивка навоза по полю, задѣлка его на извѣстную глубину, способы удобренія искусственными туками (напр., фосфоритною мукою, суперфосфатами, известью, гипсомъ, селитрою, калійными туками и т. п.), примѣненіе

жидкихъ туковъ, компостнаго, зеленаго удобренія и пр.; b) по обработкѣ почвы—вспашка обыкновенная и глубая, взметъ жнивья, дернины (лущеніе), паханіе почвоуглубителемъ, сохами и косулями, двоеніе и троеніе многокорпусными плугами, экстирпаторами, шведскими боронами и пр., боронованіе съ различною цѣлью и укатываніе почвы; паровая обработка поля; c) по посѣву—выборъ и подготовка сѣмянъ къ посѣву, распредѣленіе сѣмянъ руками, разбросными и рядовыми сѣялками, задѣлка сѣмянъ разными способами (запашниками, плугомъ, сохою, боронами и пр.), укатываніе посѣвовъ, выращиваніе разсады и высадка ея на мѣсто; d) по уходу за растеніями—боронованіе, укатываніе, мотыженіе и окучиваніе ручными и конными орудіями, прорѣживаніе, полотье, пасынкованіе, переніе, поливка растеній и т. п.; e) по уборкѣ растеній—тербленіе и срѣзываніе растеній (серпомъ, косою, сѣнокосилками и жнейками), вязка въ снопы и сушка на полѣ (сгребаніе, копненіе, кладка въ бабки, крестцы, суслоны, шатры и т. п.), возка съ поля, кладка въ одонья, скирды, стога и пр.; f) молотьба растеній ручными и машинными способами (вальками, цѣпами, молотилками, тёрками и пр.), раздѣлка вороха (вѣяніе и т. п.), сушка и сортированіе зеренъ; g) опредѣленіе количества и качества урожаевъ (взвѣшиваніемъ и вычисленіемъ), пробный умолотъ, опредѣленіе натуры сѣмянъ, опредѣленіе качествъ клубней, корней и пр.

Конечно, подобною программою можетъ быть намѣченъ только самый существенный кругъ тѣхъ практическихъ работъ, которыя должны быть выполняемы вообще при культурѣ растеній. Но на практикѣ учениковъ надо ознакомить и съ нѣкоторыми частными культурными пріемами, касающимися только извѣстныхъ растеній; такіе пріемы ученики могутъ изучать, напримѣръ, въ хмельникѣ, при разведеніи табака, воздѣлываніи кормовыхъ травъ, кукурузы на зерно и для силосованія и т. п.

Самый способъ веденія практическихъ занятій долженъ состоять въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ педагогическомъ отношеніи весьма важно не только научить учащихся различнымъ практическимъ пріемамъ земледѣлія, но въ особенности пріучить ихъ къ сознательному, цѣлесообразному труду, то въ этихъ видахъ работамъ по земедѣлію надо придать возможную постепенность, состоящую въ томъ, чтобы ученики исполняли сначала болѣе легкія и простыя по существу работы, а затѣмъ переходили-бы къ болѣе труднымъ и сложнымъ. Въ этомъ смыслѣ практическія занятія по земледѣлію могутъ раздѣляться на два періода: подготовительный и систематическій. Въ первомъ періодѣ практикою занимаются преимущественно ученики низшихъ классовъ, а во второмъ—ученики высшихъ классовъ, про-

слушавшіе общій курсъ земледѣлія. Въ I и II классахъ ученики выполняютъ общія работы, болѣе простыя и легкія, требующія примѣненія главнымъ образомъ ручныхъ орудій. Въ III-мъ классѣ, отчасти и во II-мъ, ученики должны быть пріучаемы къ выполненію работъ пахотными орудіями (плугами, сохами, боронами), сѣяльными машинами и т. п. Къ числу практическихъ занятій III го класса надо отнести также полевыя занятія, напр., по опредѣленію мощности залеганія и свойствъ почвенныхъ слоевъ (составленіе профиля почвы), уровня грунтовой воды, свойствъ растительнаго покрова и т. п. Посредствомъ тѣхъ и другихъ занятій ученики пріобрѣтаютъ практическія данныя, служащія, съ одной стороны, подготовительными для лучшаго усвоенія курса общаго земледѣлія, а съ другой—для ознакомленія съ пріемами практическихъ изслѣдованій полевой почвы. Послѣ изученія курса общаго земледѣлія (въ IV-мъ классѣ) ученикамъ можетъ быть поручено исполненіе работъ болѣе спеціальнаго характера, требующихъ по своей сущности предварительныхъ свѣдѣній и нѣкотораго навыка въ ихъ выполненіи; практическія занятія съ этого класса пріобрѣтаютъ характеръ систематическій, состоящій въ послѣдовательномъ ходѣ работъ по воздѣлыванію растеній. Такія работы, какъ мотыженіе, полотье, посадка кортофеля, жатва хлѣбовъ, косьба травы и т. п., должны производиться преимущественно учениками низшихъ классовъ, въ работахъ-же сохами, плугами, запашниками, боронами, косилкою, жатвенною машиною, молотилкою, вѣялкою и т. п. должны участвовать по-очередно ученики старшихъ классовъ; наконецъ, работы болѣе спеціальнаго характера, напр., выращиваніе разсады, уходъ за хмелемъ, полученіе сѣмянъ кормовыхъ травъ, силосованіе, опредѣленіе качествъ урожая и т. д., должны производиться предпочтительно учениками старшаго класса. Тѣ работы, которыя по своему содержанію и значенію не могутъ повторяться (напр., посѣвъ, работа косилками, жнейками и пр.), производятся демонстративно предъ всѣми учениками даннаго класса, при чемъ они по-очередно участвуютъ въ ихъ выполненіи. Но такое распредѣленіе работъ не всегда можетъ достигаться, потому что ученики земледѣльческихъ училищъ въ лѣтній періодъ имѣютъ и другія занятія (напр., по зоотехніи, геодезіи, садоводству и т. п.), вслѣдствіе чего текущія срочныя работы исполняются учениками какого-либо извѣстнаго класса, но при этомъ все-таки необходимо заблаговременно назначать на работы по земледѣлію тѣ именно классы, какіе по существу дѣла могутъ быть въ данное время наиболѣе пригодными. Вообще практическимъ работамъ по земледѣлію должно отдавать предпочтеніе передъ другими занятіями на томъ основаніи, что по ходу дѣла здѣсь бываютъ весьма важныя работы, которыя

не могутъ повторяться, а съ другой стороны—въ русскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ земледѣліе во всякомъ случаѣ имѣетъ главное значеніе среди другихъ спеціальныхъ предметовъ обученія.

Методическая сторона обученія, основываясь на вышеуказанныхъ задачахъ практическаго преподаванія, будетъ состоять въ томъ, что при производствѣ всякой работы, простой или сложной, необходимо прежде всего объяснить ученикамъ ея сущность и цѣль, показать употребленіе того или другого орудія и условія цѣлесообразной работы имъ постепенно, а затѣмъ упражнять учащихся въ производствѣ данной работы по мѣрѣ возможности, пока они болѣе или менѣе не освоятся съ ея практическимъ выполненіемъ. При этомъ на тяжелыя работы (напр., вспашку плугомъ, сохою и др.) надо назначать по два ученика, такъ какъ въ теченіе 8-мичасовой работы нельзя разсчитывать на ея производительность въ томъ-же смыслѣ, какъ у взрослаго рабочаго, и совершенно несостоятельно то мнѣніе, по которому трудъ ученика расцѣнивается сообразно съ трудомъ настоящаго работника; надо помнить, что работа ученика есть обученіе, а не эксплоатація физической силы, каковой у мальчиковъ и не можетъ быть столько, какъ у взрослаго рабочаго, привыкшаго къ тяжелому труду, можетъ быть, съ дѣтства, тогда какъ ученики сельско-хозяйственныхъ школъ только въ школѣ и берутся за подобныя работы. При повтореніи извѣстныхъ работъ полезно предоставлять учащимся нѣкоторую самостоятельность въ данной сферѣ, начиная отъ самого начала и оканчивая всѣми тѣми пріемами, съ которыми связано приготовленіе, исполненіе и завершеніе данной работы. Только при такихъ условіяхъ является полная возможность лично вникнуть во всѣ тѣ мелочи производимыхъ работъ, которыя не всегда могутъ быть разъяснены на словахъ, но знаніе которыхъ составляетъ непремѣнное условіе всякаго практическаго дѣла. Подобное детальное отношеніе къ работамъ вообще служитъ средствомъ для развитія въ учащихся хозяйственной смётки и предусмотрительности которыя весьма нужны для будущихъ сельско-хоз. дѣятелей и задатки которыхъ могутъ быть пріобрѣтены еще во время школьныхъ занятій. Эта сторона, такъ сказать, сельско-хозяйственнаго воспитанія или технической дисциплинировки составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ весьма существенныхъ задачъ практическаго обученія въ школѣ, гдѣ нельзя приготовить мастера-агронома, но можно воспитать сельскаго хозяина для практической жизни. И если существующія среднія школы не всегда достигаютъ осуществленія послѣдней практической задачи, то это объясняется только тѣмъ, что самая организація этихъ школъ еще не вполнѣ закончена и совершенна.

Для того, чтобы ученики относились къ производимымъ работамъ

внимательнѣе и самостоятельнѣе, весьма полезно въ педагогическомъ смыслѣ заставлять ихъ вести подробную отчетность всему тому, что имъ приходится наблюдать и исполнять во время практическихъ занятій. Съ этою цѣлью каждый ученикъ получаетъ планъ полевыхъ участковъ, книжку для различныхъ записей и листъ бумаги, разграфленный имъ самимъ по указанной формѣ. На планѣ ученики отмѣчаютъ расположеніе посѣвовъ въ текущемъ году, съ обозначеніемъ (по масштабу) пространства, занятаго каждымъ растеніемъ. Листъ бумаги, въ формѣ вѣдомости о посѣвѣ и урожайности различныхъ растеній, служитъ для выраженія числами результатовъ произведенныхъ работъ, а книжка представляетъ дневникъ всѣхъ наблюденій и работъ, исполненныхъ въ теченіе весны, лѣта и осени даннаго года. Данныя для этихъ обозначеній будутъ имѣть отчасти общій характеръ, отчасти же укажутъ на извѣстную степень самостоятельнаго отношенія учениковъ къ практическимъ занятіямъ,—такъ, обозначеніе площади для растеній получается изъ непосредственныхъ измѣреній полевыхъ участковъ, но при этомъ каждый ученикъ долженъ лично составить ситуацію такихъ участковъ по масштабу. Изготовленіе вѣдомости о посѣвахъ и урожаяхъ, хотя и производится по общимъ рубрикамъ, но при этомъ каждый ученикъ вычисляетъ на основаніи полученныхъ данныхъ результаты воздѣлыванія извѣстнаго растенія, начиная съ опредѣленій густоты посѣва, продолжительности произрастанія и оканчивая процентнымъ расчисленіемъ составныхъ частей урожая каждаго отдѣльнаго растенія; кромѣ того, здѣсь-же отмѣчаются результаты опытовъ, производившихся въ текущемъ году, вліяніе различныхъ климатическихъ факторовъ, болѣзненныхъ поврежденій и т. п. Несомнѣнно, всѣ подобныя данныя, заносимыя каждымъ ученикомъ въ вѣдомость, имѣютъ ближайшее значеніе въ смыслѣ наглядности изображенія результатовъ всѣхъ произведенныхъ работъ. Наконецъ, что касается дневниковъ, то польза отъ нихъ въ учебномъ смыслѣ можетъ быть замѣтна лишь тогда, когда веденіе подобныхъ записей находится подъ руководствомъ и контролемъ преподавателя. При правильной постановкѣ этого дѣла, которая заключается въ томъ, чтобы ученики заносили въ дневники производимыя ими наблюденія и работы въ извѣстной системѣ, разъясненіе которой дѣлается преподавателемъ, подобныя изложенія учениковъ на бумагѣ своихъ впечатлѣній могутъ служить въ учебномъ отношеніи хорошимъ средствомъ для того, чтобы всякія практическія занятія получили надлежащее значеніе и усвоились учащимися. Такъ какъ при началѣ практическихъ работъ преподаватель при самомъ ихъ выполненіи разъясняетъ ученикамъ сущность и значеніе работъ, указываетъ

на связь практическихъ пріемовъ съ положеніями земледѣльческой теоріи, а во время демонстративныхъ экскурсій показывается и объясняется все то, что въ данное время имѣетъ отношеніе къ воздѣлываемымъ растеніямъ, то вслѣдствіе всего этого ученики пріобрѣтаютъ обширный матеріалъ, который они должны лично переработать для того, чтобы изложить въ дневникѣ въ извѣстной системѣ необходимыя данныя; кромѣ того, благодаря тому-же, они практическимъ путемъ пріобрѣтаютъ существенныя свѣдѣнія по частному земледѣлію, которыя затѣмъ будутъ систематизированы и дополнены въ курсѣ этого предмета. При внимательномъ отношеніи и интересѣ къ дѣлу, при аккуратномъ занесеніи практическихъ данныхъ, подобные дневники являются для самихъ учениковъ извѣстными учебными пособіями, которыми они дорожатъ: многіе уносятъ съ собою такіе дневники по окончаніи курса въ школѣ. Означенные дневники могутъ быть ведены учениками лишь послѣ того, какъ они ознакомятся съ курсомъ общаго земледѣлія, слѣдовательно, когда практика получаетъ систематическій характеръ, потому что до этого (въ низшихъ классахъ), пока ученики занимаются подготовительною практикою, за недостаткомъ теоретическихъ свѣдѣній по общей культурѣ растеній, они не могутъ еще въ техническомъ отношеніи систематично излагать свои наблюденія и работы по воздѣлыванію растеній. Въ теченіе лѣта дневники отъ времени до времени просматриваются преподавателемъ въ присутствіи всего класса, при чемъ дѣлаются необходимыя дополненія и разъясненія. Дѣло это не такъ сложно и затруднительно, какъ нѣкоторые полагаютъ, а съ учебной точки зрѣнія весьма полезно, потому что каждый ученикъ, въ зависимости отъ его познаній, сообразительности и вниманія по отношенію къ практическимъ занятіямъ, непремѣнно обнаружитъ во всѣхъ своихъ записяхъ степень интереса и пониманія дѣла. Практическія работы по земледѣлію заканчиваются обыкновенно испытаніями, которыя производятся въ полѣ и вообще на мѣстѣ работъ. При этихъ испытаніяхъ отъ учащихся требуется не только устное объясненіе сдѣланныхъ наблюденій и исполненныхъ работъ, а равно состояніе отчетности, но и степень пріобрѣтеннаго ими умѣнья въ производствѣ различныхъ полевыхъ работъ. Конечно, такія практическія испытанія не могутъ по существу дать полнаго, всесторонняго понятія о степени пріобрѣтеннаго тѣмъ или другимъ ученикомъ навыка и сноровки въ практическихъ работахъ, ибо такое понятіе выводится изъ ежедневныхъ наблюденій преподавателя за отношеніемъ къ дѣлу и рвеніемъ въ исполненіи работъ. Практическія испытанія надо считать лишь однимъ изъ полезныхъ пріемовъ въ томъ смыслѣ, что они могутъ служить средствомъ для воз-

бужденія прилежанія и вниманія учащихся къ практическимъ занятіямъ, и этимъ они должны отличаться вообще отъ всякихъ другихъ экзаменовъ.

Но кромѣ этой мѣры, съ педагогической точки зрѣнія въ болѣе широкомъ смыслѣ, являются полезными и многія другія мѣры, служащія для развитія въ учащихся не только усердія и интереса къ ученію, но извѣстной самодѣятельности и нѣкотораго, такъ сказать, профессіональнаго усовершенствованія. Сюда надо отнести различныя соревнованія между учениками, въ видѣ состязательныхъ испытаній въ практическихъ сельско-хоз. пріемахъ, въ видѣ конкурентныхъ работъ и т. п. Эта сторона практическаго образованія не получила еще надлежащаго развитія въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ, но полезное ея значеніе не подлежитъ сомнѣнію. Во многихъ профессіональныхъ школахъ практикуются почти ежегодно выставки произведеній ученическаго труда, по которымъ можно сдѣлать нѣкоторое заключеніе какъ объ успѣхахъ, достигаемыхъ школою при обученіи учащихся, такъ иногда о методахъ этого послѣдняго. Если подобные продукты ученическаго труда, являющіеся въ качествѣ экспонатовъ, какъ часто бываетъ, и не служатъ точными выразителями ежедневныхъ, систематическихъ занятій учащихся, а нарочно, съ нѣкоторымъ напряженіемъ учебныхъ средствъ, создаются для такихъ выставокъ, то все-таки эти послѣднія даютъ данныя для сужденія о томъ, чего вообще представляемая школа можетъ достигать при условіяхъ ея организаціи, выражаютъ, такъ сказать, максимальные результаты ея учебной дѣятельности. Съ другой стороны, подобныя ученическія работы въ педагогическомъ отношеніи полезны для самихъ учениковъ, не въ смыслѣ развитія въ нихъ какихъ-либо тщеславныхъ стимуловъ, а для развитія соревнованія въ искусствѣ исполненія той или другой работы, въ отношеніи развитія той или иной стороны техническаго обученія, и нельзя не признать, что подобное соревнованіе между учащимися весьма важно для ихъ умственнаго и физическаго усовершенствованія и развитія профессіональной самодѣятельности. Всѣ означенныя соображенія могутъ быть вполнѣ приложимы къ сельско-хозяйственнымъ школамъ, въ которыхъ техническія соревнованія учащихся могутъ быть поставлены даже шире, нежели въ другихъ профессіональныхъ школахъ, ибо здѣсь могутъ быть осуществимы не только ученическія выставки, но и непосредственныя состязанія учениковъ въ исполненіи различныхъ сельско-хоз. работъ, въ особенности по земледѣлію, напр., работы пахотными орудіями, при обработкѣ почвы, уходѣ за растеніями и т. п. Уставомъ земледѣльческихъ училищъ Министерства Госуд. Имуществъ (§ 17) предусматриваются подоб-

*

ныя состязательныя испытанія учениковъ въ уходѣ за сельско-хозяйственными растеніями и въ исполненіи разныхъ другихъ сельскохозяйственныхъ работъ, а по уставу среднихъ техническихъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по окончаніи учебнаго года, въ теченіе не менѣе двухъ дней, выставляются для обозрѣнія публики рисунки, чертежи и другія работы и издѣлія воспитанниковъ училища («Уставъ среднихъ техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1889 г.)».

Конечно, всѣ подобныя состязательныя испытанія должны быть обусловлены извѣстными основаніями, выработанными педагогическими Совѣтами училищъ сообразно задачамъ данной школы и тѣмъ техническимъ требованіямъ, которыя можно, въ соотвѣтствіи съ этими задачами, предъявлять къ оканчивающимъ въ нихъ курсъ ученія. Само-собою очевидно, что результаты такихъ соревновательныхъ работъ учащихся должны быть оцѣниваемы примѣнительно къ условіямъ ученическаго труда, а не работы мастера или опытнаго рабочаго, потому что никакая техническая школа таковыхъ не образуетъ; иначе говоря, смыслъ соревновательныхъ работъ учениковъ долженъ быть преимущественно педагогическимъ, а не исключительно техническимъ. Заканчивая обзоръ постановки теоретическаго и практическаго преподаванія земледѣлія въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, я считаю необходимымъ ко всему сказанному прибавить, что эта постановка, для своего осуществленія, требуетъ соотвѣтственныхъ средствъ, которыя заключаются какъ въ обезпеченіи школы достаточною обстановкою въ отношеніи учебныхъ пособій разнаго рода, такъ и въ особенности въ отношеніи хорошо подготовленнаго учебнаго персонала. Но разсмотрѣніе того и другого уже выходитъ изъ предѣловъ настоящаго обзора преподаванія, потому что вопросъ объ учебныхъ пособіяхъ и подготовкѣ учебнаго персонала органически связанъ со всѣмъ строемъ земледѣльческихъ училищъ и вообще со всѣми тѣми условіями, въ которыхъ должно находиться учебное дѣло въ этихъ училищахъ.

---

3. О методикѣ сельско-хозяйственныхъ наукъ и въ частности земледѣлія въ средней земледѣльческой школѣ.

(Докладъ Н. К. Васильева, читан. въ секціи средняго с.-хоз. образованія 5 го января).

За послѣднее время писалось и очень много говорилось о методахъ преподаванія с.-хоз. наукъ и естествознанія. Несомнѣнно, каждый преподающій держится извѣстнаго метода передачи познаній

своимъ слушателямъ. Но вся бѣда въ томъ, что с.-хоз. науки, не смотря на свою давность, какъ предметъ школьнаго обученія *), не имѣютъ за собою документальнаго прошлаго о системѣ преподаванія. Богатый, быть можетъ, запасъ преподавательскаго опыта въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ хранится pro domo sua.

Попытки изложенія, въ общихъ чертахъ, пріемовъ преподаванія не есть собственно методика с.-хоз. наукъ, а скорѣе экскурсіи въ область методики этихъ наукъ. Но, конечно, нельзя сказать, чтобы и подобнаго рода экскурсіи были безполезны. Напротивъ, сообщаемые отдѣльные факты являются вѣхами на будущей обширной территоріи с.-хоз. преподаванія. Скажу болѣе. Я склоненъ даже цѣнить подобныя сообщенія выше, чѣмъ это соотвѣтствуетъ ихъ содержанію, принимая во вниманіе неблагопріятныя для большинства условія преподавательскаго опыта.

Сообщить знанія по извѣстному предмету, научить правильно понимать предметъ и мыслить въ извѣстномъ направленіи—слишкомъ общія фразы. Обстановка для приведенія, въ силу высказанныхъ положеній, по существу дѣла, съ одной стороны, столь сложна, столь многообразна для с.-хоз. наукъ, что требуются большія усилія, большой и продолжительный опытъ для выработки основныхъ положеній преподаванія; съ другой стороны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ преподавательскій персоналъ лишенъ возможности сколько-нибудь серьезно заняться разработкой методики с.-хоз. наукъ.

Рекомендовать тотъ или иной методъ преподаванія на основаніи однихъ апріористическихъ соображеній едва-ли кто рѣшится. Какъ-бы глубоко ни была продумана схема изложенія, какъ-бы теоретически дробно ни былъ разработанъ самый методъ и какъ-бы ясно ни представлялся автору продуманный идеалъ, все-таки опытное начало будетъ всегда вершителемъ всякаго начинанія. И это весьма естественно. Обстановка преподаванія въ земледѣльческихъ училищахъ подобна запущенной нивѣ, гдѣ требуется и корчевка старыхъ традицій, и глубокая вспашка непочатыхъ функцій училища, рыхленіе и приведеніе въ дѣятельное состояніе застывшаго добраго. Все это, взятое вмѣстѣ, лишаетъ средствъ къ изложенію подробной методики с.-хоз. наукъ. Однако, пока не накопится достаточно матеріала для сужденія и пока не измѣнятся въ благопріятномъ смыслѣ условія с.-хоз. обученія, мы, подобно другимъ товарищамъ по роду занятія, вносимъ посильную лепту въ общую сокровищницу с.-хоз. образованія и сообщимъ свой взглядъ на должную постановку преподаванія с.-хоз. наукъ и въ частности земледѣлія въ средней школѣ.

*) Сто лѣтъ минуло, какъ открыта въ Россіи первая с.-хоз. школа.

Основная моя мысль касательно способовъ преподаванія с.-хоз. наукъ и естествознанія въ средней школѣ покоится на слѣдующемъ положеніи: *чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ и чѣмъ больше разрывается его вниманіе, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ отвлеченіямъ.*

То и другое существуетъ въ средней земледѣльческой школѣ.

Программы земледѣльческихъ училищъ по общеобразовательнымъ наукамъ слабѣе программъ гимназій и реальныхъ училищъ. Число недѣльныхъ уроковъ по этимъ предметамъ въ земледѣльческихъ училищахъ меньше, и къ тому-же самъ учебный періодъ короче, такъ что 11 уроковъ гимназическаго курса равносильны 14-ти урокамъ земледѣльческихъ училищъ. Далѣе, въ земледѣльческихъ училищахъ замѣчается обиліе предметовъ, и къ тому-же нѣкоторые, безъ ощутительной надобности, выдѣлены въ самостоятельные предметы, что связано, несомнѣно, съ потерей времени. Вниманіе учащагося ежедневно отягощается грудой фактовъ, именъ, годовъ, и притомъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей. И если-бы не великая способность молодежи къ колоссальному забвенію пройденнаго, то подобная учебная система на первыхъ-же порахъ потерпѣла-бы фіаско, какъ способствующая разрушенію организма. Организмъ молодежи, однако, приспособился къ давящему гнету обученія, и всѣ вокабулы, доктрины такъ-же проходятъ свободно черезъ мозги молодежи, какъ хлѣбъ черезъ барабанъ молотилки.

Съ этимъ зломъ въ учебномъ дѣлѣ вообще придется долго бороться, пока не будетъ выработанъ въ каждомъ частномъ случаѣ циклъ самыхъ необходимыхъ предметовъ для данной цѣли и въ соотвѣтствующемъ этой цѣли объемѣ.

Сельско-хозяйственныя науки и естествознаніе въ кругѣ предметовъ земледѣльческихъ училищъ отличаются тѣмъ свойствомъ, что различныя понятія ихъ могутъ быть вызываемы въ головѣ учащихся въ видѣ реальныхъ образовъ, а извѣстно, что ничто такъ свободно не воспринимается и ничто такъ долго не сохраняется въ памяти, какъ видѣнное самимъ слушателемъ и, еще лучше, имъ самимъ продѣланное.

Эта мысль должна послужить исходнымъ пунктомъ для выработки методики с.-хоз. наукъ и естествовѣдѣнія.

Хотя много и давно уже толкуется въ с.-хоз. печати о неосновательности раздѣленія теоріи и практики с.-хоз., хотя знаютъ по этому вопросу мнѣнія Тэера и др. писателей послѣдняго времени, хотя много было послано укоровъ въ этомъ отношеніи по адресу сельскихъ хозяевъ, однако нигдѣ такъ блистательно не осуществляется отдѣленіе теоріи отъ практики, какъ именно въ современномъ методѣ обученія въ с.-х. школѣ.

Стоитъ только вспомнить, какую ставитъ себѣ задачу земледѣльческое училище, чего требуетъ оно отъ учащагося въ стѣнахъ школы, сколько даетъ средствъ для этого и какъ пользуется ими, чтобы составить себѣ понятіе, чего возможно достигнуть при настоящихъ условіяхъ обученія. Я не буду перечислять подробно всѣхъ недостатковъ этого дѣла, зависящихъ отъ несовершенства первоначальной организаціи с.-хоз. обученія, а также отъ мѣстныхъ традицій, внесшихъ нежелательное направленіе въ первоначальную систему. Это завлекло бы меня далеко, да и было-бы безполезно пересчитывать болячки, давно всѣмъ извѣстныя, тѣмъ болѣе, что училища находятся на рубежѣ реформы.

Обращаюсь прямо къ изложенію метода обученія с.-хоз. наукамъ и въ частности—земледѣлію.

Обученіе этому предмету должно обязательно начинаться съ перваго класса и вплоть до начала теоретическаго курса ведено путемъ только практическимъ, съ наглядными и доступными пониманію объясненіями какъ производимыхъ учениками работъ, такъ и самого хозяйства. Обученіе должно быть концентрическое. Учебными пособіями могутъ служить: коммерческое хозяйство, практическое хозяйство, отчасти демонстративное и практическое поле, земледѣльческій кабинетъ.

Преподаватель земледѣлія долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи практическое хозяйство въ 100 десятинъ и демонстративное поле—отъ 5 до 10 десятинъ. При практическомъ хозяйствѣ должны быть учебныя пособія для преподаванія животноводства. При училищѣ должно быть, вмѣстѣ съ образцовымъ коммерческимъ хозяйствомъ, и практическое поле, 5—10 дес., для упражненій по механикѣ. Это послѣднее составляетъ особое отдѣленіе практическаго хозяйства. Практическое хозяйство оказываетъ содѣйствіе практическому полю: даетъ животныхъ, рабочихъ, сѣмена и т. п. Взамѣнъ практическое хозяйство беретъ на покрытіе расходовъ въ свою пользу часть доходовъ практическаго поля, а остальной доходъ идетъ на усиленіе учебныхъ средствъ практическаго поля. Практическое хозяйство, точно такъ-же оказывая содѣйствіе въ изученіи животноводства, пользуется само частью доходовъ отъ продажи молочныхъ продуктовъ, откормленныхъ животныхъ и пр. Какъ практическое хозяйство, такъ и практическое поле должны имѣть опредѣленную полевую организацію, съ введеніемъ опредѣленныхъ растеній, извѣстнымъ ихъ чередованіемъ и пр.

Демонстративное поле, составляя отдѣленіе практическаго хозяйства на подобныхъ началахъ практическаго поля, составляетъ рядъ показательныхъ культуръ, сѣвооборотовъ, различныхъ опытовъ и т. п.

Наконецъ, коммерческое хозяйство есть самостоятельное учреждение, находящееся въ завѣдываніи управляющаго фермой.

Лица, завѣдывающія этими пособіями, руководятъ практикой учениковъ.

Надо при этомъ помнить, что отрасли сельскаго хозяйства такъ тѣсно соприкасаются между собою, что педантическое распредѣленіе ихъ между отдѣльными лицами, въ цѣляхъ обученія, безусловно вредно. Нельзя въ нѣкоторыхъ случаяхъ строго отдѣлить работы земледѣльческія отъ работъ по с.-хоз. механикѣ и работъ экономическихъ. Въ виду этого обнесеніе непроницаемой стѣной каждой отрасли сельскаго хозяйства и независимое изученіе ея—въ высшей степени нецѣлесообразно.

Нѣкоторые авторы, сознавая ненормальность такого пріема обученія, думаютъ найти выходъ, сосредоточивая завѣдываніе нѣсколькими отраслями и руководство практическими занятіями учениковъ въ однѣхъ рукахъ, давъ, понятно, руководителю надлежащее количество помощниковъ *). Я думаю, что тотъ-же вопросъ можетъ быть разрѣшенъ иначе. Нужно только навсегда отрѣшиться отъ возведенія китайскихъ стѣнъ вокругъ своего предмета и помнить, что цѣль обученія отдѣльной отрасли сельскаго хозяйства вмѣстѣ съ тѣмъ должна преслѣдовать и общую задачу обученія сельскому хозяйству.

Для меня непонятно, почему преподаватель земледѣлія не можетъ при пахотѣ плугомъ сообщить нужное для данной работы о плугѣ, почему при производствѣ уборки сѣна нельзя указать на количество нужныхъ рабочихъ силъ на единицу площади, на стоимость работы и пр. Почему точно такъ-же завѣдывающій фермой и каждый изъ преподавателей, столкнувшійся съ вопросомъ изъ области земледѣлія, не можетъ освѣтить свою работу должными указаніями, если это представляется возможнымъ? Въ этомъ случаѣ нельзя вдаваться и въ крайность.

Завѣдывающій учебнымъ пособіемъ является во всякомъ случаѣ первымъ и въ то-же время отвѣтственнымъ лицомъ за веденіе дѣла и обученіе. Никто другой, кромѣ него, не можетъ дать въ подробностяхъ объясненій всѣмъ тѣмъ операціямъ, которыя предприняты въ цѣляхъ обученія въ его хозяйствѣ или кабинетѣ. Оригинально, по меньшей мѣрѣ, заставлять разгадывать чужія мысли и заставлять безъ нужды практиковать въ чужихъ владѣніяхъ.

Начало практическаго образованія учениковъ должно быть построено на принципѣ знакомства ихъ, путемъ экскурсій, съ тѣми учрежденіями, гдѣ предстоитъ имъ работать. Подобныя экскурсіи

*) «Труды Уманскаго съѣзда 1898 г.».

необходимо совершать нѣсколько разъ въ годъ и содержаніе ихъ должно носить концентрическій характеръ.

Дать ученику работу, объяснить смыслъ работы и научить сознательно дѣлать ее—это далеко не все; это всего только полъ-дѣла. Руководителю необходимо изучить ученика, узнать всѣ стороны его духовной жизни. Училище готовитъ не только техника, но и человѣка. Поэтому развитіе душевныхъ качествъ весьма цѣнно въ с.-х. школѣ. При современномъ положеніи сельскаго хозяйства только безпредѣльная любовь къ дѣлу, настойчивость, терпѣніе, желѣзная воля, соединенная съ знаніемъ, и могутъ поддержать импульсъ с.-х. труда. Въ с.-х. образованіи это одна, по моему мнѣнію, изъ главныхъ, но, вмѣстѣ, и одна изъ трудныхъ задачъ его. Начинать поэтому серьезное с.-х. обученіе нужно сейчасъ-же по вступленіи ученика въ школу. И это непремѣнное условіе.

Что касается возраста для поступающихъ, то считать малый возрастъ наиболѣе пригоднымъ для этой цѣли я нахожу утопіей. Авторы, держащіеся подобнаго мнѣнія, исходятъ изъ общаго положенія, что чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ меньше онъ зараженъ сторонними и нежелательными элементами для даннаго дѣла, тѣмъ, слѣдовательно, его легче воспитывать въ извѣстномъ духѣ. Конечно, воспитаніе человѣка начинается съ первыхъ дней его жизни. Воспитывая ребенка, мы не знаемъ, какую профессію изберетъ этотъ будущій гражданинъ. Однако мы воспитываемъ ребенка и стремимся развить въ немъ общечеловѣческія качества. Чѣмъ лучше этого мы достигли дома и въ школѣ, тѣмъ здоровѣе получается нашъ питомецъ умомъ, духомъ и тѣломъ, тѣмъ пригоднѣе онъ въ дальнѣйшемъ школьномъ обученіи, какого-бы характера оно ни было. Испорченный ребенокъ и юноша—плохой матеріалъ для всякаго дѣла. Чѣмъ возмужалѣе питомецъ и чѣмъ больше въ немъ дурного, тѣмъ труднѣе достигнуть желаемой цѣли воспитанія. Это несомнѣнно такъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы для воспитанія въ с.-х. духѣ необходимо принимать въ училищѣ малышей.

Почему это въ земледѣльческія училища должны быть принимаемы испорченные ученики? Неужели задачи однихъ училищъ—отбирать молодыхъ людей и портить, а участь другихъ—брать отбросъ и исправлять? Всѣ училища должны стремиться къ одной цѣли воспитанія, и нѣтъ основанія, при нормальныхъ условіяхъ, для подобной сепараціи молодежи.

Обучать въ с.-хоз. школѣ взрослаго человѣка лучше, нежели малыша. Въ с.-хоз. работахъ требуется физическое развитіе, сноровка въ обращеніи съ животными, умѣнье попасть въ надлежащую колею по отношенію къ рабочимъ и пр. Все это дается легче болѣе взрослому

юношѣ, чѣмъ подростку, тѣмъ болѣе, что въ земледѣльческія училища поступаютъ зачастую люди, не имѣющіе понятія не только о с.-хоз. работахъ, но мало знакомые и съ деревенской обстановкой.

Переходя къ дальнѣйшему изложенію пріемовъ обученія, отмѣтимъ, что практическія занятія въ низшихъ классахъ должны служить соединительнымъ мостомъ между старшими классами, гдѣ изучаются теоретически с.-х. науки, и низшими классами, гдѣ юноши могутъ ознакомиться съ этими науками лишь практическимъ путемъ. Если сознательно усвоена практика въ низшихъ классахъ, то изученіе теоріи и практики въ старшихъ классахъ не можетъ показаться обременительнымъ. Все, о чемъ говорится въ это время въ классѣ, уже было продѣлано ученикомъ раньше и освѣщено въ свое время преподавательскими объясненіями.

При изученіи спеціальныхъ предметовъ въ старшихъ классахъ дѣло преподавателя привести все въ систему и дополнить сообщенное раньше фактами, примѣрами и т. п. Практическая подготовка въ низшихъ классахъ должна представлять изъ себя канву съ небольшими набросками, на которой въ старшихъ классахъ должна быть разрисована картина той или иной с.-х. дисциплины. Но является вопросъ, какъ-же достигнуть намѣченныхъ результатовъ?

С.-хоз. предметы и естествознаніе, въ отношеніи практики по этимъ предметамъ, я раздѣляю на двѣ группы:

1) Практика естественныхъ наукъ, какъ подготовительныхъ къ с.-хоз. наукамъ, тѣсно связана съ теоріей и должна быть выполнена въ томъ классѣ, гдѣ проходится этотъ предметъ. Учениковъ необходимо назначать для занятій цѣлыми классами или группами того-же класса.

2) По с.-хоз. наукамъ назначеніе на практическія кабинетныя работы или на работы по опытному полю въ старшихъ классахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ сказанному по этому вопросу о практикѣ по естествознанію. Въ низшихъ-же классахъ кабинетныя практическія упражненія учениковъ связаны тѣсно съ полевой практикой и могутъ носить групповой характеръ, могутъ и не носить.

Назначеніе учениковъ на практику классами или группами должно примѣняться тамъ, гдѣ это потребно по самому характеру занятій (работы въ кабинетахъ, на опытномъ полѣ и пр.). Во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ классное и групповое назначеніе я считаю излишнимъ. Классъ есть величина болѣе или менѣе опредѣленная для цѣлаго года, и притомъ съ опредѣленной с.-х. подготовкой; ходъ-же работъ и с.-хоз. операцій весьма разнохарактеренъ и весьма сильно колеблется въ количественномъ отношеніи. Поэтому, если въ

данный моментъ мало бываетъ для выполненія извѣстныхъ работъ 50 человѣкъ, то бываютъ моменты, когда много бываетъ 5 человѣкъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ работы, по степени интеллигентности въ с.-х. смыслѣ, чрезвычайно разнообразны. Есть работы физически легкія и требующія малой опытности, есть, напротивъ, тяжелыя, требующія ловкости, аккуратности, навыка. Возьмемъ, напр., машинную молотьбу. Роль барабанщика, смазчика, погонщика въ приводѣ, убирающихъ солому и зерно—неравносильны. Такіе случаи, когда работы различной градаціи связаны общей нитью производства, встрѣчаются въ сельскомъ хозяйствѣ на каждомъ шагу.

Мнѣ естественнѣе всего представляется въ данномъ случаѣ назначать на такую работу, какъ напр., машинная молотьба, учениковъ не одного класса, а различныхъ классовъ. Старшимъ ученикамъ поручать работы болѣе серьезныя, младшимъ—болѣе легкія и доступныя для нихъ. Тутъ же младшіе ученики знакомятся мало-по-малу съ самой работой, съ машиной, составляютъ себѣ понятіе о количествѣ рабочихъ силъ для данной работы, слышатъ поясненія руководителя, заносятъ потомъ въ свои дневники о всемъ происшедшемъ въ теченіе рабочаго времени, даютъ устный и письменный отвѣтъ руководителю. Такая постановка даетъ совершенно незамѣтно, шагъ за шагомъ успѣхъ въ практическомъ совершенствованіи учениковъ и подготовляетъ ихъ къ осмысленному слушанію теоретическаго курса.

Далѣе, устраняется тотъ весьма существенный недостатокъ практическаго образованія, что ученики часто не вводятся въ нормальное теченіе всѣхъ с.-хоз. операцій, имѣющихся на лицо въ училищѣ, какъ въ хозяйствѣ, въ его цѣломъ. Училище есть хозяйство, ученики—рабочая сила и въ то-же время изучающій это хозяйство элементъ. Если въ машинѣ прекрасно изучить въ отдѣльности устройство и движеніе всѣхъ ея частей, но не видѣть движенія всѣхъ частей въ совокупности, то такое знаніе мало чѣмъ отличается отъ невѣжества и равносильно тому, какъ, разсматривая отдѣльныя деревья, мы за деревьями лѣса не видимъ. Возьмемъ примѣръ распредѣленія практики въ Уманскомъ училищѣ. Я беру это училище потому, что въ немъ, при совмѣстномъ изученіи земледѣлія и садоводства, при полной почти безземельности полевыхъ угодій и при современномъ строѣ училищъ вообще, рельефнѣе должна выдѣлиться недостаточность практической подготовки учениковъ. Въ I классѣ время посвящается практикѣ по земледѣлію, во II—по лѣсоводству, въ III—по огородничеству, въ IV—по садоводству, въ V и VI—по земледѣлію. Кромѣ того, въ I и II классѣ изучаются практически ботаника и зоологія, въ III и IV—геодезія, въ IV и V—орудія и машины.

Наконецъ, ученики VI класса знакомятся съ пчеловодствомъ и дней 12—15 посвящаютъ земледѣлію. Занятіе практикой по земледѣлію учениковъ II и III классовъ носитъ чисто случайный характеръ, потому что на каждый классъ посвящается самое ничтожное время, всего 2—3 дня.

Въ уставѣ земледѣльческихъ училищъ дается схема распредѣленія практическихъ занятій учениковъ по классамъ и тамъ-же указывается, что время въ извѣстномъ классѣ посвящается преимущественно такому-то предмету.

Я думаю, что отдаваніе предпочтенія въ извѣстномъ классѣ опредѣленнымъ предметамъ, едва-ли надо понимать въ такомъ смыслѣ, чтобы все время сплошь было занято этимъ предметомъ. Совсѣмъ нѣтъ. Такой способъ, по моему, даже при отличной постановкѣ практики по отдѣльнымъ предметамъ, укореняетъ въ ученикѣ привычку къ децентрализаціи с.-хоз. операцій и неспособность охватывать все въ цѣломъ и видѣть предъ собою полное теченіе с.-хоз. операцій. Что здѣсь хорошаго, если ученикъ ознакомился съ практикой по лѣсоводству во-II-мъ кл.—и сдалъ ее въ архивъ до окончаніи курса? что здѣсь хорошаго, если ученикъ съ IV-го класса не заглядываетъ въ огородъ? И какое мѣткое выраженіе придумала сама школьная жизнь, при ненормальной постановкѣ дѣла, «отбыть практику». Какъ вѣрно отражается въ этомъ выраженіи горькая дѣйствительность!

Скажутъ: почему-же нельзя, изучивъ детально практику отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, достигнуть централизаціи и ея единенія посредствомъ дежурствъ учениковъ по хозяйству?

Да, дежурства—вещь великая въ практическомъ образованіи, но не всегда. Мнѣ напоминаютъ подобныя мысли сказку о миѳическихъ герояхъ, которые рубили человѣческое тѣло на куски, складывали ихъ опять, обрызгивали живой водой и оживляли человѣка. Если организмъ человѣка не сроднился съ извѣстной мыслью, если извѣстный образъ дѣйствій его не вошелъ въ привычку, то сужденія и дѣйствія его — призракъ, разлетающійся въ прахъ отъ всякаго легкаго сторонняго воздѣйствія. Что же помогутъ въ такомъ случаѣ дежурства? Вмѣсто завершителя с.-хоз. образованія, дежурство явится «отбываніемъ повинности».

Сопоставивъ все сказанное, я прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ объ организаціи учебнаго дѣла по сельскому хозяйству и въ частности по земледѣлію въ средней школѣ:

1) Начинать обученіе с.-хоз. должно съ перваго класса и вести безъ сплошныхъ перерывовъ до окончанія курса.

2) До начала теоретическаго изученія спеціальнаго предмета, поставить практику такимъ образомъ, чтобы рядомъ съ изученіемъ

техники шло бы параллельно знакомство и съ самимъ предметомъ, путемъ наглядныхъ объясненій, бесѣдъ съ учениками и демонстрацій.

Я нахожу возможнымъ съ практическими работами связать наглядный курсъ, въ началѣ самый элементарный, а затѣмъ, по мѣрѣ знакомства учениковъ съ работами и съ другими предметами, имѣющими связь съ земледѣліемъ (ботаникой, зоологіей, минералогіей, химіей, физикой), кругозоръ знаній можетъ быть расширяемъ.

Это усвоеніе элементарныхъ основъ курса можетъ быть сдѣлано совершенно незамѣтно для учениковъ. Конечно, не будетъ курсовой послѣдовательности въ изложеніи фактовъ, но въ этомъ едва-ли предвидится какая-либо нужда въ низшихъ классахъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Положимъ, ученики въ первые дни училищной жизни назначены для подъема поля, для копки грядъ или на уборку корнеплодовъ. Передъ началомъ работы имъ сообщаются самыя необходимыя свѣдѣнія для исполненія данной работы и показывается, какъ вести эти работы. Въ тотъ-же день день или на другой, смотря по обстоятельствамъ, ученики могутъ быть ознакомлены наглядно съ понятіями о почвѣ, подпочвѣ, пахатномъ и подпахатномъ слоѣ. Впослѣдствіи, при повтореніи подобныхъ работъ, можно заставить взять образчики земли, высушить ихъ на воздухѣ и сдать въ кабинетъ. Далѣе, можно обратить вниманіе на прилипаніе почвы къ орудіямъ, на связность, проницаемость и др. физическія свойства; указать на вредъ коры и трещинъ, обратить вниманіе на комковатое строеніе почвы и способы его достиженія; показать, что частицы почвы суть различной крупности и дать возможность убѣдиться въ этомъ на опытѣ. Нѣтъ надобности дальше дѣлать подобное перечисленіе: окружающая насъ природа такъ богата и даетъ столько матеріала для бесѣдъ, что ихъ и не перечесть.

Такія практическія занятія являются пріятнымъ занятіемъ для руководителя, возбуждаютъ вниманіе и интересъ учениковъ, пріучаютъ ихъ къ сосредоточенности и наблюденію явленій природы.

3) Предварительное ознакомленіе съ земледѣліемъ практически, вмѣстѣ съ теоретическими объясненіями, даетъ прекрасную почву для систематическаго курса. При такихъ условіяхъ возможно быстрѣе пройти курсъ и имѣть время основательно повторить пройденное, связавъ различные отдѣлы въ стройное цѣлое. Систематическое прохожденіе курса должно быть связано не только съ возможно полными демонстраціями, но и съ самостоятельными работами учениковъ въ земледѣльческомъ кабинетѣ.

Мысль о необходимости подобнаго кабинета при Уманскомъ училище, возбужденная мною въ 1895 г., была одобрена съѣздомъ преподавателей въ С.-Петербургѣ, при Д—тѣ Земледѣлія, и кабинетъ

признанъ нормальнымъ учебнымъ пособіемъ въ будущемъ, при преобразованіи земледѣльческихъ училищъ.

Теоретическій курсъ земледѣлія, параллельныя кабинетныя занятія и работы на демонстративномъ полѣ должны быть тѣсно связаны между собою. Демонстративное поле—это живая лабораторія. То, чего нельзя показать въ классѣ или въ кабинетѣ, то, что тамъ блѣдно и не рельефно, достигается на демонстративномъ полѣ.

Въ каждомъ благоустроенномъ кабинетѣ есть гербаріи культурныхъ и дикихъ растеній, сѣмена ихъ, образцы поврежденій. Все это во время чтенія показывается, но ничто такъ твердо не уляжется въ головѣ учащагося, какъ живая картина того-же самаго на полѣ, сопровождаемая объясненіями, самостоятельными наблюденіями, собираніемъ растеній, опредѣленіями и пр.

Я не могу согласиться съ мыслью о большомъ значеніи демонстрацій. Какъ-бы прекрасно ни было обставлено демонстрированіе, оно никогда не можетъ сравняться съ самостоятельной работой. Можно, вѣдь, для нагляднаго обученія с-хоз. ботаникѣ устроить рядъ пособій, разобравъ каждый видъ и даже сортъ растенія по частямъ и устроивъ показной гербарій. Можно развѣсить эти пособія въ классахъ, въ занятныхъ комнатахъ и, если даже угодно, въ спальняхъ, чтобы «намозолить глаза», какъ говорятъ въ такомъ случаѣ, и достигнуть всѣми нами желаемой цѣли — усвоенія. Нѣтъ, по моему, это злоупотребленіе самостоятельностью мышленія. Демонстрація должна имѣть предѣлъ, а то вѣдь такъ можно «намозолить глаза», что ученикъ ихъ закроетъ и перестанетъ смотрѣть на наши прелести, а мы съ своими регаліями науки останемся безъ славы.

Всему свое время и мѣсто въ теченіе года, мѣсяца или дня. Есть часы обязательныхъ занятій, есть время, посвященное любимому предмету, есть, наконецъ, часы отдыха и удовольствія.

Демонстрація служитъ для того, чтобы ознакомить съ сущностью дѣла. И если извѣстные факты и явленія признаются заслуживающими вниманія, то надо, чтобы ихъ продѣлалъ самъ ученикъ. Развѣ познаніе сортовъ с.-хоз. растеній можетъ быть достигнуто демонстрированіемъ? Никогда. Демонстрированіе съ объясненіями, гербарій, коллекціи—это суть пособія къ самостоятельному опредѣленію и познанію растеній подъ руководствомъ опытнаго руководителя.

Занятія въ кабинетѣ и на демонстративномъ полѣ должны идти параллельно чтенію курса.

Въ зимнее время ученики практически знакомятся съ основами почвовѣдѣнія, со способами изслѣдованія доброкачественности посѣвнаго матеріала и отчасти съ сортовѣдѣніемъ—путемъ опредѣленія по образцамъ.

Въ лѣтнее время теоретически изученное и продѣланное во время практическихъ работъ въ кабинетѣ приводится въ связь съ мѣстными условіями училища и окружныхъ хозяйствъ, посѣщаемыхъ учениками съ цѣлію осмотра имѣній.

На демонстративномъ полѣ и въ практическомъ хозяйствѣ ученики должны имѣть участки для самостоятельнаго наблюденія. На этихъ участкахъ могутъ быть изучаемы въ первое лѣто вопросы общаго земледѣлія, во второе — вопросы частнаго земледѣлія. Въ первомъ случаѣ для наблюденія могутъ быть предлагаемы: изученіе вліянія различныхъ пріемовъ обработки, удобренія, времени и способа посѣва, ухода за растеніями. Вліяніе удобреній, для рельефности дѣйствія ихъ, кромѣ веденія на отведенныхъ участкахъ, можетъ быть производимо въ горшкахъ или ящикахъ, наполненныхъ различными почвами или безплоднымъ пескомъ, который могъ-бы поливаться растворами солей. Во второмъ случаѣ на участкахъ могутъ быть сдѣланы сравнительныя наблюденія надъ ростомъ нѣсколькихъ типичныхъ растеній, отмѣчая при этомъ главнѣйшія фазы развитія растеній, неблагопріятные факторы и всѣ вообще условія роста растеній.

Параллельно съ подобными наблюденіями должны быть собраны гербаріи фазъ развитія культурныхъ растеній, поврежденій ихъ, сорныя травы, враги животнаго и растительнаго царствъ.

4) Во всѣхъ классахъ должны быть совершаемы экскурсіи, подъ руководствомъ преподавателя и управляющаго фермой, не только въ лѣтнее, но даже и въ зимнее время; чаще, понятно, лѣтомъ, чѣмъ зимою, ибо с.-хоз. жизнь течетъ безпрерывно. Напрасно думаютъ искать интересъ и поучительность только въ лѣтнихъ занятіяхъ: они есть всегда, и разница лишь въ количественномъ отношеніи.

Время для экскурсій можетъ быть назначено періодическое и экстренное, по соображеніямъ преподавателя и руководителя работами. Эти экскурсіи имѣютъ цѣлью ознакомленіе учениковъ съ хозяйствомъ, какъ съ цѣлымъ, приведеніе въ одно цѣлое полученныхъ ученикомъ впечатлѣній во время практическихъ работъ, бесѣды съ учениками о сдѣланномъ и планахъ на будущее, повѣрки знаній учениковъ, обмѣна фактами по наблюденіямъ между отдѣльными учениками. Нѣтъ надобности давать каждому ученику продѣлывать все до мельчайшей подробности. Это своего рода крайность. Каждый ученикъ наблюдаетъ нѣсколько типичныхъ растеній, но сами-то растенія у каждаго изъ нихъ не должны быть вполнѣ сходны, иначе можетъ погибнуть у многихъ самостоятельность и не будетъ того разнообразія и интереса, которые вносятся въ жизнь ученика во время наблюденій. Во время экскурсіи ученики, при посредствѣ преподава-

теля, который направляетъ учениковъ, обмѣниваются своими наблюденіями, сравниваютъ ихъ и дѣлаютъ тѣ или другіе выводы.

5) Для закрѣпленія въ памяти видѣннаго, слышаннаго и наблюденнаго, необходимо вести записи. Ученики всѣхъ классовъ должны имѣть дневники, куда необходимо записывать вкратцѣ всѣ событія дня с.-хоз. жизни ученика. Во время экскурсій всѣ замѣченныя неправильности и неточности въ записяхъ указываются ученику и объясняются надлежащимъ образомъ.

Въ старшихъ классахъ, гдѣ ученикамъ поручается веденіе различныхъ наблюденій, тамъ, кромѣ древниковъ, или на особомъ листѣ въ дневникѣ, должны быть заносимы въ хронологическомъ порядкѣ всѣ обстоятельства касательно наблюденій, согласно данной преподавателемъ программѣ. Эти замѣтки, по окончаніи наблюденій, послужатъ матеріаломъ для составленія отчетовъ учениковъ.

6) Ученики старшихъ классовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, гдѣ уже начинается преподаваніе земледѣлія, должны нести дежурства.

Дежурства сперва идутъ на опытномъ полѣ и въ практическомъ хозяйствѣ, а затѣмъ на фермѣ. Дежурный долженъ наканунѣ составить себѣ списокъ учениковъ, назначенныхъ на работу по классамъ, и объявить ученикамъ, по окончаніи всѣхъ работъ или утромъ передъ выходомъ на работу, о предстоящемъ каждому изъ нихъ занятіи. Вмѣстѣ съ своей партіей учениковъ дежурный направляется въ назначенное мѣсто, гдѣ ихъ ожидаетъ руководитель практикой. Дежурный вручаетъ нарядъ руководителю съ составленнымъ имъ самимъ распредѣленіемъ учениковъ на работу на основаніи бесѣдъ и соображеній, высказанныхъ наканунѣ руководителемъ. Завѣдывающій практикой дѣлаетъ поправки въ нарядѣ, съ должными объясненіями, распредѣляетъ учениковъ по работамъ, съ поясненіями смысла работъ и проч. Во время работъ дежурный долженъ въ нарядѣ отмѣтить, чѣмъ занимался ученикъ, производительность его работы, мѣрою, вѣсомъ или счетомъ. Затѣмъ дежурный долженъ занести въ особый списокъ по рубрикамъ перечень рабочихъ годовыхъ, сроковыхъ, издѣльныхъ и поденныхъ, съ отмѣткой ихъ работы, цѣны рабочаго дня и производительности труда. На обязанности дежурнаго лежитъ надзоръ за всѣми работами и исполненіе всего того, что будетъ поручено руководителемъ. Выдача и пріемъ орудій, исправность и цѣлость ихъ должны лежать на обязанности дежурнаго. При пріемѣ и сдачѣ дежурства, наличность повѣряется по особому инвентарю, который находится на рукахъ ученика и повѣряется время отъ времени руководителемъ. Срокъ дежурства долженъ быть недѣльный. Однодневныя дежурства вообще мало полезны и могутъ быть допустимы въ несложныхъ с.-хоз. операціяхъ.

Но тамъ, гдѣ надо войти въ нѣкоторую роль своихъ обязанностей, тамъ однодневныя дежурства можно свести къ пріемкѣ и сдачѣ лишь дѣлъ и т. под. Вечеромъ, въ концѣ работъ, дежурный даетъ руководителю отчетъ устно, передаетъ заполненный записями нарядъ и записки, занесенныя имъ предварительно въ соотвѣтствующія конторскія и другія книги. Тутъ-же дежурный получаетъ распорядокъ работъ на слѣдующій день, съ должными его объясненіями.

Какъ видно, занятій дежурному больше, нежели просто работающему ученику. Дежурный долженъ раньше другихъ встать и позже другихъ лечь спать, употребить иногда для занятій обѣденный перерывъ, а дежурный по фермѣ долженъ начинать и оканчивать свои занятія съ началомъ и окончаніемъ рабочаго дня на фермѣ. Да иначе и быть не можетъ: только тогда передъ глазами ученика пройдетъ день, вполнѣ законченнымъ въ с.-хоз. смыслѣ.

7) Распредѣленіе практическихъ работъ дѣлается такъ:

Педагогическимъ Совѣтомъ прежде всего должно быть установлено время для прохожденія такихъ предметовъ, какъ ботанника, зоологія, т.-е. такихъ, гдѣ работы ведутся партіями или по классамъ. При этомъ должно быть составлено примѣрное расписаніе этихъ предметовъ, чтобы не могло быть впослѣдствіи помѣхи с.-хоз. работамъ. Далѣе, педагогическій Совѣтъ, выслушавъ программы практическихъ занятій, составленныя руководителями, и одобривъ ихъ, поручаетъ въ дальнѣйшемъ распредѣленіе практики коммиссіи изъ руководителей, подъ предсѣдательствомъ директора училища. Эта коммиссія, собираясь по мѣрѣ надобности, дѣлаетъ предначертанія работъ на ближайшій условный періодъ времени. Самое-же ежедневное назначеніе на работы учениковъ должно находиться въ ближайшемъ завѣдываніи начальника учебнаго заведенія—директора или инспектора, или кому будетъ поручено директоромъ. Ежедневно, передъ вечеромъ, въ установленный строго часъ, являются дежурные ученики съ рапортицами руководителей практики, гдѣ точно обозначено число рабочихъ силъ. Начальникъ заведенія, преслѣдуя основную мысль соблюденія чередованія работъ и соразмѣряя ихъ съ возрастомъ, физической силой ученика, здоровьемъ и познаніями учениковъ, дѣлаетъ именной нарядъ, который передаетъ старшему изъ дежурныхъ. Нарядъ этотъ вывѣшивается въ рекреаціонномъ залѣ и съ него уже составляются наряды каждымъ дежурнымъ. По истеченіи дня общій нарядъ возвращается директору съ обозначеніемъ работъ, которыя производились учениками. Записи дѣлаются каждымъ дежурнымъ противъ фамилій назначенныхъ къ нему учениковъ.

8) Передъ началомъ недѣльной практикики, руководители устран-

ваютъ бесѣду съ учениками. Такъ какъ у каждаго руководителя въ теченіе недѣли могутъ быть по нѣсколько человѣкъ однихъ и тѣхъ же слушателей, то бесѣда должна быть совмѣстная. Въ общемъ залѣ, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, руководители по-очереди сообщаютъ о предстоящихъ на недѣлю работахъ, ведутъ бесѣду съ учениками о работахъ прошедшей недѣли, выясняютъ причины отступленія въ работахъ, если таковыя были, противъ сдѣланной для прошедшей недѣли смѣты, сравниваютъ текущія работы съ прошедшими и проч. Такая бесѣда, отнимая полу-день, не болѣе, въ высшей степени полезна для всѣхъ учениковъ. Для участвовавшихъ въ данной работѣ бесѣда эта связываетъ отдѣльныя манипуляціи въ одно цѣлое и даетъ возможность отнестись сознательно, ко всему совершающемуся вокругъ него въ сельско-хозяйственной жизни училища. Для учениковъ, не участвовавшихъ въ данныхъ работахъ, бесѣда снимаетъ занавѣсъ невѣдѣнія о томъ, что дѣлается за предѣлами порученной въ данное время ученику работы.

9) Къ числу весьма серьезныхъ вопросовъ въ практическомъ образованіи учениковъ принадлежитъ давно наболѣвшій вопросъ о продолжительности рабочаго дня. Что нормировка рабочаго дня должна быть—это безспорно. Но какая? Рѣшить этотъ вопросъ абсолютно, въ отношеніи отдѣльнаго предмета, нельзя. Здѣсь можно лишь рѣшать вопросъ въ принципѣ, съ точки зрѣнія педагогической, принимая во вниманіе, съ одной стороны, время, необходимое для усвоенія работы, а съ другой—вліяніе работы на здоровье и физическое развитіе учащагося, связанное тѣсно съ духовнымъ его міромъ. Въ уставѣ училищъ рабочій день учащагося нормированъ 8 часами для первыхъ двухъ классовъ и 10 часами для остальныхъ. Раздаются голоса: много. Нѣтъ спора, что много, утомительно для учащихся. Положимъ, что мы сократили рабочее время на одну треть. Но вѣдь и это для нѣкоторыхъ предметовъ будетъ тяжело. Много значитъ еще и то, по какому предмету ведется практика и какъ она распредѣлена въ теченіе дня. Мыслимо ли заниматься опредѣленіемъ растеній или насѣкомыхъ пять часовъ безъ перерыва? Двухъ-трехъ-часовая работа можетъ только въ подобномъ случаѣ принести пользу ученику, не утомить его физически и умственно и не подорвать его здоровья. Если же назначить ученика для подобной работы даже на полъ-дня, не говоря уже о цѣломъ днѣ, то и тогда остальное время—даромъ потраченное. Отпускать учениковъ раньше съ работы не педагогично, держать дольше—еще хуже. Учащіеся—чуткій народъ и дать имъ понять о несостоятельности учебнаго строя—заживо похоронить уваженіе и довѣріе къ школѣ и ея персоналу. Возьмемъ с.-х. работу. Изъ назначеннаго времени извѣстная доля его идетъ на неизбѣж-

ныя потери: часть времени теряется на проходку до мѣста работы и обратно, часть идетъ на установку и приспособленіе орудій, часть времени—на необходимые перерывы въ работѣ, особливо въ жаркое время года. Далѣе надо принять въ соображеніе, что самый характеръ сельско-хозяйственной работы не такъ разслабляетъ человѣка, какъ сидѣніе, напр., съ лупой.

Принявъ все сказанное во вниманіе, становится весьма понятнымъ, что степень усталости можетъ зависѣть отъ самого характера предмета и кромѣ того чередованія между собою предметовъ. Къ физической усталости примѣшивается иногда апатія къ занятіямъ или особое томительное состояніе духа, доводящее организмъ до изнеможенія. Человѣкъ по своей природѣ есть существо дѣятельное. Искать коренной причины указаннаго явленія въ натурѣ человѣка нѣтъ основанія. Вся суть лежитъ въ организаціи самой дѣятельности. Въ данномъ частномъ случаѣ дѣятельности человѣка—практическихъ занятій—ученика полезная дѣятельность проявится, если работы представляютъ сами по себѣ интересъ и если ученикъ видитъ передъ собою достаточный запасъ интересующей его работы. При классномъ назначеніи учениковъ на работу по сельскому хозяйству, трудно во всякое время удовлетворить вышеуказаннымъ требованіямъ, а отсюда естественно, долженъ явиться индеферентизмъ и даже отвращеніе къ работѣ.

Наконецъ, весьма важнымъ моментомъ успѣшной дѣятельности является распредѣленіе труда по часамъ дня. Основное требованіе, съ педагогической точки зрѣнія, должно состоять въ томъ, чтобы не утомлять учениковъ. Для этой цѣли самымъ пригоднымъ временемъ будетъ утро и вечеръ въ жаркіе мѣсяцы. Въ весеннее и осеннее время утренніе и вечерніе часы иногда являются мало пригодными вслѣдствіе помѣхи отъ морозовъ, росы и пр.

Въ томъ случаѣ, когда практика распредѣлена такимъ образомъ, что половина назначеннаго времени употребляется на практическія упражненія до обѣда, а половина послѣ обѣда, весьма важнымъ моментомъ является удлиненіе перерыва между этими часами. Это удлиненіе мало того, что даетъ ученику возможность провести жаркіе часы дня внѣ поля, увеличиваетъ срокъ отдыха, даетъ время для приведенія въ порядокъ дневниковъ, гербаріевъ и проч.

Вечернее время для этого является неподходящимъ. Въ лѣтніе вечера поэтическія натуры склонны скорѣе къ міросозерцанію, а апатичные ко сну, чѣмъ къ подобнымъ занятіямъ. Положимъ, что имѣемъ 8 часовой рабочій день. Распредѣлимъ часы занятій двоякимъ способомъ:

	Начало работъ.			Конецъ работъ.	
	До обѣда.	Послѣ обѣда.	Перерывъ.	До обѣда.	Послѣ обѣда.
I.	6 ч. утра.	2 часа.	4 часа.	10 ч. утра.	6 час.
II.	4 ч. утра.	4 часа.	8 час.	8 ч.	8 час. веч.

При первомъ способѣ распредѣленія часовъ занятій, нѣтъ времени для духовной жизни, нѣтъ достаточнаго отдыха. Будто бы и время одно и то же, и работа та же, а одно только распредѣленіе труда поглощаетъ все время.

Слѣдовательно, нормировка рабочаго дня зависитъ: 1) отъ характера предмета прежде всего; 2) отъ количества имѣющихся на лицо объектовъ для практическихъ упражненій учениковъ; 3) отъ способа назначенія учениковъ на практику; 4) отъ распредѣленія практики по часамъ дня.

Принимая все это во вниманіе, я считаю для сельско-хозяйственныхъ работъ вполнѣ достаточнымъ 8-часовой трудъ. Экскурсіи, практическія упражненія по естествознанію и другія подобныя имъ занятія не могутъ продолжаться болѣе 4 часовъ.

Такимъ образомъ, считая рабочій день въ 8 час., назначеніе учениковъ на с.-х. работы, экскурсіи и различныя упражненія должны такъ комбинироваться между собою, чтобы, заполняя занятіями все назначенное рабочее время, соблюдалось требованіе предѣльной продолжительности труда по различнымъ предметамъ.

Практическія упражненія по естествознанію, экскурсіи, работы на демонстративномъ полѣ, отчасти въ практическомъ хозяйствѣ могутъ идти нормально, независимо отъ того, сколько времени продолжаются работы ежедневно и какъ онѣ распредѣлены по часамъ дня.

Если-же ученики назначаются въ коммерческое хозяйство, а отчасти и въ практическое, то, вслѣдствіе несоотвѣтствія числа часовъ и распредѣленія ихъ въ дневной работѣ учениковъ и рабочихъ, можетъ произойти задержка въ работахъ, что вредно и съ педагогической точки зрѣнія, и съ экономической.

Для устраненія указанныхъ неудобствъ, въ подобныхъ случаяхъ продолжительность дневной работы учениковъ должна измѣряться четвертями дня, какъ это принято въ практикѣ. Продолжительность ученическаго труда можетъ равняться четверти, половинѣ, тремъ четвертямъ и пр. нормальнаго дня рабочихъ, при чемъ эти четверти дня должны совпадать съ установленными для рабочихъ. Напр., рабочіе работаютъ съ 4 часовъ утра и $7^1/_2$ час. утра, затѣмъ съ 8 час. утра до 12 час. дня, съ 2 часовъ по полудни до 4 час. и съ $4^1/_2$ до 8 час. вечера.

Ученики могутъ быть назначены съ 4 час. утра до 12 час. дня,

или съ 8 до 12 час. дня и съ 2 до 8 час. вечера, или еще иначе какъ-нибудь. Въ этомъ случаѣ трудно педантично соблюсти установленную продолжительность рабочаго дня учениковъ, а она можетъ быть немного больше и немного меньше.

10) Въ связи съ постановкой преподаванія предмета стоитъ модный современный вопросъ объ отмѣнѣ экзаменовъ.

Лекціонный методъ преподаванія, повѣрка знаній учениковъ путемъ экзаменовъ освящены сотнями лѣтъ. Отъ этихъ древнихъ методовъ педагоги долго не отступали. Временные порывы сложить съ себя схоластическую обузу не доводились до конца и старое торжествовало надъ временнымъ увлеченіемъ. Въ чемъ-же секретъ такого пристрастія къ экзаменамъ?

Не говоря объ учащихся и ихъ родителяхъ, но даже и сами педогоги сознаютъ тяжесть экзаменовъ. Каждый изъ насъ, изъ своей прошлой жизни, вспоминаетъ гнетущее бремя экзаменовъ и радостное душевное настроеніе по окончаніи ихъ, особенно радостное, которое едва-ли послѣ приходится испытывать въ жизни. Каникулы являлись чѣмъ-то торжественнымъ, пріятнымъ. Свободное время казалось заработаннымъ.

Все это такъ, но все это неутѣшительно: эта прелесть послѣ-экзаменнаго періода не говоритъ въ пользу самихъ экзаменовъ. Случайно спасшійся отъ угрожающей опасности, выздоравливающій тяжко больной при первыхъ лучахъ возвращенія жизни—рисуются намъ не иначе, какъ жизнерадостными, торжествующими. Жизнерадостность и торжество въ послѣ-экзаменный періодъ вытекаютъ изъ самой тяжести экзаменовъ: они суть результатъ перенесеннаго гнета. Педагоги и гигіенисты отмѣтили пропасть случаевъ умственнаго и физическаго переутомленіи, цѣлый рядъ заболѣваній, являющихся результатомъ повышенной нервной системы.

Въ то время, когда природа живетъ, когда наслаждается жизнью всякое существо, учащіяся дѣти и молодежь являются какъ-бы отдѣленными отъ этой чудной картины. И какъ удачно характеризуетъ переводъ на русскій языкъ слово экзаменъ—«испытаніе». Какъ-же не радоваться послѣ этого благополучному исходу экзаменовъ?

Быть можетъ, перенесеніемъ экзаменовъ съ весенняго времени на осень и зиму думали облегчить тяжесть экзамена? Но этимъ снимается только часть бремени, а сколько еще остается? Почему-же экзамены страшны? Что тутъ такого отвѣтить то, что я училъ? Но вѣдь учить-то насъ заставляютъ многое. Многому учатъ, многое множество забывается, а многое изъ пройденнаго требуется на экзаменѣ. И это многое надо возобновить въ памяти, сгруппировать въ короткое время и держать все въ головѣ. Вѣдь все это отлично

извѣстно, а дѣлается все по традиціи, экзаменъ все-таки нуженъ, какъ ни верти.

Трудно бываетъ отрѣшиться отъ мысли, съ которой свыкались долгіе годы. Если экзаменъ есть повѣрка знаній ученика, прочно усвоенныхъ имъ въ теченіе года, то зачѣмъ онъ? Разъ мнѣ извѣстно, что ученикъ знаетъ предметъ, зачѣмъ мнѣ его экзаменовать? Если же я не убѣжденъ, что ученикъ знаетъ предметъ, значитъ дѣло преподаванія въ теченіе года поставлено дурно или ненормально. Но можно-ли убѣдиться въ знаніяхъ ученика на экзаменѣ? Сколько бываетъ проскальзываній ловкихъ юнцовъ? А развѣ неизвѣстны случаи дурныхъ отвѣтовъ хорошихъ учениковъ на экзаменѣ? А развѣ нѣтъ такихъ субъектовъ, которые не въ силахъ удержать въ памяти большое количество мелочей, хотя въ то-же время нельзя сказать, чтобы эти субъекты были неразвиты, не понимали основъ предмета и не могли въ жизни приложить его?

Я думаю, что обычная форма экзаменовъ устарѣла, но безусловная отмѣна экзаменовъ для насъ пока недоступна. Совершенное устраненіе экзаменовъ, по моему, есть идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ методы преподаванія. Въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ производятся въ настоящее время опыты перевода учениковъ безъ экзаменовъ. Но параллельно съ отмѣной экзаменовъ надо выработать и ввести улучшенные методы преподаванія, иначе благое начало но принесетъ плодовъ.

Излагая свой методъ преподаванія, теоретическаго и практическаго, по земледѣлію и не считая себя сторонникомъ экзаменаціоннаго способа повѣрки знанія, я старался провести основную мысль облегченія учениковъ въ усвоеніи предмета и уменьшенія домашней работы—заучиванья уроковъ по книгѣ. Я старался преподавать предметъ, во-первыхъ, концентрическимъ методомъ, во-вторыхъ, въ формѣ бесѣдъ, болѣе или менѣе серьезныхъ, смотря по возрасту, развитію и подготовленности учениковъ. Я старался въ то-же время практику связать съ теоріей и путемъ самостоятельныхъ работъ и коллектированія достигнуть прочнаго усвоенія преподаваемаго, безъ значительныхъ усилій со стороны ученика. Я стремился, наконецъ, къ тому, чтобы развить самодѣятельность, мышленіе, вниманіе къ окружающей природѣ, любовь къ живому слову, а не къ учебнику. Пусть учебникъ будетъ справочной книгой и только, пусть природа, классныя занятія, преподавательская бесѣда будутъ первымъ источникомъ дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія ученика. Я не стою за экзамены, но не могу пока отказаться совершенно отъ нихъ; я не желаю только, чтобы они были такими, какими мы ихъ помнимъ съ юныхъ лѣтъ. Пусть это будутъ лишь бесѣды, хотя даже не

одного учителя, а цѣлой коммиссіи, но бесѣды такія, которыя могутъ убѣдить въ степени развитія учениковъ. Такія бесѣды могутъ происходить въ любое время года, какъ это найдетъ для себя удобнымъ мѣстное начальство. Подготовокъ для такихъ бесѣдъ не надо, а польза ихъ несомнѣнна.

11) Практическое образованіе учениковъ при посредствѣ одного лишь школьнаго хозяйства недостаточно. Для пополненія пробѣловъ служатъ экскурсіи въ частныя имѣнія, ознакомленія съ организаціей и веденіемъ мѣстныхъ хозяйствъ и посылка учениковъ на практику въ частныя хозяйства. Этотъ видъ практическаго образованія въ высшей степени поучителенъ и необходимъ.

Передъ всякой экскурсіей учениковъ въ имѣніе, преподаватель вкратцѣ сообщаетъ свѣдѣнія о предстоящихъ къ посѣщенію имѣніяхъ, отмѣчаетъ характерныя ихъ особенности и указываетъ, на что слѣдуетъ въ каждомъ изъ нихъ обратить вниманіе. Въ дорогѣ, въ періодъ переѣзда изъ имѣнія въ имѣніе, дѣлаются тѣ же краткія указанія. При самомъ же осмотрѣ имѣнія обращается вниманіе на детали.

Въ заключеніе, для закрѣпленія впечатлѣній поѣздки и для приведенія ихъ въ должную систему, ученики, по пріѣздѣ домой, подаютъ конспекты или описанія своей поѣздки.

Что касается практическаго образованія внѣ училища, то при распредѣленіи учениковъ на практическій годъ, имѣнія и садовыя заведенія должны быть выбираемы крупныя или мелкія, но безусловно образцовыя. Требованіе это само по себѣ понятно. Нужно только выяснить взаимныя отношенія имѣнія или садоваго заведенія, ученика и училища.

Училище должно стремиться, чтобы его питомецъ научился и лучше закрѣпилъ въ памяти то, чего не удалось ему сдѣлать въ школѣ. Весьма желательно, чтобы избранныя имѣнія служили продолженіемъ указаннаго практическаго образованія ученика. Ученикъ ѣдетъ учиться, стало быть, вопросъ о вознагражденіи его со стороны имѣнія есть вопросъ второстепенный, иначе легко обратиться въ наемника. Хотя говорятъ, что имѣніе получаетъ въ лицѣ практиканта даровую силу, за что слѣдуетъ его вознаградить, но при правильной организаціи практической подготовки практиканта едва ли онъ своимъ трудомъ на пользу имѣнія окупитъ всѣ тѣ заботы со стороны имѣнія, которыя будутъ приложены къ нему для его усовершенствованія. Въ виду этого я не только не вижу ничего ненормальнаго въ отодвиганіи вопроса о матеріальныхъ выгодахъ практиканта на послѣдній планъ, но даже вопросъ обратнаго характера—случаи взиманія платы съ практиканта—считаю въ отдѣльныхъ случаяхъ вполнѣ умѣстными.

Училище, отправляя ученика на практику, снабжаетъ его надлежащими инструкціями, а имѣніе нравственно обязывается исполнить желаніе училища. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ такія имѣнія для училища дѣлаютъ одолженіе, и училище, въ свою очередь, стѣснено, даже для пользы школы, дѣлать тѣ или иныя указанія въ ходѣ практической подготовки своего ученика. Все это объясняется тѣмъ, что посылка учениковъ въ имѣнія есть дѣло случайное, нисколько не организованное.

Организовать посылку учениковъ въ казенныя хозяйства гораздо легче, нежели въ частныя. Казенныя хозяйства могутъ быть снабжены надлежащими инструкціями для практической подготовки учениковъ; завѣдующіе казенными имѣніями являются не только нравственно, но и фактически отвѣтственными лицами за успѣшность учениковъ. Въ этомъ случаѣ возможно поставить въ нихъ практическое образованіе учениковъ продолженіемъ начатаго въ школѣ.

Недостатокъ казенныхъ имѣній—слабая ихъ доходность—не можетъ служить тормозомъ. Во всякомъ случаѣ всегда можно выдѣлить отрасли учебнаго характера, различныя нерентабельныя затраты для производства опытовъ и пр.

Въ частномъ имѣніи мы больше стѣснены въ постановкѣ практики. А между тѣмъ пока, въ настоящее время, частныя имѣнія наиболѣе будутъ отвѣчать потребностямъ училища въ практической подготовкѣ учениковъ. Дѣло въ томъ, что земледѣльческія училища носятъ районный характеръ, а потому желательно организовать посылку учениковъ на практику въ окрестностяхъ училища. Казенныхъ же хозяйствъ у насъ мало и въ окрестностяхъ училища ихъ будетъ недостаточно для удовлетворенія нуждъ въ этомъ отношеніи.

Для организаціи практики учениковъ въ частныхъ имѣніяхъ, каждое училище, изучивъ хорошо окрестныя хозяйства, распредѣляетъ учениковъ въ завѣдомо извѣстныя имѣнія и давшія заранѣе согласіе выполнить извѣстныя требованія училища. Въ этомъ случаѣ имѣнія будутъ являться дѣйствительно насадителями с.-хоз. образованія. Такія имѣнія, проработавшія съ пользою, по отзывамъ училищъ и контролирующихъ лицъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, достойны наградъ въ формѣ медалей или почетныхъ дипломовъ за содѣйствіе с.-хоз. образованію.

12) Все сообщенное до сихъ поръ представляетъ краткій конспектъ относительно теоретической и практической подготовки ученика земледѣльческаго училища.

Правда, ни одна школа не даетъ готовыхъ техниковъ, а сама жизнь учитъ ихъ. Задача школы — дать основы для дальнѣйшаго самообразованія питомца. Чѣмъ крѣпче эти основы, тѣмъ легче со-

вершенствоваться. Это одна изъ важныхъ задачъ школы, но задача не единственная.

Земледѣльческія училища должны быть разсадниками с.-хоз. знаній не только путемъ выпуска въ жизнь свѣдущихъ въ с.-хозяйствѣ молодыхъ людей, но черезъ тѣсную связь училища съ хозяйствами.

Хотя и въ настоящее время с.-хоз. учебныя заведенія оказываютъ, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствіе хозяйствамъ, но этого содѣйствія недостаточно. Училища бѣдно обставлены средствами и не располагаютъ достаточнымъ персоналомъ для удовлетворенія современныхъ запросовъ хозяйства. Между тѣмъ всѣ учебныя пособія училища должны быть прежде всего такъ организованы, чтобы не только служили средствомъ для обученія учениковъ, но въ то же время направлены были бы на удовлетвореніе потребностей края. Такъ, опытныя и демонстративныя поля, фермы должны заниматься выясненіемъ с.-хоз. вопросовъ; каждое малѣйшее ихъ дѣйствіе должно быть обосновано на опытѣ и провѣрено. Даже и въ такомъ видѣ училище является въ высшей степени поучительнымъ и интереснымъ для посѣтителей.

Еще большую цѣну училище пріобрѣтаетъ въ глазахъ окружающихъ его хозяйствъ, если оно можетъ стать впереди въ разъясненіи новыхъ вопросовъ, если училище стоитъ во главѣ опытной сѣти среди хозяйствъ. Въ настоящее время училища стоятъ въ этомъ отношеніи особнякомъ и служатъ предметомъ справедливыхъ нареканій со стороны хозяевъ. Но едва-ли это должно оставаться надолго? Мнѣ рисуется въ будущемъ болѣе свѣтлая картина, именно: стройная система преподаванія, въ связи съ гармоническимъ соотношеніемъ между собою преподаваемыхъ предметовъ, со строго составленными программами, съ достаточными учебными пособіями и правильнымъ пользованіемъ ими; живое участіе училища въ теченіе с.-хоз. жизни края; отзывчивость на современные нужды хозяйствъ; руководительство во всѣхъ начинаніяхъ хозяевъ.

Довольно ошибокъ и промаховъ, свойственныхъ всякому новому дѣлу! Довольно жестокаго, горькаго опыта! Неужели-же очевидное, доказанное нужно доказывать и дальше? Неужели-же мало тридцатилѣтняго опыта существованія Уманскаго земледѣльческаго училища безъ земли? Неужели надо доказывать, что преподаватель земледѣлія безъ надлежащихъ, въ его распоряженіи находящихся, земельныхъ угодій, безъ кабинета, безъ правильно организованнаго учебнаго и практическаго дѣла, матеріальной и нравственной поддержки не въ силахъ сдѣлать для училища то, что составляетъ предметъ его глубокаго убѣжденія и горячаго желанія—отдать свой трудъ и любовь для пользы и процвѣтанія отечественнаго земледѣлія?

Училище, вмѣстѣ съ своими опытными полями, опытной станціей, лабораторіями, образцовымъ для края хозяйствомъ, съ различными курсами, институтомъ практикантовъ, должно явиться не только центромъ просвѣщенія для юношества, но и школой для хозяевъ; оно станетъ свѣточемъ, къ которому съ любовью и безграничнымъ довѣріемъ будутъ обращаться хозяева; школа явится насадителемъ разумнаго с.-хоз. знанія, котораго часто не хватаетъ для веденія дѣла; она объединитъ интересы хозяевъ и поможетъ имъ легче перенести с.-хоз. невзгоды.

Вѣря въ обновленіе с.-хоз. школъ, больше вѣрится и въ лучшую будущность ихъ, больше является надеждъ на плодотворную дѣятельность училищъ, отраднѣе становится за судьбу русскихъ хозяйствъ, ищущихъ нравственной и духовной поддержки, и свѣтлѣе рисуется образъ училищъ, полный содержанія, жизни и интереса къ происходящему внѣ стѣнъ его, полный довѣрія и уваженія со стороны хозяевъ, достойный подражанія и славы.

Тезисы.

1. Въ настоящее время обстановка въ земледѣльческихъ училищахъ неблагопріятна для выработки и провѣрки основныхъ началъ методики преподаванія, теоретическаго и практическаго, курса сельскаго хозяйства.

2. Недостаточность общаго развитія учениковъ и обиліе предметовъ, въ связи съ ненормальностью отношенія ихъ другъ къ другу, должны быть поставлены въ числѣ мотивовъ, усиливающихъ требованіе наглядности въ обученіи.

3. Начинать обученіе сельскому хозяйству необходимо съ перваго класса и вести его безъ сплошныхъ перерывовъ до окончанія ученикомъ курса въ училищѣ, знакомя ихъ не только съ отдѣльными отраслями хозяйства, но и съ самымъ хозяйствомъ.

4. До начала теоретическаго курса, обученіе должно носить преимущественно практическій характеръ, съ сообщеніемъ главнѣйшихъ основаній сельскаго хозяйства путемъ бесѣдъ по концентрическому методу.

5. Возрастъ поступающихъ не слѣдуетъ строго нормировать, отдавая въ то-же время предпочтеніе въ с.-хоз. работахъ ученикамъ взрослымъ и физически развитымъ.

6. Предварительное знакомство учениковъ практически съ сельскимъ хозяйствомъ облегчаетъ теоретическое его изученіе и постояннымъ общеніемъ ученика съ хозяйствомъ вѣроятнѣе достигнуть развитія въ ученикѣ желательныхъ и нужныхъ качествъ для сельскаго хозяина.

7. По своему характеру с.-хоз. отрасли требуютъ не классnúmero назначенія учениковъ на практику, а смѣшаннаго, потому что ученикъ черезъ это вводится въ нормальное теченіе с.-хоз. операцій, имѣющихся на лицо въ училищѣ.

8. Какъ въ младшихъ, такъ и въ старшихъ классахъ теорія должна быть тѣсно связана съ практикой, при чемъ усвоеніе предмета наилучше достигается помощью самостоятельныхъ упражненій, а не демонстрацій.

9. Экскурсіи въ предѣлахъ училища, помимо ознакомленія учениковъ съ хозяйствомъ и демонстративной цѣли, являются средствомъ объединенія отдѣльныхъ самостоятельныхъ работъ и упражненій учениковъ.

10. Дежурства, дневники и отчеты помогаютъ лучшему усвоенію, пріучаютъ во всемъ давать отчетъ и обращать вниманіе на детали.

11. Еженедѣльныя бесѣды съ учениками передъ началомъ работъ о прошедшихъ и предстоящихъ работахъ централизируютъ въ головѣ учащагося отдѣльныя с.-хоз. операціи и вырабатываютъ привычку дѣлать смѣты и учеты во всякомъ дѣлѣ.

12. Излишняя продолжительность занятій и неправильное распредѣленіе ихъ по часамъ дня утомляютъ учащагося и служатъ даже причиной апатичнаго отношенія къ работѣ.

13. Правильно организованное обученіе не требуетъ экзаменовъ, повѣрка же знаній можетъ ограничиться лишь однѣми бесѣдами.

14. Практическаго образованія учениковъ въ школьномъ хозяйствѣ недостаточно, и оно должно быть дополнено экскурсіями въ частныя хозяйства и практикой въ нихъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что практика въ казенныхъ хозяйствахъ выгоднѣе съ педагогической точки зрѣнія, чѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ.

Обсужденіе докладовъ гг. Бѣлецкаго и Васильева.

П. А. Пахомовъ на докладъ И. П. Бѣлецкаго замѣтилъ, что онъ содержитъ подробную программу практическихъ работъ по земледѣлію и въ этомъ отношеніи можетъ быть поучительнымъ для начинающихъ свою службу преподавателей, а потому его слѣдовало-бы напечатать. Что-же касается указываемыхъ г. Бѣлецкимъ классныхъ демонстрацій при прохожденіи курса общаго земледѣлія, то для нихъ, при настоящемъ положеніи дѣла, классного времени не хватаетъ.

Н. К. Васильевъ высказалъ, что въ программѣ по почвовѣдѣнію слѣдуетъ опустить обширный перечень классификацій; наиболѣе цѣлесообразно придерживаться одной новѣйшей классификаціи проф. Сибирцева.

П. И. Плодовскій указалъ на необходимость устройства при училищахъ рабочаго кабинета (агрономической лабораторіи) для демонстративныхъ занятій по растеніеводству и на необходимость помощника учителя земледѣлія для веденія занятій по практикѣ земледѣлія въ лабораторіи и въ полѣ.

М. Полещукъ высказался противъ расширенія и безъ того пространной программы растеніеводства: введеніе въ курсъ картографіи и бонитировки почвъ онъ считаетъ не цѣлесообразнымъ, равно какъ и перенесеніе отдѣла о меліораціяхъ изъ растеніеводства въ курсъ строительнаго искусства; не видитъ онъ надобности и въ увеличеніи числа уроковъ.

М. З. Воронцовъ указалъ, что, въ цѣляхъ согласованія и распредѣленія предметовъ преподаванія по классамъ, на съѣздѣ дѣятелей по среднему с.-х. образованію въ С.-Петербургѣ была выработана новая табель распредѣленія предметовъ и часовъ занятій, и что слѣдовало-бы ходатайствовать предъ Департаментомъ Земледѣлія о скорѣйшемъ ея примѣненіи.

Заключеніе секціи: а) по докладу *г. Бѣлецкаго*: «докладъ представляетъ полезный матеріалъ для начинающихъ преподавателей, поэтому желательно, чтобы онъ былъ напечатанъ въ трудахъ съѣзда».

б) По докладу *Н. К. Васильева*:

1. «Лѣтній періодъ ученики I кл. должны быть посвящены практическимъ занятіямъ по естествознанію; сельско-хозяйственную-же практику слѣдуетъ начинать лишь со II кл. Лѣтніе каникулы для учениковъ I кл. слѣдуетъ удлинить до 2-хъ мѣсяцевъ.

2. «Желательно согласованіе дѣйствій завѣдующихъ отдѣльными отраслями для достиженія общей цѣли обученія сельскому хозяйству.

3. «Продолжительность рабочаго дня, установленную въ 8 часовъ для низшихъ классовъ и въ 10 часовъ для высшихъ, желательно уменьшить.

4. «Въ цѣляхъ практическаго образованія, съѣздъ находитъ необходимымъ имѣть при училищѣ учебно-практическое хозяйство и учебно-опытное поле, и совмѣстно на нихъ участокъ земли въ 50—100 дес. съ учебнымъ скотнымъ дворомъ.

5. «Кромѣ учебно-практическаго хозяйства для изученія организаціи и веденія хозяйства, необходимо имѣть при каждомъ училищѣ коммерческое хозяйство.

6. «По вопросу объ экзаменахъ секція признаетъ желательнымъ переводъ учениковъ изъ класса въ классъ безъ экзаменовъ, по годовымъ отмѣткамъ, предоставляя педагогическому Совѣту дѣлать изъ этого правила исключенія».

Постановленія секціи утверждены съѣздомъ въ общемъ собраніи 6-го января.

---

4. Преподаваніе счетоводства въ земледѣльческихъ училищахъ.

(Докладъ М. Бойка, читанный въ коммиссіи по среднему сельскохозяйственному образованію 5 января).

Въ числѣ причинъ безразличнаго отношенія сельскихъ хозяевъ къ счетоводству далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ неудовлетворительная постановка преподаванія его въ земледѣльческихъ училищахъ. Воспитанники ихъ, повидимому, не достигаютъ того уровня познаній, при которомъ могли-бы съ успѣхомъ руководить счетоводнымъ дѣломъ, а также вызвали-бы къ нему и расположеніе гг. хозяевъ. Если только показателемъ постановки учебнаго дѣла можетъ служить объемъ курса и программа его, то о преподаваніи счетоводства въ земледѣльческихъ училищахъ получится самое невыгодное мнѣніе,—настолько и курсъ, и программа этого предмета поражаютъ своими отрицательными качествами. Приведемъ ее цѣликомъ:

«Цѣль и значеніе счетоводства въ хозяйствѣ.

Системы счетоводства: простая и сложная; отличіе ихъ одна отъ другой. Термины, употребляемые въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ.

«Простое счетоводство. Книги этого счетоводства, ихъ форма и веденіе. Повѣрка и значеніе книгъ простого счетоводства. Составленіе мѣсячнаго и годового отчетовъ по этой системѣ. Недостатки этой системы.

«Двойное счетоводство; его выгодная и невыгодная стороны.

«Основаніе двойного счетоводства; характеристика издержекъ производства въ счетоводствѣ. Выборъ срока, начала и заключенія годового счетоводства. Персоналъ для веденія счетоводства. Пріемъ капиталовъ. Техника веденія двойного счетоводства. Книги, необходимыя для веденія этого счетоводства: 1) вспомогательныя книги двойного счетоводства: журналы, вѣдомости и счетныя книги и 2) главная книга; ихъ значеніе и формы.

«Счеты главной книги, форма ихъ, правила составленія и раздѣленія ихъ, по назначенію, на группы. Разноска статей изъ журнала въ подлежащіе счеты. Повѣрка и заключеніе счетовъ, а равно кассовой и др. книгъ. Балансъ. Составленіе мѣсячнаго и годового отчетовъ. Вычисленіе чистаго дохода отъ хозяйства вообще и отъ отдѣльныхъ его отраслей въ частности, раздѣленіе его между капиталомъ, землею и предпріятіемъ. Сравненіе результатовъ смѣтъ› организаціи хозяйства и счетоводства.

Оцѣнка имѣнія. Цѣли и способы оцѣнки хозяйства».

Прежде всего бросается въ глаза, такъ сказать, безличность этой программы, т.-е. она своимъ содержаніемъ не производитъ впечатлѣнія, что въ ней идетъ рѣчь *именно о сельско-хозяйственномъ*, а не иной спеціальности, счетоводствѣ. Если эту программу

ввести въ курсъ коммерческихъ или промышленныхъ училищъ, то она и тамъ очутится такъ-же на мѣстѣ, какъ и въ курсѣ земледѣльческихъ училищъ. Въ ней не оттѣнились своеобразныя особенности сельско-хозяйственной дѣятельности, которыя и на самое счетоводство кладутъ типичный отпечатокъ, рѣзко выдѣляя его въ средѣ другихъ спеціальныхъ счетоводствъ.

Правда, въ ней встрѣчаются выраженія и «хозяйство», и «сельское хозяйство», и «сельско-хозяйственное счетоводство», но эти выраженія точно насильно здѣсь пристегнуты; кажется, они сами чувствуютъ себя не ловко, какъ-бы случайно въ нее попавшими, и напоминаютъ подписи подъ аляповатыми картинами букварей. Дѣйствительно, насколько трудно безъ надписей узнать значеніе тѣхъ картинокъ, настолько-же невозможно изъ содержанія этой программы, не будь подсказывающихъ выраженій, увидѣть *сельско-хозяйственное* счетоводство. Возьмемъ изъ программы на-угадъ нѣсколько мѣстъ, хотя-бы первую строчку. «Цѣль и значеніе счетоводства въ хозяйствѣ». Точно также можно было-бы сказать: и въ торговлѣ, и въ промышленномъ и иномъ предпріятіи.

Или-же такая, наприм., въ первыхъ-же строкахъ программы рубрика: «Термины, употребляемые *въ сельско-хозяйственномъ* счетовоодствѣ». Да развѣ въ *сельско-хозяйственномъ* счетоводствѣ имѣется особая терминологія?!. Насколько извѣстно, въ счетоводствѣ всѣхъ спеціальностей существуютъ одни и тѣ-же термины: дебетъ, кредитъ, счетъ, учетъ и проч.! Къ чему-же, вмѣсто *термины въ счетоводствѣ*, сказано «*въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ*»?... Нѣкоторыя-же рубрики программы вызываютъ даже недоумѣніе. Такъ, «сравненіе результатовъ смѣтъ, *организація хозяйства* и «*счетоводства*». Каждому, вѣроятно, извѣстно, что *результаты организаціи хозяйства должно показать счетоводство*. Сколько-бы ни было разновидностей организаціи хозяйствъ, результаты по каждому изъ нихъ учитываетъ счетоводство. Какіе-же такіе независимые отъ организаціи хозяйства могутъ быть еще *результаты счетоводства?!*. Достоинство счетоводной системы и состоитъ въ томъ, чтобы она показала именно *результаты организаціи хозяйства*, а не какіе-то особые. Если-же какими-либо судьбами обнаружится, что исчисленные счетоводствомъ результаты не тожественны съ результатами хозяйства, то, очевидно, въ такомъ разѣ имѣемъ дѣло не съ *результатами счетоводства*, а съ *несостоятельностью самой счетоводной системы*, *съ ошибочностью ея выводовъ*. Также, если при выводѣ по нѣсколькимъ счетоводнымъ системамъ получится разный результатъ хозяйственной дѣятельности, то это будетъ доказывать только ошибочность выводовъ нѣкоторыхъ счетоводныхъ системъ,

ихъ несостоятельность, но никакъ не возможность существованія *самостоятельныхъ результатовъ счетоводства.* Откуда-же программой предлагаются для сравненія результаты трехъ категорій: смѣтъ, *организаціи хозяйства* и *счетоводства?..*

Но не въ этихъ мелочахъ суть. Съ ними еще можно было бы примириться. Основной недостатокъ программы, какъ мы уже сказали, тотъ, что въ ней не замѣтно признаковъ, характеризующихъ сельско-хозяйственное счетоводство. Цѣлесообразно организованное счетоводство должно обнимать во всей полнотѣ сельско-хозяйственную дѣятельность и, очевидно, функціи этой дѣятельности невольно проглянутъ и въ самой программѣ счетоводства. Здѣсь-же функцій этихъ и не видно. Это—не программа сельско-хозяйственнаго счетоводства, а программа вообще счетоводства, неудачно приноровленная къ потребностимъ сельскаго хозяйства. Уже изъ-за одного этого, не говоря о множествѣ не менѣе важныхъ и прочихъ недостатковъ, она не пригодна для руководствованія въ земледѣльческихъ училищахъ. Намѣченное въ ней счетоводство не охватываетъ во всей полнотѣ сельско-хозяйственной дѣятельности, почему и не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему этою дѣятельностью, не достигаетъ желанной цѣли—служить выразителемъ состоянія хозяйства въ цѣломъ и въ частностяхъ и происшедшихъ въ немъ измѣненіяхъ; иначе говоря, по такой программѣ можно познакомиться вообще съ счетоводствомъ, но никакъ не изучать именно сельско-хозяйственное счетоводство, такъ какъ въ ней не проглядываютъ характерныя черты этой счетоводной спеціальности.

Чтó въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ составляетъ самую серьезную часть труда? На чемъ въ немъ приходится счетоводу останавливать преимущественно свое вниманіе? Каждый, кто только серьезно интересовался задачами счетоводства и сельско-хозяйственной дѣятельности, кто озабочивался правильною постановкою въ ней счетоводнаго дѣла, не обинуясь скажетъ,—мы въ этомъ убѣждены,—что вся сила сельско-хозяйственнаго счетоводства кроется въ правильности расцѣнки и учета работъ и рабочей силы. Отъ этой правильности зависитъ и правильность всѣхъ остальныхъ учетовъ и всей отчетности, т.-е. всего счетоводства. Выдающееся значеніе учету работъ и рабочей силы въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ придано не прихотью или мудрыми правилами счетоводныхъ системъ, а условіями и характеромъ самой хозяйственной дѣятельности. Едва-ли въ другихъ предпріятіяхъ стоимость предметовъ производства слагается изъ такой суммы затратъ различныхъ работъ и издержекъ. Прослѣдимъ хотя-бы работы по хлѣбопашеству. Какихъ только трудовъ ни положитъ человѣкъ, пока урожай по-

ступаетъ въ амбаръ или на рынокъ: оранка, унавоживаніе, вспашка, посѣвъ, боронованье, укатыванье, косьба, возка, молотьба, вѣянье, сортировка и пр. Какими только рабочими силами ни производятся эти работы: поденными и задѣльными, сроковыми и годовыми, рабочими и полурабочими, наемными и собственными рабочими, животными и паромъ! Какое разнообразіе способовъ оплаты этихъ работъ и какіе только учеты ни принимаютъ участія въ этой оплатѣ! Платежъ наличными, «натурою» и проч.! Вдобавокъ, весь этотъ разнохарактернѣйшій трудъ подлежитъ кропотливой расцѣнкѣ и распредѣленію въ различныхъ пропорціяхъ по принадлежности между многими учетами.

Безъ преувеличенія можно сказать, что ни въ одной торгово-промышленной дѣятельности не встрѣчается такого разнообразія работъ и рабочихъ силъ, такой зависимости ихъ стоимости и отъ способовъ оплаты, и отъ организаціи производства, и отъ качества рабочихъ силъ, и отъ времени, и отъ мѣста и отъ многихъ другихъ причинъ; наконецъ, нигдѣ работы не дробятся такъ разнообразно между отдѣльными хозяйственными отраслями и предметами производства. Въ силу этого въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ степень правильности разсчета и учета работъ и рабочихъ силъ служитъ вѣскимъ показателемъ достоинства самой счетоводной системы и вполнѣ основательно можетъ считаться conditio sine qua non цѣлесообразности и правильности всей счетоводной организаціи.

Въ силу этого-же, по нашему крайнему разумѣнію, и преподаваніе счетоводства необходимо начинать съ обстоятельнаго ознакомленія съ расцѣнкой и учетомъ работъ и рабочихъ силъ. На первыхъ-же порахъ преподаванія необходимо выяснить учащемуся значеніе этого учета въ правильно и раціонально организованномъ счетоводствѣ, способы веденія его, изслѣдовать тѣ данныя и хозяйственные запросы, на которые долженъ отвѣчать этотъ учетъ, какъ-то: 1) затраты на рабочія силы, 2) сумма этихъ затратъ, 3) какія работы производились, 4) какими рабочими силами, 5) когда и при какихъ обстоятельствахъ, при какой погодѣ и подъ какую погоду, бывшую въ слѣдующіе дни, 6) стоимость рабочей силы, 7) сколько и какой рабочей силы вышло на каждую работу въ отдѣльности, 8) что сдѣлано и сколько, 9) расцѣнка работъ, 10) стоимость ихъ и разноска по отдѣльнымъ хозяйственнымъ отраслямъ и т. п. На примѣрныхъ записяхъ это должно быть проработано и на нихъ-же разъяснено, какими средствами по учету рабочихъ силъ и работъ располагаетъ каждая система счетоводства и какія каждая изъ нихъ предлагаетъ для этой цѣли книги: рабочій журналъ, счетъ рабочихъ и работъ и т. п.

Отъ учета рабочей силы и работъ вполнѣ естественнымъ и ло-

гичнымъ будетъ переходъ къ изученію учета посѣвовъ и разныхъ имуществъ, различныхъ хозяйственныхъ отраслей и предметовъ производства, на которые содержаніе учета рабочей силы и работъ, по расцѣнкѣ, должно быть разнесено и которые, слѣдовательно, составляютъ естественное продолженіе прежняго счетоводнаго труда. Изученіе ихъ также должно происходить на примѣрныхъ записяхъ въ установленныхъ для этого счетоводныхъ книгахъ, именно: въ учетахъ посѣвовъ, въ имущественныхъ книгахъ, въ имущественныхъ счетахъ, въ книгѣ систематическихъ учетовъ. При этомъ обстоятельно должны быть разсмотрѣны элементы учета и цѣлесообразное ихъ расположеніе, сообразное съ требованіями сельско-хозяйственнаго производства, такъ рѣзко обособляющими и сельско-хозяйственное счетоводство отъ счетоводства прочихъ спеціальностей.

При опредѣленіи доходности сельскаго хозяйства, его состоянія и вообще отчетности о немъ довольствоваться суммами стоимости предметовъ производства, выручки отъ продажи и разностью этихъ суммъ крайне не достаточно. Здѣсь необходимо руководствоваться не только цѣнами выработки и продажи продуктовъ, но и многими другими факторами продуктивности производства, напр.: въ хлѣбопашествѣ— урожайностью, въ скотоводствѣ приростомъ, приплодомъ, падежомъ и проч. Въ отчетности сельскаго хозяйства необходимы данныя какъ о стоимости, такъ и о количествѣ предметовъ производства и имущества, иначе не получится полнаго обзора состоянія хозяйства въ цѣломъ и частяхъ. Всѣ-же эти данныя въ правильно организованномъ счетоводствѣ и должны заключаться систематически сгруппированными въ учетахъ, составляющихъ краеугольный камень каждой счетоводной системы. Вслѣдствіе этого, если и можно, скрѣпя сердце, примириться, напр., въ коммерческомъ счетоводствѣ, съ подчиненіемъ учету и контролю только денежныхъ цифръ, т.-е. суммъ стоимости покупной и продажной, то ужъ никакъ не въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ, такъ какъ здѣсь само сельско-хозяйственное дѣло требуетъ отъ счетоводства одинаково полнаго вниманія ко всѣмъ цифровымъ даннымъ учета: цѣнѣ, количеству, стоимости, продуктамъ урожая, прибыли и убытку и проч. и ихъ взаимной провѣркѣ.

Съ учетами покончено. Остаются чисто счетоводныя функціи: хронологическая запись и отчетность, значеніе ихъ для контроля и ревизіи, ихъ провѣрочныя силы и, наконецъ, отдѣльные вопросы. Конечно, изученіе должно продолжаться на тѣхъ-же примѣрныхъ записяхъ въ соотвѣтствующихъ книгахъ: для хронологической записи— въ капитальной, меморіалѣ, журналѣ, памятной, и для отчетности— въ балансовой, инвентарѣ, отчетѣ, и проч.

Вотъ и вся программа для преподаванія въ земледѣльческихъ учи-

лицахъ. Въ ней исчерпанъ весь курсъ сельско-хозяйственнаго счетоводства съ послѣдовательнымъ расположеніемъ учебнаго матеріала.

Можетъ быть, скажутъ, что нами оттѣнены только главныя функціи сельско-хозяйственнаго счетоводства, а не предоставлена детально разработанная программа, что нами ничего не сказано ни «о цѣли и значеніи счетоводства въ хозяйствѣ», поставленныхъ чуть ли не въ заголовкѣ программы Министерства Госуд. Имуществъ, не упоминается,—ну, хотя-бы о «терминахъ, употребляемыхъ въ счетоводствѣ», и прочее тому подобное. Но, вѣдь, «цѣль и значеніе счетоводства» ярко выступаютъ во всей нашей программѣ, ихъ учащіеся узнаютъ съ первыхъ-же шаговъ преподаванія по нашей программѣ, и по мѣрѣ обогащенія счетоводными знаніями расширяется и понятіе ихъ о «цѣли и значеніи счетоводства», при чемъ понятіе это пріобрѣтается чрезъ разработку въ послѣдовательномъ порядкѣ примѣрныхъ записей: они убѣждаются въ дѣйствительномъ значеніи и цѣли счетоводства путемъ, очень близкимъ къ самой практикѣ дѣла. По программѣ-же Министерства понятіе это дается чисто теоретическими разсужденіями, что едва-ли можетъ свидѣтельствовать о прочности и полнотѣ полученнаго представленія. Что-же касается счетоводной терминологіи и прочихъ деталей, то при изученіи счетоводства волею-неволею придется и о нихъ трактовать. Ихъ, вѣдь, никоимъ образомъ не обойдешь. Для чего-же въ такомъ разѣ перечислять ихъ въ программѣ?!. Для внушительности размѣровъ послѣдней, что-ли! Если только строить программы на мелочахъ, то тогда и въ министерской программѣ не только не перечислены всѣ мелочи, а не говорится о многомъ, о чемъ-бы необходимо было упомянуть. Въ ней и намека нѣтъ на элементы учетовъ, не упоминается также о расцѣнкѣ и учетѣ работъ и рабочихъ силъ, чего уже далеко нельзя причислить къ мелочамъ. Въ программѣ есть, положимъ, рубрика—«характеристика издержекъ производства въ счетоводствѣ». Но, вѣдь, учетъ издержекъ производства *вообще въ счетоводствѣ*—учетъ заурядный; учетъ-же работъ и рабочихъ силъ—труднѣйшая и сложная работа въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ, въ которомъ, кромѣ этого учета, имѣется и учетъ издержекъ одинаковаго типа съ учетами издержекъ въ другихъ спеціальностяхъ. Между веденіемъ учетовъ издержекъ и учета работъ и рабочей силы — неизмѣримая разница. Поэтому и названная рубрика не останавливаетъ вниманія на учетѣ работъ и рабочихъ силъ, а точно умышленно затушевываетъ его подъ общимъ понятіемъ объ издержкахъ. Въ программѣ, выдѣлившей въ отдѣльныя рубрики даже детали, подобное отношеніе къ крупнымъ величинамъ не простительно. Ихъ обязательно надо оттѣнить, какъ существенныя функціи въ счетоводствѣ. Здѣсь-

же даже не пояснено, что рѣчь идетъ о характеристикѣ издержекъ производства въ *сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ*, а сказано только «въ счетоводствѣ», тогда какъ въ рубрикѣ о терминахъ совершенно не къ мѣсту сказано «въ сельско-хозяйственномъ».

По нашему мнѣнію, программа, въ особенности когда она должна обнимать извѣстный предметъ въ цѣломъ, должна содержать въ себѣ не перечетъ мелочей предмета, а полный обликъ его въ томъ объемѣ, который подлежитъ преподаванію, должна указать порядокъ расположенія учебнаго матеріала, ходъ занятій и характеръ самаго преподаванія. Этимъ требованіямъ предлагаемая нами программа вполнѣ отвѣчаетъ. Въ ней рельефно выступаетъ цѣнность сельско-хозяйственнаго счетоводства при требуемомъ курсомъ объемѣ, такъ сказать, физіономія этого счетоводства, несмотря на то, что о мелочахъ мы не упоминали. Также наглядно выдѣляется и послѣдовательность въ расположеніи учебнаго матеріала, предлагающая сначала изученіе учетовъ, а затѣмъ остальныхъ функцій счетоводства и отчетности. Изъ программы-же видно, что преподаваніе должно вестись практическимъ путемъ, на примѣрныхъ задачахъ. Весь объемъ курса въ программѣ своею цѣльностью, послѣдовательностью и постановкой преподаванія построенъ такъ, что получается возможность основательно изучить его въ двухчасовыя занятія въ недѣлю, полагаемыя въ земледѣльческихъ училищахъ на прохожденіе счетоводства.

Совсѣмъ не то съ министерской программой. Несмотря на детальность ея разработки, не получается цѣлостнаго представленія о всемъ объемѣ курса счетоводства, не говоря уже объ отсутствіи признаковъ, характеризующихъ сельско-хозяйственную спеціальность. Въ ней скорѣе наборъ отдѣльныхъ счетоводныхъ функцій, съ очень слабой взаимной между собою связью. Такое впечатлѣніе усиливается крайне непослѣдовательнымъ расположеніемъ матеріала. Такъ, напр., въ программѣ читаемъ:

«Системы счетоводства: простая и сложная; *отличіе ихъ одна отъ другой. Термины*, употребляемые въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ.

Простое счетоводство... *Недостатки этой системы.*

Двойное счетоводство; *его выгодная и невыгодная стороны.*

Основаніе двойного счетоводства... Техника веденія двойного счетоводства...

Вникните въ эти выписки изъ программы или, еще лучше, посмотрите всю программу, напечатанную нами выше. Оказывается, что отличіе счетоводныхъ системъ одной отъ другой преподано тогда, учащіеся еще не ознакомлены съ *самыми системами*, а только услыхали объ ихъ существованіи, когда они еще *никакого счетоводства не вели*. Можетъ-ли быть тутъ рѣчь объ отличіи системъ счетоводства одной отъ другой? Различія, вѣдь, выясняются только по мѣрѣ ознакомленія съ предметомъ, по мѣрѣ изученія его или-же, въ крайнемъ

случаѣ, по изученіи его. До изученія же не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо сравненіяхъ и сопоставленіяхъ. Между тѣмъ по программѣ не только «отличіе системъ счетоводства одна отъ другой», но и разсмотрѣніе «выгодныхъ и невыгодныхъ сторонъ двойного счетоводства» предшествуютъ изученію «*основаній* двойного счетоводства». Какимъ образомъ учащемуся можно выяснить отличительныя особенности разныхъ счетоводныхъ системъ и выгодныя и невыгодныя стороны самаго двойного счетоводства прежде, чѣмъ изучитъ онъ основанія двойного-же счетоводства,—это составляетъ, вѣроятно, секретъ составителей программы. Также и ознакомленіе съ терминами предлагается не одновременно съ изученіемъ основаній счетоводства, а гораздо ранѣе. Но вѣдь смыслъ нѣкоторыхъ терминовъ, напр., дебетъ и кредитъ, доступенъ лишь при знаніи основаній двойного счетоводства, а слѣдовательно и ознакомленіе съ ними должно проходиться одновременно съ изученіемъ этихъ основаній, а не разновременно, да еще и на приличной дистанціи другъ отъ друга. При этомъ изученіе всѣхъ этихъ «отличій другъ отъ друга системъ счетоводства», «терминовъ», «выгодныхъ и невыгодныхъ сторонъ двойного счетоводства» предшествуетъ не только изученію «*основаній двойного счетоводства*», но и ознакомленію съ «техникой веденія двойного счетоводства», т. е. всѣ эти данныя пріобрѣтаются не выясненіемъ ихъ на примѣрныхъ записяхъ въ счетоводныхъ книгахъ, а чисто теоретически, да и все преподаваніе по этой программѣ основано, повидимому, на теоретическихъ разсужденіяхъ, а не на практическихъ работахъ.

Такою непослѣдовательностью въ расположеніи учебнаго матеріала грѣшитъ вся программа. Возьмемъ, напр., изъ конца ея:

«Разноска статей изъ журнала въ послѣдующіе счеты. Повѣрка и заключеніе счетовъ, а равно кассовой и др. книгъ. Балансъ. Составленіе мѣсячнаго и годового отчетовъ. Вычисленіе чистаго дохода отъ хозяйства вообще и отъ отдѣльныхъ его отраслей въ частности, раздѣленіе его между капиталомъ, землею и предпріятіемъ»...

Когда-же должно производиться «вычисленіе» чистаго дохода отъ хозяйства вообще и отъ отдѣльныхъ его отраслей въ частности и раздѣленіе его между капиталомъ, землею и предпріятіемъ: по составленіи-ли баланса и отчетовъ, или-же до этого, попутно съ повѣркой и заключеніемъ счетовъ и счетоводныхъ книгъ? Если оно должно предшествовать составленію баланса и отчетовъ, если оно должно быть послѣдствіемъ провѣрки и заключенія счетовъ и книгъ, то и въ программѣ о немъ необходимо упомянуть до составленія баланса и отчетовъ, а не послѣ ихъ. Вѣдь вычисленіе чистаго дохода отъ хозяйства и отдѣльныхъ его отраслей и т. д.—это не случайно предъявленныя къ счетоводству требованія, а однѣ изъ главныхъ

задачъ счетоводства, къ правильному рѣшенію которыхъ счетоводныя организаціи предлагаютъ разные способы. Слѣдовательно, и въ программѣ онѣ не должны являться чѣмъ-то случайнымъ, а стоять на своемъ мѣстѣ, чтобы и преподаваніе ихъ проходилось на свое время.

Неудачной группировкой матеріала настоящая программа, кромѣ того, что не даетъ представленія о цѣльности предмета, изображая его въ видѣ нагроможденной кучи разныхъ отдѣльныхъ счетоводныхъ функцій, наноситъ еще вредъ учебному дѣлу и тѣмъ, что безцѣльно расходуетъ на преподаваніе значительно болѣе времени, такъ какъ при обособленности, въ какой стоятъ рубрики программы, неизбѣжно придется часто повторяться. Отсутствіе-же связывающей эти рубрики послѣдовательности держитъ подъ большимъ сомнѣніемъ и успѣшность самаго преподаванія. Учащійся, въ лучшемъ случаѣ, усвоитъ всѣ указанныя въ программѣ функціи счетоводства, но едва-ли составитъ изъ нихъ систему и выяснитъ изъ нихъ значеніе и цѣль счетоводства, сколько-бы объ этомъ ему ни проповѣдывали. Не выяснитъ потому, что эти разрозненныя функціи не сложатся въ гармоническое цѣлое. Онѣ такъ и останутся обрывками знаній.

Также нельзя одобрить въ программѣ громаднаго преобладанія теоріи предъ практикой дѣла. Практики не только почти, но даже совсѣмъ не замѣтно. Счетоводство-же — наука чисто-практическая, прикладная. По крайней мѣрѣ этихъ качествъ отъ нея ищутъ хозяева. А поэтому изучаться она должна возможно практическимъ путемъ съ тою долей теоретическихъ объясненій, которая необходима для уясненія предмета, для осмысленности практики, для сознательнаго ея усвоенія. Не надо забывать, что на изученіе счетоводства въ распоряженіи преподавателя имѣется всего 2 часа въ недѣлю. Вдавшись въ теоретическія тонкости (которыя при строѣ программы къ тому-же и не усвоятся), когда-же вы будете прорабатывать ихъ, вести примѣрное дѣло? А между тѣмъ вся программа крайне располагаетъ ко многоглаголанію, а не счетоведенію.

Остается еще упомянуть о методѣ, по которому желательно было-бы вести преподаваніе счетоводства не только въ земледѣльческихъ училищахъ, но и вообще вездѣ, гдѣ оно преподается. Изъ предлагаемой нами программы читатель, вѣроятно, замѣтитъ, что наши симпатіи на сторонѣ сравнительнаго метода преподаванія счетоводства. Не скроемъ, мы дѣйствительно сторонники этого метода, признаннаго уже давно пригоднѣйшимъ лучшими педагогами. Припомнимъ учебникъ нашего незабвенной памяти учителя Ушинскаго «Родное Слово». Въ чьей головѣ не вызывали пытливости, не развивали мышленія статейки этой книги съ находящимися подъ ними вопросами: сравните то-то съ тѣмъ-то? Какая разница между этимъ и тѣмъ?

Какое сходство между ними? Такіе-же вопросы—и въ новѣйшихъ учебникахъ. Сравнительный методъ и въ изученіи счетоводства, тамъ, гдѣ онъ примѣнялся, далъ самые успѣшные результаты. На первомъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію о необходимости преподаванія по этому методу счетоводства доказывалъ въ своемъ докладѣ Ѳ. В. Езерскій, многолѣтнимъ опытомъ убѣдившійся въ раціональности и полной примѣнимости его къ счетоводной наукѣ. Хотя нѣсколько преподавателей, собственно двойной бухгалтеріи, никогда не примѣнявшіе его въ своей практикѣ, вмѣсто того, чтобы провѣрить сообщеніе докладчика на живомъ дѣлѣ, голословно отвергли рекомендуемый имъ сравнительный методъ преподаванія, все собраніе отнеслось сочувственно къ заявленію г. Езерскаго и въ своей резолюціи выразило желаніе, чтобы *вопросы*, заключающіеся въ докладѣ г. Езерскаго, были разсмотрѣны въ спеціальной коммиссіи, при содѣйствіи Общества для распространенія коммерческихъ знаній, и результаты доложены ближайшему будущему второму съѣзду». Но на второмъ съѣздѣ дѣятелей вопроса ни о докладѣ г. Езерскаго, ни о заключающихся въ этомъ докладѣ вопросахъ, ни о результатахъ разсмотрѣнія ихъ въ спеціальной коммиссіи при участіи вышеназваннаго Общества не доложили, скрывъ, такимъ образомъ, отъ второго съѣзда желаніе перваго. При наличности такихъ явленій насъ перестаетъ удивлять и отсутствіе болѣе или менѣе обстоятельнаго критическаго отношенія къ настоящей программѣ сельско-хозяйственнаго счетоводства, продолжающей безъ измѣненій вотъ уже сколько лѣтъ практиковаться въ земледѣльческихъ училищахъ, несмотря на очевидность своихъ недостатковъ. Этой-же самой программой, если только всмотрѣться въ нее хорошенько, доказывается нагляднѣйшимъ образомъ потребность преподаванія счетоводства по сравнительному методу. Въ ней, судя по расположенію учебнаго матеріала, рекомендуется прежде изучить простую систему счетоводства, затѣмъ—двойную. О той и другой предлагается къ изученію:

Простая система:

«Книги этого счетоводства, ихъ форма и веденіе...

Повѣрка и заключеніе книгъ простого счетоводства...

Составленіе мѣсячнаго и годового отчетовъ по этой системѣ...

Недостатки этой системы...»

Двойная система:

«Книги, необходимыя для веденія этого счетоводства...

Повѣрка и заключеніе счетовъ, а равно кассовой и др. книгъ.

Балансъ. Составленіе мѣсячнаго и годового отчетовъ.

...Его выгодныя и невыгодныя стороны...»

Кажется, трудно найти другой учебный предметъ, который-бы давалъ столько удобствъ къ преподаванію его сравнительнымъ ме-

тодомъ. Однородные вопросы (а также цѣли, значенія и задачи) счетоводныхъ системъ прямо напрашиваются, чтобы преподаваніе счетоводства велось сравнительнымъ способомъ одновременно по всѣмъ системамъ. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, логичнѣе, какъ при изученіи, предположимъ, книгъ двумъ системъ провести межъ ними сравненіе, выяснить сходство и разницу въ ихъ назначеніи, формахъ и проч.! Вѣдь, счетоводныя системы сродни между собою и сравненіемъ между ними вызовется болѣе прочное и осмысленное усвоеніе изучаемаго предмета. Чрезъ сопоставленіе рельефнѣе выступятъ научная разработка каждой системы, практическія ихъ удобства и степень примѣнимости каждой къ живому дѣлу. При сопоставленіи системъ каждая изъ нихъ неизбѣжно получитъ всестороннюю обрисовку, не останется въ тѣни ни одно качество ихъ, а чрезъ это и преподаваніе счетоводства значительно выиграетъ въ удобопонятности для учащагося, въ полнотѣ предмета и въ сокращеніи учебнаго времени. При преподаваніи каждой системы особнякомъ приходится повторяться не въ видахъ повторенія пройденнаго, а потому только, что при изученіи, предположимъ, книгъ двойной системы неизбѣжно придется пересказать многое, что одинаково относится къ книгамъ всѣхъ системъ и, слѣдовательно, уже говорилось при изученіи книгъ простой системы. Помимо непроизводительнаго расхода времени на эти пересказы, теряется также и удобство всесторонняго освѣщенія изучаемаго предмета, которое легко дается при сравнительномъ преподаваніи: легко оно выясняется и прочно запоминается учащимися вслѣдствіе возбуждаемаго въ нихъ критическаго отношенія къ изучаемому предмету. Независимо отъ этого, преподаваніе особнякомъ каждой системы причиняетъ учебному дѣлу еще и другой вредъ. Въ приведенномъ сравненіи изъ программы о простой и двойной системахъ мы выписали о простой системѣ все содержаніе программы. Въ программѣ-же о двойной системѣ также имѣются и слѣдующіе пункты, не выписанные нами, какъ не имѣвшіе сотвѣтствующихъ въ простой: «Характеристика издержекъ производства въ счетоводствѣ. Выборъ срока начала и заключенія годового счетоводства. Персоналъ для веденія счетоводства. Пріемъ капиталовъ».

Неужели въ простомъ счетоводствѣ не имѣютъ никакого значенія ни «издержки», ни «выборъ срока», ни «персоналъ для веденія» и проч.? Очевидно, что выборъ, наприм., срока начала и заключенія годового счетоводства зависитъ отъ характера самой сельско-хозяйственной дѣятельности, которой и диктуется счетоводству—безразлично, по какой-бы системѣ оно ни велось. Условія самого дѣла вездѣ и всегда опредѣляютъ отчетный періодъ и требуютъ, чтобы

и счетоводство, по какой-бы системѣ оно ни велось, согласовало-бы съ этимъ періодомъ сроки открытія и заключенія своихъ книгъ. Также и издержки производства подлежатъ учету и въ простомъ счетоводствѣ; если-же характеристика ихъ въ простой системѣ иная, чѣмъ въ двойной, то это необходимо выяснить, а не опускать, какъ будто-бы нѣчто излишнее. Не очевидно-ли, что въ программѣ Министерства пренебрегается преподаваніе простой системы, что въ ней изученіе одной счетоводной системы совершается за счетъ другой, что строемъ самой этой програмы стремятся внушить учащемуся о преимуществахъ двойной системы, а не выяснить ихъ путемъ сравнительнаго разсмотрѣнія счетоводныхъ системъ, благодаря чему не достигается всестороннее знаніе и самой двойной бухгалтеріи. Ни для кого не секретъ, что сельскія хозяйства, за ничтожными исключеніями, пробавляются счетоводствомъ по простой системѣ. О примѣненіи къ нему итальянской бухгалтеріи почти не слышно; если-же присмотрѣться къ учебникамъ по двойной системѣ сельско-хозяйствейннаго счетоводства, то по недостаткамъ ихъ убѣдитесь, что они не явились результатомъ долголѣтней практики и опыта. Въ послѣднее время стала прививаться тройная система. Спрашивается: можетъ-ли человѣкъ, изучившій счетоводство по настоящей программѣ, быть свѣдущимъ руководителемъ въ дѣлахъ счетоводства сельско-хозяйственной дѣятельности? Тѣмъ болѣе, можетъ-ли онъ быть разумнымъ организаторомъ сельско-хозяйственнаго счетоводства въ имѣніи? О простой счетоводной системѣ, господствующей въ земледѣльческихъ хозяйствахъ, онъ въ училищѣ получаетъ только неопредѣленное представленіе: по этой системѣ, судя по программѣ, издержки не учитываются, выборъ срока для открытія и заключенія книгъ въ этой системѣ не имѣетъ никакого значенія и проч. Съ двойной системой также ему не справиться: онъ не осилитъ ее какъ изъ-за недостатковъ и строя программы, такъ изъ-за ограниченности учебнаго времени.

Насъ могутъ упрекнуть, что мы ввели въ рекомендуемую нами программу и преподаваніе тройной системы счетоводства и тѣмъ выполненіе ея, при ограниченности времени, сдѣлали недостижимымъ. Каяться, однако, намъ не въ чемъ, такъ какъ упрека этого мы не заслуживаемъ. Мы не *ввели* въ программу преподаваніе тройной системы счетоводства, а лишь только не изъяли ее изъ программы, и сдѣлали это не ради тройной системы, а въ интересахъ сельско-хозяйственной счетоводной науки. При самомъ придирчивомъ отношеніи къ предлагаемой нами программѣ, каждый все-же согласится, что мы не имѣемъ въ виду тройную или двойную систему, не ратуемъ въ пользу той или другой, а исключительно оза-

бочены сельско-хозяйственнымъ счетоводствомъ, чтобы оно преподавалось въ земледѣльческихъ училищахъ въ томъ объемѣ, при которомъ могло-бы отвѣчать существеннѣйшимъ запросамъ хозяйственной жизни, составляющимъ цѣль и значеніе самаго счетоводства; чтобы съ запросами этими, въ интересахъ успѣшности изученія предмета, сообразовалась-бы самая постановка преподаванія счетоводства. Которая-же система научною разработкою и практическою примѣнимостью своего строя наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ сельскаго хозяйства — этого мы не предрѣшаемъ въ программѣ. Дѣло преподаванія, по нашему мнѣнію, выяснить запросы предпріятія, на которые должно отвѣчать счетоводство, научить способамъ и мѣрамъ, выработаннымъ счетоводными системами къ удовлетворенію этихъ запросовъ, и умѣнью примѣнять ихъ на пользу дѣла.

Времени-же, удѣляемаго училищами на преподаваніе счетоводства, несмотря на его ограниченность, думаемъ, будетъ достаточно для прохожденія курса по предлагаемой нами программѣ, такъ какъ при ней выигрывается не мало часовъ, которые непроизводительно тратились только вслѣдствіе неудовлетворительности программы Министерства, но никакъ не по причинѣ объема курса. Напротивъ, курсъ счетоводства по министерской программѣ глядитъ крайне урѣзаннымъ, какимъ-то ощипаннымъ и безличнымъ, и если выполненіе его недостижимо, то только вслѣдстіе недостатковъ программы.

Вникнемъ въ содержаніе ея,—она здѣсь напечатана цѣликомъ,— припомнимъ и провѣримъ все сказанное о ней, чтобы изгнать всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Изъ нея не получается цѣльнаго представленія о счетоводствѣ и еще менѣе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ, такъ какъ не замѣтно зависимости счетоводства отъ характера сельско-хозяйственной дѣятельности; нѣкоторыя функціи счетоводства, весьма существенныя для учета хозяйства и вызванныя исключительно особенностями его операцій, — функціи, составляющія отличительную черту специализаціи счетоводства, въ программѣ или опущены совершенно, или же настолько глухо упомянуты, что рѣшительно не останавливаютъ на себѣ вниманія, и значеніе ихъ можетъ легко остаться не выясненнымъ. Неудобопонятность нѣкототорыхъ рубрикъ программы, отсутствіе связывающей въ цѣлое послѣдовательности въ расположеніи учебнаго матеріала и преподаваніе не сравнительнымъ методомъ, а также вытекающія изъ этого безцѣльная повторяемость, недостаточность наглядности въ преподаваніи, критическаго анализа и ясности, преобладаніе теоріи надъ практикою, способствующее поверхности изученія, и проч. — вотъ краткій перечень недостатковъ программы Министерства, въ силу которыхъ и выполненіе курса сельско-хозяйственнаго счетоводства,

несмотря на ограниченность его объема, становится недостижимымъ при двухчасовыхъ въ недѣлю занятіяхъ. Устраненіемъ этихъ недостатковъ сбережется столько времени, что представится полная возможность пройти курсъ сельско-хозяйственнаго счетоводства въ болѣе законченномъ объемѣ.

Считаемъ также необходимымъ оговориться, что мы не имѣли въ виду дать совершенно разработанную программу и на предложенную нами также не смотримъ, какъ на совершенство, свободное отъ погрѣшностей. Видя полную несостоятельность программы Министерства по преподаванію сельско-хозяйственнаго счетоводства въ земледѣльческихъ училищахъ и индиферентное отношеніе къ этому вопросу счетоводовъ и счетоводной печати, зная незавидное положеніе счетоводства въ сельско-хозяйственной жизни и постоянныя жалобы хозяевъ на недостаточность лицъ, основательно знающихъ счетоводство, мы намѣрены были высказать только свои соображенія относительно преподаванія сельско-хозяйственнаго счетоводства въ земледѣльческихъ училищахъ и указать главныя основанія правильной постановки преподаванія этого предмета,—основанія, въ безусловной необходимости которыхъ мы вполнѣ убѣждены, и вѣримъ, что если основанія войдутъ въ программу земледѣльческихъ училищъ, то дѣло развитія счетоводства въ сельско-хозяйственной жизни земледѣльческой Россіи будетъ установлено на прочномъ фундаментѣ.

Проектъ программы преподаванія сельско-хозяйственнаго счетоводства въ земледельческихъ училищахъ.

Требованія, предъявляемыя къ счетоводству сельскимъ хозяйствомъ.

Различіе требованій спеціальныхъ отраслей счетоводства: торговаго—покупка, продажа; банковаго—учеты вексельные, ссудные и т. д.; фабричнаго—калькуляція издѣлій, опредѣленіе стоимости ихъ; отъ сельско-хозяйственнаго требуются свѣдѣнія о стоимости работъ, рабочихъ, посѣвовъ и т. д.

А. Учеты сельско-хозяйственнаго счетоводства.

Учеты движимаго инвентаря и недвижимаго имѣнія. Вопросы, задаваемые каждымъ хозяиномъ по отношенію къ этимъ учетамъ.

Сколько какой недвижимости: какого разряда лѣса, пашни, сѣнокосы и т. д., сколько и какой цѣнности строеній. Сколько движимаго инвентаря: скота, лошадей, земледѣльческихъ орудій и т. д.

Организація формъ учетовъ движимаго и недвижимаго имущества, соотвѣтствующая тѣмъ вопросамъ, которые предъявляются въ этимъ учетамъ.

Сравненіе формъ этихъ учетовъ по разнымъ системамъ, объясненіе записей въ нихъ.

Признаки вѣрности этихъ учетовъ.

Учетъ рабочихъ силъ и работъ ихъ. Вопросы, на которые долженъ отвѣчать этотъ учетъ. Затраты на рабочую силу, суммы этихъ затратъ; какія работы производились, какими рабочими силами, когда и при какой погодѣ и подъ какую погоду, бывшую въ слѣдующіе дни, стоимость рабочей силы, сколько и какой рабочей силы вышло на каждую работу въ отдѣльности, что сдѣлали и сколько, расцѣнка работъ, стоимость ихъ и разноска по отдѣльнымъ хозяйственнымъ отраслямъ. Способъ веденія этого учета. Форма учета, признанная съѣздомъ счетоводовъ 1898 г. легчайшею, удобнѣйшею и простѣйшею. Формы разныхъ системъ для учета работъ и рабочихъ силъ: рабочій журналъ, счета работъ и пр. Различіе между ними и преимущество однихъ предъ другими.

Провѣрка и заключеніе этихъ книгъ и учетовъ.

Каждому хозяину необходимо знать: какія работы производились, въ какіе дни, на какой недѣлѣ, какими рабочими силами: годовыми, лѣтними, поденными и т. п., по какой цѣнѣ рабочіе обходились, во что обошлась вся работа; при какой погодѣ работы производились, какая погода стояла въ послѣдующіе дни послѣ окончанія работъ, сколько рабочихъ дней ушло на ту или другую работу и т. д. Организація формы учета работъ и рабочихъ соотвѣтственно этимъ вопросамъ.

Расцѣнка законченныхъ работъ. Убытки отъ прогульныхъ и больныхъ рабочихъ дней. Переносъ въ форму будущей недѣли незаконченныхъ работъ.

Расцѣнка работъ, какъ она производится, годовая и ежемѣсячная.

Учетъ посѣвовъ. Вопросы, возникающіе у каждаго хозяина при разсмотрѣніи и обсужденіи учета посѣвовъ.

Во что обошлась работа въ отдѣльности: пашня, посѣвъ, жатва и т. д., сколько десятинъ было засѣяно, сколько убрано, сколько копенъ нажато и сколько обмолочено, сколько при обмолотѣ получено зерна 1-го сорта, 2-го сорта, сколько получено соломы, мякины. Выручка отъ продажи таковыхъ, прибыльность или убыточность посѣва каждаго злака.

Организація формы, дающая отвѣты на означенные вопросы.

Формы этого учета, установленныя въ каждой счетоводной системѣ, ихъ сравненіе и выясненіе достоинствъ и недостатковъ.

Объясненіе записей этихъ учетовъ и ихъ провѣрка.

Учеты заборщиковъ и довѣрителей. Вопросы, необходимые каждому хозяину при разсчетахъ съ заборщиками и довѣрителями.

Какого числа, что, кѣмъ, сколько забрано?

Организація формъ для книгъ заборщиковъ и довѣрителей по разнымъ системамъ.

Степень наглядности этихъ формъ, выясняющаяся черезъ ихъ сравненіе. Преимущество однѣхъ предъ другими.

Записи и ихъ провѣрка по каждой системѣ.

Учеты продуктовъ производства и отдѣльныхъ отраслей хозяйства.

Требованія, предъявляемыя хозяиномъ къ этимъ учетамъ.

По какой цѣнѣ пріобрѣтены, получены или обошлись вещи, количество ихъ, сумма, убытки и прибыли на нихъ по каждому продукту и по каждой отрасли хозяйства въ отдѣльности и проч.

Формы этихъ учетовъ по каждой счетоводной системѣ, ихъ соотвѣтствіе требованіямъ и преимущества однѣхъ передъ другими.

Записи этихъ учетовъ. Провѣрочныя формулы.

Учеты общихъ издержекъ. Требованія, предъявляемыя хозяиномъ къ этимъ учетамъ.

Организація этихъ учетовъ соотвѣтственно этимъ требованіямъ, подраздѣленіе ихъ на отдѣльные учеты расходовъ: на жалованье, на издержки на ссуду, на издержки общехозяйственныя и т. п.

Потребность въ опредѣленіи убытковъ и прибылей по этимъ учетамъ.

Сопоставленіе формъ этихъ учетовъ по разнымъ системамъ и способы выдѣленія убытковъ и прибылей по нимъ.

Поименный рабочій листъ. Способъ веденія поименнаго рабочаго листа въ имѣніяхъ, гдѣ много поденныхъ рабочихъ.

Вопросы, предъявляемые къ этой формѣ. Хозяину необходимо знать въ поименномъ рабочемъ листѣ, какіе рабочіе были, котораго числа, и полный разсчетъ съ каждымъ.

Организація формы, отвѣчающей такимъ вопросамъ хозяина.

Б. Хронологическая запись.

Значеніе ея въ счетоводствѣ. Хронологическія книги и ихъ формы: памятная, меморіалъ, журналъ, капитальная книга и пр.

Текстъ хронологической записи.

Разноска статей изъ хронологическихъ книгъ въ подлежащіе учеты.

Признаки вѣрности и контрольные пріемы этихъ книгъ и ихъ заключеніе.

Для цѣлей предпріятія необходимо знать приходъ, расходъ и остатокъ наличныхъ денегъ; приходъ, расходъ и остатокъ разныхъ цѣнностей и обороты не на наличныя деньги. Все это необходимо знать своевременно и ежедневно.

Необходимо видѣть размѣръ кассовыхъ и некассовыхъ оборотовъ, общій итогъ оборотовъ, слѣдить за движеніемъ кассы и остальныхъ цѣнностей и измѣненіями (приращеніями и убылью) капитала. При этомъ необходимо также имѣть полное убѣжденіе въ правильности записей.

Неудобство книгъ, не обладающихъ провѣрочными средствами и не содержащихъ ясныхъ и наглядныхъ свѣдѣній о капиталѣ и его измѣненіяхъ.

Польза хронологической книги съ отдѣлами для полнаго итога оборота, для кассовыхъ и некассовыхъ оборотовъ въ отдѣльности и для измѣненія капитала. Логическая связь формы подобной книги съ историческимъ ходомъ образованія и развитія хронологическихъ книгъ. Качества этой книги: ясна-ли она, наглядно-ли въ ней группируются обороты кассовые и не кассовые, измѣненія капитала, остатки въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ кассы, цѣнностей и капитала; степень удобопровѣряемости ея и цѣлесообразность ея признаковъ вѣрности.

Значеніе признаковъ вѣрности въ хронологическихъ книгахъ.

Организація хронологической книги, согласно потребностямъ сельскаго хозяйства.

В. Отчетность.

Сводный отчетъ. Способы составленія отчетовъ по сельскому хозяйству. Элементы и предметы сельско-хозяйственнаго отчета. Содер-

жаніе отчета: состояніе сельскаго хозяйства въ общемъ отдѣльныхъ его отраслей въ частности и опредѣленіе ихъ чистаго дохода. Значеніе отчетности для ревизіи и контроля сельскаго хозяйства.

Признаки вѣрности счетоводства—частные для отчетовъ и общіе для всей счетоводной системы. Отчетныя книги: инвентарь, книга отчетовъ, балансовая книга...

Отчетность должна показать остатки, какіе были къ началу отчетнаго времени, обороты, поступленіе и выдачу въ теченіе отчетнаго времени, убытки и прибыли, происшедшіе по каждому учету отдѣльно или по каждой отрасли, и, наконецъ, остатки къ концу счетоводнаго періода, а также и убѣдить въ правильности всего счетоводства, всѣхъ счетоводныхъ книгъ, всей счетоводной организаціи.

Формы отчетовъ по разнымъ счетоводнымъ системамъ въ связи съ означенными требованіями, ихъ преимущества и недостатки.

Наиболѣе соотвѣтствующая этимъ требованіямъ организація формы отчета и ея выгоды: наглядность остатковъ и результатовъ по каждому продукту, по каждой отрасли въ отдѣльности и по всему хозяйству въ совокупности, удобопонятность для контроля, провѣрочность, обнимающая всю счетоводную организацію.

Организація формы отчета на тѣ случаи, когда потребуется видѣть имущество выраженнымъ не только въ денежныхъ единицахъ, но и въ количествѣ предметовъ. Степень примѣнимости для этого отчета формъ каждой счетоводной системы.

Отдѣльные вопросы, возникающіе по сельско-хозяйственному счетоводству: выборъ начала и окончанія счетоводнаго періода въ зависимости отъ характера сельско-хозяйственной дѣятельности. Объ оцѣнкѣ имѣній и расцѣнкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Расцѣнка стоимости за погашеніе имущества, конюшенъ, экипажей и т. д.

Расцѣнка продовольствія рабочихъ и содержаніе ихъ, расцѣнка и содержаніе лошадей, расцѣнка жалованья, расцѣнка содержанія лѣтнихъ рабочихъ, расцѣнка поденщиковъ и поденщицъ.

Основанія разныхъ расцѣнокъ.

Значеніе въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ смѣтъ.

Значеніе текста записей простого и техническаго и т. п.

Поясненіе. Принятый здѣсь въ программѣ порядокъ расположенія учебнаго матеріала есть насущная необходимость, основанная какъ на характерѣ и особенностяхъ сельско-хозяйственной дѣятельности, такъ и на историческомъ ходѣ развитія счетоводства. Учеты, изученіе которыхъ мы поставили на первомъ мѣстѣ, составляютъ основаніе всякаго счетоводства и, какъ основаніе, должны быть изучаемы прежде всего. Учеты—это первичная форма счетоводства, все же уже остальное является продуктомъ развитія счетоводной науки и появилось по мѣрѣ совершенствованія счетоводства.

Въ интересахъ успѣшности преподаванія сельско-хозяйственнаго счетоводства, необходимо начать съ изученія учетовъ, книгъ систематическихъ и затѣмъ уже перейти къ хронологическимъ книгамъ.

Этимъ достигается сознательное уясненіе пользы учетовъ статей хозяйственныхъ, а слѣдовательно, и существа счетоводства.

Считаемъ необходимымъ оговориться, что и въ программѣ Министерства расположеніе учебнаго матеріала не согласуется съ существующимъ на практикѣ порядкомъ записи статей.

Заключеніе коммиссіи по докладу. «Критика существующей программы преподаванія с.-х. счетоводства и предлагаемый докладчикомъ проектъ программы совершенно упускаютъ изъ вида, что въ земледѣльческихъ училищахъ счетоводство поставлено въ связи съ курсомъ с.-х. экономіи. Разсматривая утвержденную программу с.-х. счетоводства въ отдѣльности, докладчикъ не нашелъ въ ней, конечно, всего того, что уже раньше было разсмотрѣно въ курсѣ с.-х. экономіи, счелъ это за упущеніе и построилъ, такимъ образомъ свой докладъ на ложномъ основаніи».

Заключеніе это *принято* въ собраніи секціи средняго сельско-хозяйственнаго образованія и утверждено съѣздомъ въ общемъ собраніи 6-го января.

(*Продолженіе будетъ*).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Читаны въ 1898 г. на педагогическихъ курсахъ учительницъ и учителей земскихъ и церковно-приходскихъ школъ Воронежской губерніи земскимъ санитарнымъ врачомъ *И. Тезяковымъ*. Изданіе Воронежскаго губ. земства. Воронежъ. 1899 г. 121 стр. Ц. 40 к.

Въ настоящее время на курсахъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ въ числѣ учебныхъ предметовъ заняла мѣсто также и гигіена (resp. школьная гигіена). Для слушателей такихъ курсовъ явилась потребность въ популярныхъ руководствахъ, какихъ на русскомъ языкѣ очень мало или какія по цѣнѣ своей недоступны большинству учашихъ.

Книжка д-ра Тезякова отвѣчаетъ, повидимому, цѣли, преслѣдуемой курсами. Она вкратцѣ знакомитъ съ основными положеніями общей и частной гигіены, а также затрагиваетъ самые насущные вопросы и гигіены школьной. Правда, для учителей не мѣшало бы имѣть руководство нѣсколько болѣе подробное, особенно по отношенію къ гигіенѣ школы и учащихся, однако, въ ожиданіи появленія таковаго въ печати, сочиненіе д-ра Тезякова можетъ быть рекомендовано слушателямъ лѣтнихъ курсовъ.

Не имѣя достаточно времени для обработки лекцій, авторъ не разсчитывалъ ихъ печатать, однако, въ силу настоянія Воронежской губернской земской управы, рѣшился на изданіе ихъ въ томъ именно видѣ, какъ онѣ были читаны. Изданіе, должно замѣтить, вышло весьма недурное, при дальнѣйшихъ же дополненіяхъ и исправленіяхъ оно обѣщаетъ на будущее время съиграть роль одного изъ наиболѣе подходящихъ общедоступныхъ краткихъ учебниковъ по гигіенѣ на русскомъ языкѣ.

Все сочиненіе состоитъ изъ семи главъ. Въ первой главѣ авторъ даетъ понятіе о гигіенѣ и указываетъ въ общихъ чертахъ на неудовлетворительное состояніе школьной обстановки и учащихся въ

народныхъ школахъ, ссылаясь, между прочимъ, на изслѣдованія врачей въ школахъ Воронежской губерніи, Петербургскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ. Во второй главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія по анатоміи и физіологіи кровеобращенія и дыханія; затѣмъ излагаются необходимыя подробности о составѣ и измѣненіяхъ воздуха жилыхъ помѣщеній, описываются естественная и искусственная вентиляція, отопленіе; наконецъ, говорится о размѣрахъ классныхъ комнатъ, о прихожей и о помѣщеніи учителя. Третья глава касается подробностей почвы (кстати—отхожихъ мѣстъ), воды и ея очищенія, и освѣщенія классовъ. Въ четвертой главѣ излагаются правила устройства школьныхъ столовъ, а въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «гигіена учебнаго времени», говорится о возрастѣ учащихся (время поступленія въ школу), о распредѣленіи часовъ занятій, о продолжительности уроковъ и перемѣнъ, объ обученіи письму, о пѣніи, гимнастикѣ, наказаніяхъ и о рукодѣліяхъ. Послѣднія три главы относятся къ ознакомленію съ заразными болѣзнями (корь, краснуха, скарлатина, оспа, тифъ, дизентерія, дифтеритъ, коклюшъ, свинка, трахома, сифилисъ, чесотка) и вкратцѣ касаются дезинфекціи и мѣръ къ предотвращенію распространенія названныхъ болѣзней въ средѣ учащихся.

Авторъ видимо хорошо знакомъ съ русской, но не съ иностранной литературой по школьной гигіенѣ, и потому ссылки его на подробности нашихъ школъ и нашихъ учащихся носятъ характеръ наглядности, жизненности, а тѣмъ самымъ—и убѣдительности. Къ этому авторъ обладаетъ достаточнымъ опытомъ по части жизни школы вообще и учащихся въ частности, и потому многія мѣста его сочиненія отличаются большою практичностью и знаніемъ сути дѣла, какъ это видно будетъ читателю, напримѣръ, изъ слѣдующей выдержки: «Продолжительное сидѣніе на одномъ мѣстѣ,—говоритъ авторъ,—истомляетъ ребенка сильнѣе, чѣмъ тяжелая работа. Во время занятій въ школѣ дѣтскій умъ сильно напрягается; отъ такой непривычной для мозга работы, послѣдній скоро устаетъ; эта усталость мозга, его утомленіе, выражается вялостью, тупостью пониманія и сонливостью ученика. Никакія мѣры строгости, никакая дисциплина не заставятъ такого ученика сдѣлаться внимательнымъ; единственное при этомъ вѣрное средство—дать возможность утомленному ученику подышать на улицѣ чистымъ воздухомъ, побѣгать, порѣзвиться... Все это учителю нужно знать, и не преслѣдовать учениковъ за лѣнь тамъ, гдѣ имѣется лишь независящее отъ воли ребенка утомленіе его дѣтскаго мозга. А такъ какъ дѣтскій организмъ не выноситъ продолжительнаго усиленнаго напряженія, то перерывъ занятій долженъ совершаться возможно чаще». Все это

очевидно взято прямо изъ жизни. Таковы-же соображенія автора по поводу наказаній, тѣлесныхъ упражненій и т. п.

Нѣкоторыя части сочиненія обработаны сравнительно подробнѣе, напр., объ устройствѣ школьныхъ столовъ, о письмѣ, о заразныхъ болѣзняхъ, хотя, съ другой стороны, какъ-то странно, что упущены изъ виду такія статьи, которыя обращаютъ на себя особое вниманіе большинства гигіенистовъ, а именно: шрифты руководствъ, ручной трудъ, спеціально-школьныя болѣзни (головныя боли, искривленія позвоночника и т. д.), если же о нихъ и упоминается, то мимоходомъ. Такъ, на стр. 57 говорится: «Многія школьныя болѣзни, какъ-то: близорукость, искривленіе позвоночника, затруднительность дыханія, приливы венозной и артеріальной крови и пр., своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, обязаны сидѣнью учениковъ за дурно устроенными партами». Это слишкомъ лаконично, а также и не вполнѣ вѣрно. Парты служатъ одною изъ причинъ, и притомъ второстепенною, означенныхъ недуговъ, но отнюдь не единственною.

Частью поспѣшностью изданія, частью заимствованіемъ изъ недостаточно достовѣрныхъ источниковъ объясняются, вѣроятно, слѣдующія положенія, требующія при второмъ изданіи устраненія или поправокъ. Такъ, на стр. 25 сказано, что дѣти нуждаются въ большемъ количествѣ воздуха, нежели люди взрослые. Да, но только относительно, а не абсолютно, и потому на учащагося считается достаточнымъ до 15 куб. метр. воздуха въ часъ по Морэну, а на взрослаго до 60 куб. метр. Затѣмъ, по словамъ автора, наружный холодный воздухъ, вступая черезъ открытую фрамугу въ комнату, долженъ разстилаться подъ потолкомъ, между тѣмъ какъ онъ обыкновенно прямо направляется книзу и разстилается по полу. Что гигіенисты допускаютъ на одного ученика въ классѣ 11 куб. арш. (менѣе 1/3 куб. саж.) объема, должно признать неточнымъ, такъ какъ, сколько намъ извѣстно, половина куб. сажени (13½ куб. арш.) считается цифрою минимальною. Что труба надъ выгребомъ отхожаго мѣста будетъ вытягивать оттуда вонючіе газы—дѣло условное: она можетъ и не можетъ вытягивать, смотря по взаимному отношенію температуры выгреба и трубы.

Неподходящимъ мы считали бы употребленіе авторомъ мѣръ русскихъ, не только потому, что врачи въ настоящее время уже начинаютъ пользоваться метрическими мѣрами, но и потому, что послѣднія удобнѣе, да, пожалуй, и толковѣе русскихъ. Считать, напр., какъ видно на стр. 20, объемъ легочнаго воздуха на штофы или на ведра оказывается отнюдь не болѣе нагляднымъ, нежели считать на кубическіе центиметры или литры. Равнымъ образомъ, измѣрять длину роста тѣла или предметовъ вершками, а не центиметрами, тоже

нельзя признать удачнымъ, хотя бы и въ виду русскихъ учителей. Нельзя назвать пригодными совѣтами слѣдующіе: вытирать парты и окна *сухою* тряпкою (34); давать лихорадящему больному для питья какое-либо вино (95); устраивать для вывода испорченнаго комнатнаго воздуха отверстія въ стѣнѣ у самаго потолка (30); употреблять для очистки воды квасцы, не упоминая срока, когда она будетъ годна для питья (50). Мы не говоримъ, сверхъ того, о нѣсколькихъ непріятныхъ опечаткахъ, вкравшихся въ текстъ, какъ, напр., Гигія (богиня) вмѣсто Гигіэя (6), сосуды волостные вмѣсто волосные (14), пространство вмѣсто разстояніе и нѣкоторыя другія.

Наконецъ, не думая вступать въ споръ съ авторомъ относительно преимуществъ косого или прямого почерка и относясь съ полнымъ одобреніемъ къ осторожности, съ какою онъ говоритъ о томъ и другомъ, мы не можемъ не назвать странною ссылку его, въ доказательство преимущества прямого почерка, на опытъ одного учителя чистописанія, тогда какъ автору должно-бы быть извѣстно, что наблюденія и эксперименты надъ почеркомъ требуютъ гораздо большей спеціальной (медицинской) подготовки, нежели та, какою владѣетъ любой педагогъ...

Въ общемъ сочиненіе д-ра Тезякова производитъ, какъ мы уже сказали, весьма отрадное впечатлѣніе: оно проводитъ трезвый, разумный взглядъ на оздоровленіе школы и учащихся и вноситъ въ умы учителей и учительницъ ясное пониманіе тѣхъ недостатковъ и вредныхъ сторонъ школы и ученія, какими страдаютъ эти послѣднія вслѣдствіе полнаго незнакомства педагоговъ съ основными положеніями общей и спеціально-школьной гигіены. Въ виду, однако, желательности дальнѣйшихъ изданій сочиненія, наибольшаго его распространенія и наибольшей пользы и общедоступности, мы считаемъ цѣлесообразнымъ обратить вниманіе автора еще на слѣдующее.

Распредѣленіе матеріала сочиненія крайне неравномѣрно. Болѣе всего отведено мѣста описанію заразныхъ болѣзней (до трети книги), менѣе же всего—школьно-гигіеническимъ подробностямъ, между тѣмъ какъ послѣднія и болѣе необходимы, и болѣе доступны лицамъ учащимъ, кстати и непосвященнымъ въ медицину. Затѣмъ, авторомъ недостаточно выяснена связь между антисанитарными условіями школы и здоровьемъ учащихся; онъ только мѣстами и какъ бы мимоходомъ указываетъ причинное отношеніе той или другой вредной детали школы къ здоровью. На стр. 28, напр., говорится, что «всякое упущеніе, всякая небрежность въ постройкѣ зданія школы (по отношенію къ вентиляціи) отразится вредно на здоровьѣ учениковъ, а черезъ это и на ея (ихъ) успѣхахъ». Подобная лаконичность едва ли можетъ содѣйствовать выясненію дѣла...

Анатомо-физіологическія данныя въ сочиненіи касаются только вкратцѣ кровеобращенія и дыханія, тогда какъ о другихъ отправленіяхъ организма совсѣмъ не упоминается. Положимъ, описанныя авторомъ кровеобращеніе и дыханіе важны для усвоенія слушателями значенія воздуха въ жизни человѣка, однако отправленія нервной системы, въ особенности же мозга, слѣдуетъ признать не менѣе существенными для организма учащагося, какъ работающаго преимущественно мозгомъ, и, конечно, не менѣе заслуживающими вниманія и со стороны автора. Да и вообще, если разъ дѣло касается изложенія анатомическихъ данныхъ, то они должны быть, по крайней мѣрѣ основныя изъ нихъ, сообщаемы во всей ихъ совокупности, а не отрывочно. Вообще, анатомическія и школьно-гигіеническія свѣдѣнія могли бы быть значительно увеличены и развиты насчетъ патологическихъ, а отъ этого самаго усилилось бы и значеніе сочиненія для слушателей-педагоговъ.

Не смотря, однако, на упомянутые недочеты сочиненія, вполнѣ понятные при спѣшности изданія и по новизнѣ предмета, мы, повторяемъ, должны признать за авторомъ несомнѣнный талантъ по части популяризированія гигіеническихъ свѣдѣній и заслугу распространенія ихъ въ средѣ именно тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ наиболѣе нуждаются, т. е. въ средѣ руководителей въ дѣлѣ начальнаго образованія. **А. Виреніусъ.**

Д-ръ Статкевичъ. Общедоступныя бесѣды о человѣческомъ тѣлѣ. Изд. музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ. (Воскресныя объясненія коллекцій музея для народа). Съ 16 рис. М. 1898. Ц. 15 коп.

Въ этой брошюркѣ, содержащей 42 стр. октава и приноровленной къ объясненію коллекцій музея, заключаются два отдѣла: I — кровеобращеніе и питаніе тѣла и II — выдѣленіе изъ тѣла отработавшихъ веществъ. Такимъ образомъ и по содержанію, и по заглавію видно, что брошюрка не можетъ быть причислена ни къ разряду общедоступныхъ учебниковъ, ни къ разряду общедоступныхъ трактатовъ, объ организмѣ человѣка. Такъ какъ книжка приноровлена къ музейскимъ коллекціямъ, то въ изложеніи статей замѣчается нѣкоторая отрывочность и непропорціональность. Напримѣръ, въ статьѣ о кровеобращеніи сказано о томъ, что кровь въ тѣлѣ человѣка заключена въ кровеносныхъ сосудахъ, имѣющихъ сократимыя стѣнки и что она движется въ этихъ сосудахъ. Затѣмъ, послѣ схематическаго объясненія дѣйствія сердечнаго насоса, изложено строеніе сердца, его дѣятельность и нѣкоторыя болѣзненныя его разстройства. Въ статьѣ о питаніи разсматривается

пищевареніе (строеніе зубовъ, питательныя тѣла, пищеварительныя железы и пищевареніе) и дыханіе (легкія, дыхательныя движенія). Обо всемъ перечисленномъ говорится кратко, но ясно и просто. Во второмъ отдѣлѣ разсматриваются: процессъ выдѣленія легкими углекислаго газа, кала — кишечникомъ, мочи—почечными железами и пота—потовыми железами. Рисунки по большей части удовлетворительные. Не смотря на нѣкоторую неполноту, книжка даетъ ясное и правильное представленіе о наиболѣе доступныхъ для наблюденія процессахъ человѣческаго тѣла. Н. К.

Джонъ Морлей. Воспитательное значеніе литературы. Перев. съ англійскаго Гольдмерштейна.

Джонъ Морлей, авторъ извѣстной русской читающей публикѣ работы о Руссо, небезызвѣстный и политическій дѣятель либеральной партіи англійскаго парламента, выступилъ недавно съ брошюрой, заглавіе которой мы выписали выше. Рѣчь въ этой статьѣ идетъ по поводу «народныхъ университетовъ», этого симпатичнѣйшаго движенія въ Англіи, широко захватывающаго интересы народнаго образованія и въ другихъ странахъ. «Ни одно движеніе,—говоритъ авторъ,—не можетъ быть болѣе разумно демократическимъ, чѣмъ движеніе, которое хочетъ дать сѣверному рудокопу или лондонскому рабочему столь-же точное и столь-же обширное знаніе, какъ если-бы онъ побывалъ въ Оксфордѣ или Кембриджѣ». Какова роль литературы въ этомъ народномъ образованіи и каково воспитательное значеніе ея? Одно возраженіе противъ широкаго изученія литературы встрѣчается наиболѣе часто: говорятъ, что очень трудно заинтересовать большое количество людей въ предметахъ, которые, повидимому, не имѣютъ никакого прямого отношенія къ практической работѣ повседневной жизни. Многіе не хотятъ изучать литературу для нея самой или вообще изучать что-бы то ни было, не имѣющее видимаго, прямого вліянія на жизнь каждаго дня. Ближайшее приближеніе вкуса къ литературѣ сказывается въ извѣстномъ спросѣ на обученіе исторіи съ нѣкоторой примѣсью современной политики. Короче говоря, спросъ на литературное образованіе очень невеликъ (стр. 11—12).

Джонъ Морлей внимательно разсматриваетъ это возраженіе и приходитъ къ выводу, раньше еще высказанному Ньюманомъ, что «цѣль литературнаго воспитанія—поправить умъ, сдѣлать его болѣе утонченнымъ, дать ему возможность понимать и перерабатывать знанія, дать ему власть надъ своими способностями, гибкость, методъ, критическую точность, правильность и выразительность». «Занимаясь

литературой,—утверждаетъ авторъ,—вы изучите самую важную часть исторіи. Знаніе литературы даетъ устойчивость и крѣпость характеру, оно даетъ намъ взглядъ на тотъ базисъ, на которомъ мы стоимъ. Она создаетъ прочную опору познанія прошедшихъ дѣлъ, она учитъ насъ и защищаетъ противъ возможности быть захваченнымъ врасплохъ или обманутыми событіями» (стр. 32). Кромѣ разныхъ утѣхъ жизни, самая лучшая вещь для счастья и для долга—стремиться жить въ обиходной жизни «съ разумными мыслями и справедливыми чувствами. Литература помогаетъ намъ болѣе, чѣмъ всякія другія занятія, въ наиболѣе желательномъ единеніи съ мудрыми мыслями и добрыми чувствами»... Такова точка зрѣнія на обще поставленный Джономъ Морлеемъ вопросъ о воспитательномъ значеніи литературы. Къ сожалѣнію, переводъ названной нами брошюры во многихъ мѣстахъ весьма неудовлетворителенъ.

И. Ж.

Сборникъ избранныхъ произведеній А. С. Пушкина для школъ. Со статьей о Пушкинѣ и съ примѣчаніями *Н. Ѳ. Бунакова.* Изд. журн. «Русскій начальный учитель». Спб. 1899 г.

Среди многочисленныхъ изданій по поводу 100-лѣтія рожденія великаго поэта, указанная нами книга рѣшительно представляетъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ сборниковъ лучшихъ произведеній Пушкина въ полномъ текстѣ или въ отрывкахъ, которыя связаны между собою краткимъ изложеніемъ пропущеннаго. Произведенія выбраны умѣло, изложеніе и примѣчанія отличаются краткостью и ясностью. Кромѣ 20 прекрасныхъ стихотвореній поэта, въ «Сборникѣ» помѣщены: «Сказка о царѣ Салтанѣ» (съ небольшими пропусками), «Утопленникъ», «Галубъ», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» (въ примѣчаніи помѣщенъ соотвѣтствующій отрывокъ изъ «Лѣтописи Нестора» и переводъ его на современный языкъ), «Полтава» (съ пропусками), «Капитанская дочка» (пропуски здѣсь значительны, такъ какъ авторъ стремился къ возможно меньшему объему сборника, предназначеннаго для школъ). Далѣе слѣдуютъ сцены изъ «Бориса Годунова»: первая въ Кремлевскихъ палатахъ, въ кельѣ Чудова монастыря, три сцены въ царскихъ палатахъ (Достигъ я высшей власти, Годуновъ съ дѣтьми, смерть Годунова), послѣдняя сцена убіенія дѣтей Бориса, остальныя сцены переданы въ сжатомъ пересказѣ. Изъ «Мѣднаго Всадника» взяты строфы, описывающія Петербургъ, изъ «Евгенія Онѣгина»—тѣ мѣста, въ которыхъ характеризуются картины русской природы и жизни. Въ началѣ «Сборника» помѣщена прекрасно составленная г. Бунаковымъ біографія Пушкина: она написана кратко, выразительно и замѣчательно просто и изящно. Для образца того,

какія примѣчанія приводитъ составитель, позволяемъ себѣ выписать небольшую замѣтку его къ балладѣ «Утопленникъ». Вотъ она: «Содержаніемъ для разсказа послужило народное преданіе. Въ этомъ преданіи выражается народное вѣрованіе, что погребеніе усопшаго есть нравственный долгъ всякаго человѣка, и что уклоненіе отъ нравственнаго долга неизбѣжно влечетъ за собою наказаніе. Причиной-же такого уклоненія отъ нравственнаго долга здѣсь представляется тотъ старый судъ, который дѣйствовалъ у насъ до «Судебныхъ Уставовъ» Александра II-го (стр. 27).

Въ «Сборникѣ» около 190 страницъ, изданіе отличается аккуратностью, бумага и шрифтъ хороши, цѣна самая умѣренная: на обложкѣ значится, что цѣна книги для школъ 20 к., въ отдѣльной продажѣ 30 коп. **И. Ж.**

А. Швейцеръ. «Полный курсъ элементарной русской грамматики и письменныя грамматическія упражненія. Преимущественно для учащихся тѣхъ мѣстностей, въ коихъ населеніе не коренное русское. 1899 г. Спб.-Варшава. Ц. 40 к.

Въ 1894 году мы останавливали вниманіе читателя «Русск. Школы» на добросовѣстномъ трудѣ г. Шельцеля «Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ *инородческихъ школахъ*». «Въ противоположность грамматическому», авторъ назвалъ свой методъ «натуральнымъ», «реальнымъ». Преподаваніе русскаго языка въ этомъ случаѣ съ самаго перваго момента должно основываться на непосредственномъ ознакомленіи учениковъ съ извѣстнымъ предметомъ, съ его свойствами, должно быть *тѣсно связано съ выслушиваніемъ и выговариваніемъ русскихъ словъ безъ содѣйствія родного языка.*

По свидѣтельству г. Шельцеля, «реальный методъ» съ успѣхомъ практиковался въ Одесскомъ округѣ, гдѣ учениками являлись дѣти *нѣмецкихъ* колонистовъ. Но наше отечество изобилуетъ различными инородцами. Въ чистомъ своемъ видѣ реальный или естественный методъ, думается, и примѣнимъ въ тѣхъ именно школахъ, гдѣ обучаются дѣти съ роднымъ языкомъ, ни мало не обратившимся въ *мертвый*. Но имѣются у насъ и другіе инородцы: народность ихъ справедливо числитъ за собою богатѣйшую *старую* литературу, тогда какъ *собственный живой* языкъ почти совсѣмъ утраченъ. Таковы евреи. Обучая русскаго мальчика нѣмецкому или французскому языку по строго естественному методу, вы, навѣрно, добьетесь извѣстныхъ результатовъ. Но умѣстенъ-ли такой методъ обученія въ школѣ, гдѣ еврей-ученикъ (правда, пользуясь по временамъ и своимъ *жар-*

ономъ) и говоритъ, и думаетъ объ иныхъ предметахъ прямо *по-русски?* И г. Швейцеръ, составитель книжки *для инородцевъ*, слѣдуетъ обыкновенному «грамматическому» методу. Но, къ сожалѣнію, г. Швейцеръ возлагаетъ уже слишкомъ большія надежды на грамматику. По его довольно рискованному мнѣнію, инородцевъ надо какъ можно раньше и больше подкармливать грамматикой.

Мы совершенно не раздѣляемъ взгляда, что огромный догматическій матеріалъ по части грамматики цѣлесообразенъ для инородческихъ школъ. Все *возможное* сдѣлаетъ одна только практика, бесѣды и чтеніе. Для проработки-же на письменныхъ упражненіяхъ хотя-бы одного *глагола* по книжкѣ г. Швейцера,—проработки маломальски производительной,—потребна цѣлая уйма времени, и не малый трудъ, положенный авторомъ названной грамматики, принесетъ свои плоды развѣ въ томъ смыслѣ, что книжка г. Швейцера пособитъ иному, какъ справочникъ. Но и тутъ пріятнѣе была-бы бо́льшая безупречность текста. Къ нелегкой задачѣ систематизаціи и опредѣленія многочисленныхъ грамматическихъ терминовъ и положеній авторъ относится старательно и серьезно, однако это не всегда и ему удается. Въ иныхъ обобщеніяхъ и замѣчаніяхъ г. Швейцеръ обнаруживаетъ скорѣе рѣшительность, нежели *научную* убѣдительность. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что книжка автора нуждается въ усовершенствованіяхъ. На стр. 15 «*уменьшительныя дѣлятся* на *ласкательныя* и *уничижительныя*, выражающія презрѣніе», и въ послѣднюю категорію довольно смѣло отнесено и слово *дубина*. Развѣ *ин* является тутъ суффиксомъ *уменьшительныхъ?* на стр. 24: «солнце—мн. ч. *солнцы*»; на стр. 27: «*спустя*» оказывается предлогомъ; на стр. 33 и слѣд. степени сравненія на примѣрахъ толкуются черезчуръ свободно: «далекій, дальнѣйшій, самый далекій» и «далекъ, далѣе, дальше, самый далекій», «густой, болѣе густой, густѣйшій, густъ, гуще, очень густъ» и т. д.; на стр. 57 едва-ли удобопонятно поясняется, что «причастіе есть отглагольное прилагательное и означаетъ *признакъ предмета сообразно съ его дѣйствіемъ*; на стр. 50 «буква *д* переходитъ въ *ж, з*,—погрѣшность въ выраженіи для учебника непростительная; на стр. 61: «глаголъ *болѣть* также имѣетъ двоякое настоящ. врем., но значеніе двухъ этихъ формъ различное: 1) болѣю (больной), болѣешь (чѣмъ? головой, зубами); 2) я *болю*, болишь, болитъ и т. д. (членъ какой-нибудь болитъ: голова)».—въ книжкѣ для инородцевъ особливо полезно удерживаться отъ излишняго филологическаго творчества въ такомъ вкусѣ; на стр. 63: «чаще всего, прибавляя предлогъ къ какому-нибудь простому глаголу, мы измѣняемъ *не только видъ его*, но въ *нѣкоторой* степени (только?) и его *значеніе*»,—ученикъ при этомъ

въ полномъ правѣ думать, что русскіе глагольные виды водились гдѣ-то въ природѣ, и нашъ соотечественникъ затѣмъ *иногда* приручалъ ихъ для осмысливанія нѣкоторыхъ словъ; на стр. 69 къ выраженію по *два* человѣка» сдѣлана выноска: «*неправильный* винительный падежъ»,—а не лучше-ли было-бы ученику-еврею (въ евр. яз. имѣется *двойственное* число) кстати сообщить кое-что о *двойств*. числѣ въ старомъ русскомъ языкѣ? и т. д.

Письменныя упражненія у г. Швейцера подобраны въ обычномъ нынѣ родѣ: данъ такъ называемый зрительный диктантъ, предложены работы на подыскиваніе подлежащаго, сказуемаго, «матеріалъ для разбора» и пр. Г. Швейцеръ совершенно основательно не пускается въ сочинительство, а пользуется для задачъ своихъ главнѣйшими пословицами или коротенькими отрывками изъ лучшихъ литературныхъ образцовъ. **А. Налимовъ.**

Библіотека дѣтскаго чтенія. «Сестра милосердія». П. А. Сергѣенка. Москва 1899 г.

Маленькая Таня пріѣхала съ матерью на короткое время въ чужой городъ, заболѣла коклюшемъ, и такъ какъ никто,—и родная тетка ея, и хозяинъ гостинницы, куда они должны были переѣхать отъ родныхъ,—не хотѣлъ держать больную дѣвочку, боясь заразы, то дѣвочка была помѣщена вмѣстѣ съ матерью въ больницу при общинѣ сестеръ милосердія. Болѣзнь была тяжелая; Таня чуть не умерла и была спасена только благодаря самоотверженному и умѣлому уходу кроткой, всегда печальной сестры милосердія Калитиной. Эта молодая, богатая женщина незадолго передъ тѣмъ потеряла своего единственнаго ребенка, впала въ полное уныніе и едва не покончила съ собой. Докторъ, лечившій ее, посовѣтовалъ облегчить свое страданіе сочувствіемъ къ чужому горю. облегченіемъ страданій другихъ. По его совѣту, она поступила въ сестры милосердія. Къ первой своей больной—Танѣ—она привязалась всей душой и выходила ее. Родители Тани умоляли Калитину поѣхать съ ними, жить у нихъ ради полюбившейся ей дѣвочки, но она осталась въ больницѣ, чтобы жить для другихъ страдающихъ.

Образъ сестры милосердія очень симпатиченъ, причемъ въ немъ нѣтъ ни малѣйшей фальши и дѣланности; самоотверженіе ея проявляется не въ словахъ, а на дѣлѣ, и не въ крупныхъ, бросающихся въ глаза поступкахъ, а въ ежедневной, маленькой, незамѣтной дѣятельности. Вообще разсказъ очень правдивъ, производитъ впечатлѣніе описанія дѣйствительно пережитого событія, написанъ просто и хорошо. Единственнымъ недостаткомъ его является растянутость:

ходъ болѣзни дѣвочки, способъ ея леченія день за днемъ описываются во всѣхъ подробностяхъ (такъ и кажется, что авторъ долженъ быть самъ докторомъ). Отъ такой растянутости ослабляется впечатлѣніе, которое должна-бы произвести главная героиня разсказа—сестра милосердія. Но вниманіе читателя больше всего останавливается на маленькой больной, на ея капризахъ, радостяхъ, и образъ самоотверженной сестры милосердія блѣднѣетъ. Это слишкомъ подробное описаніе болѣзни должно-бы сдѣлать разсказъ скучнымъ, однако дѣти читаютъ его съ удовольствіемъ. Вѣроятно, это происходитъ оттого, что длинноты изложенія выкупаются искреннимъ тономъ его.

Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Бернетъ. («Сара Кру». Повѣсть. «Воръ Эдифи». Разсказъ). Цѣна 25 к.

Оба произведенія, помѣщенныя въ этой книжкѣ съ хорошенькой обложкой, общей всѣмъ дешевымъ изданіямъ Лавровой и Попова, отличаются выдающимися достоинствами. И въ повѣсти, и въ разсказѣ дѣйствующими лицами являются исключительныя дѣти, поставленныя въ особую обстановку, мало соотвѣтствующую реальной жизни. Характеръ дѣтей, тонъ рѣчей, особенности дѣтской натуры переданы съ такой реальностью, наивной трогательностью и простотой, какая встрѣчается только въ англійской дѣтской литературѣ и заставляетъ и взрослыхъ читать эти произведенія съ интересомъ. Содержаніе повѣсти болѣе романично и полно дѣйствія, нежели совершенно простая фабула разсказа. Сара, дочь полковника Кру, привезена изъ Индіи въ Лондонъ и отдана въ пансіонъ миссъ Минчинъ, гдѣ въ началѣ ее баловали; но когда отецъ Сары разорился и умеръ, жизнь ея измѣнилась. Изъ любимой воспитанницы она обратилась въ служанку, которой помыкали и гордость которой всячески старались сломить. Но маленькая Сара храбро отстаивала свою внутреннюю независимость и бодро переносила жизненныя невзгоды, благодаря своей способности мечтами украшать печальную дѣйствительность. По счастью, судьба благопріятствовала бѣдной дѣвочкѣ: пріятель отца, виновникъ его разоренія, впослѣдствіе разбогатѣвшій, оказался сосѣдомъ по дому. Онъ принялъ участіе въ заброшенной дѣвочкѣ, еще не зная, кто она, а затѣмъ, узнавъ, что это дочь его друга, удочерилъ ее, и мечты Сары осуществились. Она любима, богата и можетъ помогать всѣмъ, кто страдаетъ, такъ какъ страданіе и нужду она научилась понимать въ тяжелое время своей жизни. Взрослому человѣку бросается въ глаза нѣсколько неправдоподобное стеченіе благопріятныхъ для Сары обстоятельствъ, но для дѣтей отъ этихъ романическихъ подробностей разсказъ только вы-

игрываетъ въ интересѣ. Главнымъ центромъ разсказа является сама дѣвочка—живое, яркое лицо, талантливый, поэтическій, своевольный, оригинальный ребенокъ, способный на упорное сопротивленіе, способный на великодушный порывъ. Особенно хороша сцена, гдѣ голодная Сара отдаетъ купленныя ею на найденныя деньги булки нищей дѣвочкѣ.

«Воръ Эдифи»—граціозный, трогательный разсказъ. Героиня его, маленькая Эдифь, — нѣжная, наивная, любящая дѣвочка. Наслушавшись разсказовъ про воровъ, она жалѣетъ этихъ несчастныхъ людей, думая, что они лишены «преимуществъ образованія» и считаетъ необходимымъ относиться къ нимъ съ довѣріемъ и вѣжливостью, какъ ко всякому человѣку. Въ отсутствіе отца ночью воръ забирается къ нимъ въ домъ, и Эдифь, боясь, чтобы онъ не разбудилъ и не напугалъ мать, лаской проситъ его воровать потихоньку, указываетъ ему, что можно унести, проситъ не трогать любимыхъ вещей отца и матери и приноситъ ему, вмѣсто того, всѣ свои драгоцѣнности. Воръ сначала удивленъ и грубо смѣется надъ странной дѣвочкой, затѣмъ задумывается, однако же все-таки совершаетъ кражу. Но образъ кроткой самоотверженной дѣвочки запалъ въ его душу, и когда его въ скоромъ времени арестовали, онъ добровольно возвратилъ Эдифи ея золотыя вещи. Мало того: черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ она навѣстила его въ тюрьмѣ, неизвѣстный человѣкъ принесъ ей въ подарокъ старинные часы съ надписью: «Маленькой козочкѣ» отъ ея друга и доброжелателя лорда Гальгернокъ Эдвардъ Альберъ де-Пенповиль»—подъ этимъ именемъ представился воръ довѣрчивой дѣвочкѣ. Прелесть разсказа не столько въ сюжетѣ, сколько въ изображеніи милой дѣвочки. Вся сцена встрѣчи Эдифи съ воромъ ярко рисуетъ характеръ ребенка, ея серьезное, полное уваженія отношеніе къ вору, вѣра Эдифи, что онъ исполнитъ ея просьбу, готовность жертвовать всѣмъ для спокойствія матери; милая наивность, съ которой она убѣждаетъ вора оставить свое ремесло и сдѣлаться редакторомъ газеты, какъ ея папа,—все это дѣлаетъ образъ дѣвочки неотразимо-привлекательный. Не прибѣгая къ обычному въ дѣтской литературѣ эффекту, не заставляя вора сразу раскаяться и измѣниться, авторъ все же умѣлъ показать, что ласка, довѣріе, чистота душевная и преданность могутъ оказать дѣйствіе даже на самую загрубѣлую душу.

Смѣло можно рекомендовать эту книжку для чтенія дѣтямъ лѣтъ 10—12; она должна доставить имъ большое удовольствіе и произвести желательное впечатлѣніе.

Кругловъ, А. В. «Маленькимъ читателямъ». Разсказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста. Ц. 35 к. Изд. Спиридонова. М. 1899 г.

Новый сборникъ разсказовъ г. Круглова отличается всѣми достоинствами и недостатками, которые присущи произведеніямъ этого плодовитаго автора. Но достоинства разсказовъ—любовное отношеніе ко всему окружающему, добродушіе, правильный простой языкъ—совершенно затемняются существенными, еще болѣе рѣзко выраженными недостатками: значительною долею искусственности, дѣланности, отсутствіемъ яркости и живости и въ темахъ, и въ изложеніи.

Содержаніе большей части разсказовъ взято изъ дѣтской жизни: какъ дѣвочка вообразила себя музыкантшей и играла на игрушечной скрипкѣ подъ аккомпаниментъ воя своей собачки; какъ проказила дѣтская любимица кошка Муська; какъ мальчикъ на себѣ испыталъ, что̀ значитъ лишеніе свободы и поэтому рѣшилъ освободить пойманную птичку; какъ собачка погубила любимую куклу. Темы, какъ видитъ читатель, все простыя, вполнѣ дѣтскія; но въ разсказахъ г. Круглова онѣ выходятъ какими-то слащавыми, придуманными и нисколько не занимательными.

Еще менѣе удачны разсказы въ стихахъ: «Обманувшаяся лиса», «Медвѣдь проказникъ», «Ѳединъ грошикъ»,—особенно послѣдній.

Для образчика поэзіи г. Круглова вотъ, заключительное четверостишіе: «Надо будетъ,—Ѳедя думаетъ, — разспросить мнѣ все у Сенюшки, какъ отецъ его тамъ въ городѣ отдаетъ для росту денежки!»—совсѣмъ не по-дѣтски и не остроумно.

Такая искусственность, фальшивость особенно непростительна въ дѣтскихъ книгахъ, задача которыхъ—вносить въ чуткую, воспріимчивую душу ребенка сѣмена свѣта и добра, а не затемнять и не засаривать ея, пріучая къ дѣланности и искусственности. Пусть дѣти читаютъ мало, но читаютъ исключительно хорошія вещи и научаются любить и уважать книгу. Читая-же произведенія, подобныя этимъ разсказамъ г. Круглова, дѣти могутъ пріобрѣсти только привычку читать для процесса чтенія.

Альфонсъ Доде. «Прекрасная Нивернеза». Переводъ съ французскаго С. Круковской. Стр. 45. Ц. 30 к.

Этотъ хорошенькій разсказъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ выпущенъ дешевымъ изданіемъ (въ 3 к.) Харьковскимъ Обществомъ для содѣйствія народному образованію. Настоящее новое изданіе отличается отъ перваго только большею полнотою перевода, внѣшностью (напечатано на хорошей бумагѣ и украшено многими рисунками) и значительно болѣе высокою цѣною—30 к., вмѣсто 3-хъ к.

Фабула этого милаго разсказа очень не сложна. Лузо,—хозяинъ маленькаго стараго судна «Прекрасная Наверneза»,—будучи самъ бѣднякомъ, беретъ на воспитаніе брошеннаго на улицѣ крошку-мальчика, воспитываетъ его, какъ родного сына, а кроткій и любящій мальчикъ вноситъ въ пріютившую его семью много радостей и удовольствія. Мальчикъ подростаетъ и дѣлается помощникомъ своего воспитателя, какъ вдругъ получается извѣстіе, что отецъ мальчика нашелся: это—богатый плотникъ Можандръ, знакомый дядюшки Лузо. Юношу беретъ отецъ и отдаетъ въ лѣсное училище. Но юноша не можетъ привыкнуть къ школѣ, не можетъ забыть воспитавшей его семьи и привольной жизни на суднѣ. Онъ опасно заболѣваетъ, бредитъ только семьею Лузо, и Можандръ вызываетъ къ нему всѣхъ любимцевъ сына; юноша поправляется, женится на дочери Лузо, а самъ Лузо получаетъ отъ Можандра въ подарокъ новую «Прекрасную Нивернезу».

Написана повѣсть мастерскою рукою А. Доде, переведена хорошо и прочтется дѣтьми лѣтъ 10—12 съ большимъ удовольствіемъ.

А. Гуммель. На крайнемъ сѣверѣ. (Фритьофъ Нансенъ) (№ 2 журнала «Дѣтство»). Изд. Систематической библіотеки дѣтскаго чтенія. 1899. Ц. 15 к.

Книжка эта есть удачное, хотя и краткое изложеніе путешествія Ф. Нансена къ сѣв. полюсу. Авторъ сумѣлъ изъ обширнаго матеріала книги Нансена выбрать самое существенное и дать простую, наглядную и въ высшей степени рельефную картину странъ крайняго сѣвера и изображеніе тѣхъ трудностей, какія выпадаютъ на долю смѣльчаковъ, рѣшающихся проникать въ эту таинственную и интересную область. Книжка начинаетси краткимъ, но чрезвычайно вѣрнымъ описаніемъ природы крайняго сѣвера и условій жизни сѣверныхъ инородцевъ. Затѣмъ разсказывается краткая біографія Нансена и въ общихъ чертахъ излагается его путешествіе на «Фрамѣ» и на саняхъ къ сѣв. полюсу. Разсказъ производитъ большое впечатлѣніе и съ удовольствіемъ прочтется юными читателями, всегда способными безгранично увлекаться всякими проявленіями беззавѣтной отваги и нравственной красотою безкорыстнаго подвига.

Н. К.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Народная школа въ Австріи.—Высшія начальныя школы въ Ліонѣ.—Конгрессъ по внѣ-школьному образованію въ Антверпенѣ.—25-ти-лѣтіе организаціи University Extension въ Кэмбриджѣ.

Въ январьскомъ и февральскомъ нумерахъ нѣмецкаго педагогическаго журнала «Neue Bahnen» за нынѣшній годъ помѣщена статья, рисующая положеніе и судьбы народной школы въ Австріи за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Статья эта представляетъ собою извлеченіе изъ сочиненія г. Франка «Австрійская народная школа съ 1848 по 1898 г.», написаннаго по поводу представленной на юбилейной Вѣнской выставкѣ 1898 г. общей картины состоянія народной школы въ Австріи.

Статья начинается краткимъ историческимъ обзоромъ. По словамъ автора, за столѣтній періодъ ходъ развитія народной школы въ Австріи принималъ четыре различныхъ направленія, соотвѣтствовавшихъ общему теченію государственной жизни Австріи. Первое начало вмѣшательству правительства въ жизнь школы положилъ просвѣщенный абсолютизмъ въ лицѣ Маріи-Терезіи. «Школьный законъ Маріи-Терезіи поставилъ въ обязанность государству заботу объ элементарномъ образованіи дѣтей всѣхъ классовъ общества отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ. На основаніи этого закона Іосифъ II ввелъ принудительное посѣщеніе школъ, что встрѣтило сопротивленіе какъ со стороны достаточныхъ классовъ, желавшихъ самостоятельно распоряжаться образованіемъ своихъ дѣтей, такъ и низшихъ, которыя, не чувствуя потребности давать своимъ дѣтямъ образованіе, роптали на принужденіе. Поэтому, въ 1805 году принудительное посѣщеніе школы было отмѣнено и школьный возрастъ ограниченъ (отъ 6-ти до 12-ти вмѣсто 13-ти). Въ начальныхъ народныхъ школахъ того времени дѣти обучались только Закону Божію, чтенію, письму и счету; нѣсколько большее образованіе давали высшія народныя школы (Hauptschulen); всѣ школы вообще носили конфессіональный характеръ».

Однако развитіе дѣла народнаго образованія шло медленно и къ 1848 году во многихъ областяхъ не было ни одной школы, а тамъ, гдѣ онѣ были, обученіе велось очень плохо. Чтобы помочь дѣлу, открывались воскресныя школы, а съ 1816 года дополнительное образованіе было сдѣлано обязательнымъ до 15-ти-лѣтняго возраста; несмотря на это, результаты были очень плохи, отчасти вслѣдствіе неаккуратнаго посѣщенія школъ учениками, а отчасти вслѣдствіе краткости учебнаго времени (70 часовъ въ годъ). Надзоръ за школами до 1848 года находился въ рукахъ духовенства, но въ этомъ году основано было особое министерство народнаго просвѣщенія, бла-

годаря дѣятельности котораго общее положенiе школы значительно улучшилось. Высшiя народныя школы были преобразованы въ городскiя (Bürgerschulen) съ четырьмя классами, въ программу которыхъ было введено преподаванiе реальныхъ знанiй, рисованiя и иностранныхъ языковъ; образованiе учителей было нѣсколько повышено, содержанiе школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не препятствовало этому духовенство, возложено было на общины; въ надзорѣ за школами, кромѣ духовенства, начали принимать участiе и свѣтскiе чиновники.

Но наступившая реакцiя вскорѣ оказала влiянiе на жизнь школы: клиръ опять получилъ большое значенiе въ школьныхъ дѣлахъ, свобода учителей была стѣснена; учительскiя собранiя и союзы могли на своихъ конференцiяхъ заниматься только дѣлами мѣстной школы, а общiе учительскiе съѣзды были совершенно запрещены. Окончательное верховенство клира въ школьномъ дѣлѣ было установлено конкордатомъ 1855 года. Все обученiе въ народныхъ школахъ должно было быть проникнуто духомъ католической религiи. Изъ учебнаго матерiала, учебныхъ программъ, до крайности съуженныхъ, исключалось все противорѣчащее католическому вѣроученiю. Обученiе Закону Божiю было предоставлено исключительно духовенству, емуже принадлежалъ полный контроль надъ школьными учителями.

Новая реформа школы произведена была въ 1867 году. Послѣ битвы при Кениггрецѣ Австрiя убѣдилась въ значенiи народнаго образованiя, какъ средства поднятiя умственнаго и экономическаго уровня страны. Въ основныхъ законахъ 1867 г. была признана свобода образованiя подъ непосредственнымъ руководствомъ государства. О религiозномъ образованiи должна заботиться церковь или религiозная община, но свѣтское образованiе должно быть независимо отъ влiянiя клира. На этихъ основанiяхъ былъ изданъ имперскiй школьный законъ 1869 г., касавшiйся организацiи народной школы, ея обязанностей, сферы дѣйствiя общины, округа и области, а также провозглашавшiй отдѣленiе отъ церкви школы, которая признавалась свѣтскою. Въ учебный планъ народной школы было введено преподаванiе реальныхъ знанiй, рисованiе, гимнастическiя упражненiя и рукодѣлiе для дѣвочекъ. Срокъ обязательнаго обученiя былъ увеличенъ до 8-ми лѣтъ, для окончанiи курса школы поставлены обязательныя минимальныя требованiя. Содержанiе школы было возложено на общины, которыя пользовались субсидiей въ случаѣ нужды. Было обращено вниманiе и на подготовку учителей, для чего были учреждены правительствомъ спецiальныя учебныя заведенiя съ четырехгодовымъ курсомъ и со школой для практическихъ занятiй.

Съ тѣхъ поръ клерикальная партiя вступила въ борьбу изъ-за школы, съ тѣхъ поръ начался Schulkampf, продолжающiйся до настоящаго времени. До 1876 года австрiйская народная школа развивалась благополучно. Но въ 1874 г. разразился въ Австрiи тяжелый экономическiй кризисъ; народъ потерялъ вѣру въ стоявшую во главѣ правительства прогрессивную партiю; къ тому-же школьные налоги, при плохомъ экономическомъ состоянiи страны, казались населенiю слишкомъ обременительными, а 8-ми-лѣтнiй срокъ посѣщенiя школы слишкомъ продолжительнымъ. Клерикальная партiя воспользовалась этимъ положенiемъ дѣла и послѣ долгой борьбы все-же настояла на томъ, чтобы обязательное посѣщенiе школы сократить до 6-ти-лѣтняго срока, послѣ чего дѣти, не достигшiя 14 ти-лѣтняго возраста, могутъ посѣщать повторительныя или дополнительныя школы, занимаясь только по 4 дня въ недѣлю. Затѣмъ, все же подъ влiянiемъ клерикальной партiи, въ 1883

году былъ изданъ законъ, который ограничивалъ цѣли народной школы, отдѣлялъ отъ нея городскія школы, преобразованныя въ самостоятельныя трехклассныя училища, причемъ завѣдываніе подобными школами предоставлялось только тѣмъ изъ учителей, которые могли представить доказательства своей правоспособности преподаванія Закона Божія того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежало большинство учащихся данной школы. Но клерикалы не удовлетворились этимъ и не успокоились до сихъ поръ.

Въ 1888-мъ г. эта партія внесла въ парламентъ запросъ по поводу школьнаго закона и требовала конфессіональной школы, исключенія изъ программъ реальныхъ знаній, шестилѣтняго обязательнаго обученія и права надзора духовенства за школой; то-же повторилось и въ 1890-мъ г. Наконецъ, несмотря на то, что стремленія клерикальной партіи встрѣчали противодѣйствіе со стороны правительства, и въ 1897-мъ году она снова внесла въ парламентъ требованіе измѣненій въ школьномъ законѣ, а именно—раздѣленіе учениковъ по исповѣданіямъ или національностямъ, уменьшеніе числа лѣтъ обязательнаго обученія до 7-ми и даже до 6-ти, опредѣленіе числа уроковъ Закона Божія и т. п. Кромѣ того для достиженія своей цѣли клерикалы избрали и другой путь: они дѣятельно увеличиваютъ число конфессіональныхъ школъ и частныхъ школъ, содержимыхъ монастырями, конгрегаціями и духовными союзами. Этимъ союзамъ противостоятъ либеральные учительскіе союзы, которые работаютъ съ большой энергіей, и борьба за школу въ Австріи продолжается.

Современное состояніе народной школы въ Австріи не вездѣ одинаково. Въ областяхъ съ плохимъ экономическимъ положеніемъ, или тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа учительскаго персонала, требованія закона не выполняются на дѣлѣ. Такъ, въ Галиціи, въ 1890-мъ году, 800 школъ не имѣли учителей и 40.000 дѣтей не получали никакого образованія. Да и вообще изъ числа всѣхъ школъ Австріи въ 1890-мъ году 59% приходилось на одноклассныя, большинство которыхъ страдало переполненіемъ и недостаткомъ учебныхъ пособій. Дополнительныя школы (Fortbildungsschulen) также различно поставлены въ различныхъ областяхъ имперіи.

Къ сожалѣнію, авторъ указываемой статьи ограничивается этимъ краткимъ замѣчаніемъ и не даетъ никакихъ свѣдѣній о положеніи дополнительныхъ школъ въ Австріи; между тѣмъ школы этого рода представляютъ особый интересъ, такъ какъ въ учрежденіи ихъ видно стремленіе не ограничивать дѣло народнаго образованія одной начальной школой, а вести его дальше. Это же стремленіе выражается и въ организаціи высшихъ начальныхъ школъ, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы развились только недавно. Такъ, во Франціи только въ 1878-мъ году въ первый разъ въ бюджетъ былъ внесенъ расходъ въ 110.000 франковъ на содѣйствіе общинамъ въ открытіи высшихъ народныхъ школъ. Къ 1897-мъ году эта статья расхода возросла уже до 2.327.120 франковъ. Только въ 1886-мъ году былъ изданъ органическій законъ, оффиціально признававшій эти школы. Въ настоящее время во Франціи считается 293 высшихъ начальныхъ школъ (écoles primaires superieures) съ болѣе чѣмъ 30.000 учащихся, изъ которыхъ 21.500 мальчиковъ и около 9.000 дѣвочекъ. Эти школы, въ которыя поступаютъ дѣти 12—13-ти лѣтъ, по окончаніи ими курса начальной школы, не профессіональныя, а общеобразовательныя; онѣ пополняютъ и расширяютъ полученные дѣтьми въ начальныхъ школахъ начатки образованія и не преслѣдуютъ никакихъ прямыхъ утилитарныхъ цѣлей.

Въ октябрьской книжкѣ «Revue pedagogique» за 1898 г. помѣщена рѣчь г. Комперэ, ректора Ліонской академіи, произнесенная имъ при раздачѣ наградъ окончившимъ курсъ въ высшихъ начальныхъ школахъ Ліона. Въ рѣчи своей ректоръ, указывая на громадное значеніе этихъ школъ, опровергаетъ нападки ихъ противниковъ, утверждающихъ, подобно нашимъ противникамъ расширенія общаго народнаго образованія, что эти школы создаютъ des déclassés, т.-е. неудачниковъ, отставшихъ отъ своей среды, отъ своего класса общества и не приставшихъ къ другимъ, и укоряющихъ ихъ за то, что онѣ не даютъ спеціальнаго, практическаго образованія.

Указывая на громадное значеніе для всей страны поднятія уровня общаго образованія въ народѣ и на выдержанный законченный учебный планъ высшихъ начальныхъ школъ, Комперэ приводитъ фактическія доказательства того, что ученики этихъ школъ находятъ себѣ дорогу въ жизни и не увеличиваютъ собою числа неудачниковъ, кандидатовъ на казенныя чиновническія должности. Въ доказательство онъ приводитъ статистическія свѣдѣнія за 1896-й г. объ окончившихъ курсъ въ школахъ Ліона. Изъ 277 мальчиковъ 57 поступили служащими въ торговые дома, 53—служащими или рабочими въ ремесленныя заведенія, 73—вернулись къ родителямъ и занимаются тѣмъ-же дѣломъ, что и ихъ отцы—торговлей, ремесломъ и даже земледѣліемъ; многіе поступили въ спеціальныя профессіональныя школы Ліона. Процентъ дѣтей, поступающихъ въ эти высшія начальныя школы, не очень великъ; такъ, на 20—25.000 учениковъ начальныхъ школъ Ліона только около тысячи поступили въ эти школы. Для остальныхъ, правда, имѣются различные вечерніе курсы, воскресныя школы, лекціи, все то дѣло внѣшкольнаго обученія, которое французы называютъ oeuvre post-scolaire, но, по мнѣнію г. Комперэ, все это палліативы, а наибольшее значеніе все же имѣетъ именно школа, продолжительныя, правильныя, систематическія школьныя занятія, дѣйствующія дисциплинирующимъ образомъ на умъ.

Такое мнѣніе Комперэ, однако, не раздѣляется большинствомъ. Дѣлу внѣ-школьнаго народнаго образованія, принимающему все болѣе и болѣе широкіе размѣры и разнообразныя формы, придается все большее значеніе. По словамъ бельгійскаго педагога Гюберланда, даже сама школа имѣетъ значеніе только какъ подготовка къ этому самостоятельному, непринудительному послѣ-школьному образованію. «Il faut un lendemain à l'école, et l'école n'est faite que pour ce lendemain»,—такъ выразился онъ на конгрессѣ въ Антверпенѣ, состоявшемся 28, 29 и 30 августа 1898-го г. Этотъ конгрессъ «Le congrés post-scolaire» (конгрессъ по поводу послѣ-школьнаго образованія) былъ организованъ гимнастическимъ обществомъ «королевской федераціи ревнителей школьной гимнастики» (Federation royale des propagateurs de la gymnastique scolaire) основаннымъ профессорами и учителями съ цѣлью популяризаціи раціональной гимнастики. Общество это основано 20 лѣтъ назадъ и при составленіи устава въ него внесенъ былъ слѣдующій параграфъ: «Дѣятельность федераціи можетъ касаться всего, что имѣетъ отношеніе къ умственному и нравственному воспитанію юношества». На основаніи этого параграфа, впервые нынѣшній конгрессъ, кромѣ вопроса, касавшагося спеціальной цѣли общества, а именно «организаціи физическаго образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ», поставилъ еще другой вопросъ, касающійся внѣшкольнаго образованія. Этотъ вопросъ, поставленный первымъ на очередь, былъ формулированъ такъ: «Необходимость учрежденій

и мѣропріятій съ цѣлью доставленія по окончаніи курса начальной школы благъ физическаго, умственнаго и нравственнаго образованія всѣмъ дѣтямъ (мальчикамъ и дѣвочкамъ), какъ тѣмъ, которыя не посѣщаютъ никакихъ школъ, такъ и посѣщающимъ курсы для взрослыхъ и спеціальныя школы».

Конгресъ былъ международный. Представителемъ Россіи на конгрессѣ былъ г. Моръ, директоръ 6-й гимназіи въ Петербргѣ, представителемъ Франціи—Эдуардъ Пти (Edouard Petit), помѣстившій краткій отчетъ о конгрессѣ въ «Revue pedagogique» за октябрь 1898 года. Главный интересъ, по его словамъ, заключался въ докладѣ г. Лесуара, директора средней школы; главную мысль доклада онъ выразилъ въ слѣдующемъ тезисѣ: гимнастика уже вошла въ школы; пришло время заставить школу войти въ гимнастику. Онъ требуетъ, чтобы комитеты и бюро всѣхъ гимнастическихъ обществъ присоединились къ дѣлу народнаго внѣ-школьнаго образованія, организуя лекціи, курсы, конференціи, ставя своей цѣлью развивать умъ одновременно съ укрѣпленіемъ тѣла. По окончаніи преній было постановлено перейти къ практическому осуществленію выраженныхъ въ рефератѣ требованій, для чего рѣшено составить особую коммиссію, которой поручено выработать программу дѣйствія.

Итакъ, за дѣло внѣ-школьнаго образованія принимаются и гимнастическія общества.

Такъ разнообразны дѣятели, такъ многочисленны силы, работающіе на пользу народнаго образованія,—образованія взрослаго рабочаго населенія, первый починъ которому былъ сдѣланъ 25 лѣтъ назадъ англійскими университетами, организовавшими такъ называемое «University Extension». Въ іюлѣ 1898 года въ Кембриджѣ безъ особой торжественности состоялось засѣданіе въ честь празднованія двадцатипятилѣтія этого многознамонательнаго событія. Авторъ замѣтки, помѣщенной въ «Journal of Education» за сентябрь 1898 г. приводитъ по этому поводу интересныя слова одной молодой женщины, которая на предложенный ей вопросъ—назвать три величайшихъ движенія народнаго прогресса, отвѣчала, не задумываясь: возрожденіе, реформація и популяризація университетскаго образованія (University Extension). Это движеніе, начавшееся съ организаціи университетами курсовъ для взрослаго рабочаго населенія, приняло теперь самыя разнообразныя формы. Курсы, основанныя университетами, процвѣтаютъ и продолжаютъ расти и развиваться, что видно изъ отчета, прочитаннаго на упомянутомъ собраніи. Въ 1876—1877 учебномъ году число курсовъ, организованныхъ только однимъ Кэмбриджскимъ университетомъ, было—83 съ 7.511 слушателями; въ 1886—1887 году число курсовъ при содѣйствіи Кэмбриджскаго, Оксфордскаго и Лондонскаго университетовъ возросло до 228 съ 25.486 слушателями, а въ 1896—1897 году число курсовъ дошло до 488 съ 46.741 слушателями. Но дѣятельность иниціаторовъ этого движенія и ихъ послѣдователей не ограничилась однимъ устройствомъ курсовъ; они дали жизнь множеству иныхъ учрежденій, которыя, по выраженію г-жи Монгомери, приведенному авторомъ замѣтки, научаютъ не только умѣнью пріобрѣтать знанія, но и умѣнью жить какъ слѣдуетъ.

Къ такимъ учрежденіямъ принадлежатъ ассоціаціи студентовъ, литературныя общества, различнаго рода клубы; все это всколыхнуло общество и измѣнило совершенно характеръ жизни маленькихъ городовъ, мѣстечекъ и даже деревень. Работа такъ разнообразна и результаты ея такъ многочисленны, что отступленіе назадъ уже невозможно, а надежда на дальнѣйшій успѣхъ и развитіе дѣла несомнѣнна.

Внѣшкольное народное образованіе во Франціи за 1897—1898 учебный годъ *).

Въ департаментѣ Ламаншъ, какъ и вездѣ во Франціи, дѣти покидаютъ школу, начиная по большей части съ 11 лѣтняго возраста. Занятія ихъ въ школѣ, продолжающіяся 4 года, обыкновенно, въ виду частыхъ перерывовъ, отличаются характеромъ поспѣшности. Въ силу этого и программа обученія должна содержать въ себѣ исключительно только все самое необходимое, при чемъ познанія, крайне бѣгло усвоенныя, получаются очень поверхностныя и шаткія. Вообще знанія, быстро пріобрѣтенныя, также быстро и исчезаютъ, не оставляя за собою въ памяти никакихъ слѣдовъ и не сообщая человѣку серьезнаго навыка къ умственной работѣ, который только и составляетъ силу и значеніе образовательной подготовки.

Такимъ образомъ, у кончающихъ курсъ народныхъ училищъ, сейчасъ-же по полученіи ими аттестата, улетучиваются наскоро нахватанныя ими свѣдѣнія по ариѳметикѣ, исторіи, географіи, физикѣ и естественнымъ наукамъ. Чтеніе и письмо, усвоенныя чисто механически, не забываются, но юноша не въ состояніи написать простого письма, не въ состояніи ни задать ряда письменныхъ вопросовъ, ни отвѣтить на нихъ, словомъ, если въ какомъ-нибудь дѣлѣ встрѣтится необходимость обратиться къ перу, онъ не знаетъ, какъ за это взяться. При такомъ положеніи дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи о сообщеніи молодежи какихъ-нибудь свѣдѣній высшаго порядка, для усвоенія которыхъ требуются усидчивость и постепенность. Между тѣмъ только такія именно знанія способны возвысить человѣка нравственно и, если можно такъ выразиться, соціально. Только обладающій высокими умственными и душевными качествами человѣкъ можетъ, сознавъ свое невѣжество, стремиться къ серьезному самообразованію. Простая-же сметка приводитъ обыкновенно лишь къ мысли о необходимости пріобрѣсти нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія, могущія послужить въ практической дѣятельности. Вотъ почему мы видимъ всюду, что взрослые требуютъ лишь того элементарнаго обученія, польза котораго становится имъ очевидною только въ самый моментъ поступленія ихъ на военную службу. Часто, по собственному почину, они обращаются къ учителямъ, признаются въ своихъ недостаткахъ и просятъ имъ помочь.

Приблизительно такъ начинаетъ г. инспекторъ французской академіи свой докладъ объ обученіи и образованіи взрослыхъ въ департаментѣ Ламаншъ **).

Вышеприведенныя слова ясно показываютъ современное положеніе начальнаго народнаго образованія во Франціи. Оно, конечно, печально, и тѣмъ болѣе отрадно встрѣтиться съ отчетомъ по народному образованію въ 1896—1897 учебномъ году министру народнаго просвѣщенія,—отчетомъ, составленнымъ Эдуардомъ Пти, адъюнктъ-профессоромъ лицея Ianson de Sailly.

Въ своемъ отчетѣ (помѣщонномъ въ Revue Pedagogique 1897 гг. №№ 9, 10, 11 и 12) Пти сообщаетъ результаты своихъ наблюденій надъ тѣмъ,

---

*) Révue Pédagogique, №№ IX, X, XI и XII 1897 г.

**) L'enseignement et l'éducation des adultes dans le département De La Manche (Extrait du dernier rapport de M. l'inspecteur d'academie). Revue Pedagogique, № 10.

что было сдѣлано государствомъ, обществомъ, духовенствомъ и частными лицами для такъ назыв. внѣшкольнаго образованія народа во всѣхъ департаментахъ Франціи и въ Парижѣ за время 1896—1897 учебнаго года.

Оказывается, что въ этомъ отношеніи сдѣлано очень много, при чемъ однимъ изъ образовательныхъ средствъ являются курсы для юношества.

Въ 1894—1895 учебномъ году во всей Франціи насчитывалось только 8.288 курсовъ, изъ нихъ 7.322 для юношей и 966 для дѣвушекъ. Въ слѣдующемъ году число ихъ уже почти удваивается, т. е. равняется 15.778, изъ нимъ 13.930 для юношей и 1.808 для дѣвушекъ. Наконецъ, въ 1896—1897 году количество курсовъ возрастаетъ до 24.528, при чемъ 20.099 выпадаетъ на долю юношей, 4.429 — на долю дѣвушекъ. Въ это число не включено около 5.000 курсовъ, устроенныхъ различными обществами содѣйствія народному образованію въ Парижѣ и такихъ городахъ, какъ Бордо, Ліонъ, Аміенъ.

Конечно, соотвѣтственно растетъ и число посѣщающихъ курсы. Пти отмѣчаетъ, что ни трудная дневная работа, ни усталость, ни разстояніе, ни холодъ, ни дождь не могутъ удержать молодежь отъ прихода въ вечерніе классы, отъ жажды научиться хоть тому немногому, безъ котораго невозможно уже обойтись ни въ какомъ дѣлѣ. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ за основательнымъ изученіемъ грамоты рабочихъ разныхъ профессій, а также прислугу, при чемъ въ 1895—1896 году число записавшихся на курсы равнялось 400.000, изъ нихъ 270.500 аккуратно ихъ посѣщали; въ слѣдующемъ году записалось болѣе 700.000, хотя усердно занимавшихся было только 417.481. Само собою разумѣется, что программа преподаванія должна была совмѣщать въ себѣ, кромѣ грамоты и различныхъ предметовъ теоретическаго характера, еще и различнаго рода свѣдѣнія по прикладнымъ знаніямъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Включить преподаваніе грамоты было необходимо потому, что даже въ городахъ встрѣчается еще много лицъ совершенно безграмотныхъ, между прочимъ и среди новобранцевъ; поэтому въ недавнее время организованы полковыя школы, дающія большіе результаты,—тутъ Пти указываетъ на тотъ интересный фактъ, что чтеніе дается взрослымъ гораздо труднѣе, чѣмъ письмо; уже къ концу перваго года пишутъ довольно скоро, хотя и безъ соблюденія орѳографіи, которою занимаются въ послѣдующее время.

Учащіеся тѣмъ охотнѣе идутъ на занятія, что они видятъ серьезное къ нимъ отношеніе учащихъ, старающихся дать имъ во время урока все, что возможно. На домъ работы учащимся не задаютъ, такъ какъ многіе не могутъ даже посѣщать курсы чаще двухъ-трехъ разъ въ недѣлю. Можно отмѣтить слѣдующія черты, характеризующія постановку учебнаго дѣла на курсахъ для взрослыхъ: по ариѳметикѣ содержаніе задачъ подбирается вездѣ такъ, чтобы оно касалось текущихъ дѣлъ, чтобы ученики могли сознательно усвоить знаніе мѣръ, употребляющихся въ различныхъ странахъ и ихъ соотношеніе съ французскими.

Диктовки и изложеніе служатъ исключительно цѣлямъ нравственнаго воздѣйствія на учащихся, хотя и не носятъ характера проповѣди.

Неизбѣжной частью каждаго урока является чтеніе преподающаго ученикамъ какого-нибудь произведенія, прозаическаго или поэтическаго. Дѣлается это въ видѣ награды. Въ отчетномъ году нравились болѣе другихъ разсказы о путешествіяхъ: такъ, экспедиція Нансена возбуждала всеобщее вниманіе. Исторія интересовала менѣе, и то, если разсказъ заключалъ въ

себѣ интересные эпизоды. Драматическая-же литература, въ отрывкахъ, всегда была популярна. Изъ поэтовъ очень любятъ, особенно въ деревнѣ, Франсуа Коппе, Евгенія Мануэля, Поля Деруләда, Ришпена.

Что касается преподаванія практическихъ знаній, то оно обнимаетъ собою въ деревнѣ слѣдующіе предметы: законы объ арендованіи имуществъ, межеваніе, сельское право, обязательства найма, дѣловыя письма, прошенія, кормленіе скота, удобреніе, сѣвооборотъ и многое другое; въ городахъ же сообщаются свѣдѣнія по гражданскому праву, счетоводству, изучается техническое рисованіе (очень охотно посѣщаемое) и т. д. Все это, относящееся къ практической дѣятельности, быстро и легко усвоивается, тѣмъ болѣе, что всякому хочется какъ можно скорѣе сдѣлаться способнымъ къ веденію своихъ дѣлъ безъ какихъ-либо посредниковъ. Пти, между прочимъ, разсказываетъ, что одинъ меръ въ Нормандіи, присутствуя вмѣстѣ съ нимъ на урокѣ межеванія, замѣтилъ, что изученіе этого предмета повело къ сокращенію у нихъ теперь числа процессовъ, а потому и къ уменьшенію числа адвокатовъ.

Относительно курсовъ для дѣвушекъ можно прибавить, что между слушательницами было гораздо больше безграмотныхъ, чѣмъ между юношами; курсы эти отличались по преимуществу практическимъ характеромъ; такъ, на нихъ преподавались: веденіе расхода и прихода по дѣлу, домашнее хозяйство, поваренное искусство, гигіена, рукодѣліе, кройка.

Изъ предъидущаго ясно видно значеніе курсовъ, какъ одного изъ средствъ внѣ-школьнаго образованія. Значеніе это было бы еще большимъ, если бы 1) не законъ 11 января 1895 г., предоставляющій муниципальнымъ совѣтамъ право не давать разрѣшенія на открытіе курсовъ, что въ особенности несправедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣты не участвуютъ въ издержкахъ, и 2) если бы не надо было каждый годъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ департаментахъ, испрашивать разрѣшеніе на возобновленіе курсовъ.

Другимъ общеобразовательнымъ средствомъ являются публичныя лекціи. Онѣ распространены въ городахъ и служатъ противовѣсомъ той подчасъ пошлой и грязной литературѣ, которая надѣлала не мало бѣдъ, сообщая малообразованному люду дурные вкусы и взгляды. Различные, даже выдающіеся, артисты, писатели, профессора читаютъ рабочимъ и мелкой буржуазіи творенія классиковъ, какъ-то Корнеля, Расина, Мольера и другихъ.

Большую пользу для народнаго образованія могли бы оказать и народныя библіотеки, но онѣ до крайности малы и число книгъ, отчасти за неимѣніемъ на то достаточныхъ средствъ, увеличивается въ нихъ весьма медленно. Тѣмъ не менѣе спросъ на книги, благодаря курсамъ и публичнымъ лекціямъ, ежегодно возрастаетъ.

Народныя чтенія то-же не мало способствовали успѣху курсовъ и публичныхъ лекцій.

Въ 1894—1895 гг. чтеній насчитывалось 10.379; въ 1895—1896 гг. ихъ было 61.476, изъ нихъ около 14.000 съ туманными картинами, въ отчетномъ же году сумма чтеній выразилась въ цифрѣ 97.313, въ томъ числѣ 47.453 съ туманными картинами.

Извѣстно, что народныя чтенія, особенно съ волшебнымъ фонаремъ, всюду приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что и во Франціи число чтеній постоянно возрастаетъ, что ихъ охотно посѣщаютъ и въ городахъ, и въ предмѣстьяхъ, и въ деревняхъ. Успѣшности чтеній много содѣйствовало и интересное ихъ содержаніе. Слушателямъ разсказывалась исторія французской колонизаціи, давались описанія Мадагас-

жара, Тонкина, знакомили аудиторію съ Россіей, Греціей, Турціей, но лекторы никогда при этомъ не вдавались въ политику. Происходилъ также цѣлый рядъ чтеній о вредномъ вліяніи пьянства.

II.

Всѣ эти мѣры къ поднятію умственнаго уровня народа не имѣли бы значительнаго успѣха, если бы не создался цѣлый рядъ вспомогательныхъ средствъ къ развитію народнаго образованія. Мы говоримъ объ обществахъ школьной взаимопомощи (mutualité scolaire), ассоціаціяхъ бывшихъ учениковъ и ученицъ, школьныхъ попечительствахъ и обществахъ народнаго образованія.

a. Учащіе города Парижа, а затѣмъ и всей Франціи, съумѣли убѣдить родителей своихъ учениковъ въ необходимости давать послѣднимъ еженедѣльно 5 сантимовъ, поступающихъ въ общую кассу. Каждый ученикъ или ученица, заболѣвая или терпя крайнюю нужду, имѣютъ право на полученіе пособія. Конечно, въ каждомъ такомъ обществѣ встрѣчаются разныя видоизмѣненія устава: такъ, одни общества выдаютъ пособія не леченіе болѣзни, другія, кромѣ названныхъ функцій, погребаютъ на свой счетъ умершихъ учениковъ, третьи, дѣлая и то, и другое, помогаютъ своимъ сочленамъ въ случаѣ нужды. Въ Нантѣ, напр., требуется, по соглашенію съ мѣстными докторами, чтобы медицинское свидѣтельство о болѣзни ребенка было возобновляемо въ теченіе перваго мѣсяца каждые 8 дней, и каждые 15 дней въ продолженіе послѣдующихъ мѣсяцевъ. Это дѣлается изъ боязни обмана.

Въ послѣднее время общества взаимопомощи распространяютъ свою дѣяность, не ограничиваются райономъ одной только школы. Такъ, въ Бордо, напр., общество школьной взаимопомощи обнимаетъ собою школы не только всего города, но и пригородовъ, при наличности членовъ въ 3.500.

b. Ассоціаціи бывшихъ ученицъ и учениковъ еще въ 1889 г. были немногочисленны: ихъ было только 51; въ 1895—1896 гг. ихъ было уже 622, въ слѣдующемъ же году число ихъ равнялось 1.550. Предположено же учредить еще 592 ассоціаціи. Характеръ совмѣстныхъ занятій въ каждой ассоціаціи очень различенъ. Собираются обыкновенно въ мѣстной школѣ, по воскресеньямъ. Въ однѣхъ ассоціаціяхъ, какъ въ Аміенѣ, упражняются въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ маршировкѣ, въ гимнастикѣ, играютъ на билліардѣ, происходятъ различныя игры, устраиваются прогулки на общій счетъ. Иногда игры и физическія упражненія замѣняются чтеніями, концертами, спектаклями, на которыхъ присутствуютъ и семьи участвующихъ. Другія ассоціаціи, какъ-то въ Реймсѣ, Гаврѣ, Бордо, занимаются скорѣе обученіемъ, нежели развлеченіемъ участниковъ, напр., въ одной деревенькѣ у Дишона Пти присутствовалъ на лекціи о мильдью (особая болѣзнь виноградной лозы),—лекціи, читанной учителемъ и сопровождаемой различными замѣчаніями и объясненіями со стороны виноградарей. Затѣмъ молодежь давала устный отчетъ въ прочитанномъ ею за недѣлю.

Что касается ассоціацій ученицъ, то характеръ ихъ вполнѣ соотвѣтствовалъ полу и возрасту участвовавшихъ. Танцы, музыка, пѣніе составляли основу развлеченій. Для этого музыкальные инструменты или пріобрѣтались, или получались на подержаніе. Прогулокъ дѣвушки не любятъ, зато онѣ усердно занимаются шитьемъ, кройкой, вообще рукодѣльемъ, поваренными искусствомъ, гигіеной.

Говоря объ ассоціаціяхъ, надо отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что за послѣднее время какъ юноши, такъ и дѣвушки собираютъ между собою отъ двухъ до трехъ франковъ или ежемѣсячно, или, смотря по средствамъ, въ теченіе зимы, и на эти деньги покупаютъ себѣ книги, періодическія изданія, игры, откладываютъ часть на устройство совмѣстныхъ прогулокъ и, кромѣ того, платятъ отъ себя учителямъ или учительницамъ за ихъ труды и попеченія объ ассоціаціи.

Затѣмъ, ассоціаціи устроили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бюро найма прислуги и рабочихъ, снабжаютъ, въ случаѣ болѣзни, своихъ членовъ и семьи ихъ провизіей, деньгами, одеждой.

Для доставленія ассоціаціямъ необходимыхъ средствъ, устраиваются платные концерты, спектакли, участниками которыхъ являются бывшіе ученики и ученицы.

c. Съ ассоціаціями настолько тѣсно связаны школьныя попечительства, что часто даже трудно бываетъ провести между ними границу, въ особенности потому, что размѣры дѣятельности попечительства зачастую весьма обширны. Въ Бордо, напр., попечительство объединяетъ собою и школы, и внѣшкольныя учрежденія города. Оно слѣдитъ за аккуратнымъ посѣщеніемъ школъ, распредѣляетъ пособія, завѣдуетъ буфетами (cantine), устраиваетъ школьныя лѣтнія колоніи для слабыхъ здоровьемъ дѣтей. Въ Парижѣ особенно выдѣляется «Ассоціація учителей для воспитанія и попеченія объ юношествѣ». Общество обязано своимъ возникновеніемъ исключительно частной иниціативѣ. Оно занялось воспитаніемъ физическимъ (состязаніе въ стрѣльбѣ и плаваніи), эстетическимъ (музыка, пѣніе, декламація, посѣщеніе музеевъ) и умственнымъ (народныя чтенія, курсы и т. д.). Подъ попеченіемъ этой «Ассоціаціи» въ 1895—1896 году было 1.200 въ 1896—1897 году уже 2.440 молодыхъ людей.

Обыкновенно-же дѣятельность попечительствъ ограничивается только устройствомъ буфетовъ, раздачей платья, учрежденіемъ курсовъ.

Обращаясь къ попечительствамъ надъ молодыми дѣвушками, мы видимъ, что дамы-благотворительницы собираютъ во-едино бывшихъ ученицъ начальныхъ школъ для совмѣстныхъ занятій рукодѣльемъ. Кромѣ того, онѣ слѣдятъ за дѣвушками и въ дальнѣйшей ихъ жизни, стараясь охранить ихъ отъ всякихъ случайностей.

Попечительствъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ въ 1895—1896 г. было 403, въ 1896—1897 г. ихъ насчитывалось уже 648.

Говоря о попечительствахъ свѣтскихъ, нельзя обойти молчаніемъ и попечительства духовныя. Еще въ 1799 г. началось въ ихъ пользу движеніе въ Марсели. Защитники конгрегаціонныхъ школъ съ этого года и по сей день съ неослабной энергіей продолжаютъ свою работу въ смыслѣ попеченія объ юношествѣ. Въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе дѣятели всѣхъ родовъ и сословій.

Всѣ попечительства духовныя можно подраздѣлить на два вида: 1) религіозныя (Patronages religieux) и 2) Учрежденія для юношества (Ouvres de jeunesse).

Къ первому виду *(a)* принадлежатъ въ городахъ: les patronages de la société de Saint-Vincent-de-Paul, собирающія по четвергамъ и воскресеньямъ учениковъ, подмастерьевъ, молодыхъ рабочихъ. Число ихъ членовъ простирается въ Парижѣ до 4.300 человѣкъ, а въ провинціяхъ до 3.500; затѣмъ, приходскія попечительства и, наконецъ, попечительства и кружки, присоеди-

нившіеся къ кружкамъ рабочихъ-католиковъ, и (*b*) въ деревняхъ встрѣчаются сельскія попечительства, все болѣе и болѣе распространяющіяся.

Ко второй категоріи относятся учрежденія для юношества, находящіяся въ 69 департаментахъ; подъ попечительствомъ этихъ учрежденій состояло къ концу 1897 года до 30.000.

d. Послѣднимъ звеномъ въ цѣпи вспомогательныхъ учрежденій являются общества содѣйствія народному образованію.

Одни изъ нихъ имѣютъ въ виду практическое обученіе, примѣнительно къ цѣлямъ торговли, промышленности, заботятся также о пріисканіи работы своимъ членамъ, другія стараются оказать на послѣднихъ нравственное воздѣйствіе тѣмъ или инымъ способомъ. Обществъ теперь уже 1.200, при 50.000 молодыхъ людей, находящихся подъ ихъ попеченіемъ; изъ числа этихъ обществъ назовемъ три самыя крупныя: 1) Филотехническое общество (La Philotechnique), имѣвшее, при 10.317 слушателяхъ, 520 курсовъ по вопросамъ повареннаго искусства, страхованію и финансовому праву. 2) Національное общество распространенія иностранныхъ языковъ и 3) Филоматическое общество (La Philomathique) въ Бордо, обнародовавшее въ печати, что въ 1897—1898 г. оно откроетъ курсы по профессіональному электричеству, по тканью, переплетному дѣлу, слесарному ремеслу. На собранныя обществомъ средства оно намѣрено (въ 1898 г.) открыть ремесленную школу. Въ 1887-же году оно, то-же на собственный счетъ, учредило высшую школу торговли и промышленности.

III.

Изъ изложенія первыхъ двухъ частей отчета Эдуарда Пти видно—какія именно учрежденія были созданы за послѣдніе годы для внѣшкольнаго образованія и воспитанія французскаго народа.

Теперь остается еще сказать, кто именно содѣйствовалъ успѣху этихъ учрежденій, кто принималъ въ жизни ихъ самое дѣятельное участіе, не щадя ни своихъ силъ, ни труда ради общей пользы, не требуя и не ожидая даже какого-либо вознагражденія. Такихъ лицъ было очень много. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что они принадлежатъ ко всѣмъ слоямъ общества, ко всѣмъ состояніямъ.

Конечно, наибольшую тяготу несли народные учителя и учительницы. Несмотря на утомленіе дневными занятіями съ малолѣтними, они безкорыстно и съ любовью занимались еще и вечеромъ съ юношами и молодыми дѣвушками. Они принимали участіе и въ курсахъ *), и въ народныхъ чтеніяхъ, сами изготовляли картины для волшебныхъ фонарей, часто покупали послѣдніе на собственныя скудныя средства; они, наконецъ, первые вносили свою лепту при сборѣ общественныхъ денегъ на устройство и организацію ассоціацій, попечительствъ.

Далѣе идутъ инспектора начальнаго образованія, иниціативѣ которыхъ обязаны своей организаціей всѣ внѣшкольныя учрежденія, или, по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть. Кому, какъ не имъ, основательно извѣстны и мѣстныя условія, и нужды и желанія окружающей среды! Инспектора, для большаго успѣха внѣшкольныхъ образовательныхъ учрежденій, устраиваютъ

*) Въ 1896—1897 учебномъ году 29.545 учителей и учительницъ приняли участіе въ веденіи курсовъ для молодежи.

учительскіе курсы, выступаютъ на нихъ въ качествѣ преподавателей, объясняютъ учителямъ новѣйшіе и лучшіе методы преподаванія; они, не взирая на дневныя усталость и заботы по обозрѣнію начальныхъ школъ, инспектируютъ еще и вечерніе классы. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось за зиму присутствовать на 25 народныхъ чтеніяхъ. Многіе проводили почти все воскресенье въ посѣщеніяхъ ассоціацій, попечительствъ. Почти всѣ инспектора принимали участіе въ воздѣйствіи на муниципалитеты для ассигнованія ими необходимыхъ кредитовъ на покрытіе издержекъ по веденію дѣла народнаго образованія.

Затѣмъ надо упомянуть о совѣтахъ муниципальныхъ, генеральныхъ. Они теперь отлично поняли, что дѣло веденія курсовъ для взрослыхъ, вообще забота о народномъ воспитаніи и образованіи, представляетъ собою, главнымъ образомъ, общественное дѣло. Для нихъ теперь вопросъ самолюбія—не допускать, чтобы подвѣдомственная имъ территорія не стояла въ указанномъ отношеніи ниже ей сосѣднихъ. Поэтому-то мы и видимъ, что и въ городахъ, и селахъ мэры и ихъ помощники содѣйствуютъ открытію курсовъ, устраиваютъ раздачу наградъ за успѣхи. Многіе изъ нихъ жертвуютъ деньги на покупку фонарей, картинъ къ фонарямъ, книгъ; многіе даже сами ведутъ народныя чтенія.

Съ тѣхъ поръ какъ все больше и больше стало выясняться важное для государства и общества значеніе вышеназванныхъ внѣшкольныхъ учрежденій, съ той самой минуты не замедлили принять участіе въ сихъ послѣднихъ и частныя лица: кто не можетъ почему-либо говорить или читать публично, у кого нѣтъ свободнаго времени для непосредственнаго участія въ организаціи подобныхъ мѣропріятій, тѣ приходятъ на помощь и деньгами, и совѣтами и своимъ вліяніемъ. Пти называетъ цѣлую вереницу лицъ, участвовавшихъ самолично въ трудахъ по развитію народнаго образованія. Дѣйствительно, адвокаты, доктора, профессора высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, студенты, ветеринары, фармацевты, нотаріусы, землевладѣльцы, судебные пристава, смотрители надъ дорогами, сборщики разнаго рода податей, мировые судьи, лѣсничіе, отставные офицеры, калировщики, фотографы, архитекторы, механики, торговцы, пасторы, фабриканты, портнихи—каждый читаетъ лекціи по своей спеціальности и преподаетъ то, что ему болѣе всего извѣстно. Такъ, напр., въ Enfonville члены попечительства даютъ уроки стрѣльбы, гимнастики, пѣнія; въ Charente-Inférieure фотографъ производитъ народныя чтенія по географіи, съ соотвѣтствующими туманными картинами; тамъ-же мѣстный архитекторъ преподаетъ рисованіе. Въ Haute-Garonne врачъ читаетъ лекціи о вредѣ спиртныхъ напитковъ, ветеринаръ—о домашнихъ животныхъ, мировые судьи преподаютъ основанія юридическихъ наукъ, портниха обучаетъ кройкѣ и шитью, предоставляя молодымъ дѣвушкамъ право пользованія принадлежащей ей лично швейной машиной.

Все вышесказанное, я думаю, достаточно ясно иллюстрируетъ картину общественнаго движенія во Франціи для поднятія уровня народнаго образованія. Сдѣлано, конечно, немного, но, надо надѣяться, лучшіе люди страны не остановятся на этомъ и будутъ всегда помнить, что дѣло, начатое, и притомъ, повидимому, съ такимъ успѣхомъ, надо довести до конца, а не оставлять его на полпути.

Б. Градовскій.

Хроника народнаго образованія.

Полную аналогію съ воскресными школами имѣютъ получающія въ послѣднее время распространеніе въ разныхъ мѣстностяхъ нашей родины субботнія школы для еврейскаго населенія. Какъ и воскресныя школы, онѣ предназначены, главнымъ образомъ, для взрослаго населенія. Какъ и воскресныя, онѣ имѣютъ въ виду тѣхъ, кто по условіямъ своей жизни лишенъ или былъ лишенъ въ раннемъ возрастѣ возможности воспользоваться ежедневнымъ обученіемъ. Организація дѣла, пріемы обученія, отношенія, устанавливающіяся между учащими и учащимися, въ субботнихъ школахъ поразительно напоминаютъ все то, что мы видимъ въ воскресныхъ школахъ. Это и неудивительно, такъ какъ и воскресныя, и субботнія школы вызваны однѣми и тѣми-же причинами, основаны въ равной мѣрѣ на безкорыстномъ трудѣ учащихъ и преслѣдуютъ однѣ и тѣже цѣли. Все различіе, существующее между ними, сводится въ сущности къ тому, что воскресныя школы открыты въ воскресные дни, а субботнія — въ субботніе. Существованіе отдѣльныхъ субботнихъ школъ, при полной свободѣ пріема евреевъ въ существующія воскресныя школы, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что у евреевъ рабочаго класса свободный день—не воскресенье, а суббота, а съ другой—тѣмъ, что существованіе особыхъ субботнихъ школъ представляетъ нѣкоторыя удобства, обусловливаемыя степенью развитія той среды, для которой онѣ предназначаются, и необходимостью считаться до поры, до времени съ слишкомъ въѣвшимися въ нравы предразсудками какъ еврейскаго, такъ и русскаго населенія, поставляющихъ учащихся для воскресныхъ и субботнихъ школъ.

Въ настоящее время движеніе по устройству субботнихъ школъ приняло уже такіе широкіе размѣры, что пора его отмѣтить, какъ любопытное явленіе нашей общественной жизни. Въ нынѣшней хроникѣ мы сообщимъ тѣ свѣдѣнія о субботнихъ школахъ, которыя намъ удалось собрать.

Первыя субботнія школы были открыты въ Россіи въ ту-же эпоху, когда возникли у насъ и первыя воскресныя школы, и были вызваны тѣмъ-же подъемомъ общественнаго вниманія къ нуждамъ массы населенія, который вызвалъ на свѣтъ Божій и воскресныя школы. Какъ разъ въ то самое время, когда въ Петербургѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ русская интеллигенція приступила къ устройству воскресныхъ школъ, среди еврейской интеллигенціи г. Одессы явилась мысль объ устройствѣ субботней воскресной школы. Первая субботняя школа была открыта даже ранѣе, чѣмъ какая-либо воскресная. Именно, первая воскресная школа въ Россіи (не считая исповѣдныхъ) была открыта М. С. Шпилевскою въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1859 года, а первая субботняя школа въ Одессѣ стала функціонировать уже съ 1-го января 1859 года. Школа эта была устроена врачемъ А. И. Гольденблюмомъ. Помѣщалась она въ зданіи одесской талмудъ-торы. Открытіе ея было встрѣчено общимъ сочувствіемъ какъ еврейскаго, такъ русскаго общества Одессы. На школу эту смотрѣли всѣ тогда именно какъ на совершенно аналогичную воскреснымъ, и потому, когда вслѣдъ затѣмъ были открыты въ Одессѣ пять воскресныхъ школъ и въ ихъ пользу собирались изъ разныхъ источниковъ средства, Одесскій городской голова Яхненко, въ рукахъ котораго сосредоточивались эти средства, отдѣлялъ изъ нихъ часть и на содержаніе субботней школы. Школа имѣла немалый успѣхъ и въ смыслѣ привлеченія учащихся.

Этотъ первый примѣръ успѣшной дѣятельности субботнихъ школъ вызвалъ немедленно-же подражанія въ разныхъ городахъ. Въ 1860 году возникла вторая субботняя школа въ Одессѣ, а за ней послѣдовало открытіе подобныхъ-же школъ въ Бердичевѣ, Житомірѣ, Минскѣ и въ другихъ городахъ. Школы эти успѣшно работали, какъ и тогдашнія воскресныя школы, и раздѣлили общую съ послѣдними участь. Когда въ 1862 году состоялось Высочайшее повелѣніе о закрытіи воскресныхъ школъ повсемѣстно въ Россіи *), были закрыты вмѣстѣ съ воскресными и субботнія школы. Исключеніе было сдѣлано только для первой Одесской субботней школы, которая, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, продолжала существовать, какъ школа, предназначенная для обученія еврейскихъ мальчиковъ ремесленнаго и торговаго классовъ, имѣющихъ время учиться только въ субботніе дни. Школа эта просуществовала до 1871 года и закрылась по неизвѣстнымъ намъ причинамъ.

Затѣмъ, въ полной аналогіи съ воскресными школами, субботнія школы были надолго совершенно забыты. Только въ 1884 году, черезъ 13 лѣтъ по закрытіи единственной субботней школы въ Одессѣ, въ томъ-же городѣ возникаетъ снова субботняя школа. Школа эта женская; помѣщается она въ зданіи частнаго профессіональнаго училища 2-го разряда г-жи Сигалъ; завѣдывающею ею состоитъ А. М. Моргулисъ. Школа эта, однако, долго была одинокою, не вызывая подражаній. Только съ 1897 года въ исторіи субботнихъ школъ произошелъ рѣзкій переломъ и началось цѣлое движеніе по устройству ихъ. Движеніе это стоитъ въ тѣсной связи съ движеніемъ по устройству воскресныхъ школъ и представляетъ собою прямой его отпрыскъ.

На Нижегородской выставкѣ 1896 года стараніями извѣстной дѣятельницы по воскреснымъ школамъ Х. Д. Алчевской былъ устроенъ особый павильонъ воскресныхъ школъ. Эта выставка воскресныхъ школъ сыграла видную роль въ дѣлѣ распространенія среди нашего общества свѣдѣній о воскресныхъ школахъ и вызвала открытіе многихъ новыхъ воскресныхъ школъ. Она-же повела и къ возникновенію движенія по устройству субботнихъ школъ. Посѣщавшіе павильонъ евреи очень интересовались вопросомъ о томъ, существуютъ-ли подобныя-же школы спеціально для евреевъ, какъ устроить такія школы и какимъ образомъ получать разрѣшеніе на ихъ открытіе. Такъ какъ о субботнихъ школахъ въ данное время было мало извѣстно и лицамъ, устраивавшимъ выставку воскресныхъ школъ, то указанные вопросы оставались безъ отвѣта. Тѣмъ не менѣе выставка, съ одной стороны, возбудила въ посѣтителяхъ-евреяхъ, пріѣзжавшихъ сюда изъ разныхъ городовъ Россіи, мысль о полезности учрежденія школъ, аналогичныхъ воскреснымъ, но открываемыхъ именно по субботамъ для еврейскаго населенія, а съ другой—побудила одну изъ устроительницъ выставки воскресныхъ школъ, М. Н. Салтыкову, принимающую близкое участіе въ Харьковской женской воскресной школѣ, заняться вопросомъ о субботнихъ школахъ и попытаться разрѣшить этотъ вопросъ практически. 19-го ноября 1896 года М. Н. Салтыкова подала прошеніе харьковскому инспектору народныхъ училищъ о разрѣшеніи ей устроить субботнюю школу для евреекъ. Мѣстныя учебныя власти отнеслись сочувственно къ ходатайству г-жи Салтыковой, и 1-го марта 1897 года школа была разрѣшена, а съ 8-го марта

*) См. объ этомъ мою статью «Первыя воскресныя школы», «Русская Школа», 1898, № 12.

уже начался пріемъ учащихся, какъ о томъ уже говорилось въ «Хроникѣ воскресныхъ школъ» «Русской школы».

Школа сразу-же имѣла выдающійся успѣхъ. Среди мѣстной интеллигенціи нашлось достаточно женщинъ (преимущественно, конечно, молодежи), взявшей на себя безкорыстный трудъ преподаванія въ новой школѣ. Уже ко дню открытія пріема ученицъ кружокъ преподавательницъ насчитывалъ 30 человѣкъ. Затѣмъ это число возрасло до 42. Что касается той среды, для которой школа устраивалась, то она встрѣтила школу съ полнымъ сочувствіемъ и своимъ отношеніемъ къ ней ясно показала, въ какой мѣрѣ назрѣла потребность въ субботнихъ школахъ. Въ первый-же день было принято 112 ученицъ, большею частью въ возрастѣ 16—18 лѣтъ, хотя были и ученицы болѣе зрѣлаго возраста. Въ слѣдующую субботу было принято еще 50 ученицъ, и затѣмъ до конца учебнаго года было принято еще 23 ученицы, такъ что всего въ данномъ учебномъ году было принято 185 ученицъ. Многимъ пришлось, однако, отказать въ пріемѣ, такъ какъ помѣщеніе не позволяло принять болѣе указаннаго числа. И принятыя ученицы должны были страшно тѣсниться. Помѣщеніемъ служило ежедневное училище съ тремя небольшими классами. Такимъ образомъ, въ классѣ, разсчитанномъ на 36 ученицъ, сидѣло 45 взрослыхъ ученицъ съ 9 учительницами, въ классѣ на 40 учащихся сидѣло 60 ученицъ и т. д.

Несмотря на кратковременность занятій въ первомъ учебномъ году (съ 8 марта до конца даннаго учебнаго года было всего 11 учебныхъ дней, или 33 учебныхъ часа), занятія въ школѣ шли такъ успѣшно, что ясно показали и все страстное желаніе среды, для которой школа устроена, получить просвѣщеніе, и всю продуктивность занятій въ субботнихъ школахъ. Даже поступившія въ школу совершенно неграмотными успѣли за указанный короткій срокъ въ большинствѣ случаевъ научиться читать и такимъ образомъ получить отъ школы уже нѣчто, имѣющее ощутительную цѣнность.

Свѣдѣнія о Харьковской субботней школѣ немедленно же проникли въ печать, и вотъ въ нее стали поступать многочисленные запросы изъ разныхъ мѣстностей о томъ, какъ устраивать субботнія школы. Такихъ запросовъ уже въ томъ-же 1897 году было получено 25, а затѣмъ они еще въ большемъ количествѣ стали идти буквально со всѣхъ концовъ нашей родины—отъ западной границы до отдаленныхъ мѣстностей Сибири. Очевидно, потребность въ субботнихъ школахъ назрѣла повсемѣстно, гдѣ имѣется болѣе или менѣе значительное еврейское населеніе.

Прежде чѣмъ перейти къ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ движеніи по устройству субботнихъ школъ, я остановлюсь нѣсколько на выясненіи того типа, какой представляетъ собою субботняя школа. Выше я уже говорилъ, что субботняя школа представляетъ собою полнѣйшую аналогію съ воскресной школой. И дѣйствительно это наглядно видно изъ слѣдующаго «плана» Харьковской субботней школы, утвержденный мѣстнымъ директоромъ народныхъ училищъ. Вотъ этотъ планъ:

«1) Школа имѣетъ цѣлью доставить еврейскимъ дѣвочкамъ, дѣвушкамъ и женщинамъ правильное элементарное образованіе. 2) Школа состоитъ въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ Харьковской губерніи. 3) Школа содержится на частныя средства. 4) Школа состоитъ изъ одного класса, который можетъ быть въ случаѣ надобности раздѣленъ на группы. 5) На прохожденіе полнаго курса ученія назначается отъ 3-хъ до 6 лѣтъ. 6) Школа помѣщается въ какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній или въ удобномъ и

просторномъ частномъ домѣ. 7) Необходимыя для классовъ учебныя пособія, какъ-то: глобусы, счеты, картины и тому подобн., пріобрѣтаются на счетъ школы; книги, тетради и проч. выдаются ученицамъ безплатно школой. 8) Въ школѣ обучаются только приходящія ученицы. 9) Въ школѣ преподаются слѣдующіе предметы: русскій языкъ, чтеніе и письмо, ариѳметика и, по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе. 10) Черченіе и рисованіе должны быть примѣняемы преимущественно къ ремесламъ. 11) Всѣ предметы въ школѣ преподаются на русскомъ языкѣ, съ употребленіемъ, впрочемъ, для начинающихъ, въ случаѣ надобности, еврейскаго языка. 12) Ученье въ школѣ начинается въ первую субботу въ сентябрѣ мѣсяцѣ и продолжается до іюня. 13) Личный персоналъ школы состоитъ изъ завѣдывающей школой, учительницъ и учителей, какъ христіанъ, такъ и евреевъ. 14) Завѣдывающая школой и преподающія утверждаются въ должностяхъ директоромъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи. 15) Къ обученію въ школѣ допускается только такое число преподающихъ, какое вызывается дѣйствительной потребностью школы. 16) Для занятія должности преподающаго въ школѣ необходимо имѣть званіе учительницы или учителя начальнаго училища. 17) Завѣдывающая и преподающіе составляютъ педагогическій Совѣтъ, вѣдающій хозяйственную и воспитательно-учебную стороны школы. 18) При школѣ можетъ быть врачъ. 19) Школа можетъ вести чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. 20) Школа имѣетъ для своихъ учащихся библіотеку. 20) Завѣдывающая школой ежегодно представляетъ директору народныхъ училищъ подробный отчетъ о состояніи своей школы».

Какъ видитъ читатель, организація субботней школы дѣйствительно поразительно напоминаетъ во всѣхъ подробностяхъ воскресную школу. И дѣйствительно, кажется, единственнымъ обстоятельствомъ, отличающимъ харьковскую субботнюю школу отъ обычнаго въ настоящее время типа воскресныхъ школъ, состоитъ въ томъ, что въ ней, въ силу религіозныхъ воззрѣній евреевъ, занятія производятся въ вечерніе часы, такъ чтобы уроки письма приходились на время послѣ захода солнца и велись при искусственномъ освѣщеніи. Но, повидимому, и это чисто внѣшнее отличіе субботней школы отъ воскресной отнюдь не обязательно: по крайней мѣрѣ, въ одесской субботней школѣ занятія ведутся въ до-обѣденное время, какъ и въ воскресныхъ школахъ.

Послѣ открытія Харьковской субботней школы и главнымъ образомъ подъ ея вліяніемъ стали открываться субботнія школы въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи. 4 октября 1897 года была открыта *женская* субботняя школа въ Керчи. 11 октября того-же года въ Севастополѣ открыта *мужская* субботняя школа. 15 ноября 1897 года открыты *женскія* субботнія школы въ Аккерманѣ, Бессарабской губерніи, и въ Томскѣ. Затѣмъ къ марту 1899 года было извѣстно объ открытіи субботнихъ школъ въ слѣдующихъ городахъ: Вильнѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Кишиневѣ, Ковнѣ, Лодзи (двѣ женскихъ), Маріуполѣ (женскія), Минскѣ (двѣ школы—мужская и женская), Одессѣ (вторая женская), Симферополѣ (двѣ школы—мужская и женская) и Ѳеодосіи. Такимъ образомъ, къ марту 1899 годы были извѣстны уже 20 дѣйствовавшихъ субботнихъ школъ (изъ нихъ 9 мужскихъ и 11 женскихъ). По всей вѣроятности, дѣйствительное число открытыхъ субботнихъ школъ значительно болѣе указаннаго, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ было возбуждены ходатайства объ открытіи субботнихъ школъ въ очень многихъ городахъ, причемъ объ исходѣ многихъ этихъ ходатайствъ

мнѣ не извѣстно. М. Н. Салтыкова доставила мнѣ слѣдующій списокъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ были возбуждены до марта 1899 года ходатайства объ открытіи субботнихъ школъ (помимо перечисленныхъ выше городовъ, въ которыхъ субботнія школы уже дѣйствуютъ). Вотъ этотъ списокъ: Александровскъ, Бендеры, Бѣлая Церковь, Бахмутъ, Большой Токмакъ, Варшава, Витебскъ, Гомель, Гродна, Двинскъ, Житоміръ. Кіевъ, Конотопъ, Кобеляки, Кременчугъ, Мелитополь, Могилевъ, Невель, Новочеркасскъ, Николаевъ, Новоградволынскъ, Новоукраинка. Нѣжинъ, Омскъ, Переяславъ, Поневѣжъ, Прилуки, Петроковъ, Пинскъ, Полтава Ровно, Ромны, Ростовъ-на-Дону, Сумы, м. Тальное, Тирасполь, Тифлисъ, Херсонъ, Черкассы, Шавли, Юзовка. Всего, такимъ образомъ. движеніе охватило 41 пунктъ, а съ тѣми, въ которыхъ субботнія школы уже дѣйствуютъ,—57 пунктовъ. Само собою разумѣется, что приведенный списокъ не можетъ считаться исчерпывающимъ, и очень можетъ быть, что ходатайства объ открытіи субботнихъ школъ возбуждались и еще въ какихъ-либо пунктахъ. Точно также возможно, что кромѣ указанныхъ выше городовъ, въ которыхъ открыты субботнія школы, таковыя открыты и въ другихъ городахъ, изъ числа тѣхъ въ которыхъ, какъ сказано, возбуждались ходатайства о разрѣшеніи субботнихъ шкохъ. Достовѣрно, однако, извѣстно, что ходатайства этого рода, возбуждавшіяся въ городахъ и мѣстечкахъ Кіевскаго учебнаго округа, были всѣ отклонены и такимъ образомъ въ этихъ городахъ субботнія школы не могли открыться. Въ Кіевѣ, напр., ходатайство о разрѣшеніи открытія субботней школы было возбуждено въ 1898 году мѣстнымъ еврейскимъ обществомъ. Ходатайство это было встрѣчено сочувственно со стороны высшей мѣстной администраціи, но было отклонено попечителемъ учебнаго округа. Вслѣдъ затѣмъ такое-же ходатайство возбудило «Кіевское Общество грамотности», но и оно получило отказъ отъ попечителя округа, мотивированный тѣмъ, что, во-первыхъ, въ Кіевѣ, какъ находящемся внѣ черты еврейской осѣдлости, не можетъ быть разрѣшено устройство начальныхъ школъ для евреевъ, а во-вторыхъ, въ Положеніи 1844 годъ, по которому открываются начальныя училища для евреевъ, типъ субботней школы не предусмотрѣнъ. Къ счастью, теперь такимъ печальнымъ недоразумѣніямъ положенъ конецъ циркуляромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 20 февраля 1899 года за № 4.544, который разрѣшаетъ возникшія сомнѣнія относительно субботнихъ школъ самымъ благопріятнымъ для послѣднихъ образомъ. Именно въ циркулярѣ значится слѣдующее:

«Еврейскія субботнія школы, какъ и всѣ еврейскія частныя учебныя заведенія, могутъ быть открываемы на общемъ основаніи, въ чертѣ, закономъ опредѣленной для постояннаго жительства евреевъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что нынѣ съ разрѣшенія подлежащихъ губернскихъ правленій, въ силу дѣйствующихъ узаконеній, весьма многимъ евреямъ предоставлено право жительства и внѣ помянутой черты осѣдлости, нерѣдко встрѣчается необходимость озаботиться предоставленіемъ этимъ жителямъ возможности дать ихъ дѣтямъ хотя бы первоначальное образованіе въ частныхъ еврейскихъ субботнихъ школахъ.

«Министерство Народнаго Просвѣщенія, не встрѣчая съ своей стороны препятствія къ существованію подобнаго рода еврейскихъ школъ внѣ черты еврейской осѣдлости, ставитъ, однако, на видъ попечителямъ учебныхъ округовъ, чтобы предварительно удовлетворенія таковыхъ ходатайствъ еврейскихъ обществъ или частныхъ лицъ, было испрашиваемо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ согласіе мѣстнаго губернскаго начальства.

«Что касается порядка открытія еврейскихъ субботнихъ школъ, то, какъ частныя еврейскія учебныя заведенія, онѣ должны быть открываемы властью попечителей учебныхъ округовъ».

Такимъ образомъ, формальныя препятствія къ распространенію субботнихъ школъ въ настоящее время являются устраненными и движеніе по открытію субботнихъ школъ можетъ получить практическое осуществленіе. И нѣтъ сомнѣнія, что субботнія школы скоро получатъ самое широкое распространеніе, привлекая къ работѣ въ своихъ стѣнахъ въ такой же мѣрѣ безкорыстныхъ тружениковъ, въ какой привлекаютъ ихъ воскресныя школы.

Въ виду новизны дѣла субботнихъ школъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь свѣдѣнія о тѣхъ изъ открытыхъ ранѣе другихъ субботнихъ школахъ, отчеты которыхъ нами получены. Начнемъ съ первой женской одесской субботней школы, какъ существующей наибольшее время.

Школа эта существуетъ уже съ 1884 года, какъ сказано выше. Мы располагаемъ отчетомъ школы за 1896—1897 учебный годъ. Въ этомъ году школа имѣла 159 ученицъ, изъ нихъ 60 было поступившихъ въ предшествующіе учебные годы и 99—въ отчетномъ году. Любопытно, что къ концу года выбыло очень незначительное число ученицъ, всего 19, тогда какъ въ воскресныхъ школахъ обыкновенно къ концу учебнаго года, по разнымъ причинамъ, выбываетъ не менѣе, а иногда и болѣе трети всѣхъ учащихся, проходящихъ чрезъ школу въ данномъ году. Характерно также, что большинство выбывшихъ изъ субботней школы поступило въ воскресную школу, такъ какъ, по условіямъ своей жизни, онѣ были вынуждены заниматься работою въ субботу, а воскресенье у нихъ оказалось свободнымъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ дѣятельность воскресной и субботней школъ взаимно пополняютъ другъ друга. Большинство ученицъ было въ возрастѣ 13—15 лѣтъ; старше 20 лѣтъ и моложе 12—ученицъ совсѣмъ не было. Большинство ученицъ принадлежитъ къ числу занятыхъ женскими рукодѣльями; именно, 73 ученицы состояли мастерицами въ модныхъ мастерскихъ, 13 работали въ бѣлошвейныхъ мастерскихъ, 8 учились шитью, 7 были самостоятельными швеями, 30 работали въ мастерскихъ цвѣточныхъ, чулочныхъ, башмачныхъ и т. п., 16 было фабричныхъ работницъ, 3 приказчицы и 9 занимались домашнимъ хозяйствомъ. По степени знакомства съ русскою грамотою ученицы дѣлились при поступленіи на 79 неграмотныхъ, 61 малограмотныхъ и 19 грамотныхъ. Занятія происходили отъ 30 сентября по 31 мая каждую субботу. Продолжались занятія 5 часовъ, распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: 1-й часъ—еврейскій языкъ, 2-й—русскій, 3-й—ариѳметика, 4-й—русскій языкъ и 5-й—выдача книгъ. Преподавателей было 26 (19 женщинъ и 7 мужчинъ).

Не безъинтересно ознакомиться съ учебниками, употребляемыми въ субботнихъ школахъ. Такими учебниками для одесской субботней школы служили: по русскому языку въ неграмотныхъ группахъ азбука Григорьева, въ малограмотныхъ группахъ «Русская Рѣчь» Вольпера, 2-й выпускъ, или «Вешніе Всходы» Тихомирова, и въ грамотныхъ группахъ «Русская Школа» Павлова или «Нашъ Другъ» Корфа; по ариѳметикѣ—задачникъ Гольденберга, и по еврейскимъ предметамъ: азбука Клячка, сборникъ молитвъ съ переводомъ на русскій языкъ Клячка и молитвенникъ «Хинухъ-Тефила» Рейхерсона. Еврейская исторія проходилась безъ учебника. Бѣднѣйшимъ ученицамъ учебники выдавались безплатно. Книги для внѣкласснаго чтенія выдавались грамотнымъ группамъ ихъ-же учительницами. Библіотека состояла изъ 202 названій книгъ въ 515 экземплярахъ.

Расходъ на содержаніе школы (140 р.) былъ покрытъ субсидіей одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями (60 р.) и частными пожертвованіями.

Остальныя субботнія школы, какъ сказано выше, открылись лишь въ 1897 и 1898 годахъ. Тѣ школы, свѣдѣнія о которыхъ мы передадимъ сейчасъ, всѣ открылись въ октябрѣ и ноябрѣ 1897 года, и ихъ отчеты касаются, такимъ образомъ, перваго года ихъ дѣятельности.

Въ Керчи мысль объ открытіи женской субботней школы принадлежитъ Н. Д. Бродской. Еще въ началѣ 1897 года г-жа Бродская обратилась къ мѣстному инспектору народныхъ училищъ съ просьбою о разрѣшеніи открытія субботней школы. Инспекторъ потребовалъ присылки заключенія мѣстнаго раввина о потребности въ открытіи школы. Такое заключеніе было доставлено, и затѣмъ осенью было получено разрѣшеніе на открытіе школы. Школа была открыта 4 октября и въ первый же день записалось 90 ученицъ. Въ слѣдующія субботы этотъ наплывъ учащихся продолжался, и всего было принято въ школу 205 чел., изъ которыхъ до конца учебнаго года въ школѣ оставалось 163 чел. Среди учащихся преобладали дѣти. Сначала явилось въ школу значительное число и взрослыхъ, но затѣмъ онѣ стали выбывать изъ школы. На вопросы о причинахъ оставленія школы получались отвѣты въ родѣ слѣдующаго: «знакомые смѣются: такая большая—и учится». Однако потребность въ полученіи образованія оказалась сильнѣе боязни осужденія, и во вторую половину года въ школѣ снова значительно увеличилось число взрослыхъ учащихся. Въ началѣ учебнаго года школа страдала отъ недостатка учащихъ, располагая всего 7 учительницами, но затѣмъ и число учительницъ значительно возросло, дойдя до 22. Занятія въ школѣ происходили по субботамъ вечеромъ, весною и осенью—отъ 4 часовъ до 9 часовъ, а зимою—отъ 2 до 7 часовъ. Первый и второй часъ посвящались закону Божію и еврейскому языку; затѣмъ шли объяснительное чтеніе (русское), письмо (русское) и ариѳметика; послѣ занятій иногда происходили общія чтенія. Кромѣ того, поздней осенью и зимою велись бесѣды по разнымъ предметамъ. Происхожденіе этихъ бесѣдъ было таково по объясненію отчета: такъ какъ писать, по религіознымъ представленіямъ евреевъ, до зажиганія огня по субботамъ нельзя, а зажигается огонь только съ появленіемъ звѣздъ, то въ указанную пору года въ пять часовъ въ классахъ читать не было никакой возможности и учащіяся оставались безъ всякаго дѣла въ ожиданіи того времени, когда будутъ зажжены огни и явится возможность заняться письмомъ. Такимъ образомъ, оставался часъ сумеречнаго времени, который нужно было чѣмъ нибудь наполнить. Этотъ-то часъ и былъ употребленъ на бесѣды съ ученицами, весьма ими заинтересовавшимися. Въ младшихъ группахъ велись бесѣды о домашнихъ животныхъ, о насѣкомыхъ, объ обработкѣ кожи, шерсти, льна, о полевыхъ работахъ. Въ группахъ подростковъ и взрослыхъ бесѣды велись большею частью по физической географіи. Въ одной группѣ безграмотныхъ взрослыхъ велись бесѣды по гигіенѣ. Въ группѣ наиболѣе развитыхъ ученицъ бесѣды велись по культурѣ и этнографіи. Послѣ занятій велись, какъ сказано, общія чтенія, для которыхъ ученицы дѣлились на двѣ группы—взрослыхъ и малолѣтнихъ. Для первыхъ были прочитаны «Сигналъ» Гаршина, «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Женитьба» и «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя, «Дубровскій», «Борисъ Годуновъ», «Полтава» и «Капитанская дочка» Пушкина. Передъ чтеніемъ послѣднихъ трехъ вещей учительницы подгота-

вливали своихъ слушательницъ, разсказывая имъ предварительно объ эпохахъ, къ которымъ относились названныя произведенія, и о дѣйствующихъ въ нихъ лицахъ, и эти бесѣды имѣли огромный успѣхъ, привлекая живѣйшее вниманіе слушательницъ. Малолѣтнимъ ученицамъ читались сказки, разсказы изъ журналовъ «Игрушечка» и «Малютка» и т. д. Мѣстное общество отнеслось сочувственно къ школѣ, что выразилось какъ въ томъ значительномъ числѣ учащихъ, какое привлекла школа, такъ и въ пожертвованіяхъ, которыя поступили въ пользу ея. Всего было собрано школою въ теченій года 430 р., а израсходовано 305 р. Помѣщается школа въ зданіи мѣстной талмудъ-торы.

Въ Аккерманѣ идея устройства субботней школы принадлежитъ небольшому кружку мѣстной еврейской интеллигенціи, Членъ этого кружка, содержательница частнаго женскаго училища Б. Д. Кофманъ, возбудила весною 1897 г. чрезъ мѣстнаго инспектора ходатайство о разрѣшеніи открытія субботней школы. 9 октября попечитель одесскаго учебнаго округа разрѣшилъ устройство субботней школы, и школа была открыта 15 ноября. По обыкновенію, по поводу открытія школы высказывались въ мѣстномъ обществѣ сомнѣнія о томъ, чтобы она имѣла успѣхъ и привлекла достаточное количество учащихся, такъ какъ скептикамъ казалось немыслимымъ, чтобы тѣ, кто работаетъ цѣлую недѣлю, пошелъ въ школу въ единственный имѣющійся у него свободный день въ недѣлю. Однако, по обыкновенію же, всѣ эти сомнѣнія оказались ни на чемъ не основанными, и ко дню открытія школы оказалось на лицо 120 человѣкъ, пожелавшихъ учиться въ школѣ. Но этимъ числомъ не ограничивалась масса желавшихъ попасть въ школу. Къ сожалѣнію, какъ и повсюду въ воскресныхъ и субботнихъ школахъ, размѣры помѣщенія, которымъ располагаетъ аккерманская субботняя школа, не позволили принять всѣхъ, желавшихъ учиться. Нужно было видѣть,— читаемъ въ отчетѣ аккерманской субботней школы, съ какимъ недовольствомъ уходили тѣ дѣвушки, которымъ было объявлено, что по той или другой причинѣ (при пріемѣ предпочтеніе отдавалось неграмотнымъ и взрослымъ) онѣ не могутъ быть приняты въ число ученицъ, или къ какимъ уловкамъ онѣ прибѣгали, лишь бы попасть въ школу. Такъ, однѣ увеличивали на 1—2 года свой возрастъ, другія скрывали, что знаютъ уже кое что. Бывали и такіе примѣры, что ученица, которой было отказано въ пріемѣ, приходила нѣсколько субботъ подъ-рядъ въ школу и изъ раздѣвальни смотрѣла на своихъ счастливыхъ товарокъ, которыхъ обучали грамотѣ. Видя такую настойчивость со стороны желающей учиться, педагогическій персоналъ смягчался и принималъ въ концѣ-концовъ въ число ученицъ домогавшуюся. «Всѣ эти факты,—заключаетъ справедливо отчетъ,—съ достаточной ясностью указываютъ, до какой степени вопросъ о субботней школѣ вполнѣ назрѣлъ и насколько своевременной для менѣе состоятельныхъ слоевъ аккерманскаго еврейскаго общества она явилась».

Занятія въ аккерманской субботней школѣ ведутся съ 4 часовъ дня, но по мѣрѣ того, какъ къ веснѣ дни увеличиваются, ученіе начинаются нѣсколько позже, дабы ученицы имѣли возможность писать (при искусственномъ освѣщеніи). Обыкновенно первый часъ проходитъ въ такихъ занятіяхъ, которыя не требуютъ письма. Занятія каждую субботу продолжаются четыре часа: 1-й часъ посвящается еврейскому языку или предметному уроку, 2-й русскому языку (чтенію и письму), 3-й—также русскому языку и четвертый — ариѳметикѣ. Неграмотныя ученицы учились читать сначала

по букварю Ермина и Некрасова, а потомъ читали «Новую азбуку» Толстого. Въ группѣ малограмотныхъ чтенія велись по 1-ой и 2-ой книжкамъ для чтенія Толстого. Въ группѣ грамотныхъ чтенія велись по 2-ой и 3-ей книжкамъ Толстого. Для занятій по ариѳметикѣ служилъ задачникъ Гольденберга. Предметные уроки служили дополненіемъ къ изученію грамоты и, наоборотъ, чтеніе классныхъ статеекъ являлось вспомогательнымъ средствомъ къ лучшему пониманію предметныхъ уроковъ. На предметныхъ урокахъ были сообщены свѣдѣнія по слѣдующей программѣ: форма и движеніе земли, происхожденіе дня, ночи и временъ года; изображеніе земного шара и его частей; горы, камни, металлы и проч., внѣшній видъ горъ. вѣчные снѣга, ледники; лиственные и хвойные лѣса; рѣки: верховье, устье, главное теченіе и притокъ, порогъ, водопадъ, мель, важнѣйшія рѣки Россіи съ находящимися при нихъ городами; атмосферные осадки, образованіе ихъ, различные виды, круговоротъ воды; воздухъ, составъ его, свойство кислорода, азота и углекислоты (съ опытами); вѣтры и ихъ происхожденіе; климаты; термометръ; отношенія климата къ растительности.

Въ Томскѣ женская субботняя школа открыта 15 ноября 1897 года. Помѣщается она въ зданіи мѣстнаго еврейскаго училища. И здѣсь устные предметы преподаются до захода солнца, а письменные — вечеромъ. Всѣхъ ученицъ было въ теченіе года 76. Преподававшихъ было 14 человѣкъ. Уроковъ каждую субботу было пять, распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: 1-й часъ—еврейскій языкъ (устно), 2-й—русскій языкъ, 3-й—ариѳметика, 4-й—объяснительное чтеніе и 5-й—еврейскій языкъ (письменно). Неграмотная группа обучалась по «Родной азбукѣ» Павленкова и «Русскому букварю» Вахтерова; въ группѣ малограмотныхъ пользовались 1-й книжкой Толстого; въ группѣ грамотныхъ употреблялись «Вешніе всходы» Тихомирова и «Въ школѣ и дома» Бунакова. Учащія читали вслухъ статьи, посвященныя ознакомленію съ явленіями природы изъ книгъ Погосскаго, Рубакина и др. Средства для содержанія школы были доставлены частными пожертвованіями, въ размѣрѣ 230 р. изъ которыхъ израсходовано было въ первый годъ только 191 р.

Въ Севастополѣ мысль объ открытіи мужской субботней школы возникла въ концѣ 1896 года. Въ отчетѣ школы за первый годъ ея существованія, выясняются, между прочимъ, причины, вызвавшія эту мысль. Такъ какъ объясненіе, даваемое отчетомъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе для многихъ мѣстностей, то мы приводимъ его здѣсь: «Большинство мѣстнаго еврейскаго населенія составляютъ ремесленники, преимущественно малоимущіе. Среди взрослыхъ ремесленниковъ процентъ неграмотныхъ очень великъ, но и среди молодыхъ ремесленниковъ: подмастерьевъ и учениковъ также очень много безграмотныхъ и полуграмотныхъ. Въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ (6—9 лѣтъ) почти всѣ еврейскіе мальчики обучаются въ хедерахъ, но тамъ они успѣваютъ научиться только чтенію, а иногда и письму по-еврейски. Преподаваніе русской грамоты не допускается въ хедерахъ учебнымъ начальствомъ; поэтому мальчики, попадающіе изъ хедера прямо въ обученіе ремеслу, остаются безграмотными; но и тѣ, которые послѣ хедера поступаютъ въ начальную школу, не успѣваютъ запастись тамъ достаточными познаніями. Рѣдко кто изъ дѣтей бѣднаго класса остается въ школѣ болѣе 1—2 лѣтъ, а за такой краткій срокъ они могутъ пріобрѣсть не очень много, и это немногое испаряется скоро; получается если не полный рецедивъ безграмотности, то весьма близкое къ нему состояніе. Открытіемъ субботней школы имѣлось въ виду

дать возможность рабочему люду, въ свободное отъ работы время, научиться грамотѣ, а побывавшимъ въ школѣ сохранить и пополнить свои знанія».

Школа была открыта 11-го октября. Не ожидая большого наплыва учащихся, школа пріютилась при общественномъ хедерѣ, помѣщавшемся въ двухъ комнатахъ, разсчитанныхъ всего на 40 человѣкъ. Между тѣмъ въ первый-же день явилось около 90 чел. желающихъ учиться. Пришлось искать болѣе просторнаго помѣщенія, которое было найдено только послѣ четвертой субботы. Но затѣмъ школу опять постигла непріятность: школа перешла въ домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго обнаружилась скарлатина, и школу пришлось закрыть на 6 недѣль. Такимъ образомъ, правильныя занятія въ школѣ начались лишь съ 3-го января 1898 года. Къ этому времени число учащихся, благодаря указаннымъ неурядицамъ, упало до 53. Но и это число, при необходимости дѣлить учащихся на группы, въ виду ихъ различной подготовки, оказалось непосильнымъ для 4-хъ преподавательницъ, которыя первоначально только и были допущены къ занятіямъ въ школѣ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, школа дѣлала свое дѣло. «Особенно замѣтенъ успѣхъ,—читаемъ въ отчетѣ школы,—въ трехъ группахъ: неграмотныхъ взрослыхъ, малограмотныхъ дѣтей и малограмотныхъ подростковъ. Первые усвоили чтеніе и письмо, занимались счисленіемъ, письменными и устными упражненіями въ предѣлахъ 1-ой сотни. Малограмотныя дѣти, которыя при поступленіи въ школу умѣли читать по складамъ, научились довольно плавно читать, писать строчныя и прописныя буквы и къ концу года писали односложныя и двухсложныя слова. Малограмотные подростки оказали успѣхи въ пересказѣ прочитаннаго, упражнялись въ правописаніи и рѣшали задачи въ предѣлахъ первой сотни».

Приведеннымъ и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать относительно субботнихъ школъ. Дѣло это новое, только что зарождающееся, и потому о немъ особенно подробныхъ свѣдѣній, конечно, и нельзя дать. Но именно потому, что это дѣло новое, оно и представляетъ особенный интересъ, и было-бы желательно, чтобы дѣятели субботнихъ школъ дали возможность слѣдить за нимъ и дѣлиться свѣдѣніями о его дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи съ читателями *).

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Вологодская безплатная библіотека.

Настоящую хронику мы посвятимъ исторіи Вологодской безплатной библіотеки. Исторія эта очень характерна, повторяя собою исторію многихъ подобныхъ же учрежденій, созданныхъ въ теченіе 90-хъ годовъ безкорыстною дѣятельностью русской интеллигенціи во всѣхъ углахъ земли русской. Въ настоящее время число народныхъ библіотекъ, возникшихъ за короткій срокъ какихъ нибудь 9-ти лѣтъ (со времени появленія правилъ 15-го мая 1890 г.

---

*) Буду очень обязанъ дѣятелямъ субботнихъ школъ, если они будутъ высылать мнѣ отчеты о дѣятельности этихъ школъ, а также свѣдѣнія объ открытіи новыхъ школъ этого типа по адресу: Ставрополь-Кавказскій, Якову Васильевичу Абрамову.

о безплатныхъ библіотекахъ), достигаетъ уже нѣсколькихъ тысячъ, и потому ознакомленіе съ условіями возникновенія этихъ учрежденій, постепеннаго роста ихъ дѣятельности и современнаго состоянія представляетъ значительный интересъ. Мы разсчитываемъ въ будущемъ представить вниманію читателей общую исторію развитія народно-библіотечнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ,—исторію, столь краткую по времени, но уже обширную по обилію относящихся сюда фактическихъ данныхъ *),—а пока предлагаемъ вниманію читателя исторію одного изъ учрежденій этого рода.

Мысль доставить недостаточнымъ классамъ населенія Вологды возможность пользоваться чтеніемъ—путемъ устройства для этой цѣли безплатной библіотеки—возникла въ умахъ вологодской интеллигенціи еще въ 1891 г. Къ практическому осуществленію дѣла было приступлено въ началѣ слѣдующаго года, когда учитель вологодскаго городскаго училища Х. И. Пахолковъ и чиновникъ вологодской казенной палаты Н. В. Кашинъ подали прошеніе мѣстному губернатору о разрѣшеніи имъ открытія безплатной библіотеки. Разрѣшеніе губернатора было получено 8-го августа 1892 года. Вслѣдъ за тѣмъ былъ утвержденъ завѣдывающимъ библіотекою г. Кашинъ и назначенъ наблюдающимъ лицомъ священникъ о. Костровъ.

Согласно утвержденному уставу, библіотека «имѣетъ цѣлью доставить населенію г. Вологды возможность пользоваться безплатнымъ чтеніемъ книгъ». «Всѣ желающіе пользоваться библіотекою, записываются въ число читателей, сообщая свои адресы и представляя при этомъ письменныя поручительства въ исправномъ возвращеніи книгъ отъ двухъ уже записавшихся читателей или одного изъ членовъ библіотеки, или-же удостовѣреніе отъ полиціи о личности и мѣстѣ жительства». «Лица, дѣлающія ежемѣсячные взносы (въ пользу библіотеки) не менѣе 40 к., составляютъ изъ себя библіотечное общество». «Цѣль библіотечнаго общества—заботиться о развитіи и улучшеніи безплатной библіотеки».

Такимъ образомъ, безплатная библіотека въ Вологдѣ принадлежитъ особому обществу, которое создалось спеціально для содержанія библіотеки и вообще для заботъ о веденіи ея. Библіотечное общество избираетъ изъ своей среды двухъ лицъ, которыя и завѣдываютъ библіотекой и ея кассой. Члены общества собираются въ общія собранія какъ для выбора этихъ завѣдывающихъ, такъ и для обсужденія вопросовъ, касающихся дѣлъ библіотеки и для выслушиванія отчетовъ завѣдывающаго библіотекою и кассира.

По полученіи увѣдомленія объ утвержденіи устава, иниціаторы дѣла начали привлекать членовъ въ общество и собирать пожертвованія на библіотеку книгами и деньгами. Черезъ два мѣсяца по утвержденіи устава, къ 11 октября 1892 года,—день открытія библіотеки,—общество безплатной библіотеки насчитывало уже 60 членовъ и располагало 676 томами книгъ, допущенныхъ въ безплатныя народныя библіотеки, и 172 р. денегъ. 20 сентября состоялось первое собраніе членовъ библіотечнаго общества, на которомъ избранъ кассиромъ библіотеки учитель вологодскаго реальнаго училища В. Я. Масленниковъ и для ближайшаго завѣдыванія дѣломъ Правленіе изъ 7 лицъ. Рѣшеніе болѣе важныхъ вопросовъ изъ жизни библіотеки было оставлено за ежемѣсячными собраніями членовъ общества.

---

*) Кстати обращаюсь къ народнымъ библіотекамъ съ просьбою присылать отчеты о своей дѣятельности по адресу: Ставрополь-Кавказскій, Якову Васильевичу Абрамову.

11 октября, при торжественной обстановкѣ, состоялось открытіе библіотеки. Молебствіе по случаю открытія было совершено епископомъ вологодскимъ и тотемскимъ Израилемъ. На открытіи присутствовали губернаторъ В. З. Коленко, директоръ народныхъ училищъ М. Г. Котляровъ, ректоръ духовной семинаріи о. Лебедевъ и многія другія лица изъ мѣстнаго общества.

Передъ нами лежатъ отчеты Вологодской безплатной библіотеки за время отъ возникновенія ея по 1 октября 1898 года. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность прослѣдить дѣятельность библіотеки въ теченіе шести полныхъ лѣтъ. Срокъ этотъ—очень не великъ, но надо помнить, что почти всѣ наши народныя библіотеки самаго недавняго происхожденія. Лишь какихъ-нибудь два десятка народныхъ библіотекъ на всю Россію имѣютъ болѣе десяти лѣтъ существованія; огромнѣйшее-же большинство возникло именно въ 90-е годы, и среди этихъ библіотекъ вологодская безплатная библіотека является уже довольно зрѣлою, такъ что дѣятельность ея можетъ представить извѣстнаго рода поученіе для еще болѣе юныхъ библіотекъ и для вновь возникающихъ.

Открытіе вологодской безплатной библіотеки было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. Первая помощь возникшей библіотекѣ пришла отъ бывшаго Петербургскаго комитета грамотности, который прислалъ въ библіотеку 227 книгъ. Затѣмъ братство Всемилостивѣйшаго Спаса въ Вологдѣ пожертвовало библіотекѣ книгъ на 30 рублей. Въ Январѣ 1893 года вологодское губернское земское собраніе ассигновало библіотекѣ ежегодное пособіе въ 25 руб. Частныя лица выразили свое сочувствіе библіотекѣ быстрымъ возрастаніемъ числа членовъ библіотечнаго общества и пожертвованіями деньгами и книгами. Кромѣ того, члены мѣстнаго общества устроили въ первый-же годъ существованія библіотеки въ ея пользу концертъ и спектакль. Редакціи періодическихъ изданій, допущенныхъ въ безплатныя библіотеки, присылали свои изданія даромъ или за половинную плату. Многіе члены библіотечнаго общества, не довольствуясь взносомъ ежемѣсячныхъ платежей въ пользу библіотеки, принимали еще участіе въ работѣ по библіотекѣ, выдавая книги читателямъ, составляя каталогъ книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ, разрабатывая собранный статистическій матеріалъ о читателяхъ и прочитанныхъ книгахъ и т. д.

Это сочувствіе общества къ библіотекѣ продолжалось и въ послѣдующіе годы, проявляясь какъ въ указанныхъ формахъ, такъ и въ новыхъ. Между прочимъ, отчетъ за 1893—1894 годъ отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что «нѣкоторые ремесленники не разъ отказывались отъ полученія платы за работу для библіотеки». Въ 1895 году вологодская городская дума ассигновала ежегодное пособіе библіотекѣ въ размѣрѣ 120 руб. Земская лечебница для душевно-больныхъ безплатно переплетала книги для библіотеки. Продолжались и пожертвованія въ пользу библіотеки со стороны частныхъ лицъ какъ деньгами, такъ и книгами. Членскихъ взносовъ было сдѣлано въ первомъ году существованія библіотеки 513 р., во второмъ 389 р., въ третьемъ—447 р., въ четвертомъ—442 р., въ пятомъ—496 р. и въ шестомъ послѣднемъ (по 1 октября 1898 года)—491 р. Затѣмъ пожертвованій, помимо членскихъ взносовъ, поступило въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ 555 р. Кромѣ того, собрано на устройство собственнаго дома библіотеки въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ (по 1 октября 1898 г.) 2.330 р. Еще болѣе значительны пожертвованія книгами. Въ первый годъ существованія библіотеки поступило пожертвованныхъ книгъ 1.501 томъ, во второй—636 томовъ, въ третій—1.032, въ четвертый—572, въ пятый—903 и въ шестой—600 томовъ, а всего 5.244 тома.

Число членовъ библіотечнаго общества достигало къ концу перваго года 125, къ концу втораго—132, третьяго—также 132, четвертаго—121, пятаго 132 и шестого—141.

Общій приходъ денежныхъ средствъ библіотеки изъ всѣхъ источниковъ составлялъ въ первомъ году 998 р., во второмъ—710 р., въ третьемъ—767 р., въ четвертомъ—882 р., въ пятомъ—783 р. и въ шестомъ—915 р., а всего библіотекою было получено 5.055 р. *). Расходъ каждый годъ былъ меньше прихода, такъ что къ 1 октября 1898 года въ кассѣ библіотеки оказался остатокъ въ 934 рубля. Такимъ образомъ, израсходовано въ теченіе шести лѣтъ всего 4.121 р., въ среднемъ годовой расходъ составлялъ меньше 700 р. На эту скромную сумму, благодаря поддержкѣ общества (безплатный трудъ и книжныя пожертвованія), библіотека успѣла развить, какъ увидимъ, весьма широкую дѣятельность.

Къ концу перваго года библіотека имѣла въ своемъ составѣ 1868 томовъ. Къ 1 октября 1897 года **) каталогъ библіотеки, не считая періодическихъ изданій, получавшихся въ данномъ году, состоялъ изъ 4.557 томовъ. По отдѣламъ книжный составъ библіотеки распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: беллетристика 644 названія, 1.091 томъ; книгъ духовно нравственнаго содержанія 405 названій, 735 томовъ; исторія—145 названій, 213 томовъ; географія, этнографія и путешествія—89 названій, 121 томъ; естествовѣдѣніе—69 назв., 83 тома; медицина и гигіена—34 назв., 36 томовъ; философія и педагогика—21 назв., 31 томъ; сельское хозяйство и прикладныя знанія—36 назв., 47 томовъ; смѣсь—9 назв., 10 томовъ; періодическихъ изданій—132 годовыхъ экземпляра и 395 приложеній къ нимъ. Кромѣ того, въ концѣ года присоединено къ книжному составу библіотеки 246 книгъ, только-что разрѣшенныхъ тогда ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ вологодской безплатной библіотекѣ. Такимъ образомъ, уже къ 1-му октября 1897 года составъ вологодской безплатной библіотеки доходилъ почти до 5.000 томовъ.

Изъ этихъ книгъ лишь небольшая сравнительно часть была пріобрѣтена библіотекою путемъ покупки. Вообще затраты библіотеки на пополненіе своего состава были все время очень скромны. Такъ, въ пятый годъ своего существованія, библіотека затратила на пріобрѣтеніе книгъ всего 74 р. 68 к., а въ шестой—совсѣмъ не было производимо расхода на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ. Такимъ образомъ, пополнялась библіотека по преимуществу книгами, приносимыми ей въ даръ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ книги, жертвуемыя библіотекѣ, могли быть помѣщены въ ея составъ, въ виду того, что безплатныя библіотеки должны ограничиваться въ выборѣ книгъ для своего состава особымъ ограничительнымъ библіотечнымъ каталогомъ. Такимъ образомъ, изъ пожертвованныхъ библіотекѣ во второй годъ ея существованія книгъ—141 названіе въ 206 томахъ не могли быть библіотекою использованы непосредственно обращеніемъ среди ея читателей; въ третьемъ году изъ пожертвованныхъ книгъ не могло поступить въ составъ библіотеки 367 названій въ 421 томѣ, и т. д. Съ этими книгами, не могшими быть использованными библіотекою непосредственно, библіотека распоряжалась весьма различно. Прежде всего она возбуждала ходатайства предъ Ми-

*) Кромѣ того, какъ уже сказано выше, собрано на постройку зданія для библіотеки 2.330 р.

**) Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ (по 1 октября 1898 г.) книжный составъ библіотеки не указанъ.

нистерствомъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи помѣстить часть пожертвованныхъ книгъ въ составъ библіотеки, причемъ часть этихъ ходатайствъ была удовлетворена. Такимъ образомъ, въ 1895 году ученымъ комитетомъ министерства разрѣшено было помѣстить въ составъ библіотеки 269 книгъ, не допускавшися ранѣе въ составъ народныхъ библіотекъ. Такимъ-же образомъ въ 1897 году было разрѣшено помѣстить въ составъ библіотеки еще 246 книгъ. Затѣмъ, въ 1895 году 70 книгъ было пожертвовано библіотекою въ губернскую земскую больницу и 103 книги — въ Кувшиновскую земскую психіатрическую лечебницу; точно также въ 1897 году было отдано въ земскую больницу 100 томовъ книгъ и въ психіатрическую лечебницу 134 тома. Кромѣ того, библіотека, получая нерѣдко отъ разныхъ жертвователей однѣ и тѣ-же книги, имѣла возможность такими повторными экземплярами (разъ данныя книги разрѣшены для народныхъ библіотекъ) поддержать другія народныя библіотеки. Такимъ образомъ, библіотека пожертвовала въ 1897 году въ библіотеку при вологодскомъ арестантскомъ исправительномъ отдѣленіи 100 экземпляровъ книгъ и въ 1898 г. 54 тома книгъ въ Богоявленскую народную библіотеку Устюжскаго уѣзда, 45 томовъ въ двѣ сельскія библіотеки Вологодскаго уѣзда, 94 тома въ библіотеку общества трезвости въ г. Кадниковѣ и 33 тома въ Несвойскую народную библіотеку Вологодскаго уѣзда. Вообще пожертвованныя книги библіотека, въ тѣхъ случаяхъ, когда не могла сама ими воспользоваться, старалась пристраивать, во всякомъ случаѣ, въ такія мѣста, гдѣ онѣ могли быть использованы для чтенія публикою, и только въ исключительныхъ случаяхъ продавала для пополненія своихъ средствъ.

Библіотека помѣщается въ наемномъ помѣщеніи. Вопросъ о постройкѣ собственнаго дома для библіотеки переходитъ теперь уже на практическую почву, такъ какъ, помимо уже собранной для этой цѣли суммы, имѣются въ виду еще значительныя пожертвованія для той же цѣли, и, вѣроятно, скоро Вологодская безплатная библіотека обзаведется собственнымъ домомъ. который будетъ предназначаться, однако, уже не только для нуждъ собственно библіотеки, но вообще для помѣщенія народно-просвѣтительныхъ учрежденій, созданныхъ частною иниціативою въ Вологдѣ *).

Библіотека бываетъ открыта не каждый день. Первоначально она открывалась четыре раза въ недѣлю, и при томъ на короткій срокъ 3—4 часовъ. Но къ послѣднему отчетному году число дней дѣйствія библіотеки было увеличено, и въ шестомъ году своей дѣятельности библіотека была открыта шесть дней въ недѣлю въ періодъ съ 29 октября по 15 іюня, съ 15 іюня по 1 сентября—по 3 дня и съ 1 сентября по 5 дней въ недѣлю.

Въ концѣ 1897 года при библіотекѣ устроенъ читальный залъ.

Дѣятельность библіотеки приняла широкіе размѣры съ первыхъ же дней ея существованія. Уже къ концу перваго года своего существованія библіотека насчитывала 527 читателей. Во второмъ году перебывало уже 635 читателей, въ третьемъ—743, въ четвертомъ—709, въ пятомъ—809 и въ шестомъ, послѣднемъ отчетномъ году (по 1 окт. 1898 г.)—1.018 читателей. Такимъ образомъ, начавъ свою дѣятельность съ весьма большимъ контингентомъ читателей, библіотека въ теченіе шести лѣтъ, затѣмъ удвоила

---

*) Кромѣ собраннаго самою библіотекою капитала для постройки зданія въ 2.330 р., имѣются еще ассигнованія мѣстнаго купеческаго общества, губернскаго земск. собранія и г. Пантелѣева,—всего 3.100, а съ капиталомъ самой библіотеки—6.430 р.

этотъ контингентъ. Успѣхъ библіотеки является въ высшей степени выдающимся. Онъ станетъ еще болѣе очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе, что, по переписи 1897 года, въ Вологдѣ оказалось не полныхъ 28 тысячъ жителей. Собрать въ такомъ небольшомъ городкѣ болѣе тысячи читателей—заслуга, дѣйствительно, не малая, которою дѣятели Вологодской безплатной библіотеки могутъ съ полнымъ правомъ гордиться.

Не маловажною заслугою библіотеки является также то обстоятельство, что она привлекла къ чтенію книгъ женщинъ. Какъ извѣстно, женщины составляютъ вездѣ лишь сравнительно незначительную часть читателей нашихъ народныхъ библіотекъ (хотя, впрочемъ, все-таки значительно большую, нежели въ библіотекахъ, предназначенныхъ для интеллигенціи). Здѣсь имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что среди женщинъ меньшій процентъ грамотныхъ, и предразсудокъ, въ силу котораго населеніе вообще относится съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ къ просвѣщенію женской половины населенія. Первоначально и въ вологодской библіотекѣ женщины составляли очень не значительный процентъ среди читателей. Именно въ первый годъ существованія библіотеки на 527 читателей она имѣла всего 73 женщины-читательницы, т. е. женщины среди общаго числа подписчиковъ составляли всего 13,7%. Затѣмъ съ теченіемъ времени число подписчицъ увеличивалось не только абсолютно, но и по отношенію къ общему числу читателей. Такимъ образомъ, въ шестомъ, послѣднемъ, году изъ 1,018 читателей библіотеки женщинъ было уже 294, или 27,8%, т. е. число женщинъ возросло болѣе, чѣмъ вдвое скорѣе, сравнительно съ возрастаніемъ общаго числа подписчиковъ библіотеки.

По возрасту читатели библіотеки въ послѣднемъ году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дѣтей до 12 лѣтъ было 186 или 17%, подростковъ отъ 12 до 17 лѣтъ 496 или 48% и взрослыхъ старше 17 лѣтъ 336 или 33%. Такимъ образомъ, контингентъ читателей Вологодской библіотеки является довольно высокимъ по возрасту, сравнительно съ другими народными библіотеками.

По сословіямъ подписчики библіотеки въ послѣдній годъ раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: всего больше было мѣщанъ—344 чел.; видную часть подписчиковъ составляли чиновники и духовенство и ихъ дѣти: лицъ чиновничьяго званія было 153, принадлежащихъ къ духовенству и ихъ семьямъ 127; затѣмъ, дворянъ было 72 ч., купеческаго званія 32, почетныхъ гражданъ 27 и военнаго званія 173. Любопытно, что среди лицъ купеческаго званія преобладали женщины (19 женщины и всего 13 мужчинъ), тогда какъ среди почетныхъ гражданъ и духовенства число женщинъ-читательницъ было совершенно ничтожно: именно, изъ почетныхъ гражданъ, состоявшихъ подписчиками библіотеки, было 23 мужчины и всего 4 женженщины, и среди лицъ духовнаго званія—108 мужчинъ и 19 женщинъ. Между подписчиками чиновничьяго званія женщины занимали весьма видное мѣсто (87 мужчинъ и 66 женщинъ); среди дворянъ онѣ занимали ровно третью часть (48 мужчинъ и 24 женщины); среди мѣщанъ женщины составляли менѣе трети (243 мужчины и 101 женщина) и среди крестьянъ ихъ было очень небольшое число (190 мужчинъ и 56 женщинъ).

Наибольшій контингентъ читателей для безплатной библіотеки, какъ и вездѣ, доставили учащіеся, которыхъ въ послѣднемъ году было 610 или 60% всего числа читателей. Изъ остальныхъ читателей самую крупную группу составляютъ лица, занятыя «домашними занятіями», въ каковую

группу входятъ преимущественно женщины, не имѣющія самостоятельной профессіи. Далѣе лицъ, занятыхъ ремесломъ, было 95, состоящихъ на службѣ—государственной, земской и городской—47, занимающихся торговлей—30, лицъ свободныхъ профессій (музыкантовъ, живописцевъ и т. п.)—25, прислуги—25, приказчиковъ—20, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ—13, священно-и церковнослужителей—10, учителей и учительницъ—12, почтальоновъ—8 и занятыхъ врачебнымъ дѣломъ—4. Такимъ образомъ, въ сущности Вологодская библіотека вынуждена удовлетворять требованія всѣхъ классовъ населенія города, хотя преобладаютъ среди ея читателей демократическіе элементы.

Приведенныя данныя, однако, еще не даютъ полнаго представленія о томъ контингентѣ лицъ, который пользуется библіотекою и который въ дѣйствительности значительно шире, чѣмъ то можно было бы думать по приведеннымъ даннымъ. Дѣло въ томъ, что съ перваго же года своего существованія библіотека стала отпускать книги для пользованія также разнымъ учрежденіямъ г. Вологды, нуждающимся въ такихъ услугахъ со стороны библіотеки. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ отчетномъ году услугами библіотеки въ указанномъ отношеніи пользовались шесть учрежденій: 1) ремесленный пріютъ при Вологодскомъ благотворительномъ обществѣ; 2) ночлежный домъ и безплатная столовая г. Колесникова; 3) Александровскій дѣтскій пріютъ; 4) мѣста заключенія по приговорамъ мировыхъ судей; 5) убѣжище для дѣтей Вологодскаго благотворительнаго общества и 6) исправительное арестантское отдѣленіе. Какое именно число лицъ въ этихъ учрежденіяхъ пользовалось книгами библіотеки, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ очевидно, что это число должно быть весьма значительно.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ и какъ именно было используемо читателями библіотеки ея книжное богатство.

Въ первый годъ существованія библіотеки она выдала 11,127 книгъ, что на каждаго читателя даетъ въ среднемъ по 21 книгѣ въ годъ. Такъ какъ число книгъ въ библіотекѣ въ этомъ году равнялось 1868, то въ среднемъ каждая книга сдѣлала по 6 обращеній. Во второмъ году было выдано уже значительно больше книгъ, а именно 17,359, что даетъ на средняго читателя этого года уже 27 книгъ. Средняя книга сдѣлала въ этомъ году уже 8 обращеній. Въ третьемъ году выдано 18,109 книгъ, что даетъ на средняго читателя 25 книгъ—нѣсколько менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году. Уменьшилось также и обращеніе средней книги, опустившись всего до 5 обращеній. Въ четвертомъ году выдано 19,928 книгъ, что даетъ на средняго читателя 28 книгъ, т. е. больше, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы. За-то обращеніе средней книги еще болѣе понизилось, не составляя и 5 обращеній въ теченіе года. Въ пятомъ году выдано 19,869 книгъ, т. е. меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году, не смотря на ростъ числа читателей. На средняго читателя приходилось уже только 24 прочитанныхъ книгъ, а среднее обращеніе книги упало до четырехъ. Наконецъ, въ послѣднемъ году (по 1 окт. 1898 года) число выданныхъ книгъ сразу сильно возрастаетъ, какъ сильно возросло и число читателей въ этомъ году. Именно, выдано въ названномъ году 28,309, что даетъ на средняго читателя снова 28 книгъ. Причины такого роста дѣятельности библіотеки въ указанномъ году, къ сожалѣнію, не выяснены въ отчетѣ библіотеки.

Само собою разумѣется, что чтеніе подписчиковъ вологодской библіотеки, какъ и вообще читателей библіотекъ, направляется по преимуществу на два

отдѣла—періодическія изданія и беллетристику. Такимъ образомъ, изъ общаго числа выдачъ послѣдняго года (28.209) приходится 11.344 выдачъ періодическихъ изданій и 9.963 выдачи книгъ беллетристическаго содержанія. Такимъ образомъ, эти два отдѣла даютъ болѣе трехъ четвертей всего матеріала для чтенія подписчиковъ вологодской безплатной библіотеки. Изъ другихъ отдѣловъ наибольшее число книгъ отпускаетъ отдѣлъ духовно-нравственныхъ книгъ—3.667: далѣе идетъ отдѣлъ исторіи и біографіи—съ 1.619 выданными книгами, затѣмъ отдѣлъ географіи, этнографіи и путешествій (1.193 книги), отдѣлъ естествознанія (483) книги, сельскаго хозяйства и ремеслъ (140), медицины и гигіены (89), педагогики, психологіи и философіи (56) и смѣси (55). Надо, однако, замѣтить, что на это распредѣленіе читаемаго матеріала, кромѣ симпатій читателей, играетъ имѣетъ извѣстное вліяніе и самый составъ библіотеки, ограничиваемый обязательнымъ каталогомъ, въ которомъ нѣкоторые отдѣлы, особенно практическаго характера, представлены скудно до смѣшного. Можетъ быть, читались-бы несравненно въ большомъ количествѣ книги практическаго характера, но ихъ нѣтъ почти совсѣмъ въ каталогѣ, а отсюда—и безплатной библіотекѣ.

Любопытно прослѣдить, измѣняется-ли и въ какомъ направленіи спросъ на книги у читателей безплатной библіотеки подъ вліяніемъ ея дѣятельности. Я вычислилъ процентное отношеніе книгъ разныхъ отдѣловъ къ общему числу выданныхъ книгъ за два крайнихъ года дѣятельности библіотеки—первый и шестой. Вотъ эти отношенія:

Отдѣлы библіотекъ.	Число выданныхъ книгъ.	
	1-ый годъ.	6-ой годъ.
Духовно-нравственный	15%	12,5%
Беллетристика................	37,5%	34,5%
Періодич. изданія............	42%	39,8%
Исторія......................	2%	6%
Географія, этногр. и путеш.....	2%	4%
Естествознаніе...............	1%	2%
Сельск. хоз. и ремесла........	0,01%	0,5%
Медицина и гигіена...........	0,01%	0,3%
Педагогика, психол. и филос...	0,03%	0,2%
Смѣсь.......................	—	0,2%

Такимъ образомъ, въ то время какъ отдѣлы духовно-нравственный, беллетристическій и періодическія изданія стали относительно нѣсколько меньше использоваться читателями, остальные отдѣлы показываютъ значительно возрастаніе использованія. Такъ, по отдѣлу исторіи стали спрашивать относительно втрое больше книгъ, по отдѣлу географіи и естествознанія вдвое больше, а что касается прикладныхъ отдѣловъ и философскаго отдѣла, то по нимъ число спрашиваемыхъ книгъ возрасло въ нѣсколько десятковъ разъ. Еще замѣтнѣе это возрастаніе спроса на книгу такъ называемыхъ «серьезныхъ» отдѣловъ библіотеки при сравненіи абсолютныхъ цифръ: въ то время, какъ въ первый годъ было прочитано книгъ по исторіи всего 210, въ шестой—уже 1519, т. е. почти въ восемь разъ болѣе; точно такъ-же по отдѣлу географіи было прочитано въ первомъ году 219 книгъ, а въ шестомъ 1.193, почти въ шесть разъ больше; по отдѣлу естествознанія взято въ первомъ году 10) книгъ, а въ шестомъ—483; по отдѣлу философіи, пси-

хологіи и педагогики въ первомъ году было взято всего 3 книги, а въ шестомъ 56; по отдѣлу сельскаго хозяйства и ремеслъ въ первомъ году взята была всего одна книга, а въ шестомъ уже 140; по отдѣлу медицины и гигіены въ первомъ году—также только одна книга, а въ шестомъ—89. Такимъ образомъ, очевидно, спросъ на книги среди читателей вологодской библіотеки значительно поднимается качественно, и, безъ сомнѣнія, этотъ подъемъ былъ-бы еще болѣе значителенъ, если-бы тому не препятствовалъ обязательный каталогъ, въ которомъ всѣ «серьезные» отдѣлы представлены крайне скудно.

Въ отчетахъ вологодской безплатной библіотеки печатается каждый годъ списокъ книгъ, на которыя предъявлялся наибольшій спросъ со стороны читателей. Такимъ образомъ мы можемъ судить не только о томъ, какіе отдѣлы наиболѣе читаются, но и какія именно книги изъ этихъ отдѣловъ въ наибольшемъ ходу у читателей.

Въ духовномъ отдѣлѣ всего больше требованій, судя по отчету за послѣдній годъ, предъявляется на журналъ «Паломникъ» (больше трети всѣхъ требованій книгъ этого отдѣла), затѣмъ—на журналъ «Кормчій», «Троицкіе Листки» и «Житія Святыхъ». Этими книгами исчерпывается три четверти требованій, предъявляемыхъ къ духовно-нравственному отдѣлу.

Въ отдѣлѣ беллетристики первое мѣсто по числу требованій занимаютъ Майнъ-Ридъ и Жюль-Вернъ, что совершенно понятно при соединеніи дѣтскаго отдѣла съ беллетристическимъ въ одинъ и при значительномъ числѣ дѣтей-читателей. Затѣмъ авторы беллетристическаго отдѣла по числу предъявляемыхъ на нихъ требованій идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Гоголь, Пушкинъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Вальтеръ-Скоттъ, Левъ Толстой Островскій. Очевидно, выборъ книгъ по беллетристикѣ со стороны читателей вологодской безплатной библіотеки въ общемъ очень не дуренъ.

По отдѣлу исторіи всего больше спрашивались: Сиповскій («Родная Старина», Полевой, Водовозовъ («Очерки XVIII вѣка»), Петрушевскій, Рождественскій, Л. Толстой («Разсказы о Севастопольской оборонѣ»), М. Острогорскій и Мунтъ-Валуева.

Изъ географическаго отдѣла всего больше выдавались: Водовозовой «Жизнь европейскихъ народовъ», Максимова «Годъ на сѣверѣ», Арсеньева «Охотничьи разсказы», Маркова «Очерки Крыма и Кавказа», «Всемірный путешественникъ», Ляминой «Путешествія Пржевальскаго, Сѣверцова и др.» и книжки Меча.

По естествознанію всего чаще требовались книги Брэма, Богданова, Вагнера и Рубакина.

Изъ другихъ отдѣловъ отдѣльныя книги брались лишь небольшое число разъ, но и по этимъ отдѣламъ нѣкоторыя книги требовались по десяти и двадцати разъ въ теченіе года.

Что касается періодическихъ изданій, то свѣдѣнія о спросѣ на отдѣльныя изданія имѣютъ слишкомъ ничтожное значеніе въ виду того, что въ безплатныя библіотеки огромнѣйшее большинство періодическихъ изданій совершенно не допускается, и такимъ образомъ читателямъ этихъ библіотекъ нѣтъ возможности проявить свой выборъ: приходится брать то, что есть въ библіотекѣ. Все-таки отмѣтимъ, что всего больше требованій было на «Читальню народной школы» и на «Ниву». Этими двумя журналами покрывается почти половина требованій на періодическія изданія. Затѣмъ идутъ дѣтскіе журналы и другія иллюстрированныя изданія. Замѣчательно, что

«Свѣтъ» и «Новое Время» занимаютъ послѣднія мѣста въ спискѣ періодическихъ изданій, по числу предъявляемыхъ на нихъ требованій; на эти двѣ газеты предъявлено было вдвое менѣе требованій, чѣмъ сколько онѣ выпускаютъ нумеровъ въ году; такимъ образомъ, эти газеты не имѣли даже одного полнаго читателя въ году.

Въ заключеніе приведенныхъ свѣдѣній относительно читателей библіотеки и ихъ отношенія къ книгѣ, укажемъ еще отмѣчаемое отчетомъ за послѣдній годъ отношеніе читателей къ библіотекѣ и ея собственности. Хотя среди читателей библіотеки много дѣтей и подростковъ юнаго возраста, «они никогда не нарушаютъ порядка въ библіотекѣ излишнею рѣзвостью или громкимъ говоромъ, хотя чувствуютъ себя въ библіотекѣ совершенно свободными. Въ терпѣливомъ ожиданіи своей очереди для полученія книгъ сказывается сознательное уваженіе къ учрежденію». Что касается отношенія читателей къ собственности библіотечной, то, какъ отмѣчаетъ отчетъ, «характерно, что иногда небрежное обращеніе съ книгами замѣчается у дѣтей и юношества болѣе достаточной среды, нежели бѣдной. Бываетъ, что книги «зачитываются», т. е. пропадаютъ у читателей, но, сравнительно съ количествомъ выдаваемыхъ книгъ, потери эти ничтожны. Явнаго воровства книгъ былъ замѣченъ только одинъ случай за все время существованія библіотеки, и то разрѣшившійся весьма утѣшительно: никакихъ репрессивныхъ мѣръ не было принято для обличенія воровства, а только бывшимъ завѣдывающимъ была вывѣшена на стѣнѣ просьба--возвратить захваченную книгу (такую-то). Спустя нѣсколько времени, книга была неизвѣстно кѣмъ принесена и положена на лѣстницѣ у порога библіотеки».

Первоначально дѣятельность общества безплатной вологодской библіотеки сосредоточивалась исключительно на попеченіи о развитіи самой библіотеки, но затѣмъ въ его дѣятельности стали проявляться новые факты, ясно показывающіе, что въ Вологдѣ назрѣла почва для дѣятельности просвѣтительнаго общества съ болѣе широкими и разнообразными задачами. Такимъ образомъ, въ 1898 году на пасху библіотечное общество устроило для 160 бѣднѣйшихъ дѣтей г. Вологды безплатный дѣтскій праздникъ. Далѣе, библіотечное общество приняло участіе во всероссійскомъ чествованіи памяти В. Г. Бѣлинскаго, устроивъ съ этою цѣлью литературный вечеръ въ честь великаго критика. Потребность въ расширеніи дѣятельности Библіотечнаго общества чувствовалась, впрочемъ, еще съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности, и еще въ іюнѣ 1894 года общество возбудило ходатайство о преобразованіи его въ Вологодское общество содѣйствія начальному народному образованію. По проекту, представленному при этомъ на утвержденіе, дѣятельность новаго общества должна была распространяться на открытіе и содержаніе народныхъ безплатныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній, воскресныхъ повторительныхъ классовъ, ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ училищъ, начальныхъ школъ и музеевъ, на изданіе книгъ для народнаго чтенія, на устройство книжныхъ складовъ для продажи книгъ и т. п. На это ходатайство довольно долго не получалось никакого отвѣта, почему Общество повторило свое ходатайство въ началѣ 1897 года. На повторное ходатайство былъ полученъ отвѣтъ отъ Хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ томъ смыслѣ, что утвержденіе представленнаго обществомъ новаго устава пріостановлено впредь до утвержденія въ установленномъ порядкѣ нормальнаго для подобныхъ Обществъ устава, выработаннаго особымъ совѣщаніемъ при Министерствѣ Народнаго

Просвѣщенія. Въ томъ же году, однако, Хозяйственный департаментъ извѣстилъ вологодскаго губернатора о томъ, что такъ какъ нормальный уставъ обществъ для содѣйствія начальному образованію еще не утвержденъ и утвержденіе его едва-ли послѣдуетъ въ скоромъ времени, то Общество вологодской безплатной библіотеки можетъ воспользоваться для выработки своего новаго устава «примѣрнымъ уставомъ Обществъ пособія бѣднымъ», утвержденнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 10 іюня 1897 года. Общество воспользовалось этимъ указаніемъ и переработало прежній свой проектъ примѣнительно къ присланному «примѣрному уставу», внеся въ послѣдній тѣ измѣненія и дополненія, которыя требовались отличіемъ характера дѣятельности просвѣтительнаго общества отъ простого благотворительнаго «общества помощи бѣднымъ». Проектируемое Общество должно будетъ носить названіе общества «Помощь» и преслѣдовать тѣ же просвѣтительныя цѣли, которыя проектировались первымъ проектомъ. Новый проектъ устава представленъ на утвержденіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ январѣ 1898 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ утвержденіемъ новаго устава, съ расширеніемъ дѣятельности симпатичнаго Общества, оно проявитъ и на болѣе широкой аренѣ ту же энергическую дѣятельность, какую оно проявило въ своемъ скромномъ, но многополезномъ дѣлѣ. Расширеніе дѣятельности Общества привлечетъ въ его ряды и большее число дѣятелей, которые и теперь проявляютъ внѣ библіотечнаго общества дѣятельность, пока не могущую войти въ програму его дѣятельности. Именно, уже и въ настоящее время въ Вологдѣ, кромѣ народной безплатной библіотеки, мѣстная интеллигенція создала по частной иниціативѣ еще три просвѣтительныхъ учрежденія—народныя чтенія и двѣ воскресныхъ школы. Объединеніе всѣхъ безкорыстныхъ тружениковъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія въ одномъ Обществѣ, конечно, можетъ только принести пользу дѣлу и усилить ихъ энергію, а также вызвать къ жизни и новыя просвѣтительныя учрежденія.

Пожелаемъ же Обществу Вологодской безплатной библіотеки дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія его дѣятельности.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

О занятіяхъ въ сельскихъ вечернихъ школахъ.

Въ началѣ ноября 1896 г., я подъѣзжалъ, въ пасмурный, холодный вечеръ, къ с. Н., гдѣ земскимъ собраніемъ постановлено было учредить при земскомъ училищѣ вечернія занятія, цѣлью которыхъ было-бы дать возможность кончившимъ курсъ ученикамъ поддержать связь со школою, пріохотить ихъ къ чтенію и сообщить имъ начальныя свѣдѣнія изъ географіи, естественной исторіи и проч., для пріобрѣтенія которыхъ обычный курсъ начальной школы недостаточенъ. Послѣ того какъ надлежащее разрѣшеніе отъ инспекціи было получено, а на училищномъ совѣтѣ обсуждена въ общихъ чертахъ организація этихъ занятій, можно было приступить къ дѣлу.

---

*) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція проситъ направлять въ Харьковъ, на имя Христины Даниловны Алчевской, или Маріи Николаевны Салтыковой.

По проекту, обсуждавшемуся въ земскомъ собраніи, вечернія занятія должны были открыться въ трехъ селахъ, лежащихъ близко другъ отъ друга (Н., Р. и К.), по два раза въ недѣлю въ каждомъ, при чемъ для веденія ихъ приглашался особый учитель, который, квартируя въ центральномъ селѣ, пріѣзжалъ-бы въ другія два къ началу уроковъ. Но средства, ассигнованныя на это дѣло земствомъ, отпускались только съ января 1897 г., а между тѣмъ жаль было пропустить первую половину учебнаго года. Вотъ почему я и рѣшился взяться за дѣло самъ, тѣмъ болѣе, что былъ иниціаторомъ его на собраніи, и мнѣ важно было посмотрѣть, какъ оно пойдетъ.

Дѣло было новое, опредѣленныхъ рамокъ и указаній для постановки его не существовало, и потому нужно было опредѣлить на первыхъ порахъ, что можетъ быть сдѣлано и какіе результаты достигнуты. Въ виду неопредѣленности моего положенія, я не безъ чувства неловкости подъѣзжалъ къ училищу, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось впервые выступать въ роли педагога.

Н.—большое село, расположенное на самомъ берегу р. Камы. Земли, принадлежащія Н—скимъ крестьянамъ, до крайности плохія, изрытыя оврагами и безплодныя; одна рѣка кормитъ и поитъ населеніе, давая ему заработки на снующихъ лѣтомъ взадъ и впередъ пароходахъ и судахъ, снабжая его рыбой, изъ которой особенно много ловится стерлядей, сбываемыхъ на тѣ-же пароходы или въ близлежащій городъ. Живетъ здѣсь народъ ни бѣдно, ни богато, и если въ селѣ нѣтъ каменныхъ домовъ и двухъэтажныхъ построекъ, принадлежащихъ мѣстнымъ кулакамъ, то зато нѣтъ и полусгнившихъ лачугъ, которыя украшаютъ многія селенія нашего уѣзда, въ общемъ довольно бѣднаго. Впечатлѣніе, которое испытываетъ пріѣзжающій впервые въ Н., получается самое пріятное и веселое, въ особенности весною или лѣтомъ, когда съ покатости, на которой расположено село, открывается широкая и многоводная Кама съ бѣгущими по ней огромными пароходами и караванами медленно плывущихъ баржей, зеленѣются поемные луга на томъ берегу, окаймленные холмами, покрытыми лѣсомъ, а дальше уходятъ въ голубую дымку виднѣющіяся на далекое разстояніе пестрыя поля и села съ бѣлыми церквами и вѣтряными мельницами и красивые изгибы Камы, незамѣтно теряющіеся на заднемъ планѣ всего ландшафта. Но теперь картина была довольно печальная: рѣка замерзла, зарѣчный берегъ былъ одѣтъ, какъ саваномъ, снѣжной пеленой; довольно сильный вѣтеръ уныло теребилъ голыя деревья въ немногихъ садахъ села; улица была пуста въ виду наступившаго вечера, и лишь пьяный мужикъ, выписывая мыслете, встрѣтилъ въѣзжавшую въ село кибитку дикою пѣснею и пробормоталъ вслѣдъ непечатную ругань.

Чувство неловкости все болѣе и болѣе усиливалось, и невольно приходило на умъ сравненіе, насколько далека сейчасъ видѣнная картина отъ той задачи, которую предстояло выполнить, невольно напрашивался вопросъ, какъ будетъ встрѣчено здѣсь вторженіе въ чужую жизнь, можетъ-ли имѣть успѣхъ въ деревнѣ школа, основанная на одномъ интересѣ къ знанію, можно-ли здѣсь заинтересовать географіей и прочей книжной мудростью, не будутъ-ли образы Пушкина и Гоголя подавлены на самыхъ первыхъ порахъ пьянымъ разгуломъ и грубостью? Казалось, не могло быть никакого сомнѣнія въ утвердительномъ отвѣтѣ, а между тѣмъ обстоятельства скоро показали совершенно противное, и показали весьма убѣдительно.

Подъѣхавъ къ школѣ, я засталъ въ ней человѣкъ 15 учениковъ, изъ

которыхъ большинство были ребята отъ 12 до 14 лѣтъ, всѣ кончившіе курсъ, и лишь четверо подростковъ постарше. Послѣдніе оказались старыми знакомцами, такъ какъ я здѣсь бывалъ иногда и въ прошлую зиму и читалъ съ ними нѣкоторыя мѣста изъ «Вечеровъ на хуторѣ» и нѣсколько разсказовъ Л. Толстого. Такъ какъ уже смеркалось, то зажгли лампу, которая довольно плохо освѣтила наше школьное помѣщеніе съ деревянными нештукатуренными стѣнами, облупившейся печкой, старыми изрѣзанными и испачканными партами и небольшой группой учениковъ, которые не то съ любопытствомъ, не то съ какимъ-то недовѣріемъ встали при входѣ учителя.

Для начала попробовали заняться ариѳметикой и принялись рѣшать задачи по задачнику Евтушевскаго изъ отдѣла на 4-ре дѣйствія съ простыми числами. Оказалось, что рѣшаетъ большинство удовлетворительно, при чемъ обнаружилось любопытное явленіе: ученики постарше лучше другихъ оріентировались въ методахъ рѣшенія, совершенно ясно представляя себѣ весь ходъ дѣйствія, но зато многіе изъ нихъ затруднялись въ чисто техническомъ отношеніи, а одинъ вполнѣ откровенно признался, что не можетъ произвести намѣченнаго имъ умноженія, такъ какъ забылъ таблицу. Въ ежедневной школѣ бываетъ наоборотъ.

Просидѣвъ долго за ариѳметикой, мы не рѣшились заняться письменными работами, а приступили прямо къ чтенію. Холодный вечеръ, начало зимы, снѣгъ—навели на мысль прочесть «Хозяинъ и работникъ». Читали я и ученики попеременно. Художественная сторона прекраснаго разсказа для большинства видимо не была понятна; ученики поменьше скучали, тѣмъ болѣе, что чтеніе затянулось долго; въ особенности вредили успѣху тѣ чтецы, которые читали похуже, такъ что подъ-конецъ пришлось дать доканчивать разсказъ лишь тѣмъ, которые читали бойко и толково. Впрочемъ, четверо старшихъ слушали внимательно и видимо были увлечены. Но я ожидалъ совсѣмъ не того пріема со стороны аудиторіи для такой вещи, какъ «Хозяинъ и работникъ», тѣмъ болѣе, что Толстого здѣсь уже читали съ успѣхомъ и раньше, и остался очень недоволенъ результатомъ урока: въ общемъ было скучно, вяло, и такое начало не обѣщало ничего хорошаго. Худо было также, что мало собралось учениковъ, но М. А. (учительница ежедневной школы) объяснила это тѣмъ, что не всѣ еще знаютъ о вечернихъ занятіяхъ. Слѣдующіе три урока, 15-го, 17-го и 20-го ноября, мало отличались отъ предыдущаго, за исключеніемъ развѣ того, что было введено еще письмо. Писали очень плохо, страшно безграмотно, съ искаженіемъ словъ и слишкомъ медленно могли записывать диктуемыя фразы. Видно было, что со времени окончанія школы большинство не бралось за перо и потому отвыкло отъ письма. Лишь нѣсколько человѣкъ писало болѣе удовлетворительно и могло самостоятельно излагать свои мысли. За-то чтеніе пошло лучше. Читали, между прочимъ, «Вія» съ большимъ успѣхомъ, хотя читали сами ученики. Интересъ разсказа вызывалъ соревнованіе: плохо читавшіе старались изо всѣхъ силъ, чтобы не отстать отъ другихъ, читавшихъ получше, но все-таки этимъ послѣднимъ пришлось дать дочитать большую часть повѣсти, чтобы не портить впечатлѣнія. «Сигналъ» Гаршина тоже произвелъ впечатлѣніе и слушался съ большимъ вниманіемъ. Хотѣлось ввести научный элементъ въ формѣ объяснительнаго чтенія, и мы попротовали дать почитать «Бесѣды о природѣ» Зобова въ классѣ, дополняя читаемое объясненіями. Но при такомъ способѣ оказалось труднымъ сосредоточить вниманіе учениковъ на предметѣ изложенія и возбудить интересъ къ нему—они видимо скучали.

22-го ноября я привезъ большую лампу-молнію, устройство которой заняло учениковъ. Теперь мы имѣемъ яркое и пріятное освѣщеніе. Въ школѣ народа стало уже замѣтно больше—человѣкъ 20—25. Послѣ обычной ариѳметики и письма принялись за чтеніе; выбрали «Дубровскаго». Чтецомъ былъ одинъ изъ новыхъ учениковъ, Иванъ К—въ, очень хорошо читавшій, который и прочелъ всю первую половину повѣсти; кончили раззореніемъ усадьбы Дубровскаго. Разсказъ видимо заинтересовалъ слушателей, но при чтеніи его невольно чувствовалась фальшь тѣхъ идиллическихъ отношеній между крѣпостными крестьянами Дубровскаго и помѣщикомъ, которыя изображались авторомъ. Пришлось объяснять особенности жизни при крѣпостномъ правѣ, при чемъ слегка ударились въ исторію,—это было тѣмъ болѣе необходимо, что Н—скіе крестьяне никогда не были крѣпостными и почти ничего не знали объ этомъ времени. Оставивъ вторую половину повѣсти до слѣдующаго раза, мы перешли къ стихамъ. Прочли «Калистратушку», «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ». Стихи очень понравились, начался разговоръ по поводу прочитаннаго, многіе стали припоминать, кто что знаетъ. Прочли нѣсколько стиховъ Кольцова. Получился оживленный обмѣнъ впечатлѣній, и урокъ закончился очень удачно. Уѣхалъ я изъ Н. въ 10-мъ часу; ученики провожали повозку со двора; шелъ снѣжокъ, было тепло; нѣсколько человѣкъ взгромоздилось на козла и на задки, и мы торжественно съ большимъ шумомъ выѣхали за ворота; лошади на первыхъ-же шагахъ запутались въ гужевыхъ постромкахъ, и пока кучеръ поправляетъ бѣду, кто-то сзади декламируетъ: «Ямщикъ сидитъ на облучкѣ...» Мы быстро поѣхали по улицѣ, спускавшейся къ широкому оврагу пятисаженной глубины, черезъ который былъ перекинутъ животрепещущій старый мостъ, сооруженный деревенскими инженерами. Здѣсь веселая компанія снялась съ занимаемой ею позиціи и разошлась въ разныя стороны по селу.

24-го ноября я поѣхалъ на 1-й урокъ въ село Р., а М. А. взялась заниматься въ Н., гдѣ дочитали «Дубровскаго», рѣшали задачи и писали. Село Р., такъ же какъ и Н., стоитъ на Камѣ, очень искусно спрятавшись по берегамъ длиннаго лога, такъ что съ рѣки село видно лишь тогда, когда пароходъ очутится какъ разъ противъ него. Оврагъ, на которомъ пріютилось это довольно большое село, хотя меньше Н., служитъ источникомъ благосостоянія крестьянъ: по склонамъ его расположены многочисленные яблочные сады, доходомъ съ которыхъ и живетъ населеніе. Нѣкоторые крестьяне выручаютъ отъ 300 до 500 руб. въ годъ за садъ отъ продажи яблоковъ. Р. единственное мѣсто въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ такъ развито садоводство, что объясняется именно исключительнымъ положеніемъ упомянутаго оврага, выходящаго прямо на югъ къ Камѣ и защищеннаго отъ холодныхъ вѣтровъ. Благодаря своимъ садамъ, жители Р. не вынуждены, какъ Н—скіе, наниматься въ матросы и уходить на заработки, а живутъ всѣ дома, и дефицитъ съ хлѣбопашества пополняютъ доходомъ съ яблоковъ, а также и рыбной ловлей. Въ селѣ давно существуетъ земская школа, учительница которой пользуется живѣйшей симпатіей населенія. Я пріѣхалъ рано, между 12-ти и часомъ, и привезъ съ собой библіотечку, присланную Московскимъ комитетомъ грамотности (въ Н. существуетъ земская библіотека). Пока мы съ учительницей разбирали книги, въ чемъ ученики дѣятельно намъ помогали, прошло не мало времени, и такъ какъ публика ужъ очень оживилась, то не хотѣлось начинать съ письменныхъ упражненій или ариѳметики. Принялись читать и выбрали «Ночь подъ Рождество». Не смотря на то, что чи-

тали сами ученики, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ очень плохо, повѣсть была выслушана съ большимъ удовольствіемъ. Безъ сомнѣнія, «Вечера на хуторѣ»—такая вещь, которая можетъ быть прочтена во всякой аудиторіи съ успѣхомъ. Чтеніемъ на этотъ разъ и ограничились, при чемъ на слѣдующій урокъ предположено было приступить къ предметамъ научнаго характера. Послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса съ учительницей, я рѣшилъ остановиться на географіи и начать съ шарообразности земли и путешествія Колумба. Но такъ какъ неуспѣхъ чтенія по книгѣ въ Н. обнаружилъ уже всю несостоятельность преподаванія научныхъ предметовъ въ формѣ объяснительнаго чтенія, то я остановился на мысли ввести лекціонный способъ преподаванія.

26-го ноября—второй урокъ въ Р. Далъ читать ученикамъ «Эпитемію» Бажиной, которую и дочитали довольно благополучно до конца, хотя послѣ Гоголя она произвела довольно замѣтный диссонансъ. Затѣмъ я попробовалъ прочесть отрывки изъ поэмы «Морозъ красный носъ». Впечатлѣніе получилось довольно слабое, и я не знаю даже, чѣмъ это объяснить: знакомая среда, сочувствіе къ ней автора, прекрасный стихъ все это должно-бы обезпечить успѣхъ, то на дѣлѣ вышло иначе и, хотя аудиторія дослушала повѣсть до конца со вниманіемъ, но слѣдовало ожидать много лучшій пріемъ ея. Въ заключеніе я послѣ долгаго колебанія рѣшился разсказать приготовительный урокъ по географіи, далеко не будучи увѣренъ въ томъ, что его прослушаютъ съ интересомъ. Но результатъ обнаружилъ иное: предметъ сразу привлекъ общее, и ученики слѣдили за каждымъ словомъ съ видимымъ интересомъ. Разсказалъ о шарообразности земли, о томъ, какъ до этого представленія додумались люди, о Колумбѣ, объ открытіи Америки, Магелланѣ и кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. При этомъ я показалъ рисунки американской флоры и фауны, нѣсколько американскихъ видовъ, сказалъ о теперешнемъ положеніи Соединныхъ Штатовъ и показалъ виды городовъ и домовъ. Урокъ вышелъ оживленный и обнаружилъ съ очевидностью несостоятельность опасенія, что научный характеръ предмета покажется скучнымъ: успѣхъ превзошелъ даже успѣхъ чтенія Гоголя. Ободренные первой удачей, мы рѣшили съ слѣдующаго-же раза въ Н. приступить къ урокамъ по физіологіи человѣка. Пріѣхалъ туда 27 ноября съ анатомическимъ атласомъ, рядомъ рисунковъ и микроскопомъ. Урокъ начался на этотъ разъ чтеніемъ; такъ какъ ученики, слышавшіе отъ нѣкоторыхъ товарищей о «Ночи подъ Рождество», выразили желаніе ее прослушать, то имъ была дана эта книга, и они принялись читать сами интересовавшую ихъ повѣсть. Затѣмъ слѣдовалъ 1-й урокъ физіологіи.

Не безъ сильнаго волненія я рѣшился приступить къ этому рискованному матеріалу, такъ какъ если въ Р. удачно началась географія, то все-таки не было еще совершенно ясно, что можно занять учениковъ естественной исторіей, тѣмъ болѣе такимъ спеціальнымъ отдѣломъ ея, какъ физіологія. Но по другимъ отдѣламъ естествознанія—физикѣ, ботаникѣ—у насъ не было учебныхъ пособій, къ тому-же они требовали цѣлаго ряда подготовительныхъ свѣдѣній. Для начала я разсказалъ о крови, кровяныхъ шарикахъ, сердцѣ, артеріяхъ, венахъ и кровяномъ потокѣ. Показалъ рядъ иллюстрацій по атласу и препараты въ микроскопѣ. Слушали внимательно, и видно было, что все понимается, хотя можно было сомнѣваться, что урокъ хорошо запомнятъ, и потому рѣшено было въ слѣдующій разъ провѣрить это разспросами. Разсказъ вышелъ много короче, нежели было предположено,

вслѣдствіе невольной робости лектора, почувствовавшаго себя въ неловкомъ положеніи новатора, который выступаетъ безъ достаточной надежды на успѣхъ. Поэтому по окончаніи урока можно было еще заняться чтеніемъ, и мы взяли для этого «Коробейниковъ». Успѣхъ былъ на этотъ разъ очевиднымъ, хотя пришлось пожалѣть, что ученикамъ было предоставлено читать самимъ. Является уже вопросъ: не лучше-ли художественное произведеніе читать самому, чтобы не вредить цѣлости впечатлѣнія и не прерывать поправками плохо читавшихъ учениковъ?

28-го ноября въ Р. по географіи я разсказалъ о вращеніи земли, о днѣ и ночи. Далъ понятіе о планахъ и географическихъ картахъ. Показаны: планы церкви, дома, карты уѣзда, губерніи, Россіи и частей свѣта. Разсказалъ о географической сѣткѣ, пояснилъ чертежемъ нижегородской выставки. Показанъ компасъ, сообщено о странахъ свѣта, полюсахъ и экваторѣ. Отвлеченныя понятія усваиваются довольно туго, приходится отрываться и пояснять.

Читали «Два старика».

По физіологіи—о крови и сердцѣ тоже, что и въ Н.

1-го декабря—воскресенье. Урокъ въ Н. днемъ. Какъ было предположено, рѣшили поразспросить учениковъ по поводу пройденнаго и посмотрѣть, насколько они усвоили урокъ. Оказалось, что большинство поняло и запомнило вполнѣ удовлетворительно разсказанное о крови и сердцѣ, хотя нѣкоторые забыли номенклатуру. Я предложилъ аудиторіи написать дома письменную работу на тему о кровеобращеніи и заручился нѣсколькими обѣщаніями выполнить предложенное. Въ заключеніе разсказалъ про заразныя болѣзни крови, между прочимъ о сифилисѣ. На этой темѣ пришлось остановиться въ виду того, что хотѣлось дать главнѣйшія понятія объ этой болѣзни, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ все болѣе распространяющейся здѣсь среди крестьянъ, еще лѣтъ 25 тому назадъ ничего не слышавшихъ о ея существованіи.

Для урока чтенія было выбрано «Бѣдность не порокъ». Драматическая форма изложенія на первыхъ порахъ вызвала рядъ недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что чтецамъ очень трудно давалось искусство вести разговоръ отъ имени дѣйствующихъ лицъ: они путались и смѣшили другихъ. Впрочемъ, со 2-го дѣйствія дѣло направилось и піеса была благополучно дочитана до конца. Хотя нечего было сомнѣваться, что изображаемая авторомъ жизнь во многихъ чертахъ знакома слушителямъ и близка имъ, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ комедіи получилось далеко не столь сильное, какъ этого слѣдовало ожидать. Надо думать, что успѣху много вредила неопытность чтецовъ и новая для нихъ форма изложенія. Урокъ закончился уже довольно поздно, такъ что я при огнѣ уѣхалъ изъ Н. въ Р. прямо по Камѣ, вдоль которой по льду была великолѣпная дорога, такъ что 8 верстъ мы проѣхали въ полчаса.

Пріѣхавъ въ школу, я засталъ учениковъ въ большомъ возбужденіи; говорили про новость, видимо только что происшедшую и взволновавшую всѣхъ. Вошедшая учительница разсказала, что только что умеръ одинъ изъ учениковъ вечерней школы, Михаилъ К—въ, очень симпатичный юноша, лѣтъ 15—16, миловидное лицо котораго я хорошо помнилъ. Оказалось, что онъ пошелъ на охоту съ товарищами, неосторожно удалился отъ нихъ и нечаянно упалъ съ крутого берега въ оврагъ, гдѣ его и придавило свалившейся сверху глыбой снѣга. Мальчика хватились лишь долго спустя, мно-

жество народа отправилось на поиски и наконецъ братъ нашелъ подъ снѣгомъ его окоченѣвшій трупъ. Несмотря на случившееся, урокъ все-таки былъ.

По физіологіи я разсказалъ о воздухѣ и легкихъ. Для выясненія состава воздуха, а равно и процессовъ, происходящихъ въ легкихъ, пришлось прибѣгнуть къ опытамъ: получали азотъ, кислородъ и угольную кислоту. Опыты производились безъ необходимыхъ приспособленій и даже горѣніе въ кислородѣ пришлось показать въ пробиркахъ. Ученики очень заинтересовались слышаннымъ и видѣннымъ и очень оживленно разсуждали на перемѣнѣ по поводу урока, который они хорошо усвоили.

Но за-то рядъ вопросовъ, заданныхъ по поводу предыдущаго урока—о крови и сердцѣ, обнаружилъ, что они гораздо меньше вынесли изъ него, чѣмъ ученики въ Н. Впрочемъ, бѣглое повтореніе снова возстановило въ памяти то, что было нужно, и я рѣшилъ, что уроки физіологіи можно продолжать и здѣсь, какъ и въ Н.

Изъ географіи—о климатическихъ поясахъ. Различную степень нагрѣванія и освѣщенія поверхности въ зависимости, во-первыхъ, отъ разстоянія, во-вторыхъ, отъ угла паденія луча—поняли и быстро усвоили; объясненіе чертежа та доскѣ подсказывали сами ученики. Послѣ того какъ эти основные законы паденія свѣта были объяснены, климаты дались безъ затрудненія. Слушатели сами выводили заключенія изъ изложеннаго въ примѣненіи къ землѣ и самостоятельно указали, гдѣ будетъ холодный, гдѣ жаркій поясъ.

О тропическихъ флорѣ и фаунѣ. Показанъ рядъ картинокъ звѣрей и растеній.

Затѣмъ я разсказалъ о временахъ года, обращеніи земли около солнца и о планетахъ. Видимо, что всего этого матеріала много для одного раза; урокъ затянулся часа на $1^1/_2$; слушатели очень утомились. Чтенія не было, такъ какъ занятія кончились послѣ 9-ти часовъ.

3-го декабря въ Р.

Гигіена: объ органахъ пищеваренія; бесѣда вышла очень удачна.

По географіи: о звѣздахъ и кометахъ, о лунѣ и затменіи.

Читали съ большимъ успѣхомъ «Майскую ночь».

7-го декабря. Въ Н. физіологія—о легкихъ и дыханіи. Приспособленій для химическихъ опытовъ добыли больше, чѣмъ въ Р., и они вышли очень удачны. Горѣніе въ кислородѣ сѣры и фосфора произвело большой эффектъ, но окончилось гибелью двухъ колбъ, лопнувшихъ среди общаго восторга; хорошо, что ни въ кого не попало.

Задачи по ариѳметикѣ.

Чтеніе: «Не такъ живи»... Островскаго. Читали по прежнему сами ученики, такъ какъ я все время преслѣдовалъ цѣль—научить механизму чтенія и пониманію читаемаго одновременно. Но, кажется, приходится отдѣлить одну задачу отъ другой. При чтеніи самихъ учениковъ пропадаетъ множество литературныхъ достоинствъ читаемаго произведенія и ослабляется впечатлѣніе. Послѣ чтенія предпринялъ попытку дать нѣкоторый критическій очеркъ двухъ прочитанныхъ пьесъ Островскаго и вовлечь слушателей въ бесѣду о «темномъ царствѣ». Тема оказалась интересная, а главное—знакомая; эти герои Островскаго слишкомъ близки деревнѣ. Въ общемъ, прочитанныя пьесы были поняты какъ слѣдуетъ, но тутъ-же высказались различные взгляды въ зависимости отъ индивидуальности каждаго: одни представляли сплошной протестъ противъ изображенной жизни, другіе готовы были признать неизбѣжность обрисованнаго порядка вещей.

Этотъ урокъ былъ послѣднимъ передъ моимъ отъѣздомъ въ губернскій городъ, куда я долженъ былъ ѣхать на губернское собраніе, а я все медлилъ съ отъѣздомъ, желая лучше установить дѣло въ школахъ. Теперь уже можно было уѣхать безъ опасенія, что дѣло не пойдетъ: учениковъ въ обѣихъ школахъ все прибывало и перешло уже за 30 человѣкъ въ каждой. Занятія видимо привились. Предположеніе, что научное содержаніе уроковъ не заинтересуетъ аудиторію, оказалось опровергнутымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ какъ эти уроки слушались особенно охотно. Всегда по поводу ихъ завязывалась еще за урокомъ бесѣда, которая потомъ продолжалась самими слушателями на перемѣнѣ. Самый матеріалъ оказался достаточно простымь для нихъ и новыя понятія воспринимались и усваивались вполнѣ удовлетворительно. Жаль, что не было хорошихъ наглядныхъ пособій: были у насъ атласы, стѣнныя таблицы съ рисунками по физіологіи, былъ рядъ картинъ и альбомы по географіи, но не было самаго главнаго—туманныхъ картинъ и фонаря, на пріобрѣтеніе которыхъ у насъ не хватало средствъ.

Уроки чтенія принимали мало-по-малу тотъ характеръ, который мы имѣли въ виду имъ придать: дать понятіе слушателямъ о лучшихъ произведеніяхъ русской литературы и научить критически относиться къ нимъ. Хуже шли ариѳметика и письмо. Писать дома удавалось очень немногимъ, а въ классѣ писали рѣдко и не долго, такъ какъ мало было времени. Ариѳметика же мало занимала аудиторію главнымъ образомъ потому, что все повторяли пока «зады». Рѣшилъ по возвращеніи приступить къ дробямъ и попробовать ввести геометрію.

Вообще же школа видимо пріобрѣтала симпатію молодежи, и послѣдній вечеръ даже обнаружилъ нѣкоторую близость между учителемъ и учениками: обѣимъ сторонамъ видимо не хотѣлось разставаться, и я уѣхалъ, сопровождаемый искренними пожеланіями скораго возвращенія. Обѣщалъ въ Н. пріѣхать 23 декабря.

Въ мое отсутствіе въ обѣихъ школахъ обѣщали заниматься учительницы. Географія и физіологія пріостановились и по обоимъ этимъ предметамъ занимались лишь повтореніемъ пройденнаго. За то подвинулись впередъ съ письменными работами. Помимо классныхъ упражненій, въ Н. многіе, согласно выраженному мнѣ раньше желанію, написали о крови и сердцѣ, легкихъ и воздухѣ. Съ фактической стороны вѣрно было у всѣхъ, но зато способъ изложенія и грамматика были удовлетворительны у весьма немногихъ. Трое написали очень хорошо, такъ что съ перваго раза можно было бы заподозрить М. А. въ нелегальной помощи, но работы оказались самостоятельными.

Прочитали «Тараса Бульбу», «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Ссору Ивана Ивановича», «Полтаву» и «Бориса Годунова». Я очень жалѣлъ о томъ, что послѣднія три вещи были читаны безъ меня, такъ какъ хотѣлось лично быть свидѣтелемъ того или иного впечатлѣнія, вынесеннаго слушателями.

Въ губернскомъ городѣ я взялъ изъ губернской управы 2 волшебныхъ фонаря и нѣсколько ящиковъ картинъ къ нимъ по анатоміи и физической географіи и съ этимъ богатствомъ поспѣшилъ пріѣхать домой, чтобы не опоздать къ 23-му числу въ Н. Оказалось еще возможнымъ быть въ Р. 22-го.

Пріѣхалъ поздно, въ 5 ч., было уже темно. Въ училищѣ было очень мало учениковъ; А. В. объясняетъ это тѣмъ, что въ село пришелъ солдатъ въ отпускъ, на котораго всѣ сбѣжались смотрѣть, и поэтому учениковъ больше

*

нечего ждать. Но пока зажигали привезенный мною волшебный фонарь, пока все приготовляли, публика стала собираться и пришла вся, даже еще нѣсколько новыхъ слушателей, а въ томъ числѣ и виновникъ сегодняшняго торжества—молодой флотскій солдатъ, пріѣхавшій изъ Кронштадта.

По физіологіи повторили все пройденное на туманныхъ картинахъ. Новый способъ иллюстраціи урока и никогда невидѣнныя туманныя картины заняли всѣхъ чрезвычайно: картины служили въ одно время учебнымъ пособіемъ и зрѣлищемъ. Школа была совсѣмъ полна; если будетъ ходить народа еще больше, то, пожалуй, мы окажемся въ затрудненіи изъ-за мѣста.

Читали «Полтаву», всего въ одинъ разъ. Поэма очень понравилась всѣмъ, но наибольшее впечатлѣніе она произвела на присутствовавшихъ въ качествѣ зрителей бабъ, которыхъ особенно тронула судьба Маріи и Кочубея; онѣ внимательно слушали, подперши щеку рукою, и вздыхали въ чувствительныхъ мѣстахъ. Красота и образность поэмы видимо чувствовались всѣми, да и не могло быть иначе, такъ какъ такія произведенія невольно западаютъ въ душу каждаго, могущаго понимать русскую рѣчь, независимо отъ состоянія и степени образованія.

23-го пріѣхалъ въ Н. и засталъ школу полною народа: учениковъ оказалось очень много,—цѣлая толпа меня встрѣтила еще на улицѣ. Пустить всѣхъ не оказалось возможнымъ, многимъ пришлось отказать.

Съ началомъ занятій нѣсколько запоздали, такъ какъ ждали до $5^1/_2$ ч. двухъ прежнихъ учениковъ, безъ которыхъ не хотѣлось идти впередъ.

По физіологіи—объ органахъ пищеваренія съ туманными картинами и повтореніемъ всего предыдущаго. Затѣмъ географія.

Первый урокъ, какъ и въ Р., былъ о шарообразности земли, Колумбѣ и кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. Урокъ вышелъ очень оживленнымъ—какъ благодаря полной аудиторіи, принимавшей дѣятельное въ немъ участіе, такъ и просто вслѣдствіе удачнаго настроенія. Такъ какъ по окончаніи географіи было еще рано распускать публику, то надо было почитать. Къ сожалѣнію, подъ руками ничего не было, такъ какъ я предполагалъ читать «Ссору Ивана Ивановича», или «Полтаву» и, не зная, что все это безъ меня прочитано, не захватилъ книги. Изъ Гоголя нечитаннымъ остался «Ревизоръ», но приняться за него было большою смѣлостью. А такъ какъ ничего другого подходящаго не было подъ руками, то я рѣшился попробовать, и въ крайнемъ случаѣ бросить, если будетъ очень неудачно.

Предпославъ краткій очеркъ того времени, къ которому относится комедія, того общества и нравовъ, и краткую характеристику выведенныхъ въ ней лицъ, я принялся за чтеніе. Съ первыхъ словъ пьеса овладѣла слушательницами,—давно уже не было такого напряженнаго вниманія. Сначала я думалъ, что только внѣшняя сторона комизма усваивается аудиторіей, и приписалъ успѣхъ чтенія удачному построенію разговоровъ и живому дѣйствію комедіи, но вырывавшіяся отовсюду замѣчанія, которыхъ не могла удержать публика, напр., при разсказѣ городничаго о порядкахъ въ канцеляріи судьи, больницѣ, при прочтеніи почмейстеромъ чужого письма, при появленіи Бобчинскаго и Добчинскаго и проч., показывали ясно, что бытовое и общественное значеніе комедіи слушателямъ вполнѣ понятно. Послѣ небольшого перерыва прочли 2-е дѣйствіе, по усиленной просьбѣ учениковъ, и такимъ образомъ просидѣли до половины десятаго. Никогда еще такъ поздно не кончался урокъ и еще ни разу онъ не былъ такъ удаченъ и столь полонъ разнообразными впечатлѣніями. Ученики выразили желаніе ходить на вечер-

ніе урски и на святкахъ, почему я и обѣщалъ пріѣхать въ слѣдующій разъ на 3-й день празника.

27-го декабря. По физіологіи—объ обмѣнѣ веществъ; питаніе и разрушеніе составныхъ частей тѣла, органы выдѣленія; почки, потовыя железы.

Закончили чтеніе «Ревизора» съ такимъ же успѣхомъ, какъ начали. Нѣкорые ученики взялись написать письменную работу по поводу «Ревизора». Что-то напишутъ?

Географія—планеты, вращеніе земли около солнца и оси, луна, фазы ея и затменіе, неподвижныя звѣзды и кометы. Занятія кончились въ девятомъ часу и ученики очень утомились. Тѣмъ не менѣе урокъ вышелъ очень успѣшный, и слушателей было столько-же, сколько въ предыдущій разъ.

Теперь будетъ не лишнимъ подвести нѣкоторый итогъ проведеннымъ вечернимъ занятіямъ и охарактеризовать обѣ школы.

Хотя Н. и Р. находятся всего въ 8 вер. другъ отъ друга и оба стоятъ на Камѣ, тѣмъ не менѣе какъ оба села, такъ и ихъ жители сильно разнятся между собою. Въ Р. населеніе земледѣльческое, земля хотя и плоха, но обрабатывается усердно и служитъ основнымъ фондомъ благосостоянія. У Р—скихъ крестьянъ всегда есть хлѣбъ, и запасы его въ кладухахъ занимаютъ большое пространство за 1/4 вер. отъ села, гдѣ предусмотрительные хозяева складываютъ его нарочно во избѣжаніе пожаровъ отъ злого умысла. Но хлѣбъ крестьянамъ служитъ лишь для себя и не продается на сторону. Для покрытія-же расходовъ по уплатѣ повинностей и проч. служитъ другая статья дохода—яблочные сады, которые годъ отъ году все болѣе разростаются по откосамъ Р—скаго оврага. Благодаря этимъ садамъ, населеніе имѣетъ возможность жить дома безбѣдно и даже пользуются извѣстнымъ избыткомъ; отхожіе промыслы рѣдки.

Въ Н.—какъ разъ наоборотъ: обработкой полей занимаются очень немногіе; все полевое хозяйство ведутъ старики да бабы съ малыми ребятами, такъ какъ взрослое мужское населеніе уходитъ на все лѣто въ матросы на камскіе пароходы и, отправляясь на службу въ началѣ марта, возвращается лишь въ ноябрѣ, чтобы дома отдохнуть зимою. Кочевая жизнь, съ одной стороны, отрываетъ крестьянъ отъ земли, но съ другой—даетъ имъ самостоятельность и независимость отъ случайностей погоды и неурожая, даетъ имъ возможность перебывать въ разныхъ мѣстахъ Волги и Камы, до Каспійскаго моря включительно. Это обстоятельство, въ связи съ давнимъ существованіемъ земской школы въ селѣ, давшей всей молодежи грамотность, не мало способствовало развитію народа во всѣхъ отношеніяхъ: Н—цы болѣе толковые, болѣе бывалые люди по сравненію съ жителями Р.

Сообразно этому, обѣ наши школы сильно разнятся другъ отъ друга: Р—цы просты, довѣрчивы, охотно ходятъ на наши занятія и внимательно слушаютъ все, что тамъ преподается, не сомнѣваясь въ авторитетѣ учителя и въ полезности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Въ Н. развитъ духъ критики, тамъ не подходятъ ни къ одному явленію съ открытымъ сердцемъ, а сначала внимательно анализируютъ его и смотрятъ, достойно-ли оно ихъ вниманія. Поэтому въ началѣ въ Н. было у насъ мало учениковъ, но зато, разъ школа пріобрѣла симпатію со стороны ея посѣтителей, эти отношенія установились прочно и на надежныхъ основаніяхъ.

Въ Н. много легче вести уроки со стороны ихъ содержанія, такъ какъ всякій матеріалъ можетъ быть воспринятъ и усвоенъ, тогда какъ въ Р. необходимо больше приноравливаться къ уровню развитія слушателей. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ уроки въ Н. должны быть составлены интереснѣе и проведены толково и занимательно, иначе ихъ будутъ плохо слушать, тогда какъ въ Р. слушаютъ внимательно всегда. За-то сколько пріятныхъ минутъ приходится переживать въ Н. вмѣстѣ съ учениками, когда настроеніе хорошо и все идетъ удачно! Тутъ аудиторія оживляется и слѣдитъ за каждымъ словомъ разсказа; любой каламбуръ вызываетъ взрывъ смѣха, а серьезныя вещи—не менѣе серьезное вниманіе. Предлагаются вопросы, показывающіе, что аудиторія въ курсѣ дѣла, вызывается обмѣнъ впечатлѣній. Литературныя произведенія понимаются съ бытовой и общественной стороны вѣрно и осмысленно.

Вообще, я лучше себя чувствую въ Н—ой школѣ, и здѣсь мнѣ больше удалось сойтись съ учениками. Послѣ уроковъ часто многіе изъ нихъ остаются пить чай въ комнатѣ М. А., и здѣсь само собой заводится бесѣда до поздняго часа ночи, являющаяся вторымъ урокомъ послѣ только что оконченныхъ. Въ обѣихъ школахъ замѣчается «ядро», образовавшееся изъ нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ учениковъ, дающихъ тонъ всему классу: они являются наиболѣе постоянными посѣтителями, все время стоятъ въ курсѣ дѣла и ведутъ за собою остальныхъ. Но въ Р. это ядро менѣе выдѣляется, чѣмъ въ Н., гдѣ оно рѣзко обособлено. Попробую охарактеризовать нѣсколькихъ лицъ изъ этого ядра.

Андрей Л—въ раньше всѣхъ другихъ началъ ходить въ школу и состоитъ ея постояннымъ посѣтителемъ. Это широкоплечій, долговязый не по лѣтамъ малый, лѣтъ 17-ти, съ широкимъ, улыбающимся широкою улыбкою лицомъ. Я совершенно отказываюсь представить его сколько-нибудь серьезнымъ; его необычайно подвижная физіономія постоянно мѣняется, но всегда сіяетъ веселостью и смѣхомъ. Онъ малый способный, но большой лѣнтяй и, поддаваясь чрезвычайно легко впечатлѣніямъ, не любитъ углубляться въ нихъ и думать, но его хорошая память выручаетъ его, и мнѣ не разъ удавалось наблюдать, что Л—въ прекрасно усвоилъ весь матеріалъ того или иного урока, который онъ слушалъ однимъ только ухомъ, лишь между шалостей улавливая разсказъ. Онъ очень любитъ уроки чтенія, гдѣ его больше всего занимаетъ комическое, котораго онъ тонкій цѣнитель. Его любимый писатель Гоголь, и къ «Вечерамъ на хуторѣ» онъ питаетъ большую слабость. Но за то онъ находится въ непримиримой враждѣ съ математикой и испытываетъ къ ней антипатію, почти граничущую съ отвращеніемъ; не особенно ретивъ онъ и по части письменныхъ работъ, т. е. его не хватаетъ какъ разъ тамъ, гдѣ нужно напряженіе мысли и труда. Этотъ исключительный темпераментъ вноситъ много безпорядка въ классъ, такъ какъ, въ силу подвижности своей натуры, онъ ни одну минуту не можетъ пробыть спокойнымъ и постоянно шалитъ и паясничаетъ, заражая другихъ. Но все это дѣлается настолько не преднамѣренно, а его широкое лицо улыбается такъ добродушно, что на него никакъ нельзя сердиться, тѣмъ болѣе, что этотъ субъектъ вездѣ и всегда остается вѣренъ себѣ: въ школѣ, дома, на улицѣ, даже въ церкви. Я думаю, что Л—въ былъ-бы отличнымъ комическимъ актеромъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ школѣ онъ выполняетъ эту роль превосходно.

Петръ Н—въ—небольшого роста паренекъ, однихъ лѣтъ съ Л—вымъ, съ необыкновенно симпатичнымъ, слегка попорченнымъ оспою лицомъ. Онъ тоже давно ходитъ въ школу и сразу обратилъ на себя вниманіе багатыми способностями, а также чрезвычайно серьезнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ

дѣлу. Его способности проявляются одинаково и въ математикѣ, гдѣ онъ быстро и очень правильно соображаетъ, и въ другихъ занятіяхъ, гдѣ требуется вниманіе и память: стоитъ ему разъ услышать что-либо, какъ оно усваивается и запечатлѣвается на-долго. Совсѣмъ почти мальчикъ, онъ разсуждаетъ, какъ взрослый, высказывая свои мнѣнія, лишь основательно подумавъ. Будучи строгъ къ себѣ и привыкнувъ думать надъ всякимъ явленіемъ и давать себѣ ясный въ немъ отчетъ, онъ поражаетъ серьезностью и развитостью не по лѣтамъ; но въ то-же время это очень живая и впечатлительная натура. У него естественная склонность къ реальному; фантазіи мало занимаютъ его, и серьезное по содержанію всегда найдетъ въ немъ внимательнаго цѣнителя. Онъ читаетъ очень много, и часто дома, когда всѣ улягутся спать, просиживаетъ долго за книгой, заставивъ лампу чѣмъ-нибудь, чтобы она никому не мѣшала и чтобы отецъ не видѣлъ его занятій. Такъ какъ дѣйствительность не была особенно благосклонна къ нему (его семья очень бѣдна и онъ рано началъ ходить на заработки), то онъ привыкъ очень осторожно относиться ко всему окружающему; его довѣріе пріобрѣсти сразу не легко, но зато онъ очень цѣнитъ проявленіе симпатіи, если она искренна, и тогда привязывается прочно. Онъ простъ и совершенно естественъ, гордъ, но безъ самомнѣнія, лишь въ смыслѣ желанія сохранить самостоятельность своей личности и достоинства, попирать которое онъ не позволитъ. Славная, симпатичная и вполнѣ цѣльная натура, неспособная притомъ поддаться дурному вліянію.

Василій Н—въ, братъ Петра, моложе его годомъ, но выше ростомъ. Его далеко некрасивое лицо, къ тому-же съ косымъ лѣвымъ глазомъ, всегда серьезно и, тогда какъ Петръ часто искренно отдается смѣху и громко хохочетъ, этотъ лишь слегка улыбается. Рядомъ съ братомъ, натурой, пожалуй, что исключительной, онъ невольно стушевывается, и я сначала мало обращалъ вниманія на него и на его способности, которыя во всякомъ случаѣ недюжинныя. Потомъ лишь оказалось, что В. Н—въ одинъ изъ наиболѣе успѣшныхъ учениковъ, а по математикѣ я затрудняюсь, какъ раздѣлить пальму первенства между нимъ и братомъ. Но онъ развитъ менѣе Петра, и во всякомъ случаѣ не является столь рѣдкимъ украшеніемъ нашей школы, какъ этотъ послѣдній.

Тимофей Т—въ, вмѣстѣ съ тремя предыдущими, послѣдній изъ старыхъ знакомцевъ, которые еще съ конца прошлой зимы бывали въ школѣ, гдѣ тогда еще не было систематическихъ занятій, а лишь изрѣдка удавалось пріѣхать и что-нибудь почитать. Въ нынѣшнюю зиму онъ не пропустилъ еще ни одного урока и является самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ школы, куда забирается раньше всѣхъ. Это мальчикъ лѣтъ 16-ти, много отставшій отъ другихъ по росту и, пожалуй, по успѣхамъ, особенно въ началѣ, но желающій заниматься совершенно серьезно; его успѣхи очень замѣтны; напримѣръ, въ чтеніи: въ началѣ онъ читалъ очень плохо, почти что хуже всѣхъ, но хотя у насъ рѣдко бываетъ механическое чтеніе, а заставлять его читать большія вещи не приходится, такъ какъ онъ производитъ диссонансъ въ ряду съ другими, онъ тѣмъ не менѣе значительно усовершенствовался, и въ одинъ прекрасный день я былъ очень пріятно пораженъ, замѣтивъ его бѣглое и осмысленное чтеніе. Оказалось, что чтеніе другихъ было для него примѣромъ, онъ бралъ много книгъ изъ библіотечки и нагналъ товарищей.

Корнелій Г—въ — совсѣмъ мальчикъ, не смотря на свои 16 лѣтъ,

необычайно скромный, тихій и почти незамѣтный. Но когда вы къ нему обратитесь, его маленькое лицо необыкновенно пріятно улыбается, глазки забѣгаютъ, и онъ вамъ дастъ толковый и по большей части вѣрный отвѣтъ на заданный вами вопросъ. Онъ все время въ курсѣ дѣла, все понимаетъ и помнитъ, а его письменныя работы однѣ изъ лучшихъ.

Иванъ К—въ вмѣстѣ съ Петромъ Н—мъ—второй бриллiантъ чистой воды въ ядрѣ нашей школы. Это юноша лѣтъ 17-ти, съ мелкими чертами лица и слегка вьющимися темнорусыми волосами, съ живыми выразительными глазами и пріятнымъ голосомъ, въ которомъ слышатся какія-то вопросительныя нотки. Будучи надѣленъ прекрасными способностями и прямо таки удивительной памятью, онъ все ловитъ на-лету, соображаетъ и запоминаетъ съ перваго слова; повторять для него нѣтъ надобности, такъ какъ, не смотря на быстроту, съ которой имъ все усваивается, разъ усвоенное надолго остается у него въ памяти. Это натура по преимуществу художественная. Необыкновенно воспріимчивый, онъ моментально весь отдается захватывающему его впечатлѣнію и увлекается. У насъ нѣтъ въ классѣ болѣе живого и внимательнаго слушателя, по крайней мѣрѣ, нѣтъ другого, который слушалъ-бы *такъ*, какъ онъ. Когда идетъ лекція по физіологіи или географіи, онъ—весь вниманіе и слѣдитъ за каждымъ словомъ: вы видите какъ быстро работаетъ его мысль. Во время чтенія онъ уже не слушаетъ, а прямо переживаетъ то, что происходитъ съ дѣйствующими лицами, и вы чувствуете сразу какую груду впечатлѣній вы вызвали въ его головѣ. Понимая хорошо значеніе тѣхъ или иныхъ литературныхъ типовъ, общественныхъ явленій, характеровъ дѣйствующихъ лицъ, онъ художественнымъ чутьемъ угадываетъ то, что могло-бы быть ему недоступно по его молодости и незнакомству съ нѣкоторыми сторонами жизни. Онъ, какъ и Петръ Н., читаетъ много книгъ, одну за другой. По своему характеру это натура чрезвычайно мягкая и отзывчивая, а также искренняя, какъ говорится—душа на распашку. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему свойственна рѣдкая степень чуткости, деликатности и врожденнаго благородства. Все это придаетъ какой-то исключительный характеръ всей его личности, въ общемъ необычайно привлекательной. Не знаю, можетъ-ли онъ быть столь устойчивъ, какъ, напримѣръ, Петръ Н—въ, и не поддасться никакому дурному вліянію, но я совершенно увѣренъ, что если среда и окажетъ на него неблагопріятное давленіе, все-таки эта рѣдкая по своему разнообразію натура сохранитъ въ себѣ неиспорченными свои богатые задатки. Но можно опасаться, что именно въ силу этого разнообразія натуры онъ разбросается, размѣняется на мелочи и останется поверхностнымъ.

Дмитрій Н—въ, безспорно, самый развитый изъ нашихъ учениковъ, плотный, коренастый малый, лѣтъ 20-ти, съ умнымъ лицомъ и проницательнымъ и хитрымъ взглядомъ. Будучи человѣкомъ бывалымъ (онъ служилъ на пассажирскомъ пароходѣ, ѣздилъ по Каспійскому морю, былъ на рыбныхъ промыслахъ въ Астрахани, доѣзжалъ до Персіи), онъ не мало видѣлъ интереснаго и, въ силу своей природной наблюдательности, пріобрѣлъ много свѣдѣній. Въ школу зашелъ онъ сначала, надо полагать, изъ любопытства, нѣсколько свысока смотря на наши занятія, но потомъ заинтересовался ими совершенно искренно и состоитъ однимъ изъ нашихъ наиболѣе усердныхъ посѣтителей, являясь всегда аккуратно, внимательно слушая, критикуя, разспрашивая и запоминая все прекрасно. Будучи развитѣе и старше большинства своихъ товарищей, онъ извлекаетъ изъ школы наибольшую сумму

пользы, и ему легко все дается. Онъ читаетъ рѣшительно все, такъ какъ ему доступно многое такое, что не подъ силу другимъ; изо всей нашей аудиторіи онъ единственный, который прочиталъ съ толкомъ «Войну и миръ», и она произвела на него большое внечатлѣніе. Уроки географіи его особенно интересуютъ, при чемъ его занимаетъ болѣе всего бытовая сторона отношеній; онъ-бы, кажется, немедленно пустился странствовать по незнакомымъ странамъ, описаніе которыхъ слышалъ, если бы къ этому была возможность. Будучи человѣкомъ съ большими способностями, Н—въ тѣмъ не менѣе далеко не носитъ въ себѣ такого разнообразія задатковъ, какъ П. Н—въ или И. К—въ, и если онъ и занимаетъ исключительное положеніе въ нашей школѣ, то именно въ силу того обстоятельства, что онъ значительно опередилъ другихъ развитіемъ, а также въ силу переходнаго свойства своего ума, скептическаго въ высшей степени. Онъ пользуется большимъ вліяніемъ на товарищей, и хотя это вліяніе, быть можетъ, и тяжело для тѣхъ, кто съ нимъ болѣе близокъ, но освободиться отъ него имъ трудно.

Иванъ С—нъ, ближайшій пріятель Н—ва, надъ которымъ послѣдній болѣе другихъ упражняетъ свое вліяніе, красивый бѣлокурый малый, лѣтъ 19-ти, малотипичная личность, со средними способностями, хотя довольно развитой. Онъ, такъ-же, какъ и Н—въ, женатъ, но обоимъ пріятелямъ семейная жизнь ни мало не мѣшаетъ посѣщать наши занятія и по долгу просиживать по окончаніи ихъ за чаемъ и бесѣдой. С—нъ очень мало самостоятеленъ, и безъ Н—ва немедленно стушевывается. Если-бы одного можно было приравнять Фаусту, то другому еще болѣе подойдетъ роль Мефистофеля.

М. С—нъ и А. Б—въ—тоже два взрослые парня, совсѣмъ женихи. Первый мягче и легче поддается вліянію, второй болѣе самостоятеленъ и серьезенъ. Оба способные люди, въ особенности Б—въ, личность котораго вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе оригинальна.

Два брата М—ны В. и Г. ходятъ въ школу вопреки желанію родителей. Василій, по окончаніи курса земскаго училища, цѣлую зиму учился въ 2-хъ классной церковно приходской школѣ, но курса не окончилъ и ушелъ оттуда.

Мнѣ слѣдовало бы сообщить еще кое-что о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ изъ нашего «ядра», какъ, напримѣръ, о Власѣ В—вѣ, въ высшей степени оригинальномъ парнѣ съ типичной физіономіей, очень неглупомъ, насмѣшливомъ и порядочномъ озорникѣ, но не столь простомъ и добродушномъ, какъ Андрей Л—въ, объ А. И—вѣ — взросломъ мужикѣ лѣтъ 33-хъ, о Д. З—вѣ—мѣстномъ торговцѣ, человѣкѣ бываломъ, и нѣкоторыхъ другихъ, но боюсь утомить вниманіе читателя и потому перехожу къ дальнѣйшему изложенію нашихъ занятій.

Н. А.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Свѣдѣнія о Кимрской (Тверской губ.) мужской воскресной школѣ за 1897—1898 учебный годъ.

Первый годъ существованія.

Кимрская воскресная школа представляетъ такое еще юное, неопредѣлившееся ясно въ своихъ задачахъ и цѣляхъ, не окрѣпшее въ своей

организаціи дѣло, что еще стѣсняется говорить о своемъ существованіи. Исторія возникновенія школы приблизительно такова. Мысль о необходимости какими-либо средствами пополнить существенный пробѣлъ въ начальномъ образованіи нашего населенія жила въ каждомъ интересующемся дѣломъ народнаго образованія, а еще въ большей степени въ каждомъ учащемъ въ мѣстныхъ школахъ. Тяжело было видѣть множество совершенно безграмотнаго народа. Интеллигенція города привѣтствовала открытіе въ Кимрахъ народной библіотеки-читальни, но послѣдняя не особенно сочувственно была встрѣчена народомъ. «Это не для насъ, а для богатыхъ!» справедливо говорилъ народъ про библіотеку. Дѣйствительно, только зажиточная часть населенія въ состояніи получать грамотность въ школѣ въ такой мѣрѣ, чтобы пользоваться потомъ книгами изъ библіотеки. Собственно же народъ, рабочая часть его, или вовсе безграмотенъ, или еле грамотенъ, во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы быть въ состояніи читать книги. Мѣстный промыселъ (сапожное ремесло) отнимаетъ отъ школы ученика уже съ 9-ти лѣтъ, т. е. большею частью послѣ перваго же года обученія въ школѣ, когда онъ еще мало постигъ даже механизмъ грамотности. Бѣдная же часть населенія и вовсе не отдаетъ въ школу дѣтей. Такимъ образомъ, оставалось, какъ необходимое дополненіе къ начальной школѣ и народной библіотекѣ, предложить народу безграмотному обучаться грамотѣ, а малограмотному пополнить свою грамотность въ единственный свободный день—воскресенье. Эта необходимость была одинаково сознана всѣми учащими Кимръ, которые и обратились за разрѣшеніемъ открыть воскресную школу къ инспектору народныхъ училищъ. Послѣдній, къ величайшей нашей радости, не замедлилъ разрѣшеніемъ мужской воскресной школы при одной изъ земскихъ начальныхъ школъ, возложивъ отвѣтственность за весь ходъ дѣла и преподаваніе Закона Божія на меня, какъ одного изъ участниковъ воскресной школы и учителя той земской школы, при которой была открыта воскресная.

На приглашеніе учащихъ, въ теченіе трехъ недѣль въ школу записалось около 50 человѣкъ, изъ нихъ $^3/_4$ безграмотныхъ и $^1/_4$ полуграмотныхъ и малограмотныхъ; позже прибавилось еще 10 учениковъ. Неувѣренные въ своихъ силахъ, учащіе задались сначала скромною цѣлью—научить грамотѣ въ узкомъ смыслѣ слова. Затѣмъ, по мѣрѣ успѣшнаго осуществленія этой задачи, стали сообщать учащимся нѣкоторыя знанія, силясь заинтересовать ихъ свѣдѣніями изъ прочитанныхъ или по поводу прочитанныхъ въ классѣ статей, что до нѣкоторой степени и удавалось. Но были нѣкоторые ученики, которые, научившись грамотѣ въ видахъ практическихъ, уходили изъ школы. Больше всего, однако, уходило вслѣдствіе экономическихъ и семейныхъ затрудненій. Въ общемъ, ушедшихъ не очень много—20—25%. Пропуски въ посѣщаемости болѣе всего падаютъ на долю взрослыхъ, которыхъ отрывали отъ воскресной школы: мясоѣдомъ—свадьбы и народные праздники, а постомъ—сходы, сельскіе, общественные, волостные и частные, пользовавшіеся также единственнымъ свободнымъ днемъ недѣли.

Что касается преподаванія, то оно было очень несложное. Въ первомъ полугодіи всѣ учащіеся составляли одну группу, въ которой велось совмѣстное обученіе чтенію и письму звуковымъ методомъ, шедшее довольно успѣшно. Письмо въ концѣ концовъ все-таки значительно отстало отъ чтенія, вслѣдствіе невозможности упражняться въ письмѣ дома; да и вообще заниматься дома большинство учащихся не имѣло никакой возможности. Съ января мѣсяца, когда алфавитъ былъ пройденъ, ученики были раздѣлены на группы

по успѣшности. Въ классѣ стали читать выбранныя, по возможности, систематически статьи «Новой Азбуки» и четырехъ книгъ для чтенія Л. Толстого. Для болѣе грамотныхъ статьи выбирались изъ «Дѣтскаго міра» Ушинскаго, 1-я и 2-я часть, «Вешнихъ всходовъ» Тихомирова и «Наше Родное» Баранова. Съ января мѣсяца предложено было всѣмъ желающимъ заниматься ариѳметикой. Изъявило согласіе на это болѣе половины всѣхъ учениковъ; къ концу года они выучились считать на торговыхъ счетахъ, усвоили письменное сложеніе чиселъ и нѣсколько ознакомились съ вычитаніемъ.

Что касается чтенія книжекъ на дому, то въ началѣ года сами ученики мало читали,—чаще они давали книгу прочитывать вслухъ грамотнымъ въ своей семьѣ и отдавали потомъ въ школѣ отчетъ о прочитанной книжкѣ, почти всегда указывая, что читали не сами. Къ концу же года большинство стало самостоятельно цѣликомъ прочитывать книжки. Выдачу книгъ производилъ каждый учащій своей группѣ.

Что касается взаимныхъ отношеній учащихъ и учащихся, то они отличались полной искренностью, сердечностью и едва ли могли быть лучше.

Собранія учащихъ хотя и происходятъ, но рѣдко; на нихъ въ большинствѣ случаевъ рѣшали вопросы педагогическіе и дидактическіе, а также производилось распредѣленіе учениковъ, обсуждались выписка книгъ, учебныхъ пособій и т. п. Обсужденіе уроковъ существовало лишь въ началѣ, когда была одна группа, такъ что преподающіе вели занятія по очереди, остальные помогали, слушали, затѣмъ критиковали; когда же пришлось раздѣлить учениковъ на группы по числу учащихъ, которыхъ было 8, то критика стала вполнѣ отсутствовать.

Завѣдующій школой **И. Успенскій.**

О преподаваніи русской исторіи въ воскресной школѣ.

На одномъ изъ педагогическихъ засѣданій учительницъ Пензенской воскресной школы была прочитана статья изъ сентябрьской «Хроники воскресныхъ школъ»—«Дневникъ учителя воскресной школы».

Въ этомъ дневникѣ высказывается, между прочимъ, желаніе совмѣстнаго обсужденія взглядовъ на преподаваніе въ воскресной школѣ. Вполнѣ сочувствуя симпатичной идеѣ автора, я позволю себѣ высказать свой взглядъ на преподаваніе русской исторіи, не согласный съ его мнѣніемъ. Въ дневникѣ говорится, что исторія должна преподаваться въ воскресной школѣ въ видѣ біографій нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей—«друзей человѣчества»; сообщать-же ученикамъ историческія событія нужно только тѣ, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ современнымъ народнымъ бытомъ. Авторъ пишетъ: «Зачѣмъ ученику народной школы знать, кто такіе были Синеусъ и Труворъ (Рюрикъ почему-то упускается изъ виду), какъ ссорились и убивали другъ друга братья-князья изъ-за великокняжескаго престола. Всѣ подобныя статьи не производятъ никакого впечатлѣнія на дѣтей, а даются имъ очень трудно».

Я, преподавательница русской исторіи, вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію, что отечественная исторія предметъ и очень поучительный, и интересный для учащихся воскресныхъ школъ. Ихъ не интересуютъ подробности междоусобій, войны, похищенія престоловъ, подробности о личностяхъ, но, какъ я замѣтила изъ наблюденій, ихъ очень живо интересуетъ то—какъ жили

наши предки, какіе у нихъ были жилища, занятія, обычаи, вѣра; какъ мѣнялся съ теченіемъ времени, благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ или вліянію отдѣльныхъ великихъ личностей, тотъ или иной строй жизни. Учащіеся сами приходятъ къ мысли, что христіанство должно было смягчить нравы и уничтожить многіе безразсудные обычаи, что грамотность должна была возвысить умственный и нравственный уровень. Они ясно даютъ себѣ отчетъ, почему раздѣленіе на удѣлы было гибельно для Руси, а соединеніе ея подъ единодержавной властью спасительно, усваивая такимъ образомъ идею государственнаго устройства.

Раньше, чѣмъ затронуть вопросъ объ исторіи, авторъ дневника пишетъ: «Духовный міръ необразованнаго простолюдина полонъ мучительныхъ призраковъ. Его безпокоятъ вѣщіе сны, вмѣшательство демонической силы. Изученіе законовъ природы пріучаетъ человѣка мыслить, согласно строгой дѣйствительности. Призраки исчезаютъ». А при изученіи исторіи, когда вы останавливаете вниманіе учениковъ на вѣрованіяхъ предковъ, говорите о крѣпко держащихся въ ихъ средѣ суевѣріяхъ, какъ о грубыхъ остаткахъ язычества, не разбиваете-ли вы этимъ самымъ суевѣрія, не доказываете-ли вы всю неосновательность ихъ существованія при помощи исторіи? Мнѣ вспоминается, сколько разговоровъ, вопросовъ возбудилось въ моей группѣ послѣ двухъ воскресеній, посвященныхъ бесѣдѣ о вѣрѣ нашихъ предковъ. Сколько разсказовъ изъ жизни, сколько сѣтованій о томъ, что трудно разубѣдить домашнихъ въ существованіи домовыхъ и лѣшихъ!

«Тщетно,—пишетъ авторъ дневника,—старался я заинтересовать учениковъ до-петровской русской исторіей, которой я самъ никогда не былъ заинтересованъ, какъ поучительнымъ предметомъ». Послѣднее обстоятельство, я думаю, самое главное: трудно заинтересовать другихъ тѣмъ, что самому не интересно, найти поучительное для другихъ въ томъ, въ чемъ самъ ничего поучительнаго не находишь. Мнѣ кажется, что какой бы предметъ учитель ни преподавалъ, онъ только тогда будетъ ученикамъ интересенъ, когда учитель имъ интересуется.

Авторъ дневника пишетъ, что все, что касалось личности Петра Великаго, ученики прочитывали съ интересомъ. Мнѣ кажется, что личность Петра, какъ преобразователя, была бы имъ еще понятнѣе и интереснѣе, если бы имъ было извѣстно состояніе до-петровской Руси, именно то ея состояніе, которое кажется автору и не интереснымъ, и не поучительнымъ. Если бы ученики знали, что состояніе русскаго государства въ царствованіе Алексѣя Михайловича было дѣйствительно ужасно, что въ церкви въ это время былъ расколъ, что экономическое положеніе страны, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, было очень печально, что народъ, ненавидя московскіе порядки, поднималъ постоянные мятежи, тогда они поняли бы, что преобразованіе, обновленіе государственнаго механизма было необходимо, и интересная для нихъ личность великаго преобразователя была бы еще интереснѣе, еще понятнѣе.

Интересъ къ личности Петра и неинтересъ къ тѣмъ условіямъ, съ которыми ему приходилось бороться—одно противорѣчитъ другому. Это-то противорѣчіе и, какъ я выше сказала, мои личныя наблюденія и бесѣды съ учениками заставляютъ меня не согласиться съ мнѣніемъ, что систематическое преподаваніе русской исторіи въ воскресной школѣ не нужно. Другой вопросъ, какъ вести это преподаваніе, чтобы оно было интересно и полезно.

Показать ученикамъ, какъ образовалось и росло русское государство, что

препятствовало его соціальному росту и благодаря какимъ обстоятельствамъ подвигалось оно по пути прогресса, опустить все, что представляетъ ненужный балластъ, и дать яркую картину русской жизни, возбудить интересъ къ родной старинѣ и ея дѣятелямъ—вотъ задача преподавателя русской исторіи въ народной школѣ. Ученики посмѣются надъ дѣдушкой домовымъ, съ любовью вспомнятъ Владиміра Святого, внесшаго свѣтъ христіанства, и Ярослава Мудраго, любившаго и распространявшаго просвѣщеніе, и задумаются надъ печальной пѣсней русскаго народа, пѣвшаго о временахъ злой татарщины.

Неужели это не развиваетъ въ ученикахъ разумную любовь къ родинѣ, неужели чужда имъ эта родная старина, и я теряю драгоцѣнное время, проходя съ ними русскую исторію до-петровскаго періода?

Е. Эйзенштейнъ.

Новыя воскресныя школы.

Въ апрѣлѣ 1898 года мѣстнымъ обществомъ открыта въ мѣстечкѣ *Бѣлоцерковкѣ*, Полтавской губерніи, воскресная школа. Желающихъ учиться набралось болѣе ста человѣкъ.

Въ *Нижне-Тагильскомъ* заводѣ, Пермской губерніи, 4-го октября въ помѣщеніи церковно-приходскаго училища состоялось открытіе смѣшанной воскресной школы для взрослыхъ. Въ ученики школы въ день открытія ея записались 18 человѣкъ. Къ 15 ноября школа посѣщалась уже 42 учащимися обоего пола.

Въ г. *Зарайскѣ*, Рязанской губерніи, въ помѣщеніи одного начальнаго училища открыта смѣшанная воскресная школа. 22-го ноября былъ пріемъ учениковъ и начато ученіе. Принято въ первый же день 46 человѣкъ разнаго возраста, отъ 11 до 40 лѣтъ. Поступаютъ и неграмотные, и грамотные разной подготовки. Находятся и лица, желающія вести обученіе.

Въ *Самарѣ*, гдѣ уже существовало 3 воскресныхъ школы—двѣ женскихъ и одна мужская, 22 ноября открыты еще 3—двѣ духовнымъ вѣдомствомъ и одна мужская—обществомъ ремесленниковъ; въ первое время учащихся въ каждой изъ школъ было всего человѣкъ по 30. Въ прежнихъ школахъ: въ мужской 140 учениковъ, въ женскихъ, въ одной 180, въ другой 160.

13-го декабря открыта воскресная школа въ *Винницѣ*, Подольской губ.

10-го января настоящаго года открыта женская воскресная школа въ *Козмодемьянскѣ*, Казанской губ. Ученицъ въ первое воскресенье занималось 35. Преподающихъ 15.

М. Салтыкова.

Хроника профессіональнаго образованія.

Задачи профессіональнаго образованія (рѣчь Н. П. Петрова).—Положеніе высшаго техническаго образованія.—Новыя высшія техническія школы.—Среднее и низшее техническое образованіе.—Ремесленныя школы.—Коммерческое образованіе.—Въ Императорскомъ техническомъ обществѣ.—Частные курсы по сельскому хозяйству.—Профессіональное образованіе для женщинъ.—И. А. Стебутъ о сельско-хозяйственномъ образованіи для женщинъ.

23-го апрѣля, въ день основанія Императорскаго русскаго техническаго Общества, состоялось обычное торжественное годовое собраніе его членовъ.

По прочтенію отчета, председатель Общества, ген.-лейт. Н. П. Петровъ, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой высказалъ свои взгляды на «образовательныя задачи Россіи въ виду предстоящаго переворота политико-экономическихъ отношеній ея съ народами запада и востока, вызываемаго распространеніемъ нашихъ желѣзныхъ путей». Ораторъ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что, благодаря сооружающимся теперь въ Азіи новымъ желѣзнымъ дорогамъ (въ Сибирѣ и Китаѣ), «черезъ два-три года крайній западъ и крайній востокъ Стараго свѣта будутъ связаны между собою желѣзными путями, главнѣйшимъ образомъ—нашей постройки; и едва ли придется ожидать многіе годы до соединенія нашихъ средне-азіатскихъ линій съ дорогами Индіи. Осуществленіе этихъ ожиданій вызоветъ въ жизни уже не одной Европы, а всѣхъ народовъ Стараго свѣта цѣлый переворотъ. Мы же окажемся въ самой серединѣ будущаго торговаго и промышленнаго движенія и въ сферу дѣятельности образованныхъ народовъ введемъ громадныя пространства съ неисчислимыми запасами природныхъ богатствъ, остающихся понынѣ почти неприкосновенными. Съ нами вступятъ въ тѣснѣйшія сношенія и крайній западъ, и крайній востокъ. Встрѣтить этотъ переворотъ мы должны во всеоружіи. Но великодушный призывъ нашего Августѣйшаго Государя къ ограниченію вооруженій направляетъ насъ къ состязанію съ другими народами не на поля битвъ, а на поприще мирнаго труда, подчиняющаго физическія силы природы человѣческому разуму—для самаго широкаго пользованія этими силами. Всѣ эти ясные признаки грядущаго великаго будущаго должны вести насъ не къ усыпленію въ довольствѣ достигнутыми результатами, а сильнѣе прежняго побуждать къ принятію всякихъ мѣръ, способствующихъ образованію людей, вполнѣ подготовленныхъ къ разнообразному умственному труду, и особенно къ дѣятельности, подчиняющей человѣку силы природы, къ дѣятельности промышленной». Пока, какъ замѣтилъ Н. П. Петровъ, мы значительно отстали отъ западной Европы въ дѣлѣ пользованія естественными богатствами, что наглядно доказываютъ хотя бы сравнительно ничтожные размѣры потребленія у насъ каменнаго угля. Съ другой стороны,—такая «отсталость зависитъ, однако, совсѣмъ не отъ того, что у насъ мало естественныхъ богатствъ, напротивъ, земля наша надѣлена ими болѣе щедро, чѣмъ многія другія страны,—а потому, что у насъ во-время не было необходимыхъ знаній; потому, что на недостатокъ ихъ раздаются жалобы и теперь. Знанія намъ необходимы такъ же, какъ необходимъ капиталъ, и даже болѣе, чѣмъ капиталъ. Обладая знаніями, мы найдемъ капиталы для развитія промышленности и, съ благодарностью возвращая пришедшій капиталъ, оставимъ у себя развитую промышленность, а безъ знанія мы можемъ стать въ унизительное положеніе наемныхъ работниковъ».

Къ выполненію этой задачи, въ видѣ возможно научнаго распространенія въ населеніи техническихъ знаній, и слѣдуетъ приложить, говоритъ Н. П. Петровъ, всѣ наши усилія. «Изученіе высшихъ техническихъ знаній должно быть основано на строго научной почвѣ, выдвигая съ особою ясностью экономическую сторону дѣла. Оно должно давать людей подготовленныхъ къ практической дѣятельности, съ такимъ развитіемъ умственныхъ способностей, которое стояло бы на уровнѣ университетскаго образованія. Средняя школа должна быть наилучше согласована съ потребностями высшей. Она должна вселить твердыя и ясныя знанія, не только вообще необходимыя образованному человѣку, но и тѣ свѣдѣнія, которыя хотя отчасти вводили бы его въ кругъ

наукъ, изучаемыхъ въ высшей школѣ. Средняя школа должна воспитать привычку доводить знаніе до полной ясности и каждую работу до конца. Она должна вселить любовь къ знанію, какъ дѣлу не только полезному, но и необходимому въ дальнѣйшей жизненной дѣятельности. Низшая школа для низшихъ техниковъ и ремесленниковъ должна сообщить простѣйшія элементарныя, общія и практически приложимыя свѣдѣнія въ той лишь степени, чтобы оставаясь въ сферѣ узкой спеціальности, ученики этихъ школъ могли разумно относиться къ производимой ими работѣ и получили бы возможность отчетливо и ясно излагать свои мысли, касающіяся ихъ прямого дѣла. Наконецъ, намъ нужна высшая школа, подготовляющая къ научной дѣятельности».

Въ настоящее время, по мнѣнію Н. П. Петрова, «главнѣйшій недостатокъ нашей школы въ томъ, что она совсѣмъ не ставитъ на первый планъ образованія промышленнаго. О частностяхъ надо говорить подробнѣе. Въ нашихъ высшихъ инженерныхъ школахъ преподается частью то, что относится къ области чистой науки, частью знанія, прямо приложимыя къ практической жизни. Въ нихъ сообщается, какъ и слѣдуетъ, множество понятій совершенно новыхъ, и много посвящается времени изученію разныхъ способовъ изслѣдованія, выработанныхъ науками, и указываются пріемы научной критики. Но многія детали этой правильной общей схемы полезно измѣнить. На обработку наукъ положено много труда самыхъ сильныхъ умовъ, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ въ изучаемомъ въ школѣ научномъ матеріалѣ встрѣчается много крайне сложнаго, искусственнаго и труднаго, поэтому всякія лишнія затрудненія особенно не желательны. При небольшой потребности въ знающихъ техникахъ, съ недостатками высшихъ школъ можно мириться; но когда практическая жизнь готовится къ призыву множества людей для властнаго распоряженія силами природы, возможнаго лишь при посредствѣ многихъ знаній, входящихъ въ кругъ высшихъ наукъ, тогда необходимо строго обдумать—какъ должны быть организованы и чему должны учить тѣ высшія школы, которыя изъ людей, стоящихъ немного выше средняго уровня, должны подготовлятъ массы и для практической дѣятельности въ разныхъ отрасляхъ промышленности и торговли и для преподаватильской дѣятельности въ школахъ. Не разъ писалъ я—чему и какъ должны учить высшія техническія школы, упоминая, какъ важно учиться не многому, но много, какъ важно пріобрѣтать хотя и не очень разнообразныя, но очень ясныя и твердыя знанія, воспринятыя въ плоть и кровь на столько, чтобы умъ привыкалъ руководиться ими; что практическому дѣятелю надо знать все о чемъ-нибудь и что-нибудь обо всемъ; что у насъ въ высшихъ техническихъ школахъ, при ихъ крайне короткомъ учебномъ времени, состоящемъ изъ какихъ-нибудь 22 учебныхъ недѣль въ году, учатъ слишкомъ многому. Экзамены съ подготовками, слишкомъ большими для повторенія изученнаго и слишкомъ короткими для усвоенія предмета, вводя учениковъ въ соблазнъ изучать науки не въ теченіе цѣлаго курса, а въ теченіе нѣсколькихъ дней, готовясь къ экзаменамъ, приносятъ вредъ, отвѣты на экзаменахъ изъ заученнаго на-скоро, хотя и кажутся иногда хорошими, но большею частью уподобляются эху. Какъ съ послѣдними отголосками раздавшагося въ лѣсу эха исчезаютъ всѣ возбужденныя звукомъ сотрясенія и отъ нихъ не остается на деревьяхъ и слѣда, такъ и у учениковъ послѣ экзамена отъ заученнаго къ экзаменамъ не остается почти ничего. Не намѣреваясь снова развивать въ подробностяхъ всего выраженнаго вкратцѣ,

ограничусь напоминаніемъ, что задача высшей технической школы состоитъ въ томъ, чтобы выпускать учениковъ съ твердыми и ясными знаніями необходимыхъ отраслей наукъ отвлеченныхъ, служащихъ основаніемъ для развитія избранной школою технической спеціальности, понимая ее широко; научить этихъ учениковъ правильнымъ пріемамъ производства опытовъ и наблюденій и правильному сопоставленію апріорныхъ понятій и законовъ съ результатами опытовъ. По наукамъ прикладнымъ—давать въ школѣ вполнѣ современныя свѣдѣнія по какой-нибудь, хотя бы и не широкой спеціальности, излагая другія спеціальности только въ главныхъ ихъ чертахъ въ видѣ энциклопедіи. Въ виду такихъ требованій слѣдуетъ хорошо помнить, что какъ бы ни сжимали кругъ изучаемыхъ въ высшей школѣ предметовъ, какъ бы ни упрощали изученіе необходимыхъ наукъ, во всякомъ случаѣ высшая школа будетъ требовать отъ своихъ учениковъ способностей и трудолюбія незаурядныхъ. Въ высшихъ школахъ будутъ успѣшно оканчивать курсъ не всѣ, а только болѣе даровитые и очень трудолюбивые ученики. Для хорошаго ежегоднаго подбора необходимыхъ сотенъ, а скорѣе — тысячъ практическихъ дѣятелей и учителей, нужны тысячи конкурентовъ, ежегодно съ успѣхомъ кончающихъ курсъ высшихъ школъ. Безъ конкуренціи хорошаго подбора дѣлать нельзя, а для выпуска тысячъ хорошо подготовленныхъ нужны десятки высшихъ техническихъ школъ съ хорошо поставленными курсами и съ хорошими учителями. Для пополненія же высшихъ школъ нужны ежегодно десятки тысячъ молодыхъ людей, удовлетворительно кончающихъ курсъ среднихъ школъ.

«Между тѣмъ наши среднія школы, особенно классическія гимназіи, занимаясь главнымъ образомъ развитіемъ умственныхъ способностей и подготовкою къ воспринятію знаній, причисляемыхъ къ высшимъ, ставятъ сообщеніе непосредственно примѣнимыхъ въ жизни свѣдѣній на второй или, лучше сказать, на задній планъ. Въ среднихъ школахъ сообщаютъ нѣкоторыя нетрудно усвояемыя научныя понятія, но съ научныхъ изслѣдованіемъ почти совсѣмъ не знакомятъ. Со многихъ сторонъ, заслуживающихъ большого довѣрія, доносятся слухи, что вступающія въ высшія школы ученики не обладаютъ достаточно ясными и твердыми знаніями, особенно необходимыми въ физико-математическихъ факультетахъ и въ инженерныхъ школахъ, и еще менѣе умѣютъ прилагать эти знанія. Недостатокъ этотъ сильно затрудняетъ преподаваніе въ высшихъ школахъ, и безъ того небогатыхъ учебнымъ временемъ. По отношенію къ среднимъ школамъ намъ нужно одинаково и увеличеніе ихъ числа, и большее приспособленіе къ потребностямъ высшихъ школъ. Задача средней школы состоитъ въ сообщеніи общаго образованія, вполнѣ достаточнаго для массъ для ихъ будущей дѣятельности и въ достиженіи такого развитія умственныхъ способностей, которое было-бы достаточно для воспринятія наукъ, излагаемыхъ въ высшихъ школахъ. Это развитіе должно выражаться въ ясности знаній. въ правильности сужденій и легкости пользованія усвоеннымъ знаніемъ. При организаціи средней школы такъ-же, какъ и при организаціи высшей, надо помнить, что не въ большомъ разнообразіи знаній, а въ большой ихъ ясности слѣдуетъ видѣть пользу просвѣщенія».

Далѣе Н. П. Петровъ энергично высказывается за необходимость значительно сократить такъ называемый «учебный возрастъ», который у насъ теперь продолжается чуть-ли не до тридцати лѣтъ. «Умственныя способности учениковъ,—говоритъ онъ,—должны быть достаточно развиты для усвоенія

изучаемыхъ предметовъ, но средній уровень ума учащихся не долженъ вступать въ то состояніе, въ которомъ начинается исканіе интересовъ, не удовлетворяемыхъ учебными предметами. Исходя изъ этой точки зрѣнія, надо сдѣлать все, чтобы школьный возрастъ былъ уменьшенъ по мѣрѣ возможности (по личному опыту, полагаю, что средній возрастъ окончанія курса средней школы долженъ быть 17—18 лѣтъ, а средній возрастъ для окончанія курса высшей школы 21—22 года). Сокращеніе времени школьнаго обученія полезно по многимъ причинамъ. Школа, предназначаемая для подготовленія многочисленныхъ общественныхъ дѣятелей, не можетъ пренебрегать учениками среднихъ способностей; напротивъ, она должна съ ними сообразоваться, и такъ какъ большинство не можетъ разсчитывать на успѣшную разработку науки, то и наука для него не цѣль, а лишь средство для достиженія другихъ практическихъ цѣлей. Изученіе наукъ съ этою цѣлью не требуетъ особенно широкихъ и многостороннихъ знаній, но требуетъ уясненія какъ общаго смысла и духа изучаемой науки, такъ и усвоенія ея деталей. Всякое излишнее увеличеніе объема неприложимыхъ прямо и сознательно свѣдѣній для огромнаго большинства учениковъ совершенно безполезно, потому что такое увеличеніе не развиваетъ человѣка со средними умственными способностями сколько-нибудь замѣтно. Сокращеніе времени пребыванія въ школѣ полезно и для людей съ выдающимися способностями. Освободившись отъ вліянія среднихъ умовъ, эти люди, особенно если государство, правильно понимая свои интересы, подаетъ имъ руку помощи, безъ лишней задержки, въ возможно короткое время расширятъ свои знанія, умножатъ ряды новыхъ понятій, почти недоступныхъ среднимъ умамъ, усвоятъ болѣе сложныя знанія и изученіемъ разнообразныхъ искуственныхъ, чрезвычайно остроумно придуманныхъ способовъ изслѣдованія и образцовъ необыкновенно тонкаго и всесторонняго анализа явленій разовьютъ гибкость своего ума. Работая въ просторныхъ лабораторіяхъ, безъ стѣсненія товарищей, они, находясь въ частомъ общеніи со своими руководителями, изощрятъ способность наблюденій и искуство правильнаго сопоставленія апріорныхъ понятій съ результатами опытовъ для полученія безошибочныхъ выводовъ. Сокращеніе времени пребыванія въ школахъ полезно и для государства. Времени на общеполезную работу будетъ оставаться больше и содержаніе школы будетъ стоить дешевле. Сокращеніе времени обученія въ высшей школѣ можетъ быть достигнуто тремя способами: 1) увеличеніемъ продолжительности учебнаго времени въ теченіе года, чему служатъ примѣромъ заграничныя школы, посвящающія обученію 34 недѣли вмѣсто нашихъ 22 недѣль; 2) цѣлесообразнымъ опредѣленіемъ учебныхъ предметовъ обязательнаго изученія и надлежащимъ опредѣленіемъ ихъ объема, хорошо обдуманнымъ подборомъ практическихъ занятій въ чертежныхъ и лабораторіяхъ въ заведеніяхъ и практическихъ занятій внѣ заведеній; 3) болѣе соотвѣтствующею потребностямъ высшихъ школъ подготовкою въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ни одинъ изъ этихъ способовъ нельзя назвать легко исполнимымъ. При первомъ способѣ придется вступать въ трудную борьбу съ укоренившимися обычаями и правами. Второй способъ труденъ потому, что требуетъ продолжительнаго и твердаго руководительства, соединеннаго съ большими знаніями наукъ и ученыхъ и съ большою педагогическою опытностью. Не менѣе труденъ и послѣдній способъ. Легко изломать укоренившуюся систему преподаванія въ средней школѣ съ ея болѣе или менѣе удовлетворительными учителями, умѣющими вести дѣло по проторенной дорогѣ, но напра-

влять ихъ на путь новый—дѣло крайне трудное. Какъ-бы, однако, велики ни были эти трудности, передъ ними нельзя останавливаться, преслѣдуя великую задачу приготовленія русскаго народа къ выполненію предстоящей ему дѣятельности среди другихъ народовъ на промышленномъ поприщѣ».

Какъ сообщаетъ «Прав. Вѣстн.», Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія собраны интересныя данныя о положеніи дѣла высшаго техническаго образованія въ Россіи. По сравненію результатовъ пріема въ высшія техническія училища за два послѣдніе учебные годы, оказывается, что: а) число прошеній о пріемѣ, поданныхъ во всѣ высшія техническія учебныя заведенія, въ настоящемъ учебномъ году превысило число таковыхъ въ истекшемъ году на 1.965, а именно: 6.775 противъ 4.810; б) число поступившихъ на I курсъ во всѣхъ высшихъ училищахъ въ истекающемъ учебномъ году превысило число прянятыхъ въ 1898—1899 г. на 987 человѣкъ, а именно, 2.324, противъ 1.337 человѣкъ въ 1897—1898 г. Такимъ образомъ, хотя число желавшихъ поступить въ высшія техническія училища въ текущемъ учебномъ году возросло только на 43 проц., но число принятыхъ увеличилось значительно больше, а именно, на 74 проц. Поэтому и процентъ пріема въ 1898—1899 г. (53,5 проц.) оказывается выше такого-же процента 1897—1898 г. (43,5 проц.). Несмотря, однако, на такіе, казалось-бы, благопріятные итоги, вопросъ о высшемъ техническомъ образованіи далеко не можетъ быть исчерпанъ, такъ какъ изъ тѣхъ-же данныхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія видно, что несмотря на открытіе двухъ новыхъ политехникумовъ (Кіевскаго и Варшавскаго) и расширеніе трехъ прежнихъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній (С.-Петербургскаго Технологическаго, Московскаго Техническаго и Харьковскаго Технологическаго) общее число непристроившихся молодыхъ людей оказывается весьма не малымъ и нынѣ даже большимъ, чѣмъ въ 1897—1898 учебномъ году, другими словами, спросъ на высшее техническое образованіе выростаетъ у насъ въ прогрессіи несравненно болѣе крупной, чѣмъ средства для удовлетворенія таковыхъ. Предполагая-же (и вполнѣ основательно), что и къ началу предстоящаго учебнаго года спросъ этотъ не ослабѣетъ, а скорѣе увеличится, можно съ достаточной увѣренностью сказать, что и нынче условія поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія будутъ крайне тяжелы.

«Въ виду вышеприведенныхъ соображеній,—говоритъ «Прав. Вѣстн.»,— нельзя не придти къ заключенію, что наличное число свободныхъ мѣстъ для пріема въ нынѣ существующія 14 высшихъ спеціально-техническихъ учебныхъ заведеній представляется совершенно недостаточнымъ для удовлетворенія спроса на высшее техническое образованіе. Поэтому вопросъ о томъ, куда пристроить всю ту громаду молодежи, которая стремится и, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ стремиться къ высшему техническому образованію, т. е. вопросъ о томъ, ограничиться ли только учрежденіемъ новыхъ спеціально техническихъ учебныхъ заведеній и нынѣ существующихъ въ Россіи типовъ и усиливать пріемъ въ нихъ по мѣрѣ надобности, или учредить техническія отдѣленія при общеобразовательныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (университетахъ), или, быть можетъ, дать доступъ реалистамъ въ университеты при извѣстныхъ условіяхъ,—вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ остается и понынѣ важнымъ и требующимъ разрѣшенія вопросомъ».

Рядомъ съ этимъ управляющій отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, И. А. Аноповъ, намѣчаетъ тѣ высшія техническія школы, учрежденіе которыхъ должно быть поставлено на

первую очередь. Въ этомъ отношеніи, по заключенію И. А. Анопова, «въ особенности обращаетъ на себя вниманіе вопросъ объ учрежденіи высшаго техническаго училища въ Нижнемъ-Новгородѣ, служащемъ, по географическому положенію своему, торгово-промышленнымъ центромъ обширнаго волжско-камскаго бассейна, охватывающаго весь востокъ Европейской Россіи. Настоятельная потребность въ техникахъ-спеціалистахъ вызывается здѣсь, съ одной стороны, нуждами громаднаго грузового движенія по важнѣйшимъ водяныхъ путямъ сообщенія Россіи, прорѣзывающимъ этотъ край (Волга, Кама и Ока), причемъ особенно сильно сказывается въ настоящее время отсутствіе достаточнаго контингента спеціалистовъ-инженеровъ по постройкѣ торговыхъ и иныхъ судовъ, а съ другой—и фабрично-заводское производство этой области въ его современномъ развитіи требуетъ для своего веденія многочисленнаго технически образованнаго персонала. Вопросъ объ учрежденіи въ Нижнемъ-Новгородѣ высшаго техническаго учебнаго заведенія пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшую важность, что до сихъ поръ потребности этого обширнѣйшаго и богатѣйшаго края на высшихъ техническихъ знаніяхъ обслуживались, главнымъ образомъ, московскимъ техническимъ училищемъ, какъ ближайшимъ по мѣсту его расположенія. Имѣющій открыться въ недалекомъ будущемъ Томскій технологическій институтъ не можетъ служить краю, тяготѣющему къ Нижнему-Новгороду, такъ какъ этотъ институтъ слишкомъ отдаленъ и предназначенъ, главнымъ образомъ, обслуживать промышленные интересы громадной Сибири, уже вызванной нынѣ къ жизни сооруженіемъ великаго сибирскаго пути и имѣющей, безспорно, величайшее значеніе для будущности Россіи. Учрежденіе высшаго техническаго учебнаго заведенія въ Нижнемъ-Новгородѣ представляетъ еще и тотъ интересъ, что здѣсь всего умѣстнѣе было-бы учредить судостроительное отдѣленіе, въ которомъ такъ нуждается наша торговая промышленность, не имѣющая возможности въ настоящее время пользоваться указаніями русскихъ спеціалистовъ-инженеровъ въ дѣлѣ постройки различнаго рода судовъ, этихъ важнѣйшихъ средствъ транспортированія товаровъ (въ особенности сырья и вообще громоздскихъ грузовъ). При этомъ нелишнимъ будетъ замѣтить, что подготовкою такого рода спеціалистовъ слѣдовало-бы заняться вообще всѣмъ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ, находящимся въ большихъ портовыхъ городахъ (С.-Петербургѣ, Одессѣ и т. п.). Не менѣе важнымъ представляется вопросъ объ учрежденіи высшаго горнаго учебнаго заведенія въ Екатеринославѣ, сдѣлавшемся въ послѣднее время средоточіемъ широко развившейся горно-заводской промышленности нашего Юга. Далѣе, необходимость поддержки и развитія исконно-русскаго горнаго дѣла на Уралѣ ставитъ на очередь вопросъ объ учрежденіи соотвѣтствующаго высшаго учебнаго заведенія въ Екатеринбургѣ, о чемъ тоже возбуждено уже надлежащее ходатайство отъ мѣстнаго городскаго общества и собраны довольно значительныя денежныя пожертвованія отъ города, земства и представителей уральской горной и горно-заводской промышленности. Подобныя-же ходатайства объ устройствѣ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній поступили и изъ другихъ мѣстъ Россіи, каковы: для Кавказа—Тифлисъ или Владикавказъ, для Юга Россіи—Одесса, для Юго-Востока—Саратовъ, Самара или Воронежъ. Въ особенности важнымъ представляется вопросъ объ учрежденіи высшаго сельско-хозяйственнаго училища въ одномъ изъ послѣднихъ городовъ, служащихъ центрами развитія сельско-хоз. промышленности и хлѣбной торговли».

Что касается дальнѣйшаго будущаго, то рѣшеннымъ вопросомъ является

учрежденіе новаго высшаго техническаго училища въ Петербургѣ. По словамъ газетъ, въ Петербургѣ Министромъ Финансовъ учреждается обширный политехникумъ съ отдѣлами механическимъ, химическимъ, горнымъ, судостроительнымъ и др. Въ политехникумъ будутъ приниматься не только воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, но и изъ другихъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію Министра Финансовъ, въ вѣдѣніи котораго будетъ находиться проектируемое высшее учебное заведеніе. Министерствомъ Финансовъ приступлено уже къ постройкѣ зданія политехническаго института въ С.-Петербургѣ, въ Лѣсномъ, на участкѣ земли площадью въ 15 десятинъ, купленномъ министерствомъ за 290.000 руб. Часть зданій будетъ заключена постройкою, вѣроятно, къ началу предстоящаго учебнаго года, такъ что можно разсчитывать, что въ августѣ состоится уже пріемъ на первый курсъ. Постройкою завѣдуетъ строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Э. И. Циглера. Новое учебное заведеніе разсчитано на 1.800 человѣкъ. Въ виду отдаленности отъ города, при институтѣ предположено построить общежитіе на 1.000 человѣкъ.

Затѣмъ въ скоромъ времени окончательно будетъ выясненъ, какъ передаютъ «Рус. Вѣд.», вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ электро-техническаго института, поднятый московскимъ отдѣленіемъ Русскаго техническаго общества. Курсъ обученія въ институтѣ предположенъ четырехлѣтній; комплектъ студентовъ—460 человѣкъ. Электро-техническій институтъ будетъ подготовлять инженеровъ-электро-техниковъ для электро-технической промышленности, среднихъ и низшихъ электо-техниковъ и монтеровъ. Осуществленіе института окажется возможнымъ лишь при условіи правительственной субсидіи до 60.000 рублей.

Въ виду наплыва въ рижскій политехническій институтъ значительнаго числа бѣдныхъ студентовъ, главнымъ образомъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи, и принимая во вниманіе весьма высокую плату за слушаніе лекцій въ институтѣ (отъ 160 до 200 руб. въ годъ), Министерство Народнаго Просвѣщенія вошло въ Государственый Совѣтъ съ представленіемъ объ отпускѣ изъ казны ежегодно, начиная съ 1900 г., по 5.000 руб. для увеличенія числа стипендій и пособій недостаточнымъ студентамъ института.

По словамъ «Прав. Вѣстн.», Государственный Совѣтъ разсмотрѣлъ представленный Министромъ Народнаго Просвѣщенія проектъ устройства въ г. Александровскѣ, Екатеринославской губ., средняго механико-техническаго училища. Согласно этому проекту, одобренному Государственнымъ Совѣтомъ, училище будетъ открыто съ 1-го іюля 1900 г. Училище будетъ состоять изъ семи классовъ, а при немъ учреждается низшая ремесленная школа. Расходъ на содержаніе александровскаго средняго техническаго училища въ 1900 г. будетъ отнесенъ на мѣстныя средства, съ предоставленіемъ Министру Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, испрашивать въ послѣдующіе годы, впредь до полнаго сформированія училища, отпускъ изъ Государственнаго казначейства необходимаго на содержаніе училища кредита сообразно дѣйствительной надобности. Вся сумма по содержанію училища исчислена въ 32.085 руб. Александровское уѣздное земство жертвуетъ на содержаніе училища по 7.000 руб. въ годъ; мѣстное городское общественное управленіе пожертвовало на сооруженіе и оборудованіе зданія 29.800 р., а въ дополненіе къ этой суммѣ изъ Государственнаго казначейства будетъ отпущено 140.200 руб. на счетъ общаго кредита въ 2.500.000 руб., исчисленнаго по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на постройку и починку училищныхъ зданій.

Далѣе, какъ сообщаетъ «Тор. Пр. Газ.», Министерство Народнаго Просвѣщенія внесло въ Государственный Совѣтъ проектъ преобразованія лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища въ семиклассное мануфактурно-промышленное училище. Согласно этому проекту, въ училищѣ будутъ два спеціальныхъ отдѣленія: 1) мануфактурно механическое со спеціальностями ткачества и пряденія и 2) мануфактуно-химическое со спеціальностями красильнаго дѣла, ситцепечатанія и отдѣлки. Въ первый классъ преобразованнаго училища будутъ приниматься дѣти съ познаніями въ объемѣ перваго класса реальнаго училища и не моложе 11-ти лѣтъ. Окончившимъ курсъ лодзинскаго училища будутъ предоставлены права поступленія въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, а по отбыванію воинской повинности—права перваго разряда. Въ первыхъ четырехъ классахъ училища будутъ преподаваться преимущественно общеобразовательные предметы, а въ высшихъ трехъ—спеціальные. Ежегодное содержаніе училища опредѣлено въ 45.650 рублей, изъ которыхъ 25.000 рублей гор. Лодзь принялъ на себя.

Ярославскій первой гильдии купецъ потомственный почетный гражданинъ Н. П. Пастуховъ возбудилъ ходатайство объ учрежденіи въ городѣ Ярославлѣ средняго техническаго училища, причемъ изъявилъ готовность выстроить для этого училища на собственныя средства зданіе и, кромѣ того, пожертвовать 100.000 руб. для обезпеченія содержанія и ремонта этого зданія и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. Дѣлая означенное пособіе, жертвователь поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы учреждаемое имъ училище состояло въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ съ присвоеніемъ училищу наименованія «техническое училище Н. П. Пастухова», и чтобы содержаніе педагогическаго и служебнаго персонала училища было принято на счетъ казны. Вслѣдствіе возникшей по настоящему дѣлу переписки, Министерство Финансовъ, согласно съ мнѣніемъ Мин. Нар. Просв., признало болѣе правильнымъ передать пожертвованіе г. Пастухова въ распоряженіе послѣдняго. На таковую передачу будетъ испрошено согласіе жертвователя.

Бывшая въ Петербургѣ ремесленная выставка еще разъ напомнила о крайне печальной постановкѣ у насъ дѣло подготовки ремесленниковъ. На выставкѣ фигурировало крайне ограниченное число ремесленныхъ школъ. Среди нихъ и въ отношеніи преподаванія, и по самому своему назначенію ремесленное училище Цесаревича Николая нѣсколько напоминаетъ собою слесарное отдѣленіе извѣстной парижской профессіональной школы Дидро, гдѣ преподается множество отдѣльныхъ ремеслъ. Вмѣстѣ съ слесарнымъ ученики изучаютъ токарное и кузнечное дѣло. Всѣ выставленныя на выставкѣ машины приготовлены руками учениковъ. Комплектъ училища—330 человѣкъ; за обученіе взимается 250 руб. въ годъ (за пансіонеровъ), но изъ числа 330-ти учениковъ 100—пансіонеры городскаго управленія. Воспитаннику, окончившему курсъ въ училищѣ, выдается, сверхъ аттестата, свидѣтельство отъ Совѣта дома призрѣнія и ремесленнаго образованія на званіе подмастерья, смотря по пріобрѣтеннымъ имъ познаніямъ въ училищѣ. Другое подобное же училище—ремесленное училище Техн. Русскаго Общества—преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что̀ и училище Цес. Николая, но объемъ преподаванія въ немъ меньше и курсъ четырехлѣтній, считая и приготовительный классъ. Это училище также выставило програмныя работы своихъ учениковъ, отличающіяся чистотою отдѣлки. Ремесленные классы Императора Александра III для приходящихъ учениковъ, имѣющіе цѣлью дать ученикамъ элементарное образо-

ваніе и приготовить изъ нихъ свѣдущихъ подмастерьевъ-столяровъ, выставили свои немногіе экспонаты совмѣстно съ артиллерійской школою. Техническая школа артиллерійскихъ техниковъ блеснула тщательной отдѣлкой выставленныхъ ею моделей полевого батарейнаго орудія и полевой мортиры на лафетѣ, набора кузнечныхъ и столярныхъ предметовъ и образцовъ гаечныхъ закрѣпленій. Отдѣлъ ремесленно-ученическихъ работъ распадается на двѣ группы: работы ремесленныхъ ученическихъ мастерскихъ и работы отдѣльныхъ учениковъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ, школъ и училищъ. Благодаря такому распредѣленію, является возможность сравнить качества работъ, исполненныхъ учениками, находящимися въ обученіи у хозяевъ, съ работами учащихся въ ремесленныхъ школахъ. Сравненіе это не въ пользу первыхъ, и здѣсь еще разъ представляется случай убѣдиться въ необходимости систематическаго профессіональнаго образованія для ремесленныхъ учениковъ. Издѣлія послѣднихъ, несмотря на то, что здѣсь выставлены работы наилучшихъ мастерскихъ, значительно уступаютъ работамъ учениковъ учебныхъ мастерскихъ, школъ и училищъ—какъ чистотою отдѣлки, такъ и изяществомъ. Группа благотворительныхъ учрежденій изобилуетъ экспонатами домовъ трудолюбія для мужчинъ, для женщинъ, для дѣтей и, наконецъ, спеціально для дѣтей Вяземскаго дома. Большой интересъ представляютъ также издѣлія ненормальныхъ дѣтей: глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ, отсталыхъ дѣтей, паралитиковъ и идіотовъ; такіе экспонаты выставлены врачебно-воспитательнымъ заведеніемъ д-ра И. В. Маляревскаго, пріютомъ Общества призрѣнія калѣкъ несовершеннолѣтняго возраста и идіотовъ, С.-петербургскимъ училищемъ слѣпыхъ дѣтей попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, училищемъ глухонѣмыхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и др. Всѣ издѣлія несложны, но если вспомнить, что они приготовлены дѣтьми, которыя самою природою были осуждены на безсмысленное и безплодное существованіе, въ тягость всѣмъ окружающимъ, то нельзя не проникнуться уваженіемъ къ гуманной и трудной работѣ всѣхъ дѣятелей въ этой области,—къ работѣ, которая даетъ многимъ сотнямъ дѣтей возможность, если не вполнѣ, то приближающагося къ человѣческому существованія.

15-го мая въ городѣ Щиграхъ произведена закладка учреждаемой Министерствомъ Финасовъ Щигровской сельской ремесленной учебной мастерской. На торжествѣ закладки присутствовали: курскій губернаторъ А. Д. Милютинъ и представители отъ губернской и уѣздной администрацій, дворянства, губернскаго и уѣзднаго земствъ и города. Послѣ церемоніи закладки мастерской Щигровскимъ уѣзднымъ земствомъ былъ предложенъ присутствующимъ на закладкѣ завтракъ, на которомъ были провозглашены обычные тосты. Предсѣдатель строительной коммиссіи по постройкѣ мастерской, управляющій курскою казенною палатою Н. Ѳ. Джунковскій, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой указалъ на то, что Министерство Финансовъ въ своихъ заботахъ о поднятіи производительныхъ силъ Россіи невольно обратило вниманіе на то обстоятельство, что главнымъ тормозомъ къ распространенію у насъ усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій является недостаточное ознакомленіе мелкихъ землевладѣльцевъ, и въ особенности крестьянъ, съ выгодами, проистекающими отъ употребленія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, и на отсутствіе контингента лицъ, способныхъ къ уходу за этими орудіями, т. е. лицъ, знакомыхъ съ правильнымъ ихъ примѣненіемъ и об-

ладающихъ необходимыми ремесленными познаніями для производства ремонта и наладки этихъ орудій. Создать типъ подобныхъ хорошо подготовленныхъ рабочихъ и предназначается учреждаемая нынѣ ремесленная мастерская. Въ заключеніе своей рѣчи предсѣдатель строительной коммиссіи предложилъ тостъ за будущіе успѣхи Щигровской мастерской и за ту пользу, которую она несомнѣнно, должна принести мѣстному населенію. Щигровская сельская ремесленная учебная мастерская строится на средства Мин. Финансовъ, которое ассигновало на этотъ предметъ 13.540 р., при участіи губ. и уѣзднаго земствъ, которыя приняли на себя постройку общежитія для учащихся въ мастерской, ассигнововавъ на этотъ предметъ 5.000 р. единовременно, и 1.500 р. ежегодно на содержаніе общежитія.

Въ истекшемъ учебномъ году постоянною коммиссіею по техническому образованію былъ произведенъ первый опытъ устройства подготовительно-профессіональныхъ классовъ, приспособленныхъ для дѣтей, оканчивающихъ курсъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Мысль о необходимости школьнаго воспитанія и обученія дѣтей 11—14-ти-лѣтняго возраста въ духѣ подготовленія къ профессіональной дѣятельности была возбуждена покойнымъ М. И. Кази еще въ 1894-мъ году, а въ мартѣ 1896-го года, послѣ II-го съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, при постоянной коммиссіи была образована, подъ предсѣдательствомъ А. Д. Путяты, спеціальная коммиссія по выработкѣ типа школъ для дѣтей, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. Однимъ изъ результатовъ работъ этой коммиссіи и получился типъ школъ, названныхъ подготовительно-профессіональными классами. Къ созданію такихъ школъ послужили слѣдующія соображенія: оканчивая курсъ въ трехлѣтней нач. школѣ въ возрастѣ моложе 12-ти лѣтъ, дѣти самымъ закономъ 1882 года о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ не допускаются къ профессіональнымъ занятіямъ, съ 12-ти же лѣтъ хотя они и допускаются съ извѣстными ограниченіями, но фабриканты большею частью избѣгаютъ пріема малолѣтнихъ рабочихъ; сверхъ того, 12-ти-лѣтнія дѣти неохотно принимаются въ ремесленныя училища и многія частныя мастерскія, такъ какъ сколько-нибудь продуктивное занятіе ремеслами въ такомъ раннемъ возрастѣ, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, немыслимо. Такимъ образомъ, въ возрастѣ, наиболѣе воспріимчивомъ ко всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ, дѣти бѣдныхъ родителей въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени остаются совершенно праздными, вмѣсто благотворительнаго вліянія школы—въ большинствѣ случаевъ предоставленные многочисленнымъ искушеніямъ уличной жизни и потому являются въ промышленныя заведенія съ весьма сомнительными нравственными качествами и въ добавокъ наполовину, если не болѣе, позабывшими тѣ немногія знанія, какія имъ успѣли сообщить въ начальной школѣ. Это обстоятельство создало необходимость въ томъ, чтобы дѣти, по окончаніи курса нач. школы, были заняты съ возможной для нихъ пользой до того времени, пока они будутъ приняты въ какія-либо мастерскія или же имъ представится возможность поступить въ профессіональную школу. Въ виду того, что городскія училища по Положенію 1872 г., представляющія въ С.-Петербургѣ слѣдующую непосредственно за начальной школой ступень низшаго образованія, съ ихъ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ, не по средствамъ для большинства бѣдныхъ родителей, отдающихъ своихъ дѣтей въ обученіе ремесленникамъ,—коммиссіей были признаны необходимыми для такихъ дѣтей школы или классы не болѣе какъ съ двух-

лѣтнимъ курсомъ. Такіе классы и были созданы постоянною коммиссіею по техническому образованію. Предметы обученія въ нихъ, будучи по существу общеобразовательными, избраны и поставлены такъ, что они составляютъ главную опору для усвоенія большинства профессіональныхъ знаній и навыковъ. Сообразно этому въ классахъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, исторія и географія, ариѳметика и геометрія, естествовѣдѣніе и черченіе и рисованіе. Всѣхъ классовъ было открыто три, изъ коихъ одни классы были предназначены для дѣвочекъ. Всѣхъ учащихся въ началѣ занятій было 123, а къ концу учебнаго года—94; возрастъ учащихся—12—13 лѣтъ. Выпускъ ихъ произойдетъ въ настоящемъ году.

21-го мая, какъ сообщаютъ «Нов», состоялся выпускной экзаменъ учениковъ первой школы печатнаго дѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Особенные успѣхи ученики оказали въ исторіи книгопечатанія и въ иностранномъ алфавитѣ. Окончили курсъ школы 13 учениковъ, изъ которыхъ 1 по первой степени. Ученики снабжены необходимыми документами для полученія возможности поступить на работу. Свидѣтельства-же объ окончаніи училища будутъ выданы 5-го декабря, въ день годового акта училища.

21-го мая, подъ предсѣдательствомъ директора Департамента Торговли и Мануфактуръ, совѣщаніе представителей поволжскихъ городовъ о распредѣленіи капитала, образовавшагося отъ ежегодныхъ отчисленій изъ прибылей Волжско-Камскаго коммерческаго банка, въ размѣрѣ 1.071.099 р., на нужды коммерческаго образованія, закончилось, какъ сообщаетъ «Н. Вр.», слѣдующими постановленіями: 1) самаго капитала не трогать и тратить только проценты (около 75.000 р.); 2) пособія выдавать на срокъ не болѣе 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ они будутъ вновь пересматриваться; 3) пособія выдаются со времени открытія дѣйствій учебнаго заведенія; 4) если въ теченіе двухъ лѣтъ не будетъ приступлено къ учрежденію училища, пособіе отнимается и можетъ быть передано другому городу. Въ настоящемъ совѣщаніи пособія распредѣлены между слѣдующими городами: Костромѣ—по 1.500 р. въ годъ на учрежденіе четырехклассной торговой школы; Саратову—12.000 р. въ годъ на учрежденіе средняго коммерческаго училища; Симбирску—16.000 р. въ годъ на учрежденіе средняго коммерческаго училища; Саратову 600 р. въ пособіе торговой школѣ и 12.500 р. на учрежденіе коммерческаго училища; Казани—10.000 р. на погашеніе того займа, который городъ предполагаетъ сдѣлать для учрежденія коммерческаго училища. Такимъ образомъ, всего пособій распредѣлено на сумму 40.000 руб. Отклонено ходатайство Нижняго-Новгорода о пособіи въ 12.000 р. на содержаніе проектируемаго политехникума съ отдѣленіями—коммерческимъ и судостроительнымъ впредь до осуществленія этого предпріятія, соединеннаго съ многими трудностями, особенно въ виду возникающаго политехникума въ С.-Петербургѣ, а также ходатайство Нижегородскаго биржевого комитета о пособіи въ 3.000 р. на содержаніе находящагося въ его вѣдѣніи судоходнаго училища. Отложено также ходатайство Ярославля о пособіи на учрежденіе коммерческаго училища, впредь до представленія по этому поводу мотивированныхъ соображеній. Не прибыли на совѣщаніе приглашенные представители: Астрахани, Самары и Костромы. Отъ первыхъ двухъ ожидаются также ходатайства. На совѣщаніи присутствовалъ представитель отъ жертвователя—Волжско-Камскаго коммерческаго банка—директоръ-распорядитель этого банка А. Ф. Му-

хинъ. Представитель Саратовскаго биржевого комитета заявилъ, что, въ виду полученнаго пособія, коммерческое училище въ Саратовѣ можетъ быть открыто еще въ августѣ настоящаго года, а въ теченіе двухъ лѣтъ будутъ открыты такія-же училища въ Казани и Симбирскѣ.

На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта поступилъ, по словамъ «Нов.», вопросъ овъ учрежденіи въ гор. Архангельскѣ торгово-мореходнаго училища изъ двухъ отдѣленій: торговаго и мореходнаго. Первое имѣетъ цѣлью приготовлять учащихся въ немъ къ службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, а второе—давать соотвѣтствующее теоретическое и практическое образованіе молодымъ людямъ, готовящимся къ исполненію обязанностей капитановъ и ихъ помощниковъ на торговыхъ судахъ дальняго плаванія. Классы состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ. Училище учреждается на капиталъ въ 100.000 рублей, Высочайше дарованный 10 го іюня 1894 года Императоромъ Александромъ III. Архангельское торгово-мореходное училище предположено открыть съ 1-го іюля сего года, съ какого времени будутъ закрыты существующіе нынѣ архангельскіе шкиперскіе учебные курсы.

Въ послѣдніе три года возникло въ Петербургѣ нѣсколько школъ для подготовки лицъ къ службѣ въ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ. Основаны эти школы обществами и частными лицами. На болѣе широкихъ и прочныхъ началахъ поставлено это дѣло Петровскимъ обществомъ распространенія коммерческаго образованія. Кромѣ торговыхъ классовъ съ вечерними занятіями, преимущественно для взрослыхъ, это Общество открыло въ 1897 году торговую школу имени Императора Николая II для дѣтей. Школа находится въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ и по своей платѣ—40 руб. въ годъ—доступна и для небогатыхъ людей. Отъ города назначено 40 стипендій для бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ нынѣшнемъ-же году, какъ передаетъ «Н. Вр.», падагогическою конференціею при Обществѣ для распространенія коммерческихъ знаній были произведены испытанія лицамъ, выразившимъ желаніе подвергнуться таковому. На испытаніяхъ экзаменовавшіяся лица оказали полное пониманіе и знакомство съ прослушанными предметами. Экзамены производились: по политической экономіи—профессоромъ Яроцкимъ, по общему законовѣдѣнію—привать-доцентомъ Вальтеромъ, по вексельному праву—С. М. Барацемъ и по торговой несостоятельности—В. Г. Струкговымъ. Въ Обществѣ для распространенія коммерческихъ знаній закончены экзамены слушателямъ курсовъ бухгалтеріи и счетоводства и отчетности по казенной продажѣ питей. На послѣднихъ присутствовалъ инспекторъ учебной части Министерства Финансовъ С. С. Григорьевъ. Окончившимъ курсъ 17-го мая были выданы свидѣтельства; большинство слушателей курсъ окончило съ отмѣтками отлично и хорошо. Занятія на курсахъ прекращаются до сентября.

Постоянная коммиссія по техническому образованію, разсмотрѣвъ, 7-го мая, въ общемъ собраніи ея членовъ программу своей дѣятельности на 1899 годъ, постановила, по словамъ «Нов.», изъять изъ нея все неосуществимое и несущественное, чтобы имѣть полную возможность привести въ исполненіе намѣченныя задачи и устранить накопленіе незаконченныхъ мѣропріятій, замѣтно усложнявшихъ труды коммиссіи въ предыдущіе годы. Между прочимъ, изъ программы дѣятельности коммиссіи на 1899 годъ предложены были къ изъятію труды по составленію школьной статистики, въ виду производства

этихъ работъ специальными учрежденiями Министерства Народнаго Просвѣщенiя, но противъ этого предложенiя горячо возсталъ И. Н. Михайловъ, возразившiй, что рѣшительно нигдѣ не ведется статистики, приноровленной къ разрѣшенiю вопроса, какiя техническiя школы нужны, и потому веденiе этой статистики составляетъ настоятельную необходимость. Въ виду-же чрезвычайной сложности трудовъ бюро коммиссiи, И. Н. Михайловъ предложилъ учредить при ней специальную статистическую коммиссiю съ предоставленiемъ предсѣдателю ея права приглашать для совѣщанiй необходимыхъ ему свѣдущихъ лицъ. Собранiе единогласно избрало предсѣдателемъ этой статистической коммиссiи И. М. Михайлова.

Расширенiе дѣятельности коммиссiи по вопросамъ, касающимся техническаго и профессiональнаго образованiя, будетъ состоять: въ веденiи преподаванiя рукодѣлiя въ школахъ Общества, въ заботахъ о ремесленномъ ученичествѣ въ мастерскихъ, въ устройствѣ выставки школьныхъ работъ, въ устройствѣ библiотекъ при школахъ Общества и летучихъ библiотекъ, въ разработкѣ вопроса объ участiи коммиссiи и школъ Общества на всемiрной парижской выставкѣ 1900 г. и въ организацiи дѣятельности техническаго музея Русскаго Техническаго Общества, переданнаго подъ наблюденiе коммиссiи по техническому образованiю, а въ связи съ этимъ въ обсужденiи вопроса объ устройствѣ отдѣла учебныхъ пособiй для промышленныхъ школъ, а также объ устройствѣ постояннаго помѣщенiя подвижного музея учебныхъ пособiй.

Въ томъ же засѣданiи Постоянной коммиссiи по техническому образованiю происходило чествованiе непремѣннаго члена ея полковника Н. М. Королькова по случаю XXV-лѣтiя его дѣятельности въ коммиссiи. При своемъ появленiи юбиляръ былъ встрѣченъ продолжительными апплодисментами, послѣ чего секретаремъ былъ прочитанъ поднесенный ему отъ И. Русскаго техн. общества привѣтственный адресъ, подписанный болѣе 50 подписями. Послѣ прочтенiя адреса были прочитаны полученныя на имя юбиляра привѣтственныя телеграммы:

5-го апрѣля, въ Петербургѣ, въ Соляномъ Городкѣ, въ Сельско-хозяйственномъ музеѣ, въ присутствiи Министра Земледѣлiя, состоялось закрытiе частныхъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, организованныхъ по инициативѣ проф. В. В. Докучаева. Инициаторъ и руководитель курсовъ прочелъ краткiй отчетъ о ихъ дѣятельности, изъ котораго видно, что въ теченiе $4^1/_2$ мѣс. прочитано 22 лекторами обязательныхъ лекцiй 131, необязательныхъ 21 и 40 часовъ было посвящено практическимъ занятiямъ. Число постоянныхъ слушателей дошло до 86, только нѣкоторые предметы прослушали 46 лицъ. Разовыхъ билетовъ было продано 2.515. На веденiе дѣла израсходовано 7.600 р. Расходы покрыты субсидiей Министерства Земледѣлiя въ 3.000 р., платой за лекцiи, которая составила 4.293 р., выручкой отъ продажи брошюръ, выразившейся въ суммѣ 412 р. Указавъ на главные результаты, которые были достигнуты курсами, задача которыхъ—распространенiе сельско-хозяйственныхъ знанiй, В. В. Докучаевъ выразилъ благодарность Министру Земледѣлiя за оказанную поддержку, лекторамъ и лекцiонному комитету и пожелалъ, чтобы новое сельско-хозяйственное общество, организуемое по почину участниковъ курсовъ и ставящее своей задачей, согласно выработанному уставу, разработку и распространенiе въ Россiи разнаго рода сельско-хозяйственныхъ знанiй и умѣнiй, въ непосредственной связи съ по-районными и зональными условiями страны, какъ физико-геогра-

фическими, такъ бытовыми и историческими, развивалось и крѣпло на пользу русскаго сельскаго хозяйства. Вслѣдъ за рѣчью В. В. Докучаева полковникъ Чижиковъ прочиталъ благодарственный адрессъ В. В. Докучаеву отъ имени всѣхъ участниковъ курсовъ и отъ ихъ имени поднесъ ему на память цѣнный портсигаръ. Министръ Земледѣлія, дѣйствительный тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ, въ своей рѣчи выразилъ признательность проф. В. В. Докучаеву за его труды по изученію Россіи и высказалъ увѣренность, что организуемое дѣло распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній создается на почвѣ плодородной («Нов.»).

Недавно въ газеты проникъ слухъ объ учрежденіи при отдѣленіи ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію особаго отдѣла по женскому профессіональному образованію, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ г-жи Давыдовой и подъ общимъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ И. А. Анопова. Вопросъ этотъ, по словамъ «Нов. Вр.», затянулся въ виду неимѣнія въ Комитетѣ потребныхъ для этого свободныхъ суммъ, а именно 3.500 р. въ годъ. Поэтому, въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ отпускѣ означенныхъ средствъ изъ казны.

Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 24 марта утвержденъ уставъ «Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію». Учреждаемое въ С.-Петербургѣ Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать распространенію и правильной организаціи женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Для достиженія цѣли, Обществу предоставлено: устраивать публичныя чтенія, открывать учебныя заведенія различныхъ типовъ и курсы по сельскому хозяйству вообще и по отдѣльнымъ его отраслямъ, а также содѣйствовать женщинамъ съ сельско-хозяйственной подготовкой къ поступленію на мѣста. Дѣйствительные члены вносятъ въ пользу Общества не менѣе 100 руб. единовременно или по 5 руб. ежегодно.

Для достиженія намѣченной цѣли Общество будетъ устраивать чтенія, учебныя заведенія различныхъ типовъ, курсы по разнымъ отраслямъ сельско-хозяйственнаго знанія, оказывать содѣйствіе женщинамъ, получившимъ сельско-хозяйственную подготовку, примѣнять свои знанія на практикѣ и т. п. Обществу предоставлено открывать отдѣленія въ разныхъ мѣстахъ Россіи (для открытія отдѣла требуются подписи 10 членовъ). Насколько Общество встрѣчено общимъ сочувствіемъ, можно судить по тому, что съ разныхъ концовъ поступаютъ заявленія о желаніи вступить въ число членовъ.

На первомъ учредительскомъ собраніи И. А. Стебутъ (избранный предсѣдателемъ Общества) произнесъ обширную рѣчь, въ которой изложилъ исторію возникновенія Общества. Оказывается, что еще 30 лѣтъ тому назадъ 3 женщины обратились въ Петровскую земледѣльческую академію съ прошеніями о принятіи ихъ въ число слушательницъ академіи. По обсужденіи этихъ прошеній совѣтъ академіи нашелъ возможнымъ допустить женщинъ вообще къ слушанію лекцій въ академіи на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ поступали въ слушатели академіи лица мужскаго пола, такъ какъ уставъ академіи въ соотвѣтствующихъ своихъ статьяхъ не содержалъ формальнаго запрещенія допускать женщинъ къ слушанію академическихъ курсовъ, и постановилъ представить такое свое рѣшеніе на утвержденіе Министерства. Но Министръ Государственныхъ Имуществъ не нашелъ возможнымъ

допустить лицъ женскаго пола къ слушанію лекцій въ Петровской академіи, такъ какъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, съ которымъ онъ входилъ въ сношеніе по этому вопросу, увѣдомилъ его, что лица женскаго пола вовсе не допускаются къ слушанію лекцій въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Нар. Просв., которому Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи тогда дѣйствовавшаго университетскаго устава, вмѣнилъ въ обязанность не дозволять особамъ женскаго пола посѣщать университетскія лекціи.

«Занявшись,—разсказываетъ И. А. Стебутъ,—съ 1876 г. практически сельскимъ хозяйствомъ, и отвлекаемый отъ этихъ занятій сперва чтеніемъ лекцій въ академіи, а затѣмъ и земской службой, я чувствовалъ, насколько мнѣ могла бы быть полезнѣе въ веденіи моего хозяйства помощь жены и дочери, если бы онѣ получили сельско-хозяйственное образованіе и сельско-хозяйственное воспитаніе. А потому 21-го ноября 1889 г., когда мнѣ пришлось отвѣчать на привѣтствія, которыхъ я удостоился на праздникѣ моего 35-ти-лѣтняго служенія дѣлу сельскаго хозяйства, я могъ съ глубокимъ убѣжденіемъ сказать: «Безъ женщины, безъ извѣстнымъ образомъ воспитанной и образованной женщины, безъ женщины съ нѣкоторымъ спеціальнымъ образованіемъ, безъ интеллигентной матери, которая воспитала бы русскаго интеллигента въ любви къ сельскому хозяйству,—нашему сельскому хозяйству крайне трудно выйти на надлежащую дорогу».

Съ тѣхъ поръ уважаемый И. А. Стебутъ не переставалъ агитировать въ пользу необходимости распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди женщинъ и оказывать свое содѣйствіе практическому разрѣшенію этого вопроса. Точно также давно уже дѣлались попытки и къ учрежденію особаго Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію. Но подобныя попытки, въ силу разныхъ обстоятельствъ, не имѣли успѣха. Только съ учрежденіемъ Министерства Земледѣлія мысль эта нашла себѣ наконецъ осуществленіе. Далѣе И. А. Стебутъ коснулся тѣхъ практическихъ задачъ, къ выполненію которыхъ должна стремиться организація сельско-хозяйственнаго образованія для женщинъ путемъ учрежденія школъ и курсовъ разныхъ типовъ. Со взглядами въ этой области почтеннаго профессора мы имѣли случай недавно познакомиться («Сельско-хоз. образованіе для женщинъ». «Рус. Школа», февраль, 1899 г.), а потому не будемъ теперь на нихъ останавливаться.

Въ заключеніе И. А. Стебутъ указалъ на тѣ пути, пользуясь которыми вновь учрежденное Общество съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ достигнуть желаемыхъ цѣлей—возможно широкаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ женщинъ. «Для того, чтобы устраивать школы, курсы, и устраивать ихъ производительно,—говоритъ И. А.,—необходимо знать, гдѣ, какія школы должны быть устроены, а затѣмъ имѣть средства для ихъ устройства. Пока же у нашего Общества, открывающаго только сегодня свою дѣятельность, нѣтъ ни перваго—оно не знаетъ еще, ни гдѣ, ни какія школы нужны, ни второго—оно не располагаетъ еще средствами для устройства чего-либо такого. А потому Обществу прежде всего необходимо выяснить себѣ—гдѣ и какіе школы и курсы необходимы у насъ. Выше я указалъ на желательные у насъ типы женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и курсовъ, не останавливаясь, понятнымъ образомъ почему, ни на болѣе детальной разработкѣ этихъ типовъ, ни на ихъ стоимости; этимъ указаніемъ я не думалъ вовсе здѣсь рѣшать этого важнаго вопроса, а хотѣлъ лишь выяснить его важность, и Обществу придется заняться разработкой

вопроса о типахъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и сельско-хозяйственныхъ курсовъ, отвѣчающихъ нашимъ потребностямъ, объ ихъ организаціи и стоимости, о томъ, гдѣ какіе типы школы необходимы. Плодотворное обсужденіе этихъ вопросовъ и удовлетворительное разрѣшеніе ихъ возможно лишь при привлеченіи къ этой работѣ возможно большаго числа заинтересованныхъ въ этомъ лицъ русскаго общества на всемъ пространствѣ нашего обширнаго земледѣльческаго отечества. Этого Общество можетъ достигнуть прежде всего, вызывая къ жизни всѣми имѣющимися у него средствами мѣстныя его отдѣленія, которыя могутъ открываться во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ окажется на-лицо десять членовъ Общества, затѣмъ, организуя съѣзды интересующихся женскимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ лицъ и наконецъ помощью печати.

«По мѣрѣ открытія отдѣленій Общество будетъ становится все ближе и ближе къ мѣстнымъ нуждамъ въ отношеніи женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Открытіе отдѣленій и съѣзды будутъ содѣйствовать объединенію русскихъ людей, интересующихся дѣломъ женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, и вмѣстѣ съ печатью будутъ служить самому широкому распространенію мысли о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи, свѣдѣній о существованіи Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію, его цѣляхъ и задачахъ. То, чего можно достигнуть въ этомъ отношеніи помощью печати, достигалось бы полнѣе, если бы Общество могло имѣть свой печатный органъ, который по возможности былъ бы сборникомъ всего, что касается женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Но пока Общество не располагаетъ средствами для того, чтобы имѣть свой собственный печатный органъ, оно должно будетъ подыскать такое періодическое изданіе, которое согласилось бы сдѣлаться до извѣстной степени его органомъ, т. е. помѣщать на своихъ страницахъ все относящееся до жизни Общества.

«Параллельно съ выясненіемъ различныхъ, отвѣчающихъ нашимъ условіямъ типовъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, ихъ организаціи и сельско-хозяйственныхъ курсовъ, гдѣ и какія должны быть устроены школы,—должны будутъ и устраиваться тѣ или другіе школы, курсы, на что̀ потребуются средства. Будетъ-ли Общество имѣть у себя необходимыя средства? Развѣ въ болѣе далекомъ будущемъ, а пока едва-ли. Но эти средства, думается мнѣ, найдутся внѣ Общества, если оно сумѣетъ привлечь ихъ къ этому дѣлу. Широкое распространеніе мысли о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи въ русскомъ обществѣ помощью отдѣленій, съѣздовъ и печати будетъ много содѣйствовать привлеченію средствъ на дѣло женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Найдутся люди, которые не только отъ своего избытка, но и изъ своихъ менѣе обильныхъ средствъ сдѣлаютъ взносъ на это дѣло, разъ они увидятъ сочувствіе ему общества и правительства и будутъ имѣть убѣжденіе въ томъ, что жертвуемыя ими деньги будутъ затрачены съ пользой для дѣла; придетъ на помощь и правительство, разъ оно увидитъ хорошіе результаты дѣятельности Общества, и конечно, помощь со стороны правительства будетъ рости въ соотвѣтствіи съ ростомъ этихъ результатовъ. Поэтому необходимо, чтобы Общество дѣйствовало въ этомъ случаѣ безъ увлеченій, въ соотвѣтствіи, какъ я сказалъ выше, съ одной стороны съ требованіями жизни, съ другой—съ имѣющимися средствами. Нельзя устроить ничего болѣе, чѣмъ курсы,—необходимо устроить ихъ, если это нужно, заботясь лишь о возможно раціональной организаціи ихъ; нельзя

устроить ничего болѣе, какъ школу мастерицъ какой-либо даже мелкой отрасли хозяйства,—необходимо устроить ее, если въ такой школѣ есть надобность; окажутся средства для устройства женской сельско-хозяйственной школы высшаго типа и ясна будетъ потребность въ ней,—въ добрый часъ, устраивайте ее.

«Я старался показать вамъ, мм. г-ни и мм. гг., какъ тѣсно связано женское сельско-хозяйственное образованіе со стороны его успѣшности и стоимости съ извѣстной постановкой общаго образованія въ нашихъ общеобразовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одной изъ заботъ нашего Общества, поэтому, будетъ—ходатайствовать о томъ, чтобы постановка общаго образованія въ нашихъ женскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе, чѣмъ теперь, отвѣчала потребностямъ сельско-хозяйственнаго образованія.

«Наше Общество въ преслѣдованіи своей цѣли должно зорко слѣдить за развитіемъ у насъ дѣла женскаго сельско-хозяйственнаго и интереса къ нему, съ тѣмъ, чтобы не упустить поддержать, гдѣ нужно нравственно, а если можно, то и матеріально, каждую здоровую во всѣхъ отношеніяхъ иниціативу на пользу женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, кому бы она ни принадлежала; помогать по возможности женщинамъ, нуждающимся въ пріобрѣтеніи сельско-хозяйственныхъ знаній и не имѣющимъ къ этому средствъ, наконецъ, помогать женщинамъ, пріобрѣвшимъ сельско-хозяйственныя знанія, примѣнить ихъ по возможности производительно для дѣла и для нихъ. Это послѣднее будетъ больше всего и прочнѣе всего содѣйствовать обращенію женскаго труда къ сельскому хозяйству».

Вл. Б—чъ.

Лѣтняя дѣтская колонія въ Паньковкѣ Екатеринославскаго Общества попеченія о дѣтяхъ въ 1898 г.

(Годъ четвертый).

А. Общія свѣдѣнія.

Въ 1898 г. дѣтская лѣтняя колонія помѣщалась, по примѣру прошлаго года, въ Паньковскомъ имѣніи графа Ив. Гр. Ностица.

Согласно постановленію общаго собранія Екатер. Общ. попеченія о дѣтяхъ, дѣти, принятыя въ колонію, раздѣлялись на двѣ смѣны. Каждая была въ колоніи по 6 недѣль, такъ какъ данныя, добытыя практикой прежнихъ лѣтъ, указывали, что шестинедѣльный срокъ пребыванія дѣтей въ колоніи является самымъ продуктивнымъ для наибольшаго количества дѣтей, и дальнѣйшее пребываніе ихъ въ колоніи становится уже менѣе полезнымъ.

Первая смѣна продолжалась съ 16-го по 1-ое іюля; вторая съ 1-го іюля по 15-ое августа.

Дѣтей въ обѣ смѣны было 130; въ 1-ую—69 душъ: изъ нихъ 32 мальчика и 37 дѣвочекъ, и во-вторую—61: 27 мальчиковъ и 34 дѣвочки. Итого, въ теченіе лѣта въ колоніи было 59 мальчиковъ и 71 дѣвочка.

Нѣкоторыя дѣти, по различнымъ обстоятельствамъ, провели не полный срокъ смѣны; другія-же, которыя недостаточно оправились въ первый сезонъ, были оставлены въ колоніи и на второй.

Число всѣхъ дней, приведенныхъ въ колоніи, было 5.144:

3 уч.	по	87 д.	4 уч.	по	42 д.	1 уч.	по	32 д.
1 »	»	72 »	1 »	»	41 »	4 »	»	30 »
1 »	»	70 »	1 »	»	40 »	1 »	»	28 »
1 »	»	76 »	3 »	»	39 »	2 »	»	26 »
2 »	»	56 »	4 »	»	37 »	3 »	»	21 »
1 »	»	47 »	2 »	»	38 »	2 »	»	18 »
40 »	»	44 »	2 »	»	35 »	4 »	»	15 »
36 »	»	43 »	4 »	»	33 »	1 »	»	9 »
						1 »	»	6 »

Въ среднемъ на каждаго колониста приходится 39,5 дня.
По учебнымъ заведеніямъ дѣти распредѣлялись такъ:

	1-ая см.	2-я см.	Всего.
1) Классическая гимназія...	2	3	5
2) Реальное училище......	1	»	1
3) Маріинская женская гимназія................	4	»	4
4) Городская женская гимназія................	7	2	9
5) Духовное мужское учил.	1	»	1
6) Частная женская прогимназія............. ..	4	1	5
7) Желѣзнодорожное училище.	27	20	47
8) Безплатная женск. школа.	3	15	18
9) Городское 3-хъ-классное училище (1)..........	»	8	8
10) Городское 3-хъ-классное училище (2-е).........	1	3	4
11) Городское 3-хъ-классное училище (3-е)....... .	9	1	10
12) Городское женское учил.	4	3	7
13) Городское приходское мужское училище.........	4	3	7
14) Фельдшерская школа....	1	1	2
15) Частныхъ школъ.......	2	2	4

По возрасту:

Лѣта.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
19 лѣтъ	»	1	1
16 »	1	4	5
15 »	5	6	11
14 »	12	6	18
13 »	6	12	18
12 »	14	17	31
11 »	10	9	19
10 »	7	7	14
9 »	3	4	7
8 »	1	3	4
7 »	»	2	2

Завѣдующихъ и служащихъ въ колоніи было: въ первой смѣнѣ 4 и во второй 5; прислуги, считая и водовоза, было 7 душъ: 1 поваръ, 2 горничныхъ, 2 прачки, 1 женщ. для печенія хлѣбовъ и 1 водовозъ.

Доставка дѣтей изъ города въ колонію и обратно производилась, по примѣру прошлаго года, безплатно, благодаря любезности Общества пароходства по Днѣпру, агентъ котораго Арис. Петр. Тимченко принималъ, какъ и въ прошломъ году, самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, давая возможность въ теченіе всего лѣта доставлять безплатно провизію изъ города въ колонію и предоставивъ свободный проѣздъ, во всѣхъ случаяхъ надобности, лицамъ завѣдующимъ, а также и дѣтямъ, находившимся въ колоніи.

Жизнь дѣтей въ колоніи велась по заведенному режиму, какъ и въ предыдущіе годы, тѣмъ болѣе, что, кромѣ той-же обстановки, какая была въ колоніи въ прошломъ году, и двое завѣдующихъ были тѣ-же.

Въ частности, распредѣленіе дня было слѣдующее:

Въ 7 час. утра дѣти вставали,
» 8 » » пили чай и завтракали,
» 12 » дня купались, если позволяла погода,
» 1 » » обѣдали,
» 4 » » вновь купались,
» 5 » » закусывали и пили чай,
» 8 » вечера пили молоко,
» 9 » » молились передъ сномъ.

Между чаемъ и обѣдомъ, отъ $9^1/_2$ ч. утра до 11 ч., производились съ дѣтьми занятія. Дѣти раздѣлены были на 4 группы по возрасту; каждой группѣ приходилось заниматься два раза въ недѣлю. Для младшихъ занятія состояли въ чтеніи, диктовкѣ и рѣшеніи устныхъ ариѳметическихъ задачъ, для старшихъ-же большею частью давались самостоятельныя работы: переложенія, описанія, письменныя задачи по ариѳметикѣ, чтеніе и проч.

Вообще всѣ дѣти, и въ особенности въ теченіе первой смѣны, не только не тяготились учебными занятіями, но, напротивъ, выказывали большую охоту, и многія изъ нихъ, присоединяясь ко всѣмъ группамъ, занимались ежедневно.

Дѣти, свободныя отъ учебныхъ занятій, сами находили для себя дѣло: чтеніе, рыбная ловля на озерѣ Беркутъ, находящемся всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома, игры—смѣнялись одно другимъ. Дѣвочки въ свободное время много читали, хотя выборъ книгъ былъ довольно незначительный (собственно въ колоніи всего находится 70 книгъ), вязали, шили себѣ лѣтнія платья, а также рубашки и мѣтили одѣяла и простыни, пожертвованныя графомъ Постицемъ для колоніи.

Послѣ вечерняго чаю почти ежедневно устраивались прогулки въ лѣсъ, катанье на лодкѣ, игры. Возвращались обыкновенно въ 8 часовъ, пили молоко, а затѣмъ часъ до отхода ко сну проходилъ въ хоровомъ пѣніи, игрѣ въ «веревочку», «горѣлки» и проч.

По воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ дѣтей по-очередно возили въ церковь, обыкновенно по 30 душъ за разъ.

Кромѣ того, дѣтей первой группы возили въ поле, чтобы показать имъ поспѣвающій на нивахъ хлѣбъ. Въ другой разъ ихъ возили на кирпичный заводъ, на которомъ они съ большимъ интересомъ подробно ознакомились съ производствомъ кирпича. Въ концѣ пребыванія ихъ въ колоніи устроенъ былъ дѣтскій спектакль, состоявшій изъ двухъ піесъ: «Ожиданіе гувернантки»

и «Сюрпризъ», при чемъ дѣти во время антракта пѣли и декламировали стихи и басни.

Вторая группа побывала въ полѣ при молотьбѣ хлѣба паровой молотилкой. Эта работа, по словамъ завѣдующей, очень заинтересовала дѣтей, такъ что они долго потомъ вспоминали объ этой поѣздкѣ и говорили между собой о всемъ видѣнномъ ими въ тотъ разъ. Передъ отъѣздомъ дѣтей изъ колоніи графъ Ив. Гр. Ностицъ пригласилъ ихъ въ экономію, гдѣ заѣзжій фокусникъ доставилъ имъ большое удовольствіе своими фокусами.

Вообще-же, какъ и въ прошломъ году, любезный хозяинъ пріюта принималъ въ дѣтяхъ самое живое участіе и всегда посѣщеніе имъ колоніи доставляло дѣтямъ не мало радости. Обыкновенно такія посѣщенія всегда сопровождались привозомъ лакомствъ, и юные колонисты всякій разъ встрѣчали и провожали графа, усыпая его путь полевыми цвѣтами.

Уѣзжая изъ своего имѣнія въ періодъ жизни въ колоніи первой смѣны дѣтей, графъ распорядился прислать имъ подарки: дѣвочкамъ—матерію на платье и бусы, а мальчикамъ—на блузы. Кромѣ того, и послѣ его отъѣзда, по его распоряженію, изъ экономіи почти каждое воскресеніе присылались дѣтямъ конфекты.

Б. Свѣдѣнія о состояніи здоровья.

Послѣ оповѣщенія учебныхъ заведеній объ открытіи пріема дѣтей въ лѣтнюю дѣтскую колонію, желающихъ поступить туда оказалось болѣе 150 душъ. Всѣ они подверглись медицинскому изслѣдованію въ губернской земской больницѣ коммиссіей врачей, въ составѣ И. А. Бутакова, В. Н. Лукомскаго, Н. И. Щербинина и женщины-врача Н. П. Кирпотиной. При освидѣтельствованіи дѣтей принимали также участіе нѣкоторые фельдшера больницы, производившіе измѣреніе роста, окружности грудной клѣтки и взвѣшиваніе учащихся. На основаніи этого изслѣдованія тутъ же, въ коммиссіи врачей, были отобраны наиболѣе нуждающіеся въ жизни въ деревнѣ для поправленія здоровья.

Кромѣ того, въ колонію было принято 47 учащихся изъ желѣзнодорожнаго училища, медицинское освидѣтельствованіе которыхъ было произведено въ желѣзнодорожной больницѣ.

Всѣ принятыя въ колонію дѣти отличались малокровіемъ, анеміей, золотухой, дурнымъ или очень дурнымъ питаніемъ; нѣкоторыя имѣли хроническое воспаленіе дыхательныхъ путей, одинъ—хроническое воспаленіе легкихъ, у троихъ—рѣзко выраженный сколіозъ.

Къ концу 1-го и 2-го сезоновъ всѣ дѣти по внѣшнему виду сильно измѣнились, пріобрѣтя здоровый и цвѣтущій видъ; даже самыя слабыя—и тѣ къ концу своего пребыванія становились оживленными, загорѣлыми; недомоганія ихъ, какъ-то: головная боль, тошнота, головокруженіе и проч., къ концу стали являться крайне рѣдко.

Въ теченіе первой смѣны дѣти довольно часто пользовались купаньемъ. Купались по три раза въ день, и это, по мнѣнію завѣдующихъ, въ связи съ наступившимъ дождливымъ временемъ и появившимися заболѣваніями лихорадкой, послужило причиной того, что прибыль въ вѣсѣ дѣтей первой группы въ общемъ была слабая, какъ видно изъ прилагаемой ниже таблицы. Были случаи уменьшенія въ вѣсѣ отъ $^1/_2$—2 фунтовъ. Поэтому во 2-ю смѣну дѣтямъ не позволяли купаться болѣе одного раза въ день. Въ резуль-

татѣ этой мѣры было большее пріобрѣтеніе вѣса, нежели въ первую смѣну, а именно:

Прибыль въ вѣсѣ.	1-я группа.		2-я группа.	
	Мальч.	Дѣвоч.	Мальч.	Дѣвоч.
Отъ 1—3 ф. . .	16	16	13	7
» 3—5 » . .	2	2	10	11
» 5—6 » . .	1	1	2	3
» 6—8 » . .	—	2	1	10
12 ф.	1	—	1	1

Но въ то-же время нельзя не отмѣтить того факта, что и во вторую смѣну многія дѣти заболѣвали лихорадкой, которая, правда, длилась не долго у каждаго ребенка и обыкновенно легко уступала соотвѣтствующему леченію. Такія-же благопріятныя данныя, какъ видно изъ прилагаемыхъ таблицъ, получились относительно роста и прибавленія окружности грудной клѣтки:

Прибыль въ ростѣ въ центиметр.	Число дѣтей.		Прибавленіе окружности грудной клѣтки въ центиметр.	Число дѣтей.	
	Мальч.	Дѣвоч.		Мальч.	Дѣвоч.
Отъ ½ сант.	18	12	½ сант.	10	8
» 1 »	10	10	1 »	6	10
» 2 »	10	11	2 »	7	7
» 3 »	4	8	3 »	10	14
» 4 »	1	4	4 »	4	4
» 6 »	—	2	5 »	4	1
» — »	—	—	6½ »	2	2

И. Акинфіевъ.

Нужды народной школы въ Херсонской губ.

Въ Херсонѣ при губернской земской управѣ происходило совѣщаніе представителей уѣздныхъ земствъ, завѣдывающихъ книжными складами. статистиковъ и членовъ губернской земской управы по вопросамъ народнаго образованія. Открывая первое засѣданіе, предсѣдатель губернской управы В. П. Андреевскій заявилъ, что мотивомъ для настоящаго совѣщанія было желаніе губернской управы обсудить нѣкоторые школьные вопросы съ представителями уѣздныхъ земствъ до представленія докладовъ губернскому собранію. Первымъ былъ представленъ совѣщанію и разсмотрѣнъ вопросъ о школьной отчетности, по которому губернская управа составила особый докладъ. Въ докладѣ этомъ отмѣчается, что ведущаяся въ управахъ и школахъ отчетность не всегда удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены ей со стороны хозяйственнаго изученія дѣла, и со стороны знакомства съ учебно-воспитательными явленіями въ школѣ. Обзоръ народнаго образованія производится на основаніи программъ, разсылаемыхъ во всѣ школы чрезъ посредство инспекторовъ народныхъ училищъ. Но заполненіе этихъ школьныхъ программъ отвѣтами производится учителями далеко не

всегда съ желаемой точностью и знаніемъ дѣла. Поэтому губернская управа, признавая необходимымъ, чтобы школьная отчетность давала возможность во всякое время знать всѣ детали жизни каждой школы въ уѣздѣ, предлагаетъ ввести какъ въ уѣздной управѣ, такъ и въ школахъ книгу лицевыхъ счетовъ, въ которой по каждой школѣ записана была бы вся матеріальная часть и отмѣчались бы всѣ измѣненія какъ въ хозяйственномъ положеніи школы, такъ и въ учебно-воспитательной жизни ея. Но годовой обзоръ, не ограничиваясь этими общими данными, долженъ обрисовать и нѣкоторыя частности, характеризующія динамику школьнаго дѣла и указывающія на недостатки, которые могутъ быть устранены. Въ этомъ отношеніи весьма важны цифры вновь поступившихъ въ школу, не принятыхъ, выбывшихъ и т. д. Такъ, зная, что за послѣдніе годы поступило около 40% всѣхъ учащихся, а получившихъ отказы было болѣе 50%, причемъ 84,5% изъ нихъ не приняты по недостатку мѣстъ, можно заключить о стремленіи народа къ просвѣщенію и о недостаткѣ мѣста въ школѣ. Далѣе, весьма важны вопросы о распредѣленіи учащихся по отдѣленіямъ и по поламъ, о продолжительности курса ученія и др. Всѣ эти и многіе другіе вопросы школьной программы имѣютъ не маловажное значеніе въ дѣлѣ правильной отчетности по народному образованію. Но не всѣ вопросы программы предполагается разрабатывать ежегодно: такъ, свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи школы, о строеніяхъ, усадьбахъ и персоналѣ служащихъ слѣдуетъ заполнять лишь въ школахъ вновь открытыхъ; полная же разработка всѣхъ вопросовъ должна производиться разъ въ пять лѣтъ. Въ эти же годы желательно получать свѣдѣнія о вліяніи образованія и экономическаго положенія семьи на запросы къ просвѣщенію и на успѣшность прохожденія курсовъ учащимися. Совѣщаніе, признавая необходимость указанныхъ въ докладѣ измѣненій, передало разсмотрѣніе формъ отчетности на предварительное разсмотрѣніе подкоммиссіи. Вторымъ былъ поставленъ вопросъ объ организаціи курсовъ для учителей земскихъ школъ. Предсѣдатель управы познакомилъ участниковъ совѣщанія съ настоящей постановкой этого дѣла; губернское собраніе ассигнуетъ на устройство педагогическихъ курсовъ 4.000 руб., къ каковымъ присоединяются ассигновки нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ. Но опытъ устройства такихъ курсовъ въ гор. Херсонѣ показалъ, что и при увеличеніи состава курсистовъ съ 40 до 80-ти человѣкъ на курсы можетъ попасть лишь незначительное число учителей изъ каждаго уѣзда. Предположенное же управой открытіе курсовъ въ Херсонѣ, Елисаветградѣ и Одессѣ не состоялось за отсутствіемъ руководителей, такъ что въ настоящее время предполагаются лишь курсы въ Херсонѣ, подъ руководствомъ г. Бунакова, по русскому языку и училищевѣдѣнію. Поэтому совѣщанію и былъ предложенъ вопросъ о томъ—какъ поступать въ будущемъ при организаціи курсовъ. Совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что нынѣшнее ассигнованіе губернскаго земства не вполнѣ достигаетъ цѣли, такъ какъ оно разсчитано для одного или двухъ пунктовъ съ комплектомъ maximum 80 человѣкъ; поэтому необходимо ходатайствовать объ увеличеніи ассигновки и открыть курсы въ трехъ пунктахъ, по усмотрѣнію губернской управы. На ряду съ вопросомъ о курсахъ былъ поднятъ вопросъ о выставкахъ наглядныхъ пособій и нормальныхъ библіотекахъ для школъ и учителей. Учителя, не имѣя возможности слѣдить за педагогической литературой, часто не знаютъ, какія вышли вновь учебныя пособія, которыя могутъ облегчить трудъ учителя. Поэтому желательно, чтобы земскіе книжные склады, которые слѣдятъ за педагогическими новостями,

*

устраивали во время курсовъ выставки наглядныхъ пособій, съ примѣненіемъ которыхъ руководители курсовъ могли бы знакомить учителей. Что же касается выставки библіотекъ, то совѣщаніе высказалось, въ виду затруднительности пріискать помѣщеніе, лишь за возможность знакомства учителей съ каталогомъ такихъ библіотекъ. Далѣе, не лишены интереса вопросы поднятые предсѣдателемъ херсонской уѣздной земской управы. Въ уѣздѣ, съ цѣлью достиженія возможности всеобщаго обученія, ежегодно открывается помногу школъ, такъ что общее число школъ (министерскихъ, земскихъ и нѣмецкихъ) достигло такихъ размѣровъ, что надзоръ за ними для одного инспектора немыслимъ. Но такъ какъ учебное вѣдомство отклонило ходатайство о назначеніи еще одного инспектора, то въ уѣздѣ явилась мысль объ избраніи одного члена училищнаго совѣта съ жалованьемъ 2.200 р. Въ такомъ же положеніи находится и преподаваніе Закона Божія. Въ виду того, что съ увеличеніемъ школъ мѣстные священники лишены физической возможности вести преподаваніе, необходимо ходатайствовать о разрѣшеніи преподаванія Закона Божія учителю, подъ наблюденіемъ священника, приглашеннаго съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Совѣщаніе сочувственно отнеслось къ этимъ вопросамъ, измѣнивъ лишь въ частности практическое разрѣшеніе ихъ. Совѣщаніемъ было выслушано заключеніе коммиссіи объ организаціи при губернской управѣ центральнаго школьнаго отдѣла и земскихъ книжныхъ складовъ. Задача школьнаго отдѣла выражены слѣдующимъ образомъ: школьный отдѣлъ, слѣдя за законодательною дѣятельностью правительства въ сферѣ народнаго образованія, доводя до свѣдѣнія уѣздныхъ земствъ обо всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ по учебной части, а также за дѣятельностью другихъ земствъ въ этомъ направленіи, ежегодно собираетъ и публикуетъ свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ губерніи и о текущей дѣятельности уѣздныхъ земствъ въ этой сферѣ народнаго хозяйства. На обязанности школьнаго отдѣла лежитъ составленіе каталоговъ для ученическихъ, учительскихъ и школьныхъ библіотекъ и народныхъ читаленъ, коллекцій лучшихъ учебниковъ, наглядныхъ пособій, плановъ образцовыхъ школьныхъ зданій и образцовъ лучшей школьной мебели. Что же касается собственно организаціи книжныхъ складовъ, то коммиссія высказалась за учрежденіе земскихъ книгоношъ, съ цѣлью приблизить книгу къ населенію, а завѣдываніе складами поручить лицамъ, не имѣющимъ другихъ обязанностей. Совѣщаніе приняло всѣ заключенія коммиссіи, признало нужнымъ включить въ число обязанностей школьнаго отдѣла составленіе концентрическихъ каталоговъ: каталоги составляются нѣсколькихъ типовъ на разныя суммы и заключаютъ книги, обнимающія извѣстный циклъ интересныхъ свѣдѣній или представляющія особый по мѣстнымъ условіямъ интересъ («Р. Вѣд.»).

Начальная школа Петербурга.

Актъ городскихъ начальныхъ училищъ Петербурга происходилъ 30-го мая въ залахъ Думы, при торжественной обстановкѣ. Александровскій залъ былъ красиво декорированъ зеленью и драпированъ матеріею національныхъ цвѣтовъ. Среди тропическихъ растеній красовалась статуя Пушкина. На эстрадѣ передъ портретомъ Государя Императора былъ выставленъ бюстъ Петра Великаго. Весь залъ былъ переполненъ посѣтителями. Однихъ дѣтей, разодѣ-

тыхъ по праздничному, было до 4 тысячъ. Въ числѣ почетныхъ гостей находились представители славянскихъ обществъ и газетъ, прибывшіе въ Петербургъ на празднества въ честь А. С. Пушкина, товарищъ министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣревъ, управляющій с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ Л. И. Лаврентьевъ, директоръ народныхъ училищъ В. А. Латышевъ и много другихъ лицъ. Актъ начался молебствіемъ, совершеннымъ соборнѣ преосвященнымъ Никономъ, епископомъ Ямбурскимъ. Пѣлъ дѣтскій хоръ. Молебствіе закончилось пѣніемъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Городской голова П. И. Леляновъ съ членами думской училищной комиссіи заняли мѣста на эстрадѣ, за особымъ столомъ. Гости заняли почетныя мѣста. Городской голова въ краткой рѣчи поздравилъ дѣтей съ окончаніемъ курса, обратилъ вниманіе на совпаденіе ихъ выпуска съ чествованіемъ великаго поэта А. С. Пушкина, портретъ котораго напечатанъ на выпускныхъ свидѣтельствахъ. Предсѣдатель училищной комиссіи М. М. Стасюлевичъ прочелъ отчетъ о дѣятельности комиссіи въ 1898—1899 учебномъ году. «Усиленіе средствъ къ пріобрѣтенію начальнаго народнаго образованія выразилось открытіемъ въ этомъ году новыхъ 20 классовъ на 1.000 учащихся. Въ послѣдніе два-три года введенъ новый типъ училищъ—многоклассныхъ, гдѣ обучаются отъ 150 до 600 дѣтей, по 50 въ каждомъ классѣ. Въ настоящее время имѣется 341 училище, изъ нихъ: 320 съ однимъ классомъ и 21 училище съ 76 классами. Всего 396 классовъ. Число обучавшихся возросло съ 19.098 до 19.985. За недостаткомъ мѣста было отказано въ пріемѣ 438 мальчикамъ и 252 дѣвочкамъ. Всего было 690 отказовъ. По образцу школьнаго дома на Васильевскомъ островѣ на 600 дѣтей Дума постановила построить у Греческаго сквера такой же второй домъ, гдѣ могли бы обучаться до 1.000 дѣтей».

«Въ результатѣ обученія, 30-го мая оканчиваетъ съ успѣхомъ курсъ трехлѣтняго ученія въ одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищахъ 4,259 дѣтей: 2,436 мальчиковъ и 1,823 дѣвочки. Въ процентномъ отношеніи, число окончившихъ курсъ къ общему числу учившихся въ 1898—1899 году выразится 21 проц., болѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ учебномъ году на 1/2 проц. До сихъ поръ существовала плата за ученіе: 1 рубль въ полугодіе. Бѣднѣйшіе освобождались и отъ этой платы. Въ отчетномъ году было освобождено свыше 3.300. По постановленію Городской Думы, въ нынѣшнемъ учебномъ году комиссія обсуждала вопросъ объ освобожденіи отъ платы всѣхъ находящихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ и пришла къ заключенію: ходатайствовать передъ Думою о томъ, чтобы плата за ученіе и учебныя пособія была сохранена, но не поступала бы въ городскую кассу, а имѣла бы своимъ назначеніемъ удовлетвореніе многочисленныхъ нуждъ бѣднѣйшихъ учащихся, сверхъ ассигнованія на содержаніе училищъ по городскому бюджету. Наибѣднѣйшія изъ дѣтей, освобожденныхъ отъ платы за ученіе, пользовались даровыми учебными пособіями (расходы на этотъ предметъ достигаютъ 7.000 р.) и даровыми завтраками (около 1.100 учащихся). Больные и слабые здоровьемъ дѣти отправлялись въ лечебныя и санитарныя колоніи. Въ отчетномъ году было отправлено въ такія колоніи до 478 дѣтей. На ихъ устройство, на поддержаніе «дѣтскихъ садовъ» и прогулки дѣтей въ распоряженіи коммиссіи имѣлось до 17.000 руб. Общій итогъ расходовъ города на начальное народное образованіе выразился цифрою въ 870.161 р. и содержаніе 341 начальнаго училища съ 396 классами обошлось въ 785,933 р., 20-ти воскресныхъ школъ въ 6.803 р., 6-ти без-

платныхъ читаленъ въ 18.283 руб. Кромѣ того, выданы пособія 4-хъ-классному училищу при министерскомъ учительскомъ институтѣ—5.765 р. и на профессіональное образованіе 28.969 р. На текущій гражданскій 1899 годъ Думою асигновано, по училищному бюджету 1.103.608 р. Громадное большинство дѣтей, кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, осуждено довольствоваться по недостатку высшихъ министерскихъ четырехклассныхъ училищъ (ихъ всего въ Петербургѣ 10), начальнымъ образованіемъ на всю жизнь, и притомъ покончить со школою въ возрастѣ 12 лѣтъ. Городское общественное управленіе постановило открыть новое четырехклассное городское училище на правахъ частныхъ лицъ. Это первый шагъ города къ довершенію начальнаго образованія дѣтей обывателей. Новое училище будетъ открыто въ Александро-Невской части. Оно разсчитано на 200 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 11—12 до 15—16 лѣтъ».

Начало и конецъ чтенія отчета М. М. Стасюлевичъ украсилъ цитатами изъ «Памятника» Пушкина, отмѣтивъ, что «народная тропа» къ нерукотворному памятнику великаго поэта дѣлается по мѣрѣ распространенія образованія все шире и шире. Затѣмъ слѣдовалъ концертъ. Раздались голоса множества дѣтей, сливавшіеся въ общій стройный хоръ. Подъ акомпаниментъ оркестра дѣти пѣли гимнъ А. С. Пушкину (слова К. К. Случевскаго, музыка В. И. Главача:

Зазвучали наши хоры,
Оглашая какъ одинъ
И окраинныя горы,
И пространства всѣхъ равнинъ...
Но откуда мощь такая
Въ этихъ звонахъ торжества?
Знать, столѣтье доживая,
Блещутъ Пушкина слова.

Блещутъ тѣмъ изъ года въ годы,
Мощно сердце шевеля,
Что они цвѣтокъ природы,
Вѣнчикъ русскаго стебля.
Онъ цвѣтетъ безъ увяданья,
Не теряя лепестковъ...
Оттого-то ликованья и сердецъ, и голосовъ!

Оттого такъ звучно хоры
Оглашаютъ какъ одинъ
И окраинныя горы,
И пространства всѣхъ равнинъ!
Нашему Пушкину слава!
Нашему Пушкину слава!..

Послѣ хорового исполенія дѣтьми «У лукоморья дубъ зеленый» (изъ оп. «Водовозъ»), «Сватушка, сватушка» (изъ «Русалки») и народнаго гимна актъ закончился. Гостямъ былъ предложенъ чай, дѣтямъ устроено угощенье. Долго не расходились малыши, пользуясь просторомъ думскихъ залъ. Многіе изъ нихъ приняли живое участіе въ играхъ, устроенныхъ подъ руководствомъ учительницъ («Н. Вр».).

Матеріальное положеніе учащихъ въ нач. школахъ Москвы.

Весьма оживленные и продолжительные дебаты вызвалъ въ засѣданіи московской думы 18-го мая вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учащихъ въ начальныхъ городскихъ школахъ. Давно уже сознавалось плохо обезпеченное матеріальное положеніе учащихъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ какъ самими учащими, такъ и многими попечителями; сознавалась и потребность придти на помощь хотя бы нѣкоторымъ изъ наиболѣе нуждающихся учителей и учительницъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заняться улучшеніемъ матеріальнаго положенія всѣхъ учащихъ въ начальныхъ училищахъ г. Москвы. По иниціативѣ нѣсколькихъ учащихъ и попечителей, образовалось въ 1895 г. Общество попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ, считающее теперь четвертый годъ своего существованія. Дѣятельность этого Общества, на основаніи поступающихъ въ него прошеній, на основаніи данныхъ и фактовъ изъ быта учащихъ, вполнѣ устанавливаетъ, насколько дѣйствительно плохо обезпечено матеріальное положеніе, и громадный, часто подрывающій въ корень ихъ здоровье, трудъ городскихъ учителей и учительницъ. По предложенію одного изъ членовъ названнаго Общества, С. К. Говорова, образована особая коммиссія, для всесторонняго обсужденія теперешняго положенія преподавателей городскихъ и казенныхъ начальныхъ школъ. Коммиссія эта въ концѣ минувшей зимы разослала по начальнымъ училищамъ подробно составленные опросные листы, на которые и получила уже много отвѣтовъ, и эти отвѣты, хотя матеріалъ, собираемый Обществомъ еще далеко не полонъ и подлежитъ обработкѣ въ будущемъ, въ достаточной мѣрѣ подтвердили, что получаемые учащими оклады недостаточны для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей, а заставляютъ ихъ искать посторонняго заработка, дѣлать постоянные долги, а иныхъ почти бѣдствовать. Основной нормальный окладъ классному учителю и учительницѣ въ 300 р. установленъ приговорами московской думы отъ 17-го октября 1869 г. и 1-го ноября 1872 г. Въ теченіе такого времени, какъ почти тридцать лѣтъ, условія жизни въ Москвѣ сильно измѣнились, отражаясь и на бытѣ нашихъ учащихъ. Названная выше коммиссія при Обществѣ попеченія объ улучшеніи быта учащихъ, между прочимъ, занялась выработкой годового минимальнаго бюджета одинокаго учащаго въ московской начальной школѣ, при условіи пользованія школьнымъ квартирнымъ помѣщеніемъ. Одинъ этотъ годовой минимальный бюджетъ съ поразительною ясностью и очевидностью долженъ убѣдить гласныхъ думы, что основного оклада въ 300 р., теперь получаемаго класснымъ учителемъ и учительницей, послѣднимъ положительно недостаточно и существовать на него безъ посторонней помощи или заработка имъ нельзя. Такъ, напр., утренній чай (по разсчету $^1/_2$ ф. чаю по 1 р. 80 к. ф. на мѣсяцъ = 3 к. въ день) стоитъ въ день 1 к., къ нему сахаръ (по разсчету 5 ф. сахару на мѣсяцъ, по 17 к. ф. и по 55 кусковъ въ фунтѣ, 9 кусковъ въ день, 3 куска на каждый чай) стоитъ 1 к. и бѣлый хлѣбъ 3 к. Завтракъ—опятъ чай съ сахаромъ 2 к., бѣлый хлѣбъ 3 к., яйца или молоко, или колбаса 6 к. и къ этому черный хлѣбъ $1^1/_2$ к. Если прибавить къ этому стоимость обѣда (супъ или щи; въ нихъ 1—$1^1/_4$ ф. мяса 15 к., приправа (масло, мука и пр.) 5 к., каша съ масломъ 9 к. и черный хлѣбъ $1^1/_2$ к.), а также вечерній чай и сахаръ съ хлѣбомъ 7 к., то ежедневный столъ одинокаго учащаго долженъ обойтись не дешевле 56 к. въ день, а въ мѣсяцъ 16 р. 80 к. По-

мѣсячные расходы, куда вошли, напримѣръ, такіе расходы, какъ баня два раза въ мѣсяцъ 40 к., стрижка, бритье 10 к., вакса 10 к., стирка бѣлья 2 р. и проч., составляютъ по минимальной смѣтѣ 26 р. 26 к. Затѣмъ перечислены годовые расходы, гдѣ приняты въ разсчетъ такія статьи расхода, какъ верхнее платье: зимнее (шуба въ 60 р. на 4 года) 15 р. въ годъ, осеннее пальто (въ 30 р. на 3 года) 10 р. въ годъ, комнатное платье (праздничное 33 р., на два года) 16 р. 50 к. въ годъ, будничное зимнее 15 р. на одинъ годъ и лѣтнее 10 р. на одинъ годъ, всего 40 р. въ годъ, бѣлье въ годъ 15 р. и т. д. Подводя итогъ этимъ самымъ неизбѣжнымъ расходамъ и прибавивъ сюда, также въ самыхъ минимальныхъ цифрахъ, расходы на поддержаніе здоровья, на самообразованіе и на нѣкоторыя непредвидѣнныя траты, коммиссія пришла къ заключенію, что къ основному окладу классныхъ преподавателей въ 300 р. необходимо прибавить въ годъ 166 р., т. е. увеличить годовой окладъ ихъ по меньшей мѣрѣ до 466 р., чтобы они могли покрывать свои расходы. Въ настоящее же время получающимъ окладъ въ 300 р. (въ теченіе трехъ лѣтъ) не хватаетъ 166 р. въ годъ для того, чтобы существовать на получаемый отъ города окладъ. Къ этому основному окладу 466 р. должны, конечно, дѣлаться тѣ прибавки за выслугу лѣтъ, а также за исполненіе обязанностей старшихъ учителей и учительницъ, которыя установлены московской думой приговорами 31-го марта 1875 г. и 26-го іюля 1879 г. Чтобы такъ или иначе, хотя бы отчасти, увеличить свой заработокъ и покрыть расходы на самыя насущныя потребности существованія, значительное большинство учащихъ прибѣгаютъ къ постороннему заработку, какъ то удостовѣрили цифровыя данныя, собранныя вышеозначеннымъ Обществомъ. Изъ возвращенныхъ опросныхъ листовъ усматривается, что 86,3% учащихъ посторонній заработокъ необходимъ. Выяснилось также, что $41^1/_3$% изъ нуждающихся въ заработкѣ совсѣмъ не могутъ его имѣть частью по недостатку времени и силъ, частью по нездоровью, частью по недоступности. Если нѣтъ возможности учащимъ пополнить свой скудный окладъ отъ города посторонними заработками,—которые, принявъ во вниманіе тяжелый, утомительный трудъ классныхъ преподавателей, живущихъ притомъ почти всегда въ дурныхъ, антисанитарныхъ помѣщеніяхъ нашихъ городскихъ училищъ, чрезвычайно вредно отзываются на здоровьѣ учащаго персонала,—то приходится прибѣгать къ займамъ. Изъ упомянутыхъ выше опросныхъ листовъ усматривается, что $73^2/_3$% изъ доставившихъ въ Общество опредѣленныя свѣдѣнія, приходилось или приходится прибѣгать къ займамъ. При этомъ, по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ правленіи Общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ, можно судить, что учащіе обращались въ Общество за ссудами и пособіями лишь въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ жизни, почти въ безвыходныхъ положеніяхъ; бывали случаи, когда подавались прошенія о вспомоществованіи членамъ названнаго Общества посторонними лицами, знавшими крайне тяжелое положеніе какого-либо члена его, не рѣшающагося обратиться въ Общество лично. Эти данныя, въ связи съ тѣми отвѣтами, которые поступили въ Общество, ясно свидѣтельствуютъ, что учащіе вообще прибѣгаютъ къ займамъ лишь въ самыхъ крайнихъ тяжелыхъ случаяхъ жизни, когда приходится прямо-таки испытывать лишенія въ самомъ необходимомъ.

Въ виду такого рода данныхъ, въ февралѣ текущаго года 45 попечителей и попечительницъ городскихъ начальныхъ училищъ вошли въ московскую думу съ заявленіемъ, въ которомъ ходатайствовали объ улуч-

шеніи матеріальнаго положенія преподавательскаго персонала. Заявленіе это передано было на совмѣстное обсужденіе училищной и финансовой коммиссій, которыя, разсмотрѣвъ его, при участіи приглашенныхъ попечителей и попечительницъ начальныхъ школъ и члена городской управы Г. А. Пузыревскаго, представили докладъ думѣ о необходимости увеличеніи содержанія учителей и учительницъ. Существующіе теперь оклады жалованья преподавательскому персоналу думскихъ школъ установлены еще въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) классные учителя и учительницы имѣютъ основной окладъ въ 300 р.; 2) старшія учительницы получаютъ 400 руб., а старшіе учителя 500 руб.; 3) классные учителя и учительницы и старшія учительницы получаютъ прибавки по трехлѣтіямъ, по 40 р. въ каждое изъ пяти трехлѣтій, 4) старшіе учителя получаютъ прибавки по трехлѣтіямъ, по 50 р. въ каждое изъ пяти трехлѣтій; 5) преподаватели пользуются квартирой съ отопленіемъ или получаютъ взамѣнъ ея 15 р. въ мѣсяцъ. Принимая во вниманіе, что основной окладъ большой части учительскаго персонала, такъ называемыхъ классныхъ преподавателей, въ размѣрѣ 300 р., установленъ 30 лѣтъ тому назадъ, т. е. при бытовыхъ условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ теперешнихъ, и что вообще существующія нормы вознагражденія учителей и учительницъ не соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ и требованіямъ жизни, училищная и финансовая коммиссіи предлагаютъ думѣ: 1) возвысить оклады какъ классныхъ, такъ и старшихъ преподавателей и преподавательница въ начальныхъ училищахъ гор. Москвы, прибавивъ къ каждому изъ нихъ по 160 рублей въ годъ; 2) уравнять старшихъ учительницъ и старшихъ учителей въ размѣрахъ получаемыхъ ими основныхъ окладовъ и въ исчисленіи прибавокъ къ нимъ; 3) въ зависимости отъ вышеприведенныхъ 1-го и 2-го заключеній, основное вознагражденіе преподавателямъ опредѣлить въ слѣдующихъ цифрахъ: классному учителю или учительницѣ при поступленіи въ 460 р., а затѣмъ черезъ каждые три года дѣлать прибавки по 40 руб., пока черезъ 15 лѣтъ службы жалованье возвысится до 660 руб.; старшему учителю и учительницѣ при поступленіи въ 660 руб. и затѣмъ черезъ каждые три года назначать прибавки по 50 руб., пока окладъ, черезъ 15 лѣтъ, возвысится до 910 р. Добавочное жалованье должно выдаваться по-мѣсячно наравнѣ съ основнымъ окладомъ; квартирныя деньги, выдаваемыя учащимъ въ замѣнъ квартиры натурою, опредѣляются въ 240 рублей въ годъ. Старшимъ учителямъ и учительницамъ, завѣдующимъ шестиклассными училищами, назначается добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ 50 р. въ годъ за каждую параллель. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссіи предлагаютъ вносить ежегодно въ смѣту на пособіе учащимъ въ случаѣ болѣзни или тяжкой нужды по 10 тыс. р.

Послѣ продолжительныхъ преній дума постановила принять указанное предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы осуществленіе его послѣдовало въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ («Рус. Вѣд.»).

Первоначальное образованіе въ Одессѣ.

Въ засѣданіи «Одесскаго Общества любителей науки, литературы и искусства» членомъ этого Общества, городскимъ статистикомъ А. С. Бориневичемъ, былъ прочитанъ интересный докладъ, посвященный изслѣдованію во-

проса о введенiи всеобщаго обученiя въ городѣ Одессѣ. Главной задачей доклада — было выяснить, на основанiи статистическихъ данныхъ положенiя народнаго образованiя въ Одессѣ и двухъ переписей, насколько подготовлено населенiе Одессы къ введенiю всеобщаго обученiя и какiя денежныя затраты необходимы для того, чтобы предоставить всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста возможность посѣщать школу. Первый вопросъ былъ рѣшенъ докладчикомъ въ благопрiятномъ смыслѣ. Общее число грамотныхъ, по переписи 1892 г., оказалось равнымъ 44% всего населенiя (мужчинъ—53% грамотныхъ, женщинъ—34%). Хотя Одесса, такимъ образомъ, уступаетъ въ грамотности Петербургу, гдѣ грамотныхъ 68%, однако процентныя отношенiя числа учащихся къ общему населенiю въ обоихъ городахъ почти одинаковы: для Петербурга—7,4%, для Одессы—7%. Наибольшiй процентъ грамотныхъ приходится на молодое поколѣнiе (въ возрастѣ 8-ми лѣтъ—42% грамотныхъ, 9-ти лѣтъ—58%, 10-ти лѣтъ—62%, 11-ти лѣтъ—68%), тогда какъ для старческаго возраста этотъ процентъ падаетъ: для возраста 56—65 лѣтъ—35% грамотныхъ, 81—90 лѣтъ—23%. Грамотность по занятiямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: самый низкiй процентъ грамотныхъ наблюдается среди проститутокъ—20%; нѣсколько большее число—23%—даютъ чернорабочiе, мастеровые и поденные приказчики, далѣе слѣдуютъ лица, занимающiяся промысловыми занятiями (рыболовствомъ, охотой, выламыванiемъ камня и пр.),—27%; среди фабричныхъ рабочихъ грамотность развита уже значительно больше—40%, а наибольшiй процентъ грамотныхъ (68%) констатированъ среди служащихъ и прислуги страховыхъ Обществъ. Что населенiе Одессы стремится къ образованiю, докладчикъ доказалъ еще болѣе наглядными соображенiями, вычисливъ, сколько дѣтей получаютъ ежегодно отказъ въ прiемѣ въ школу и какой процентъ окончившихъ курсъ стремится къ дальнѣйшему образованiю. Оказывается, что, несмотря на ежегодное открытiе новыхъ школъ, число отказовъ въ прiемѣ остается весьма значительнымъ и не уменьшается: въ 1895 г. отказовъ было 1.383, въ 1896 г.—1.611, въ 1897—1.336; путемъ опроса учениковъ, что они думаютъ дѣлать послѣ окончанiя курса, выяснилось, что 39% мальчиковъ и 37% дѣвочекъ переходятъ въ другiя учебныя заведенiя. Здѣсь докладчикъ сдѣлалъ весьма интересное замѣчанiе о томъ, въ какой зависимости отъ состоянiя родителей находятся отказы въ прiемѣ. Наибольшее число отказовъ получили дѣти мелкихъ торговцевъ и чернорабочихъ, т.-е. бѣдняковъ: на 100 подавшихъ прошенiе изъ среды торговцевъ—принято 67, изъ чернорабочихъ—70, тогда какъ изъ среды лицъ, служащихъ на государственной и общественной службѣ, принято 81. На 100 человѣкъ, живущихъ въ подвалѣ въ одной комнатѣ, удовлетворено 69 прошенiй, а для 100 лицъ, занимающихъ три и болѣе комнатъ,—77 прошенiй; живущiе-же въ другихъ этажахъ, въ четырехъ и болѣе комнатахъ, въ 72-хъ изъ 100 случаевъ получали желаемое. Вычисляя продолжительность пребыванiя ученика въ школѣ, докладчикъ приходитъ къ выводу, что она находится въ прямой зависимости отъ возраста ученика: для дѣтей 7-ми лѣтъ средняя продолжительность курса болѣе 4-хъ лѣтъ, для дѣтей 8-ми лѣтъ—около 4-хъ лѣтъ, для высшаго возраста — болѣе 3-хъ лѣтъ; для не окончившихъ-же курсъ время пребыванiя въ школѣ въ среднемъ опредѣляется въ 2,1 года. Но такъ какъ часть дѣтей всегда будетъ оставлять школу до окончанiя курса а съ другой въ нее попадутъ дѣти съ домашней подготовкой, то для *всѣхъ* учащихся, — и окончившихъ курсъ (въ какое бы отдѣленiе они ни поступили), и не окон-

чившихъ его.—средняя продолжительность будетъ около трехъ лѣтъ. Средній-же возрастъ поступленія въ школу, вычисленный на основаніи данныхъ о пріемѣ, составляетъ около 9-ти лѣтъ. Такимъ образомъ, если начало школьнаго возраста около 9-ти лѣтъ и продолжительность пребыванія въ школѣ 3 года, то средніе возрасты обученія—9, 10 и 11 лѣтъ. Дѣти такихъ возрастовъ составляютъ для Одессы 5,5% общаго населенія. А принимая его по переписи 1892 г. равнымъ 405.000, найдемъ общее число дѣтей школьнаго возраста 22.300. Зная-же изъ результатовъ той-же переписи, что изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста учится 49%, грамотныхъ—14%, а неграмотныхъ и нигдѣ не учащихся 37%, заключаемъ, что для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста слѣдуетъ открыть училища еще для 8.000 чел., т.-е. 200 классовъ, по 40 учениковъ. Полагая-же расходы на первоначальное обзаведеніе каждаго класса въ 400 руб. и на содержаніе его 1.200 руб., приходимъ къ выводу, что городъ долженъ былъ-бы расходовать еще 240 тысячъ ежегодно и затратить 80.000 единовременно («Од. Нов.»).

Коммиссія по устройству народныхъ чтеній въ Кіевѣ.

Кіевская коммиссія народныхъ чтеній, бездѣйствовавшая, по причинамъ, отъ нея независящимъ, почти въ теченіе всего 1897—98 учебнаго года, въ текущемъ 1898—99 году снова принялась за свою обычную дѣятельность. Дѣятельность эта идетъ въ трехъ направленіяхъ: 1) коммиссія сама устраиваетъ народныя чтенія, 2) оказываетъ содѣйствіе устройству ихъ другими учрежденіями и лицами, 3) устраиваетъ такъ-называемые общедоступные концерты. Чтенія начались въ текущемъ учебномъ году, опять-таки по независящихъ обстоятельствамъ, довольно поздно, именно: въ собственной аудиторіи коммиссіи 11-го октября и въ домѣ. принадлежащемъ городу (Контрактовый домъ, на Подолѣ), 15-го ноября. Всѣхъ чтеній въ первомъ полугодіи устроено было 11 въ народной аудиторіи и 7 въ Контрактовомъ домѣ; изъ нихъ на первыхъ 11-ти было 4.244 посѣтителя, 2.324 платныхъ и 1.921 безплатныхъ, и на вторыхъ 7-ми—2.523. Плата за посѣщеніе чтеній взимается такая: 5 коп. (120 мѣстъ), 10 коп. (40 мѣстъ), 20 коп. (20 мѣстъ) и 40 коп. (15 мѣстъ); 200 билетовъ выдаются безплатно. Передъ началомъ чтенія, въ антрактахъ и по окончаніи чтенія играетъ наемный оркестръ или поетъ хоръ. Средній расходъ на одно чтеніе доходитъ до 20-ти руб., средняя выручка отъ одного чтенія — 15 руб. Въ минувшемъ полугодіи возбужденъ былъ вопросъ о систематизаціи чтеній и даже была сдѣлана слабая попытка въ этомъ направленіи: нѣсколько чтеній подъ-рядъ посвящены были описанію различныхъ областей Россіи. Болѣе рѣшительному переходу на путь систематизаціи, кромѣ общихъ для всѣхъ условій — крайней скудости и неудовлетворительности брошюръ, допущенныхъ для народныхъ чтеній, были еще чисто мѣстныя: отчасти позднее начало чтеній и обусловленный этимъ краткій періодъ времени, въ теченіе котораго могли устраиваться чтенія, отчасти то обстоятельство, что, по настоянію мѣстныхъ высшихъ духовныхъ властей, народная аудиторія представлялась для религіозныхъ собесѣдованій съ сектантами, что, конечно, еще болѣе сокращало и безъ того незначительное количество воскресныхъ

дней, въ которые предполагались народныя чтенія. Въ минувшемъ же полугодіи велись переговоры объ устройствѣ чтеній въ 5-ти чайныхъ попечительства о народной трезвости и въ мѣстахъ заключенія: тюремномъ замкѣ, исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи и арестномъ домѣ: но дѣло это, не по винѣ коммиссіи народныхъ чтеній, нѣсколько затормозилось и обѣщаетъ привести къ благополучному концу только въ ближайшемъ будущемъ. Другая сторона дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній — содѣйствіе устройству чтеній разными учрежденіями и лицами—выражалась въ безплатномъ снабженіи ихъ картинами для волшебныхъ фонарей. Въ минувшемъ полугодіи настоящаго учебнаго года было произведено 93 выдачи картинъ, изъ нихъ на г. Кіевъ приходится 68 и на провинцію 25. Выдачи эти распредѣлялись между 38-ю абонентами, изъ городскихъ было 21 и иногородныхъ 17. Картины выдавались по преимуществу комплектами, пріуроченными къ опредѣленнымъ чтеніямъ. На каждую выдачу приходилось не болѣе двухъ такихъ комплектовъ, а всего было выдано картинъ къ 155-ти чтеніямъ, которыя распадаются на слѣдующіе отдѣлы: литература — 66, исторія—34, естественная исторія—16, географія — 12 и религіозно-нравственныя чтенія—17. Третья сторона дѣятельности коммиссіи — устройство общественныхъ концертовъ—преслѣдуетъ двоякую цѣль: съ одной стороны, концерты эти являются главнымъ и постояннымъ источникомъ, изъ котораго коммиссія черпаетъ необходимыя ей матеріальныя средства, съ другой—они даютъ возможность людямъ съ небольшимъ недостаткомъ получать пріятное и разумное развлеченіе за небольшую плату (плата за входъ 10 к., 20 к., 30 к., 40 к., 50 к. и 1 р.). Участниками въ общедоступныхъ концертахъ являются тѣ же артистическія и музыкальныя силы, что̀ и во всѣхъ другихъ благотворительныхъ музыкально-вокальныхъ вечерахъ. Нельзя при этомъ не выразить сожалѣнія, что учебное начальство не находитъ возможнымъ допустить въ программу концертовъ литературную часть и превратить ихъ такимъ образомъ въ литературно-музыкально-вокальные вечера, что̀ придало бы имъ несомнѣнно больше интереса и разнообразія. Ходатайства объ этомъ возбуждались неоднократно, но безуспѣшно. Впрочемъ, коммиссія и теперь не можетъ пожаловаться на равнодушіе публики къ ея концертамъ, За время съ 22-го октября по 30-е декабря минувшаго года устроено было 10 концертовъ, которые посѣтило 3.396 человѣкъ. Валовой сборъ отъ этихъ концертовъ далъ 1.068 руб. 30 коп., что̀ въ среднемъ на одинъ концертъ даетъ 106 р. 83 к.; полный сборъ даетъ 118 р. 70 к. Чистая выручка отъ 10-ти концертовъ составила 719 р. 61 к., что̀ и дало возможность коммиссіи содержать свою аудиторію, устраивать чтенія, пополнять коллекцію картинъ и пр. («Кіевл.»).

Промышленность и народное образованіе.

Въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» помѣщенъ, сопровожденный картограммой, фельетонъ г. С. Григорьева; авторъ рѣшаетъ въ немъ вопросъ объ отношеніи нашей промышленности къ начальному образованію. Въ настоящее время дешевый трудъ безграмотныхъ уже далеко не представляетъ прежнихъ выгодъ. Чтобы работать хорошо и дешево, требуются усовершенствованныя машины, а при управленіи ими главное—не столько сила, сколько

пониманіе и ловкость. Поэтому начальная школа является однимъ изъ важнѣйшихъ орудій, безъ которыхъ промышленность не можетъ стать на ноги.

Насколько же позаботилась наша промышленность о насажденіи грамотности? Наиболѣе промышленныя мѣстности—въ то же время и наиболѣе населенныя, а населенность и грамотность, къ удивленію, у насъ не совпадаютъ, а расходятся. Привислинскій край выдѣляется изъ всѣхъ другихъ наибольшей скученностью своего населенія (средняя плотность 82,8) и относительно весьма незначительнымъ числомъ учащихся. Прибалтійскій край по распространенію образованія столь сильно разнится отъ всѣхъ другихъ частей Имперіи, что его необходимо отмѣтить особо; населенъ онъ сравнительно неплотно, рѣже средняго, тѣмъ не менѣе показатель образованія въ этомъ краѣ своихъ выше, чѣмъ во всей остальной Россіи. Внутри Россіи густо населенныя губерніи (Московская, Кіевская, Подольская и Курская) далеко не имѣютъ достаточнаго числа учащихся. Наивысшее число учащихся оказывается въ губерніяхъ, гдѣ промышленность ниже средней. Въ 9 губерніяхъ, стоящихъ выше всѣхъ остальныхъ, и въ 7, гдѣ учащихся меньше всего, размѣры промышленныхъ оборотовъ очень близки: въ первой 17 руб., а во второй даже нѣсколько больше 19 руб. на человѣка, между тѣмъ среднее число учащихся на 1.000 жителей въ первыхъ губерніяхъ 44,2, а во-вторыхъ почти въ 10 разъ меньше, всего лишь 4,7. Это, разумѣется, было бы невозможно, если бы часть прибылей отъ промышленныхъ предпріятій шла на устройство школъ. Въ конечномъ выводѣ г. Григорьевъ приходитъ къ заключенію, что у насъ и торговля, и промышленная дѣятельность распредѣляются одинаково неравномѣрно; въ однихъ мѣстахъ онѣ достигаютъ относительно весьма высокаго развитія, въ другихъ развитіе ихъ падаетъ очень низко. Но и та, и другая на подъемѣ народнаго образованія отражаются слабо. Ростъ капиталовъ отъ развитія промышленности и торговли не вызываетъ пока у насъ соотвѣтственнаго усилія начальнаго народнаго образованія. Г. Григорьевъ проектируетъ школьный налогъ на торгово-промышленныя предпріятія.

Общее собраніе общества вспомоществованія учащимся женщинамъ.

12-го мая въ большой залѣ Политехническаго музея состоялось годовое общее собраніе членовъ Общества вспомоществованія учащимся женщинамъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Чупрова. Въ прочитанномъ отчетѣ о дѣятельности Общества съ 1-го апрѣля 1898 г. по 1-е апрѣля 1899 г. прежде всего отмѣчается фактъ увеличенія числа членовъ Общества, указывающій на возрастаніе сочувствія къ его дѣятельности. Въ третій годъ своего существованія Общество вступило въ составѣ 16-ти пожизненныхъ членовъ и 438-ми дѣйствительныхъ, всего 454-хъ членовъ, тогда какъ въ предыдущемъ году ихъ было только 298. Всего поступленій въ спеціальные капиталы Общества было 5.161 руб., а всѣхъ поступленій 17.316 руб. 40 коп. Цифра доходовъ Общества въ значительной степени превышаетъ сумму прошлаго отчетнаго года, когда весь доходъ Общества составлялъ 5.162 р. 66 к. Приращеніе средствъ дало Обществу возможность расширить свою дѣятельность. Кромѣ значительнаго увеличенія суммъ де-

нежныхъ пособій, открыты три столовыхъ, изъ которыхъ Арбатская и Екатерининская функціонируютъ съ 1-го ноября 1898 г., а Серпуховская съ 23-го февраля 1899 г. Общежитіе предполагается открыть къ осени текущаго года. Бюро по доставленію занятій Обществомъ до сихъ поръ не открыто, но въ настоящее время Общество уже имѣетъ возможность помѣщать въ газетахъ объявленія о лицахъ, ищущихъ труда, благодаря чему начинаютъ уже появляться и требованія на такихъ лицъ. Расходы Общества, составлявшіе въ предыдущемъ году 2.225 р. 43 к., выразились въ минувшемъ отчетномъ году въ цифрѣ 8.510 р. 31 к. Увеличеніе расходовъ обусловливается отчасти открытіемъ столовыхъ, преимущественно же возрастаніемъ количества ежемѣсячныхъ и единовременныхъ пособій. Ежемѣсячныхъ пособій было выдано 766 на сумму 4.318 р., а единовременныхъ 72 на сумму 934 р., а всѣхъ пособій на 5.252 руб. Пособіями воспользовались 189 лицъ. Средняя цифра единовременныхъ пособій 13 р., *maximum* 50 руб. (1 выдача) и *minimum* 3 руб. (4 выдачи). Средняя цифра ежемѣсячныхъ пособій 5 — 6 р., *maximum* 15 р. (2 выдачи) и *minimum* 2 р. (17 выдачъ). Изъ общаго числа 189-ти лицъ, пользовавшихся пособіями Общества, обучались; на акушерскихъ курсахъ 112, долгоруковскихъ — 39, коллективныхъ—16, фельдшерскихъ—3, педагогическихъ—4, бухгалтерскихъ—3, на курсахъ массажа—7 и готовились къ экзаменамъ на званіе учительницы—5. Изъ 84-хъ лицъ, подавшихъ прошенія о пособіяхъ съ сентября по январь, большинство принадлежало къ мѣщанскому сословію— 28, къ духовному званію—15, къ крестьянскому—15, дочерей дворянъ и чиновниковъ было 14 и сословіе не обозначено у 14-ти. Такимъ образомъ, Общество помогало самымъ недостаточнымъ лицамъ изъ всей совокупности учащейся московской молодежи. 63 изъ 84-хъ просительницъ живутъ въ Ляпинскомъ общежитіи. Огромное большинство просительницъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни не имѣютъ,—такихъ оказалось 54 изъ 84-хъ. Затѣмъ отъ 2 до 3 р. въ мѣсяцъ получало 6 лицъ, отъ 4 до 5 р. — 5 лицъ, отъ 6 до 7 р.—7 лицъ, 10 р.—2 лица, 16 р.—1 лицо и 25 р.— 1 лицо, но послѣдняя—мать троихъ дѣтей и не имѣла даже возможности обѣдать каждый день. Самую яркую картину нужды даетъ питаніе. 5 лицъ показали, что онѣ не имѣютъ средствъ обѣдать каждый день; одна заявила, что она вообще питается однимъ хлѣбомъ и чаемъ, 12 тратили на обѣдъ, чай и все прочее питаніе не болѣе 10 к. въ день, причемъ двѣ по 5 коп., три по 6 к., двѣ по 7 к. и четыре по 10 к. Далѣе слѣдуютъ уже болѣе счастливыя: 15 тратили на всѣ расходы по питанію 15 к. въ день, 24 по 20 к., 5 по 25 к., болѣе 25 к. въ день издерживали лишь немногія и то только въ силу того, что у нихъ имѣлись дѣти. Можно ли имѣть, — говорится въ отчетѣ,—болѣе яркую характеристику человѣческой нужды? Приведенныя цифры показываютъ, что 5-ти-рублевыя пособія отъ Общества, кажущіяся многимъ не имѣющими смысла по ихъ незначительности, спасаютъ однако просительницъ отъ голода, давая имъ возможность получать правильный обѣдъ изо дня въ день. Эти цифры указываютъ также на значеніе открытыхъ Обществомъ столовыхъ и предположеннаго къ открытію общежитія. Устройство Арбатской столовой обошлось въ 603 р.; изъ нея по 1-е апрѣля текущаго года было отпущено 14.300 обѣдовъ и 250 ужиновъ; обѣдающихъ въ день было среднимъ числомъ 94 чел.; платы за обѣды получено всего 2.755 р. Обѣдъ обошелся среднимъ числомъ въ $19^1/_2$ коп., а съ присоединеніемъ суммы на погашеніе первоначальныхъ затратъ — въ

20 коп.; въ этой же цифрѣ взималась и плата за обѣдъ. Расходъ на устройство Божедомской столовой для слушательницъ Екатерининскихъ курсовъ опредѣлился въ 633 р., обѣдовъ было отпущено 5.859, въ день въ среднемъ было обѣдающихъ 35 челов., стоимость обѣда—$23^1/_2$ к. Платы за обѣды (по 20 коп. за каждый) получено 1.204 руб., израсходовано же 1.322 р.; убытокъ покрытъ изъ средствъ, спеціально пожертвованныхъ на столовыя. На устройство Серпуховской столовой для женщихъ въ Ляпинскомъ общежитіи израсходовано съ 23-го февраля по 1-е апрѣля 362 рубля, отпущено 2.942 обѣда, maximum платы 20, minimum $8^1/_2$ коп., средняя плата $12^3/_4$ к.; обѣдающихъ было въ средномъ 82 чел. въ день, стоимость каждаго обѣда $18^1/_4$ к. Уплату за наемъ помѣщенія для столовой съ 1-го января 1899 года по 31-е мая 1900 года въ размѣрѣ 40 р. въ мѣсяцъ приняла на себя А. А. Острейко. Коммиссія по пріисканію занятій объявила въ газетахъ, что въ Арбатской столовой, въ д. Платонова, можно ежедневно получать всѣ необходимыя указанія объ учащихся женщинахъ, ищущихъ занятій. До сего времени въ Общество обратились 103 лица съ просьбою о доставленіи имъ занятій по самымъ различнымъ спеціальностямъ: уроковъ—41 лицо, переписки или канцелярскихъ занятій—29, практики по массажу—12, акушерской—6, ухода за больными—4, мѣста бонны—3, шитья и кройки—6 и вышиванія гладью—2. Въ концѣ отчета говорится, что представленная характеристика нужды лицъ, вспомоществуемыхъ Обществомъ, даетъ достаточныя основанія утверждать, что дѣятельность его заслуживаетъ широкой общественной поддержки, тѣмъ болѣе, что лица эти—все будущія труженицы на пользу русскаго народа. Утвердивъ отчетъ, общее собраніе, по предложенію предсѣдателя, выразило благодарность жертвователю 2.805 руб., пожелавшему остаться неизвѣстнымъ («Рус. Вѣд.»).

Общее собраніе общества содѣйствія физическому развитію.

Въ Петербургѣ, въ залѣ Педагогическаго музея, 15-го мая состоялось, подъ предсѣдательствомъ профессора П. Ф. Лесгафта, годовое общее собраніе членовъ с.-петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію, посвященное разсмотрѣнію отдѣта о дѣятельности общества за минувшій 1898 г. Отчетный годъ для общества ознаменовался введеніемъ значительныхъ измѣненій въ положеніи о состоящихъ при обществѣ курсахъ воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія. Изъ двухлѣтнихъ они преобразованы въ трехлѣтніе, при чемъ третьему курсу приданъ характеръ обобщающій и преимущественно практическій. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширены задачи курсовъ и увеличена программа введеніемъ новыхъ предметовъ: математики, физики и друг. Въ число дѣйствительныхъ слушательницъ разрѣшенъ пріемъ на курсы также и лицъ выдержавшихъ испытаніе на званіе домашнихъ учительницъ. Всего на всѣхъ трехъ курсахъ учащихся было 277, изъ нихъ 151 дѣйствительныхъ слушательницъ и 126 вольнослушательницъ. Помимо теоретическихъ занятій, слушательницы занимались и разными практическими занятіями: рукодѣльными работами, разными физическими упражненіями, фехтованіемъ и пр. Запросъ на окончившихъ курсъ изъ разныхъ городовъ Россіи громадный, такъ что общество пока не въ состояніи удовлетворять всѣхъ требованій.

Что касается дѣятельности названнаго Общества на пользу дѣтскаго населенія столицы, то въ истекшемъ году она значительно расширилась. Игры и разныя физическія упражненія устраивались въ Александровскомъ, Лѣтнемъ и Таврическомъ садахъ и на нихъ перебывали тысячи дѣтей. Кромѣ того, велись систематическія физическія упражненія. подъ руководствомъ слушательницъ курсовъ, съ дѣтьми городскихъ училищъ, въ помѣщеніи Біологической лабораторіи и Адмиралтейскомъ манежѣ. Прогулки совершены въ Царское Село, Павловскъ, Сосновку, на Лахту, въ Петергофъ, Лѣсной, на Поклонную гору, въ Ораніенбаумъ, Сестрорѣцкъ и на Островки. Въ нихъ участвовало около трехъ тысячъ дѣтей. Кромѣ того, съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній совершена прогулка на Иматру. Устроенные Обществомъ катки, которыхъ функціонировало въ разныхъ частяхъ города четыре, пользовались большимъ успѣхомъ и привлекали ежедневно сотни учащихся. Давнишняя мечта Общества имѣть собственную лѣтную колонію для бѣдныхъ дѣтей находитъ себѣ осуществленіе. Полковникъ Н. Н. Михайловъ жертвуетъ Обществу для этой цѣли участокъ земли 3.000 кв. саж. въ Выборгской губерніи, Мольскомъ приходѣ, на мызѣ Михайловкѣ, въ 10 верстахъ отъ ст. Перкіярви, по Финляндской желѣзной дорогѣ. Мѣстность очень удобная и здоровая. Правленіе Общества въ настоящее время занялось изысканіемъ средствъ на постройку зданія для колоніи и, между прочимъ, обратилось къ с.-петербургскому градоначальнику съ ходатайствомъ о разрѣшеніи произвести сборъ пожертвованій на этотъ предметъ («Н. Вр.»).

Дѣятельность Императорской Академіи Наукъ.

Въ общемъ собраніи Академіи Наукъ, 1-го мая, старѣйшій академикъ К. С. Веселовскій, какъ сообщаетъ «Правительствен. Вѣстн.», обратился къ августѣйшему Президенту Академіи, великому князю Константину Константиновичу, съ рѣчью, посвященной обзору дѣятельности Академіи за десятилѣтіе со времени назначенія его императорскаго высочества президентомъ Академіи.

Стараніями великаго князя Академія получила возможность вступить на путь обогащенія наукъ посредствомъ болѣе или менѣе обширныхъ экспедицій, къ которымъ Академія ранѣе прибѣгала, въ нынѣшнемъ столѣтіи, рѣдко по недостатку денежныхъ средствъ. Съ 1891 года было снаряжено 12 экспедицій, внесшихъ въ научный обиходъ много новыхъ фактовъ, наблюденій и воззрѣній, которые несомнѣнно окажутъ существенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе русской науки. Обращая свое вниманіе на всѣ стороны академическаго быта, августѣйшій президентъ Академіи особенно много сдѣлалъ для академическихъ лабораторій и музеевъ. Число ихъ увеличилось созданіемъ новыхъ учрежденій этого рода, позволявшихъ раздвинуть кругъ наукъ, входящихъ въ сферу дѣятельности Академіи, а прежде существовавшія приведены въ положеніе, которое не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, чѣмъ они были дотолѣ. Наиболѣе радикальному преобразованію подвергся самый обширный изъ академическихъ музеевъ—зоологическій. Вмѣсто зоологической академической колекціи, запрятанной въ нѣсколькихъ комнатахъ стараго зданія, не приспособленнаго для спеціальныхъ требованій музея, явилось самостоятельное первоклассное учрежденіе, могущее помѣ-

ряться съ знаменитѣйшими однородными съ нимъ учрежденіями Европы. «Для работъ по анатоміи и физіологіи растеній образована въ 1891 г. особая самостоятельная лабораторія, а въ 1894 году создана особая зоологическая лабораторія для спеціальныхъ изслѣдованій, которыми такъ успѣшно обогащаетъ науку академикъ А. О. Ковалевскій. Число особыхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью споспѣшествовать ученымъ трудамъ, увеличено принятіемъ въ вѣдѣніе Академіи біологической станціи, устроенной въ Севастополѣ Обществомъ естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ. Кромѣ того, Академія получила въ свое распоряженіе особый кредитъ для содержанія русскихъ стипендіатовъ при Бьютенцоргскомъ ботаническомъ садѣ на островѣ Явѣ. Организованная Академіею сложная система обсерваторій, простирающаяся на всѣ концы Россіи, получила въ послѣднее десятилѣтіе существенныя приращенія въ предоставленныхъ ей средствахъ къ исполненію ея задачъ. Въ главной физической обсерваторіи расширено отдѣленіе штормовыхъ предостереженій, учреждено новое отдѣленіе по изданію еженедѣльнаго и ежемѣсячнаго бюллетеней, организованы службы предостереженія желѣзныхъ дорогъ отъ метелей и предсказанія погоды по желанію частныхъ лицъ, расширено помѣщеніе обсерваторіи. Дѣятельность обсерваторіи за этотъ періодъ возросла еще въ большей степени». Въ заключеніе К. С. Веселовскій отмѣтилъ знаменательный фактъ—расширеніе круга дѣйствій Академіи включеніемъ въ него дѣлъ благотворительности въ области умственнаго труда. Облегченная полномочіемъ раздавать учрежденныя въ 1894 г. Царскою милостію пособія и пенсіи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ, Академія получила, въ исполненіе этого священнаго долга человѣколюбія, новое средство сближенія своего съ Обществомъ и распространенія своего вліянія далеко за предѣлы спеціально ученыхъ интересовъ («Н. Вр.»).

Празднованіе столѣтія со дня рожденія Пушкина въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ.

28 мая состоялся литературно-музыкальный вечеръ съ живыми картинами въ память Пушкина въ 1 реальномъ училищѣ. Актовая зала училища была изящно декорирована для вечера флагами, гирляндами зелени и цвѣтовъ, щитами съ подписями заглавій наиболѣе выдающихся произведеній чествуемаго поэта, въ красивомъ окруженіи копьями, сѣкирами, и другими принадлежностями древне-русскаго вооруженія. Въ особо устроенной нишѣ среди миртъ и лавровъ возвышался бюстъ поэта, окруженный цвѣтами. Въ глубинѣ залы была устроена сцена, красиво отдѣленная отъ залы краснымъ занавѣсомъ, съ электрическимъ освѣщеніемъ рампы и разными приспособленіями для надлежащихъ свѣтовыхъ эффектовъ при постановкѣ сценъ и живыхъ картинъ. Вечеръ открылся гимномъ, который былъ пропѣтъ хоромъ учениковъ со сцены. Затѣмъ преподователь М. Е. Доброписцевъ прочелъ рѣчь по заглавіемъ: «Лицейскіе годы Пушкина», въ которой намѣтилъ свѣтлыя стороны пребыванія поэта въ лицеѣ, сказавшіяся впослѣдствіи въ положительномъ смыслѣ въ его творчествѣ. По окончаніи рѣчи была поставлена очень хорошо задуманная и удачно скомпанованная живая картина: «Явленія музы Пушкину въ его отроческіе годы». Передъ отрокомъ-

поэтомъ, лежащимъ въ своей «студенческой кельѣ» въ постелѣ и задумчиво облокотившимся на подушку, послѣдовательно вставали, смѣняя другъ друга, въ видѣ легкихъ видѣній, муза, черкешенка, снимающая оковы съ плѣннаго русскаго офицера, самъ поэтъ на берегу моря, задумчиво внимающій «немолчный шопотъ Нереиды, глубокій, вѣчный хоръ валовъ», группа цыганъ надъ пылающимъ костромъ «въ глуши Молдавіи печальной», Татьяна—«барышня уѣздная» въ саду, «съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ», и передъ нею Онѣгинъ... Картина сопровождалась чтеніемъ за кулисами соотвѣтствующаго отрывка изъ «Евгенія Онѣгина» (гл. VIII, стран. 1, 4, 5). Затѣмъ въ этомъ отдѣленіи были исполнены въ соотвѣтственной обстановкѣ и костюмахъ сцена въ Чудовомъ монастырѣ изъ трагедіи «Борисъ Годуновъ» и «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Исполненіе сцены въ Чудовомъ монастырѣ въ данныхъ условіяхъ не оставляло желать лучшаго и производило отрадное, мѣстами трогательное впечатлѣніе, его старательности, съ какою юные исполнители (Пимена игралъ ученикъ Н. Алексѣевъ, Григорія—Бакеркинъ) отнеслись къ дѣлу, выразительности чтенія и обдуманности движеній и жестовъ. «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» была поставлена на сценѣ въ двухъ картинахъ; исполнителями были преимущественно ученики младшихъ классовъ, и поэтому особенной выразительности въ чтеніи стиховъ нельзя было требовать, но оригинальность и старательность постановки не могли не обратить на себя вниманіе понимающаго зрителя: при постановкѣ балладъ, видовъ, имѣлось въ виду сохранить за произведеніемъ эпическій характеръ цѣлаго; съ этою цѣлью чисто повѣствовательныя части стихотворенія, при исполненіи его на сценѣ не были опускаемы, и читались особымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ костюмѣ и гримѣ старика-поселянина, представлявшимъ какъ-бы хоръ изъ античной трагедіи, выразителя въ данномъ случаѣ эпической идеи рока. Въ промежуткахъ между названными картинами и сценами въ томъ-же отдѣленіи хоромъ учениковъ, подъ руководствомъ преподавателя пѣнія К. К. Бирючева, были прекрасно исполнены: «Молитва» Даргомыжскаго на слова Пушкина «Владыко дней моихъ», «Черкесская пѣсня» изъ оперы «Кавказскій плѣнникъ», Кюи и пѣсня дѣвушекъ изъ «Евгенія Онѣгина». «Дѣвицы красавицы» Даргомыжскаго. Ученикъ Бершадскій прочелъ стихотвореніе «Пророкъ». Второе отдѣленіе вечера открылось сценою изъ трагедіи «Борисъ Годуновъ»: «Выходъ царя Бориса изъ собора». Декорація Архангельскаго собора, написанная, какъ и другія декораціи спеціально для вечера, группа народа на площади, нищіе у дверей собора, своеобразное пѣніе этихъ нищихъ (исполнялось за сценой хоромъ учениковъ), трезвонъ при выходѣ царя изъ церкви, юродивый въ веригахъ, мальчишки, пристающіе къ нему, стольникъ, раздающій милостыню впереди царя, царь съ семействомъ, свита бояръ, гридни, стрѣльцы, — все это въ вѣрныхъ эпохѣ костюмахъ дало живую и красивую картину... Сцена была, по общему требованію присутствовавшихъ, повторена нѣсколько разъ. Затѣмъ преподаватель Г. М. Князевъ сказалъ рѣчь, въ которой, указавъ на значеніе, какое должны имѣть въ развитіи личнаго сознанія каждаго вдумчиваго человѣка и развитіи общественнаго самосознанія празднества, подобныя данному чествованію великаго поэта, сдѣлалъ характеристику поэзіи Пушкина со стороны формы, содержанія и направленія его творчества, намѣтилъ главные моменты въ развитіи личности поэта, въ развитіи личнаго пониманія имъ своего призванія, и въ послѣдовательномъ ростѣ его въ

поэта самобытнаго, и въ заключеніе попытался въ общихъ чертахъ опредѣлить внутренній смыслъ «громаднаго явленія Пушкина», по выраженію Герцена, для русско-литературно-общественнаго сознанія. По окончаніи хоромъ учениковъ былъ исполненъ «Пиръ Петра Великаго» (муз. Зайцева), и затѣмъ исполнены были двѣ сцены изъ поэмы «Полтава»: «Кочубей въ темницѣ» и «Мазепа и Орликъ наканунѣ Полтавскаго боя», ученикомъ Орломъ прекрасно прочитано стихотвоненіе «Клеветникамъ Россіи», и поставлены живыя картины: сцена у фонтана изъ трагедіи «Борисъ Годуновъ» (Марину изображалъ уч. Гришинъ, Димитрія — Романовъ), «Царь Борисъ среди своихъ дѣтей» и «Зимній вечеръ»—Пушкинъ съ нянею въ Михайловскомъ (Пушкина изображалъ ученикъ Бѣловъ, довольно удачно загримированный поэтомъ). Особенно эффектна вышла «сцена у фонтана»: красивая декорація, живой бьющій фонтанъ, красивыя позы... Вечеръ закончился апоѳеозомъ. Передъ поднятіемъ занавѣса преподаватель Г. М. Князевъ прочелъ стихотвореніе Полонскаго «Пушкинъ», затѣмъ при пѣніи гимна Пушкину Главача (слова К. К. Случевскаго), поднялся занавѣсъ, и передъ зрителями открылась эффектная живая картина: «Муза съ лирою въ рукѣ (уч. Назарьевъ) вѣнчаетъ бюстъ поэта, около котораго красиво расположились разныя дѣйствующія лица его произведеній: тамъ были и Русланъ, и Черноморъ, и Вѣщій Олегъ и «герой Полтавы» Петръ, «Іуда» Мазепа и «безвинный страдалецъ» Кочубей, и несчастный царь Борисъ съ дѣтьми и «грозный супостатъ» ихъ Самозванецъ, и «отшельникъ» Пименъ, и увядшій сердцемъ, «усталый» Кавказскій плѣнникъ и великодушная его освободительница черкешенка, мрачный Гирей, и «гордый» Алеко съ Земфирою и старикомъ-цыганомъ у пылающаго костра, и какъ утро веселая, какъ поцѣлуй любви, милая» Ольга и «дикая, печальная», задумчиво-грустная Татьяна, юный поэтъ-романтикъ Ленскій и «чудакъ печальный и опасный», мрачный «москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ», Онѣгинъ, и простодушный герой капитанъ Мироновъ, и «Арапъ Петра Великаго» и т. д., всего участвовало въ картинѣ около 60 лицъ... Картина при пѣніи гимна поэту, была повторена нѣсколько разъ по общему требованію присутствовавшихъ.

Вечеръ вышелъ однимъ изъ самыхъ выдающихся среди праздниковъ, устроеныхъ въ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по случаю столѣтія со дня рожденія Пушкина; устроителями и участниками видимо было положено много старанія, чтобы сдѣлать праздникъ возможно интереснѣе и содержательнѣе... Убранство залы было выполнено учениками при ближайшемъ участіи преподавателя Н. А. Кричагина, декораціи писаны и живыя картины поставлены по указаніямъ и подъ руководствомъ и наблюденіемъ преподавателя рисованія въ училищѣ А. Х. Преображенскаго, который очень много и съ увлеченіемъ потрудился надъ тѣмъ, чтобы довести исполненіе до возможнаго совершенства. Главное руководство по устройству вечера, по заботливости директора, обязательно приняла на себя артистка театра литературно-артистическаге кружка К. Н. Дестомбъ, и, кромѣ технической опытности, проявила при этомъ много горячаго увлеченія, согрѣтаго живымъ сочувствіемъ къ одушевленію, овладѣвшему молодежью въ данномъ случаѣ, и много педагогическаго такта: уважаемая артистка усердно проходила всѣ роли и сама приготовляла участниковъ къ выходу на сцену до мельчайшихъ подробностей ихъ грима и костюмовъ, и участіемъ своимъ въ описанномъ вечерѣ заслужила, вмѣстѣ съ иниціаторомъ его—директоромъ училища, глубокую признательность всѣхъ, кому дорога въ сердцахъ учащейся молодежи

живая память великаго поэта и любовь къ «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ»...

Къ дню праздника училище получило въ даръ отъ одного изъ своихъ бывшихъ преподавателей, И. Н. Анонимова, автографъ Пушкина слѣдующаго содержанія: «Авторъ статьи *Александръ Радищевъ* покорнѣйше проситъ Комитетъ о возвращеніи ему сей рукописи, не допущенной къ помѣщенію въ журналѣ. Александръ Пушкинъ. 5 октября 1836».

К.

НЕКРОЛОГИ:

А. Д. Путята.

Третьяго іюня скончался членъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *Александръ Дмитріевичъ Путята*, извѣстный своею широкою дѣятельностью на поприщѣ какъ народнаго просвѣщенія, именно въ дѣлѣ распространенія техническаго образованія въ средѣ рабочихъ, такъ и на поприщѣ столичной благотворительности. А. Д. Путята родился въ Смоленскѣ, въ 1828 году, образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, а именно въ Дворянскомъ полку, затѣмъ слушалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба. Избравъ скромную дѣятельность преподавателя, онъ читалъ высшую математику въ Морскомъ, Второмъ кадетскомъ и Константиновскомъ (бывшемъ Дворянскомъ полку, нынѣ Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ) корпусахъ. Какъ педагогъ, А. Д. замѣчательно сердечно относился къ своимъ ученикамъ и пользовался ихъ общимъ расположеніемъ и симпатіями. Къ этому времени относятся учено-научные труды покойнаго, изъ числа которыхъ наиболѣе крупными были: «Аналитическая механика», «Космологія», «Кантовскія и антикантовскія идеи о звѣздахъ», и др. Въ 1880 г. А. Д. былъ назначенъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Нар. Просв.

Покончивъ свою офиціальную служебную педагогическую дѣятельность, онъ всецѣло посвятилъ свои силы дѣлу общественнаго служенія. Въ продолженіе многихъ лѣтъ покойный принималъ весьма близкое участіе въ трудахъ постоянной коммиссіи по техническому образованію, состоящей при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, заботясь о распространеніи грамотности и техническаго образованія среди дѣтей фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и самихъ взрослыхъ рабочихъ, на устраиваемыхъ для нихъ коммиссіею названнаго Общества вечернихъ классахъ. Когда былъ созванъ въ Петербургѣ первый съѣздъ по техническому и профессіональному образованію, А. Д. Путята былъ избранъ почетнымъ вице-предсѣдателемъ педагогической секціи съѣзда. Въ связи съ этого рода дѣятельностью по распространенію техническаго образованія находятся статьи, помѣщенныя покойнымъ въ изданіяхъ Техническаго Общества, а также отдѣльное изданіе: «Математическіе знаки и формулы. Руководство для наборщиковъ 1895 г.»

Особенно близко къ сердцу принималъ покойный въ послѣдніе годы интересы дѣтей, нуждающихся въ защитѣ отъ грубаго обращенія съ ними. Онъ былъ однимъ изъ энергичныхъ и трудолюбивыхъ членовъ и въ послѣднее время казначеемъ отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. А. Д. не

жалѣлъ своего времени и силъ, чтобы принести возможно большую пользу беззащитнымъ дѣтямъ. До послѣдняго дня своей жизни покойный сохранилъ юношескую отзывчивость къ просьбамъ о помощи и постоянное сочувствіе ко всему хорошему и доброму.

Во время редактированія «Правительственнаго Вѣстника» покойнымъ Г. П. Данилевскимъ, А. Д. Путята завѣдывалъ въ этой газетѣ отдѣломъ ученыхъ извѣстій и, между прочимъ, помѣстилъ рядъ весьма цѣнныхъ статей во вопросу о введеніи у насъ, въ Россіи, метрической системы. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ которомъ напечаталъ рядъ статей по общепедагогическимъ вопросамъ.

Похороненъ А. Д. Путята на Смоленскомъ кладбищѣ. При отпѣваніи и погребеніи А. Д., въ числѣ многочисленныхъ присутствовавшихъ, кромѣ родственниковъ покойнаго, находились предсѣдатель Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. А. И. Георгіевскій, предсѣдатель Коммиссіи по техническому образованію А. Г. Неболсинъ, окр. инсп. А. В. Муромцевъ. пр. пов. Н. В. Герардъ и много другихъ видныхъ представителей ученаго и служебнаго міра—друзей, товарищей и знакомыхъ покойнаго. Было произнесено нѣсколько рѣчей. Пр. пов. Н. В. Герардъ въ прочувствованной рѣчи ярко обрисовалъ свѣтлую личность покойнаго и его многостороннюю дѣятельность, проникнутую до конца его дней юношескимъ пыломъ и неослабной энергіей. Затѣмъ говорилъ пр. пов. Сорокинъ и др. Весь гробъ былъ убранъ вѣнками: отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ «Журнала Мин. Нар. Пр.», отъ бюро защиты дѣтей и мн. друг.

А. Д. Дмитріевъ.

Третьяго іюня, въ одинъ день съ членомъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просвѣщенія А. Д. Путятой, скончался другой почетный членъ того-же Комитета—*Александръ Дмитріевичъ Дмитріевъ*, принадлежавшій также къ выдающимся дѣятелямъ на педагогическомъ поприщѣ. А. Д. Дмитріевъ родился въ 1820 году, образованіе получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ и затѣмъ въ продолженіе года слушалъ лекціи на тогдашнемъ философскомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, по отдѣленію математическихъ наукъ. Въ университетѣ А. Д. пробылъ, однако, всего одинъ годъ. Какъ ни странно покажется всѣмъ знавшимъ покойнаго педагога, его скромность и полнѣйшую индиферентность ко всякаго рода политическимъ и общественнымъ вопросамъ, его исключительную, во все время его долгой одинокой, до крайности умѣренной жизни, преданность чисто учебной дѣятельности,—въ бытность его студентомъ онъ былъ заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности. Подозрѣнія эти, конечно, оказались совершенно безпочвенными, тѣмъ не менѣе А. Д. Дмитріевъ не могъ окончить курса въ университетѣ и, какъ казеннокоштный, былъ назначенъ учителемъ ариѳметики и геометріи въ Шлиссельбургское уѣздное училище, изъ котораго былъ извлеченъ стараніями одного изъ достойнѣйшихъ русскихъ педагогическихъ дѣятелей—Андреемъ Степановичемъ Вороновымъ, скончавшимся на посту члена Совѣта Министа Нар. Просв. Послѣдній, будучи директоромъ 5-й Спб. гимназіи, называвшейся тогда «губернскою», а потому, по тогдашнему уставу, состоявшій въ тоже время директоромъ народныхъ училищъ С.-Пе-

тербургской губерніи, производя осмотръ подчиненнаго ему Шлиссельбургскаго уѣзднаго училища, не могъ не замѣтить въ числѣ его учителей А. Д. Дмитріева, какъ прекраснаго преподавателя, продолжавшаго въ тоже время усердно заниматься собственнымъ высшимъ математическимъ образованіемъ, знавшаго иностранные языки и слѣдившаго за ходомъ математическихъ наукъ на западѣ.

Переведенный въ Петербургъ и получившій здѣсь мѣсто сверхштатнаго преподавателя въ завѣдываемой А. С. Вороновымъ 5-й гимназіи, А. Д. Дмитріевъ затѣмъ былъ утвержденъ въ правахъ учителя гимназіи и началъ свою долголѣтнюю и плодотворную преподавательскую дѣятельность въ столицѣ. Онъ преподавалъ математику въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Патріогескомъ институтѣ, Спб. пятой гимназіи и въ Спб. 7-й реальной гимназіи, (нынѣ первое реальное училище), въ которой состоялъ затѣмъ долгое время также инспекторомъ. Онъ вездѣ оставилъ по себѣ прекрасныя воспоминанія, какъ объ учителѣ, отличавшемся ясностью, оживленностью и доступностью изложенія. Результатомъ преподавательской дѣятельности покойнаго явились его Сборникъ геометрическихъ задачъ, а также «Тригонометрія», выдержавшіе по нѣсколько изданій и до сихъ поръ считающіеся одними изъ лучшихъ учебныхъ пособій. Выслуживъ пенсію и назначенный членомъ Ученаго Комитета М. Н. Пр., А. Д. ревностно исполнялъ свои обязанности по разсмотрѣнію учебниковъ своей спеціальности. Въ качествѣ делегата отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, А. Д. принималъ дѣятельное участіе въ экзаменаціонныхъ работахъ на высшихъ женскихъ курсахъ.

Будучи человѣкомъ простымъ, всегда доступнымъ, обладавшимъ недюжиннымъ умомъ, покойный всюду пользовался заслуженными симпатіями. За свои заслуги на педагогическомъ поприщѣ онъ былъ назначенъ въ прошломъ году почетнымъ членомъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. Въ 60-хъ годахъ А. Д. увлекся также литературной дѣятельностью. Къ этому времени относятся его нѣсколько беллетристическихъ вещицъ, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ.

Отпѣваніе А. Д. происходило въ церкви Спб. перваго реальнаго училища, съ которымъ покойный такъ сроднился во время своей долгольтней службы въ немъ. Похороненъ Александръ Дмитріевичъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Высочайшее одобреніе. Въ «Пр. Вѣстн.» опубликованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный на имя почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ VI благочинническаго округа Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Рачинскаго.

«Сергѣй Александровичъ! Многолѣтняя ваша дѣятельность на пользу народную обращаетъ на себя особливое Мое вниманіе. Обширное образованіе ваше и опытность, пріобрѣтенную на государственной службѣ въ Московскомъ университетѣ, посвятили вы, съ раннихъ лѣтъ, дѣлу пресвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселясь безвыѣздно въ отдаленномъ родовомъ имѣніи, вы явили для всего благороднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соотвѣтствующей государственному и народному его призванію. Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ нераздѣльной связи съ церковью и приходомъ, послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя, состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ-же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій.

Близкая сердцу Моему забота о народномъ образованіи, коему вы достойно служите, побуждаетъ Меня изъявить вамъ искреннюю Мою признательность».

Пребываю къ вамъ благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

14-го мая 1899 г. Петергофъ.

100-лѣтіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія рѣшено, въ виду предстоящаго его столѣтняго юбилея, составить и издать историческій очеркъ постепеннаго развитія и дѣятельности этого вѣдомства за все время его существованія («Р. Вѣд.»).

Отдѣленіе изящной словесности при Академіи Наукъ. Коммиссія по выработкѣ устава касательно Высочайше утвержденнаго Отдѣленія изящной словесности при второмъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ начинаетъ свои занятія послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ сентябрѣ. Предсѣдателемъ коммиссіи называютъ академика М. И. Сухомлинова («Н. Вр.»).

Преміи Петра Великаго. Состоялось присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Мин. Нар. Просв. Для соисканія преміи по разряду гимназій было представлено два сочиненія. Изъ нихъ—«Въ помощь учащимся. Родная Старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ» В. Д. Сиповскаго—признано заслуживающимъ большой преміи въ 2.000 р. Предсѣдателю коммсіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій члену ученаго комитета проф. С. Ѳ. Платонову и членамъ этой коммиссіи проф. Г. В. Форстену и М. А. Андріянову выданы за ихъ труды золотыя медали. Для соисканія преміи по разряду начальныхъ училищъ было представлено пять сочиненій. Большая премія въ 2.000 р. присуждена за сочиненіе «Добрыя сѣмена», книга для класснаго и внѣ-класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ» А. Баранова. Предсѣдателю коммиссіи по разсмотрѣнію сочиненій члену ученаго комитета А. Г. Филонову и членамъ коммиссіи А. І. Кочетову, А. Ѳ. Соколову и В. В. Федорову выданы за ихъ труды по золотой медали. Для соисканія преміи по разряду книгъ для народнаго чтенія было представлено восемь сочиненій. Изъ нихъ «Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской исторіи (кіевское изданіе) признана заслуживающей малой преміи въ 500 р. Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя коммиссіи проф. С. Ѳ. Платонова и ея членовъ В. В. Ѳедорова и Н. А. Майкова выданы имъ золотыя медали. Въ будущемъ 1900 году преміи имени Петра Великаго будутъ присуждены: по разряду гимназій за сочиненія по математической географіи и физикѣ; по разряду реальныхъ училищъ за сочиненія по коммерческой и сравнительной географіи, и по разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія. Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ учебный комитетъ Министерства Нар. Просв. не позже 1-го ноября («Н. Вр.»).

Къ Парижской выставкѣ. Коммиссія по устройству педагогическаго отдѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія на всемірной Парижской выставкѣ 1900 года озабочена въ настоящее время вопросомъ объ устройствѣ удешевленныхъ поѣздокъ для учащихъ на выставку и о размѣщеніи ихъ по прибытіи въ Парижъ. Французское правительство сообщило коммиссіи, что оно предоставитъ для помѣщенія русскихъ учителей и учительницъ зданія двухъ учительскихъ семинарій (мужской и женской) и трехъ лицеевъ. Кромѣ того, коммиссія обратилась къ учрежденному Н. А. Нечаевымъ въ С.-Петербургѣ Обществу удешевленныхъ поѣздокъ съ просьбою разработать проектъ организаціи поѣздокъ, доступныхъ для людей съ очень ограниченными средствами (примѣнительно къ минимальнымъ средствамъ учащихъ). При этомъ коммиссія высказываетъ желательность установленія типовъ поѣздокъ не только во второмъ, но и въ третьемъ классѣ, съ остановкою въ гостинницахъ не только перворазрядныхъ, но и болѣе дешевыхъ, безъ обязательства завтракать и обѣдать въ нихъ. Наконецъ, коммиссія желала бы, чтобы названное Общество предоставило для ѣдущихъ на выставку учащихъ одни только желѣзнодорожные круговые билеты съ правомъ пользоваться услугами и указаніями агентовъ Общества какъ на промежуточныхъ станціяхъ, такъ и въ самомъ Парижѣ, но безъ обязательства для ѣдущихъ занимать помѣщенія въ гостинницахъ Общества.

100-лѣтіе Юрьевскаго университета. Въ виду исполняющагося въ 1902 г. столѣтія основанія Императорскаго Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго,

университета, коммиссія, озабочиваясь возможно полнымъ собраніемъ матеріаловъ для составленія какъ «Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей», такъ и «Исторической записки о состояніи и дѣятельности университета», обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ о доставленіи въ непродолжительномъ времени могущихъ у нихъ оказаться матеріаловъ въ Юрьевскій университетъ, на имя г. ректора («Нов.»).

Медицинскій факультетъ въ Одессѣ. Вслѣдствіе недостаточности помѣщенія въ зданіи заканчивающагося отдѣлкою одесскаго анатомическаго театра для предполагавшихся въ немъ раньше четырехъ каѳедръ, имѣющихъ дѣло съ трупами—анатоміи нормальной и патологической, оперативной хирургіи и судебной медицины—строительный комитетъ по возведенію зданія для одесскаго медицинскаго факультета постановилъ: вывести изъ анатомическаго театра каѳедру судебной медицины и построить отдѣльный судебно-медицинскій институтъ съ находящимся при немъ моргомъ и отдѣленіемъ для антропометрическихъ измѣреній. Такимъ образомъ, Одесса окажется первымъ въ Россію городомъ, гдѣ будетъ отдѣльный судебно-медицинскій институтъ съ моргомъ для опознаванія неизвѣстныхъ труповъ («Врачъ»).

Библіотека томскаго университета. Томскимъ университетомъ получена цѣнная библіотека, принадлежавшая покойному берлинскому профессору государственныхъ наукъ Р. Гнейсту. Библіотека эта представлаетъ замѣчательный подборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ публичнаго права, по преимуществу государственнаго, административнаго и международнаго. Содержится въ ней около 10.000 книгъ и брошюръ («Сиб. Вѣстн.»).

Общежитіе при московскомъ университетѣ. Какъ видно изъ объявленія попечительнаго совѣта студенческаго общежитія при московскомъ университетѣ, это новое учрежденіе открывается съ начала предстоящаго академическаго года, а 15-го мая, могутъ уже подаваться прошенія о пріемѣ въ общежитіе. Обширное зданіе этого перваго студенческаго общежитія при университетѣ совсѣмъ готово и уже почти сполна омеблировано. Въ настоящее время попечительнымъ совѣтомъ уже приняты мѣры для устройства студенческой библіотеки. За дальнѣйшимъ ходомъ окончательнаго устройства общежитія будетъ слѣдить попечительный при немъ совѣтъ, въ составъ котораго входятъ, какъ извѣстно, многіе профессора, а также нѣкоторыя лица изъ общества, выразившія сочувствіе дѣлу устройства общежитія матеріальными пожертвованіями. Ближайшее руководство дѣломъ принадлежитъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта, попечителю учебнаго округа П. А. Некрасову, ректору университета Д. Н. Зернову, проф. П. Г. Виноградову, на которомъ лежитъ ближайшій надзоръ за учебно-воспитательной стороной жизни общежитія, и исполнительной коммиссіи, въ составъ которой, подъ предсѣдательствомъ профессора М. В. Духовскаго, входятъ: секретарь Общества для пособія нуждающимся студентамъ С. А. Иванцовъ и завѣдующій общежитіемъ приватъ-доцентъ московскаго университета П. В. Преображенскій. Такимъ образомъ, вновь возникшее при этомъ университетѣ учрежденіе, имѣющее въ виду притти на помощь матеріальнымъ и умственнымъ нуждамъ университетской молодежи, открываетъ свою дѣятельность. Всѣ сочувствующіе добрымъ цѣлямъ общежитія отъ души пожелаютъ ему полнаго успѣха на первыхъ же

порахъ его вступленія въ жизнь и выразятъ надежду, что дальнѣйшей своей дѣятельностью новое учрежденіе привлечетъ къ себѣ симпатію не только всего близко заинтересованнаго въ немъ университетскаго міра, но также и общества. всегда чутко отзывающагося на нужды университета («Р. Вѣд.»).

Правительственное сообщеніе о Лѣсномъ институтѣ. Въ «Правит. Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее сообщеніе: «Въ нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ и московскихъ газетахъ было напечатано извѣстіе о томъ, что с.-петербургскій Лѣсной институтъ предположено закрыть, а вмѣсто него открыть въ Пензѣ институтъ съ двумя отдѣленіями—лѣснымъ и агрономическимъ, и что закрытіе петербургскаго и открытіе пензенскаго институтовъ состоятся осенью текущаго года. По поводу этого извѣстія Лѣсной Департаментъ считаетъ необходимымъ сообщить, что вопросъ о переводѣ Лѣсного института въ какое-либо другое, болѣе подходящее, въ отношеніи веденія практичезанятій, мѣсто давно и неоднократно возникалъ въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Поводомъ къ такому предположенію являлось отсутствіе при институтѣ лѣсной дачи, въ которой слушатели института могли-бы практически изучать лѣсное хозяйство, производить лѣсоустроительныя работы, знакомиться съ техническими пріемами выполненія различныхъ лѣсныхъ и культурныхъ работъ. Въ видахъ устраненія этого весьма важнаго неудобства, особенно замѣтнаго въ послѣдніе годы, когда казенное лѣсное хозяйство стало быстро и всесторонне развиваться, вопросъ о переводѣ Лѣсного института изъ С.-Петербурга нынѣ возбужденъ вновь и разсматривается Лѣснымъ Департаментомъ, но, во всякомъ случаѣ, переводъ этотъ могъ-бы состояться лишь послѣ рѣшенія вопроса о передачѣ другому вѣдомству настоящей территоріи Лѣсного института и принадлежащихъ ему обширныхъ зданій и постройки необходимыхъ помѣщеній въ томъ мѣстѣ, которое будетъ окончательно для этого избрано. Въ случаѣ осуществленія мысли о переводѣ Лѣсного института въ какой-либо изъ городовъ Средней Россіи, между коими пока намѣчена для этой цѣли Пенза, предположено открыть при институтѣ агрономическое отдѣленіе, если избранное для института мѣсто будетъ обладать необходимыми для того условіями. Изъ изложеннаго явствуетъ, что предположеніе о переводѣ Лѣснаго института въ другой городъ, во всякомъ случаѣ, не могло-бы осуществиться ранѣе 2-хъ—3-хъ лѣтъ.

О передачѣ ветеринарныхъ институтовъ. Всѣ эти институты будутъ переданы, какъ сообщаютъ газеты, съ будущаго года въ вѣдѣніе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніе котораго къ будущему 1900 г. будетъ передана вся ветеринарная часть Имперіи вообще. Совѣты всѣхъ ветеринарныхъ институтовъ Россіи высказались, вслѣдствіе сдѣланнаго имъ по этому поводу запроса, въ утвердительномъ смыслѣ, въ томъ соображеніи, что Министерству Земледѣлія прекрасно извѣстно потребности ветеринаріи. Одновременно съ передачею ветеринарныхъ инстутутовъ будетъ установлено единство общеобразовательнаго ценза для поступающихъ въ нихъ наравнѣ съ другими высшими учебными заведеніями и усилены будутъ ихъ учебно-вспомогательныя средства («Нов.»).

25-лѣтіе ветеринарнаго института въ Казани. Открытый 22-го августа 1874 г., ветеринарный институтъ въ городѣ Казани будетъ праздновать въ нынѣшнемъ году осенью двадцати-пяти-лѣтіе своего существованія. Для

приготовленія ветеринарныхъ фельдшеровъ при институтѣ находится особая школа съ трехлѣтнимъ прохожденіемъ курса. Полный курсъ для студентовъ института четырехлѣтній. При институтѣ издается журналъ «Ученыя Записки» и имѣются Общества: а) ветеринарныхъ врачей и б) вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. Ко дню празднованія будетъ издана подробная историческая записка («Нов.»).

Высшіе женскіе курсы. Выпускные и переводные экзамены на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ окончились 26-го мая. Экзаменовалось всего до 300 человѣкъ. Осенніе экзамены на курсахъ назначены: по историко-филологическому отдѣленію съ 24-го августа по 16-е сентября и по физико-математическому отдѣленію съ 1-го по 2-е сентября. Пріемъ прошеній отъ желающихъ поступить на высшіе женскіе курсы продолжится до 1-го августа. По ходатайству директора курсовъ, Министромъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено принять на курсы въ 1899—1900 учебномъ году 300 человѣкъ. Къ концу учебнаго года уже было подано 125 прошеній («Н. Вр.»).

Высшія женскія курсы въ Москвѣ. Въ настоящее время Мин. Нар. Пр. признано болѣе цѣлесообразнымъ учредить съ 1-го іюля текущаго года въ Москвѣ высшіе женскіе курсы по образцу существующихъ въ С.-Петербургѣ, для чего вносится Министерствомъ соотвѣтствующее представленіе въ Государственный Совѣтъ. На содержаніи администраціи курсовъ испрашивается отпускъ изъ казны по 8.600 р. ежегодно. Все остальные расходы по содержанію проектируемыхъ курсовъ предположено относить на плату за ученіе съ слушательницъ, пособія и пожертвованія частныхъ лицъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ отпустить изъ суммъ государственнаго казначейства 4.300 р. на содержаніе въ текущемъ году личнаго состава проектируемыхъ къ открытію курсовъ. Курсы будутъ состоять изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго. Учебною частью курсовъ будетъ завѣдывать особый Совѣтъ изъ компетентныхъ лицъ, а хозяйственною частью—комитетъ. Продолжительность курса—четыре года. Открытіе курсовъ предполагается въ сентябрѣ текущаго года, причемъ вольнослушательницы будутъ приниматься въ зависимости отъ помѣщенія. Для содѣйствія и упроченія высшихъ женскихъ курсовъ учреждается въ Москвѣ особое общество по иниціативѣ бывшихъ слушательницъ В. И. Герье. Проектъ общества уже представленъ на утвержденіе. По слухамъ, одно лицо, близко принимающее къ сердцу дѣло высшихъ женскихъ курсовъ, жертвуетъ на нихъ крупную сумму («Моск. Вѣд.»).

Къ всемірной выставкѣ. Въ учебной группѣ русскаго отдѣла всемірной парижской выставки 1900 г., между прочимъ, примутъ участіе два учрежденія, близко касающіяся своею дѣятельностью дѣла высшаго женскаго образованія въ Россіи: Общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ и Общество доставленія средствъ женскому медицинскому институту. Оба эти Общества, кромѣ экспонатовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ ихъ дѣятельности, представятъ общую коллективную картину женскаго образованія на выставкѣ («Нов.»).

Къ вопросу о подготовкѣ учителей. 10-го апрѣля состоялось засѣданіе педагогическаго Общества при московскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ П. Г. Виноградова. Общество приняло слѣдующія заключенія избранной имъ коммиссіи: 1) улучшеніе педагогической подготовки преподавателей и поднятіе ихъ матеріальнаго благосостоянія составляютъ насущные вопросы современной русской школы, но прочные и значительные успѣхи въ развитіи педагогическаго дѣла возможны только при измѣненіи цѣлаго ряда другихъ условій преподавательской дѣятельности, наиболѣе-же существеннымъ тормозомъ въ этомъ дѣлѣ является отсутствіе самостоятельности преподавательскаго персонала какъ въ учебномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи; 2) по вопросу о томъ, какъ должны быть поставлены университетскія занятія по педагогикѣ, Общество постановило: а) ходатайствовать о созданіи въ университетѣ самостоятельной каѳедры педагогики (исторіи педагогики и психологіи) и б) необходимо, чтобы лица, готовящіяся къ преподавательской дѣятельности, слушали также особые курсы анатоміи, физіологіи и гигіены («Р. Вѣд.»).

Къ преобразованію духовныхъ семинарій. Святѣйшій Синодъ утвердилъ новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ. Основной чертой устава является усиленіе церковно-богословскаго элемента за счетъ общеобразовательнаго. Программы математики, географіи и физики сокращены до minimum. Программы философіи и психологіи также подверглись сокращенію. Взамѣнъ расширены программы богословскихъ предметовъ, изъ которыхъ гомилетика исключена совсѣмъ. Инспекторами духовныхъ семинарій и духовныхъ уѣздныхъ училищъ, а также преподавателями въ духовныхъ семинаріяхъ литургики и практическаго руководства для пастырей должны быть или монашествующіе, или лица бѣлаго духовенства. Должности помощниковъ смотрителей духовныхъ училищъ упраздняются, а вмѣсто ихъ учреждаются должности классныхъ наставниковъ, которымъ ввѣряется надзоръ за воспитанниками («Нов.»).

Къ вопросу объ экзаменахъ. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ настоящее время предоставлено педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій Московскаго и Рижскаго учебныхъ округовъ, въ видѣ опыта, на три года, удостоивать перевода въ высшій классъ безъ экзамена: 1) тѣхъ учениковъ, которые имѣютъ въ среднемъ выводѣ за годъ по каждому предмѣту не менѣе 3 балловъ и не менѣе 4 по тремъ изъ основныхъ предметовъ курса, и 2) тѣхъ учениковъ, которые, имѣя вообще удовлетворительныя отмѣтки за годъ, не могли явиться на экзаменъ по причинѣ, признанной совѣтомъ вполнѣ уважительной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предложено своевременно донести министерству, какія получатся въ теченіе трехлѣтняго примѣненія предлагаемой мѣры данныя для сужденія о цѣлесообранности освобожденія учениковъ отъ экзаменовъ въ смыслѣ вліянія этой мѣры на дальнѣйшую успѣшность учащихся.

Отмѣтки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящее время въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, какъ передаетъ «Торгово-Промышленная Газета», возбужденъ вопросъ объ измѣненіи существующей системы отмѣтокъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ томъ смыслѣ: 1) чтобы постановка ученикамъ ежедневныхъ отмѣтокъ за каждый урокъ

была признана необязательною для преподавателей; 2) чтобы родителямъ сообщались классными наставниками свѣдѣнія о неуспѣвающихъ ученикахъ не рѣже одного раза въ недѣлю, на основаніи записей въ особыхъ для того журналахъ, при чемъ записи эти должны содержать указаніе, чѣмъ именно вызвалъ порицаніе учащійся, и 3) чтобы на прежнихъ основаніяхъ выставлялись отмѣтки за первыя три четверти учебнаго года, а вмѣсто четвертой выставлялись годовыя отмѣтки. Настоящій вопросъ предложенъ Министерствомъ на обсужденіе состоящихъ при учебныхъ округахъ попечительскихъ Совѣтовъ.

Сооруженіе зданій для учебныхъ заведеній. Въ настоящее время Министер. Нар. Просв. испрошенъ въ законодательномъ порядкѣ отпускъ изъ государственнаго казначейства слѣдующихъ кредитовъ: 1) 172.000 р.—на капитальную перестройку зданія калужской мужской гимназіи (72.000 р.—въ 1900 г. и по 50.000 р. въ 1901 и 1902 гг.); 2) 110.000 р.—на расширеніе и капитальный ремонтъ зданія кутаисской мужской гимназіи (64.000 р.—въ 1900 г., 42.000 р.—1901 г. и 22.000 р.—1902 г.); 3) 60.000 р. (въ 1900 г.)—на постройку зданія для ананьевской мужской гимназіи и 4) 64.513 р. (въ 1900 г.)—на постройку дома для нуждъ русскихъ учебныхъ заведеній въ гор. Выборгѣ. («Нов.»).

Общество содѣйствія реальному образованію. Организовавшійся недавно въ Петербургѣ комитетъ для выработки устава Общества содѣйствія реальному образованію окончилъ свои занятія. Вмѣстѣ съ проектомъ устава, комитетъ представилъ программу дѣятельности вновь учреждаемаго общества, намѣтивъ, въ числѣ первыхъ его задачъ, исходатайствованіе разрѣшенія на учрежденіе ріальнаго училища, съ непремѣннымъ условіемъ присвоенія ему наименованія училища Императора Петра I, какъ въ память приближающагося 200-лѣтія со дня основанія города С.-Петербурга, такъ и въ память созданія Петромъ Великимъ перваго въ Россіи реальнаго училища, каковымъ была учрежденная имъ въ Москвѣ школа математическихъ наукъ, открытая въ 1701 г. Судя по значительному числу лицъ, заявившихъ уже теперь желаніе вступить въ составъ проектируемаго Общества (болѣе 200), осуществленіе его, повидимому, обезпечено. Первые классы реальнаго училища въ память Императора Петра I откроются уже въ августѣ текущаго года, съ разрѣшенія попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. До полнаго состава правительственныхъ реальныхъ училищъ оно будетъ доведено къ 1903 году. Ближайшее завѣдываніе училищемъ ввѣрено Е. Ѳ. Шрекнику, преподавателю с.-петербургскаго 2-го реальнаго училища. По учебной программѣ это училище ничѣмъ не будетъ отличаться отъ правительственныхъ реальныхъ училищъ. Число учащихся въ каждомъ классѣ предполагается отъ 35 до 40. Учебно-хозяйственная часть училища будетъ находиться въ вѣдѣніи попечительнаго Совѣта, въ составъ котораго, кромѣ учредителей училища, входятъ еще слѣдующіе почетные члены: Министръ Земледѣлія и Госуд. Имуществъ д. т. с. А. С. Ермоловъ, статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ, сенаторъ Ф. И. Шмелевъ, заслуженный проф. Д. И. Менделѣевъ, членъ Совѣта Мин. Нар. Просв. И. А. Аноповъ и т. с. С. С. Соллогубъ («Нов.»).

Прогимназія въ Самаркандѣ Въ виду неоднократныхъ заявленій начальства Самаркандской области о крайнихъ затрудненіяхъ, какія испыты-

ваютъ жители этой области отъ отсутствія въ ней средняго учебнаго заведенія, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, согласно съ ходатайствомъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, испрошено, въ законодательномъ порядкѣ, разрѣшеніе на учрежденіе съ 1-го іюля текущаго года въ гор. Самаркандѣ четырехклассной мужской прогимназіи съ приготовительнымъ классомъ. Въ первый годъ существованія прогимназіи будутъ открыты, по словамъ газетъ, приготовительный и первый классы, и затѣмъ послѣдовательно откроются слѣдующіе три класса. По примѣру другихъ среднихъ учебныхъ заведеній Туркестанскаго края, вновь открываемой прогимназіи присвоенъ полуторный штатъ содержанія («Пр. Вѣст.»).

Публичныя лекціи въ Самарѣ. Въ маѣ прошлаго года группа мѣстныхъ врачей и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній послала, куда слѣдуетъ, просьбу о разрѣшеніи устроить публичные систематическіе курсы въ Самарѣ. Къ сожалѣнію, разрѣшеніе пришло слишкомъ поздно, а именно— въ февралѣ текущаго года, т. е. черезъ 10 мѣсяцевъ; къ этому времени нѣкоторые изъ иниціаторовъ или не могли, или почему-либо не хотѣли принять участіе въ чтеніяхъ, да и самыя лекціи невольно изъ систематическихъ превратились въ случайныя и отрывочныя. Всѣхъ лекцій въ Великомъ посту было прочитано восемь; изъ нихъ мы должны отмѣтить слѣдующія: «О лунныхъ и солнечныхъ затменіяхъ», прочтенная преподавателемъ гимназіи г. Щепанскимъ; «Движеніе, какъ источникъ сохраненія здоровья» (д-ромъ В. Родзевичемъ); «Вино, какъ діэтическое и лечебное средство въ дѣтскомъ возрастѣ» (д-ромъ В. Рожанскимъ); «О самозащитѣ организма» (д-ромъ Е. Кавецкимъ); «О воздухоплаваніи» (инженеромъ-механикомъ С. И. Болотовымъ); «Борьба организма съ заразой» (д-ромъ П. Крыловымъ). Публика посѣщала лекціи очень усердно, слушала весьма внимательно, лекторовъ провожала дружными апплодисментами. Этотъ опытъ убѣдилъ въ томъ, что въ Самарѣ могутъ съ полнымъ успѣхомъ читаться систематическія лекціи, и мы слышали, что вновь посылается ходатайство о разрѣшеніи устраивать ихъ и въ будущемъ учебномъ году («Сам. Газ.»).

Курсы по шелководству и пчеловодству. Курсы, съ практическими занятіями, при кавказской шелководственной станціи въ Тифлисѣ, по программѣ, утвержденной г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, будутъ продолжаться въ текущемъ году съ 15 іюня по 1 августа. Къ участію въ курсахъ допускаются безплатно всѣ желающіе. Желающіе получить свидѣтельство о прохожденіи курсовъ подвергаются установленному испытанію («Пр. В.»).

Дополнительные классы въ церковно-учительскихъ школахъ. При всѣхъ церковно-учительскихъ школахъ, имѣющихъ цѣлью подготовку опытныхъ преподавателей для церковно-приходскихъ училищъ, предположено организовать дополнительные сельско-хозяйственные и ремесленные классы («Р. Вѣд.»).

Мѣстныя газеты въ народныхъ читальняхъ. На ходатайство совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ Енисейскѣ о дозволеніи имѣть въ народной читальнѣ сибирскія газеты, спросъ на которыя со стороны посѣтителей очень значительный, получено извѣщеніе начальника гу-

берніи, что, по соглашенію съ главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири, означенное ходатайство не можетъ быть уважено («Ен.»). Такимъ образомъ, чтобы читать эти газеты—надо ходить въ трактиръ.

Народные музеи. По иниціативѣ директора Педагогическая музея военно-учебныхъ заведеній, ген.-лейт. А. Н. Макарова, въ комитетѣ С.-Петербургскаго городского попечительства о народной трезвости возбужденъ вопросъ объ организаціи небольшихъ народныхъ музеевъ. По мысли А. Н. Макарова, такіе дешевые музеи необходимо учредить при народныхъ «чайныхъ»; въ заранѣе опредѣленные часы въ нихъ должны даваться народу надлежащія объясненія собраннымъ колекціямъ и при помощи соотвѣтственныхъ приборовъ должно производиться демонстрированіе того или другого физическаго явленія. Идея эта встрѣтила сочувствіе въ комитетѣ попечительства, выразившаго пожеланіе, чтобы она получила болѣе детальную разработку. Въ виду этого при Педагогическомъ музеѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Макарова, особая коммиссія, которая занялась выработкой состава физическаго, естественно-историческаго и историко-географическаго музеевъ. Въ коммиссію вошли слѣдующія лица: П. А. Аникіевъ, М. А. Андреяновъ, Н. Н. Березинъ, А. М. Воронецкій, г. Вороновъ, К. В. Дубровскій, Я. И. Ковальскій, Я. И. Рудневъ, Ф. Е. Туръ и А. А. Ященко. Въ настоящее время составленный коммиссіей списокъ предметовъ, необходимыхъ для народныхъ музеевъ, уже отпечатанъ. Къ началу осени будетъ издано руководство, какъ производить опыты въ нихъ, какъ пользоваться приборами и какой матеріалъ сообщать по этому поводу слушателямъ. Запросы о такомъ руководствѣ уже во множествѣ поступаютъ въ музей изъ провинціи («Н. Вр.»).

Разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній. Въ особомъ совѣщаніи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ выработанъ упрощенный порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній. Вмѣсто министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора Св. Синода, право разрѣшенія будетъ предоставлено архіереямъ, губернаторамъ и попечителямъ учебныхъ округовъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, требующихъ особой спѣшности, и директорамъ народныхъ училищъ, при условіи предварительнаго сношенія съ названными лицами и съ доведеніемъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа.

Усиленіе средствъ на городскія училища. Разрѣшенъ вопросъ объ отпускѣ изъ казны въ 1900 году 50.000 р., въ 1901 году 100.000 р., въ 1902 году 150.000 р., въ 1903 г. 200.000 р. и, начиная съ 1904 г., по 250.000 р. въ годъ на нужды городскихъ училищъ, а именно: на преобразованіе существующихъ уѣздныхъ училищъ въ городскія, на открытіе новыхъ городскихъ училищъ, на преобразованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ высшій составъ классовъ, на учрежденіе при нихъ должностей учителей чистописанія, черченія и рисованія, а также сверхштатныхъ учителей, учительскихъ помощниковъ и ремесленныхъ классовъ. Вслѣдствіе этого Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложено попечителямъ учебныхъ округовъ войти въ обсужденіе вопроса объ указанныхъ выше нуждахъ городскихъ училищъ въ теченіе 1900—1904 гг., обративъ особенное вниманіе на необходимость окончанія въ этотъ періодъ времени реформы преобразо-

ванія уѣздныхъ училищъ въ городскія, и соображенія по этому предмету представить Министерству, съ объясненіемъ, въ какой постепенности удовлетвореніе этихъ нуждъ является, по ихъ, попечителей, мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразнымъ («Торг. Пр. Газ.»).

Новое городское 4-хъ классное училище. 23-го мая въ Петербургѣ на Большой Охтѣ происходило торжество закладки зданія четырехкласснаго городского училища имени Петра Великаго. Послѣ божественной литургіи въ церкви Св. Духа, состоялся крестный ходъ къ мѣсту закладки зданія—при богадѣльнѣ пригороднаго охтенскаго общества. На молебствіи присутствовали: директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, предсѣдатель охтенскаго пригороднаго управленія Д. В. Дудакинъ и старѣйшій членъ управы Р. В. Аникинъ, онъ-же иниціаторъ дѣла по устройству училища, а также множество охтянъ. Устроенная и заселенная по мысли Петра Великаге, Б. Охта его-же заботами получила особое назначеніе въ только что возникавшей тогда столицѣ. Плотники и корабельщики съ правами и привилегіями, охтяне съ первыхъ-же дней поселенія пользовались матеріальнымъ обезпеченіемъ и благосостояніемъ, но до послѣдняго времени, т. е. въ теченіе двухсотъ почти лѣтъ, вопросъ объ образованіи оставался открытымъ. Въ 1898 г., средства на училище, въ размѣрѣ 40.000 р., были ассигнованы мѣстной управой и тотчасъ-же приступлено было къ постройкѣ зданія. Осенью текущаго года открывается первый классъ. Зданіе трехъ-этажное, каменное. Нижній этажъ предназначается для квартиръ преподавателей и служащихъ, въ среднемъ будетъ помѣщаться начальное училище имени Императора Александра III, а верхній этажъ отводится подъ четырехклассное городское училище имени Петра Великаго. Программа училища, помимо своего общеобразовательнаго характера, имѣетъ въ виду чисто мѣстные интересы. Такъ какъ Б. Охта почти исключительно населена ремесленниками, и главнымъ образомъ плотниками, причемъ профессія отцовъ преемственно передается дѣтямъ, то въ новой школѣ воспитанники будутъ обучаться рисованію, ремесламъ и бухгалтеріи («Нов.»).

Увеличеніе школьной смѣты св. Синода. Оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе объ ассигнованіи ежегодно изъ средствъ Государственнаго казначейства около 1.860.000 р. на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и учительскихъ курсовъ, въ дополненіе къ отпущеннымъ уже въ 1895 г. 3.279.205 р. на содержаніе означенныхъ школъ и на инспекцію за ними и въ 1896 г. 1.500,000 р. на увеличеніе жалованья учащимъ въ названныхъ школахъ, на подготовку преподавателей въ одноклассныхъ школахъ, на школьныя библіотеки и ремонтъ зданій («Н. Вр.»).

Съѣзды учителей. Въ Ученомъ Комитетѣ Мин. Нар. Просв. былъ разсмотрѣнъ вопросъ о разрѣшеніи съѣздовъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ, при чемъ Комитетъ высказался въ пользу разрѣшенія такихъ съѣздовъ, ни разу не созывавшихся за послѣднія 14 лѣтъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Московскому губ. земству, которое обратилось въ Министерство съ ходатайствомъ о созывѣ съѣзда по Московской губ. Фактически съѣзды учителей и учительницъ нар. училищъ существовали подъ видомъ совѣщаній и собраній, а также и конференцій учителей инородче-

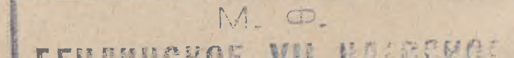
скихъ школъ, созывавшихся директорами и инспекторами народныхъ училищъ. Многіе вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію на съѣздахъ учителей, обсуждались также и на временныхъ курсахъ для учащихся. Въ настоящее время предполагается придать дѣлу съѣздовъ правильную организацію и выработать новыя правила, въ которыхъ будутъ указаны какъ порядокъ разрѣшенія, такъ организація и веденіе съѣздовъ («Нов.»).

Курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ въ Москвѣ. При московской духовной семинаріи будутъ ежегодно устраиваться педагогическіе курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ въ лѣтнее время; на организацію ихъ Святѣйшій Синодъ рѣшилъ отпускать по 2.500 рублей ежегодно. Нынѣшнимъ лѣтомъ, независимо отъ педагогическихъ курсовъ, будутъ организованы въ Москвѣ еще сельско-хозяйственные курсы для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, при которыхъ имѣются земельные участки или въ которыхъ преподаются тѣ или другія ремесла. Курсистамъ, наряду съ сельско-хозяйственными свѣдѣніями, будутъ сообщаться также свѣдѣнія по производству ремеслъ («Моск. Вѣд.»).

Общество вспомоществованія народнымъ учителямъ. 22-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ Я. И. Семенова, состоялось экстренное себраніе членовъ общества вспомоществованія учащимъ въ нар. училищахъ С.-Петербургской губ., на которомъ было постановлено разрѣшить правленію затратить до 500 руб. на расходы по курсамъ, предположеннымъ къ открытію въ Павловскѣ въ августѣ мѣсяцѣ. Каждый изъ учителей, желающихъ быть на этихъ курсахъ, долженъ не позже 1-го іюля доставить инспектору своего района отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) Въ чемъ выражается воспитательное вліяніе школъ на учащихся? Сохраняется ли вліяніе школъ по окончаніи дѣтьми курса ученія? Какими средствами возможно было-бы его усилить? 2) Какъ относится взрослое населеніе къ школѣ? Къ учащимъ? Существуетъ-ли зависимость учащихъ отъ сельскихъ обществъ? 3) Какъ великъ процентъ взятыхъ изъ школы дѣтей до окончанія ими курса и причины, по которымъ преждевременно берутъ дѣтей изъ школы? 4) Насколько чувствуется потребность въ знаніи ремеслъ, какихъ именно? Дѣлались-ли попытки обучать ремесламъ, и если дѣлались, то къ какимъ результатамъ привели? 5) Дѣлались-ли опыты обученія сельскому хозяйству, или садоводству, или огородничеству, пчеловодству? Если дѣлались, то какъ велись занятія и къ какимъ результатамъ привели? 6) Существуетъ-ли въ школѣ обученіе рукодѣліямъ дѣвочекъ? Если существуетъ, то на какія средства? 7) Въ какое время производятся въ школѣ экзамены? Всѣ-ли учащіеся старшаго отдѣленія являются на экзамены? 8) Чѣмъ занимаются окончившіе курсъ школы (какой процентъ остается въ деревнѣ, по какимъ причинамъ уходятъ изъ деревни)? 9) Какъ относились взрослые жители деревни къ чтеніямъ съ туманными картинами, если таковыя устраивались? Какія чтенія больше нравились? 10) Существуетъ-ли при школѣ народная библіотека, какъ относятся къ ней крестьяне? Какія книги больше читаются? Кромѣ того, въ этомъ-же собраніи обсуждался вопросъ объ устройствѣ въ Лугѣ, Петергофскомъ уѣздѣ и С.-Петербургѣ общежитій для дочерей учащихъ, обучающихся въ этихъ пунктахъ. («Нов.»).

Всеобщее первоначальное обученіе. Въ нынѣшнемъ году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губ. можно будетъ признать идею всеобщаго начальнаго образованія осуществленною. Такъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ будутъ открыты 33 новыя школы съ райономъ, не превышающимъ трехъ верстъ, которыя и заполнятъ собою школьную сѣть, удовлетворяющую цѣлямъ всеобшаго обученія. Клинское земство открываетъ послѣднія 16 школъ, которыя стояли на очереди для окончанія школьной сѣти съ трехверстнымъ радіусомъ. Въ Московскомъ у. будутъ открыты 10 новыхъ земскихъ школъ; хотя число это и невелико, но оно почти приблизитъ общее число школъ къ намѣченной нормѣ для осуществленія всеобщаго обученія. Точно такъ же рѣшено открыть новыя школы Звенигородскимъ, Коломенскимъ и другими земскими собраніями, хотя съ открытіемъ этихъ школъ нормальная сѣть еще и не будетъ заполнена, но это уже будутъ почти послѣдніе шаги земствъ въ этомъ направленіи («Нов.»).

Отмѣна земскаго постановленія по расходу на народное образованіе. Харьковское губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило асигнованіе Харьковскимъ губернскимъ земствомъ 200 тыс. руб. на дѣло начальнаго народнаго образованія въ Харьковской губерніи. Рѣшенія земства были опротестованы харьковскимъ губернаторомъ. Опротестованы слѣдующіе пункты постановленія послѣдняго очереднаго Харьковскаго губернскаго земскаго собранія: 1-й—утвердить проектъ правилъ о расходованіи средствъ губернскаго сбора, ассигнуемыхъ на народное образованіе въ размѣрѣ 200.000 р.; 3-й—признать ассигнуемую ежегодную сумму 200.000 р. спеціальнымъ капиталомъ, который можетъ быть расходуемъ только на нужды народнаго образованія; 4-й—капиталъ этотъ распредѣлить между уѣздами на тѣхъ основаніяхъ, какъ и губернскій земскій сборъ на дорожныя сооруженія и 5-й—суммы, не израсходованныя въ теченіе одного смѣтнаго года, оставлять на лицевомъ счету уѣздовъ и расходовать по мѣрѣ надобности и на тотъ-же предметъ. На разрѣшеніе Харьковскаго Губернскаго Присутствія предсѣдателемъ его были поставлены слѣдующіе вопросы: 1-й—утвержденный земскимъ собраніемъ проектъ правилъ расходованія средствъ губернскаго сбора, ассигнованныхъ на народное образованіе въ размѣрѣ 200.000 руб., нарушаетъ-ли интересы мѣстнаго населенія и 2-й—въ общей сложности 1, 3, 4 и 5 п. п. ст. 20-й постановленія 12-го декабря 1898 года, не разграничивъ сферу дѣятельности уѣздныхъ и губернскихъ земствъ и установивъ лишь новую смѣшанную повинность, расходованіе коей лежитъ всецѣло на уѣздныхъ земствахъ, нарушаютъ-ли ст. 3-ю пол. о зем. учр. Присутствіе отвѣтило утвердительно (по первому вопросу противъ трехъ голосовъ: губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы и члена отъ губернскаго земскаго собранія, и по второму вопросу противъ двухъ голосовъ: предсѣдателя губернской земской управы и члена отъ губернскаго собранія) и опредѣлило: пункты 1, 3, 4 и 5 ст. 20-й постановленія губернскаго земскаго собранія 12-го декабря 1898 года, касательно порядка расходованія и распредѣленія ежегодно ассигнуемыхъ, по постановленію губернскаго собранія 1897 года, сборовъ на народное образованіе,—отмѣнить. Вопросъ объ этомъ протестѣ будетъ внесенъ въ ближайшее Харьковское земское собраніе («Р. Вѣд.»).



Школьный фондъ въ Херсонской губ. Увеличенію народныхъ школъ Херсонской губерніи препятствуетъ отсутствіе подходящихъ помѣщеній въ селахъ и деревняхъ. Нѣкоторыя уѣздныя земства выдаютъ субсидіи сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій въ размѣрѣ 50% ихъ стоимости. Но несмотря на эту существенную помощь земства у крестьянъ зачастую не хватаетъ средствъ приступить къ постройкѣ школы. Въ виду этого Херсонское губернское земское собраніе послѣдней очередной сессіи рѣшило организовать губернскій школьный фондъ для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ, уѣзднымъ земствамъ, а также частнымъ лицамъ на постройку школьныхъ зданій. На первый годъ ассигновано на это дѣло 25.000 руб., вмѣстѣ же съ остаткомъ отъ прежняго ассигнованія—33.850 р. Эта сумма оказалась на первыхъ же порахъ недостаточной. Лишь изъ трехъ уѣздовъ поступило заявленій на 50.000 руб., такъ что на рубль причитается по 67,7 коп. Вслѣдствіе этого предполагается увеличить школьный фондъ и вносить по 50 тыс. р. въ теченіе десяти лѣтъ («Од. Лист.).

Новыя общества въ Астрахани. Въ Астрахани нарождаются одновременно два новыхъ общества: Общество вспомоществованія нуждающимся ученикамъ реальнаго училища и Общество содѣйствія физическому развитію. Уставы новыхъ обществъ уже утверждены подлежащей властью, причемъ, согласно этихъ уставовъ, первое организуется для оказанія всякаго рода матеріальной помощи ученикамъ астраханскаго реальнаго училища. а также и окончившимъ въ немъ курсъ и поступившимъ для продолженія образованія въ высшія учебныя заведенія. Второе имѣетъ своей цѣлью содѣйствовать физическому развитію лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ гор. Астрахани. Обществу предоставляется право устраивать занятія и развлеченія, соотвѣтствующія его цѣлямъ, какъ-то: игры на открытомъ воздухѣ, упражненія въ греблѣ, плаваніи, конькобѣжствѣ, въ верховой и велосипедной ѣздѣ, въ фехтованіи, стрѣльбѣ въ цѣль и всякаго рода гимнастическія упражненія. Общество будетъ также заботиться о популяризаціи идеи физическаго развитія устройствомъ публичныхъ лекцій, библіотеки и музея пособій, относящихся къ задачамъ Общества («Н. Вр.»).

Костромское братство. Напечатанъ отчетъ Костромскаго Александровскаго братства, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствамъ, за 1898 г. Братство, имѣющее 533 члена, въ отчетномъ году содержало по попечительствомъ: Ипатьевскому—въ Богословской слободѣ (совмѣстно съ земствомъ) училище на 140 дѣтей обоего пола; въ дер. Стрѣльниковѣ училище съ 53 мальчиками и 28 дѣвочками, а при обоихъ заведеніяхъ библіотеки въ 1038 томовъ книгъ, и устраивало чтенія съ туманными картинами; учебныя мастерскія, женскую рукодѣльню на 39 дѣвочекъ; амбулаторную лечебницу, въ которой пользовались безплатно 3033 чел. и ночлежный пріютъ, для бѣдныхъ учениковъ; по Запруднинскому: женскую рукодѣльную школу на 35 ученицъ; по Макарьевскому — также рукодѣльную школу; по Домникскому—сельское училище на 46 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ и кузнечно-слесарную мастерскую на 10 чел.; наконецъ, по Хрипелевскому—училище и пріютъ на 41 мальчика и 18 дѣвочекъ и учебную сельскохозяйственную ферму. Средства братства составляли: къ 1898 г.—165.744 р. 37 к., въ теченіе года поступило—26.158 р. 94 к., израсходовано на всѣ перечисленныя заведенія 18 789 р. 40 к.. такъ что къ 1899 г братство

располагало капиталомъ въ 173.113 р. 91 к., да недвижимымъ имуществомъ слишкомъ въ 50.000 р., несмотря на то, что въ теченіе 19 лѣтняго существованія братства оно израсходовало 119,503 р. 65 к. («Нов.»).

Въ память дѣятелей по народному образованію. Вслѣдствіи ходатайства петербургской городской коммиссіи по народному образованію, рѣшено присвоить 13-ти вновь открытымъ городскимъ начальнымъ училищамъ особыя наименованія, а именно: 10 училищамъ — наименованія «въ память К. Д. Ушинскаго» по случаю 25-лѣтія со дня кончины этого педагога, одному училищу наименованіе «въ память К. К. Грота» и двумъ училищамъ—«въ память Н. А. Варгунина» («Н. Вр.»).

Школа имени Я. П. Полонскаго. А. Я. Полонскій обратился въ петербургскую городскую думу съ предложеніемъ принять въ вѣдѣніе города принадлежащую ему безплатную школу для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ, съ тѣмъ, чтобы школѣ этой было присвоено наименованіе «школы имени Якова Петровича Полонскаго». Такъ какъ управа предполагаетъ почтить память скончавшагося поэта открытіемъ двухъ городскихъ начальныхъ училищъ его имени и учрежденіемъ двухъ стипендій его имени въ Петербургскомъ университетѣ и по одной въ мужской и женской гимназіяхъ, то предлагаетъ думѣ ходатайство А. Я Полонскаго отклонить, тѣмъ болѣе, что его школа не подходитъ къ типу городскихъ начальныхъ училищъ («Нов. Вр.»).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки въ самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.